СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXI, № 7.

ПОВѢСТИ
О
МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

С. ШАМБИНАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
40*
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Апрѣль 1906 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Я прослѣдилъ, по мѣрѣ возможности, литературную исторію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Отъ сухого изложенія *Лѣтописной Повѣсти*, передававшей событіе по установленнымъ формуламъ, скудной содержаніемъ (голые и неполные исторические факты), сюжетъ попадаетъ въ лирическую обработку, исполненную по образцу лучшаго поэтическаго памятника Руси. *Повѣданіе* на первый планъ ставитъ поэтическое изложеніе, а не историческій разсказъ, и тѣмъ не менѣе вводитъ новую историческую подробность — указаніе на 2 момента боя. Но ни тотъ, ни другой памятникъ, въ силу своей односторонности, не удовлетворили запросовъ читателей: является на смѣну — *Сказаніе*, умѣло воспользовавшееся съ одной стороны — матеріаломъ Лѣтописной Повѣсти, развивая на основаніи преданій то, о чемъ послѣдняя говорила глухо, съ другой — постепенно вводя въ бо́льшее обращеніе поэтическій матеріалъ Повѣданія. Измѣняясь съ теченіемъ времени, редакціи Сказанія вводили въ изложеніе все новый и новый запасъ накоплявшихся преданій о Куликовской битвѣ, почти никогда не провѣряя ихъ критически. Сказаніе разросталось въ объемѣ, переходя изъ лѣтописнаго изложенія въ историческій романъ. Рядъ удачныхъ нововведеній — украшеніе повѣствованія обильными вставками изъ Повѣданія, подстановка имени Ольгерда вм. Ягайла — обезпечили памятнику широкое распространеніе, и Сказаніе въ XVI и XVII вѣкахъ вытѣснило всѣ прежнія обработки этого сюжета. Въ послѣдовательномъ развитіи редакціи Сказанія отражали на себѣ

всю перемѣну въ общественномъ и политическомъ міровоззрѣніи: отъ прославленія единичныхъ духовныхъ правителей (Кипріановская тенденція), Сказаніе постепенно проводило или провиденціально-поучительную точку зрѣнія, или идею преемственнаго перехода московской государственной власти изъ Византіи, или отражало на себѣ боярское холопство XVII вѣка.

Повѣсти жили очень долгое время — съ XV до половины XIX вѣка. Списки ихъ и теперь встрѣчаются на громадномъ пространствѣ: нѣтъ книгохранилища безъ того, чтобы тамъ не находилась та или иная повѣсть. Рукописи въ большомъ количествѣ изготовлялись на продажу, иллюстрировались, читались, очевидно, всѣми классами общества, внимательно относившимися къ изложенію (появленіе интерполяцій). Отражая на себѣ перемѣны въ общественной и политической жизни (редакціи XVI вѣка), повѣсти становились произведеніемъ вполнѣ современнымъ, и это обстоятельство еще болѣе расширяло кругъ ихъ читателей. Передѣлки позднѣйшей (четвертой) редакціи Сказанія показываютъ, какъ изощрялись редакторы, стараясь придать все бо́льшую и бо́льшую новизну содержанію. Популярность повѣстей вынесла ихъ изъ предѣловъ московскаго государства, явились западно-русскія обработки, южно-русскія (Синопсисъ): Сказаніе становится произведеніемъ обще-русскимъ.

Вводя въ содержаніе матеріалъ, представляемый устными преданіями, повѣсти пользуются кромѣ того всѣмъ запасомъ тогдашней письменности: редакторы цитируютъ различныя книги священнаго писанія, знакомы со множествомъ житій святыхъ, мимо нихъ не проходитъ ни одинъ крупный литературный памятникъ (напр. Александрія, Повѣсть о взятіи Цареграда и пр.).

Въ свою очередь повѣстями пользовались и другія выдающіяся литературныя произведенія того времени. Постоянно цитируетъ Сказаніе «Исторія о Казанскомъ царствѣ» (сама, можетъ быть, повліявшая на его послѣдующія обработки): «и толикъ бысть плачъ... яко же отъ Мамая на Дону побитыхъ»;... «нынѣ вжалаемъ быти небесныи граждане, якоже

иногда бысть Богомъ данная побѣда прародителю нашему великому князю Дмитрею Ивановичю за Дономъ, безбожнаго Мамая одолѣ»; ...«яко дарова Богъ ему сыну в прародителя его мѣсто, великаго князя Дмитрея Ивановича, иже показа великую побѣду и одолѣнія на безбожнаго Мамая за Дономъ»... и т. д.

Со Сказаніемъ знакомо и написанное въ 1606 году «Иное Сказаніе»: въ описаніи битвы съ Самозванцемъ подъ Сѣверскимъ градомъ, приведя формулу боя, авторъ заявляетъ: «И брань зѣло страшна бысть, яко же и на Дону у великого князя Дмитрея съ Мамаемъ, *ужаса и страха полна та бѣяше борьба*», — вотъ какое впечатлѣніе оставляло Сказаніе.

Ни одинъ историкъ литературы не можетъ обойти повѣстей безъ вниманія. На нихъ отразилась вся эволюція древней русской литературы. Онѣ останавливаютъ изслѣдователя и со стороны стилистической: риторическія украшенія отражаютъ въ себѣ всю смѣну литературныхъ направленій и школъ, вставки изъ Повѣданія, изъ устной народной поэзіи знакомятъ съ эстетическимъ развитіемъ редакторовъ; знаменія, видѣнія, прорицанія, примѣты — вводятъ въ кругъ наивныхъ христіанскихъ вѣрованій и двоевѣрныхъ представленій. Развитіе діалоговъ, ненужная многословность позднѣйшихъ обработокъ указываютъ на паденіе литературнаго изложенія, или на переходъ его въ иныя формы (позднѣйшія обработки появляются незадолго до южно-русскаго, а потомъ и западнаго вліянія на литературу).

Значеніе и достоинство повѣстей было вполнѣ оцѣнено современниками: Лѣтописная Повѣсть — постоянна въ лѣтописяхъ XV—XVI вѣка, первая редакція Сказанія попала въ Никоновскій сводъ, передѣлка четвертой — въ Синопсисъ. Памятникъ былъ интересный и понятный: трудно усвояемое Повѣданіе не вошло въ лѣтописные своды.

Заслуживаютъ вниманія повѣсти и какъ историческій источникъ: сухая Лѣтописная Повѣсть давала канву разсказа, Сказанія сообщали рядъ свѣдѣній, которыхъ нельзя игнорировать историку. Послѣдній долженъ разобраться во всѣхъ извѣстіяхъ

и толкахъ, вошедшихъ въ повѣствованіе въ видѣ преданій. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія указанія на 2 момента боя, на роль засаднаго полка, на распредѣленіе воеводъ на полѣ битвы, на случай съ великимъ княземъ; упоминаемые въ повѣстяхъ князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе, существованіе которыхъ даже оспаривалось нѣкоторыми историками, восходятъ къ концу XIV — началу XV вѣка. Со стороны быта, наконецъ, повѣсти даютъ богатый и еще неиспользованный матеріалъ.

Моя работа, конечно, сказала далеко не все объ исторіи этого памятника. Я знаю, какіе вопросы у меня или мало, или вовсе незатронуты; но окончательный разборъ всѣхъ списковъ (они очень разнообразны, какъ я укажу) въ сущности долженъ привести къ широкому изслѣдованію, посвященному вообще исторіи русской литературы, такъ какъ послѣдняя, для древняго періода, сводится къ исторіи постепенной смѣны редакцій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Обзоръ литературы . . . . . 1—47
Взглядъ Щербатова, Стриттера, Карамзина, м. Евгенія, Арцибашева. — Свидѣтельство Калайдовича объ открытіи Тимковскимъ особой повѣсти. — Лекціи Давыдова. — Строевъ. — Историко-литературное изученіе повѣстей: работы Снегирева, Дубенскаго. — Находка Повѣданія. — Изданіе Бѣляева. — С. М. Соловьевъ. — Работа Назарова. — Изданіе Кирилло-Бѣлозерскаго списка. — Работа Срезневскаго по Повѣданію. — Преосв. Филаретъ. — Шевыревъ и его точка зрѣнія. — Милюковъ. — Буслаевъ и его послѣдователи. — Полевой. — Редакція повѣсти въ Хронографѣ. — Бестужевъ-Рюминъ. — Работы Смирнова, Хрущова и Ровинскаго. — Лекціи О. Миллера. — Д. Иловайскій. — Изслѣдованіе Тимофѣева. — Е. Барсовъ. — Изданіе третьяго списка Повѣданія. — А. А. Шахматовъ и его взглядъ на Лѣтописную повѣсть. — Х. Лопаревъ. — Выводы.

Глава II. Лѣтописная Повѣсть . . . . . 48—83
Два основныхъ типа. — Списки, содержащіе повѣсть краткаго типа. — Списки, содержащіе повѣсть распространеннаго типа. — Характеристика послѣдняго. — Первоначальный видъ повѣсти. — Сравненіе ея съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ 2 редакціи. — Вліяніе Синодиковъ. — Повѣсть въ Софійскомъ и Воскресенскомъ сводахъ. — Время составленія и литературная исторія повѣсти. — Схема повѣсти. — Сокращенія ея.

Глава III. Повѣданіе, писаніе Софоніи . . . . . 84—134
Вопросъ о названіи. — Списки Повѣданія. — Ихъ характеристика и разборъ отношенія къ протографу. — Характеристика отрывковъ изъ Повѣданія. — Дѣленіе ихъ на группы и отношеніе ихъ къ основному тексту. — Предполагаемый основной текстъ. — Отношеніе плана Повѣданія къ плану Слова о полку Игоревѣ. — Причина появленія Повѣданія. — Имя автора. — Время возникновенія. — Выводы.

Глава IV. Сказаніе первой редакціи . . . . . 135—185
Вопросъ о названіи. — Характеристика списковъ. — Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти. — Повѣсти лѣтописей Дубровскаго и Архивской Ростовской. — Характеристика вставныхъ эпизодовъ. — Тенденціозность. — Работа редактора Никоновскаго свода. — Отношеніе Сказанія къ повѣсти о Темиръ-Аксакѣ. — Время составленія и литературная исторія 1 редакціи.

Глава V. Сказаніе второй редакціи . . . . . 186—220
Характеристика списковъ. — Сокращенія и измѣненія противъ 1 редакціи. — Въ чемъ выразилась редакторская работа. — Отсутствіе тенденціи 1 редакціи. — Характеристика дополненій. — Повѣсть о приходѣ Ольгердовичей. — Заимствованія изъ Повѣданія. — Время возникновенія и литературная исторія 2 редакціи.

Глава VI. Сказаніе третьей редакціи . . . . . 221—312
Характеристика списковъ. — Главныя особенности 3 редакціи. — Характеристика основныхъ списковъ Т и У. — Дѣленіе списковъ на группы. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка У. — Характеристика группъ, зависящихъ отъ списка Т и дѣленіе ихъ. — Общая характеристика 3 редакціи. — Особенности ея списковъ. — Источники 3 редакціи.

Глава VII. Сказаніе четвертой редакціи . . . . . 313—349
Характеристика списковъ и дѣленіе ихъ на группы. — Отличительныя вставки 4 редакціи. — Дѣленіе ея на главы. — Паденіе поэтической традиціи. — Особенность 1 группы. — Особенность 2 группы списковъ и ея отношеніе къ основному тексту. — Сокращенные списки. — Общая характеристика 4 редакціи. — Время возникновенія.

Глава VIII. Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей . . . . 350—375
Дѣленіе передѣлокъ на группы. — Повѣсть Архангелогородскаго лѣтописца. — Повѣсть Степенной Книги. — Сокращеніе 1 редакціи. — Западно-русская обработка. — Повѣсть помѣщенная въ Синопсисѣ. — Вліяніе Синопсиса на позднѣйшія повѣсти.

Тексты Сказанія.
II-я редакція . . . . . 3— 37
III-я редакція . . . . . 38— 73
IV-я редакція . . . . . 74—128
Передѣлка IV-й редакціи . . . . . 129—167
Западно-русская обработка . . . . . 168—190

ПОВѢСТИ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы.

Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ стали предметомъ историко-литературнаго изученія только съ начала XIX в., хотя историкамъ XVIII в. онѣ были извѣстны. У послѣднихъ, какъ говоритъ акад. А. Пыпинъ (Исторія русской этнографіи, I, 26), уже являлась мысль съ извѣстною точностью выяснить связь и значеніе фактовъ русской исторіи, дать истолкованіе старымъ сказаніямъ, которыя только механически повторялись древними книжниками. «Многое изъ исторической старины, забытое въ московской книжности, являлось вновь на свѣтъ, какъ настоящее открытіе».

Кн. Щербатовъ въ своей Исторіи [1]), въ повѣствованіи о Куликовской битвѣ, слѣдовалъ разсказу, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ. Изложеніе историка заключалось въ передачѣ текста съ долей критическаго къ нему отношенія. Скептицизмъ кн. Щербатова, правда, не пошелъ далѣе отрицанія нѣкоторыхъ частностей, нарушавшихъ, по его мнѣнію, естественный ходъ событій. Такъ имъ выдѣлены въ примѣчанія—

1) Кн. Щербатовъ. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1781. Т. IV.

эпизодъ съ примѣтами Дм. Волынца и разсказы о видѣніяхъ разныхъ лицъ во время битвы, какъ невѣроятныя событія. Возбуждали въ немъ сомнѣніе имена нѣкоторыхъ князей изъ числа пришедшихъ Дмитрію Донскому на помощь, также численность войска (которую онъ считалъ въ 200, а не въ 400 тысячъ), наконецъ—ему казался неправдоподобнымъ разсказъ о томъ, какъ Дм. Волынецъ выжидалъ попутнаго вѣтра, чтобы броситься на враговъ изъ засады (по мнѣнію историка, здѣсь была просто уловка хитраго предводителя, ожидавшаго удобнѣйшаго момента боя). Вотъ все, что сдѣлалъ кн. Щербатовъ относительно критики текста. Пускаясь въ длинныя объясненія каждаго собственнаго имени, встрѣчающагося въ разсказѣ, историкъ доказалъ этимъ крайне довѣрчивое отношеніе къ имѣвшемуся у него сводному тексту повѣсти.

Кн. Щербатову слѣдовалъ во взглядахъ Ив. Стриттеръ [1]). Главной заслугой его слѣдуетъ признать то, что еще задолго до Тимковскаго онъ ввелъ въ обращеніе рукописный источникъ повѣствованія о походѣ Дмитрія на Мамая. По его собственнымъ словамъ, онъ «употребилъ, кромѣ приводимыхъ донынѣ лѣтописей, рукописное описаніе сего похода на россійскомъ языкѣ неизвѣстнаго сочинителя, которое въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ подъ № 6 находится, и съ которымъ повѣствованія Кіевскаго Синопсиса во многомъ весьма согласуются». (Прим. на стр. 434). Въ число «извѣстныхъ» лѣтописей входятъ Ростовская и Типографская. Далѣе пересказа содержанія авторъ не пошелъ; важно только то, что въ изложеніи Стриттеръ, главнымъ образомъ, держался текста архивскаго списка, того самаго, который позже былъ принятъ Снегиревымъ въ число варіантовъ къ изданному имъ «Повѣданію» по списку Тимковскаго.

Вотъ все, что представляетъ XVIII в. по данному вопросу. Въ XIX-мъ уже выступаютъ изслѣдователи, подготовленные

---

1) Ив. Стриттеръ. Исторія россійскаго государства. Спб. 1801. Т. II.

школой Шлецера. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, школа эта была склонна къ преувеличенію: изслѣдователи строили свой критическій анализъ на скептицизмѣ, а не на точномъ изученіи текстовъ.

Этотъ скептицизмъ особенно ярокъ въ главнѣйшемъ представителѣ Шлецеровой школы — Карамзинѣ, который въ своей Исторіи касается и критики текста повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ [1]).

Историкъ дѣлитъ описаніе битвы съ Мамаемъ на двѣ редакціи, которыя лучше бы назвать категоріями: 1) носитъ дѣйствительно историческій характеръ и находится въ Ростовской и другихъ сходныхъ съ ней лѣтописяхъ, 2) — болѣе пространная повѣсть, помѣщена въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, эта — исключительно баснословна. Первую Карамзинъ положилъ въ основу своего историческаго повѣствованія, о второй же упоминалъ и приводилъ выдержки только «для любопытнаго читателя». Основываясь на одномъ знакомомъ ему спискѣ повѣсти библіотеки гр. Толстого, Карамзинъ считалъ вторую редакцію составленной рязанскимъ іереемъ Софроніемъ въ исходѣ XV вѣка. Что этотъ редакторъ или составитель не былъ современникомъ описываемому имъ событію, доказательствомъ, по мнѣнію Карамзина, служатъ многочисленные анахронизмы и несообразности въ изложеніи. Во время побоища, напримѣръ, Кипріанъ еще не былъ митрополитомъ; образъ Богоматери, писанный Лукой, привезенъ въ Москву при сынѣ Дмитрія Донского; бѣлозерскихъ князей на самомъ дѣлѣ было два, а не восемь; имена остальныхъ князей — участниковъ битвы или перебиты или вымышлены; Евдокія, говоритъ повѣсть, пошла въ теремъ со снохою, но въ 1380 г. послѣдней еще не было; 28 августа названо субботой, но въ тотъ годъ оно приходилось во вторникъ и пр. (Послѣднее замѣчаніе еще ранѣе Карамзина сдѣлалъ Стриттеръ, см. прим. на стр. 450 II тома).

1) Примѣчанія къ V т. Исторіи Государства Россійскаго, 65, 71—76, 79—81, 85.

Кромѣ Толстовскаго Карамзину были извѣстны еще два списка второй «редакціи», какъ онъ называлъ «сказочной», именно Синодальной библіотеки №№ 365 и 529. Несомнѣнно, историкъ читалъ ихъ, даже отмѣтилъ, что списки второй категоріи несогласны между собою; но далѣе вышеприведенныхъ заключеній онъ не пошелъ. Горячій поклонникъ Шлецера, Карамзинъ проникся его скептицизмомъ и оказался далеко не безпристрастнымъ литературнымъ критикомъ. Отвергая вполнѣ всѣ свидѣтельства пространной повѣсти, онъ слишкомъ довѣрился лѣтописной. Судя по выдержкамъ изъ лѣтописной повѣсти, приведеннымъ въ примѣчаніяхъ, утерянная Ростовская лѣтопись, въ той части, гдѣ она говоритъ о Куликовской битвѣ, принадлежала къ разряду такихъ, какъ Софійская I, Воскресенская, а разсказъ послѣднихъ о побоищѣ отнюдь не можетъ быть названъ дѣйствительно историческимъ повѣствованіемъ.

Взглядъ Карамзина на повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ долгое время былъ авторитетнымъ для большинства историковъ. Митрополитъ Евгеній, дойдя въ своемъ Словарѣ [1]) до имени Софронія, писалъ: «Софроній, священникъ рязанскій XV вѣка, сочинилъ Исторію или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны. Повѣсть сія внесена въ Никоновскую лѣтопись, а особый списокъ есть въ Патріаршей библіотекѣ». Вотъ все, что сказано имъ о Софроніи и вообще о повѣсти. Неизвѣстно, на какой списокъ намекалъ митрополитъ Евгеній, такъ какъ въ Патріаршей библіотекѣ — не одинъ. Нетрудно видѣть, что вышеприведенное извѣстіе цѣликомъ основано на Карамзинѣ, а не на собственномъ изысканіи.

Совершенно то же повторилъ Арцыбашевъ [2]). Въ главѣ «Просвѣщеніе» авторъ говоритъ, что Побоище великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ сочинено рязанцемъ іереемъ Софроніемъ. Авторство послѣдняго Арцыбашевъ вмѣстѣ

1) М. Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Спб. 1827. Т. II.

2) Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. М. 1838.

съ Карамзинымъ основываетъ на свидѣтельствѣ все той же рукописи гр. Толстого.

Толчкомъ къ болѣе детальному изученію повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ послужилъ вопросъ о подлинности Слова о полку Игоревѣ, сдѣлавшійся особенно острымъ въ концѣ первой четверти XIX вѣка, — скептицизмъ шелъ изъ той же школы. Какъ извѣстно, нѣкоторыя выраженія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ чрезвычайно близко напоминаютъ подобныя въ Словѣ. Съ этихъ поръ повѣсти, вѣрнѣе, одинъ видъ ихъ, получившій у изслѣдователей названіе «Повѣданія», являются неразлучными спутниками послѣдующихъ работъ по Слову о полку Игоревѣ. Съ этихъ поръ «Повѣданіе» становится предметомъ изученія, и если это изученіе далеко не было обстоятельнымъ, то причина заключалась въ томъ, что главное вниманіе изслѣдователей все-таки лежало на Словѣ.

Но какъ бы то ни было, интересъ къ повѣстямъ пробудился настолько, что о нихъ стали говорить какъ о какомъ то новомъ, дотолѣ неизвѣстномъ памятникѣ литературы.

Въ 1818 году Калайдовичъ писалъ [1]): «Скоро появится новый пѣвецъ побѣды Дмитрія Донского надъ Мамаемъ, который силою выраженій, красотою слога и близкимъ сходствомъ съ пѣснію Игоревою открываетъ въ себѣ совершеннаго подражателя оной». Желая обратить вниманіе общества на литературныя достоинства памятника, прославлявшаго Куликовскую битву, Калайдовичъ, нѣсколько позже — въ 1820 году, повторилъ то же, но полнѣе, въ другой своей статьѣ [2]). Перечисляя работы покойнаго Романа Ѳсодоровича Тимковскаго, Калайдовичъ останавливается на одной, неоконченной, состоявшей въ примѣчаніяхъ на «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича Донского». Это «драгоцѣнное» сочиненіе, какъ

1) Опытъ рѣшенія вопроса, на какомъ языкѣ написана Пѣснь о полку Игоря. (Труды О-ва Люб. Р. Слов. 1818, XI).

2) О трудахъ проф. Тимковскаго по русской исторіи. *Вѣстникъ Европы*, 1820, VI.

увѣряетъ авторъ, было *найдено* Тимковскимъ въ рукописи XVII вѣка, но не въ томъ видѣ, который предлагается какъ историческое повѣствованіе въ лѣтописяхъ. Оно «нѣсколько согласно съ другимъ сочиненіемъ, извѣстнымъ по рукописямъ, и написано въ піитической прозѣ. Нѣкоторыя мѣста сей героической пѣсни имѣютъ сходство со Словомъ о полку Игоря, изъ коего, повидимому, оныя заимствованы. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ піитическаго восторга, обращается къ Бояну, соловью древняго времени, ожидая отъ него вдохновенія: пѣвецъ же Дмитріевъ призываетъ нѣкоего Урана [1]) для одушевленія предмета, имъ воспѣваемаго. Первый воспѣваетъ Курчанъ опытными кметями (наѣздниками), повитыми подъ звукомъ трубъ, взлелѣянными подъ шлемами, вскормленными концами копій; вторый также описываетъ московское воинство. Въ пѣсни Игоревой Всеславъ представленъ необыкновеннымъ человѣкомъ, въ повѣсти о побѣдѣ Дмитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ, предпріимчивымъ волхвомъ Дмитрій Волынецъ. Наконецъ, вмѣсто супруги Игоря у пѣвца Дмитріева описана Евдокія, жена великаго князя, сидящая въ своемъ златоверхомъ теремѣ, надъ рѣкою Москвою, пригорюнившись, въ сѣтованіи о разлукѣ съ ея любезнымъ Дмитріемъ. И самыя слова, изъ пѣсни Игоревой взятыя: харалужный, стягъ, галица и другія, въ послѣдней нерѣдко встрѣчаются».

За Калайдовичемъ остается заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе изслѣдователей на повѣсть, какъ на литературное произведеніе. Но относительно «открытія» Тимковскимъ новаго памятника Калайдовичъ нѣсколько увлекся. Случившееся незадолго до того открытіе Слова о полку Игоревѣ несомнѣнно заставило Калайдовича усмотрѣть въ бумагахъ Тимковскаго еще новую находку. Между тѣмъ изъ предыдущаго изложенія видно,

1) Этотъ «Уранъ» (Сія повѣдай, Ураномъ ..., по изд. Снегирева) дожилъ до самаго поздняго времени, хотя представляетъ несомнѣнную ошибку въ чтеніи рукописи; слѣдовало читать—«брань», и текстъ читался такъ: «Сія побѣда и брань» ...

что то же самое произведеніе, только по другимъ спискамъ, было извѣстно Стриттеру и Карамзину. Должно быть Калайдовичъ не зналъ этого; онъ непосредственно за Тимковскимъ признавалъ заслугу открытія Повѣданія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ Тимковскому [1]): «Въ одной лѣтописи Синодальной библіотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донского съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною, исключая того, что въ первой пропущены многія піитическія мѣста, находящіяся во второй». Это неправда, потому что, во-первыхъ, списки Синодальной библіотеки не лишены мѣстъ поэтическихъ, во-вторыхъ — когда это «найденное» произведеніе было напечатано, а затѣмъ повторено въ рядѣ изданій, то однимъ изъ варіантовъ для списка Тимковскаго послужила, какъ уже указано, извѣстная Стриттеру Архивская рукопись. Итакъ, для повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ вопроса объ открытіи быть не могло. Въ этомъ случаѣ замѣтки Калайдовича только сбивали съ толку и современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей. Тотъ же Н. П., авторъ статьи въ Сынѣ Отечества, спрашиваетъ въ примѣчаніи: «Слѣдовательно Р. Ѳ. Тимковскому обязаны мы находкою пѣсни о Куликовской битвѣ?».

Но еще прошло много времени, прежде чѣмъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ послужили предметомъ научной работы. Еще въ 1834 г. проф. Давыдовъ [2]) повторялъ карамзинскія заключенія: «Къ роду повѣствованій о Татарахъ, говоритъ онъ, относится и Софроніева повѣсть о Мамаѣ... плачъ Евдокіи обличаетъ въ ней сочинителя іерея»... (стр. 503). Выше онъ называетъ этого іерея рязанцемъ. Кромѣ нѣкоторыхъ отрывковъ, приведенныхъ профессоромъ для ознакомленія со «среднимъ» русскимъ языкомъ, о памятникѣ не сказано ни одного слова.

---

1) См. *Сынъ Отечества*, 1839, VIII, статья Н. П.: Любопытныя замѣчанія къ Слову о полку Игоревомъ.

2) Лекція проф. Давыдова: «Составныя начала и направленіе средней отечественной словесности». Уч. Зап. Моск. Унив. 1834, III.

Благодаря краткой замѣткѣ, сдѣланной въ томъ же году Строевымъ [1]), исторія памятника не только не подвинулась впередъ, но еще болѣе затемнилась. Основываясь на извѣстномъ ему Едомскомъ лѣтописцѣ, авторъ считалъ повѣсть написанной въ половинѣ XVI вѣка священникомъ *Софоніемъ*. Доказательствъ, почему Строевъ считалъ такую хронологическую дату правильной, не приведено; что же касается новаго наименованія автора повѣсти, то эта двойственность: Софроній-Софоній явилась источникомъ долгихъ споровъ и догадокъ о настоящемъ имени составителя.

Первый, кто подвергъ повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ болѣе или менѣе детальному изученію, былъ И. Снегиревъ. Выводы свои онъ изложилъ въ предисловіи, написанномъ къ изданію «Повѣданія и сказанія о побоищѣ в. к. Дмитрія Донского, Слова о житіи и преставленіи его и Слова о полку Игоревѣ» [2]). Съ этихъ поръ пространная повѣсть, названная Карамзинымъ баснословной, получаетъ прочно за ней установившееся названіе «Повѣданія», въ отличіе отъ другихъ повѣстей на ту же тему [3]). Этотъ же терминъ будетъ принятъ мною и въ настоящемъ изложеніи [4]).

Снегиревъ сдѣлалъ свое изданіе по пяти извѣстнымъ ему спискамъ: 1) Тимковскаго, 2) Снегирева, 3) Ермолаева, 4) кн. Оболенскаго (Архивскій), 5) Царскаго, лицевой. Всѣ эти списки, различные по подробностямъ, считаются имъ одной редакціи.

---

1) Указаніе матеріаловъ отечественной исторіи. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1834, II.

2) Рус. Ист. Сборникъ III, кн. 1. М. 1838.

3) Содержаніе Повѣданія, по Снегиреву, таково: Вступленіе; приготовленія къ битвѣ; выступленіе и смотръ войска; раскаяніе Олега и Ольгерда; переходъ черезъ Донъ; построеніе войска въ боевой порядокъ; примѣты Дмитрія Волынца; битва; заключеніе. Между этими частями вставлены эпизоды, связанные искусственными переходами.

4) Я оставляю терминъ «Повѣданіе» только въ настоящей главѣ для обозначенія пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, чтобы избѣжать неясностей. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи я предложу замѣнить этотъ терминъ инымъ на основаніи имѣющихъ быть указанными соображеній.

Въ основаніе издателемъ положенъ списокъ Тимковскаго, считаемый имъ древнѣйшимъ, хотя онъ относится къ XVII вѣку. Въ вопросѣ о времени составленія Снегиревъ относилъ первоначальную редакцію Повѣданія къ XV вѣку и предположительно указалъ на двѣ послѣдующія переработки: при митр. Макаріи и во время польскаго лихолѣтья. Основываясь на томъ, что странно отъ рязанца ожидать, чтобы онъ надѣлялъ бранными эпитетами своего же князя Олега, Снегиревъ думалъ, что составитель Повѣданія скорѣе какой-нибудь владимирецъ или ростовецъ. Объ его имени издатель не сказалъ ничего, такъ что вопросъ о Софроніи-Софоніи остался открытымъ.

Конечно, Снегиревъ не оставилъ издаваемаго имъ памятника безъ того, чтобы не сравнить его со Словомъ о полку Игоревѣ. Съ этой цѣлью имъ приложенъ къ изданію текстъ послѣдняго. Изъ сравненія и разбора содержанія Снегиревъ пришелъ къ заключенію, что Повѣданіе проникнуто христіанскимъ духомъ, изобилуетъ вставками, затѣйливо и поэтично, но хуже Слова.

Очень кратко коснулся Снегиревъ Лѣтописной повѣсти. Онъ отдѣлилъ ее отъ Повѣданія, указавъ, что повѣсть, помѣщенная въ Софійскомъ временникѣ, не носитъ слѣдовъ подражанія Слову о полку Игоревѣ.

Итакъ, въ вопросѣ о времени первоначальной редакціи Снегиревъ слѣдуетъ Карамзину. Новой и оригинальной въ предисловіи слѣдуетъ признать мысль автора, хотя высказанную бездоказательно, о возможности послѣдовательныхъ переработокъ текста Повѣданія. Авторъ насчитывалъ три редакціи: XV вѣка, затѣмъ — при Макаріи, наконецъ — начала XVII вѣка. Къ сожалѣнію, никто изъ изслѣдователей не занялся провѣркой или доказательствомъ справедливости этого предположенія.

Продолжателемъ работы Снегирева по сличенію Повѣданія со Словомъ о полку Игоревѣ явился Дубенскій въ своей работѣ, посвященной послѣднему [1]). Для доказательства извѣстности

1) Д. Дубенскій. Слово о полку Игоревѣ. Русскія достопамятности, ч. III. М. 1844.

Слова въ средніе вѣка, Дубенскій выписалъ сходныя мѣста изъ памятниковъ. Такъ какъ интересъ изслѣдователя лежалъ на Словѣ, то послѣднее, по его мнѣнію, неизмѣримо выше. Планъ, ходъ, выраженія Повѣданія только тогда и становятся понятны, когда прочитаешь Слово, которому рабски подчинялся составитель перваго. Въ Повѣданіи — языкъ средній, представляющій смѣсь книжныхъ формъ съ простонародными. Оно — произведеніе упадка, раболѣпное, притомъ дѣтское подражаніе Слову. (Въ послѣднемъ случаѣ Дубенскій дѣлаетъ ссылку на Снегирева). Слово поражаетъ и увлекаетъ, такъ что никакой мысли не можетъ быть о возможности заимствованія Словомъ чего-либо изъ Повѣданія, наоборотъ — авторъ Повѣданія говоритъ о многомъ только потому, что объ этомъ говорилъ авторъ Слова.

Вмѣстѣ съ Карамзинымъ Дубенскій авторомъ Повѣданія считалъ Софронія рязанца. Времени составленія не указалъ, но древнѣйшимъ спискомъ, опять вмѣстѣ съ Карамзинымъ и опять безъ всякихъ доказательствъ, считалъ списокъ Синодальной библіотеки № 365.

Можетъ быть изученіе Повѣданія не пошло бы дальше сравненій его со Словомъ, если бы не явилась дѣйствительно одна литературная находка, заставившая изслѣдователей обратить большее вниманіе на заброшенный памятникъ и осложнившая вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ его литературной исторіи. Годъ спустя по выходѣ изслѣдованія кн. Вяземскаго, 17-го іюля 1852 г., редакторъ Временника, въ которомъ оно было напечатано, И. Д. Бѣляевъ писалъ А. Н. Попову: «Вуколъ Михайловичъ Ундольскій недавно купилъ груду рукописныхъ книгъ. Я, по обычаю, пошелъ къ нему пересматривать покупку; онъ, между прочимъ, подаетъ мнѣ одинъ рукописный сборникъ и говоритъ, что здѣсь есть Слово о Мамаевомъ побоищѣ. Читаю Слово, и что же — чудная вещь, Слово — вовсе неизвѣстное, и просто запросто почти цѣликомъ Слово о полку Игоревѣ, подлаженное къ обстоятельствамъ Мамаева побоища. Сборникъ по почерку принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка, слѣдо-

вательно, Слово о полку Игоревѣ было давно извѣстно русскимъ людямъ; мы только несчастные до сихъ поръ не имѣемъ ни одного стараго списка этому Слову. Посылаю вамъ Слово въ корректурномъ листѣ; вѣроятно, и графъ Д. Н. Блудовъ будетъ интересоваться этой находкой, ибо его, кажется, занимаетъ Слово о полку Игоревѣ» [1]).

Такими словами была привѣтствуема находка новаго памятника литературы, имѣвшая на этотъ разъ полное право именоваться открытіемъ. О томъ же Бѣляевъ писалъ и Погодину: «Жаль, что я не могу быть у васъ. Впрочемъ, вы и безъ меня разрѣшите вопросъ о новомъ Словѣ на Мамаево побоище, вотъ вамъ корректурный листъ. Здѣсь Слово о полку Игоревѣ не упоминается, но что сочинитель зналъ это Слово, то въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ Софоніевомъ Словѣ можно отыскать сходство съ Словомъ о полку Игоревѣ, а здѣсь цѣликомъ это Слово, только приложено къ Донскому». (Ibid.).

Издать и написать предисловіе къ новооткрытому памятнику взялся И. Бѣляевъ [2]). Кромѣ Слова по списку Ундольскаго авторъ пересмотрѣлъ вопросъ и о старомъ Повѣданіи и пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Донского (т. е. то, что издавалъ Снегиревъ) писано рязанцемъ Софоніемъ, который жилъ, вѣроятно, въ концѣ XIV вѣка и былъ современникомъ событію, а не іереемъ Софроніемъ, жившимъ въ концѣ XV вѣка, какъ утверждали нѣкоторые, основываясь на спискѣ гр. Толстого. Анахронизмы и историческія неправильности,

---

1) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XII. Спб. 1898.

2) И. Бѣляевъ. Предисловіе къ Слову о в. кн. Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его Владимірѣ Андреевичѣ яко побѣдили супостата своего царя Мамая, по сп. Ундольскаго. Временникъ И. М. Об. Ист. и Др. Росс. XIV. М. 1852. Текстъ изданъ до крайности неисправно: пользоваться имъ нѣтъ никакой возможности. Даже оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ореографіи, совершенно непонятно присутствіе многочисленныхъ пропусковъ и невѣрнаго чтенія очень яснаго полуустава: «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вмѣсто «в сем вѣце и в будущем» — напримѣръ.

указанные Карамзинымъ, какъ нарушающіе возможность предположенія о современности автора событію — простое мудрованіе позднѣйшихъ переписчиковъ.

2) Поэтому текстъ Повѣданія очень искаженъ: дошедшіе до насъ списки отличны между собою по многимъ и важнымъ измѣненіямъ, сокращеніямъ, дополненіямъ и по началу. Между тѣмъ они всѣ должны восходить къ одному оригиналу. (Бѣляеву уже было извѣстно большее количество списковъ: 1) Тимковскаго, 2) Снегирева, 3) кн. Оболенскаго, 4) Ундольскаго, 5) его же, 6) Погодина и 7) Ермолаева).

3) Списокъ Повѣданія, принадлежащій Погодину (скоропись XVII), будучи искаженъ не менѣе другихъ, сохранилъ много мѣстъ истинно поэтическихъ, утраченныхъ въ другихъ спискахъ, изъ чего можно заключить, что оригиналъ Софоніева Повѣданія далеко не походилъ на дошедшіе до насъ списки. Подлинникъ, конечно, не былъ искаженъ анахронизмами и историческими неправильностями.

4) Доказательства современности автора событію, однако, не совсѣмъ сгладились въ позднѣйшихъ спискахъ: имена гостей — сурожанъ, взятыхъ въ походъ противъ Мамая, вездѣ одинаковы; точно также и имена боярскихъ и воеводскихъ женъ.

Дальнѣйшія положенія уже касаются новаго памятника: «Слова о Дмитріи», по списку Ундольскаго.

1) Въ Словѣ находятся ясныя указанія на пѣсни Бояна и Слово о полку Игоревѣ, отсюда вытекаетъ необходимое заключеніе, что послѣднее было извѣстно, его изучали, ему подражали.

2) Слово въ спискѣ XVII вѣка упоминаетъ о Софоніи, какъ объ авторѣ, уже писавшемъ о битвѣ съ Мамаемъ. Поэтому Слово сочинено, весьма вѣроятно, въ началѣ XV вѣка, когда Куликовская битва еще сильно занимала умъ русскихъ. Авторъ Слова — неизвѣстенъ.

Таковы выводы, благодаря которымъ за Повѣданіемъ установилось авторство Софонія. Бѣляеву еще не былъ извѣстенъ

Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, который навелъ бы его на другія соображенія. Вообще его выводы страдаютъ слишкомъ общимъ характеромъ и не поддержаны доказательствами. Рѣшеніе вопроса объ имени автора поспѣшно и основано на сомнительной вставкѣ. Почему время составленія Слова отнесено къ началу XV вѣка, а Повѣданія — къ XIV? Затѣмъ — почему Погодинскій списокъ долженъ быть ближе къ оригиналу? Всему этому доказательствъ нѣтъ. Если бы авторъ отнесся повнимательнѣе къ поэтическимъ мѣстамъ, то увидалъ бы тожество ихъ и въ Повѣданіи и въ Словѣ. Наконецъ, заключеніе, что всѣ списки Повѣданія восходятъ къ одному оригиналу, т. е. всѣ — одной редакціи, представляетъ шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ Снегирева, указывавшаго на возможность трехъ послѣдовательныхъ редакціонныхъ обработокъ.

Послѣ Снегирева С. М. Соловьевъ пытался раздѣлить повѣсти на редакціи [1]). Онъ широко взглянулъ на дѣло и коснулся не одного Повѣданія, но всего вообще цикла сказаній о Куликовской битвѣ. По мнѣнію историка, литературная исторія сказаній представляется въ такомъ видѣ: Первоначальное сказаніе, сходное съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ характеромъ, безъ подозрительныхъ подробностей, вошло въ нѣкоторыя лѣтописи, напримѣръ въ Софійскую I.

Такое важное событіе, какъ побѣда надъ татарами, однако должно было породить множество устныхъ подробностей; при переписываніи онѣ вносились въ текстъ и, такимъ образомъ, составилось украшенное пространное сказаніе. Въ такомъ сказаніи эти подробности подозрительны, часто — невѣрны.

Наконецъ, существуетъ третій видъ — Слово о Дмитріи (сп. Ундольскаго), написанное въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ. Предыдущее сказаніе, пространное, знакомо съ этимъ

---

1) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. IV, гл. III, М. 1853 г.

словомъ. Послѣднее заключеніе историка, хотя высказанное осторожно, какъ разъ противорѣчитъ (и достаточно основательно) мнѣнію Бѣляева, считавшаго Повѣданіе по времени составленія ранѣе Слова о Дмитріи.

Что касается имени автора, равно какъ и вопроса о времени составленія, то Соловьевъ не взялся судить объ этомъ: «неизвѣстно, когда составились эти сказанія», говоритъ онъ. Историкъ привелъ только три варіанта имени автора: 1) Софроній, іерей рязанскій; 2) Софоній, брянскій бояринъ (Тверская лѣтопись) и 3) Софонія.

Не будучи по спеціальности историкомъ литературы, Соловьевъ однако указалъ на многое такое, что впослѣдствіи было повторено другими изслѣдователями повѣстей, но безъ ссылки на Исторію. Такъ, еще до Назарова Соловьевъ указалъ на сходство Лѣтописной повѣсти съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, до Срезневскаго — объ участіи устнаго элемента въ Повѣданіи, задолго до позднѣйшихъ работъ — о первоначальности Лѣтописной повѣсти. Затѣмъ его дѣленіе повѣстей на 3 вида было принято большинствомъ изслѣдователей съ нѣкоторыми лишь варіантами.

Наконецъ, на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* появилась обстоятельная работа, носящая характеръ историко-литературнаго изслѣдованія. Это была работа І. Назарова, поставившаго себѣ задачей опредѣлить характеръ участія эпоса въ постепенномъ развитіи сочиненій о Мамаевомъ побоищѣ [1]).

Усвоивъ себѣ, очевидно, мысль Соловьева, Назаровъ говорилъ, что сказанія о войнѣ съ Мамаемъ были устныя и собственно литературныя. Всѣ они взаимно дополняли другъ друга: писатели XV—XVI вѣка черпали изъ устныхъ; литературныя, въ свою очередь, оказали вліяніе на народныя

1) І. Назаровъ. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1858 г., VII и VIII.

сказанія. Но каковы были эти устныя сказанія, отвѣтить трудно.

Таково основное положеніе Назарова. Оно страдаетъ тѣмъ же, чѣмъ вообще всѣ изслѣдованія сказаній о Куликовской битвѣ: мысль автора, можетъ быть, и вѣрна, но она не убѣдительна, такъ какъ высказана совершенно голословно. Въ лѣтописныхъ сборникахъ, говоритъ далѣе Назаровъ, историческія повѣсти подвергались различнымъ измѣненіямъ, отсюда — много редакцій. Первичная всегда должна быть краткой, позднѣйшія, стремясь удовлетворить любознательности, обогащались подробностями, весьма разнообразными, взятыми изъ устныхъ сказаній. Отсюда въ позднѣйшихъ явилась невыдержанность тона и слога.

Назаровъ различалъ двѣ редакціи. Первая вошла въ лѣтописи и называется имъ «Сказаніе». Она, безъ сомнѣнія, древнѣйшая повѣсть, бѣдна подробностями и представляетъ какъ бы конспектъ второй.

«Сказаніе» сочинено, можетъ быть, вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія († 1392 г.), поэтому въ немъ нѣтъ анахронизмовъ, какъ во второй редакціи.

«Сказаніе» является въ двухъ видахъ: 1) краткомъ, помѣщенномъ въ Новгородской I лѣтописи, первой половины XV вѣка и 2) полнѣйшемъ — въ остальныхъ лѣтописяхъ, старѣйшіе списки которыхъ восходятъ къ концу XV и началу XVI вѣка. (Авторъ основываетъ различіе между ними на употребленіи нѣкоторыхъ буквъ, этимологическихъ формъ, синтаксическихъ оборотовъ, вставокъ, замѣны выраженій подобными же). Полнѣйшій видъ — древнѣе, такъ что первый — сокращеніе второго.

О древности Лѣтописной повѣсти, какъ указано, говорилъ Соловьевъ. На основаніи филологическихъ разысканій Назаровъ считалъ стоящими ближе къ подлиннику тѣ списки, которые вошли въ Новгородскую IV лѣтопись, что весьма недавно высказано также академикомъ А. А. Шахматовымъ. Впрочемъ, эта сторона изложена авторомъ не совсѣмъ ясно: онъ не упо-

минаетъ, напримѣръ, о Супрасльской лѣтописи, изданной еще въ 1836 г.; въ какомъ же отношеніи къ протографу стоитъ текстъ помѣщенной въ ней повѣсти?

Вмѣстѣ съ Соловьевымъ Назаровъ указывалъ далѣе, что по строю, изложенію и направленію первичная редакція «Сказанія» находится въ близкомъ родствѣ съ повѣстью о побѣдѣ Невской. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи привелъ нѣкоторыя мѣста изъ той и другой для сравненія, но примѣры были взяты на удачу, и авторъ не воспользовался тѣмъ, что могло дать болѣе детальное сравненіе.

Вторая редакція представляетъ распространенную повѣсть и является, по мнѣнію Назарова, въ 3 видахъ: 1) Повѣданіе, дошедшее въ сборникахъ XVII—XVIII вѣковъ; 2) вошедшее въ Никоновскую лѣтопись и 3) — въ Синопсисъ.

Повѣданіе дошло не въ первоначальномъ видѣ. Списки значительно разнятся; такъ, одни обстоятельства присутствуютъ въ одномъ и неизвѣстны другому списку, что особенно замѣтно въ поэтическихъ мѣстахъ. Отсюда авторъ выводитъ, что первоначальной основой можно признать лишь то, что находится сходнаго во всѣхъ спискахъ. Несомнѣнно, выводъ этотъ весьма близокъ къ истинѣ, но авторъ не настоялъ на немъ. Наоборотъ, онъ въ дальнѣйшемъ уклонился отъ принятаго имъ правильнаго пути и счелъ почему-то самымъ близкимъ къ первоначальной редакціи списокъ Тимковскаго (кромѣ воззванія и окончанія). Съ этимъ нельзя согласиться потому, что далеко не всѣ списки были разобраны авторомъ, еще болѣе ихъ — ему было неизвѣстно. Впрочемъ, онъ самъ оговаривается, предполагая, что оригиналъ могъ содержать только одну историческую повѣсть безъ наслоеній.

Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ, по мнѣнію Назарова, опытъ сближенія книжной повѣсти со сказаніями народа. Въ основѣ его лежитъ, слѣдовательно, пространная историческая повѣсть, дополненная украшающими отрывками изъ произведенія, сложеннаго подъ

вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя подробности занесены въ Повѣданіе изъ эпоса, монастырскихъ сказаній; отсюда въ языкѣ памятника обиліе формъ народныхъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не остановился подробно на разборѣ литературныхъ источниковъ Повѣданія, указавъ лишь вкратцѣ на привходящіе элементы, и не выдѣлилъ вставочныхъ повѣстей, находящихся, безъ сомнѣнія, въ Повѣданіи.

Наконецъ, время составленія Повѣданія авторъ, на основаніи данныхъ языка, относитъ ко второй четверти XV вѣка. Что же касается имени составителя, то Назаровъ, приведя варіанты имени «Софроній — Софоній», по происхожденію то рязанскаго іерея, то брянскаго боярина, склоняется къ тому, что авторъ — одинъ, рязанецъ, все равно — Софоній или Софроній.

Можно еще оспаривать, что Софроній былъ, по мнѣнію автора, составителемъ Повѣданія (Назаровъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка), но что Софоній — то же, что Софроній, съ этимъ нельзя не согласиться. Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ ошибкой переписчиковъ, невѣрно прочитавшихъ рукопись: въ начертаніи «Софроній» вписанъ вынесенный наверхъ *р*.

О повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ, Назаровъ говоритъ кратко. Та редакція, которая находится въ Никоновской, представляетъ, по его мнѣнію, сводъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій о войнѣ съ Мамаемъ. Трудно однако согласиться, чтобы это былъ сводъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не указалъ, каковы были эти сочиненія. Наконецъ, въ повѣсть, внесенную въ Синопсисъ, введены варіанты изъ народныхъ устныхъ сказаній. Можно возразить и противъ этого мнѣнія: варіанты изъ устныхъ сказаній вошли и въ Повѣданіе, въ такомъ случаѣ, что же заставило автора выдѣлить повѣсть Синопсиса, какъ особый видъ или редакцію? Болѣе того: въ Синопсисѣ какъ разъ весь поэтическій элементъ отсутствуетъ. Къ исторической повѣсти, по мнѣнію Назарова, примыкаетъ

Слово о Димитріи (сп. Ундольскаго), написанное, особенно въ 1-й части, въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ добавленіемъ изъ народныхъ преданій. Составлено Слово послѣ Софоніева сочиненія, до XVII вѣка, можетъ быть въ періодъ времени съ половины XV до половины XVI вѣка.

Итакъ Повѣсть раздѣлена авторомъ на категоріи: находящуюся въ лѣтописяхъ, краткую и полную, при чемъ послѣдняя — древнѣйшая, и — на находящуюся въ сборникахъ и сводахъ. Послѣдняя не дошла въ первоначальной редакціи, но въ разное время дополнялась вставками изъ народныхъ сказаній. Въ спискѣ Тимковскаго представляется ближайшій къ первоначальной редакціи текстъ этой категоріи. Изъ Синопсиса повѣсть вошла въ народъ. Слово о Димитріи только примыкаетъ по сюжету, на него оказали особенное вліяніе Слово о полку Игоревѣ и народныя сказанія.

Таковы выводы. Во многомъ, какъ видно изъ изложенія, авторъ слѣдовалъ указаніямъ Соловьева, на многое имъ мало или вовсе не обращено вниманія. Нельзя не сознаться, что чрезвычайно трудно установить, сколько же по Назарову было редакцій? Не обращено вниманія на сходство поэтическихъ мѣстъ Повѣданія съ такими же Слова о Димитріи. Не доказано, почему послѣднее слѣдуетъ относить къ указанному авторомъ времени; неясно все, что касается Синопсиса и Никоновской лѣтописи; указаны, но не провѣрены отношенія различныхъ списковъ между собою. Вообще — критической работы надъ текстомъ нѣтъ, между тѣмъ изслѣдованіе Назарова имѣло въ виду всестороннее разсмотрѣніе взятой имъ на себя задачи. Нѣкоторые выводы, однако, какъ, напримѣръ, о времени составленія Повѣданія, объ имени автора, наконецъ — замѣчанія о Лѣтописной повѣсти слѣдуетъ отнести къ числу удачныхъ.

Вскорѣ послѣ открытія Ундольскимъ списка Слова, тотъ же памятникъ, но въ гораздо болѣе раннемъ спискѣ, именно — XV вѣка, былъ найденъ арх. Варлаамомъ въ библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Въ 1859 году былъ изданъ

текстъ памятника, при чемъ издатель написалъ предисловіе [1]). Рукопись представляетъ сборникъ, въ которомъ повѣсть помѣщена на 121 листѣ подъ такимъ заглавіемъ: «Писаніе Софоніа старца рязанца блг҃ви ѳ҃. Задонщина велико҃ кн҃зя гр҃на димитрія иванови҃ и брата его кн҃зя володимира ѡндрѣеви҃». Текстъ близокъ къ сп. Ундольскаго, но не совсѣмъ и представляетъ значительные варіанты.

Эта находка должна была бы измѣнить существовавшіе выводы. Во-первыхъ, для названія устанавливался болѣе краткій терминъ «Задонщина»; во-вторыхъ — гораздо точнѣе обозначалось время написанія этого памятника — во всякомъ случаѣ не позже второй половины XV вѣка; въ-третьихъ — подрывалось мнѣніе, что Софонія авторъ Повѣданія: заглавіе весьма ясно свидѣтельствуетъ, что онъ скорѣе авторъ Задонщины, чѣмъ пространнаго Повѣданія: наконецъ, — что Задонщина находится въ ближайшемъ родствѣ со Словомъ по сп. Ундольскаго.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ слѣдовало бы пересмотрѣть вопросъ о взаимномъ отношеніи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Между тѣмъ арх. Варлаамъ ограничился въ предисловіи немногими и весьма шаткими предположеніями. Указавъ на то, что Задонщина написана въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ (весьма устарѣлое указаніе), авторъ отличилъ ее отъ повѣсти, помѣщенной въ сборникѣ Румянцевскаго музея подъ № 378. Послѣднюю онъ считалъ тожественной съ напечатанной въ Кіевскомъ Синопсисѣ и въ Никоновской лѣтописи. Однако эти три текста имѣютъ весьма мало общаго между собою и принадлежатъ тремъ разнымъ редакціямъ. Въ вопросѣ объ имени автора арх. Варлаамомъ также приведено довольно странное толкованіе: повѣсть сборника № 378 приписана рязанцу

1) Арх. Варлаамъ. Описаніе сборника XV столѣтія Кир.-Бѣл. монастыря. Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ. Кн. V. Спб. 1859 г. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я пользовался фототипическимъ снимкомъ съ подлинной рукописи, любезно предоставленномъ мнѣ П. К. Симони.

іерею Софронію, а текстъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка — старцу рязанцу Софонію. Арх. Варлаамъ разсуждалъ такъ: старецъ — значитъ инокъ: поэтому Софроній, будучи еще іереемъ, написалъ пространную повѣсть, а уже инокомъ — пѣснь объ одномъ и томъ же. Имя его, по извѣстному обычаю, въ монашествѣ было перемѣнено: въ міру Софроній, въ инокахъ Софоній. Не трудно видѣть во всемъ этомъ крайнюю натяжку, основанную на полномъ незнакомствѣ автора съ самими сказаніями и съ предыдущей литературой, хотя бы съ однимъ Назаровымъ.

Изданнымъ текстомъ воспользовался И. Срезневскій для изданія своего сводnаго текста Задонщины [1]). При этомъ издатель сдѣлалъ о ней нѣсколько важныхъ замѣчаній.

Повѣстей о битвѣ съ Мамаемъ, по мнѣнію Срезневскаго, было нѣсколько, въ различной передачѣ. Повѣсти эти шли въ народъ, гдѣ въ свою очередь подвергались переработкѣ. Вообще — «желателенъ ихъ разносторонній литературный и историческій сравнительный разборъ», — замѣчаніе характерное, показывающее, что по разработкѣ повѣстей до 1858 года не было въ сущности сдѣлано ничего.

Задонщина — это поэма, въ родѣ великорусской старины или малорусской думы, написанная въ такой же прозѣ, какъ Слово о полку Игоревѣ, которое она напоминаетъ по тону изложенія, подбору подробностей содержанія, выраженіями, напоминаетъ такъ, какъ подраженіе должно напоминать подлинникъ. Оба списка, и Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскій, сильно искажены, поэтому, пока не нашелся третій, Задонщину слѣдуетъ читать, дополняя одинъ сп̃искъ другимъ [2]). (Опытъ такого чтенія и представилъ Срезневскій, при чемъ за основаніе имъ принятъ Кирилло-Бѣлозерскій сп., а изъ сп. Ундольскаго приведены дополненія и окончаніе, котораго въ Кирилло-Бѣлозер-

1) Задонщина в. кн. господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондрѣевича. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, VI. Спб. 1858 г.

2) Этотъ третій списокъ, какъ будетъ указано ниже, былъ найденъ въ 1890 г. въ одномъ сборникѣ Син. Б—ки подъ № 790 проф. А. И. Смирновымъ.

скомъ нѣтъ). Основываясь на изученіи содержанія Задонщины, Срезневскій пришелъ къ такимъ выводамъ:

1) Оба списка по измѣненіямъ выраженій, перестановкѣ мѣстъ, подстановкѣ именъ и лицъ показываютъ, что писаны съ памяти. Что они списывались не съ готоваго извода, показываетъ также множество случайныхъ грамматическихъ неправильностей. Задонщина, слѣдовательно, была достояніемъ памяти.

2) Задонщина напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ; оба памятника — не чисто книжнаго происхожденія, можетъ быть оба были достояніемъ памяти и голосились, какъ старины и думы. Объемъ не долженъ смущать, такъ какъ для удержанія памятью величина памятника значенія не имѣетъ.

3) Задонщина — подражаніе, но врядъ ли одному Слову о полку Игоревѣ. Можетъ быть, былъ рядъ подобныхъ поэмъ? Яркость оборотовъ въ Словѣ доказываетъ, что они явились не въ немъ первомъ. (Авторъ приводитъ для образца нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописей, напоминающія по своему складу стиль Слова). Въ Задонщинѣ находится много такого, что хотя и такъ же сложено, какъ въ Словѣ, но по содержанію и выраженію отлично, откуда же это явилось? Отдѣльныя вставки, которыя находятся въ Словѣ и отсутствуютъ въ Задонщинѣ и наоборотъ, показываютъ, что для подобныхъ памятниковъ существовалъ одинъ общій источникъ. Такихъ поэмъ пока нѣтъ на лицо, но это не значитъ, что ихъ никогда не было. Задонщина подражаетъ такому роду поэмъ, и въ ней есть непосредственныя частички «замышленія Бояня».

Такимъ образомъ Срезневскій былъ склоненъ предположить существованіе особой повѣствовательной школы, проникнутой поэтическимъ одушевленіемъ, школы, къ типу произведеній которой восходятъ Слово и Задонщина. Подобныя поэмы, равно какъ и другіе списки Задонщины, могутъ еще оказаться. Предположеніе Срезневскаго отчасти оправдалось: третій списокъ Задонщины найденъ; что же касается возможности существо-

вапія поэмъ, то и въ этомъ отношеніи догадку Срезневскаго отчасти оправдала находка отрывка изъ Слова о погибели русземли (изд. Хр. Лопаревымъ).

Вышеприведенные выводы Срезневскаго нашли себѣ мѣсто въ Исторіи русской литературы ак. А. Н. Пыпина. Указанія на школу, воспѣвавшую пѣсни славы, получили дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Хрущева и Барсова. Сомнительно только, чтобы эти поэмы голосились, какъ старины или думы. Указаніе же на то, что Задонщина написана ранѣе Повѣданія (вопреки мнѣнію Бѣляева и Назарова и согласно съ Соловьевымъ), находитъ себѣ довольно вѣсское доказательство въ наличности такого древняго списка, какъ изданный арх. Варлаамомъ.

Въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ Срезневскій обратилъ вниманіе и на Повѣданіе. Не зная, какъ рѣшить вопросъ объ авторствѣ Софоніи, который является какъ будто творцомъ и того и другого произведенія, Срезневскій счелъ это имя простой книжной вставкой. Въ Повѣданіи онъ обратилъ вниманіе на поэтическія мѣста (чего до него никто путемъ не дѣлалъ). Въ повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, говоритъ онъ, есть кое-что, напоминающее складомъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщину. Многія мѣста въ нихъ буквально заимствованы изъ послѣдней, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ разныхъ ея редакцій. Эти мѣста теперь сбиты, по прежде, очевидно, была какая-либо цѣлость. Отсюда Срезневскій признаетъ существованіе 2 словъ, вѣрнѣе повѣстей: 1) прославлявшая князя Владимира Андреевича, находится въ спискахъ Ундольскаго и Кирилло-Бѣлозерскомъ; 2) прославлявшая боярина Дмитрія Волынца — Повѣданіе.

Приводя поэтическія мѣста изъ Повѣданія, Срезневскій говоритъ: «Читатель, вѣрно, замѣтилъ дословныя или почти дословныя повторенія однихъ и тѣхъ же довольно сложныхъ выраженій: мнѣ кажется, что это доказываетъ, что составители повѣстей пользовались готовымъ запасомъ изъ словъ о Куликовской битвѣ по памяти, какъ составители

сѣверныхъ сагъ (повѣстей) — готовымъ запасомъ изъ квидъ (словъ)» [1]).

Одновременно съ работой ак. Срезневскаго, вопроса о повѣстяхъ о Куликовской битвѣ коснулся преосв. Филаретъ въ своемъ Обзорѣ [2]). Напечатанная въ 1859 г. работа преосв. Филарета, очевидно, была написана гораздо раньше: онъ совершенно не знаетъ о существованіи Кирилло-Бѣлозерскаго списка, объ имени автора Повѣданія повторяетъ старыя мнѣнія. Авторъ Обзора считаетъ, что Софонія, рязанскій священникъ, написалъ Повѣданіе о нахожденіи на Русь Мамая. Это Повѣданіе представляетъ историко-поэтическое изображеніе Куликовской битвы, при чемъ сочинитель основывался на разсказахъ очевидцевъ. Анахронизмы заставляли нѣкоторыхъ изслѣдователей (отсюда видно, что Филаретъ пользовался однимъ Карамзинымъ) относить сочиненіе и сочинителя къ XV вѣку, но Слово по сп. Ундольскаго, написанное не прежде конца XV вѣка, — позднѣе Повѣданія, такъ какъ составляетъ подражаніе послѣднему, отсюда — Повѣданіе слѣдуетъ отнести къ концу XIV вѣка. Ошибки и анахронизмы могутъ принадлежать переписчикамъ.

Повидимому, преосв. Филаретъ весьма мало былъ знакомъ съ предыдущей литературой по вопросу о повѣстяхъ, иначе онъ по другому бы взглянулъ на взаимное отношеніе Повѣданія и Задонщины (на основаніи статьи Срезневскаго). Болѣе того: Филаретъ приписывалъ составленіе Лѣтописной повѣсти тому же Софоніи, судя по сходству нѣкоторыхъ выраженій и мѣстъ; Софоніи же, по его мнѣнію, могло принадлежать и житіе Дмитрія Донского. Подобное заключеніе о Лѣтописной повѣсти было странно дѣлать послѣ работы Назарова, пришедшаго совершенно

1) Эрбенъ, издавая въ 1870 г. Слово о полку Игоревѣ и Задонщину, ограничился лишь переводомъ, не прибѣгая къ критикѣ, объясненій Срезневскаго. Онъ повторилъ всѣ его ошибки («за царемъ Соломономъ» — оба они считаютъ, что Соломонъ — Владиміръ святой). Что касается объясненій темныхъ мѣстъ Задонщины, то Срезневскій посвятилъ имъ особую статью, см. Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ VII, стр. 96.

2) Обзоръ русской духовной литературы. Харьковъ. 1859 г. Т. I.

къ иному выводу. Вообще замѣтка автора Обзора ничего новаго не внесла въ литературу повѣстей, къ старымъ ошибкамъ прибавила новыя и для дальнѣйшей разработки вопроса значенія не имѣла.

Между тѣмъ этими заключеніями воспользовался проф. С. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ[1]). Шевыревъ признавалъ, что Повѣданіе написано рязанцемъ Софоніей (и списокъ Ундольскаго подтверждаетъ это, по его мнѣнію), до 1389 г., такъ какъ о Дмитріи нигдѣ не говорится, какъ объ умершемъ. До первоначальнаго текста добраться трудно, вслѣдствіе крайняго искаженія его переписчиками. Они особенно исказили внѣшнюю, поэтическую сторону, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ. Въ виду того, что основной идеей произведенія является сила креста, побѣждающая поганство (авторъ въ изложеніи содержанія всюду оттѣняетъ эту идею), Повѣданіе по духу выше Слова о полку Игоревѣ. Наоборотъ, значительно ниже Слова и Повѣданія Задонщина (автору знакомы оба списка); имъ она подражаетъ много и неумѣло. Значеніе Задонщины состоитъ только въ томъ, что она подтвердила Софоніево авторство Повѣданія и достовѣрность Слова о полку Игоревѣ. Таковы заключенія Шевырева, вытекавшія вообще изъ его точки зрѣнія. Напрасно искать у него критическаго разбора памятниковъ. Всѣ заключенія голословны и неправильны. Въ спискѣ Ундольскаго, дѣйствительно, есть фраза: «помяну рязанца Софонія», что, какъ будто, утверждаетъ за Софоніей авторство Повѣданія, но почему то же самое долженъ подтверждать Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, признающій за Софоніемъ авторство только Задонщины, а не Повѣданія, остается безъ отвѣта.

Съ легкой руки Шевырева надолго у историковъ литературы утвердилось такое поверхностное отношеніе къ повѣстямъ. Вскорѣ оно нашло себѣ выразится въ лицѣ А. Милюкова, автора очень широкой по заглавію, но элементарной по выполненію

1) Лекціи по исторіи русской словесности. Ч. III. Изд. 2. Спб. 1887 г.

книги [1]). Въ статьѣ о древней поэзіи авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и, конечно, сравнилъ ихъ съ Словомъ о полку Игоревѣ. Найдя большое сходство въ содержаніи, авторъ признаетъ превосходство Слова надъ «ничтожностью» Сказанія, явившагося результатомъ паденія письменности благодаря игу. Далѣе этого авторъ не пошелъ [2]).

Повидимому, вопросомъ о литературной исторіи повѣстей спеціально не занимался акад. Ѳ. И. Буслаевъ; по крайней мѣрѣ въ своей Хрестоматіи [3]) онъ очень мало и осторожно сказалъ о нихъ. Описанія Мамаева побоища Буслаевъ дѣлитъ на двѣ редакціи: 1) Задонщина (приводимая имъ по сп. Ундольскаго) и 2) Сказаніе (по изданію Снегирева). Трудно сказать, говоритъ авторъ, въ которой изъ нихъ удержалось болѣе отъ первоначальнаго сказанія рязанца Софронія (Буслаевъ такъ читаетъ это имя). Въ первой разсказъ круглѣе, вторая — болѣе распространена. Подражаніе Слову о полку Игоревѣ рабское, особенно въ первой редакціи, которая не принадлежитъ Софронію, но отъ него многое въ ней могло удержаться. Однако, несмотря на подражаніе, многія мѣста отличаются художественнымъ достоинствомъ, таковы плачи боярынь, описаніе войска, заключеніе [4]).

Буслаевскую точку зрѣнія усвоили себѣ составители двухъ наиболѣе распространенныхъ руководствъ по исторіи русской литературы — А. Галаховъ [5]) и И. Порфирьевъ [6]). Обѣ книги,

---

1) Очеркъ исторіи русской поэзіи. Спб. 1864, 3-е изд.

2) Выводы Шевырева и до сихъ поръ повторяются составителями элементарныхъ руководствъ по русской литературѣ. Такъ, наприм., Шевыревъ цитируется въ «Очеркахъ по исторіи древне-русской письменности» Протопопова, изд. 1902 г., гдѣ авторъ, разбирая повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, пользуется исключительно имъ и Снегиревымъ.

3) Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. М. 1861.

4) Выводы акад. Буслаева цѣликомъ были повторены Н. Я. Аристовымъ въ его Хрестоматіи по русской исторіи, Варшава 1870, въ которой онъ приводитъ отрывокъ изъ Задонщины, по сп. Ундольскаго.

5) Исторія русской словесности древней и новой, А. Галахова. М. изд. 1—1870, 2—1880 г. Т. I.

6) Исторія русской словесности, И. Порфирьева. Казань 1870, ч. I.

какъ извѣстно, выдержали нѣсколько изданій. То, что говорятъ составители о повѣстяхъ о Мамаевомъ побоищѣ (притомъ чрезвычайно кратко), стало достояніемъ средней школы. По этому изложенію составляется представленіе о повѣстяхъ у всякаго, кто приступаетъ къ изученію русской литературы. Авторы какъ будто не знаютъ ни одного предыдущаго изслѣдованія по интересующему ихъ вопросу. Въ новыя изданія своихъ книгъ они также не внесли никакихъ перемѣнъ. Между тѣмъ всѣ составители школьныхъ руководствъ по исторіи русской литературы заимствовали и продолжаютъ заимствовать все, что касается вопроса о повѣстяхъ, у Порфирьева и Галахова. Благодаря этому, у человѣка, прошедшаго среднюю, да и высшую школу, о повѣстяхъ складывается одно и то же сбивчивое и невѣрное представленіе: краткое знакомство съ содержаніемъ, убѣжденіе, что Повѣданіе и Задонщина заимствовали всѣ обороты изъ Слова о полку Игоревѣ, но подражаніе вышло неумѣлое и неудачное, что особенно тяжело по языку Повѣданіе, слогъ котораго испорченъ, пересыпанъ цвѣтами краснорѣчія; что Задонщина ближе къ народно-поэтической рѣчи, но болѣе несамостоятельное произведеніе; что Повѣданіе написано Софоніей (или Софроніей: Галаховъ и Порфирьевъ не различаютъ именъ и ничего не говорятъ о нихъ) въ XIV-мъ вѣкѣ, а Задонщина въ XV-мъ вѣкѣ; наконецъ, что Синопсисъ представляетъ наиболѣе поэтическую редакцію повѣсти.

Какъ уже указано, эти общія и недоказанныя ничѣмъ предположенія сдѣлались господствующими, какъ будто для исторіи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ было уже сказано послѣднее слово. Дѣйствительно, долгое время въ наукѣ не появлялось работъ по этому вопросу. Если и упоминали изслѣдователи о повѣстяхъ, то лишь попутно, въ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ иныхъ темъ.

Такъ, вопроса о повѣстяхъ коснулся отчасти въ своей

магистерской диссертаціи П. Полевой [1]) въ первой части своего труда — Обзоръ памятниковъ славянскихъ. Изложивъ вкратцѣ содержаніе Задонщины (по сводному тексту, изд. Срезневскимъ), авторъ замѣчаетъ, что побѣда Дмитрія послужила основаніемъ для многихъ разновидныхъ произведеній. Вставные эпизоды объясняются стремленіемъ отдѣльныхъ областей заявить свое участіе въ великомъ событіи. Что они вносились уже послѣ составленія редакціи, доказывается анахронизмами.

До насъ дошло два рода произведеній о Куликовской битвѣ, взаимно дополненыхъ впослѣдствіи: 1) книжныя (по предыдущимъ изслѣдованіямъ — Лѣтописная повѣсть) и — 2) народныя (Задонщина, повѣсть въ Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ). При сходствѣ, часто буквальномъ, Задонщины со Словомъ, попадаются обороты, только составленные по образцу оборотовъ Слова, а не заимствованные. Это сходство не только между этими двумя памятниками, но и вообще между произведеніями другихъ родовъ доказываетъ, что въ обширномъ кругѣ однородныхъ произведеній успѣлъ выработаться одинаковый способъ изложенія и расположенія сюжета.

Изъ этихъ словъ ясно, что авторъ цѣликомъ повторилъ мысль Срезневскаго. Объ анахронизмахъ то же говорилъ Соловьевъ, такъ что и эта мысль не новая. Что касается предположенія автора, что Куликовская битва послужила источникомъ многихъ разновидныхъ произведеній, то оно имъ не доказано, да и взято у того же Соловьева. Повѣданія Полевой не коснулся, такъ что его замѣчанія ничего новаго въ литературу не внесли.

Въ 1866 году А. Поповымъ [2]) была указана редакція Повѣсти, помѣщенная въ Хронографѣ. Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Толстовскаго, говоритъ онъ, помѣщенъ подробный раз-

---

1) Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Спб. 1864.

2) Обзоръ хронографовъ русской редакціи. М. 1866. В. I.

сказъ о княженіи Дмитрія Ивановича съ обширными выписками изъ лѣтописнаго сказанія о побоищѣ съ Мамаемъ. Разсказъ Хронографа отличается отъ лѣтописнаго болѣе сжатымъ изложеніемъ и нѣкоторыми подробностями. А Поповъ издалъ текстъ этой новой редакціи въ своемъ «Изборникѣ статей», и, такимъ образомъ, для изслѣдователей прибавился новый матеріалъ, ждавшій своей обработки.

Попытка установить редакціи послѣ Соловьева была сдѣлана другимъ историкомъ — Бестужевымъ-Рюминымъ [1]), который признавалъ, что вопросъ еще далеко не разработанъ: «Куликовская битва, говоритъ онъ, вызвала три редакціи, послѣдовательность и взаимную зависимость которыхъ пока еще трудно опредѣлить» (стр. 40). Предположительное дѣленіе Бестужева-Рюмина въ общемъ совпадаетъ съ Соловьевскимъ; первая редакція — лѣтописное сказаніе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, гдѣ мало фактовъ, но много благочестивыхъ размышленій (занесенная въ Новгородскую I л-сь повѣсть признается имъ сокращеніемъ этой редакціи). Вторая редакція — Повѣсть или Повѣданіе о побоищѣ великаго князя Дмитрія, изобилуетъ подробностями, анахронизмами и дополненіями въ разныхъ спискахъ. (По отличіямъ авторъ даже склоненъ редакцію Синописса считать отдѣльной). Приписывается — Софонію (напрасно только авторъ въ этомъ случаѣ сослался на Обзоръ Филарета). Наконецъ — третья редакція — поэтическая Задонщина (изданная Срезневскимъ и Ундольскимъ). Подобное дѣленіе можно было бы признать достаточно основательнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія, если бы не было рѣчи о *редакціяхъ*: это самостоятельные *виды* повѣстей, распадающіеся въ свою очередь на редакціи.

Какъ уже выше говорено, послѣдовавшія работы касались повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ попутно. Такова, правда довольно обширная, замѣтка о нихъ проф. А. И. Смирнова,

1) Русская исторія. 1. Спб. 1872.

посвятившаго разбору повѣстей цѣлую главу своего изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ [1]).

Авторъ повторяетъ мнѣніе Срезневскаго о томъ, что нѣкоторыя мѣста Слова были извѣстны наизусть послѣдующимъ книжкамъ и вошли въ Задонщину и Повѣданія. И та и другія представляютъ двѣ группы, на которыя распадаются повѣсти, при чемъ въ основѣ Повѣданій лежитъ Слово о житіи великаго кн. Дмитрія Ивановича.

Расположивъ памятники по такому порядку: сп. Кирилло-Бѣлозерскій — Ундольскаго — Повѣданіе по изд. Снегирева — Слово о полку Игоревѣ, авторъ произвелъ самое подробное сличеніе сходныхъ мѣстъ и разобралъ, въ какомъ отношеніи находятся эти мѣста между собою. Въ данномъ случаѣ, это самая обстоятельная часть труда проф. Смирнова.

Далѣе авторъ поставилъ себѣ рядъ вопросовъ:

1) Всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побоищѣ заимствовали картины и выраженія непосредственно изъ Слова?

2) Можно ли предположить, что Слово при составленіи ихъ было уже записано?

3) Пользовались ли авторы записаннымъ Словомъ или цитировали его наизусть?

4) Сами повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — устныя творенія или письменныя?

Вопросы эти показываютъ, что вниманіе автора главнымъ образомъ было сосредоточено на Словѣ. Изъ отвѣтовъ однако выясняется точка зрѣнія автора и на повѣсти.

Изъ разбора Кирилло-Бѣлозерскаго списка (который авторъ считаетъ подлиннымъ писаніемъ Софоніи) видно, что составителю хорошо было извѣстно Слово, которое онъ взялъ какъ образецъ для изображенія событія, можетъ быть ему современнаго.

---

1) А. И. Смирновъ. О Словѣ о полку Игоревѣ. Гл. 4: Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей рус. литературѣ. Фил. Зап. V. Воронежъ 1878.

Планъ автора повѣсти по сп. Ундольскаго (проф. Смирновъ раздѣляетъ авторовъ Задонщинъ, Какъ и Е. Барсовъ) тотъ же, что и предыдущій, только вступленіе обширнѣе и конецъ длиннѣе. Краски тѣ же, что и въ писаніи Софоніи.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Въ немъ три части, заимствованія изъ Слова имѣютъ второстепенное значеніе. Слово о полку Игоревѣ только украсило это произведеніе, но не дало ему своего плана, какъ первымъ двумъ. (Мнѣніе прямо противоположное Снегиреву и Дубенскому). Въ основѣ Повѣданія лежитъ первоначальная повѣсть, писанная современникомъ. Мѣста, сходныя со Словомъ, попали не непосредственно, а изъ писанія Софоніи, потому что въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ о Дмитріи, упоминается о Софоніи или Софроніи.

Весьма можетъ быть, что текстъ обоихъ списковъ Задонщинъ, представляющій часть сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, записанъ по памяти, но первоначальное сказаніе — врядъ ли устное, и авторъ этой первоначальной редакціи врядъ ли пользовался Словомъ о полку Игоревѣ тоже по памяти: Слово было записано, можетъ быть, послѣ составленія, но Софоній могъ детально изучить его части только потому, что это былъ письменный памятникъ. (Здѣсь авторъ расходится съ мнѣніемъ Срезневскаго, отводившаго значительную долю участія памяти въ созданіи повѣстей и Слова). Итакъ, по мнѣнію проф. Смирнова, писаніе Софоніи записано по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ заимствованія — тоже книжный. Слово о Дмитріи — произведеніе книжнаго человѣка, источники его частью книжные, частью устные. Наконецъ, Повѣданіе — несомнѣнно книжнаго происхожденія, и заимствованія изъ Слова, большею частію, извлечены изъ рукописей.

Выводы эти, однако, не вполнѣ ясны. О первыхъ двухъ спискахъ не сказано прямо—книжнаго они характера или нѣтъ; мало доказательствъ, почему слѣдуетъ раздѣлять авторовъ Задонщинъ (скорѣй уже это редакторы, чѣмъ авторы); неясно, изъ какихъ рукописей извлечены заимствованія въ Повѣданіе

изъ Слова. Авторъ же говорилъ, что эти заимствованія шли скорѣе изъ писанія Софоніи, чѣмъ изъ Слова. Редакцій не установлено, равно какъ вовсе не сказано объ отношеніяхъ списковъ Повѣданія между собою.

Тѣмъ не менѣе работа проф. Смирнова важна, какъ самое полное сравненіе поэтическихъ мѣстъ повѣстей со Словомъ, установленіемъ положенія, что Задонщина явилась ранѣе Повѣданія, подтвержденіемъ мнѣнія Срезневскаго о возможности существованія на Руси особой поэтической школы и попыткой установить послѣдовательное заимствованіе поэтическихъ мѣстъ въ памятникахъ.

Дѣленіемъ Соловьева на редакціи и предположеніемъ о существованіи литературныхъ школъ воспользовался И. Хрущовъ въ статьѣ, спеціально посвященной вопросу о Повѣстяхъ [1]). Въ общемъ онъ повторяетъ старыя мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ у автора замѣчается стремленіе поставитъ вопросъ на новую почву.

Памятники, прославившіе Куликовскую битву, по мнѣнію автора, состоятъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія лѣтописныхъ сводовъ; 2) поэтическаго, приписываемаго Софоніи; 3) Задонщины (изданной Ундольскимъ). Всѣ они въ частностяхъ видоизмѣнены.

Странно, что авторъ нигдѣ не упоминаетъ Кирилло-Бѣлозерскаго списка. Вообще указанія на литературу вопроса у него неполны и случайны: упомянуты лишь Карамзинъ, Шевыревъ, Костомаровъ (говорившій о повѣстяхъ лишь вскользь: онъ излагалъ только ихъ содержаніе) и Срезневскій. И послѣ этого авторъ говоритъ: «Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ».

Каждое изъ этихъ произведеній принадлежитъ особой школѣ. Первая школа — сѣверо-русское лѣтописанье, отли-

---

1) И. Хрущовъ. О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Чтенія въ О-вѣ Нестора Л-ца. I. 1879.

чается большой искусственностью, книжностью, офиціальностью и общими мѣстами. Разсказчикъ не былъ очевидцемъ битвы, даже мало вслушался въ разсказы участниковъ. Вообще составлена повѣсть блѣдно. Анахронизмы отсутствуютъ, замѣтно желаніе соблюсти точность въ опредѣленіи дней и часовъ похода и битвы. Авторъ могъ знать о ходившихъ пѣсняхъ, но не воспользовался ими, замѣнивъ соотвѣтствующими книжными вставками: въ пѣснѣ, напримѣръ, былъ плачъ боярынь, въ лѣтописную редакцію вставленъ эпизодъ съ плачущей Рахилью.

Вторая школа проникнута духомъ поэзіи религіозной, монашеской. Герой второго произведенія — Сергій, что даетъ возможность отнести Повѣданіе не иначе, какъ къ концу XV-го вѣка. Что касается вопроса объ авторствѣ Софоніи, основанномъ, главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ списка Ундольскаго и на томъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Повѣданіе приписывается Софоніи, то авторъ рѣшаетъ его по своему. Этотъ Софоній былъ первымъ прославителемъ Куликовской битвы, и произведеніе его дошло лишь въ отголоскахъ, занесенныхъ по памяти въ сказанія. Анахронизмы Повѣданія органичны, ихъ можно объяснить (помнили, напр., еще хорошо Кипріана, Ольгерда [1]), перенесеніе иконы во Владимиръ и пр.). Молитвы, по мнѣнію автора, составляютъ органическое цѣлое со стороны основной идеи составителя сказанія.

Для Повѣданія авторъ (первый изъ изслѣдователей) попытался указать на источники. Вѣроятно, были, говоритъ онъ, записки о походѣ, списки именъ участниковъ, разсказы о подробностяхъ сраженія, преданія о разныхъ видѣніяхъ во время боя, гусельныя словеса, старины, Софоніевы складки. Была, напр., цѣлая старина, по мнѣнію И. Хрущева, о томъ, какъ Дмитрій узналъ о походѣ Мамая, начинавшаяся, какъ и всѣ старины, пиромъ у тысяцкаго Микулы Васильевича. Въ Повѣданіи

1) Автору не былъ знакомъ ни одинъ изъ списковъ второй редакціи Сказанія, иначе онъ не говорилъ бы этого.

вообще много мѣстъ, которыя составляли одно цѣлое, сохранившееся въ обломкахъ въ Задонщинѣ. Это цѣлое и принадлежитъ Софоніи; но ему приписывать составленіе Повѣданія — несомнѣнная ошибка.

Третья школа бѣдна на Руси произведеніями. Это школа письменной обработки пѣсенъ славы. Задонщина древнѣе Повѣданія (хотя у автора не приведены доказательства), она — какъ бы источникъ послѣдняго. Произведеніе же рязанскаго поэта до насъ въ цѣлости не дошло. (Авторъ не зналъ Кирилло-Бѣлозерскаго сп. и Синодальнаго, найденнаго позже, иначе онъ перемѣнилъ бы свою точку зрѣнія) [1]).

Выше было сказано, что на ряду съ положительными замѣчаніями, какъ-то: указаніемъ на самостоятельные виды повѣстей, признаніемъ существованія школъ, характеристикой Лѣтописной Повѣсти, попыткой указать источники, сомнѣніемъ въ принадлежности Повѣданія перу Софоніи, у автора встрѣчаются ничѣмъ недоказанныя положенія. Причину отсутствія достаточнаго основанія въ сужденіи о повѣстяхъ слѣдуетъ искать въ томъ, что и г. Хрущовъ, какъ и остальные изслѣдователи, не занялся изученіемъ состава списковъ Повѣданія.

Какъ извѣстно, повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ вошла въ народныя лубочныя картины. Д. Ровинскій, издавая послѣднія, высказалъ о ней нѣсколько своихъ замѣчаній [2]). Старѣйшей редакціей онъ признаетъ Задонщину, но подъ ней, очевидно, разумѣетъ и Повѣданіе и списки Кирилло-Бѣлозерскій и Ундольскаго. Въ остальномъ онъ просто повторяетъ мнѣнія Карамзина, — приписывая эту редакцію іерею Софронію, и арх. Варлаама, — считая, что древнѣйшій списокъ подъ № 378 Румянцевскаго музея заимствованъ у Софонія. Кромѣ того, въ лѣтописяхъ и хронографахъ занесены, говоритъ онъ, разныя

1) Въ своей другой книгѣ: «Бесѣды о русской литературѣ», Спб. 1900, авторъ только элементарно разсказалъ содержаніе Повѣданія и Задонщины.

2) Русскія народныя картинки. Сборникъ II отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1881. Т. XXVI.

отдѣльныя описанія того же событія, то книжнаго, то народнаго происхожденія. Изъ разбора подробностей вытекаетъ, по мнѣнію автора, что 1) кромѣ извѣстныхъ, существовало множество другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ и 2) — послѣ составленія первоначальныхъ редакцій въ нихъ вносились разные эпизоды, даже въ самое позднее время. Послѣднее обстоятельство было причиной появленія анахронизмовъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) Д. Ровинскій, вопреки предыдущимъ изслѣдователямъ, говоритъ, что Задонщиной народъ восхищался, переживая ея описанія. Хотя текстъ ея составился подъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ, но послѣднее по содержанію и по обилію поэтическихъ хитросплетеній не представляло для народа такого интереса, какъ описаніе Куликовской битвы.

Вообще замѣчанія Д. Ровинскаго высказаны попутно и значенія особаго не имѣютъ. Одно только заслуживаетъ вниманія, что Ровинскій, первый послѣ Снегирева, намѣтилъ существованіе послѣдовательныхъ редакціонныхъ переработокъ.

Обстоятельный разборъ редакцій Повѣстей далъ въ своихъ лекціяхъ проф. О. Миллеръ [2]). Въ нихъ авторъ изложилъ тѣ выводы, къ которымъ пришла литература о повѣстяхъ, въ иныхъ мѣстахъ онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, въ иныхъ — повторилъ ошибки предыдущихъ изслѣдователей.

Основываясь на упоминаніи имени Софоніи однимъ изъ позднѣйшихъ списковъ Повѣданія, — спискомъ Ундольскаго и отрывкомъ въ Тверской лѣтописи, О. Миллеръ выразилъ предположеніе о существованіи какого-то древнѣйшаго сказанія, принадлежавшаго этому Софоніи. (Эта мысль принадлежитъ, какъ указано выше, г. Хрущову). Тотъ же матеріалъ, который дошелъ до насъ, можно разбить на три редакціи. Къ первой принадлежитъ современная, лѣтописная, составленная москвичемъ, близко стоявшимъ къ в. кн. Дмитрію, котораго онъ

1) Id. T. XXVII.

2) Лекціи по исторіи русской литературы. Спб. 188$^{3}/_{4}$. Литограф. изданіе.

идеализируетъ. Признаками современности служатъ отсутствіе упоминанія о митрополитѣ, негодующій тонъ на Олега. Судя по тому, что преп. Сергій является въ ней лицомъ не легендарнымъ, написаніе редакціи слѣдуетъ отнести ко времени около 1392 г. Разсказъ редакціи полонъ исторической правды, опредѣленія мѣста и времени чрезвычайно точны. Встрѣчающіяся эпическія мѣста (напр., описаніе боя) авторъ могъ знать по знакомымъ ему наизусть образцамъ. Таково мнѣніе О. Миллера о первой редакціи. Напрасно авторъ считаетъ разсказъ ея полнымъ правды. Мнѣніе г. Хрущова, котораго авторъ, кстати сказать, чрезвычайно цѣнитъ, было въ этомъ случаѣ иное и ближе къ истинѣ.

Второй редакціей О. Миллеръ ставитъ Задонщину, напрасно считавшуюся, по его словамъ, третьей редакціей. Разбирая мнѣнія о ней изслѣдователей, авторъ считается съ двумя: съ — признававшимъ одну общую эпическую основу для нея и для Слова (мнѣніе Срезневскаго) и съ другимъ, считающимъ Задонщину книжнымъ подражаніемъ Слову. О. Миллеръ присоединяется къ послѣднему, такъ какъ Срезневскій въ своихъ доказательствахъ «доходитъ иногда до странныхъ выводовъ и непонятныхъ заключеній».

Въ третьей редакціи — Повѣданіи авторъ обращаетъ вниманіе на двойное заглавіе (на что еще указывалъ Назаровъ) — «Повѣданіе и Сказаніе», и говоритъ, что оно заставляетъ подразумѣвать два источника: книжный и устный. Дѣйствительно, первая половина Повѣданія книжная, вторая — съ большими заимствованіями изъ устныхъ сказаній. Излагая вкратцѣ исторію изданій Повѣданія, О. Миллеръ повторилъ разсказъ Калайдовича о находкѣ этого памятника Тимковскимъ. Со Снегиревымъ авторъ не согласенъ въ томъ, чтобы сравнивать Повѣданіе со Словомъ, такъ какъ въ Повѣданіи больше мѣстъ обще-эпическихъ, чѣмъ заимствованныхъ. Въ основѣ Повѣданія лежитъ та же повѣсть, что и въ первой редакціи, но распространенная вставками изъ другихъ источниковъ или риториче-

скими украшеніями. (О. Миллеръ повторяетъ того же «Урана»). Дмитрій идеализировалъ въ ней еще больше. Взятыми изъ другихъ источниковъ авторъ считаетъ разсказы о чудесахъ, предзнаменованія передъ битвой, эпизодъ съ Бренкомъ и пр. Вообще же сводка сдѣлана искусно, хотя слѣды спаекъ не исчезли.

Изъ работъ по повѣстямъ О. Миллеръ называетъ главныя: Бѣляева, Снегирева, Срезневскаго, Назарова и Хрущова (послѣднихъ, особенно Хрущова, онъ цѣнитъ высоко).

Эта же третья редакція, только съ измѣненіями и прибавками изъ устныхъ разсказовъ, вошла въ Никоновскую лѣт. и позже, въ XVII вѣкѣ, — въ Синопсисъ, съ эпическими подробностями въ описаніи вооруженія въ разсказѣ о Захаріи Тютчевѣ. Изъ Синопсиса — вошла въ народныя сказки.

О. Миллеръ, какъ и предыдущіе изслѣдователи, дѣлитъ всѣ повѣсти на редакціи, тогда какъ онѣ распадаются на три самостоятельныхъ вида. Кромѣ того совершенно непонятно, почему повѣсть Никоновской лѣт. имѣетъ большее количество вставокъ, чѣмъ Повѣданіе по списку Снегирева? Утверждать это положеніе — значитъ вовсе быть незнакомымъ съ текстомъ Никоновской лѣт. То же можно сказать и о Синопсисѣ: авторъ голословно повторилъ заключенія своихъ предшественниковъ.

За О. Миллеромъ остается заслуга, что онъ окончательно установилъ хронологическій порядокъ возникновенія повѣстей такъ, какъ онъ былъ намѣченъ предыдущими изслѣдователями.

Между тѣмъ Д. И. Иловайскій въ своей Исторіи[1]) держится совершенно иного мнѣнія. Считая Повѣданіе одной редакціи съ Никоновской лѣтописью, только поэтичнѣй (уже это одно показываетъ, что редакція не одна), историкъ говоритъ, что авторомъ его былъ Софоній рязанецъ, духовное лицо. И Задонщина и отрывокъ Тверской лѣтописи подтверждаютъ это. Повѣданіе сочинено Софоніемъ вскорѣ послѣ битвы и впослѣдствіи послу-

1) Д. Иловайскій. Исторія Россіи. М. 1884. Т. II. Прим. 31.

жило источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ сказаній и словъ — и лѣтописнаго, и Задонщины, и Никоновской л., и той повѣсти, которая въ передѣлкахъ, съ пропусками и вставками, стала достояніемъ многочисленныхъ сборниковъ. Послѣдніе лучше удержали языкъ первоисточника, языкъ, перемѣненный въ лѣтописяхъ на лѣтописный ладъ. Что первоначальное Повѣданіе сочинено вскорѣ послѣ битвы, доказывается именами убитыхъ князей и воеводъ, вездѣ одинаковыми, именами гостей-сурожанъ, развѣдчиковъ; дѣти кн. Дмитрія указаны именно тѣ, которыя были во время похода [1]).

Синопсисъ — то же Повѣданіе, только передѣланное въ литературную повѣсть XVII вѣка.

Попытка историка представить первоначальное писаніе Софоніи повліявшимъ на всѣ послѣдующія повѣсти никакъ не можетъ назваться удачной. Слишкомъ отличны редакціи, чтобы всѣмъ имъ предполагать одинъ оригиналъ. Изъ всей замѣтки Д. И. Иловайскаго интересно лишь одно замѣчаніе о двухъ моментахъ описанія: въ битвѣ, въ сущности, описывается, говоритъ историкъ, начало боя и выходъ засаднаго полка, а не другія перипетіи боя, несомнѣнно бывшія; объяснить это можно тѣмъ, что Софоній писалъ только похвалу Дмитрію и Владимиру, а не полный отчетъ о битвѣ.

Въ 1885 г. появилась работа Тимофеева [2]), о которой ак. А. Н. Пыпинъ отзывается какъ объ изслѣдованіи, наиболѣе подробно разсмотрѣвшемъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

На ряду съ старинами объ освобожденіи отъ татарскаго ига возникли и книжныя произведенія на ту же тему, говоритъ авторъ. Эти книжныя произведенія дѣлятся на двѣ редакціи.

---

1) Между тѣмъ ниже авторъ самъ себѣ противорѣчитъ: «Должно однако сознаться, что сличеніе разныхъ редакцій представляетъ великую путаницу по отношенію къ именамъ князей и бояръ, начальствовавшихъ отдѣльными частями на походѣ — и особенно во время битвы» (стр. 547).

2) Тимофеевъ. Сказанія о Куликовской битвѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1885, VIII и IX.

Первая представляетъ спокойное изложеніе, перерываемое изрѣдка вставками изъ Слова о полку Игоревѣ; вторая, менѣе пространная, рабская копія Слова. Къ первой относится Повѣданіе, ко второй — Задонщина (по двумъ спискамъ).

Въ основу своего разбора Повѣданія авторъ положилъ списокъ проф. Тихонравова, относимый имъ къ концу XVI или началу XVII вѣка. Кромѣ этого списка Тимофееву были знакомы (т. е. онъ о нихъ упоминаетъ) еще 13: шесть бывшихъ гр. Толстого, теперь Императорской Публичной Библіотеки; отрывки изъ списка Ермолаева; списокъ Морозова; Тимковскаго; два — Архива министерства иностранныхъ дѣлъ и два бѣло-русскихъ (Буслаева и «Книга о побоищи Мамая царя»).

Кромѣ того списки Повѣданія находятся въ Софійскомъ Временникѣ, въ Кіевскомъ Синопсисѣ, «сходные между собою буква въ букву». (Здѣсь какая то нелѣпость, потому что оба текста — двухъ совершенно отличныхъ видовъ и общаго между собою ничего не имѣютъ).

Вообще списки «одинаковы», разница благодаря интерполяціи или отъ произволо переписчиковъ. Всѣ они имѣютъ въ основаніи одно не дошедшее сказаніе. Ближе къ послѣднему — списокъ Тихонравова, но и онъ не первоначальный. (На самомъ же дѣлѣ и списки представляютъ чрезвычайное разнообразіе, и Тихонравовскій списокъ всего дальше ушелъ отъ оригинала).

Разбирая вторую редакцію, авторъ сравниваетъ сходныя мѣста со Словомъ (это послѣ работы Смирнова!) и указываетъ, что поэтическій элементъ въ Задонщинѣ стоитъ на первомъ планѣ. Изъ двухъ списковъ текстъ сп. Ундольскаго полнѣе и представляетъ какъ бы переходъ къ Повѣданію. При этомъ авторъ высказываетъ предположеніе: не представляетъ ли списокъ Ундольскаго текста Задонщины въ неполномъ видѣ, съ пропусками и пробѣлами, которые восполняются подставленіемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ другого списка Задонщины? (Предположеніе странное послѣ вполнѣ отвѣчающей на это работы Срезневскаго).

Далѣе авторъ разбираетъ Повѣданіе въ томъ видѣ, какъ оно находится въ Никоновской лѣтописи. Послѣдняя редакція, имѣвшая оригиналомъ Повѣданіе, полнѣе, но безъ поэтическаго элемента. Составлена она, можетъ быть, по какому-либо варіанту Повѣданія.

О редакціи Синопсиса Тимофеевымъ сказано еще меньше. Указывается лишь на то, что Повѣданіе менѣе измѣнено въ этой редакціи, выброшены одни поэтическія мѣста.

Авторъ совершенно незнакомъ съ литературой вопроса и увѣряетъ, что о повѣстяхъ существуютъ лишь «бѣглыя замѣтки». Упоминаются: Карамзинъ, м. Евгеній, Арцыбашевъ, Бѣляевъ, Ягичъ, Шевыревъ и Соловьевъ. Всѣ эти имена, видно, взяты наудачу.

Оригинально мнѣніе автора о Софоніи: Повѣданіе и Задонщину, говоритъ онъ, писали два разныхъ лица: Задонщину — рязанскій старецъ Софоній, Повѣданіе — іерей Софроній, жившій въ концѣ XV в. Задонщина (сп. Кирилло-Бѣлозерскій) возникла въ Рязани, списокъ Ундольскаго — въ Переяславлѣ Залѣсскомъ или гдѣ-нибудь по близости отъ Москвы (какъ же, въ такомъ случаѣ, у нихъ одинъ авторъ?) наконецъ и Повѣданіе — гдѣ нибудь въ Новгородской землѣ, судя по сп. Тихонравова.

Выводы автора таковы:

1) Оригиналъ Повѣданія утраченъ, ни въ одномъ спискѣ нѣтъ первоначальной редакціи.

2) Повѣданіе и Задонщина руководились Словомъ о полку Игоревѣ.

3) Оригиналами обоихъ памятниковъ были двѣ разныя редакціи.

4) Оба памятника составлены въ концѣ XV вѣка. Варлаамовская редакція первоначальна, она относится къ XV вѣку.

5) Списки возникли на сѣверѣ (Новгородъ), юго-западѣ (Бѣлоруссія или Кіевъ) и въ Московско-Суздальской области.

6) Повѣданіе имѣло вліяніе на позднѣйшую литературу о битвѣ.

7) Литература о самихъ памятникахъ — скудна.

Изъ размотрѣнія работы Тимофеева не трудно видѣть, что она совсѣмъ неудовлетворительна. Авторъ довелъ до крайности нежеланіе знакомиться съ литературой вопроса. Отсюда вытекаетъ голословность его выводовъ, неясность раздѣленія на редакціи, потому что все написано на основаніи двухъ-трехъ старыхъ умозаключеній, наивныя заключенія, вродѣ того, что Слово о Димитріи есть переходъ къ Повѣданію. Нѣтъ ссылокъ на такія работы, какъ Назарова, Хрущова, Смирнова, Срезневскаго. Объ именахъ составителей очень натянутое положеніе, равно какъ и по вопросу о мѣстѣ и времени возникновенія редакцій. Совсѣмъ невѣрно указано на сходство Синопсиса съ Софійскимъ временникомъ. Неправильно все, что относится къ Никоновской лѣтописи. Не доказано, почему слѣдуетъ раздѣлять списки Задонщинъ. Кромѣ того авторъ въ большинствѣ случаевъ самъ себѣ противорѣчитъ.

Принимая все это во вниманіе, никакъ нельзя согласиться съ ак. А. Н. Пыпинымъ, указывающимъ на полноту обзора Тимофеева. Авторъ, наоборотъ, нигдѣ не показалъ критической работы надъ составомъ текста и надъ сравненіемъ варіантовъ. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ это.

Не разъ уже выраженное предположеніе о возможности существованія на Руси школы, воспѣвавшей пѣсни славы (Срезневскій, Хрущовъ), особенно развилъ въ своемъ изслѣдованіи Е. В. Барсовъ [1]), въ особой главѣ, посвященной отношенію Слова къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Въ ней авторъ коснулся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, какъ такихъ, на которыхъ слѣды вліянія Слова замѣтны какъ непосредственное его воздѣйствіе.

Авторъ говоритъ, что современники не могли довольствоваться такимъ витіеватымъ, но холоднымъ разсказомъ о по-

1) Е. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. М. 1887.

боищѣ, какой находился въ лѣтописныхъ сводахъ. Поэтому появились другія литературныя обработки, представляющія два типа: 1) поэмы, воспѣвавшія хвалу Дмитрію и его брату, и 2) повѣсти съ преобладаніемъ историческаго элемента.

Первыя дошли въ двухъ видахъ: краткомъ (Кирилло-Бѣлозерскій сп.) и пространномъ (сп. Ундольскаго). Въ краткомъ видѣ, буквально повторяющемъ Слово, указано и имя автора: Софонія рязанецъ (кто бы онъ ни былъ — іерей или бояринъ, важно, что онъ, воспользовавшись скорбью и радостью битвы, подражалъ Слову, гдѣ торжественный тонъ сливается съ элегическимъ), писавшій подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ битвы.

Е. В. Барсовъ несогласенъ, слѣдовательно, съ мнѣніемъ проф. Смирнова о томъ, что Кирилло-Бѣлозерскій списокъ не первоначальный видъ писанія Софоніи, а копія, занесенная въ сборники по памяти. Особенность древне-русской письменности, говоритъ авторъ, та, что краткія редакціи предшествуютъ пространнымъ, и краткость писанія Софоніи заставляетъ признать его первоначальность. (Но здѣсь авторомъ не различаются понятія о краткости и сокращенности).

Авторъ пространнаго вида неизвѣстенъ, но первымъ источникомъ его поэмы служило писаніе Софоніи рязанца, о которомъ онъ вспоминаетъ въ своемъ произведеніи. Изъ сравненія краткаго и полнаго вида оказывается, что распространеніе послѣдняго основано на счетъ того же Слова о полку Игоревѣ. (Запѣвъ, котораго нѣтъ у Софоніи, есть въ Словѣ, наибольшее тяготѣніе къ буквѣ Слова и болѣе стройное и логическое расположеніе частей. Однимъ словомъ, цѣлью автора пространнаго вида было — восполнить похвалу, написанную Софоніей). Предполагать о существованіи какой-либо пространной поэмы Софоніи и ея сокращеній — не имѣетъ достаточныхъ основаній.

Таковы выводы автора, которые должны были бы измѣниться, слибъ, Е. В. Барсовъ зналъ третій текстъ Задонщины, открытый уже спустя по написаніи его изслѣдованія.

Переходя къ разбору повѣстей второго типа, авторъ указываетъ на ихъ распространенность и разнообразіе. Главное же ихъ содержаніе, въ сущности, одно. Онѣ витіеваты, но риторическія украшенія заимствованы не непосредственно изъ Слова, а изъ повѣстей перваго типа. Заимствованія видоизмѣнялись и располагались согласно пониманію книжниковъ.

Большая часть дошедшихъ повѣстей — новгородскаго происхожденія: въ писаніи Софоніи говорится, что новгородцы не поспѣли къ бою, а въ повѣствованіяхъ — новгородцы принимаютъ дѣятельное участіе, ихъ семь, по другимъ спискамъ — сорокъ тысячъ. Очевидно, Новгороду хотѣлось принять хотя нравственное участіе въ битвѣ.

Однако этого мало для доказательства новгородскаго происхожденія повѣстей. Могъ существовать особый разсказъ о новгородскомъ ополченіи, потомъ уже вставленный въ текстъ повѣсти, какъ и другія вставки, на которыя указывали Хрущовъ и О. Миллеръ.

Много мѣста удѣлено у Е. В. Барсова на разборъ того, какъ отразилось въ Задонщинахъ Слово. Многое, оказывается, было не понято, о многомъ сказано глухо; сглажены многіе художественные образы, не поняты слова, такъ какъ авторы Задонщинъ были незнакомы съ мѣстными говорами или не поняли уже испорченныхъ мѣстъ Слова.

Въ заключеніе Е. В. Барсовъ вступаетъ въ полемику съ Ровинскимъ, указывая, что распространенность повѣстей именно слѣдуетъ усматривать въ ихъ сходствѣ со Словомъ.

Итакъ авторъ признаетъ, что Задонщина ранѣе Повѣданія, но раздѣленіе Задонщины на два самостоятельныхъ произведенія не выдерживаетъ критики. (Въ этомъ случаѣ Е. В. Барсовъ повторилъ выводъ проф. Смирнова). Вообще главное вниманіе изслѣдователя все-таки лежало на Словѣ, и поэтому о многомъ, касающемся повѣстей, высказано кратко или общими словами, еще требующими провѣрки, о многомъ (напримѣръ — о составѣ текста, редакціяхъ) вовсе не говорится.

Какъ уже выше было указано, въ 1890 г. нашелся третій списокъ Задонщины, изданный проф. Смирновымъ [1]). Свое изданіе текста А. И. Смирновъ снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ, изъ разбора сходныхъ мѣстъ Синодальнаго списка съ соотвѣтствующими Ундольскаго и Кирило-Бѣлозерскаго, онъ выводитъ, что 1) Синодальный — ближе къ Ундольскому, 2) Синодальный не представляетъ простой копіи Ундольскаго, но оба восходятъ къ одному оригиналу; оба переписчика въ иныхъ мѣстахъ буквально переписывали, въ другихъ передѣлывали оригиналъ.

Синодальный списокъ еще не былъ предметомъ изслѣдованія, но его содержаніе такого рода, что могло бы во многомъ измѣнить предыдущіе выводы о Задонщинѣ.

Лѣтописной повѣсти коснулся въ своемъ трудѣ объ общерусскихъ лѣтописныхъ сводахъ ак. А. А. Шахматовъ [2]). Въ 5-й главѣ, посвященной разбору источниковъ полихрона 1423 г., А. А. Шахматовъ касается лѣтописнаго сказанія о побоищѣ. Владимирскій полихронъ, говоритъ авторъ, былъ составленъ въ 1423 г. при митрополичьемъ дворѣ. Нѣкоторыя событія до 1390 могли войти въ него изъ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ. Но въ послѣдней отсутствовало сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, такъ что оно внесено въ сводъ впервые въ 1423 году, хотя составлено еще въ XIV вѣкѣ.

Въ наиболѣе близкомъ къ первоначальной редакціи видѣ сказаніе сохранилось въ Новгородской IV, Софійской 1 и 2 и Ростовской лѣтописяхъ, въ Воскресенскую попало съ значительными сокращеніями, а въ Никоновскую въ распространенномъ и поновленномъ видѣ.

Такимъ образомъ мысль о первоначальности Лѣтописной Повѣсти окончательно подтверждена результатомъ критической работы автора надъ составомъ лѣтописныхъ текстовъ.

---

1) 3-й списокъ Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII вѣка. *Рус. Фил. Вѣстникъ.* 1890. Варшава, № 2.

2) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901, XI.

Одно только мнѣ неясно въ выводахъ А. А. Шахматова: въ чемъ заключаются «значительныя» измѣненія текста повѣсти въ Воскресенской лѣтописи. Наоборотъ, повѣсти, помѣщенныя въ Воскресенской и Софійской 1 лѣтописяхъ, скорѣе слѣдуетъ считать чрезвычайно сходными между собою.

Наконецъ къ весьма недавнему времени относится небольшая работа, рефератъ Х. Лопарева: «Къ литературной исторіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». (Сборникъ Памяти Л. Н. Майкова. Спб. 1902). Въ ней авторъ указываетъ на недостатокъ въ серьезномъ критическомъ анализѣ памятниковъ: научные пріемы какъ то не коснулись повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, и въ учебникахъ, говоритъ онъ, господствуетъ ошибочный взглядъ на всю ихъ литературную исторію.

Этимъ замѣчаніямъ въ сущности и кончается въ разбираемой статьѣ положительный вкладъ въ литературу вопроса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ дѣлаетъ непростительно ошибочныя заключенія, основанныя, очевидно, на полномъ незнакомствѣ со списками, даже находившимися у него подъ рукою. Такихъ списковъ автору извѣстно 23, считая въ томъ числѣ и напечатанные: у Снегирева, въ Никоновской л., у Сахарова и въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ. Кромѣ того, нѣкоторые онъ цитируетъ изъ вторыхъ рукъ: Тихонравовскій изъ статьи Тимофѣева, Синодальный — изъ Карамзина. Общую характеристику ихъ авторъ дѣлаетъ правильно, замѣчая, что множество разночтеній въ спискахъ зависитъ отъ произвола писцовъ: каждый занимался самостоятельнымъ пересказомъ повѣсти.

Эти списки авторъ дѣлитъ на 2 редакціи: краткую и полную. Первая ближе къ оригиналу. Это было бы вѣрно, если бы само дѣленіе было правильно. Между тѣмъ авторъ во 2 редакціи рядомъ ставитъ списки: Никоновской л. — тогда какъ онъ сравнительно всѣхъ кратче, и — Тихонравовскій, — самый полный и вполнѣ отличной отъ перваго редакціи. Съ другой стороны списокъ Тимковскаго, поставленный имъ въ краткую редакцію никакъ не можетъ быть одного разряда съ бѣлорусскими, кромѣ

того онъ и не краткій, а случайно сокращенъ (выпусками нѣкоторыхъ мѣстъ).

Далѣе, особенностью второй редакціи, по Х. Лопареву, является развитіе эпизода о Захаріи Тютчевѣ, вставка разсказа о Новгородцахъ и посѣщеніе Троицы послѣ битвы — распространенія, явившіяся результатомъ толковой обработки. Но въ Снегиревскомъ и въ Никоновскомъ всѣхъ этихъ распространеній нѣтъ, а они тѣмъ не менѣе поставлены во вторую редакцію. Въ остальныхъ перечисленныхъ авторомъ спискахъ эти эпизоды встрѣчаются въ разбивку. (Это и понятно: въ одну редакцію Х. Лопаревымъ соединены, какъ я говорилъ, списки разныхъ редакцій).

Еще страннѣе заключеніе автора о времени возникновенія повѣстей. Основной списокъ относится къ XV вѣку: его возникновенію дало толчокъ событіе 1480 года, обусловившее подъемъ русскаго духа. Повѣсти не могли возникнуть раньше, иначе не было бы «анахронизмовъ»: «обѣ редакціи Сказанія, говоритъ Х. Лопаревъ, *замѣчательно согласны* [1]) между собою о союзѣ Мамая съ Ольгердомъ... *нѣтъ ни одного списка, въ которомъ было бы выставлено настоящее имя литовскаго князя* (*Ягайла*) [1]). Я не буду указывать на рукописи: автору онѣ не извѣстны, но онъ цитируетъ *печатный* Никоновскій списокъ, а тамъ какъ разъ имя князя — Ягайло. Такихъ ошибокъ не дѣлали предыдущіе изслѣдователи.

Изъ этой точки зрѣнія вышло и заключеніе автора: Сказаніе представляетъ работу несамостоятельную, заимствованную изъ Слова о полку Игоревѣ и слабую — отсутствуютъ историческія перспективы.

Таковы историко-литературныя изслѣдованія повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ [2]). Изъ предыдущаго изложенія приходится заключить, что въ теченіе цѣлаго вѣка почти ничего не было

1) Курсивъ мой.

2) Къ сожалѣнію, я не могъ достать лекцій Н. С. Тихонравова, къ кому ни обращался. Безъ нихъ мой обзоръ — не полонъ.

сдѣлано положительнаго по этому вопросу. Еще Бестужевъ-Рюминъ указывалъ на крайнюю запутанность въ раздѣленіи повѣстей на редакціи. Тимофеевъ въ 1885 г. писалъ: «Критической работы, работы надъ составомъ текста, сравненія разночтеній и варіантовъ — еще не появлялось до сихъ поръ въ нашей литературѣ: къ сожалѣнію у насъ нѣтъ до сихъ поръ даже изданія всѣхъ существующихъ списковъ Повѣданія и Задонщины». Въ своей Исторіи русской литературы акад. А. Пыпинъ указываетъ на то же самое, признавая, что вопросъ еще далеко не выясненъ; о томъ же говоритъ, какъ выше указано, Х. Лопаревъ.

Между тѣмъ прослѣдить эволюцію памятника за 4 вѣка его существованія имѣетъ несомнѣнный интересъ и весьма важное значеніе для исторіи русской литературы. Исторія древней литературы есть, въ сущности, исторія редакцій, и при сужденіи о ней необходимо останавливаться не только на оригиналахъ памятниковъ, но и на ихъ послѣдующихъ обработкахъ.

Итакъ, положительными данными по вопросу о повѣстяхъ слѣдуетъ пока признать:

1) Редакціи повѣстей подвергались послѣдовательной обработкѣ (Снегиревъ, Ровинскій).

2) Задонщина находится въ прямомъ отношеніи со Словомъ о полку Игоревѣ, изъ котораго заимствовала поэтическія мѣста (Снегиревъ, Дубенскій, Бѣляевъ, Срезневскій, Полевой, Соловьевъ, Смирновъ, Барсовъ).

3) Текстъ повѣстей искаженъ, и списки чрезвычайно разнятся между собою.

4) Повѣсти раздѣляются приблизительно на три категоріи, въ такомъ порядкѣ: Лѣтописная «редакція» — Задонщина — «Повѣданіе». Лѣтописная повѣсть — первоначальна. (Соловьевъ, Назаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Хрущовъ, О. Миллеръ, Барсовъ, А. А. Шахматовъ).

5) Повѣсть, находящаяся въ лѣтописяхъ находится въ

близкой связи съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ (Соловьевъ, Назаровъ).

5) Матеріаломъ для дополненія повѣстей могли служить многочисленные и разнообразные источники (Назаровъ, Хрущовъ, О. Миллеръ).

Въ остальномъ — мнѣнія изслѣдователей расходятся.

ГЛАВА II.

Лѣтописная Повѣсть.

Помѣщенное въ лѣтописяхъ Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, которое я предлагаю назвать *Лѣтописной Повѣстью*, находится во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV лѣтописи, затѣмъ въ Софійской 1 и Воскресенской.

Академикъ А. А. Шахматовъ указываетъ слѣдующія 4 редакціи Новгородской IV л.: 1) *Основная*, представляемая такъ называемой Карамзинской лѣтописью (Пуб. Б-ки F. IV. 603), содержащая свѣдѣнія болѣе первоначальныя. 2) *Древнѣйшая, первая*, развившаяся изъ основной; представляется двумя списками: Новороссійскаго Университета и Голицинской лѣтописью (Пуб. Б-ки, гр. Толстого II, 58); 3) *Вторая*, — напечатана въ 4 томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и, наконецъ — 4) *Третья*, представляющая нѣкоторое сокращеніе второй и приближеніе къ Новгородской I. Третью редакцію составляютъ списки: а) Синодальной Б-ки № 280, принятый въ число варіантовъ при печатномъ изданіи подъ литерой Х; б) Супрасльскій и в) Кирилло-Бѣлозерскій: по этимъ двумъ спискамъ была издана въ 1836 г. кн. Оболенскимъ такъ называемая Супрасльская лѣтопись; г) Виленской Публичной Б-ки, напечатанный подъ именемъ Лѣтописи Авраамки (П. С. Р. Л., т. XVI); д и е) — два Погодинскихъ (Публичной Б-ки № 1402 и № 1404 а).

По врéмени всѣ эти редакціи весьма близки другъ къ другу: основная относится къ 1448, остальныя къ періоду времени между 1448—1453 гг.

Находящаяся въ этихъ редакціяхъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ не однородна по составу. Она распадается на два основныхъ типа (или редакціи) *краткій* и *распространенный*.

Краткая повѣсть находится *въ спискахъ третьей редакціи*.

Эти списки, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна носитъ всѣ слѣды сѣверо-великорусскаго (новгородскаго) говора, другая — лишена діалектическихъ особенностей и можетъ быть отнесена къ Москвѣ.

Сѣверо-великорусскую группу представляютъ слѣдующіе три списка: 1) Супрасльскій (для краткости обозначу его литерой С), начала XVI в.; 2) Кирилло-Бѣлозерскій (К-Б), конца XV или начала XVI в. и 3) Лѣтопись Авраамки (А), конца XV в., судя по припискѣ, находящейся послѣ повѣсти объ арх. Арсеніи, въ которой указывается, что лѣтопись списана въ 1495 г. въ Смоленскѣ Авраміемъ по повелѣнію еп. Іосифа.

Изъ этихъ списковъ К-Б ближе къ А, чѣмъ къ С.

Отступленія же текста С отъ А въ общей сложности также незначительны. Встрѣчается замѣна нѣкоторыхъ словъ, напр.: А — «на всю *силу* русскую», въ С — «на всю *землю* русскую»; А — «размѣсиша», С — «размѣнішася»; А — «*мнози* небывалци», С — «*множество* небывалци» и т. п.

Нѣкоторыя фразы въ С противъ А прибавлены: такъ, послѣ словъ: «Ягайло идетъ на тебе» — слѣдуетъ: «с татары съ всею силою своею»; передъ фразой: «аще ли умремъ за миръ, Господеви есме» вставленъ несомнѣнный пропускъ текста А: «аще живи будемъ, Господеви есмя».

Но чаще, чѣмъ вставки, наблюдаются въ С пропуски фразъ противъ А: пропущена, напр., фраза: «избави мя отъ сыроядець сихъ», находящаяся въ А не вполнѣ у мѣста: «не презри хрестьянъ сихъ, избави мя отъ сыроядець сихъ и помилуй мя». Пропущена въ С фраза: «и поидоша за Донъ». Въ текстѣ А:

«иже крѣпко бишася съ иноплеменникы, твердо брашася и мужескы храброваша», въ С: «съ иноплеменникы.... брашася» — нѣтъ.

Всѣ эти пропуски, вставки, измѣненія и перестановки словъ слѣдуетъ относить, главнымъ образомъ, на долю переписчиковъ. Однако въ разбираемыхъ текстахъ отмѣчаются болѣе существенныя разночтенія.

Слова: «отъ насъ изыдоша и на ны быша», въ С, какъ и во многихъ другихъ спискахъ Лѣтописной Повѣсти, приписываются Христу, только текстъ А относитъ ихъ къ словамъ апостола. Послѣднее — вѣрнѣе, потому что цитата эта представляетъ перефразъ 19 стиха II главы перваго посланія ап. Іоанна: «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ». Затѣмъ, вмѣсто: «се бо всташа *на нь* три земли, три рати.... но обаче всѣхъ сихъ не *убояся*», въ С стоитъ: «се бо всташа *на мя*»...., и вся вставка изложена отъ перваго лица, хотя по контексту здѣсь не слова великаго князя, а рѣчь о немъ.

Эти примѣры должны указывать уже на извѣстную порчу С сравнительно съ А. Поэтому послѣдній, въ виду большей исправности текста, (вмѣстѣ съ К-Б) слѣдуетъ считать болѣе близкимъ къ оригиналу. Тѣмъ не менѣе для А и С нужно предполагать одинъ общій источникъ. Доказательствомъ служатъ одинаково встрѣчающіяся въ томъ и другомъ текстѣ ошибки или описки. Вмѣсто чтенія: «вземъ», «воспріимъ», «убійства», въ А и С одинаково написано: «възмемъ», «въсъпріимемъ», «убожьства». Въ текстѣ А вмѣсто: «да и прочіи то *видѣвше*» — ошибкою написано «вивше»; въ С — этого слова нѣтъ совсѣмъ, такъ что въ оригиналѣ уже была ошибка или неразборчивое слово, которое переписчикъ не счелъ возможнымъ исправить. Наконецъ, списки А и С одинаково высчитываютъ количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ во многихъ другихъ: «сто тысячъ и сто».

Ко второй группѣ относятся два Погодинскихъ №№ 1402

и 1404 а. Прежде всего замѣчу, что текстъ, Повѣсти въ обоихъ *одинаковъ*.

Въ сравненіи съ текстомъ А, разбираемые списки, за исключеніемъ погрѣшностей при перепискѣ, представляютъ текстъ еще болѣе близкій къ оригиналу. Погрѣшности снова выражаются или въ видѣ замѣны словъ: «страстныя» вм. «смертныя», «множество»—вм. «мужество», или повтореній: «і в то время» — напр. написано дважды, или пропусковъ, изъ которыхъ одинъ, случайный, довольно значителенъ [1]).

Что Погодинскіе списки представляютъ текстъ лучшій, доказывается тѣмъ, что изъ двухъ ошибокъ: «възмемъ» и «въсъпріименъ» оставлена лишь одна «возмем»; количество рати сосчитано правильно: «сто пятьдесятъ тысящь»; вм. чтенія А: «не ходи тіи бо понеже» стоитъ ясное: «не ходити бо понеже»...; есть пропущенная фраза: «аще ли живи боудем Господеви есме»; дополненъ и слѣдующій пропускъ въ А послѣ словъ: «мнози изгонящіи мя»: — «и стоужающеи ми»; при перечисленіи убитыхъ въ значительномъ большинствѣ списковъ упоминается «Левъ Морозовъ»: текстъ А читаетъ «Мозыревъ», въ Погодинскомъ № 1404 а — «Морозовъ» написано по подчищенному «Мозыревъ» — нужно думать, что такое чтеніе было и въ ори-

---

1) ... «Половци узрѣвше великаа силы [и поидоша, земля тутьняше, горы и холми трясахуся отъ множества вой бесчисленыхъ, и изъвлекоша оружіа своя и якоже орли събирахуся, и якоже есть писано: гдѣ бысть трупъ, тутo же и орли. Пришедшимъ рокомь, преже бо начаша сступатися сторожовыи полкы рускы с татарьскыми, самь же великый князь наѣха напередь въ сторожовыхъ полцѣхъ в гонце и хоругви на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго діавола Мамая, и тако потомъ недолго попустя отъѣха князь в великый полкъ; иже пакы поиде великая рать мамаева и вся сила татарьская, а отселѣ поиде великый князь Дмитрій Ивановичь съ всими князи рускыми, изрядивь полкы, и поступи противу поганыхъ половѣць съ всѣми ратьми своими. И възрѣвъ на небо умиленыма очима, и въздохьнувъ из глубины сердца, рече слово псаломьское: братье! Богъ намь прибѣжище и сила; и внезапу абіе съступишася обѣ велицѣи силы вмѣсто] на долгъ часъ, и покрыша полкы поле»... Здѣсь пропущено все заключенное въ прямыхъ скобкахъ. Нужно думать, что въ оригиналѣ, съ котораго писалъ переписчикъ, былъ утраченъ листъ.

гиналѣ; нѣтъ ясной ошибки А: «Литва над *ними* игры творять», — въ Погодинскихъ: «над *нами*»; въ разсказѣ о судьбѣ Мамаевой отсутствуетъ находящееся въ А заглавіе: «О Мамаи», и разсказъ, такимъ образомъ, тѣснѣе соединенъ съ общимъ текстомъ. Наконецъ, по изложенію текстъ Погодинскихъ списковъ стройнѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ опущены тавтологическія выраженія и завѣдомо позднія вставки. Въ послѣднемъ случаѣ отмѣчу, что во фразѣ: «и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика» — слово «Москвѣ» пропущено, что вполнѣ естественно, такъ какъ извѣстно, про какой городъ идетъ рѣчь.

Повѣсть, носящая въ Погодинскихъ спискахъ заглавіе: «О побоищи иже на Доноу и како бился князь великій Дмитрей Ивановичь, како моужество его над тотары» —, оканчивается разсказомъ о судьбѣ Мамая. Нѣтъ, слѣдовательно, находящагося въ А разсказа «О прихоженіи Тахтамышовѣ въ Орду исперва», отчего стройность Повѣсти въ Погодинскихъ спискахъ выигрываетъ еще больше.

Нѣсколько дальше отъ вышеизложенной группы списковъ стоитъ списокъ Х (Син. Б-ки № 280). Что онъ восходитъ къ тому же оригиналу, что и предыдущіе, показываетъ наличность общаго чтенія: «възземъ», «въспріимемъ», «и горкія печали вашего убожества», число войска — «сто и пятьдесятъ тысячъ». Вмѣсто испорченнаго «вивше» въ Х находится уже попытка исправленія: «пріимше».

Но Х представляетъ позднѣйшую переписку. Цитата: «отъ насъ изыдоша».... приписывается Христу, какъ въ спискахъ другихъ редакцій. Главной же особенностью текста Х является присутствіе въ немъ такихъ вставокъ, которыя характерны для другихъ редакцій Новгородской IV л., почему издателями этотъ текстъ включенъ въ число варіантовъ при печатномъ изданіи, т. е. списокъ Х, принадлежа къ третьей редакціи, въ то же время относится и *ко второй*. Характеръ его, слѣдовательно, переходный.

Въ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV — текстъ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *распространенный*.

Тексты Повѣсти въ спискахъ основной и первой редакцій (Карамзинская и Голицинская лѣтописи) немногимъ отличаются другъ отъ друга. Лучшее чтеніе мѣстами находится то въ одной, то въ другой. Въ выраженіяхъ: «съвѣта» — вм. «совѣтника»; «*миляно было бяше* того утра» — вм.: «*мыла не была бяше* того утра»; «а татаринъ *русина* настигаше» — вм.: «татаринъ *си* настигаше»; «гдѣ будет троупіе ту сберутся и орли» — вм. «гдѣ трупи ту и орли»; «видѣша поганіи *полци*» — вм. «*половци*» — Карамзинская представляетъ лучшее чтеніе.

Наоборотъ: количество войска въ Голицынской высчитывается правильно — «сто пятьдесятъ тысячъ», тогда какъ въ Карамзинской повторяется нескладное число: «сто тысячъ и сто». Въ перечисленіи убитыхъ значится «Левъ Мозыревъ», тогда какъ въ Карамзинской — «Морозовъ». Вмѣсто чтенія: «но мы сію *бесѣду* оставльше»... ошибкою написано: «бѣду», равно какъ вмѣсто: «Михаило Ивановъ сынъ Акинфовичъ» — въ Карамзинской слово «сынъ» пропущено.

Худшее чтеніе мѣстами обѣ лѣтописи представляютъ по сравненію со списками третьей редакціи: «при Чанибѣ» — вм. «Чанибекѣ»; «поострю» — вм. «поостри» (обращеніе въ молитвѣ); «съеждати» — вм. «съѣзжатися».

Итакъ основныхъ отличій въ текстахъ разобранныхъ редакцій не замѣчается, почему указанная ак. А. А. Шахматовымъ послѣдовательность редакцій остается въ силѣ и для Лѣтописной Повѣсти. Что же касается второй редакціи (напечатанной), то нужно думать, что Повѣсть, помѣщенная въ ней, восходитъ къ двумъ предыдущимъ. Характерная особенность списковъ Новгородской IV въ названіи великаго князя — просто «великимъ княземъ» или даже: «нашимъ княземъ», сохранена въ Карамзинской и Голицинской лл.: «и вознесе Богъ десницу нашего князя». Прибавка во всѣхъ спискахъ второй редакціи Новгородской IV послѣ словъ: «и за вся крестьяны»: «*сущаа и не сущаа*», объ-

ясняется Голицинской лѣтописью, гдѣ стоитъ: «соущая *е соущая*», причемъ зачеркнуто то, что мною обозначено курсивомъ.

Основной текстъ Повѣсти распространеннаго вида тотъ же, что и краткаго (какъ выше указано, списокъ X является непосредственнымъ звеномъ между ними), но противъ послѣдняго дополненъ нѣкоторыми вставками.

Я отмѣчу вставки, находящіяся во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ Новгородской IV сравнительно съ третьей ея редакціей:

3 редакція.	Основная, 1 и 2 редакціи.
. . .и придетъ ему (Олегу) день Господень въ судъ. . .	. . .и пріидетъ ему день *великый* Господень въ судъ *аду*. . .
(Мамай) нача посылати в Литву къ поганому Ягайлу и ко Олгу Рязаньскому, поборнику бессѣрменьскому. . .	. . .и нача посылати къ Литвѣ къ поганому Ягайлу и къ *лстивому сотоньщику, дьяволю свѣтнику, отлученому сына Божія, помраченому тмою грѣховною и не хотъ разумѣти*, Олгу Рязаньскому, поборнику бсерменьскому. . .
. . .веля имъ быти на той же срокъ стати у Окѣ с треглавными звѣрьми и сыроядци. . .	. . .веля имъ быти на той же срокъ, *и той же съѣтъ съѣща* стати у Окѣ съ треглавными звѣрми сыроядци, *а кровь прольяти. Враже, измѣнниче Олже! лихоимьства открываеши образы, а не вѣси, яко мечь Божій острится на тя; яко же Пророкъ рече: оружіе извлекоша грѣшници и напрягоша лукъ стрѣляти въ мракъ правыя сердцемъ; и оружія ихъ внидуть въ сердца ихъ и луци ихъ сѣкрушатся*. . .

. . . и Литовьскій Ягайло идеть на тебе. . .

. . . и Литовьскій идеть на тебе Ягайло *съ всею силою своею*. . .

. . . слышавъ. . . что идутъ на него вся царствіа. . .

. . . слыша. . . что идутъ на него вся царствія, *творящеи безаконіе, а глаголюще: еще наша рука высока есть*. . .

. . . Царице небесныхъ чиновъ и всея вселеныя и всѣхъ хрестьянъ кормителниче. . .

. . . Царице небеснымъ чиномъ, *Госпоже, присно* всея вселеныя и *всего живота человѣчьскаго* кормителнице. . .

. . . Всея силы бяше съ двѣстѣ тысящъ. . .

. . . Бѣаше всеа силы *и всѣхъ ратей числомъ съ полтораста тысящь или* съ двѣстѣ. . .

. . . Князь же увѣдавъ лесть лукаваго Олга, новаго Июду. . .

. . . Князь же *Дмитрій* увѣдавъ лесть лукаваго Олга, *кровопивца крестьянскаго*, новаго Іуду. . .

. . . въздаждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ, и отврати. . .

. . . въздай *же* ему, Господи, *седмь седмерицею, яко въ тмѣ ходить и забы благодать твою; поостри яко молнію мечь мой, и пріиметь судъ рука моя, въздамъ месть врагомъ и ненавидящимъ мя въздамъ и упою стрѣлы моя отъ крове ихъ, да не ркутъ невѣрніи: гдѣ есть Богъ ихъ?* отврати. . .

. . . ты еси Богъ творяй чудеса. . .

. . . ты еси Богъ творяй чюдеса *единъ*. . .

. . . и противу князя Олга. . .

. . . и *отступника нашего* Олга, *отступившаго отъ свѣта въ тму*. . .

...гдѣ ти аггельстіи лици? где серафимьское...

...и спаси мя милости твоя ради, Господи!...

...мнози изгонящіи мя...

...извлекоша оружіа своя...

...инѣи бо мечемь пресѣкаеми бываху...

...мышляху на бѣгъ обратитися...

...воевода вышняго полка...

...бъяшеся съ Тотары тогда напреде всѣхь, а елико одесную и ошуюю его обиша...

...сохраненъ бысть Божьею благодатью...

...гдѣ ти ангелстіи лици, *гдѣ херувимьское предстояніе*, гдѣ серафимьское...

...и спаси мя милости твоея ради, *виждь враги моя яко умножишася на мя*, Господи!...

...мнози гонящеи мя *стужающіи ми*...

...извлекоша оружіа *обоюдуостри въ рукахъ* ихъ...

...иніи бо мечемъ пресѣкаеми бываху, *иніи сулицами прободаеми бываху*...

...и на бѣгъ обратишася *и побѣюша*...

...воевода *свершеннаго* полка *небесныхъ вой*...

...бъяшеся съ Татары тогда *ставъ* напреди всѣхъ, а елико одесную и ошюю его *дружину его* биша...

...съхраненъ бысть. *Не на лукъ мой уповаю и оружіе мое не спасетъ мене, якоже рече Давыдъ пророкъ: Вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не пріидетъ къ тебѣ зло и рана не приближится къ тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ съхранити тя въ всѣхъ путехъ твоихъ, и не убоишися отъ стрѣлы летящія въ днь*...

...отъ безаконныхъ Агарянъ...	...отъ безаконныхъ Агарянъ, *подавая честь яко сынъ своей матери; уставилъ еси стремленіе страстное, яко же еси уставилъ слузѣ своему Моисѣю, и древнему Давыду, и новому Костянтину, и Ярославу сроднику великихъ князей на окаяннаго и на проклятаго братоубійцю безглавнаго звѣря Святополка...*
...Князь же послуша ихъ...	...Князь же послуша ихъ, *пріимъ челобитье ихъ...*
...Мамай же съ готовою ратью...	...Мамай же, *иже уже уготовалъ рать на нихъ*, съ *тою* ратью готовою...

Изъ предложеннаго сопоставленія вытекаетъ:

1) Единичныя вставки или перестановки словъ слѣдуетъ относить, какъ и выше отмѣчалось, къ перепискѣ.

2) Распространенная Повѣсть отличается бо́льшей реторичностью, противъ сжатаго слога краткой: прибавлены эпитеты, допущены тавтологическіе обороты, распространены молитвы, и сверхъ имѣющихся цитатъ изъ св. Писанія находятся новыя. Въ краткомъ текстѣ молитвы, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, составлены по Псалтыри. Псалтырь и въ настоящемъ случаѣ является источникомъ для широкаго заимствованія. Такъ, прибавка послѣ словъ: «Враже измѣнниче Олже» — взята изъ Пс. XXXVI, 14, 15; послѣ словъ: «въздаждь имъ, Господи, по дѣломъ ихъ» — изъ Пс. LXXVI и LXXVIII, 6, 10, 12; послѣ словъ: «спаси мя милости твоея ради» — изъ Пс. III и CXVII; послѣ словъ: «сохраненъ бысть Божьею благодатью» — цѣликомъ изъ Пс. XLIII, 7 и XC, 5, 10, 11.

Кромѣ того, вставка послѣ словъ: «отъ беззаконныхъ Агарянъ» — близко напоминаетъ одно мѣсто изъ повѣсти о Ледо-

вомъ побоищѣ (См. Соф. Врем. I, стр. 257). Впрочемъ подобныя выраженія являлись ходячими формулами для риторическихъ украшеній.

3) Въ распространенной Повѣсти слѣдуетъ отмѣтить широкое развитіе отрицательной характеристики князя Олега рязанскаго. Краткій видъ Повѣсти, изображая Олега измѣнившимъ обще-русскому дѣлу, говоритъ о немъ, тѣмъ не менѣе, немного и по существу. Распространенный же текстъ не скупится на мрачныя краски всякій разъ, какъ заходитъ рѣчь объ Олегѣ. Тонъ характеристики обличительный и страстный. Подобное отношеніе къ Олегу могло выработаться только въ Москвѣ, близко соприкасавшейся съ рязанскими интересами. Положеніе Рязани между Ордой и Москвой дѣлало политику Олега чрезвычайно затруднительной, но для Москвы онъ могъ быть только измѣнникомъ. Московская повѣсть о нашествіи Тахтамыша упоминаетъ объ Олегѣ въ томъ же обличительномъ тонѣ: «А князь Олегъ Рязаньскый стрѣти царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю рязаньскую, и бивъ ему челомъ бысть ему помощникъ на побѣду Руси, нъ и *спосп҃шникъ на пакость крестьяномъ*... хотяше бо добра *не намъ*, но своему княженью помагаше». Съ точки зрѣнія Олега послѣднее, конечно, было вполнѣ естественно.

Отношенія Москвы къ Рязани вообще были непріязненны. Характерно въ этомъ отношеніи, для иллюстраціи, одно лѣтописное извѣстіе, можетъ быть — сокращенная повѣсть: «О побоищѣ Москвы съ Рязанью» (Новгородская IV, подъ 6879). Рязанцы очерчены здѣсь отрицательно: «Тогда рязанци, суровыи человѣци и свѣрѣпы людіе, высокоумни суще, възнесшеся мыслью и възгордѣшася, и помыслиша высокоуміемъ своимъ» не пользоваться въ битвѣ оружіемъ: они рѣшили только захватить съ собою веревокъ, чѣмъ было бы вязать слабыхъ москвичей. «Наши» же, говоритъ лѣтопись, уповали на Бога со смиреніемъ и воздыханіемъ, и Богъ помогъ Дмитрію и его войску — князь Олегъ едва убѣжалъ.

Но подобное отрицательное отношеніе къ Олегу (выражаемое, вдобавокъ, риторически: Олегъ сравнивается съ Іудой предателемъ, безглавнымъ звѣремъ — братоубійцей Святополкомъ) есть явленіе *болѣе позднее*. Вскорѣ послѣ Куликовской битвы дружескія отношенія съ Рязанью установились. Мы имѣемъ двѣ договорныхъ грамоты (См. Собраніе государственныхъ грамотъ I), одну — до 1382 г., заключенную съ благословенія митрополита Кипріана, въ которой упоминается и о побоищѣ: «а что князь великии Дмитрии и братъ князь Володимеръ *билися на Дону съ Татары*, отъ того времени что грабежь или что поиманые люди... *тому межи насъ судъ вобчии*». Другая грамота, относящаяся къ 1385 г. — подтверждала вѣчный миръ и согласіе съ Олегомъ, причемъ посредникомъ былъ св. Сергій. Такимъ образомъ ясно выраженной антипатіи къ Олегу не могло быть въ первое время послѣ битвы.

Принимая во вниманіе: а) что характеристика Олега — явленіе болѣе позднее; б) что риторическія дополненія представляютъ дальнѣйшее развитіе кратко выраженной мысли и в) что Повѣсть краткаго типа болѣе стройна по изложенію — приходится заключить, что *болѣе близкая къ протографу Лѣтописная повѣсть находится въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV*.

Нахожденіе Повѣсти болѣе близкой къ оригиналу въ третьей, а не въ основной и первой редакціяхъ нисколько не нарушаетъ схемы, предложенной ак. А. А. Шахматовымъ. Выше было указано, что редакціи Новгородской IV развились одновременно, въ періодъ между 1448—1453 гг. Третья редакція — «сокращенная», поэтому редакторъ воспользовался Лѣтописной Повѣстью безъ прикрасъ и дополненій, въ то время какъ другіе редакторы, вѣрнѣе — редакторъ основного списка — нѣсколько измѣнилъ оригиналъ на счетъ вышеизложенныхъ добавленій.

Обращусь теперь къ разбору болѣе близкой къ оригиналу краткой Лѣтописной Повѣсти.

Эта Повѣсть не оригинальна по изложенію. Она составлена, какъ и всѣ лѣтописныя воинскія повѣсти, начиная съ XI вѣка, на основаніи знакомыхъ автору общихъ мѣстъ или формулъ. Особенно же близка она съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ второй редакціи: эта близость заключается не только въ употребленіи однихъ и тѣхъ же формулъ, но и въ планѣ той и другой повѣсти.

Близость Лѣтописной Повѣсти съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ отмѣчалась изслѣдователями и раньше (См. предыдущую главу). На разборѣ этой повѣсти я остановлюсь подробно.

Первоначальная редакція «Житія великаго князя Александра», составленная его современникомъ, дошла только въ 3 спискахъ: древнѣйшемъ, XIV в. — въ Лаврентьевской лѣтописи и въ двухъ XV-го вѣка: въ Псковской 2 и Сборникѣ Московской Духовной Академіи № 208 (издана въ 1882 г. арх. Леонидомъ).

Въ Лаврентьевской л. текстъ обрывается на половинѣ, вскорѣ послѣ разсказа о Невскомъ побоищѣ. Въ подлинникѣ здѣсь было утрачено нѣсколько листовъ, такъ что дальнѣйшій текстъ представляетъ окончаніе статьи 1283 г.

Гораздо полнѣе текстъ Псковской 2 л., гдѣ пропущены лишь разсказы о шести мужахъ храбрыхъ и непосредственно слѣдующій — объ избіеніи ангеломъ вражеской силы тамъ, гдѣ не было полковъ Александра. Списокъ Академическій является по отношенію къ предыдущимъ наиболѣе цѣлымъ. Однако текстъ его, восходя къ тому же оригиналу, что и лѣтописные, не можетъ считаться первоначальнымъ.

Изъ сравненія Академическаго списка съ лѣтописными усматриваются слѣдующія особенности:

1) Въ лѣтописныхъ нигдѣ нѣтъ отчества князя: «Ярославичъ» и рѣдко употребляется названіе: «великій князь», замѣняемое словомъ «князь». Часто вмѣсто всего титула съ именемъ и отчествомъ стоитъ простое опредѣленіе: вмѣсто, напр. «при

побѣдѣ князя Александра Ярославича» (академическій текстъ)—«при побѣдѣ Александровѣ» (лѣтописный).

2) Въ академическомъ текстѣ нѣкоторыя мѣста носятъ слѣды бо́льшаго непониманія переписчикомъ оригинала или ошибокъ. Такъ, въ академическомъ текстѣ: «Иногда ополчився гражане, антупату хотящу приступити, шедше гражане побѣдиша полкъ его, и оста единъ и взя си градъ ихъ до вратъ градныхъ»; въ Лаврентьевской: «И нѣгдѣ исполчися къ граду Атапату приступити, и шедше гражане и увидѣша полкъ его и остася единъ и възврати силу ихъ ко вратомъ ко граднымъ»...

Далѣе: ...«видѣвъ королевичь мчащше подъ руце вьзѣхавъ по досцѣ до самаго короля, по ней же досцѣ восхожаху и востекоша предъ нимъ, и паки обращеся и свергоша»...; въ Лаврентьевской: «видѣвъ королевича мча подъ руку и взъѣха по досцѣ и до самого корабля, по ней же хожаху съ королевичемъ, иже текоша предъ нимъ, а самого емше свергоша»...

Изъ сравненій видно, насколько текстъ академическій запутаннѣй и болѣе испорченъ, чѣмъ лѣтописный.

3) Въ академическомъ текстѣ встрѣчаются дополненія, отсутствующія въ лѣтописныхъ. Всѣ они представляютъ *характерную интерполяцію*, понадобившуюся для освѣщенія текста. Я приведу ихъ, чтобы показать, что подобныя вставки были и въ Лѣтописной Повѣсти:

Послѣ словъ:	Прибавлено:
«сотворивый небо и землю»	«море и рѣки»
«чюжая части»	«земли»
«пѣсньсловца»	«Давида»
«послати ко отцу»	«во градъ Кіевъ»
«да скажетъ ему»	«силу Варяжскую»
«насадъ единъ гребущъ»	«по морю»
«И рече Борисъ»	«Глѣбу»
«Видѣвше»	«Пелгусіа»
«отъ мученику»	«святую»
«повѣда единому»	«видѣніа»

Послѣ словъ:	Прибавлено:
«Здѣ же»	«въ полку Александровѣ»
«бился съ самимъ воеводою»	«крѣпко»
«паѣхалъ на полкъ съ мечемъ»	«и мужествовалъ»
«три корабли»	«римлянъ»
«видѣша паденіе шатра того, возрадовашась»	«о паденіи шатра того»

4) Накопецъ въ академическомъ спискѣ есть мѣста, гдѣ текстъ не дописанъ. Послѣ словъ: «ти спяти быша и падоша» въ лѣтописныхъ слѣдуетъ: «мы же встахомъ, прости быхомъ. И си рекъ»... Послѣ: «скажетъ ему станы ихъ» — лѣтописные добавляютъ: «и обрытья ихъ. Стоящу же ему при краи моря»...

Текстъ Лаврентьевской л. обрывается на словахъ: ...«пріидоша отъ западныя страны и возгра»..., такъ что дальнѣйшее сличеніе будетъ уже только съ Псковской 2 л. Изъ этого сличенія усматривается:

1) Въ академическомъ продолжаются тѣ же ошибки: вмѣсто: «горъ араратьскихъ» поставлено «аравитьскихъ»; вмѣсто: «да не хвалятся ркучи укоромъ словеньскій языкъ ниже себѣ» находится: «да не хвалятся ркучи урокомъ славенскимъ языкомъ *и иже себѣ*» (впрочемъ здѣсь можетъ быть виноватъ издатель); вмѣсто: «до царства Константинова» — «до царства *Константина Новаго*»; наконецъ — вмѣсто: «они же гордіи» — написано: «а иныхъ во градъ».

2) Текстъ по прежнему имѣетъ вставки, носящія такой же характеръ, какъ и вышеприведенныя, т. е. интерполяціи.

3) Кромѣ того попадаются мѣста, отличающіяся уже довольно значительно другъ отъ друга: Таковы:

Акад....	Псков.:
«текъ же князь великій Александръ Ярославичь и изима и»...	онъ же вскорѣ градъ Псковъ изгна и Нѣмецъ изсѣче, а инѣхъ повяза»...

Затѣмъ, въ академическомъ идетъ разсказъ о посылкѣ Александромъ на Юрьевъ брата своего Ярослава и сына Дмитрія,

въ Псковской же — *только* Дмитрія, и самъ разсказъ изложенъ иначе:

Акад.: «и сына своего Димитрія посла съ новгородцы на западныя страны и вся полки своя съ нимъ отпусти» . . .

Псков.: «сына своего Дмитрія посла на западныя страны и вся полки своя посла съ нимъ и ближнихъ своихъ домочадець, рекши къ нимъ: служите сынови моему, акы самому мнѣ всѣмъ животомъ своимъ» . . .

4) Заключеніе повѣсти не одинаково въ обоихъ спискахъ, и Псковская 2, въ данномъ случаѣ, ближе къ оригиналу.

Указаніе, гдѣ положено было тѣло Александра и дата его кончины поставлены въ Псковской 2 до разсказа о чудѣ. Упоминается, что къ тѣлу приступилъ митрополитъ Кириллъ и Севастьянъ икономъ. Дата академическаго списка не вѣрна ни по числу (судя по напечатанному), ни по имени празднуемаго въ этотъ день святого. Наконецъ, обыкновенное заключеніе академическаго списка: «славяще Отца и Сына и святаго Духа святую Троицу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» — не находитъ себѣ соотвѣтствія въ Псковской 2. Въ послѣдней, послѣ разсказа о чудѣ, слѣдуетъ:

«Се же бысть слышано всѣмъ отъ господина митрополита и отъ икономa его Севастіана. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ далнихъ градъ въ зимное время? и тако прослави Богъ угодника своего».

Эта прибавка находится во второй редакціи Повѣсти и должна принадлежать къ первоначальному тексту. Авторъ называетъ здѣсь митрополита господиномъ, а замѣчаніе, что чудо усугублялось именно тѣмъ, что было зимнее время, подчеркиваетъ непосредственную запись разсказа. Изъ сравненія трехъ текстовъ вытекаетъ, что академическій списокъ хуже по составу текста, уже испорченнаго переписчиками, и что наиболѣе близкимъ къ оригиналу слѣдуетъ считать текстъ, помѣщенный въ Лаврентьевской л. Текстъ Псковской 2 стоитъ

между тѣмъ и другимъ, сохраняя больше чертъ первоначальнаго чтенія.

Первоначальный текстъ повѣсти объ Александрѣ, не трудно возстанавливаемый изъ сличенія списковъ, былъ вытѣсненъ его позднѣйшей обработкой, начальной стадіей которой можно считать академическій списокъ.

Эта позднѣйшая обработка легла въ основаніе *второй редакціи* повѣсти. Въ окончательномъ видѣ эта вторая редакція находится въ лѣтописяхъ Софійской 1 и Воскресенской.

По сравненію съ первой редакціей, вторая представляетъ:

а) основной текстъ, близкій къ тексту академическаго списка, и —

б) дополненія, вставленныя въ разныхъ мѣстахъ текста.

Я отмѣчу эти дополненія по порядку:

1) послѣ разсказа о сборѣ короля въ походъ на Александра, прибавлено: «и помысли (король) въ себѣ побѣдити его или руками яти, а великій Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ роботу створити».

2) собранная рать короля перечисляется: «Местери и Бискупи свои, и Свея и Мурмане, и Сумь и Емь».

3) указано точно мѣсто, куда пришли враги: «и сташа усть Ижеры».

4) передъ разсказомъ объ отправленіи посольства вставлено разсужденіе: король «хотя въспріяти Ладогу, прочіе же рку и Новгородъ и всю новгороцкую область, но еще преблагій, премилостивый человѣколюбець Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ Божія повелѣнія. Прииде бо вѣсть тогда, яко Свѣи идутъ къ Ладозѣ и въ то время»... далѣе идетъ разсказъ объ отправленіи посольства.

5) въ окончаніи описанія Невскаго побоища прибавлено при исчисленіи убитыхъ: «а прочимъ ископаша ямы и вметаша въ ня безчислено, а иніи мнози язвени быша, и тое нощи побѣгоша; Новгородцевъ же ту паде: Костянтинъ Луготиничь, Юря Тапинящиничь, намѣстъ Дрочило Нездиловъ сынъ Кожевниковъ,

а всѣхъ к̄ мужь паде и съ Ладожаны или меньши, то Богъ вѣсть».

Особенно значительны эти вставки при разсказѣ о бою на Чудскомъ озерѣ:

6) въ самомъ началѣ разсказа: Александръ «поклонися святѣй Троици и поиде на землю Нѣмецскую, хотя мьстити кровь христианьскую. Бѣ бо зима в то время, якоже бысть на земли ихъ, пусти вся полкы своя въ зажитія, а Домашь Твердиславичь и Кербетъ быша въ розгонѣ; и убиша ту Домаша, брата Посадница, мужа добра, и иныхъ много избиша съ нимъ, а иныхъ руками яша, а иные прибѣгоша къ великому князю въ полкы. Се же слышавъ Местеръ, изыде противу имъ со всѣми бискупы своими и со всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помочію королевою, и снидоша на озеро, глаголемо Чюдское. Велики же князь Александръ Ярославичь вспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ. Князь же велики»... слѣдуетъ основной текстъ.

7) вновь точное обозначеніе мѣста боя: «на узмени у Воронія камени».

8) по окончаніи битвы: «и биша ихъ на семи верстъ по леду до Суболичьскаго озера; и паде Нѣмець 500, а Чюди безчисленное множество, а руками няша Нѣмець 50 мужь нарочитыхъ воеводъ и приведоша я въ Новгородъ, а иныхъ вода потопи, а иніи злѣ язвени отбѣгоша. Бысть же бой сей априля въ е̄ на похвалу святыя Богородица, на память святаго мученика Клавдія».

9) разсказъ о кончинѣ Александра начинается: «и пребывъ ту (въ Нижнемъ Новгородѣ) мало и прииде на Городець, и въ болши недугъ впаде и пострижеся въ черньци, мѣсяца ноябрь въ д̄і день, тое же нощи и преставися», и далѣе: «положенъ бысть въ Володимерѣ въ церкви святыя Богородица», хотя ниже объ этомъ упоминается еще разъ.

10) наконецъ, дополненіе находится въ заключеніи повѣсти; текстъ его приведенъ выше.

За исключеніемъ послѣдней вставки, относящейся, какъ указано, къ основному тексту, всѣ остальныя носятъ опредѣленный характеръ. Онѣ ярко окрашены мѣстнымъ колоритомъ, и колоритъ этотъ — новгородскій. Оттѣняется желаніе непріятелей захватить именно Новгородскія области, указаны точно названія мѣстныхъ урочищъ, перечислены поименно павшіе новгородцы, подробно разсказана смерть Домаша.

Дѣйствительно, всѣ эти подробности — *новгородскаго происхожденія и находятся въ Новгородской I л-си подъ 6750 и 6771 годами въ видѣ отдѣльныхъ лѣтописныхъ извѣстій.*

Итакъ, вторая редакція повѣсти объ Александрѣ *составилась изъ соединенія обще-русской повѣсти* (можетъ быть составленной во Владимирѣ) *съ извѣстіями, почерпнутыми изъ Новгородской I*[1]).

Составленіе этой второй редакціи слѣдуетъ относить къ концу XIV вѣка: она могла понадобиться потому, что въ 1380—1381 г., вслѣдствіе видѣнія, были открыты мощи Александра Невскаго, отъ которыхъ стали совершаться чудеса, тогда же было установлено и мѣстное ему празднованіе.

Повѣсть объ Александрѣ служила литературнымъ образцемъ для многихъ произведеній древней литературы. Ей подражаетъ повѣсть о князѣ Довмонтѣ Псковскомъ, въ значительной степени она повліяла на составленіе житія Дмитрія Донского.

Съ ней, какъ указано, въ близкой связи стоитъ разбираемая Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ.

Близость обоихъ памятниковъ будетъ видна изъ предложеннаго сравненія текстовъ Мамаева побоища (краткаго типа или редакціи) и второй редакціи повѣсти объ Александрѣ.

Повѣсть объ Александрѣ.	Мамаево побоище.
Король выступаетъ:	*Мамай выступаетъ*:
. . . собра силу многу Ме-	. . . съ единомысленникы сво-

1) Такимъ же точно образомъ, по А. А. Шахматову, составилась основная редакція Новгородской IV.

стери и Бискупи свои, и Свѣя, и Мурмане, и Сумь, и Емь...

ими, со всими прочими князьми ордынскими и съ всею силою Татарскою и Половецкою, еще къ тому рати понаймова Бесермены, Армены, Черкасы, Фрязы, Ясы, Буртасы...

Разсужденіе автора по поводу вторженія враговъ:

...но еще преблагій, премилостивый человѣколюбецъ Богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, и всуе трудишася безъ Божія повелѣнія...

...но хотя человѣколюбець Богъ спасти и свободити родъ хрестьянскій молитвами пречистыя его Матере отъ работы Измаилтьскіа и отъ поганого Мамая...

Самомнѣніе короля:

...помысли въ себѣ побѣдити его, или руками яти, а великій Новгородъ плѣнити и вся грады ихъ и люди Словѣньскія къ себѣ въ работу створити и рече: поиду и плѣню землю великаго князя Александра Ярославича...

Самомнѣніе Мамая:

...нача злый съвѣтъ творити, темныя своя князя звати, и рече имъ: поидемъ на рускаго князя и на всю силу рускую... хрестьянство потеряемъ, а церкви Божія разоримъ...

Начало выступленія враговъ:

...и подвижеся въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и приде въ реку Неву и сташа усть Ижеры...

...и начатъ свирѣпо и напрасно силы своя сбирати, съ яростью подвижася и съ силою многою... и учини собѣ съвѣтъ... стати имъ у рѣкы у Оки...

Князья узнаютъ о нашествіи и молятся:

...Великый же князь Александръ Ярославичь слышавъ словеса ихъ и разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь свя-

...Дмитрій же князь се слышавъ невеселую ту годину, что идутъ на него вся царствіа, и иде къ соборнѣй церкви къ

тыя Софіи, паде на колѣну предъ олтаремъ и нача молитися со слезами святѣй Софіи, поминая исправленія родитель своихъ и глаголя: Боже хвалный, Боже праведный, Боже великый и крѣпкый, Боже превѣчный, створивый небо и землю...

...и въспріимъ Псаломскую пѣснь, рече: суди, Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, приими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ...

святѣй Богородици, и проліа слезы и рече: Господи! ты всемощный и всесилный и крѣпкый въ бранѣхъ, и въистину еси Царь славы, сътворивый небо и землю, помилуй насъ...

...и въспріимъ Авраамлю доблесть и нарекъ Бога и рече: Господи, въ помощь мою вонми, Боже, на помощь мою потщися...

(и ниже):

Господи! что ся умножиша стужающіи ми? мнози въсташа на мя, мнози борющіи мя со мною...

Князья принимаютъ благословеніе передъ походомъ:

...и кончавъ молитву вставъ и поклонися архіепископу, архіепископъ же Спиридонъ новогородскій благослови его...

...и скончавъ молитву иде къ Пречистѣй, къ епископу Герасиму и рече ему: благослови мя, отче... Святитель же Герасимъ благослови князя...

Изображеніе скорби по поводу выступленія князей въ походъ:

...Жалостно и слышати, яко отець его, честный князь Ярославъ Всеволодичь, не бѣ вѣдалъ таковаго встанія на сына своего милаго...

...Слышавше в градѣ на Москвѣ... и во всѣхъ градѣхъ..., что пошолъ князь за Оку, и бысть въ градѣ Москвѣ туга велика и по всѣмъ предѣломъ плачь горекъ...

Рѣчи князей передъ битвой:

...Великій же князь Алек-

...Князь же... рече: сіи

сандръ... рече: не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ; помянемъ пѣснописца Давида, глаголюща: сіи во оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ...

на колесницѣхь, а сіи на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ...

...Боже поставивый предѣлы языкомъ и жити повелѣвый не преступая въ чужая части...

...Господи! не повелѣлъ еси въ чужей предѣлъ вступатися...

Утро битвы и уряженіе полковъ:

...Бѣ бо тогда день субботный, солнцу всходящу...

...Заутра, въ суботу порану... въсходящу солнцу...

...великій же князь... нача крѣпити воя своя ..

...князь же исполчи свои полкы велицѣи...

...князь же великы... укрѣпився силою крестною, ополчився, поиде на нихъ...

...еже к Богу укрѣпився и креста честнаго силою въоружився...

...отътолѣ же потщася наѣхати на нихъ въ 6 часъ дене...

...бысть въ шестую годину дни, начаша появливаться поганіи...

Формула боя:

...и съступишася обои полци... и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чуди, и трусъ отъ копей ломленія, и звукъ отъ мечнаго сѣченія... и не бѣ видѣти леду... покрыло бо есть все кровію...

...и внезапу абіе съступишася обѣ велицѣи силы вмѣсто на долгъ часъ... бысть сѣча зла и велика, и брань крѣпка и трусъ великъ зѣло... и пролья-ша кровь, аки дождевая туча, обоихъ...

Чудо Бориса и Глѣба:

...и тамо обрѣтошася много множество избіеныхъ отъ ангелъ божіихъ... Се же слышахъ отъ самоговидца, рече ми:

...Видѣша бо вѣрніи, яко въ 9 часъ бьющеся и аггели помогаху хрестьяномь, и святыхъ мученикъ полкъ, и вели-

яко видѣхъ полкы Божія на въздусѣ, пришедше на помощь великому князю. И побѣдивъ силою Божіею и святыя Софіи и святою мученика Бориса и Глѣба...

каго воина Георгіа и славнаго Дмитрія, и великихъ князей тезоименитыхъ и Бориса и Глѣба... двои воеводы видѣша поганіи Половци, тресолнечный полкъ и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идуть на нихъ...

Преслѣдованіе бѣгущихъ непріятелей:

...и даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я, гоняще, аки по аеру, и не бѣ имъ камо утещи, и биша ихъ на 7 верстъ по леду до Суболичьскаго озера; и паде... безчисленое множество... а иныхъ вода потопи, а иніи злѣ язвени отбѣгоша...

...Татарове с Мамаемь побѣгоша... и обратиша плеща своя на язвы. И в погонѣ той ови Татарове отъ хрестьянъ язвени быша оружьемъ, падоша, а иніи въ рѣцѣ истопоша; и гониша ихъ до рѣци до Мечи, и тамо бежащихъ бесчисленое множество ихъ погыбоша...

Захватъ добычи:

...бяше бо полона много въ полку его...

...княжіи же полци... полониша богатства много...

Перечисленіе убитыхъ:

...Новгородцевъ же ту паде (слѣдуютъ имена)... а всѣхъ 20 мужь паде и съ Ладожаны, или менши, то Богъ вѣсть...

...Тогда же, на томь побоищи, убьени быша на съступѣ (слѣдуютъ имена)... и инѣи мнози... а прочи... не лзѣ писати множествомъ, яко число превъходить...

Въ обоихъ текстахъ воеводы обращаются къ своимъ князьямъ съ рѣчью.

Заключеніе: возвращеніе съ побѣдою:

...възвратившу же ся великому князю Александру с славною побѣдою,—бяше бо полона много въ полку его, ведяхуть

...христолюбивый князь... возвратися оттуду въ богохранимый градъ Москву, въ свою вътчину, с побѣдою великою...

бо я подлѣ конь, иже именуются ритори . . . И тако приидe къ Новугороду съ великою побѣдою...

и мнозѣ вои его възрадовашася, яко обрѣтше корысть многу, пригналъ бо с собою многа стада конѣй и велбудъ и волы, . . . и доспѣхи, и порты, и товаръ...

Приведенныя параллели показываютъ, что въ Лѣтописной Повѣсти сохранены: а) планъ повѣсти объ Александрѣ; б) значительное большинство выраженій и оборотовъ (даже опредѣленія времени, какъ: бой въ субботу, шестой часъ дня, утро — одинаковы въ обоихъ памятникахъ; в) одна и та же формула боя, и г) разсказъ о чудѣ Бориса и Глѣба: органичный въ повѣсти объ Александрѣ, разсказъ этотъ введенъ въ Лѣтописную Повѣсть словами общаго характера: «видѣша бо вѣрніи».

Въ виду подражательнаго характера Лѣтописной Повѣсти, отъ нея нельзя ожидать детальнаго историческаго разсказа о томъ, что происходило 8 сентября 1380 года. О такомъ знаменательномъ событіи должно было ходить много разсказовъ, которые приносили возвратившіеся съ поля битвы; разсказы эти быстро принимали форму преданій, но Лѣтописная Повѣсть, подчиняясь общему правилу, создавшемуся для писанія лѣтописныхъ воинскихъ повѣстей, не воспользовалась ничѣмъ для иллюстраціи, кромѣ двухъ-трехъ самыхъ общихъ историческихъ фактовъ.

Повѣсть объ Александрѣ была ближайшей литературной формой для разбираемой Повѣсти. Историческія же данныя, помимо общеизвѣстныхъ фактовъ, т. е. канвы самого разсказа, были заимствованы ею еще *изъ синодика*.

Это заимствованіе касается перечисленія убитыхъ «на съступѣ». Въ Повѣсти поминаются: «князь Федоръ Романовичь Бѣлозерскый и сынъ его Иванъ, князь Федоръ Торжьскый, братъ его Мстиславъ, Дмитрій князь Монастыревъ, Семенъ Михайловичь, Микула сынъ Васильевь тысяцкого, Михайло и Иванъ Окинфовичи, Иванъ Александровичь, Андрѣй Серкизовъ,

Тимофей Васильевичь, Акатьевичь нарицаемый Волуй, Михайло Бренковъ, Левъ Мозыревъ, Семенъ Моликовъ, Дмитрій Мининъ, Александръ Пересвѣтъ, бывый преже бояринъ Брянскій».

Среди перечисленныхъ воеводъ князь Дмитрій Монастыревъ оказывается убитымъ два раза: въ лѣтописи подъ 1379 г. значится, что онъ палъ въ бою съ татарами на р. Вожѣ. Повтореніе имени его весьма легко объясняется тѣмъ, что авторъ невнимательно воспользовался синодикомъ, бывшимъ у него подъ руками.

Въ Синодальной Библіотекѣ хранится синодикъ съ именами павшихъ на Куликовской битвѣ. Это пергаменная рукопись (№ 667), писанная уставомъ послѣдовательно отъ XIV до XVII вѣка, въ бархатномъ переплетѣ, на верхней доскѣ котораго находится образъ Живоначальной Троицы. При сличеніи именъ оказывается полное сходство.

Непосредственно передъ именами убитыхъ на бою съ Мамаемъ въ этомъ синодикѣ упомянуты и павшіе на р. Вожѣ. Въ ихъ числѣ какъ разъ упоминается князь Дмитрій Монастыревъ, Назаръ и дружина.

Съ 68 листа слѣдуетъ перечисленіе убитыхъ на полѣ Куликовѣ:

Василію велыминовꙋ тысяцкомоу. михаилоу александровꙋ. иваноу окинѳовꙋ. василію василевꙋ тысяцкомоу. ѳеѡдроу васильевꙋ. вѣ.

Александроу андреевꙋ. іѡанну александровꙋ. андрею григорьевꙋ. дмитрею александровꙋ нареченномоу въ мнишьскомь чиноу діѡнісіоу и данилоу ивановꙋ. елферію ѳеѡдровꙋ. вѣ.

Князь ѳеѡдроу белозерскомоу и сн҃оу его иваноу [1]) оубіеным ѿ безбожнаго мамаа. вѣ.

И в тои ж брани избіеным сімеѡноу михаиловꙋ. никоуле васильевꙋ. тімо҃ю василевꙋ [2]). андрею ивановꙋ серкизовоу.

---

1) приписано внизу: костѧ́нтину конановичю.

2) на поляхъ: валоуеву.

михаилоу иванови. и дроугомоу михаилоу иванови. лву иванови. семеноу меликоу. и всеи дроужинѣ ихь по бл̃гочестію скончавшихся за с̃тыя цр̃кви и за православноую вѣроу. вѣ.

Въ этомъ синодикѣ записано именъ больше, чѣмъ въ Повѣсти, но тѣ, что перечислены въ Повѣсти, здѣсь находятъ себѣ полное соотвѣтствіе. Авторъ Повѣсти самъ, въ данномъ случаѣ, указываетъ на заимствованіе: «сіи же токмо списаны, говоритъ онъ, перечисливъ убитыхъ, — князи и воеводы нарочитые и старѣшихъ бояръ имена, а прочи бояръ имена и житьихъ (и) слугъ именитыхъ не лзѣ писати множествомъ», но главное потому, какъ объяснено въ другомъ спискѣ: «ихже имена *не суть писана въ книгахъ сихъ*».

Въ болѣе позднемъ спискѣ (Лаврскій синодикъ № 818, уставъ XVII в.) сохранено то же перечисленіе:

В лѣта ,ѕѡпи-го, м̃ца сентября в н̃ день при великомъ кн̃зе димитріи ивановиче московскомъ побьени за дономъ рускія князи от мамая, их же имена суть сія:

Князя Феодора. князя іоанна [1]). князя Феодора. князя мстислава. князя димитрія симеоновича. никулу василіевича. михаила. іоанна. іванна. андрея. андреа. тимоѳея волуя. михаила. лва. тарасія. симеона. димитрія. Сергіа чюдотворца ученикъ инока александра. И с ними триста и шестьдесятъ тысящь избіенныхъ православныхъ христіанъ. Рабомъ бж̃имъ всемъ православнымъ хр̃стіяномъ избиеннымъ на поле куликовѣ межю дономъ и мечи на усть непрядвы вѣчная память.

Вышеизложеннымъ исчерпывается строеніе краткой редакціи Повѣсти.

Что касается распространеннаго вида Лѣтописной Повѣсти, то она, какъ выше указано, находится кромѣ того въ болѣе позднихъ сводахъ: 1) *Софійской 1 лѣтописи*, гдѣ она озаглавлена: «Побоище великого князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ». (П. С. Р. Л., стр. 90—98. Къ этому тексту слѣдуетъ

1) написано дважды.

относить текстъ Софійскаго Временника I, изд. М. 1820, стр. 355—368 и рукописи Историческаго Музея: Сборникъ статей каноническихъ и историческихъ, № 25639, второй половины XV в.) и 2) *Воскресенской лѣтописи*, съ такимъ же заглавіемъ (П. С. Р. Л. VIII, стр. 34—42) [1]).

За исключеніемъ нѣкотораго разночтенія въ собственныхъ именахъ текстъ Повѣсти въ Софійской 1 чрезвычайно близокъ къ Воскресенскому, и непонятно, почему А. А. Шахматовъ раздѣляетъ эти тексты.

Оба текста, въ свою очередь, подходятъ къ распространенному тексту Повѣсти, помѣщенному въ основной, первой и второй редакціяхъ Новгородской IV, но, по нѣкоторымъ особенностямъ, представляютъ текстъ болѣе поздній.

Тексты Новгородской IV лучше удерживаютъ чтеніе оригинала: а) вмѣсто: «нашъ князь», «князь Дмитрій» — въ Софійской и Воскресенской всюду употребляется: «князь великий Дмитрій Ивановичъ»; б) имена сыновей великаго князя — Василій, Юрій и Иванъ — отсутствуютъ въ разбираемыхъ лѣтописяхъ; в) количество рати: «сто и пятьдесятъ тысячей» здѣсь замѣнено нескладной цифрой: «сто тысячъ и сто»; г) во фразѣ: «еще же къ тому приспѣша, *въ той чинъ рагозный*, издалеча велиціи князи Ольгердовичи», выраженіе: «въ той чинъ рагозный» (рагозный — находящейся въ ссорѣ, непріязненный) не понято лѣтописями Софійской 1 и Воскресенской: онѣ читаютъ: «еще же къ тому приспѣша *вотчинъ разныхъ* издалеча». Порчу чтенія можно объяснить изъ написанія: «в тои чин разных», встрѣчаю-

1) Сюда еще слѣдуетъ относить: 1) Такъ называемую *Типографскую лѣтопись* (Лѣтописецъ содержащій россійскую исторію отъ 1206 до 1534 лѣта. М. 1784), которая въ текстѣ Повѣсти составляетъ сокращеніе распространеннаго вида (Бестужевъ-Рюминъ указываетъ также на отношеніе Типографской л. къ Воскресенской) и 2) *Львовскую лѣтопись* (Лѣтописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича. Спб. 1792). Здѣсь сокращеніе Повѣсти сходно съ Типографскимъ, (а не съ Никоновскимъ текстомъ, какъ говоритъ Бестужевъ-Рюминъ). Обѣ лѣтописи изданы весьма неисправно.

щагося въ такъ называемой лѣтописи Дубровскаго [1]); д) во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV, послѣ словъ: «Ягайло со всею силою литовскою побѣже назадъ со многою скоростію, никимъ же гонимъ, не видѣша бо тогда князя великаго, ни рати его, ни оружія его, токмо имени его бояхуся и трепетаху», находится приписка: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ Литва надъ нами поругаются (игры творять) и издѣваются. Но мы сію бесѣду оставльше, на предлежащее возвратимся». Эта приписка отсутствуетъ въ Софійской 1 и Воскресенской, естественно, какъ въ сводахъ болѣе позднихъ.

Въ остальномъ текстъ Повѣсти въ этихъ сводахъ *вполнѣ совпадаетъ съ общимъ текстомъ распространеннаго вида.*

Вышеприведенная вставка позволяетъ опредѣлить время написанія протографа Повѣсти. Послѣ разсказа о томъ, какъ Ягайло съ Литвою убѣжалъ при одномъ только слухѣ о побѣдѣ Дмитрія, имени котораго Литва боялась и трепетала, авторъ сокрушенно указываетъ на современныя ему безнаказанныя насилія Литвы надъ Русью.

Насилія эти могли имѣть мѣсто только при Витовтѣ. Непріязненныя дѣйствія Витовта начались въ 1395 г. взятіемъ Смоленска обманомъ; въ слѣдующемъ 1396 г. Витовтъ опустошилъ рязанскія владѣнія, причемъ, по выраженію лѣтописцевъ, кровь лилъ какъ воду, а людей избивалъ, сажая улицами. Въ 1404 г. имъ былъ взятъ окончательно Смоленскъ, а въ 1405 — у псковитянъ Коложе, причемъ одинадцать тысячъ псковитянъ было уведено въ плѣнъ и нѣсколько лодокъ наметано убитыми дѣтьми. Затѣмъ, до 1425 г. нашествій со стороны Литвы не было, но въ слѣдующемъ году Витовтъ опять наступаетъ на Псковъ, а въ 1428 — на Новгородъ, съ котораго беретъ контрибуцію. Въ послѣдующее время, до самаго паденія Новгорода, нѣтъ упоминаній о столкновеніяхъ съ Литвою.

---

1) О помѣщенной въ этой лѣтописи Повѣсти см. главу 4.

Къ какому же году слѣдуетъ пріурочивать вставку Лѣтописной Повѣсти?

Въ 1417—18 гг. написано Епифаніемъ житіе пр. Сергія. Въ немъ находится глава, касающаяся Мамаева побоища: «О побѣдѣ еже на Мамаа и о монастырѣ иже на Дубенкѣ». Центръ тяжести повѣствованія лежитъ на основаніи монастыря по обѣту великаго князя въ случаѣ побѣды надъ татарами.

Описаніе же самой битвы Епифаній, по всѣмъ вѣроятіямъ, заимствовалъ изъ готоваго повѣствованія. Дмитрій, говоритъ Житіе, «събравъ вся воя своа, приспѣ противоу безбожныхъ татаръ; *и оувидѣвъ силоу их зѣло множство, сташа съмнящеся*, страхомь мнози от них ѡбіати быша, помышляюще, что сътворити. *И се внезаапу въ тои час приспѣ борзоходець с посланіем от сто*, гающе: без всякого съмнѣніа, гне, съ дръзновеніемь поиди противоу свирѣпьства их, никакож оужасатися, всяко поможетъ ти Бъ»[1]).

Подобное мѣсто находится и въ Лѣтописной Повѣсти, но тамъ оно изложено иначе: «Великій же князь прииде *к Дону, за два дни до Рожества святыя Богородица. И тогда приспѣла грамота* отъ преподобнаго игумена Сергія, отъ святого старца благословенная, в ней же написано таково благословеніе, веля ему битися с татары: чтобы еси, господине, такы пошолъ, поможетъ ти Богъ и святая Богородица».

Несомнѣнно, что эпизодъ этотъ органиченъ въ лѣтописи, а не въ житіи: грамота имѣла значеніе до перехода черезъ рѣку, а не тогда, когда враги уже были на лицо; переходъ рѣки могъ вызывать еще колебаніе и робость, но послѣднимъ не могло быть мѣста, когда отступленіе уже было отрѣзано. Кромѣ того въ житіи замѣчается тенденція придать чудесность этому «внезапному» приходу борзоходца. Епифаній по своему окрасилъ эпизодъ, знакомый ему изъ Лѣтописной Повѣсти.

---

1) Житіе преп. Сергія, изд. арх. Леонидомъ, Памят. Древн. Письм. 1885, стр. 126.

Поэтому Повѣсть не могла явиться позже 1417—18 года, а слѣдовательно «надругательства» Литвы слѣдуетъ искать въ событіяхъ до 1426 года.

Среди перечисленныхъ вражескихъ нашествій Литвы самымъ яркимъ по насилію слѣдуетъ считать набѣгъ 1405 года, когда отъ Витовта пострадалъ Псковъ, богатый пригородъ новгородскій, а въ самый Новгородъ была послана розметная грамота. Тогда, по выраженію лѣтописи, «не бывала пакость такова и Псковъ сталъ, а то все за умноженіе грѣхъ ради нашихъ». Витовтъ характеризуется здѣсь какъ «поганый отступникъ правыя вѣры христіанскія, отметникъ божій, сынъ діаволь, невѣрникъ правдѣ, ни крестному цѣлованью» [1]). Къ этому году, когда «мертвыми дѣтьми были наметаны двѣ ладьи подъ городомъ Вороначемъ», должно, по моему мнѣнію, относиться упоминаніе объ издѣвательствѣ Литвы надъ Русью. Къ 1405 году, слѣдовательно, нужно относить тотъ оригиналъ Повѣсти, съ котораго списанъ разобранный текстъ краткаго типа.

Однако составленіе Повѣсти произошло раньше. Вставку: «а не яко при нынѣшнихъ временехъ...» приходится разсматривать или какъ интерполяцію, или какъ замѣтку переписчика 1405 года. Общій тонъ Лѣтописной Повѣсти вполнѣ эпическій, и авторъ нигдѣ не касается современности (даже отрицательная характеристика Олега, какъ указано, явленіе позднее), между тѣмъ приведенная вставка вполнѣ отлична отъ общаго изложенія по тону. Не вяжется также съ общимъ разсказомъ непослѣдовательность въ употребленіи временъ: «бояхуся, трепетаху» — въ основномъ текстѣ, «игры творять, поругаются» — во вставкѣ, равно какъ и противительный союзъ: «*а* не яко»...

Итакъ, если допустить, что вставка, гдѣ упоминалось объ издѣвательствахъ Литвы, есть прибавленіе списка 1405 года, то протографъ Лѣтописной Повѣсти слѣдуетъ относить ко времени болѣе раннему, т. е. къ самому концу XIV вѣка. Составле-

1) Псковская I, подъ 6914 г.

ніе Повѣсти «по всей вѣроятности въ XIV столѣтіи» признаетъ и А. А. Шахматовъ. Послѣдній въ числѣ списковъ первоначальной редакціи Новгородской IV предполагаетъ одинъ, оканчивавшійся 1404 годомъ и легшій въ основаніе Синодальнаго № 280, т. е. списка, гдѣ — *краткая редакція Повѣсти*. Можетъ быть этотъ списокъ и имѣлъ впервые указанную приписку 1405 года?

Литературная исторія Лѣтописной Повѣсти представляется мнѣ, слѣдовательно, въ такомъ видѣ:

1) Въ концѣ XIV вѣка была составлена Повѣсть по образцу повѣсти объ Александрѣ. Кромѣ послѣдней пособіями служили: псалтырь (для текста молитвъ) [1]) и синодики (имена убитыхъ). Повѣсть сообщала историческіе факты лишь въ общихъ чертахъ, опустивъ всѣ возможныя перипетіи.

2) Въ 1405 году Повѣсть была переписана, причемъ переписчикъ не могъ умолчать о дѣйствіяхъ Витовта надъ Русью, такъ шли они въ разрѣзъ съ былымъ могуществомъ, когда та же Литва отъ одного имени русскаго приходила въ трепетъ.

3) Этотъ списокъ 1405 г. былъ протографомъ уже извѣстной Повѣсти, краткаго типа, занесенной во Владимирскій полихронъ 1423 года.

4) Въ Сводъ 1448 года Повѣсть попала уже въ *распространенномъ* видѣ, т. е. въ такомъ, который познается въ *основной* редакціи Новгородской IV.

5) Между 1448—1453 г. Повѣсть подвергалась послѣдовательной обработкѣ, находящейся *въ первой и второй редакціяхъ* Новгородской IV. Обработка, впрочемъ, была незначительной и сводилась къ измѣненіямъ при переписке.

6) *Третья* редакція Новгородской IV *сохранила въ болѣе неприкосновенномъ видѣ протографъ Повѣсти*, находившейся въ Полихронѣ.

---

1) Лучше сказать — Св. Писаніе, такъ какъ авторъ иногда цитируетъ пр. Іеремію: «Рахиль есть рыданіе крѣпко» . . . — ср. XXXI, 15 и ев. Матѳея: «гдѣ трупи, ту и орли» — ср. гл. XXIV, ст. 28.

7) Ко второй половинѣ XV вѣка относятся дальнѣйшія обработки Повѣсти, помѣщенныя въ Софійской I и Воскресенской. Текстъ Повѣсти въ обѣихъ лѣтописяхъ сходенъ и является результатомъ (какъ говоритъ А. А. Шахматовъ о Софійской I лѣтописи) московской обработки 1455—58 годовъ Свода 1448 г.

8) Занесенная въ лѣтописный сводъ впервые въ 1423 году Повѣсть должна была существовать въ какой нибудь мѣстной лѣтописи. А. А. Шахматовъ указываетъ на существованіе особаго Московскаго свода 1380—81 года, *оканчивавшагося сказаніемъ о Донскомъ побоищѣ*. Слѣдовательно, оригиналъ Повѣсти *написанъ въ Москвѣ*. Поэтому и великій князь здѣсь зовется «нашимъ княземъ».

Лѣтописная Повѣсть, какъ будетъ видно дальше, легла въ основаніи особаго вида повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ — *Сказанія*. Послѣднее цѣликомъ воспользовалось ея схемой, содержаніе которой (для будущаго сравненія) таково:

1. Мамай со всей силой татарской, съ наемниками, въ союзѣ съ Ягайломъ Ольгердовичемъ и Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ идетъ на великаго князя Дмитрія, вспоминая времена Батыя и свое пораженіе на Вожѣ. Олегъ посылаетъ къ Мамаю своего посла, чтобы стать вмѣстѣ у Оки.

2. Въ августѣ приходятъ къ великому князю изъ Орды вѣсти о выступленіи Мамая. Олегъ увѣдомляетъ о томъ же. Великій князь, по молитвѣ, посылаетъ за княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и за другими и обращается къ нимъ съ рѣчью о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ.

3. Соединенное русское войско приходитъ на Коломну. Сюда же приходятъ Ольгердовы дѣти — князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій. Мамай останавливается за Дономъ.

4. Вторая вѣсть приходитъ къ Дмитрію: Мамай ждетъ на помощь Ягайла и, выигрывая время, проситъ по прежнему выхода, но имъ не довольствуется. Олегъ явно переходитъ на сторону Мамая, о чемъ узнаетъ великій князь, который молится о помощи на враговъ и проситъ благословенія у еп. Герасима.

5. Выходъ изъ Коломны 20 августа. Войска стягиваются на устьѣ Лопасны у Оки, куда приходятъ князь Владимиръ и его воевода Тимоѳей Васильевичъ. Войско переправляется въ рязанскую землю.

6. Плачи въ Москвѣ и по другимъ городамъ о походѣ великаго князя на бой.

7. Грамота отъ пр. Сергія, присланная передъ переходомъ черезъ Донъ.

8. Колебаніе передъ переходомъ: одни совѣтуютъ сражаться по ту сторону Дона, другихъ пугаетъ непріятель. Великій князь обращается съ ободрительной рѣчью и велитъ начать переправу.

9. Въ субботу 8 сентября великій князь въ туманное утро ставитъ полки и направляется къ устью Непрядвы.

10. Въ шестый часъ замѣчены татары. Готовятся къ бою; сторожевые полки вступаютъ въ соприкосновеніе.

11. Послѣ словъ великаго князя: «Богъ намъ прибѣжище и сила» — общая битва.

12. Видѣніе въ девятомъ часу: небесное воинство поражаетъ татаръ.

13. Побѣда русскихъ. Общее бѣгство, во время котораго побито множество враговъ. Мамай бѣжитъ «неготовыми дорогами».

14. Перечисленіе убитыхъ. Самъ великій князь, бившійся впереди, раненъ. Похвала великому князю.

15. Бѣгство Ягайла, узнавшаго о побѣдѣ.

16. Великій князь, «ставъ на костѣхъ», съ братомъ Владимиромъ воздаетъ благодарственную молитву.

17. Великій князь благодаритъ оставшееся воинство и возвращается въ Москву съ добычей.

18. На обратномъ пути, узнавъ о насиліяхъ Олега, Дмитрій собирается послать на него войско. Рязанскіе бояре бьютъ ему челомъ, и великій князь сажаетъ на Рязани своихъ намѣстниковъ.

19. Участь Мамая, котораго разбиваетъ Тахтамышъ и гонитъ изъ Орды. Мамай погибаетъ отъ рукъ убійцъ въ Каѳѣ.

Лѣтописная Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впослѣдствіи подвергалась сокращенію. Въ сильно сокращенномъ видѣ она находится въ лѣтописяхъ Троицкой и Новгородской I (ихъ списки восходятъ къ XV вѣку). Въ Троицкой лѣт. оставлены только имена убитыхъ на «суймѣ», да и то съ пропусками, остальной же разсказъ сжатъ до степени простой лѣтописной замѣтки.

Нѣсколько полнѣе изложеніе Новгородской I. Выпущены всѣ риторическія отступленія, молитвы, разсказы о судьбѣ Олега (Олегъ вообще не упоминается) и Мамая. Изложеніе носитъ новгородскую окраску, потому что не смотря на сильное сокращеніе текста редакторъ оставилъ слѣдующую тираду: «Москвичи же мнози небывалци, видѣвше множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшися, а иніи на бѣги обратишася, не помянувше реченнаго пророкомъ: Како единъ поженетъ тысячу, а два двигнета тму, аще не Богъ предастъ ихъ».

Лѣтописная Повѣсть занесена еще въ Симеоновскую лѣтопись, о которой А. А. Шахматовъ говоритъ: «въ Симеоновской (а также, судя по отсутствію ссылокъ на нее у Карамзина, въ Троицкой) объ этомъ событіи [1]) содержится краткое сообщеніе, имѣющее всѣ черты первоначальной записи, а не позднѣйшаго сокращенія».

По этому вопросу я держусь противоположнаго мнѣнія и признаю текстъ Повѣсти по Симеоновской—какъ разъ *позднѣйшимъ сокращеніемъ*, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Извѣстная Карамзину Троицкая лѣтопись въ текстѣ Лѣтописной Повѣсти *отличалась* отъ Симеоновской. Карамзинъ говоритъ: «замѣтимъ единственно, что *по Троицкой* и Ростовской лѣтописямъ Михаилъ Тверскій не участвовалъ въ семъ

1) т. е. о Мамаевомъ побоищѣ.

ополченіи и *что послы Мамаевы нашли Димитрія уже въ Коломнѣ*» (прим. 66 къ V т.). Въ извѣстной Карамзину Ростовской л., въ которой, судя по выдержкамъ, заключалась Лѣтописная Повѣсть распространенной редакціи, дѣйствительно, сказано, что «нача Мамай слати ко князю Дмитрію выхода просити» въ то время, когда тотъ былъ въ Коломнѣ, но въ Симеоновской никакого упоминанія о пребываніи Дмитрія въ Коломнѣ и о посольствѣ Мамая *нѣтъ*.

2) Имена убитыхъ на бою въ Симеоновской помѣщены съ пропусками противъ Лѣтописной Повѣсти, а по порядку и по количеству *вполнѣ соотвѣтствуютъ* указанной выше — Троицкой (напечатанной) лѣтописи, *гдѣ Повѣсть безусловно сокращена*.

3) Изложеніе Симеоновской л. представляетъ сокращенный пересказъ Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ многихъ мѣстъ послѣдней. Выпущены всѣ молитвы, всѣ разсужденія, упоминаніе объ Олегѣ, пребываніе великаго князя въ Коломнѣ, разсказы о вмѣшательствѣ небесной силы.

4) Сокращена формула боя: вмѣсто описанія боя въ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть сѣча зла и велика, и брань крѣпка, и трусъ великъ зѣло... и прольяша кровь, аки дождевая туча»..., сказано только: «и бысть на долзѣ часѣ брань крѣпка зѣло и сѣча зла». Сокращеніе формулы особенно подчеркиваетъ общее сокращеніе, такъ какъ формула, какъ нѣчто постоянное (locus communis), не измѣнялась безъ особой на то причины.

5) При полномъ отсутствіи упоминанія объ Олегѣ рязанскомъ, объ его непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ великаго князя, неожиданно въ концѣ Повѣсти находится разсказъ о рѣшеніи Дмитрія послать войско противъ Олега, о бѣгствѣ послѣдняго и покорствѣ рязанскихъ бояръ — вполнѣ соотвѣтствующій по тексту Лѣтописной Повѣсти. Слѣдующій непосредственно за этимъ разсказъ о судьбѣ Мамая также имѣетъ съ Лѣтописной Повѣстью буквальное сходство. Присутствіе двухъ распространенныхъ эпизодовъ, въ сущности второстепенныхъ, при глав-

номъ сжатомъ содержаніи, можетъ только указывать на позднѣйшее сокращеніе текста.

6) Въ спискахъ третьей редакціи Новгородской IV, въ Повѣсти, вмѣсто «исполчишася» написано «исполнишася». Эту же ошибку встрѣчаемъ и Симеоновской л. Можно думать, что сокращеніе Повѣсти произошло со списка, заключавшаго эту ошибку.

Сокращеніе Лѣтописной Повѣсти находится еще въ Хронографѣ 1 редакціи, составленномъ въ 1422 г. Пахоміемъ Логофетомъ. Представляя въ общемъ сжатый пересказъ Повѣсти, изложеніе Хронографа имѣетъ нѣкоторыя характерныя добавленія:

1) Измѣнены слова преп. Сергія въ грамотѣ: «бійся, рече, съ поганымъ Мамаемъ, не ожидай на себя силы, Богъ ти поможетъ и святая Богородица».

2) Къ сокращенной формулѣ прибавлена картина общаго боя: «бысть войска на девятидесяти верстахъ, а трупа человѣческаго на четыредесятихъ верстахъ паде, а бою было отъ третьяго часа до девятаго».

3) Является, развитый уже въ Сказаніи, мотивъ о единоборствѣ: «Убитыхъ же князей и боляръ великихъ съ пятнадцать: и Левъ Морозовъ и Семенъ Меликовъ, съ ними же *Александръ Пересвѣтъ и чернецъ Ослябя богатыри...*, а тамъ у нихъ же *богатыръ же былъ татаринъ, его же уби, Ослябя да и самъ отъ его ранъ умре*». Обыкновенно въ разсказѣ о единоборствѣ участвуетъ Пересвѣтъ. Упоминаніе здѣсь объ Ослябѣ можетъ указывать лишь на еще не установившееся преданіе.

Присутствіе мотива о единоборствѣ въ Хронографѣ показываетъ, что въ началѣ XV вѣка въ изложеніе Лѣтописной Повѣсти стали проникать устные разсказы. Это обстоятельство роднитъ хронографическое изложеніе Повѣсти съ изложеніемъ лѣтописи Дубровскаго и Ростовской Архивской, о которыхъ подробно рѣчь будетъ въ четвертой главѣ этой книги.

ГЛАВА III.

Повѣданіе, писаніе Софоніи.

По древнѣйшему списку писаніе Софоніи названо *Задонщиной*. Этотъ терминъ былъ усвоенъ изслѣдователями для обозначенія разбираемаго памятника, по содержанію и формѣ оригинальнаго, отличающагося вполнѣ отъ пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, которую они называли Повѣданіемъ. Но названіе писаніи Софоніи «Задонщиной» принадлежитъ, собственно, одному, древнѣйшему списку, и составляетъ, такъ сказать, особенность послѣдняго. Въ этомъ спискѣ послѣ текста Задонщины идутъ лѣтописные отрывки, въ которыхъ встрѣчаются такія образованія: Мамаевчина, Задонщина, Тахтамышевщина, и цѣлый рядъ событій хронологически связывается съ Задонщиной (въ такомъ то году «по Задонщинѣ»). Несомнѣнно, это — индивидуальность указаннаго списка, остальные же только повторяютъ это названіе, и то — рѣдко.

Кромѣ того, самый терминъ этотъ неустойчивъ и въ наукѣ. Такъ, напримѣръ, Перетцъ въ своей диссертаціи подъ Задонщиной разумѣетъ Лѣтописную Повѣсть.

Я отступлю отъ этого термина и, основываясь на начальныхъ строкахъ текста: «Лудчи бо намъ, братія, начати *повъдати* иными словесы», буду писаніе Софоніи называть *Повѣданіемъ*. Оно такъ, очевидно, и называлось, потому что простран-

ная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ («Сказаніе», которое я разбираю въ слѣдующихъ главахъ), черпая широко, какъ будетъ видно, дополненія ихъ писанія Софоніи, въ большинствѣ списковъ носитъ двойное заглавіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского.

Повѣданіе дошло въ трехъ спискахъ, представляющихъ памятникъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ, и — въ отрывкахъ.

Списки эти слѣдующіе:

1. Древнѣйшій, XV вѣка, находится въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, описанномъ арх. Варлаамомъ. («Описаніе сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», Уч. Зап. Имп. Академіи Наукъ, 1859, V). Тамъ же изданъ и текстъ памятника, называемаго въ рукописи и «Писаніемъ Софонія старца рязанца» и — «Задонщиной»: — «Задонщина великого князя господина Димитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича». (Ibid. стр. 57—60).

2. Текстъ XVII вѣка, въ сборникѣ, принадлежавшемъ Ундольскому, теперь Румянцевскому Музею (№ 632 по описанію рукописей Ундольскаго). Изданъ (очень плохо) первымъ владѣльцемъ во Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1852, кн. 14, съ предисловіемъ И. Д. Бѣляева. Здѣсь памятникъ носитъ иное названіе: «Слово о великомъ князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимере Андрѣевиче, яко побѣдили соупостата своего царя Мамая» [1]).

3. Текстъ въ скорописномъ сборникѣ XVII вѣка Синодальной Библіотеки подъ № 790. Сборникъ этотъ писанъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи и содержитъ въ себѣ, между прочимъ, еще: отрывокъ изъ дѣяній Брестскаго собора 1591 г., хронику о великихъ князьяхъ литовскихъ до 1475 г., лѣтописцы: литовскій и о событіяхъ въ западной Руси, много выписокъ изъ разныхъ лѣтописей и хронографовъ. Текстъ Повѣданія изданъ

1) Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ выпискахъ, я цитирую по рукописи, а не по изданію. По рукописи же цитирую и Кирилло-Бѣлозерскій текстъ; фотографическій снимокъ съ этой рукописи любезно предложенъ мнѣ П. К. Симони.

проф. Смирновымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1890, № 2. Въ рукописи памятникъ снова считается писаніемъ Софоніи: «Сказание Софона резанца написана руским князем похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу».

Древнѣйшій списокъ далеко не представляетъ исправнаго текста. Во первыхъ—Повѣданіе помѣщено здѣсь не въ полномъ объемѣ. Текстъ его прекращается послѣ разсказа о плачѣ боярынь по убитымъ мужьямъ; въ спискахъ же XVII вѣка вслѣдъ за этимъ идетъ какъ бы вторая часть памятника, гдѣ центральной фигурой является князь Владимиръ Андреевичъ. Такъ какъ писаніе Софоніи поставило цѣлью — воздать похвалу обоимъ участвовавшимъ въ битвѣ князьямъ, Дмитрію и Владимиру, а древнѣйшій текстъ какъ разъ говоритъ только о Дмитріи, и изложеніе кончается тамъ, гдѣ въ другихъ спискахъ начинается похвала Владимиру, то нужно думать, что неполнота древнѣйшаго текста не есть результатъ случайной утраты, или что оригиналъ памятника былъ краткій. Скорѣе можно предположить, что переписчикъ ограничился только перепиской той части Повѣданія, гдѣ изображенъ героемъ великій князь Дмитрій.

Во вторыхъ, къ неисправности текста слѣдуетъ отнести ошибки, пропуски, сокращенія (особенно въ концѣ, гдѣ нарушена даже логическая связь) и интерполяціи. Приведу примѣры:

а) ошибки: Гобояна (вм. Бояна); половетция (вм. половецкия); калантыри зачены (вм. калантыри злачены); на Чечѣ (вм. на Мечѣ); ставше (вм. истезавше); Андрея Половетцкаго (вм. А. Полоцкаго); под троубами поють (вм. повити); Ивана Дмитріевича (вм. Дмитрія Ивановича) и др.

б) пропуски: «Тои бо вѣщій Боянъ... пояше славоу роусскыимь княземь... восхваляя ихъ пѣсми и гоуслеными боуиными словесы на роусскаго господина князя Дмитріа Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича»...

Послѣ «словесы» должна была слѣдовать цѣлая фраза, иначе

нѣтъ смысла. Въ текстѣ Ундольскаго: «...пояша руским княземъ славу... аз же... восхвалю пѣснеми, гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея».

Фраза «От тоя рати и до Мамаева побоища»—не докончена. Въ другихъ спискахъ она читается такъ: «От тоя рати и до Мамаева побоища р҃ѯ҃ лѣтъ».

Пропущено обращеніе князя Дмитрія Брянскаго къ своему брату Андрею, почему въ рѣчи послѣдняго встрѣчается такая несообразность: «Сѣдлаи, брате Ондрѣи, свои борзи комони», какъ будто князь приказываетъ самому себѣ. Въ другихъ спискахъ это обращеніе есть, здѣсь же не оттѣнено—гдѣ кончается рѣчь одного и начинается другого.

в) сокращенія: Сокращено все начало, которое гораздо полнѣе въ другихъ спискахъ.

Скомкана вся картина боя: «гряноуша копія харалоужныя. мечи боулатныя. топори легкіе. щиты московьскыя. шеломы нѣмецкіе. боданы бесерменьскыя. тогда поля костьми насѣяны. кровьми поліано. воды возпиша. вѣсть подаваша порожнымь землямь»... Здѣсь въ началѣ простое перечисленіе вооруженія при одномъ сказуемомъ. Это—какъ бы схема той картины, которая развита въ другихъ спискахъ.

Сокращена рѣчь Осляби: ...«оуже брате вижю раны на срдци твоемь тяжки. оуже твоеи главѣ пасти на сыроую землю. на бѣлоую ковылоу. моемоу чадоу иякову». Непонятно, о какомъ Іаковѣ говоритъ Ослябя, когда этимъ именемъ въ томъ же текстѣ зовется онъ самъ, и неизвѣстно, что суждено тому Іакову, о которомъ упоминается въ рѣчи Осляби.

Благодаря какому то сокращенію замѣчается непослѣдовательность въ употребленіи падежей въ перечисленіи убитыхъ, которое, кромѣ того, представляетъ вставку: «взопаша избіеніи от поганыхъ. кн҃зи великих и боляръ сановных. кн҃зя Феодра романовича бѣлозерскаго и сн҃а его князя ивана. микоулоу васильевича. Феодръ мемко. иванъ сано. михаило вренковъ. іаковъ ослебятинъ. пересвѣтъ чернець. и иная многая дроужина».

Наконецъ, по сравненію съ другими списками, весьма сокращены плачи боярынь по избіеннымъ мужьямъ, — ими и заканчивается памятникъ по Кирилло-Бѣлозерскому списку.

г) интерполяціи: Послѣднія представляютъ частое явленіе какъ въ разбираемомъ, такъ и въ другихъ спискахъ Повѣданія. Сжатый и поэтическій текстъ памятника, несомнѣнно, требовалъ разъясненій и дополненій. Интерполированныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, много въ Словѣ о полку Игоревѣ. Много ихъ и въ разбираемомъ текстѣ, гдѣ они отличаются и по отсутствію связи съ общимъ тономъ изложенія и по самому характеру, являясь объясненіемъ той или другой мысли. Таковы:

1) указанная выше неконченная фраза: «от тоя рати и до мамаева побоища» — соображеніе о количествѣ лѣтъ, прошедшихъ отъ битвы при Калкѣ до Куликовской.

2) послѣ словъ: «лисици часто брешють» слѣдуетъ объясненіе: «чають побѣдоу на поганыхъ». Въ этомъ мѣстѣ интерполяція очевидна: кто то имѣлъ въ виду объяснить себѣ текстъ, составленный вполнѣ по Слову о полку Игоревѣ, и разсказъ о лисицахъ, пришедшихъ на поле битвы, изложилъ такимъ образомъ: «аркоучи такъ земля еси роусская. какъ еси была доселева за цр̃емь соломоном. такъ боуди и нн̃ѣча за кн̃земь великим дмитріемь ивановичемь». Несомнѣнно, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, въ оригиналѣ было: «теперь бо еси за соломянемь побывала». Упрекъ въ непониманіи текста Слова отнюдь не долженъ лежать на Софоніи, который всюду имъ пользуется умѣло, а на томъ читателѣ, который осмыслилъ по своему непонятное ему мѣсто.

3) ясна интерполяція, разъединяющая подлежащее отъ сказуемаго, въ фразѣ: «сл̃нце емоу на встоцѣ *семтября и̃ в средоу на рж̃ство пр̃стыя бц̃а* ясно свѣтить поуть емоу повѣдаеть. *борисъ глѣбъ мл̃тву творять за сродники свои.*

4) перечисленіе убитыхъ, отмѣченное мною выше, тоже представляетъ вставку, взятую изъ Лѣтописной Повѣсти или, вѣрнѣе, изъ синодика, такъ какъ имена не во всемъ совпадаютъ.

При наличности вышеприведенныхъ ошибокъ, пропусковъ и, особенно, интерполяцій, отчего нарушается смыслъ и не выдерживается общій тонъ памятника, приходится заключить, что Кирилло-Бѣлозерскій текстъ является лишь копіей оригинала, и притомъ — неисправной.

Однако текстъ этотъ, помимо того, что онъ — древнѣйшій, важенъ въ томъ отношеніи, что содержитъ мѣста, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ Повѣданія и, по своей близости къ Слову о полку Игоревѣ, несомнѣнно, принадлежащія оригиналу:

а) Во вступленіи объяснено, почему авторъ воздаетъ похвалу князьямъ Дмитрію и Владимиру: «занеже ихъ было моужество и желаніе за землю роуссьскоую и за вѣроу хр̃стіаньскую». Въ другихъ спискахъ этого мѣста нѣтъ.

б) Картинное изображеніе готоваго на бой русскаго войска, собраннаго отовсюду, здѣсь всего стройнѣе по изложенію и полнѣе; добавлено: «пашоутся хоригови берчати. свѣтятьс̃ калантыри з(л)ачены».

в) Полнѣе рѣчь князей къ великому князю Дмитрію: «оуже поганыи татарове на поля на наши настоупаютъ, а вотчиноу нашю оу нас отнимаютъ».

г) Характеристика Ольгердовичей замѣчательна по близости своей къ Слову о полку Игоревѣ: «ти бо бяше сторожевыя полкы. на щитѣ, рожены. под троубами поютъ (чит. повити). под шеломы възлелѣаны. с востраго меча поены в литовьскои земли».

д) Отрицательное сравненіе татарскихъ войскъ съ гусями и лебедями, оборванное въ другихъ спискахъ, здѣсь является въ доконченномъ видѣ: «то ти, не гоуси гоготаша ни лебеди крилы въсплескаша».

е) Передъ разсказомъ о Пересвѣтѣ (изложенномъ, кстати, весьма близко по тону къ Слову) находится выраженіе, заключающее описаніе боя: «тогода же, было не лѣпо старою помолодитися», и ниже: «зогзици кокоуютъ». Оба — близки къ Слову.

Перейду къ слѣдующему тексту.

Текстъ по списку Ундольскаго значительно полнѣе и представляютъ памятникъ въ цѣломъ видѣ. Однако и этотъ списокъ далеко нельзя считать исправнымъ. Съ одной стороны — переписчикъ пользовался дурнымъ текстомъ или не понималъ его, съ другой — будучи по времени весьма позднимъ, Повѣданіе въ этомъ спискѣ носитъ слѣды нѣкоторой редакціонной обработки.

Результатомъ непониманія текста или плохой его переписки являются ошибки и пропуски, столь же частые, какъ и въ предыдущемъ текстѣ. Таковы ошибки: вѣщаннаго боярина (вм. вѣщаго бояна); строупы (вм. струпы); Игорю Бяриковичю (вм. Рюриковичу, притомъ еще Игорь считается здѣсь «первымъ» русскимъ княземъ); Владимеру Всеславьевичю (вм. Святославичю); рекше (вм. рече); ѳараѳужными (вм. харалужными); а глава шибла (вм. а слава...); у Дуная (вм. у Дона); не брвать (вм. не бывать); милому (вм. малому) и др.

Пропуски: Въ рѣчи Осляби упоминаніе о «чадѣ Іаковѣ» представляетъ ту же неясность, что и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ.

Во фразѣ: «вѣдомы полѣводцы под троубами под шеломы злачеными» пропущено «повити» и кромѣ того — нѣтъ продолженія.

Перебитъ текстъ во фразѣ: «И оуже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текоук грозы». Здѣсь, помимо ошибки (текоук), пропускъ, очевидно, цѣлаго выраженія.

Въ рѣчи великаго князя къ боярамъ: «туто добоудете себѣ мѣста и своим женам, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть», замѣтна спутанность текста, основанная на пропускѣ нѣсколькихъ словъ.

Наконецъ, къ неисправностямъ слѣдуетъ отнести и позднѣйшія добавленія, которыя въ разбираемомъ текстѣ имѣютъ двоякій характеръ: интерполяціи и редакціонныя измѣненія.

Интерполяціи. Въ самомъ началѣ текста находится одна вставка, которая вводила въ заблужденіе многихъ изслѣдователей. Повѣданіе по древнѣйшему и по Синодальному спискамъ приписывается Софоніи рязанцу. Авторство его, какъ будетъ ниже указано, подтверждается и нѣкоторыми списками пространной повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ Повѣданіе находится въ отрывкахъ. Между тѣмъ списокъ Ундольскаго говоритъ о Софоніи, какъ будто объ авторѣ какого-то другого произведенія. Редакторъ, разсказавъ о томъ, какъ Бояпъ пѣлъ русскимъ князьямъ славу, говоритъ о себѣ: «Аз же помяну резанца Соѳония и восхвалю пѣснеми гоусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а вноуки святаго великого князя Владимера киевского и пѣние князем роускимъ за вѣроу християньскоую. а от Калатьские рати до Момаева побоища р҃о лѣтъ».

Наличность послѣдней фразы, какъ несомнѣнной интерполяціи, отсутствіе связи между предложеніями — показываетъ, что все это мѣсто испорчено; оно испорчено и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ спискѣ, но тамъ не упоминалось о Софоніи; здѣсь же упоминаніе о Софоніи могло быть даже вставкой самого редактора или переписчика (*азъ* помяну), желавшаго дополнить неясное мѣсто. Характерна эта вставка въ Синодальномъ спискѣ, гдѣ въ одно и то же время Софонія считается авторомъ Повѣданія и объ немъ же, какъ о третьемъ лицѣ, вспоминается въ текстѣ: «Издеся помянем Софоню резанца сего великого князя Дмитрея Ивановича а правнука святаго князя Володимера киевского и брата его Володимера Ондреевича».

Въ разсказѣ о томъ, что татары стоятъ уже на рѣкѣ Мечѣ, прибавлено: «межу Чюровым и Михайловым брѣсти хотят». Повѣданіе набрасываетъ лишь общую картину военныхъ дѣйствій, и такое точное обозначеніе мѣста должно было зайти изъ какого-либо другого источника. Дѣйствительно, урочище «Чуры-Михайловы» упоминается въ первой редакціи Сказанія.

Къ заимствованію изъ Сказанія слѣдуетъ отнести также все, что говорится о новгородскихъ посадникахъ: «выехали посадники из великого Новагорода з̄ войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андрѣевичю». Указанное количество войска повторяется въ другомъ случаѣ, ниже, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ: «выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые Литвы, а храбрые Литвы с нами з̄ окованые рати».

Несомнѣнно на основаніи Лѣтописной Повѣсти упоминаются имена князей, участвовавшихъ въ битвѣ: «И крѣпцы бысть князи Бѣлозѣрстіи Ѳедор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимоѳей Волоуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати». Вся эта вставка не вытекаетъ изъ контекста и отсутствуетъ въ древнѣйшемъ спискѣ.

Характерны интерполяціи, выставляющія, подъ вліяніемъ Лѣтописной Повѣсти, великаго князя смиреннымъ и боголюбивымъ христіаниномъ. При описаніи сборовъ его на бой, цѣликомъ составленномъ по Слову о полку Игоревѣ, вставлено: «помолися Богоу и пречистей его Матері». Эта вставка повторена дважды. Ниже великій князь произноситъ цѣлую молитву: «Господи Боже мой! на тя уповах да не постыжоуся в вѣк, ни да посмѣютмися враги моя мнѣ; и помолися Богоу и пречистой Его Матери и всѣм святым его, и прослезися горко, и оутер слезы».

Наконецъ, къ интерполяціямъ слѣдуетъ отнести календарныя обозначенія дней, диссонирующія съ общимъ тономъ разсказа: «А билися из оутра до полоудни в соуботу на рожество святѣй Богородицы» — вставка, раздѣляющая картинное описаніе битвы. Точно также, ниже, во фразу: «того же дни в соуботоу иссекша хрістіани поганые полки» вставлено: «на рожество святыя Богородицы».

Редакціонныя измѣненія. Вставки, обличающія въ спискѣ Ундольскаго работу редактора или представляютъ незначительныя дополненія, продолжающія картину оригинала, вродѣ обращенія къ жаворонку: «посмотри к сілному градоу Москвѣ», котораго нѣтъ въ древнѣйшемъ спискѣ, хотя все мѣсто это тамъ не носитъ слѣдовъ сокращенія; или же являются самостоятельной композиціей, особенно въ началѣ и концѣ памятника. Начало Повѣданія по списку Ундольскаго является книжнымъ развитіемъ первыхъ строкъ древнѣйшаго текста. Великій князь узнаетъ о приходѣ татаръ «на пиру оу Микулы Васильевича». Далѣе слѣдуетъ характеристика земли русской — «жребия Аѳетова», въ противоположность землѣ татарской — «жребію Симову» и указывается на ея «погибель». Книжный характеръ этого вступленія засвидѣтельствованъ самимъ редакторомъ: «Преже восписах жалость земли роуские и прочее, *от кних приводя*, потом же *списах* жалость и похвалоу великому князю Дмитрею Ивановичю и братоу его князю Владимеру Ондрѣевичю» [1]).

Послѣ такого вступленія, составленнаго редакторомъ, слѣдуетъ уже переходъ къ писанію Софоніи. Переходъ выраженъ такъ: «Снидемся, братія и дроузи и сыпове рускіи, составим слово к слову, возвѣселим рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страпу в Симов жребій, и воздадим поганому Момаю побѣдоу, а великомоу князю Дмитрею Ивановичю похвалоу и брату его князю Владимеру Андрѣевічю. И рцем таково слово». Далѣе идетъ уже писаніе Софоніи. Понятно, что при такомъ самостоятельномъ вступленіи редакторъ могъ вспоминать Софонію, какъ творца какого-то другого произведенія.

Затѣмъ редакторская рука видна въ концѣ памятника, во вставкѣ двухъ эпизодовъ. Первый — о гибели Мамаевой — представляетъ любопытную передѣлку соотвѣтствующаго эпизода

1) Обращу вниманіе на формы: «от кних», «Ондрѣевичю» при постоянномъ: «Андрѣевичю». Нужно думать, что это мѣсто — не списано.

изъ Лѣтописной Повѣсти подъ тонъ писанія Софоніи: «И отскоча поганый Мамай от своея дружины, серым волком взвыл, и притече к Хаѳѣстѣ граду. Молвяше же ему Ѳрязове: чему ты поганый Мамай посягаешь на рускоую землю; то тя била орда залѣская; а не бывати тобѣ въ Батыя царя, оу Батыя царя было д̄ ста тысящь окованые рати, а воевал всю роускоую землю от востока и до запада; а казнил Богъ роускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на рускоую землю, царь Мамай съ многими силами, з дѣвятью ордами и б̄ князями; а нынѣ ты поганый бѣжишь самдевят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ; нѣшто тобя князи роускіе горазно потчивали, ни князей с тобою ни воевод; нѣчто гораздо оупилися оу быстрого Дону на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ, позадѣнеш и нам от земли роуской. Оуподобился еси милому младенцоу оу матери своей».

Другой — счетъ убитымъ князьямъ и боярамъ, причемъ счетъ ведетъ «Михайло Александровичъ, московскій бояринъ», вызванъ также Лѣтописной Повѣстью, но по содержанію и по формѣ онъ вполнѣ отличенъ. Счетъ этотъ есть евфонистическое перечисленіе различныхъ князей и бояръ мѣстныхъ.

Словами великаго князя: «И поидемъ брате, князь Владимер Андрѣевичь во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чти есми, брате, добыли, и славнаг имени, Богу нашему слава», заканчивается списокъ Ундольскаго.

Текстъ Повѣданія по этому списку, если откинуть редакторскія прибавленія въ началѣ и концѣ, восходитъ къ тому же оригиналу, что и Кирилло-Бѣлозерскій. Его отнюдь не надо считать какимъ-то особымъ произведеніемъ, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, составленнымъ на основаніи писанія Софоніи. Доказательствомъ служатъ:

1) тожество плана;

2) буквальное сходство значительнаго большинства выраженій;

3) сокращенія и неясности Кирилло-Бѣлозерскаго текста становится понятными изъ сравненія съ соотвѣтствующими мѣстами текста Ундольскаго, который часто представляетъ лучшее чтеніе.

Я приведу тѣ мѣста, гдѣ списокъ Ундольскаго исправляетъ и дополняетъ древнѣйшій текстъ:

а) Начало Повѣданія стройнѣе и ближе къ Слову: «Лудчи бо нам, брате [1]), начати повѣдати иными словесы от похвальных сих и о нынешных повѣстех похвалоу... начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но (чит. над) землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣща(нна)го Боя(ри)на, горазна гоудца в Киеве» [2]).

б) Характеристика выѣзжающихъ въ походъ князей — полнѣе и снова ближе къ Слову: «Изтезавше оум свой крѣпкою крепостью и поостриша сердца свои моужеством и наполнися ратного доуха, оуставиша собѣ храбрыя воеводы в роуской землѣ и помяноуша прадѣда своего великого князя Владимера киевскаго». Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ все это мѣсто сокращено, и въ началѣ, вмѣсто: «Се *бо* князь великій... и братъ его... поостриша»... — ошибкою написано: «Се *азъ* князь великій»... и т. д.

в) Фраза: «Ци боуря соколі снесетъ из земля Залѣския в полѣ Полотское», не смотря на порчу, ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго: «они бо взнялися, какъ соколи со земли роусскыя на поля половетция».

г) Такой же характеръ, какъ въ пунктѣ *б*, носитъ рѣчь великаго князя къ Владимиру Андреевичу, въ которой, противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, прибавлено: «а храбрых своих испытаем, а рекоу Дон кровью прольем за землю за роускую и за вѣроу крестьяньскую».

---

1) Форма «брате», конечно, вышла изъ «братія», черезъ «братее», но списокъ Ундольскаго почти всюду принимаетъ ее за voc. sing.

2) «горазна гудца въ Кіевѣ», — впрочемъ, могло явиться позднѣйшимъ объясненіемъ къ Бояну.

д) Какъ было указано выше, въ текстѣ Ундольскаго ясно указанъ отвѣтъ Дмитрія Ольгердовича своему брату: «И рече ему Дмитрей» . . . Пропускъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ дѣлаетъ все это мѣсто неяснымъ, хотя по изложенію весь эпизодъ объ Ольгердовичахъ здѣсь хуже соотвѣтствующаго въ древнѣйшемъ спискѣ.

е) Картина кануна боя въ разбираемомъ спискѣ дополнена противъ Кирилло-Бѣлозерскаго, гдѣ несомнѣнно пропущена фраза: «пасти троупу человѣческомоу на поле Куликовѣ, пролитися крови на речьке Напряде; уже бо скрипѣли телеги межоу Доном и Непром». Здѣсь писцу легко было сдѣлать пропускъ, потому что предыдущая фраза: «Быти стуку великому на речке Напрядѣ, между Доном *и Непром*», кончалась однимъ и тѣмъ же словомъ.

ж) Испорченное мѣсто: «Роуская земля то первое еси как за царем за Соломоном побывала», — какъ видно изъ цитаты, всетаки ближе къ Слову, чѣмъ чтеніе Кирилло-Бѣлозерскаго.

з) Единственное мѣсто, гдѣ какъ бы нарушается въ обоихъ спискахъ единство плана, представляетъ перестановка слѣдующихъ двухъ эпизодовъ: въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сначала описывается выступленіе князя Владимира, а потомъ уже великаго князя, въ спискѣ Ундольскаго — наоборотъ — сначала сказано о великомъ князѣ, потомъ уже объ его братѣ. Послѣдовательность Кирилло-Бѣлозерскаго лучше, но описаніе сбора въ походъ князя Владимира — ближе къ Слову въ разбираемомъ спискѣ: «Что шумитъ и что грѣмит рано пред зорями. Князь Владимеръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к великому Дону». Перестановка могла явиться слѣдствіемъ того, что это мѣсто въ разбираемомъ спискѣ, какъ выше указано, интерполировано (вставкой изъ Лѣтописной Повѣсти).

и) Вмѣсто скомканной картины боя — въ спискѣ Ундольскаго стройное описаніе: «Соколы и кречаты за Дон борзо перелѣтѣли и оударилися о многи стада лѣбѣдиные: то ти наехали роуские князи на силоу татарскую и оудариша копье ѳараѳужными о

доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи боулатные о шеломы хиновские на полѣ Коуликове, на рѣчке Напрядѣ. Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а силныи полки стоупишася вмѣсто и протопташа холми и лоуги и возмутишася рѣки и потоки и озера, и кликноули быша дивы в роуской земли, а глава (чит. слава) шибла к Желѣзным Вратам, и къ Карапачи, к Римоу и х Саѳѣ по морю и к Которнову, а оттолѣ ко Царю граду на похвалоу роуским князем. И одолѣша рать татарскоую на полѣ Коулікове на речьке Напрядѣ».

і) Описаніе боя и все дальнѣйшее изложеніе въ Кирилло-Бѣлозерскомъ представляется чрезвычайно сжатымъ и можетъ быть объяснено только сличеніемъ со спискомъ Ундольскаго. Таковы — разсказъ о Пересвѣтѣ и плачи боярынь. Въ спискѣ Ундольскаго и эти эпизоды ближе къ Слову по изложенію.

Какъ я сказалъ, списокъ Ундольскаго представляетъ болѣе полный текстъ Повѣданія. Послѣ плачей, которыми кончается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ, разсказъ обращается къ князю Владимиру, который съ своимъ полкомъ вылетаетъ на татарскую силу, описывается окончательное пораженіе татаръ и веселье русскихъ [1]).

Эта вторая часть выясняется уже изъ сравненія съ третьимъ текстомъ Повѣданія, по Синодальному списку, представляющему памятникъ, какъ и предыдущій, въ цѣломъ видѣ.

Синодальный текстъ писанъ на западно-русскомъ нарѣчіи, которое мѣстами замѣтно въ выговорѣ словъ, и если предыдущіе тексты изобиловали ошибками, то разбираемый настолько испещренъ ими, что мѣстами слова искажены до неузнаваемости. Ошибокъ до того много, что привести ихъ — значитъ выписать текстъ почти полностью; переписчикъ вмѣсто «Афета», напримѣръ, писалъ «Охмета», вмѣсто «Боянъ» — ставилъ «Бо», вмѣсто «в Симовъ» — «в сем», или же вовсе опускалъ слова, совершенно

1) Собственно разсказа о *побѣдѣ* надъ татарами въ Кир.-Бѣл. спискѣ нѣтъ.

ихъ не понимая. Поэтому Синодальный текстъ — самый неисправный, но тѣмъ не менѣе, такъ какъ ошибки въ значительной степени явились слѣдствіемъ говора писца, — важенъ для уясненія оригинала Повѣданія потому, что не смотря на ошибки и интерполяціи, онъ въ порядкѣ послѣдовательной переписки долженъ быть поставленъ въ срединѣ между Кирилло-Бѣлозерскимъ и Ундольскаго списками.

Въ общемъ текстъ по Синодальному списку весьма близокъ къ сп. Ундольскаго, кромѣ конца, который излагается нѣсколько иначе. Въ разбираемомъ спискѣ памятникъ является въ той стадіи измѣненія, когда заглавіе оригинала, указывавшее на принадлежность Повѣданія перу Софоніи, еще не утратилось, но интерполяція: «издеся помянем Софоню резанца» — появилась, какъ появились и другія позднѣйшія добавленія, отмѣченныя мною выше при разборѣ текста по списку Ундольскаго.

Срединный характеръ Синодальнаго текста доказывается еще тѣмъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ сходны съ древнѣйшимъ текстомъ, въ то время какъ текстъ Ундольскаго представляетъ отступленія или подновленія [1]). Я отмѣчу эти мѣста:

а) «Первымъ» русскимъ княземъ, вмѣстѣ съ древнѣйшимъ текстомъ, здѣсь считается Рюрикъ, тогда какъ въ текстѣ Ундольскаго «первымъ» княземъ названъ Игорь.

б) Есть упоминаніе о мужествѣ князей русскихъ, только переписчикъ испортилъ текстъ: «Заняже отпало было мужество князем руским». Въ текстѣ Ундольскаго вовсе нѣтъ этого мѣста.

в) Картина готоваго на бой русскаго войска ближе къ древнѣйшему тексту: «Кони ирзуть на Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но (чит. на) Коламне, звинит слава по всеи земли рускои, чудно стези стояти у великого Дону на берези».

---

1) Это замѣчаніе, конечно, относится лишь къ первой части Повѣданія, такъ какъ второй въ древнѣйшемъ текстѣ нѣтъ, но, по аналогіи, и вторую часть слѣдуетъ разсматривать также, т. е. представляющую мѣстами текстъ лучшій, чѣмъ Ундольскаго.

г) Рѣчь великаго князя своему брату представляетъ какъ бы соединеніе древнѣйшаго и Ундольскаго текстовъ: «Поидем, брате, тамо, искупим животом славы, учинить имам диво старих посеб, а младым памет за землю рускую и за веру християнскую». Въ Синодальномъ весь эпизодъ перепутанъ (какъ, впрочемъ, перепутанъ онъ и въ остальныхъ двухъ спискахъ), потому что выше находится пропускъ цѣлой фразы сравнительно съ остальными списками: «съѣхалися всѣ князи роусскыя къ великомоу князю Дмитрію Ивановичу на пособь, аркоучи такъ»...[1]).

д) Характеристика Ольгердовичей, не смотря на порчу текста, совпадаетъ съ древнѣйшимъ: «Тые бо есть сынове храбри, родишася в ратное време, под трубами нечистих кочаны конеи (чит. повити, конець копия) воскормлены, с коленых стрел воспоены в тивской (чит. литовскои) земли». Въ текстѣ Ундольскаго, какъ сказано, все это мѣсто подновлено.

е) Точно также и ниже — рѣчь князя Андрея брату (который здѣсь ошибочно именуется Дмитріемъ *Волынскимъ*) ближе къ древнѣйшему, чѣмъ къ подновленному тексту Ундольскаго: «А сами усядем на борздыя кони, посмотрим бистрого Дону, сопием шеломом воды, испытаем мечов своих литовских, а шоломов татарских, а сулиц немецких, а бонадов (чит. бойданов) бесурмеских».

ж) Продолжено, какъ и въ древнѣйшемъ, отрицательное сравненіе татарскаго войска съ гусями и лебедями: «Тогда гуси восгагатали и лебеди возплескали крилами своими, не гуси ж то воигоготали, поганыи цар Мамаи»...

з) Эпизоды о выступленіи въ походъ обоихъ князей, сходные по тексту со спискомъ Ундольскаго (гдѣ, какъ указано, текстъ *лучше*), расположены однако такъ же, какъ въ древнѣйшемъ: сначала описывается выступленіе князя Владимира Андреевича, потомъ — великаго князя.

Въ остальномъ текстъ первой части Повѣданія по Синодаль-

1) Цитирую по Кирилло-Бѣлозерскому тексту.

ному списку сходенъ со спискомъ Ундольскаго, исключая плача боярынь, который здѣсь полнѣе и, какъ будетъ указано ниже,— ближе къ основному тексту.

Перехожу ко второй части Повѣданія.

Прежде всего я обращу вниманіе на то, что оригиналъ, служившій для разбираемыхъ списковъ (Ундольскаго и Синодальнаго) допустилъ одну ошибку, весьма возможную для переписчика, но присутствіе которой затемнило изложеніе и нарушило всю стройность памятника. Въ первой части ясно указано, что русскіе потерпѣли пораженіе отъ татаръ: побиты и посѣчены воеводы великаго князя (перечисляются имена во вставкѣ), Ослябя предрекаетъ себѣ общую участь съ Пересвѣтомъ — лечь костьми на травѣ ковылѣ, рисуется безотрадная картина разоренной русской земли, наконецъ — жены князей и воеводъ горько плачутъ по убіеннымъ. Изъ контекста древнѣйшаго списка совершенно не видно, побѣдили ли русскіе, впечатлѣніе получается обратное.

Вторая часть рисуетъ вторично картину боя, причемъ князь Владимиръ и великій князь Дмитрій разбиваютъ татаръ на голову, завладѣваютъ ихъ богатствомъ, «по роуской земле простреся веселие и боуйство». Центромъ этой второй части, какъ я говорилъ, поставленъ Владимиръ Андреевичъ, который неожиданно является какъ бы главнымъ начальникомъ: онъ «восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича», велитъ ему «не отставать», по всѣмъ землямъ «текутъ грозы» князя Владимира (списокъ Ундольскаго). При такомъ изложеніи неясенъ первый моментъ боя, и ничѣмъ не мотивированъ второй. Самый переходъ ко второму моменту въ обоихъ спискахъ непонятенъ: зачѣмъ говорить второй разъ о битвѣ? Кромѣ того текстъ мѣстами перебитъ.

Необходимо предположить, что во второй части оригинала всюду вмѣсто «великій князь Дмитрій Ивановичь» стояло «*Дмитрій Волынецъ*» (оба имени было не трудно смѣшать: выше было указано, что въ Синод. спискѣ мѣсто Дмитрія Ольгердовича

заступилъ Дмитрій Волынецъ) и слѣдовательно все, что во второй части относится къ Дмитрію, слѣдуетъ относить къ Дмитрію Волынцу. Тогда вторая часть будетъ понятна, и у всего памятника будетъ стройный планъ. Сказаніе (пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ) передаетъ перипетіи боя слѣдующимъ образомъ: къ концу дня русскіе были побиты татарами на всѣхъ пунктахъ; въ эту критическую минуту засадный полкъ подъ предводительствомъ князя Владимира Андреевича и Дмитрія Волынца выѣхалъ изъ дубравы и рѣшилъ битву окончательнымъ пораженіемъ татарскаго войска. Другой вопросъ — соотвѣтствуетъ ли это исторической дѣйствительности, но преданіе объ этомъ было живо и попало въ Повѣданіе, руководствовавшееся, главнымъ образомъ преданіями. При такомъ объясненіи будутъ понятны обѣ картины боя: первая будетъ относиться къ пораженію — первому моменту боя, вторая къ подвигу засаднаго полка — второму моменту. Наконецъ — Дмитрію Волынцу, а не великому князю могъ отдавать приказанія князь Владимиръ: Повѣданіе по спискамъ Ундольскаго и Синодальному имѣетъ даже интерполяціи мѣстническаго характера.

Отсюда вытекаетъ, что Повѣданіе, дѣйствительно, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ первой прославляется великій князь, во второй — братъ его Владимиръ. Какъ видно изъ заглавія списковъ, Софонія имѣлъ въ виду написать похвалу и тому и другому. Если же сохранить чтеніе списковъ такъ, какъ есть, то похвалы Владимиру въ памятникѣ не будетъ.

Изъ сравненія текстовъ Ундольскаго и Синодальнаго во второй части оказывается, что Синодальный — болѣе сокращенъ. Сначала сходство между текстами почти буквальное, мѣстами Синодальный текстъ даже лучше Ундольскаго, который въ этихъ случаяхъ или представляетъ пропуски или перебитъ. Полнѣе, напримѣръ, описаніе богатырской поѣздки князя Владимира: «Воскликнул княз Володимер Андреевича, скокаша на конѣ по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым поспехом посвечаючи». Лучше и рѣчь его къ Дмитрію

(слѣдовательно — Волынцу), которая въ текстѣ Ундольскаго вся перебита, и въ одно цѣлое слиты, собственно, два отдѣльныхъ обращенія.

Присутствіе въ обоихъ спискахъ несомнѣнной интерполяціи — молитвы, взятой изъ Лѣтописной Повѣсти, и одного и того же неяснаго мѣста, которое въ спискѣ Ундольскаго, къ сожалѣнію, имѣетъ дефектъ и читается: «туто у...шна времени, а забрала», а въ Синодальномъ: «то ты еси желѣзное зобороло у зло тошного времени» — показываетъ, что оба списка могутъ восходить къ одному оригиналу, своеобразно измѣняя непонятныя имъ мѣста. Такъ, Синодальный текстъ подробнѣй развиваетъ намекъ о мѣстничествѣ въ спискѣ Ундольскаго: «туто добоудете себѣ мѣста и своим женам»; въ Синодальномъ: «А колиз от мезтих тяжется, ту кождыи добрыи удаися добуд собе чти и славы и мезта женам и детем и всему своему роду».

Повторяя тѣ же интерполяціи, Синодальный имѣетъ еще одну, не находящуюся въ спискѣ Ундольскаго: «Княз великии Дмитреи Иванович, получи божию милость, пречистия его Матери и всех святых его, молитвами святых чудотворец руских Петра і Алексия и преподобнаго отца нашего Сергя и брата его святого Володимера киеского, иныя многия руския вдалцы, князи и бояре и боярския дети возратишася к своим господарем, ко славному граду Москве с великою попедою и з ростию (чит. радостию) неизглаголанною».

Сокращенія Синодальнаго текста начинаются съ описанія картины боя засаднаго полка, которое въ спискѣ Ундольскаго по тону близко къ Слову и гораздо полнѣе. Сокращенъ и весь дальнѣйшій текстъ до конца. Изложеніемъ судьбы Мамая, въ общемъ сходнымъ со спискомъ Ундольскаго, кончается Синодальный списокъ. Слѣдовательно, исчисленія побитыхъ бояръ и воеводъ въ немъ нѣтъ.

Итакъ, разсмотрѣнные три списка Повѣданія черезъ рядъ промежуточныхъ интерполированныхъ списковъ восходятъ къ одному оригиналу и, представляя списки, сдѣланные въ разное

время и въ разныхъ мѣстностяхъ, передаютъ этотъ оригиналъ въ сильно искаженномъ и, несомнѣнно, не полномъ видѣ. Возстановленію этого оригинала нѣкоторымъ образомъ помогаютъ отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ Сказаніи. Ихъ — много, и они распадаются на двѣ неравныя группы.

I. Къ первой группѣ принадлежатъ отрывки, представляющіе самостоятельное цѣлое, безъ связи съ другимъ текстомъ. Такихъ всего два:

А) находится въ Тверской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. XV). Подъ 6888 г. сводчикъ собирался вставить имѣвшееся у него подъ руками Повѣданіе, но почему то оставилъ это намѣреніе и привелъ лишь нѣсколько начальныхъ строкъ; кромѣ того на поляхъ киноварью написанъ конецъ памятника, но потомъ зачеркнутъ.

Тверская л. приписываетъ памятникъ Софоніи, котораго называетъ брянскимъ бояриномъ: «А се писаніе Софоніа резанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Дальнѣйшій текстъ въ сущности мало напоминаетъ Повѣданіе, какъ его представляютъ три вышеразобранныхъ списка: «Вѣдомо ли вамъ, рускымъ государямъ, царь Мамай пришелъ изъ Заволжіа, сталъ на рѣцѣ на Воронежѣ, а всѣмъ своимъ улусомъ не велѣлъ хлѣба пахать; а вѣдомо мое таково, что хощетъ ити па Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскать, туто ли онъ стоитъ, гдѣ его мпѣ повѣдали». На этомъ кончается выдержка, которая въ своеобразномъ изложеніи скорѣе повторяетъ эпизодъ Сказанія, а не Повѣданія, и, можно думать, что не послѣднее, а пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ должна была быть помѣщена въ Тверской л.

Киноварная зачеркнутая приписка сходна съ концемъ Повѣданія по списку Ундольскаго, (но она встрѣчается и въ Сказаніи): «тѣмъ же всѣмъ суженое мѣсто межу Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ; а положили главы своа за землю рускую и за вѣру христіанскую. А мы поидемъ

въ свою отчину, въ землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядемъ на своемъ великомъ княженіи: чести есмя собѣ добыли и славнаго имяни. Конецъ».

Такъ какъ вышеприведенныя выдержки представляютъ, какъ сказано, не столько отрывки Повѣданія, сколько Сказанія, то приведенный матеріалъ установляетъ лишь:

1) что Повѣданіе, имѣвшее цѣлью воздать похвалу великому князю и его брату, написано Софоніей рязанцемъ, и —

2) что киноварная приписка представляетъ текстъ, сходный съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Повѣданія по списку Ундольскаго.

Б) изданъ недавно В. И. Срезневскимъ (Свѣдѣнія о рукописяхъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ 1902 г.). Этотъ текстъ находится въ сборникѣ второй половины XVII вѣка и представляетъ начало Повѣданія, вполнѣ сходное со вступленіемъ по списку Ундольскаго:

«Сказаніе о донскомъ бою. Князь дмитрей іванович своимъ братомъ владимеромъ ондрѣевичомъ и своими воеводами были на пиру у микулы василиевича. Вѣдомо намъ, братіе милыі, что у быстрого дому (чит. дону) царь мамаі пришел на рускую землю, поідем, брате, тамъ в полунощъ і жребия афетова сына, от него же родися русь православная; взыдемъ на горы кіевския і посмотримъ славного непра і посмотримъ по всеі земли рускоі от поля на восточную страну к залеіскому жребію сына ноева, от него же родися сыновя поганыя тотаровя бусорманы; тѣ бо на реке на сяне одолѣвая афетовы; оттолѣ рускіе земли сидитъ невера от полацкіе рати до момаева побоища, тугою землею и печалю і покрышася; і плачищися чада своя поминаювы, князи і бояре и удалыя молотцы, оставимте домы своя і вся богатсва п жены и детеі и славы миру получити, а главы своя положиша за вѣру христіянскую, а собѣ бы чая пожженных вскормленных жалость и похвалу великому князю димитрею івановичю і похвалу брату его владимиру ондрѣевичю. Сиидемъ,

братия и дружины, вѣру составимъ слово въ слово (чит. къ слову), возвеселимъ рускую землю, возверзимъ печали на восточную сторону в симъ (чит. въ Симовъ) жребиі. Аминь».

Этотъ отрывокъ представляетъ буквальное совпаденіе съ отмѣченнымъ мною выше *редакціоннымъ вступленіемъ* списка Ундольскаго и обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается, собственно, писаніе Софоніи. Въ половинѣ XVII вѣка это вступленіе было настолько чуждо писцу, что онъ не понималъ вовсе текста, нанизывая простой наборъ словъ и испещряя его ошибками: «от поля» — вм. оттоля; «залеіскому» — вм. залѣсскому; «сыновя» — вм. хиновя; «сяне» — вм. Каялѣ или Калкѣ; «полацкіе» вм. калатьскія; покрылись «тугою *землею* и печалю»; «оставимте» — вм. оставиша; «получити» — вм. получивши; «пожженных» — вм. пороженыхъ; «дружины» — вм. друзи. Непонятое — вовсе имъ пропускалось. Нужно думать, что полное непониманіе текста и удержало писца отъ дальнѣйшаго списыванія памятника. Это непониманіе текста еще разъ служитъ доказательствомъ, почему такіе памятники, какъ Слово о полку Игоревѣ и Задонщина дошли въ минимальномъ количествѣ списковъ.

Если бы редакція разбираемаго отрывка была доведена до конца, то академическій сборникъ представлялъ бы текстъ, подобный тексту Ундольскаго. Но къ сожалѣнію, писаніе Софоніи такъ и не начато переписчикомъ, который, при всей массѣ ошибокъ, мѣстами въ перепискѣ сохранилъ лучшее чтеніе: «братие» — вм. брате; «славного непра» — вм. с равнаго непра. Кромѣ того замѣтка издателя списка Ундольскаго, что послѣ слова «воскорменных» повидимому «утраченъ листокъ» — при наличности вышеприведеннаго текста смысла не имѣетъ.

Наконецъ, разбираемый текстъ имѣетъ то значеніе, что подтверждаетъ мое предположеніе о позже написанномъ вступленіи къ писанію Софоніи, благодаря которому въ дальнѣйшемъ текстѣ послѣдній упоминается какъ авторъ какого-то другого произведенія. Академическій отрывокъ передаетъ только это

вступленіе, не захватывая писанія Софоніи, и постановкой слова «аминь» — оттѣняетъ его самостоятельность.

Прямого же отношенія къ Повѣданію разобранный отрывокъ, какъ теперь видно, не имѣетъ.

Итакъ — первая группа поправокъ тексту Повѣданія не даетъ.

II. Вторая группа отрывковъ — гораздо многочисленнѣе. Отрывки эти, какъ украшающій элементъ, встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ различныхъ редакціяхъ Сказанія, о которыхъ я буду говорить ниже. Отрывки эти — различнаго качества и вообще, замѣчу, что чѣмъ позже редакція Сказанія, тѣмъ отрывки эти являются въ болѣе передѣланномъ и сокращенномъ видѣ.

Я приведу эти отрывки послѣдовательно изъ второй, а особенно — третьей редакціи Сказанія, гдѣ они выражены наиболѣе полно:

1) «Оубо, братия, стоук стоучит, а гром гремит в славном граде Москвѣ, стоук стоучит великая рать великаго князя Дмитрея Ивановича, а гремят роусския оудалцы злачеными шеломы и доспѣхи». Это мѣсто буквально повторяетъ Повѣданіе и взято изъ рѣчи князя Дмитрія Ольгердовича своему брату.

2) «Кпяз же великій въстоупив в златое свое стремя и седе на любезный свой конь... а слнце им со востока сьяет, а по них кроткій вѣтрец вѣет. Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златых колодицъ, а то рвахоутся князи белозерския ис камена града москвы, выехали своим полком... яко достоит им избивати полки татарския». Этотъ текстъ — вторичный: картина выѣзда князей *Бѣлозерскихъ* развилась изъ общей картины Повѣданія: русскіе удальцы, какъ соколы и бѣлые кречеты, вырвавшись на свободу, хотятъ ударить на стада гусиныя и лебединыя. Въ Синодальномъ спискѣ даже эпитетъ «бѣлые» (кречеты) замѣненъ эпитетомъ «бѣлоозерстии» [1]), такъ что этотъ

1) Въ сп. Ундольскаго: «соколи бѣлозѣрстіи».

переходъ отъ общей поэтической картины къ частной — изображенію выѣзда князей Бѣлозерскихъ — становится яснымъ.

Поправокъ къ тексту Повѣданія это мѣсто, слѣдовательно, не даетъ.

3) «И говоритъ князь владимеръ андрѣевичь: Господине князь димитреі ивановичь воеводы оу насъ велми крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйския, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіяньскую и за твою обиду государя великаго князя». Это мѣсто — рѣдко встрѣчается въ спискахъ Сказанія и представляетъ близкое сходство съ рѣчью великаго князя къ Владимиру Андреевичу передъ битвой. Будучи подновлено, оно тѣмъ не менѣе сохраняетъ оригиналъ Повѣданія въ выраженіяхъ: «сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома», что есть и въ Синодальномъ спискѣ.

4) Весьма часто встрѣчающееся мѣсто: «Тогда же возвѣяша силни вѣтри по бервицѣ (или березовицѣ) шпроцѣ, воздвигошася велицы князи, а по нихъ русскіи сынове успѣшно грядутъ, аки мѣдвяны чаши пити и стеблія виннаго ясти, но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблія винного ясти грядутъ: хотятъ укупити чти и славнаго имяни», — не находитъ себѣ прямого соотвѣтствія въ имѣющихся спискахъ Повѣданія. Или это — передѣлка, на основаніи словъ князя Владимира въ Повѣданіи: «тоут, брате, испити мѣдвяна чара, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татаръ поганых» [1]) или — это мѣсто было въ какомъ-либо недошедшемъ спискѣ Повѣданія.

5) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣнить слава по всей руской

1) И выше: «То ти есть не наши московские слаткие мѣды... туто добоудете себѣ»... чести и славы, — если только текстъ здѣсь не искаженъ.

земли, великовѣчье бьютъ въ великомъ новѣградѣ: стоятъ мужи новъгородцы оу святыя софѣи премудрости божія, аркучи межу собою таковое слово: Оуже намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю димитрию; оуже бо яко орли слѣталися со всей руской земли, съѣхалися дивныя оудалци храбрыхъ своихъ пытати». Это мѣсто, также не частое въ Сказаніи, представляетъ снова текстъ вторичный и подновленный. Въ Повѣданіи въ такихъ выраженіяхъ упоминается о новгородцахъ; что же касается первой половины, то въ Повѣданіи она лучше и ближе къ Слову: «Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ на Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей руской землѣ». Это мѣсто Повѣданія съ другой стороны повліяло на слѣдующую картину Сказанія: «И начаша мнози гласи трубъ ратныхъ гласити и варганы тепутъ и стязи ревутъ наволочены у сада Панфилова; сынове же рустіи наступаютъ поля коломенския, яко не мощно бѣ никому же презрѣти ихъ». Эта послѣдовательность передѣлокъ картины Повѣданія, восходящей къ картинѣ Слова, низводитъ послѣднюю уже до формулы, употреблявшейся при всякомъ описаніи сбора рати на битву.

Будучи дальнѣйшей передѣлкой, это мѣсто Сказанія ничего не дастъ для уясненія оригинала Повѣданія.

6) Картина выступленія князя Владимира въ походъ совпадаетъ съ Повѣданіемъ, но опять — въ болѣе поздней передѣлкѣ: «Не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ по ранней зорѣ, князь Владимеръ Андрѣевичь перевозится Москву рѣку на красномъ перевозѣ в Боровцѣ». Въ спискахъ Сказанія вообще это мѣсто подвергалось частой переработкѣ; въ Повѣданіи оно было короче и буквально взято изъ Слова: «Что ми шумитъ, што гремитъ рано предъ зорями, князь Володимеръ Андреевичь полки перебираетъ», но уже въ древнѣйшемъ спискѣ приняло ту форму, которой пользовалось Сказаніе: «Оуже бо стукъ стоучитъ и громъ гремитъ, рано пред зорею, то ти не стоукъ стоучитъ, ни громь гремит, князь володимеръ ондрѣевич ведет вои свои... к быстромоу Доноу». (Кир.-Бѣл. сп.).

7) «За многіе же дни пріидоша на то мѣсто мнози волцы по вся нощи воютъ непрестанно, гроза бо велика есть... и мнози ворони собрашася необычно, неоумолкающе граютъ, галици же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оусть дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго» — это мѣсто можетъ разсматриваться какъ обычная формула, сопровождающая описаніе кануна битвы, но въ данномъ случаѣ эта формула является непосредственнымъ, заимствованіемъ изъ Повѣданія, такъ какъ въ ней сохраненъ образъ, взятый изъ Слова: «лисицы на костѣхъ брешутъ». Таково и продолженіе этой картины: «От такова страха и отъ великія грозы дерева преклоняются и трава постилается», хотя въ Повѣданіи лучше: «а древеса тугою до земли приклонишася». Составленное изъ различныхъ мѣстъ Повѣданія, вышеприведенное описаніе не даетъ матеріала для дополненія послѣдняго.

8) Въ Повѣданіи нѣтъ прямого соотвѣтствія слѣдующему описанію готоваго на бой русскаго войска: «Аки нѣкия свѣтилницы солнечныя светящеся, и стези ревутъ простирающися, аки облаци тихо трепещутъ, хотятъ промолвити. Богатырей же русскихъ хоругви аки живи пашутся, доспѣхи же рускихъ, аки вода вѣтромъ колеблется, шоломы ихъ на главахъ ихъ злаченые, аки утренняя зоря во время ведра светящися, еловцы ж на шоломѣхъ ихъ, аки пламенъ огненъ колебашеся». Это мѣсто — такая же передѣлка Повѣданія, что и выше, въ пунктѣ 5, низводящая описаніе до формулы. А что это — формула, показываетъ сравненіе съ другими памятниками: Волынская лѣтопись подъ 6759 г. даетъ такое описаніе: «Наутрѣя же пригнавшимъ къ нимъ Прусомъ и Бортомъ, и воемъ же всимъ съсѣдшимъ и воружьшимъся пѣшьцемъ изо стана, щитѣ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящу, копіемъ же ихъ дрьжащимъ въ рукахъ, яко тръсти мнози, стрѣлцемъ же обаполъ пдущимъ и держащимъ въ рукахъ рожанци своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы своя противу ратнымъ, Данилови же на конѣ сѣдящу и воѣ рядящу, и рѣша Прузи Ятвяземъ: можете ли

древо поддрьжати сулицами и на сію рать дерьзнути? Они же видѣвше и возвратишася восвояси» (Ипат. 186). Нужно думать, что формула Волынской л., Сказанія и Повѣданія восходятъ къ Слову о полку Игоревѣ, но въ Сказаніе она попала черезъ Повѣданіе.

9) «Велми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ на востокъ до моря, а на западъ до Дуная. Поле же Куликово прегибающеся, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша», и ниже, въ описаніи боя: «Тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выстоупиша изъ мѣстъ своихъ, протопташеся холмы высокіе, траву же кровію подмывало, льющемся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ», — эти описанія представляютъ дальнѣйшія измѣненія слѣдующаго мѣста Повѣданія: «Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ земля пролита бысть, а силныи полки стоупишася в мѣсто и протопташа холми и лоуги. И возмутишася рѣки, и потоки, и озера» [1]). Въ Повѣданіи пѣтъ соотвѣтствія картинѣ: «велми земля стонетъ»... и нужно думать, что это мѣсто могло находиться въ какомъ либо другомъ спискѣ Повѣданія, — оно слишкомъ близко къ Слову.

10) Картина боя въ Сказаніи представляетъ, собственно, рядъ формулъ, которыя встрѣчаются во многихъ памятникахъ при описаніяхъ битвы. Въ данномъ случаѣ эти формулы, несомнѣнно, пришли изъ Повѣданія, какъ его дальнѣйшія передѣлки. Новаго для текста Повѣданія эти формулы не даютъ. Таковы:

а) «Треснуша копія харалужная, звенятъ доспѣхи злаченыя, стучатъ щиты черленыя, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли булатныя».

б) «На полѣ Куликовѣ, между Дономъ и Мечею, сильни полки сступишася, изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи и

1) Цитирую по сп. Ундольскаго.

трепетали силніи молніи от облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ».

Эти формулы, особенно вторая, сохраняютъ буквальныя выраженія Повѣданія.

в) «Рускіи удальцы побіени суть, аки силніи древа сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози удалцы, урывающеся на землю подъ конскіе копыта, и мнози же сынове рустіи сотрошася».

Отрицательное сравненіе съ турами находится въ Повѣданіи при описаніи перваго момента боя.

11) Описаніе выѣзда засаднаго полка въ Сказаніи составлено по соотвѣтствующему мѣсту Повѣданія, съ сохраненіемъ выраженій подлинника: «Сынове же рускіи... порывающеся, аки званыи на бракъ сладкаго вина пити. Лепо бо есть въ то время и стару помолодитися, а молодому храбрости испытати... и выедоша изъ дубравы... аки соколы испущени и ударишася на стада жеравлина». Но какъ текстъ вторичный — это описаніе не даетъ поправокъ къ тексту.

12) Нѣкоторую поправку къ основнымъ текстамъ можетъ дать описаніе веселья въ русской землѣ по случаю побѣды и славы по всѣмъ землямъ: «Удальцы восплескаше в татарскихъ узорочіяхъ, везучи въ землю уюсы и насычи, бугаи, кони и волы и вельблюды, меда и вина и сахари. Предвознесеся слава русская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поиде вѣсть по всѣмъ градомъ, ко Орначу, к Риму, х Кафѣ, к Желѣзнымъ Вратомъ, ко Царюграду на похвалу». Въ спискахъ Повѣданія это перечисленіе земель умножено вставками, зависящими отъ произвола переписчиковъ.

13) Наконецъ — рѣчь великаго князя «на костяхъ» буквально совпадаетъ съ Повѣданіемъ по сп. Ундольскаго, не давая въ сущности ничего новаго: «А вам, братие, князи и бояре и молодые люди, суженое мѣсто межи Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликови и на рѣчкѣ на Непрядни, а положили есте голови своя за святыя церкви и за землю рускую и за вѣру христіан-

скую... Поидемъ, брате, во свою землю Залѣскую къ славному граду Москвѣ и сядем, брате, на своем княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти есмя себѣ укупили, славнаго имяни». Впрочемъ это мѣсто, какъ выше указано, можетъ и не принадлежать основному тексту Повѣданія.

Кромѣ того въ спискахъ Сказанія часто встрѣчается счетъ побитымъ князьямъ и воеводамъ, находящійся только въ спискѣ Ундольскаго. Этотъ счетъ также неограниченъ въ Повѣданіи: Сказаніе могло пользоваться послѣднимъ въ спискахъ, подходящихъ по типу къ списку Ундольскаго.

Если прибавить сюда еще фразу «гнѣздо есмя князя Владимера Кіевскаго», то можно считать, что вышеприведенными отрывками исчерпывается матеріалъ, который даютъ вторая и третья редакціи Сказанія. Въ общемъ отрывки эти мало поправляютъ или дополняютъ оригиналъ Повѣданія. Большею частію это модернизованныя передѣлки заимствованныхъ мотивовъ. Въ различныхъ спискахъ Сказанія передѣлки эти измѣняются, и это измѣненіе еще болѣе удаляетъ ихъ отъ Повѣданія. Положительное значеніе отрывковъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что ими доказывается органичность въ Повѣданіи той или другой картины.

Но есть два списка Сказанія, въ которыхъ выдержки изъ Повѣданія представляютъ не рядъ подвижныхъ отрывковъ, оторванныхъ отъ текста для иллюстраціи того или другого мѣста Сказанія, но рядъ непосредственныхъ и не слитыхъ съ текстомъ заимствованій (въ одномъ изъ списковъ на это ссылается самъ редакторъ), такъ что получается видъ своднаго текста. Оба эти списка даютъ существенный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ мѣстъ писанія Софоніи.

Эти списки: 1) Рум. Музея № 378 и 2) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ № 70/93.

Принадлежа къ одной изъ редакцій Сказанія, Румянцевскій списокъ даетъ сводный текстъ въ концѣ, съ 123 листа. Редакторъ механически соединилъ текстъ Сказанія съ текстомъ Повѣданія, причемъ всякій разъ самъ указывалъ на спайку словами:

«Сия убо оставимъ, на первое возвратимся». Заимствованія касаются исчисленія убитыхъ и плача боярскихъ и воеводскихъ женъ по убитымъ. Редакторъ пользовался какимъ-то неизвѣстнымъ спискомъ Повѣданія, потому что плачъ изложенъ иначе, чѣмъ въ извѣстныхъ спискахъ; ближе всего къ этому изложенію Синодальный списокъ, гдѣ въ намекахъ говорится о томъ, что здѣсь изложено подробно. Этотъ сводный текстъ я приведу весь:

Князь ж великий Дмитрий Іванович, стоя за Дономъ ӣ дней, дондеж разобраша християне с нечестивыми. Крестьяне ж похоропиша скоро, сколко успѣша, а погании повергоша звѣрем на расхищение. *Сия убо оставим, на первое возвратимся.*

Говорит князь великий Димитрий Іванович: Братия, князи і воеводы мѣстныя і вся земля руская. Считаітес, братия, колких у нас князей нѣт, колких воевод нѣт, колких молодых людей нѣт. Говорит Михаило Андрѣевич московских: Государь князь велики, Дмитрий Іванович. Нѣтъ у нас м̄ бояринов болших московских, да нѣт у нас в̄і князей белозерских, да г̄і бояринов посадников новгородцовъ, да м̄ бояринов серпуховских, да е̄ бояринов переславских, да к̄е бояринов костромских, да л̄е бояринов владимерских, да п̄ бояринов суздалскихъ, да м̄ бояринов муромскихъ, да л̄г-хь бояринов ростовских, да к̄г бояринов дмитровских, да з̄ бояриновъ звенигородцких, да е̄і бояриновъ вышегородцких, да ӣ бояринов ярославских, да к̄е бояринов коломенских, да е̄і бояринов углецких, а ізгибло нас дружины польтретья ста тысящь, а помиловал Богъ землю рускую, осталос дружины твоея государския пятдесят тысящъ. Рече ж князь Дмитрей Іванович: Братия милая і князи руския і воеводы мѣстныя і молодыя люди, сынове християнския, вам, братия, суженое мѣсто на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве, положили есте головы свои за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за святыя церкви і за меня за великого князя. Простите мя, братия, і благословите в сем вѣце і в будущем, вам, отцы і братия, вѣчная память до скончания вѣка, а сыновом руским

одолѣние і похвала во вѣки на поганых і безбожных ізмаилтян. *Сия ж оставим, на первое возвратимся.*

Поганому ж царю Мамаю отселе с четырмя князими до моря, до мѣста, ідѣже бо град Каѳа созданъ бысть, і потаивъ свое імя і познан бысть нѣкими купцы і убиен бысть Ѳрязови і испроверже злѣ живот свои. Сия ж оставим да здѣ. Слышав же Олгиродъ литовскии, что князь Дмитреи Іванович пободи і одолѣ нечестиваго царя Мамая, тако же возвратис і злѣ живот свои скончав, якож рече пророкъ Давидь вь з̄-м псалмѣ: ров ізрыи іскопай і впадется вь яму, юже содѣла і уготова і наверхь его неправда его сниде. *Сия ж оставим, на первое возвратимся.*

І возопили бяше птицы жалостныя пѣсни, і припахнули нам от быстрово Дону поломянныя вѣсти, і всѣ восплакалися кнеини і боярони і воеводцкие жены о своих государех ізбиенных. Воеводина жена Микулы Василевича Марья рано плакашес у Москвы града на заборолехъ, аркучи: Доне, ты Доне, река славная і быстрая. Прорыла еси горы каменныя, течеши, Доне, в землю Половецкую, прилелѣй ко мнѣ моего государя, Мукулу Василевича. А Тимоѳѣева жена Волуевича Ѳедосья да Дмитреева жена Воложскаго Марья тако же плакашесь, аркучи к себѣ: Уж нам веселие наше поничет в славъномь граде в каменнои Москвѣ, уже не видим государей своих во своихь животѣх. Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Ксения рано плакашес: Се убо нам обоим сонце поничет в славном граде Москвѣ. Припахнули намь от быстрово Дону поломянные вѣсти, но с великою побѣдою совседоша удалцы з борзых конеи своих на суженое мѣсто на поле Куликово, за быстрым Доном рекою.

Диво кличет в руской земли саблями тотарьскими. І щурове рано возлетѣли і воспѣли жалостныя пѣсни у Коломны града под заборолами. [На воскресенье Христово на вечерню вь к̄s день сентября на памят святаго апостола і еуангелиста Іоанна Богослова [1]]. То ни не щурове возлѣтѣли, рано восплакали

1) Эту вставку, какъ несомнѣнную интерполяцію, я заключаю въ скобки.

женыи коломенския у Коломны града на заборолех о избиенных, смотрячи на быструю реку, на славную Москву, аркучи жалостно: Москва еси, Москва река быстрая, почему еси залѣлувяла мужий нашии от нас в землю Половецкую. І глаголющи с великим плачемь: Можеши ли, государъ князь великий Димитрий Іановичь, веслы Нѣпрь реку запрудити, а Дон реку трупы татарскими запрудити. Замкни, князь великий Дмитрей Іановичь Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы потом к нам погании тотаровя на рускую землю не ѣздили, а нас не квелили по своих государех, а дѣти бы нашии сиротством не скитались без своих отцев. Уже бо мужии наши рат прибила за рекою за быстрым Доном, на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве, на их суженом мѣсте, за святыя церкви і за землю рускую і за вѣру крестьянскую і за твою великую обиду, за ласкова государя, за великаго князя московскаго за Дмитрея Іановича і за вся жены і дѣти. І ты, государь княз великий Димитрий Іановичь, нашим государем достойную памят твори і в книгах соборных пиши, памяти ради руским сыновом, а дѣти наши, государь, по отечеству их, пожалуй впредь. *Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание — ізложение Совония, іерѣя резанца, великому князю Димитрию Іановичу і брату его, князю Владимеру Андрѣевичу* і всѣмъ руским князем православным і воеводам мѣстнымь і молодым людемь і всему православному крестьянству *на похвалу і на память*, како побѣди і одолѣ поганого царя Мамая на Дону і князии его і уланы і упатыи вся ізби, супротивныя полки одолѣ.

А сам князь великий Дмитрий Іванович з братом своим, со князем Владимером Андрѣевичем і со всѣми князи і бояры і со оставшимис крестьяны, возвратишас на свою отчину, на великое княжение, во град свой, в каменную Москву, с великою побѣдою, воздающе хвалу вседержителю Богу человѣколюбцу і его пречистой Богоматере, молебнице о роду крестьянском, і святым страстотерпцемъ руским князем, сродником своим, Борису і Глѣбу, і заступнику града сего Москвѣ, чюдотворцу

рускому Петру митрополиту, і пособнику і вооружителю отцу своему ігемену Сергию, ихь же молитвами сподобимся улучити божию милость на похвалу рустей земли і в послѣдние родыи і на посрамление і уничижение суровымь сыроядцемь ізмаиловичемь і еллиномь безбожнымь і печенѣгомь і поганымь тотаромь, да не будеть рука ихь высока, яко же пророкь Давыдь рече: і потребишась во Аендоре, сирѣчь во безлѣпицахь, за ихь гордость і высокоумие, и сѣть ихь сокрушисъ, а сынове рустии спасошасъ і изьбавлени бысте от злыхь сыроядьцевъ, і помощь наша во імя Господне, сотворшаго небо і землю. Амінь.

Приведенный текстъ имѣетъ значеніе въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, онъ ясно указываетъ, что памятникъ, изъ котораго редакторъ заимствовалъ цѣлыя выдержки для своднаго текста, принадлежитъ, какъ автору — Софоніи, іерею рязанцу.

Во вторыхъ, что въ томъ спискѣ, который былъ подъ руками редактора, были эпизоды: о плачѣ боярынь и счетѣ убитыхъ, но не было разсказа о судьбѣ Мамая, который здѣсь изложенъ кратко и прозаично. Передача этихъ эпизодовъ носитъ слѣды позднѣйшей поправки: прибавлены въ счетъ нѣкоторыя названія бояръ въ погонѣ за евфонизмомъ: «$\overline{\text{а}}$ бояриновъ звенигородцких да $\overline{\text{е}}$і бояриновъ вышегородцких»; измѣненъ конецъ плачей прибавками совершенно въ духѣ московскихъ челобитныхъ, напр. окончаніе: «а дѣти наши, государь, по отечеству ихъ, пожалуй впредь»; отношеніе къ великому князю показано такимъ, какимъ оно могло быть только въ царскій періодъ; наконецъ — введены интерполяціи въ текстъ, вродѣ отмѣченной мною скобками. Не смотря, однако, на эти искаженія, приведенный текстъ поправляетъ извѣстные тексты Повѣданія, особенно въ плачахъ. (Счетъ убитымъ я не считаю, какъ говорилъ, принадлежащимъ оригиналу). Плачъ изложенъ въ Румянцевскомъ текстѣ гораздо стройнѣе и полнѣе. Изъ него явствуетъ, что сравненіе плача коломенскихъ женъ съ пѣніемъ щуровъ, о чемъ всколзь замѣчаетъ Синодальный списокъ, органически принадлежитъ Повѣданію, а не представляетъ, какъ

думалъ проф. Смирновъ, вставку западно-русскаго передѣлывателя [1]).

Сказаніе по списку Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93 (кн. Оболенскаго) представляетъ значительную выдержку изъ Повѣданія, вставленную въ главу «О исходе полку князь Володимерове потаеннаго в дубровѣ». Отрывокъ описываетъ окончательное пораженіе татаръ и веселіе земли русской о побѣдѣ. Помѣщеніе отрывка съ такимъ содержаніемъ въ главу о засадномъ полкѣ доказываетъ еще разъ выраженную мысль о томъ, что разсказъ о засадѣ, въ своеобразномъ изложеніи, былъ ограниченъ въ текстѣ Повѣданія. Текстъ Архивскаго списка нѣсколько перебитъ въ сравненіи со спискомъ Ундольскаго, съ которымъ имѣетъ наибольшее сходство:

Сынове руския божиею силою и помощію святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба побиваху их, аки лѣсъ клоняху, яко трава от косы постилашеся. На том бо полѣ Куликовѣ черная земля под копыты татарскими костми поля кровию земля улита бысть, протопташа холми і луги, возмутиша рѣки и потоки и езера наполнишася. И бежаще татаровя половецкия, глаголюще: увы тебѣ, Мамаю честный, высоко вознеслъся и до ада сшел еси. И возвратишася вспят, покрыша руками главы своя, гораздо им тоску подаваше и тугу. Тут бо они разно разлучишася, гораздо бѣжатъ неуготованными дорогами в лукоморе и зкрекчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: уже нам, братее, в земли своей не бывать, а катун и дѣтей своих не видать, а Русь ратию не ходит, і выхода нам у руских князей не просит. Уже бо востонала татарская земля, бѣдами и тугою покрышася. Уныша бо царие их хотѣние похвалився на рускую землю ходити. Князем руским похвала. Уже бо руския сынове татарское узороче разграбиша, доспѣхи, и копия, и кони, и велблюды, і вино, и сахар, і дорогое узороче — камки и отласы, и насычи, и бугаи везутъ женамъ своимъ. Уже руския жены

1) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1890, № 2, стр. 270.

восплескали татарским златом, уже руской земли простреся слава і веселие і буйство, вознесеся слава руская на поганых. Уже бо ввержень скипетръ на землю. Уже бо грозы велицы текут великаго князя по всей руской земле. Руские же сынове широкие поля клином оградиша и злаченые доспѣхи освѣтиша. Тогда князи руския і воеводы крѣпкия полки поганыя прогнаша, уже бо погании оружия своя повергше на землю, а главы своя под руския мечи подклониша, а трубы их не трубят, уныша гласы их. Мнози бо уязвени наших сынов руских.

Далѣе идетъ уже текстъ Сказанія.

Текстъ Архивскаго отрывка, какъ сказано, близокъ къ списку Ундольскаго, при чемъ мѣстами представляетъ лучшее чтеніе; такъ, начиная со словъ: «Тут бо они разно разлучишася»... и до конца, текстъ значительно поправляетъ списокъ Ундольскаго. Подновленіе видно только въ замѣнѣ слова «дивъ» словомъ «скипетръ»: «Уже бо ввержепъ скипетръ на землю».

Въ Архивскомъ отрывкѣ соединены выдержки изъ двухъ разныхъ мѣстъ Повѣданія, отчего получилось повтореніе: сначала слѣдовало бы сказать о томъ, что русскіе прогнали татаръ и потомъ перейти къ описанію побѣднаго ликованія, — тогда бы не было вторичнаго разсказа о пораженіи татаръ. Но редакторы не руководствовались планомъ писанія Софоніи, а механически заимствовали изъ него украшающія дополненія.

Таковы отрывки изъ писанія Софоніи, находящіеся въ различныхъ редакціяхъ Сказанія. Въ общемъ — они всетаки мало даютъ для возстановленія текста оригинала; въ этомъ отношеніи большаго вниманія, какъ указано, заслуживаетъ рукопись № 378 Румянцевскаго музея.

Будучи по времени болѣе позднимп, чѣмъ писаніе Софоніи, вышеприведенные отрывки всюду подновлены, сообразно пониманію редакторовъ. Для послѣднихъ же Повѣданіе не было легко читаемымъ памятникомъ. Образы Слова о полку Игоревѣ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ которыхъ было написано Повѣданіе, не во всемъ объемѣ были доступны даже

Софоніи, имѣвшему этотъ памятникъ передъ глазами. Та же участь постигла и Повѣданіе, переработанные поэтическіе образы котораго, въ свою очередь, оказались не по плечу составителямъ пространныхъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Замѣчательно, что наиболѣе позднія редакціи послѣднихъ (4 редакція и Синопсисъ) вовсе отрѣшились отъ заимствованій изъ Повѣданія, и послѣднія, какъ я уже говорилъ, находятся лишь во 2 и 3 редакціяхъ Сказанія.

А. Орловъ (О формѣ воинскихъ повѣстей, Чтенія 1902, 4) указываетъ на значительное измѣненіе оболочки устной поэзіи съ XII до XVII вѣка. «Въ этомъ то историческомъ видоизмѣненіи устнаго творчества, говоритъ онъ, и слѣдуетъ видѣть причину непониманія его старыхъ образовъ памятниками позднѣйшихъ эпохъ, слѣдствіемъ чего является слабость вліянія народно-поэтическихъ памятниковъ письменности» (О. с. стр. 4). Слово о полку Игоревѣ дошло въ одномъ спискѣ не случайно: списковъ и было незначительное количество. Нужно думать, что съ Повѣданіемъ Софоніи, написанымъ на болѣе современную и захватывающую тему, интересъ къ Слову изсякъ совершенно, тѣмъ болѣе, что художественная композиція его была цѣликомъ усвоена новымъ произведеніемъ. Но и послѣднее продержалось недолго: редакторы Сказаній воспользовались имъ, но уже не въ цѣломъ объемѣ, а частями. Обломки художественнаго зданія употреблялись для украшенія новаго, но ставились часто не на мѣстѣ. Читающая публика не замѣчала этихъ уклоненій отъ художественной цѣльности, Сказанія были весьма популярны и вытѣснили Повѣданіе. Вредъ ли можно надѣяться на обильную жатву въ смыслѣ открытія новыхъ списковъ писанія Софоніи.

Основываясь на указанныхъ выше поправкахъ и замѣчаніяхъ, я представлю *предположительно* текстъ Повѣданія въ исправленномъ видѣ, раздѣливъ его на части, для болѣе удобнаго пониманія плана.

1. *Предисловіе, не находящееся въ древнѣйшемъ спискѣ, по*

всѣмъ вѣроятіямъ принадлежащее послѣдующей редакціонной обработкѣ.

Князь велпкій Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича [1]). Говоритъ князь великій Дмитрій Ивановичъ: Вѣдомо намъ, братіе милые, у быстрого Дону царь Мамай пришелъ на русскую землю. Поидемъ, братіе, въ полуночную страну, жребій Афетовъ, сына Ноева, отъ него же родися Русь православная, взыдемъ на горы кіевскія, посмотримъ славнаго Нѣпра по всей землѣ русской; и оттолѣ — на восточную страну, жребій Симовъ, сына Ноева, отъ него же родишася Хинове поганые, татарове бусорманове: тѣ бо на рѣцѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афетовъ, оттолѣ русская земля сидитъ невесела, отъ Калатьскія рати до Мамаева побоища тугою и печалію покрышася, плачущися, чады своя поминаючи. Князи и бояре и удалые люди, оставимте домы своя и богатство и жены и дѣти, честь и славу міра сего получити, главы своя положити за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Преже восписахъ жалость земли русскія и прочее, отъ книгъ приводя. Потомъ же написахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

2. *Писаніе Софоніи.*

I. *Вступленіе.*

Снидемся, братія и друзи и сынове русскіе, составимъ слово къ слову, возвеселимъ русскую землю, возверземъ печаль на восточную страну въ Симовъ жребій, воздадимъ поганому царю Мамаю побѣду, а великому князю Дмитрію Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу. И рцемъ таково слово:

Лудчи бо намъ, братіе, начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ отъ нынѣшнихъ повѣстій похвалу великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнуковъ Владимира кіевскаго. Начати повѣдати по

1) Эта фраза находится и въ 1 редакціи Сказанія (Никоновская л-сь).

дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію надъ землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаго Бояна, въ Кіевѣ гораздна чудца. Тотъ бо вѣщій Боянъ, воскладая своя златыя персты на живыя струны, пояше русскимъ княземъ славу: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу, Ярославу Володимировичу.

Здѣ же помянемъ сего великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его Владимира Андреевича, правнуковъ святаго князя Владимира кіевскаго, ихъ же помянемъ и похвалимъ пѣснми и гусленымі буйными словесы, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю русскую и за вѣру христіанскую.

II. *Описаніе похода русскихъ.*

а) *Характеристика Дмитрія и Владимира.*

Се бо князь великій Дмитрій Ивановичъ и братъ его князь Владимиръ Андреевичъ, истягнувше умъ крѣпостію своею, поостриша сердца своя мужествомъ и наполнишася ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ русской землѣ, помянувше прадѣда своего великаго князя Владимира кіевскаго.

Жаворонокъ птица, въ красные дни утѣха! взыди подъ синія облаки, воспой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Ци не буря соколы занесе изъ земли залѣсскія въ поле половецкое.

б) *Изображеніе собравшейся отовсюду русской силы.*

Кони ржуть на Москвѣ, бубны бьють на Коломнѣ, трубы трубять въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей землѣ русской, чюдно стязи стоять у Дону великаго на березѣ, пашутся хоругови берчати, свѣтятся калантыри злачены. Стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софіи, аркучи таково слово: Уже намъ, братія, къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь не поспѣти.

Тогды аки орли слетошася со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съѣхалися всѣ князи русскіе къ великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь, аркучи таково слово:

Господине, князь великій! уже поганіи татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у насъ отнимаютъ, стоятъ межу Дономъ и Днѣпромъ, на рѣцѣ на Мечѣ брести хотятъ, а предати животъ свой нашей славѣ.

в) *Обращеніе великаго князя къ войску съ рѣчью.*

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Поидемъ, брате, за быструю рѣку Донъ, укупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память, а храбрыхъ своихъ испытаемъ, а рѣку Донъ кровію прольемъ за землю русскую и за вѣру христіанскую.

Такожъ рече князь великій Дмитрій Ивановичь своей братіи русскимъ княземъ: Братьица моя милая, русскіе князи! гнѣздо есми князя Владимира кіевскаго, не въ обиду есми были порожены, ни соколу, ни ястребу, ни черну ворону, ни тому псу поганому Мамаю.

г) *Приходъ Ольгердовичей на помощь русскимъ.*

Славій птица! абы еси выщекотала сіи два брата, два сына Ольгердовы, Андрея Полоцкаго и Дмитрія Брянскаго. Тѣ бо суть сынове храбри, на щитѣ рожены, подъ трубами повити, подъ шеломы взлелѣяни, конець копія вскормлени, съ востраго меча поени въ литовской землѣ. Молвяше Андрей къ своему брату Дмитрію: Сама есма два брата, дѣти Ольгердовы, внучата Гедымонтовы, правнуки Скольдимеровы [1]). Соберемъ себѣ милую дружину, сядемъ, брате, на свои борзые комони, посмотримъ быстрого Дону, испіемъ шеломомъ воды, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломы татарскіе, а сулицъ нѣмецкихъ о байданы бесерменскіе.

И рече ему Дмитрій: Не пощадимъ, брате, живота своего за землю русскую и за вѣру христіанскую, за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича. Уже бо, брате, стукъ стучить, громъ гремить въ славномъ градѣ Москвѣ, то ти, брате, не стукъ стучить, не громъ гремить, стучить сильная рать великаго князя

1) Оставляю чтеніе древнѣйшаго списка.

Дмитрия Ивановича, гремять удальцы русскіе злачеными доспѣхи, а шеломы, а черленими щиты. Сѣдлай, брате Андрей, свои борзые комони, а мои ти готови, напреди твоихъ осѣдлани. Выѣдемъ, брате, въ чистое поле и посмотримъ своихъ полковъ.

III. *Первый моментъ боя, окончившійся пораженіемъ русскихъ.*

а) *Зловѣщія знаменія. Татары наступаютъ.*

Уже бо всташа силніи вѣтри съ моря, прилелѣяша тучу велику на усть Днѣпра, на русскую землю. Изъ тучи выступиша кровавыя зори, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти стуку и грому велику межу Дономъ и Днѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ.

Уже бо воскрипѣли телѣги татарскія межу Дономъ и Днѣпромъ, идутъ Хинове на русскую землю.

Притекоша сѣрые волци, пріидоша поганые татарове, хотятъ проити воюючи всю землю русскую. Тогда же гуси восготаша, и лебеди крилы восплескаша, то ти не гуси восготаша, ни лебеди крилы восплескаша, се бо поганый Мамай приведе вои свои на Русь.

Уже бо бѣды ихъ пасоша птицъ подъ облакъ, ворони часто грають, а галици своею рѣчью говорять, орли восклекчуть, волци грозно воють, а лисицы на костѣхъ брешуть. Земля, земля русская, теперь бо еси за соломянемь побывала.

б) *Наступленіе русскаго войска.*

Тогда же ястреби и соколи и бѣлые кречети отрывахуся отъ златыхъ колодицъ, обрываху шелковыя опутины, возвиваючись подъ синія небеса, позвониша своими злачеными колокольци надъ быстрымъ Дономъ, хотятъ ударити на многія стада гусиныя и лебединыя, а богатыри русские хотятъ ударити на великія силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великій Дмитрій Ивановичъ вступи въ позлащенное свое стремя и вземъ свой мечъ въ правую руку и помолися Богу и пречистой Его Матери. Солнце ему ясно сіяетъ на

востоцѣ и путь повѣдаетъ, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздаютъ за сродники своя.

Что ми шумитъ, что гремитъ рано предъ зорями! Князь Владимиръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ къ быстрому Дону, аркучи такъ: Господине князь Дмитрій! Не ослабляй поганымъ татаровямъ, уже бо поганые поля наступаютъ.

в) *Увѣщательное слово великаго князя.*

И рече князь Дмитрій Ивановичъ брату своему князю Владимиру Андреевичу: Брате милый, сами есмя собѣ два брата, сынове есми великаго князя Ивана Даниловича, а внучата есми великаго князя Данилы Александровича, а воеводы у насъ велми крѣпци, съ дружина свѣдома, имѣютъ подъ собою борзые комони, а на себѣ доспѣхи злаченые, а байданы булатные, а шеломы черкасскіе, а щиты московскіе, а сулицы нѣмецкія, а копія фряскія, а кинжалы сурскіе. А дорога имъ свѣдома, а перевозы у нихъ ставлены, но еще хотятъ главы своя положити за землю русскую и за вѣру христіанскую, пашутъ бо ся, аки живи хоругови, ищутъ бо собѣ чести и славнаго имяни.

г) *Бой.*

Уже бо ястреби и соколи и бѣлые кречети борзо за Донъ перелетѣша, на многія стада гусиныя и на лебединыя. То ти быша ни соколи, ни кречети, то ти наѣхали князи русскіе, богатыри литовскіе на великія силы татарскія и удариша копіи харалужными о доспѣхи татарскіе. Возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ.

На полѣ Куликовѣ сильныя тучи сступишася, а изъ нихъ часто сіяли синія молніи и гремѣли громы велиціи. То ти сступишася сынове русскіе съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли доспѣхи злаченые, гремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе.

д) *Пораженіе русскихъ.*

Не турове рано возревѣли у Дону великаго на полѣ Куликовѣ, возревѣли воеводы сильные, великаго князя Дмитрія Ивановича вои, побиты и посѣчены отъ поганыхъ татаръ.

Пересвѣта черница, брянскаго боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ великому князю Дмитрію Ивановичу: Лудчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганыхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, братія, стару помолодѣти, а молодому чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: Уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову [1]) лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича.

е) *Общая картина печали.*

Въ то жъ время по русской землѣ ни ратаи не кличуть, ни трубы не трубять, только часто ворони грають, зогзицы кокують, трупа человѣческаго чаючи. Сего ради грозно и жалостно видѣти, запеже трава кровію полита бысть, а древеса тугою до земли приклонишася.

IV. *Переходъ ко второй части. Плачи женъ по избіеннымъ.*

Воспѣли птицы жалостными пѣснями, восплакали княгини и боярыни и вси воеводскія жены о избіенныхъ.

Воеводина жена Микулы Васильевича Марья рано плакашеся у Москвы града на заборолѣ, аркучи: Доне, Доне, быстрый Доне! прорылъ еси каменныя горы, пробилъ еси берега харалужные, прошелъ еси землю половецкую, прилелѣй ко мнѣ моего господина Микулу Васильевича. А Тимофеева жена Валуевича Ѳедосья да Дмитрія жена Всеволожскаго Марья также рано плакашеся, аркучи: Се уже веселіе наше пониче въ славномъ градѣ Москвѣ, уже не видимъ государей своихъ въ своихъ животѣхъ.

Андреева жена Марья да Михайлова жена Анисья рано

---

1) Здѣсь Ослябя, котораго звали Іаковъ, говоритъ о себѣ. «Брату» я замѣняю рукописное «чаду», что не имѣетъ смысла.

плакашася: Се уже обѣма намъ солнце померкло въ славномъ градѣ Москвѣ. Припахнули къ намъ отъ быстраго Дону поломянныя вѣсти, носяше великую обиду, ссѣдоша удальци съ борзыхъ коней своихъ на суженое мѣсто, на полѣ Куликовѣ, за быстрымъ Дономъ рѣкою [1]).

Дивъ кличетъ въ русской землѣ подъ саблями татарскими.

Не щурове рано возлетѣли и воспѣли жалостныя пѣсни. Восплакалися жены коломенскія у Коломны града на заборолѣхъ о избіенныхъ, смотрячи на быструю рѣку, на славную Москву, аркучи тако: Москва, Москва рѣка быстрая! чему еси залелѣяла мужей нашихъ отъ насъ въ землю половецкую? Можеши ли, господине князь великій Дмитрій Ивановичъ, веслы Днѣпръ исчерпати, а Донъ трупы татарскими запрудити. Замкни, государь, Окѣ рѣкѣ ворота, чтобы тые поганые татарове и потомъ къ намъ не бывали, а насъ не квелили по своихъ государѣхъ, уже бо мужей нашихъ рать прибило.

V. *Второй моментъ боя. Похвала Владимиру и пораженіе татаръ.*

а) *Вступленіе.*

Того же дни въ суботу на Рождество святыя Богородицы изсѣкоша христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣцѣ на Непрядвѣ. Нюкнувъ князь Владимиръ Андреевичъ, скакаше по рати поганыхъ татаръ, своимъ борзымъ конемъ поѣждаючи, золотымъ шеломомъ посвѣчаючи. Гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе.

б) *Стояніе въ засадѣ.*

И восхвалитъ Дмитрій *Волынецъ* князя Владимира Андреевича: Брате княже Владимере! ты еси желѣзное забороло у зла тошьна времени [2]). Говоритъ князь Владимиръ Андреевичъ

---

1) Здѣсь оканчивается Кирилло-Бѣлозерскій списокъ.

2) Я предлагаю такъ читать это мѣсто. Въ Синодальномъ оно испорчено, въ спискѣ Ундольскаго, очевидно, прожжено. «Тошьный» значитъ—тяжелый, трудный. Ср. лѣтописное: «вы бо тѣломъ и намъ забрала и земли рустѣи оутвръженіе» (Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго).

Дмитрію Волынцу: Не отставай своими полки, уже бо поганые татарове поля наступаютъ, а хоробрую дружину у насъ истеряли, а въ трупѣ человѣчьи борзые комони не могутъ скочити, въ крови по колѣно бродятъ.

Рече Дмитрій Волынецъ: Братія, русскіе князи, бояре и воеводы! Туто надобе стару помолодѣти, а молодому чести достати. То ти есть не наши московскіе сладкіе меды, туто добудете себѣ чести и славы.

в) *Засадный полкъ ударяетъ на татарскую силу.*

И тогда аки соколы борзо полетѣли. Поскакиваетъ Дмитрій Волынецъ со всею силою и рече: Брате, княже Владимиръ Андреевичъ! туто испити медвяна чара, наѣждаемъ, брате, своими полки сильными на рать татаръ поганыхъ.

Тогда князь *Владимиръ Андреевичъ* наступаетъ на великую силу татарскую, гремятъ мечи булатные о шеломы хиновскіе. Поганые бусорманы покрыша главы своя руками своими, русскіе же сынове широкія поля кликомъ огородиша и злаченными доспѣхи освѣтиша. Уже бо ста туръ на боронь.

г) *Пораженіе и бѣгство татарскаго войска.*

Черна земля подъ копыты, костьми татарскими была насѣяна, а кровью ихъ полита бысть. Силные полци сступишася въ мѣсто и притопташа холми и луги. Возмутишася рѣки, потоки, озера. Кликнулъ дивъ по всѣмъ землямъ, велитъ грозна послушати. Шибла слава къ морю, къ Желѣзнымъ вратомъ, къ Риму и ко Орначу и къ Каѳѣ и ко Царю граду, что Русь поганыхъ одолѣша [1]). Туто поганые разлучишася разно, бѣжатъ неготовыми дорогами въ лукоморье, скрегчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: Уже намъ, братія, въ земли своей не бывать и катунь и дѣтей своихъ не видать, а на Русь

1) Это мѣсто въ спискахъ Повѣданія находится при описаніи перваго момента боя, что совсѣмъ не логично: послѣ вѣсти о побѣдѣ русскихъ слѣдуетъ разсказъ о ихъ пораженіи. Я ставлю это мѣсто здѣсь на основаніи чтенія Архивскаго отрывка (Сказаніе по списку кн. Оболенскаго), гдѣ не нарушена логическая послѣдовательность.

ратью не ходить и выхода намъ у русскихъ князей не просить. Уже бо возстона земля татарская, бѣдами и тугою покрыся. Уныша бо царей ихъ веселіе и похвала на русскую землю ходити.

д) *Веселіе земли русской о побѣдѣ.*

Уже бо русскіе сынове разграбиша татарское узорочіе, везучи въ землю свою кони и велбуды, камки и отласы, сребро и злато и крѣпкія доспѣхи и четьи жемчуги. Уже жены русскія восплескаша татарскимъ златомъ.

Уже по русской землѣ простреся веселіе и буйство, вознесеся слава русская на поганыхъ. Уже бо ввержень дивъ на землю.

Уже бо грозы великаго князя текутъ по всей землѣ.

Тогда князи русскіе и воеводы крѣпкіе полки поганые прогнаша, уже бо поганые оружія своя повергоша на землю, а главы своя подъ русскіе мечи подклониша, а трубы ихъ не трубятъ, уныша гласи ихъ.

VI. *Заключеніе.*

И сталъ великій князь Дмитрій Ивановичъ съ своимъ братомъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и съ остальными своими воеводами на костѣхъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Грозно и жалостно, братія, въ то время посмотрѣти, лежатъ трупи христіанскіе у Дона великаго на березѣ, аки сѣнные стоги, и Донъ рѣка три дни кровію текла.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Братія, князи и бояра и дѣти боярскіе, то вамъ сужено мѣсто межь Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю русскую, за вѣру христіанскую. Простите мя братіе, и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Поидемъ, брате князь Владимиръ Андреевичъ, во свою землю залѣсскую, къ славному граду Москвѣ, и сядемъ, брате, на своемъ княженіи. А чти есми, брате, добыли и славнаго имяни. Богу нашему слава.

Я выпустилъ изъ предложеннаго своднаго текста два отрывка: о судьбѣ Мамая и о счисленіи убитыхъ, какъ не находившихся, на мой взглядъ, въ основномъ текстѣ.

Разсказъ о судьбѣ Мамая, которымъ кончается Синодальный списокъ, представляетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ Лѣтописной Повѣсти нѣсколько измѣненнымъ по стилю: «И отскочи поганый Мамай съ малою дружиною, сѣрымъ волкомъ взвылъ, прибѣгъ къ Каеѣ, и рекоша ему Ѳрязове: Пошелъ еси, похвалившись на русскую землю съ девятью ордами и семьюдевятъ князьми. Нынѣ ты, поганый, бѣжишь самъ девять въ лукоморье, нешто горазно потчивали русскіе князи твою дружину, нешто гораздо упилися у быстраго Дону, на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ, позаденешь и насъ своимъ безуміемъ. Уподобился еси малому младенцу у матери своей».

Въ этомъ отрывкѣ образы также взяты изъ Слова о полку Игоревѣ, но по языку и по тону онъ не подходитъ къ общему стилю Повѣданія, которое, замѣчу, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не пользуется Лѣтописной Повѣстью, хотя и знаетъ ее.

Другой отрывокъ — счетъ убитыхъ — находится только въ одномъ спискѣ Ундольскаго и весьма частъ въ Сказаніяхъ. Можетъ быть онъ принадлежитъ тому же редактору, который написалъ вступленіе, «отъ книгъ приводя», но не Софоніи, который близко держался плана и выраженій только одного Слова о полку Игоревѣ. Перечисленіе убитыхъ не одинаково въ спискахъ и, чтобы составить себѣ представленіе объ этомъ отрывкѣ, я приведу то, что встрѣчается въ большинствѣ списковъ:

«И рече князь великій Дмитрій Ивановичъ: Считайтеся, братія, сколько у насъ воеводъ нѣтъ и сколько молодыхъ людей нѣтъ. Говоритъ Михайло Александровичъ, московскій бояринъ: Нѣту, государь, у насъ сорока бояриновъ московскихъ, да двѣнадцати князей бѣлозерскихъ, да тридцати посадниковъ новгородскихъ, да двадцати бояръ коломенскихъ, да сорока бояръ

серпуховскихъ, да двадцати бояръ переяславскихъ, да двадцати пяти бояръ костромскихъ, да тридцати пяти бояръ володимирскихъ, да пятидесяти бояръ суздальскихъ, да сорока бояръ муромскихъ, да тридцати трехъ бояръ ростовскихъ, да двадцати трехъ бояръ дмитровскихъ, да шестидесяти бояръ звенигородскихъ, да пятнадцати бояръ углецкихъ. А посѣчено отъ безбожнаго Мамая полтретья ста тысячъ и три тысячи».

Композиція этого отрывка не носитъ характерныхъ особенностей, отличающихъ Слово о полку Игоревѣ; она ближе къ народно-поэтическому творчеству. Въ погонѣ за эвфонизмомъ, какъ я говорилъ, это перечисленіе варьировалось и дополнялось въ различныхъ спискахъ.

Отмѣченное изслѣдователями сходство оборотовъ Повѣданія съ соотвѣтствующими Слова о полку Игоревѣ заставляло предполагать, что послѣднему авторъ подражалъ *въ значительной степени*. Но нужно думать, что Слово было *единственнымъ* памятникомъ, которому подражалъ Софонія, такъ какъ и *планъ Повѣданія совпадаетъ съ планомъ Слова*.

Въ обоихъ памятникахъ, послѣ вступленія (одинаковаго и по содержанію), находится описаніе похода. Эта часть (первая) открывается въ Словѣ характеристикой Игоря и Всеволода, чему въ Повѣданіи соотвѣтствуетъ характеристика Дмитрія и Владимира. Два боя русскихъ съ половцами (побѣда и пораженіе) равняются первому и второму моментамъ боя, съ той разницей только, что въ Повѣданіи неудаченъ первый бой, а второй оканчивается побѣдой.

Вторая часть Слова — сонъ Святослава и его золотое слово — нѣкоторымъ образомъ воспроизведены въ увѣщательномъ словѣ великаго князя и въ описаніи предзнаменованій. Общая картина печали земли русской соотвѣтствуетъ переходу къ 3 части Слова — изображенію безпомощности Руси вслѣдствіе распаденія центра на горахъ кіевскихъ. Плачи боярынь по избіеннымъ, равняясь по схемѣ плачу Ярославны (моленіе къ вѣтру, Днѣпру, солнцу) въ обоихъ памятникахъ являются переходомъ къ раз-

вязкѣ. Наконецъ — торжество князя, досада непріятелей и веселіе земли русской — тожественны по схемѣ въ обоихъ памятникахъ. Оба оканчиваются заключеніемъ въ тонѣ славы.

Стремленіе подражать Слову о полку Игоревѣ не является, въ данномъ случаѣ, единичнымъ фактомъ въ литературѣ. Трудно вмѣстѣ съ изслѣдователями настаивать на существованіи особой поэтической школы, писавшей пѣсни славы, такъ какъ ничего постояннаго и организованнаго отнюдь не замѣчается, тѣмъ не менѣе, среди литературныхъ памятниковъ, приходится отмѣчать такіе, тонъ которыхъ отличенъ отъ обычной повѣствовательной формы. Такъ — Срезневскимъ были указаны лѣтописные отрывки, содержащіе формулы Слова, найденъ недавно отрывокъ изъ Слова о погибели земли русской (кстати сказать, близко напоминающій вступленіе къ житію Ѳеодора Ярославскаго), наконецъ — разбираемый памятникъ. Попытки излагать воинскія повѣсти въ тонѣ Слова продолжались и послѣ писанія Софоніи, такъ въ Псковской 1 лѣтописи, подъ 7022 находится описаніе Оршинскаго побоища, къ сожалѣнію очень краткое:

«Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія, и слышати было стуку и грому великому межу Москвичь и Литвою, и удариша Москвичи на Литву, рускіе князи и бояре съ дивными удалцы рускими сыновами на силную рать литовскую, и треснули копья московскія и гремятъ мечи булатные о шеломы литовскія на поли Оршинскомъ».

Само Слово о полку Игоревѣ, какъ указалъ его авторъ, есть памятникъ подражательный. Поэтому во всей группѣ вышеизложенныхъ однородныхъ произведеній замѣчаются отзвуки «замышленія Бояна». Съ этой стороны, конечно, подобныя повѣсти принадлежатъ къ одной «школѣ», во главѣ которой слѣдуетъ поставить пѣснотворца давняго времени. Софонія, упомянувъ о Боянѣ, освѣжилъ, такъ сказать, о немъ память. Но Боянова школа не дала, для конца XVI и въ XVII вв., новыхъ произведеній, а старыя — стали забываться, растворяясь въ памятникахъ

иной формы. Причина этого, на мой взглядъ, лежитъ въ распространеніи новыхъ формъ поэзіи — старинъ, — расцвѣтъ которыхъ я лично отношу къ XVI — XVII вѣку.

Со стороны внутренняго содержанія, Повѣданіе прежде всего предполагаетъ у автора знакомство съ Лѣтописной Повѣстью. Только зная ее и не довольствуясь ея сухимъ изложеніемъ, авторъ рѣшилъ описать знаменательное событіе «иными словесы», заимствуя изъ Повѣсти лишь самые основные факты. Въ это основное содержаніе онъ вплелъ новый матеріалъ, взятый имъ изъ устныхъ разсказовъ, которые онъ стилизовалъ по принятому образцу для подражанія. Таковы современные событію разсказы: подвигъ Пересвѣта, приходъ Ольгердовичей, помощь Новгородцевъ, засадный полкъ и храбрость Владимира и Дмитрія Волынца, прославленіе князей бѣлозерскихъ. Эти разсказы были въ оборотѣ даже тогда, когда писалась Лѣтописная Повѣсть: въ ней, напр., упоминается о Пересвѣтѣ, объ Ольгердовичахъ — но лишь схематично, такъ какъ авторъ повѣсти преслѣдовалъ совершенно иную цѣль. Что касается Сказанія, то эти преданія обработаны тамъ вполнѣ самостоятельно.

Нахожденіе такихъ преданій, какъ разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волынца или о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ въ разныхъ редакціяхъ *Сказанія* доказываетъ, что преданій ходило много, и авторъ Повѣданія не использовалъ ихъ во всемъ объемѣ.

По вопросу объ имени автора Повѣданія въ наукѣ до самаго послѣдняго времени существовало разногласіе (см. 1 главу), между тѣмъ какъ рѣшеніе его не представляетъ никакого труда. Кромѣ указанныхъ трехъ полныхъ списковъ Повѣданія (Кирилло-Бѣлозерскаго, Ундольскаго и Синодальнаго), гдѣ авторъ зовется *Софоніей*, имя его упоминается въ нѣкоторыхъ спискахъ Сказанія 3-й редакціи. (Обращу вниманіе на то, что въ 1, 2 и 4 редакціяхъ Сказанія имени автора Повѣданія *нѣтъ*). Такихъ списковъ мнѣ извѣстно 6. Изъ нихъ въ четырехъ имя автора читается *Софонія* или *Софоній*: 1) Академіи Наукъ 16. 17.

22: *Сказаніе Совонія изерея резанца*; 2) Академіи Наукъ 16. 13. 22: *Сказаніе Совонія іерея рязанца*; 3) Румянцовскаго Музея № 378 — *Списаніе Совонія іерея рязанца*; 4) Тверской лѣтописи: *Писаніе Софоніа резанца, брянскаго боярина*. И только въ двухъ *позднѣйшихъ* спискахъ, XVIII и XIX в., притомъ *списанныхъ съ одного оригинала*: 1) Публичной Библіотеки, гр. Толстого I, 447 — извѣстный Карамзину и 2) Публичной Библіотеки Q. XV, X. 70, XIX вѣка — имя автора стоитъ въ огласовкѣ: *Софроній*. Не трудно видѣть, что за букву *р* позднѣйшіе переписчики могли принять случайную черточку вверху, а главное, что имя *Софоніи* засвидѣтельствовано большинствомъ древнѣйшихъ и лучшихъ списковъ [1]).

Иное дѣло вопросъ о личности автора: объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Іереемъ онъ могъ быть послѣ того, какъ былъ бояриномъ брянскимъ. Южный уроженецъ, онъ легко могъ привезти съ собою въ Рязань рукопись Слова о полку Игоревѣ, а можетъ быть и цѣлую библіотеку, такъ какъ, повидимому, былъ человѣкъ книжный, а, судя по произведенію, — не безъ таланта.

Въ виду того, что древнѣйшій списокъ (Кирилло-Бѣлозерскій) принадлежитъ концу XV вѣка, но текстъ памятника въ немъ уже испорченъ, составленіе Повѣданія нужно, слѣдовательно, относить ко времени нѣсколько болѣе раннему, можетъ быть къ первой четверти XV вѣка, когда Лѣтописная Повѣсть сдѣлалась общеизвѣстной.

Служа въ Рязани, Софонія нигдѣ не упоминаетъ о своемъ князѣ Олегѣ, а ему, какъ подражавшему Слову, чрезвычайно легко можно было бы упомянуть о «крамолахъ» или припомнить «Олега Гориславича». Можетъ быть Софонія стоялъ къ княжескому двору близко?

Итакъ, на основаніи вышеизложеннаго, можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Въ началѣ XV вѣка, послѣ сухого изложенія Лѣтописной

1) «Софонія» писать правильнѣе, чѣмъ «Софоній».

Повѣсти, появилось поэтическое описаніе Куликовской битвы, авторомъ котораго былъ рязанскій іерей Софонія.

2) Это произведеніе, носившее обычныя названія Слова или Сказанія и Списанія, но получившее потомъ названіе Повѣданія, было написано въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ, съ сохраненіемъ не только его образовъ и выраженій, но и плана.

3) Повѣданіе имѣетъ цѣлью прославленіе князей Дмитрія и Владимира, причемъ главный матеріалъ черпаетъ изъ устныхъ преданій о Куликовской битвѣ.

4) Повѣданіе не дошло въ оригиналѣ, но познается:

а) изъ 3 списковъ, содержащихъ памятникъ въ болѣе или менѣе цѣломъ видѣ. Изъ нихъ — древнѣйшій не полонъ, а позднѣйшіе носятъ черты нѣкоторой редакціонной обработки;

б) изъ отрывковъ, находящихся во 2 и, преимущественно, въ 3 редакціяхъ Сказанія — пространной повѣсти о Куликовской битвѣ, которое пользовалось Повѣданіемъ, какъ иллюстраціей къ своему изложенію.

5) Списки и отчасти отрывки взаимно дополняютъ и поправляютъ другъ друга.

6) Оригиналъ Повѣданія возстанавливается изъ сличенія всѣхъ списковъ и отрывковъ.

7) Искаженіе списковъ произошло:

а) отъ допущенной крупной ошибки при переходѣ къ изложенію второго момента боя;

б) отъ ошибокъ писцовъ, пропусковъ и особенно — интерполяцій;

в) отъ непониманія текста позднѣйшими переписчиками.

8) Искаженіе, зависѣвшее отъ непониманія текста памятника, вытѣснило Повѣданіе изъ обращенія, и его обломки вошли въ болѣе живучій и распространенный памятникъ, носившій названіе Сказанія.

ГЛАВА IV.

Сказаніе первой редакціи.

(Кипріановская редакція).

Пространная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ впервые отдѣльно была напечатана Снегиревымъ (Рус. Ист. Сбор. III, 1), причемъ въ основу изданія былъ положенъ списокъ Тимковскаго, носившій названіе: «Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго».

Это изданіе утвердило въ литературѣ за разбираемой повѣстью названіе «Повѣданія», хотя послѣдній терминъ не былъ устойчивъ. Я съ своей стороны въ послѣдующемъ изложеніи буду пространную повѣсть называть *Сказаніемъ*. Вышеприведенное двойное названіе предполагало и двойное содержаніе, а *Повѣданіемъ*, какъ выше указано, обозначалось писаніе Софоніи, изъ котораго Сказаніе въ различныхъ редакціяхъ широко заимствовало украшающія дополненія.

Первая редакція Сказанія находится *въ спискахъ Никоновской лѣтописи*. Послѣдняя, какъ извѣстно, издана Археографической Коммиссіей по 6 основнымъ спискамъ, изъ которыхъ два (Обол. и Акад. XIV) писаны во второй половинѣ XVI в., т. е. современны составленію лѣтописи [1]).

---

1) По вопросу о литературной исторіи Никоновской л. и взаимоотношенію ея списковъ см. у ак. А. А. Шахматова, его рецензію на книгу Н. П. Лихачева: О палеографическомъ значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ.

При изданіи 11 тома Полнаго собранія русскихъ лѣтописей въ число варіантовъ Никоновской л. былъ включенъ еще одинъ списокъ — Акад. XVII, извѣстный подъ именемъ Древняго Лѣтописца [1]). Въ концѣ второй части рукописи, почеркомъ XVIII в., сдѣлана приписка: «Сія книга писана Игнатіемъ черцомъ Михаила архіерея Смоленскаго. Смотри стр. 556. Въ лѣто $\frac{6897}{1384}$ и послѣ уже 384 года».

Эта приписка устанавливаетъ за извѣстной частью лѣтописи авторство того Игнатія, который, подъ именемъ Игнатія Смолянина, оставилъ описаніе хожденія Пимена въ Царьградъ и былъ потомъ архимандритомъ Спасскимъ. Ему, по свидѣтельству историка Татищева, митр. Кипріанъ поручилъ докончить лѣтопись, начатую имъ самимъ. Митр. Евгеній, очевидно, опирался на это показаніе Татищева, когда писалъ: «Въ библіотекѣ Академіи между рукописями въ листъ есть симъ Игнатіемъ писанный полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254 по 1423 годъ». (Словарь о писателяхъ дух. чина I, 194). Замѣчаніе неясное и неправильное: «полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254—1423» есть, несомнѣнно, Древній Лѣтописецъ. А если это такъ — онъ долженъ былъ быть извѣстнымъ по печатному изданію митр. Евгенію, а равно и Е. Голубинскому, который (Исторія церкви II, 351), цитируя вышеприведенныя слова митр. Евгенія, спрашиваетъ: «Желательно было бы знать, не представляетъ ли этотъ лѣтописецъ какихъ-

---

1) Рукопись лицевая, относится къ XVI в. Первое изданіе Академіи Наукъ въ 1774—5, въ 2 частяхъ, сообразно дѣленію рукописи, подъ названіемъ: «Древняго Лѣтописца часть первая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей сперва Владимирскихъ, потомъ Московскихъ, чрезъ сто двадцать пять лѣтъ начиная съ $\frac{6762}{1254}$ года до $\frac{6887}{1379}$». И — «Древняго Лѣтописца часть вторая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій, бывшихъ въ Россіи съ $\frac{6887}{1379}$ по $\frac{6932}{1424}$ годъ, то есть послѣдняя лѣта княженія великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и владѣніе великаго князя Василія Дмитріевича».

нибудь данныхъ по отношенію къ нашему вопросу?» (къ вопросу объ участіи Кипріана въ составленіи лѣтописи).

Приписка на рукописи почеркомъ XVIII в. могла быть сдѣлана самимъ Татищевымъ. Интересно знать, откуда Татищевъ почерпнулъ свѣдѣнія объ авторствѣ или редакторствѣ Игнатія? Участіе Игнатія и Кипріана въ составленіи лѣтописи имѣетъ важное значеніе въ объясненіи первой редакціи Сказанія. Важное показаніе Татищева, за отсутствіемъ прямыхъ доказательствъ, требуетъ однако провѣрки, не смотря на то, что я отнюдь не раздѣляю скептическаго взгляда Е. Голубинскаго на Татищева.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Древнемъ Лѣтописцѣ, не вполнѣ совпадаетъ съ текстомъ въ остальныхъ спискахъ Никоновской л. Онъ — полнѣе, и распространеніе это сдѣлано на счетъ вставокъ, находящихся, преимущественно, ближе къ окончанію изложенія.

Я отмѣчу эти вставки.

1) Послѣ словъ: «И тако вси изыдоша сь яростію и съ ревностію божественною на невѣрныа и противныа врагы» — прибавлено: «И не устрашишася христіане, дерзнуша, яко велицыи ратницы. Видѣша вѣрніи, яко аггели помогающи христіаномъ, и святыхъ мученикъ полки, и въина великаго христова Георгіа, и славнаго Дмитріа, и великихъ князей русскихъ святыхъ Бориса и Глѣба, въ нихже бѣ воевода свершенаго полка небесныхъ силъ великій архистратигъ Михаилъ. Видѣша поганіи полцы двое воеводы, тресолпечныа полки и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идутъ на нихъ, безбожніи Татарове отъ страха Божіа и отъ оружіа христьяньскаго падаху. Вознесе Богъ десницу великаго князя Дмитріа Ивановича на побѣду иноплеменникъ».

Все это мѣсто буквально заимствовано изъ Лѣтописной Повѣсти.

2) Послѣ рѣчи великаго князя къ воеводамъ, въ которой онъ выражаетъ желаніе биться впереди всѣхъ, прибавлено:

«И потомъ и сіе пророче имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Арефы; егда мучитель хотяше посѣщи его, и съ нимъ вся воины подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ передъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хощу видѣти небеснаго царя».

3) Послѣ словъ: «множество татаръ избіено бысть невидимою Божіею силою и пречистыа Его Матере и великого чюдотворца Петра и всѣхъ святыхъ» — прибавлено: «Бысть бо яко въ девятый часъ бьющемся и мнози вѣрніи видѣша»... и далѣе все буквально такъ же, какъ въ первой вставкѣ. Затѣмъ слѣдуетъ продолженіе вставки: «Тогда же нѣкто изъ Володимерова полку Андрѣевича предста предъ великимъ княземъ, глаголя сице: азъ, господине княже, егда въ дубравѣ быхъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ въ западномъ полку, и плакахомся великимъ плачемъ Господу Богу и пречистей Его Матери и великому чюдотворцу Петру, видяще избиваемыхъ отъ Татаръ православныхъ крестьянъ, и во мнозѣ скорби и въ умиленіи быхомъ, и внезаапу аки во изступленіи быхъ и видѣхъ множество безчислено вѣнцовъ, на избіеныя крестіане сходящихъ. И се есть истинное слово, яко нетлѣнными вѣнцы увязошася отъ Христа Бога и честь и славу велію на небесѣхъ пріаша и молятся о всѣхъ насъ. Безбожный же царь Тетякъ, нареченный плотный діаволъ Мамай, со страхомъ вострепетавъ и велми возстонавъ и рече: великъ Богъ крестіанескъ, велика сила Его. И рече: братіе Измаиловичи, побѣжимъ неготовыми дорогами. А самъ, вдавъ плещи свои, побѣжа вскорѣ паки ко Ордѣ. И то слышавше, вси князи темніи его и вся сила татарская, то видѣвше, побѣгоша, и прочіи иноплеменницы, гоними гнѣвомъ Божіимъ и страхомъ одержими суще, отъ мала и до велика ихъ на побѣгъ устремишася. Видѣвше же крестьяне, яко Татарове побѣгоша съ Мамаемъ, и погониша за ними вслѣдъ ихъ, бьюще

ихъ и сѣкуще безъ милости; Богъ бо невидимою силою устраши полки ихъ и побѣгоша, даша плещи свои на раны. Въ погони же той овіи Татарове оружіемъ падоша отъ крестьянъ, друзіи въ рѣцѣ истопоша; и гониша до Мечи рѣки, и тамо бѣжащихъ Татаръ безчисленое множество избіено бысть, и гониша ихъ и до становъ ихъ, и полониша богатства много, вся имѣніа ихъ и стада татарьская».

Въ этой вставкѣ, кромѣ разсказа о видѣніи вѣнцовъ, сходящихъ съ неба, все остальное опять буквально взято изъ Лѣтописной Повѣсти.

4) Послѣ рѣчи великаго князя «на костяхъ» къ оставшемуся войску, Древній Лѣтописецъ расходится съ остальными списками Никоновской л. Въ послѣднихъ слѣдуетъ разсказъ нѣкоего воина изъ полка князя Владимира Андрѣевича о видѣніи вѣнцовъ, — разсказъ этотъ составляетъ, какъ только что указано, — часть третьей вставки. Въ Древнемъ Лѣтописцѣ мѣсто этого эпизода занимаетъ вставка, взятая снова изъ Лѣтописной Повѣсти: «И отселѣ отъ страны Литовскіа князь Ягайло Литовскій, иже пріиде со всею силою литовскою поганному Мамаю и Татаромъ на помощь, а христіаномъ на пакость, но и отъ тѣхъ Богъ избавилъ: не поспѣша на срокъ за малымъ, за едино днище, наименши; но точію слышавъ князь Ягайло Олгердовичь и вси сила его, яко великому князю Дмитрію Ивановичю съ Мамаемъ бой былъ, и великій князь одолѣлъ, а Мамай побѣжалъ безо всякого пожданья. Князь же Ягайло со всею силою литовьскою побѣжа назадъ съ великою скоростію, никимже гонимъ; не видѣша бо тогда великаго князя, ни рати его, ни оружіа его, но токмо имяни его бояхуся и трепетаху».

5) Послѣ словъ: «И превезошася Донъ реку и поиде князь великій по рязанской землѣ»... вставлено: «Повѣдаша же ему, что князь Олегъ рязанскій послалъ Мамаю на помочь свою силу, а самъ на рѣкахъ мосты переметалъ, а хто поѣхалъ з Донского побоища домовъ сквозѣ его отчину Рязанскую землю, бояре и слуги, а тѣхъ велѣлъ имати и грабити и нагихъ пущати; вели-

кій же князь Дмитрей Ивановичь хотѣ противу послати рать свою на князя Олга». И ниже: «Бояре же его рязанстіи оставиша Олга и пріѣхаша къ великому князю и повѣдаша, что князь Олегъ повергъ отчину свою, землю рязанскую, а самъ побѣжалъ и со княгинею и з дѣтми и з бояры; и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не посылалъ, а сами бишя ему челомъ въ рядъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ челобитья и рати на нихъ не посла, а на рязанскомъ княженіи посади намѣстники своя».

Обѣ эти вставки также взяты изъ Лѣтописной Повѣсти.

Такимъ образомъ, кромѣ вставки о мученикѣ Ареѳѣ, матеріаломъ для дополненій Древняго Лѣтописца послужила Лѣтописная Повѣсть. Всѣ вышеприведенныя вставки не связаны органически съ общимъ ходомъ разсказа. Особенно случайный характеръ носитъ третья вставка. Во первыхъ — въ ней повторяется разсказъ о вмѣшательствѣ небесныхъ силъ въ битву, разсказъ, который уже былъ помѣщенъ раньше (въ первой вставкѣ). Во вторыхъ — когда уже кончилась рѣчь объ окончательномъ пораженіи Мамая, о преслѣдованіи русскими татаръ до рѣки Мечи, о возвращеніи побѣдителей съ добычей, и повѣствуется о томъ, какъ князь Владимиръ Андрѣевичъ поздравляетъ великаго князя съ побѣдой, — изложеніе неожиданно прерывается выше приведеннымъ эпизодомъ о вмѣшательствѣ небесныхъ сплъ, разсказомъ воина о чудесномъ видѣніи вѣнцовъ и *вторичнымъ* разсказомъ о бѣгствѣ Мамая, о погонѣ за нимъ до рѣки Мечи и о захватѣ добычи. Прерываетъ также ходъ повѣствованія разсказъ о томъ, что Олегъ рязанскій велѣлъ грабить всѣхъ, кто возвращался съ Донского побоища черезъ рязанскую землю. Эта вставка не вяжется съ общимъ изложеніемъ потому, что въ этомъ мѣстѣ, напротивъ, подчеркивается страхъ Олега передъ побѣдителями, а главное, — что она встрѣчается въ текстѣ уже вторично.

Подобный характеръ вставокъ заставляетъ признать въ нихъ интерполяцію, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожде-

нія, такъ какъ Древней Лѣтописецъ дошелъ въ спискѣ к. XVI вѣка.

Отсюда — болѣе близкій къ протографу текстъ Сказанія долженъ находиться во всѣхъ неинтерполированныхъ спискахъ Никоновской л., въ общемъ — вполнѣ согласныхъ между собою.

Къ перечисленнымъ слѣдуетъ еще прибавить текстъ Сказанія, находящійся отдѣльно въ сборникѣ Синодальной Библіотеки $\frac{57}{359}$ Чудовскаго м-ря, XVII в. Среди статей историческаго содержанія, на л. 65 помѣщено Сказаніе, носящее заглавіе, весьма близкое къ Никоновскому: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси егда помощию божиею і пречистые его Матери Богородицы і угодника их святаго чюдотворца Петра митрополита всеа Русиі і преподобнаго игумена Сергия чюдотворца и всѣх святых молитвами, князь великий Димитрий Иванович з братом своим иже из двоюродных с князем Володимером Андрѣевичем і со всѣми князи рускими на Дону посрами и прогна воложския орды гордаго князя Мамая і всю орду его со всею силою их нечестивою изби и до конца посрами».

Текстъ Сказанія здѣсь — такой же, какъ и въ спискахъ Никоновской л., но мѣстами распространенъ на счетъ интерполяцій, имѣющихъ отношеніе къ послѣдующимъ редакціямъ Сказанія. При разборѣ послѣднихъ я укажу на особенности этого текста.

Текстъ Сказанія, помѣщенный въ Никоновской л., представляетъ *первую* редакцію потому, что:

1) онъ ясно сохраняетъ планъ, даже цѣлыя выраженія Лѣтописной Повѣсти, подъ непосредственнымъ вліяніемъ которой составленъ;

2) въ немъ, сравнительно съ послѣдующими редакціями, всего менѣе вставныхъ эпизодовъ;

3) въ немъ почти отсутствуютъ заимствованія изъ Писанія Софоніи (Повѣданія), которыми въ широкой степени пользуются другія редакціи; и —

4) по времени составленія — разбираемый текстъ болѣе древній.

Нахожденіе первой редакціи въ лѣтописномъ сводѣ заставляетъ считаться съ той работой, которая произведена была надъ текстомъ Сказанія редакторомъ той части Никоновскаго свода, въ которую вставлена разбираемая повѣсть. Эту редакторскую работу въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду отмѣчать попутно.

1) *Отношеніе Сказанія къ Лѣтописной Повѣсти.*

Сказаніе имѣетъ пространное заглавіе, данное ему редакторомъ: «Повѣсть полезна бывшаго чюдеси, егда помощію Божіею и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита (кіевскаго и) всея Руси, и преподобнаго игумена Сергіа чюдотворца, и всѣхъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрей Ивановичь, з братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми князи русскими, на Дону посрами и прогна Воложскіа орды гордаго князя Мамая и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби», затѣмъ — вступленіе.

Вступленіе написано, очевидно, тоже редакторомъ. Разсказъ идетъ о воцареніи Мамая, убившаго измѣной хана и всю его свиту и о гнѣвѣ Мамая на великаго князя Дмитрія за пораженіе на р. Вожѣ. Совѣтники говорятъ Мамаю, что онъ, собравъ силу изъ разныхъ народовъ, «иже подъ его властью», можетъ дѣлать съ Москвою то, что сдѣлалъ раньше съ княземъ Олегомъ рязанскимъ. Въ Никоновской л. подъ 1379 г. помѣщенъ разсказъ «О плѣненіи Рязаньскіа земли отъ Мамаа». Въ немъ подробно излагаются тѣ же слова Мамаевыхъ совѣтниковъ: «вся грады его и власти пожеглъ еси и всю землю его пусту сътворилъ еси и вся люди его въ полонъ вывелъ еси, тако же сътвориши и надо княземъ Дмитріемь Московьскимь». Редакторъ, слѣдовательно, въ этой части вступленія опирается на разсказъ 1379 года.

Послѣ вступленія идетъ собственно изложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается сходство Сказанія съ Лѣтописной Повѣстью.

а) Мамай, возгордѣвся и сравнивъ себя съ Батыемъ, начинаетъ собирать войско. Сравненіе съ Батыемъ есть въ Лѣтописной Повѣсти, изъ которой буквально заимствовано и описаніе наема войскъ: «наимаа Фрязы, Черкасы, Ясы и иныа къ симъ. И собра воиньства много и поиде на великаго князя Дмитрея Ивановичя, яко левъ ревый и яко медвѣдь пыхаа и аки дѣмонъ гордяся» [1]).

б) Посланіе грамотъ: отъ Олега рязанскаго къ Мамаю, отъ Ягайла къ Мамаю и отвѣтъ имъ Мамая.

Это *первый* вставной эпизодъ Сказанія, представляющій развитіе слѣдующей краткой замѣтки Лѣтописной Повѣсти: «Олегъ... посылаше къ Мамаю и къ Ягайлу своего си боярина единомысленнаго... именемъ Епифана Корѣева, веля имъ быти на той же срокъ и той же съвѣтъ съвѣща стати у Окѣ съ... сыроядци».

в) Къ великому князю Дмитрію приходятъ вѣсти о походѣ на него Мамая.

По совѣту митрополита Кипріана [2]), великій князь начинаетъ набирать войско и посылаетъ за своимъ братомъ — княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ. Въ Лѣтописной Повѣсти говорится о томъ же, но кратко.

г) Продолжаютъ приходить вѣсти о движеніи Мамаева войска. Великій князь съ братомъ своимъ снова идетъ къ Кипріану, который говоритъ имъ длинное поученіе.

Разговоръ князей съ Кипріаномъ является *вторымъ* вставнымъ эпизодомъ. Соотвѣтствія ему въ Лѣтописной Повѣсти — нѣтъ; но разсказъ о послахъ татарскихъ, пришедшихъ среди разговора великаго князя съ митрополитомъ: «абіе внезапу пріидоша татарове, послы отъ Мамаа къ великому князю Дмитрею Ивановичю на Москву, просяще выхода, какъ было при царѣ Азбякѣ и при сынѣ Азбяковѣ Чянибѣкѣ, а не по своему

1) Цитаты изъ Лѣтописной Повѣсти сдѣланы по Новгородской IV л.

2) Здѣсь въ текстѣ Сказанія — вставка о Митяѣ, объ ней — ниже.

докончанію, какъ рядъ былъ съ нимъ» — взятъ изъ Лѣтописной Повѣсти (въ послѣдней нѣтъ только упоминанія объ Азбякѣ).

д) По совѣту Кипріана великій князь посылаетъ въ Поле Захарію Тютчева, который доноситъ въ Москву объ «измѣнѣ» Олега и Ягайла. Великій князь вновь обращается за словами утѣшенія къ Кипріану.

Этотъ эпизодъ не находится въ Лѣтописной Повѣсти, но представляетъ развитіе замѣтки послѣдней: «паки пріиде князю Дмитрію другая вѣсть, повѣдаша Мамая за Дономъ събравшася въ полѣ стояща, ждуща къ собѣ на помощь Ягайла съ Литвою... Олегъ же... пріединивыйся ко зловѣрному и поганому Мамаю и нечестивому Ягайлу, нача выходъ ему давати и силу свою слати къ нему на князя Дмитрія».

е) Посланіе первой и второй стражи, — *третій* вставной эпизодъ Сказанія. Рѣшено собираться къ 15 августа на Коломнѣ, куда приходятъ отовсюду воеводы съ войсками, между прочимъ князья Бѣлозерскіе, Ярославскіе и другіе. Лѣтописная Повѣсть отмѣчаетъ только, что на Коломнѣ было собрано воинство, числомъ до полутораста тысячъ.

ж) Великій князь ѣдетъ въ обитель св. Троицы. Вмѣстѣ съ благословеніемъ преп. Сергія, великій князь получаетъ въ число воиновъ двухъ иноковъ-богатырей, Пересвѣта и Ослябу.

Этого эпизода (*четвертаго* вставного) въ Лѣтописной Повѣсти нѣтъ. Онъ вставленъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, редакторомъ свода, о чемъ я скажу ниже. Разсказъ о посѣщеніи великимъ княземъ преп. Сергія помѣщенъ редакторомъ потому, что въ Лѣтописной Повѣсти есть упоминаніе объ участіи преп. Сергія въ битвѣ посланіемъ благословеннаго хлѣба и грамоты.

з) Выступленіе великаго князя съ войскомъ, въ сопровожденіи митрополита, изъ кремлевскихъ воротъ на войну. Войско идетъ разными дорогами — настолько оно многочисленно. При войскѣ — гости сурожане, въ качествѣ наблюдателей за ходомъ событій.

Эта часть представляетъ дальнѣйшее развитіе эпизода о походѣ великаго князя на Коломну. О сурожанахъ сказано глухо: «аще что Богъ случитъ, имутъ повѣдати въ далныхъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всѣми и въ Ордахъ и въ Фрязехъ, и другаа вещь: аще что прилучится, да сіи сотворяютъ по обычаю ихъ». Затѣмъ они только перечисляются поименно.

и) Приходъ великаго князя на Коломну, встрѣча его епископомъ Герасимомъ, уряженіе и смотръ полковъ.

Вся эта часть Сказанія составлена по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій послѣдней. Лѣтописная Повѣсть такъ излагаетъ это мѣсто: великій князь «вниде въ церьковь и помолися Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ и всѣмъ святымъ и благословися у Герасима епископа коломенскаго, глаголя: благослови мя, отче, ити противу татаръ. Герасимъ же епископъ коломенскій благослови его и все воинство его ратоватися противу нечестивыхъ татаръ. И поиде князь великій съ Коломны со многими силами и, пришедъ, ста у Оки на усть Лопасны рѣкы. И ту пріиде къ нему великій его воевода Тимоѳѣй Васильевичъ, тысяцкаго внукъ Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, со многыми воиньствы и что были остался на Москвѣ. И ту о вѣстехъ розслушавъ и повелѣ имъ Оку рѣку возитися, и заповѣда коемуждо полку, глаголя сице: аще кто идеть по рязаньской землѣ, да никто же ничему же коснется, и ничтоже возметъ у кого, и ни единому власу коснется. А на Москвѣ воеводу своего остави у отца своего Кyпріана митрополита всея Русіи, и у жены своей, у великіа княгини Евдокѣи, и у сыновъ своихъ у Василья и у Юрьа, Феодора Андрѣевича».

і) Скорбь жителей въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ при вѣсти о переходѣ русскаго войска черезъ Оку.

Это мѣсто опять представляетъ распространеніе соотвѣтствующаго эпизода Лѣтописной Повѣсти, причемъ сохранена та же схема: приходъ на Коломну — переходъ Оки — скорбь.

к) Олегъ, получивъ извѣстіе о выступленіи русскаго войска и о благословеніи преп. Сергіемъ великаго князя, приходитъ въ смущеніе и страхъ.

Ягайло, въ свою очередь, не рѣшается двигаться далѣе и остается у Одоева, — *пятый* вставной эпизодъ.

Ему нѣтъ соотвѣтствія въ Лѣтописной Повѣсти; въ послѣдней ниже находится только краткое замѣчаніе о страхѣ Ягайла передъ именемъ великаго князя.

л) Къ великому князю пріѣзжаютъ на помощь братья Ягайла — Ольгердовичи: князья Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій.

Сказаніе, одинаково съ Лѣтописной Повѣстью, говоритъ объ этомъ кратко.

м) Посланіе третьей стражи, которая приводитъ къ великому князю «языкъ». Отъ послѣдняго узнаютъ о движеніи Мамаева войска и о числѣ его, — *шестой* вставной эпизодъ, который могъ явиться результатомъ распространенія предыдущихъ эпизодовъ о посланіи первой и второй стражи. Въ Лѣтописной Повѣсти соотвѣтствія нѣтъ.

н) Великій князь собираетъ совѣтъ — переходить ли Донъ, или ждать татаръ на своей сторонѣ. Мнѣніе Ольгердовичей одерживаетъ верхъ, войско переходитъ рѣку и разбираетъ въ тылу у себя мосты.

Сомнѣніе — переходить ли рѣку, описаніе перехода, рѣчь великаго князя къ воеводамъ (хотя въ иномъ изложеніи) — находятся въ Лѣтописной Повѣсти. Выраженіе ея: «гдѣ трупи, ту и орли» — въ Сказаніи развито въ цѣлую картину.

о) Примѣты Дмитрія Волынца — *седьмой* эпизодъ, не находящій соотвѣтствія въ Лѣтописной Повѣсти.

п) Чудесныя видѣнія: Ѳомы Кацыбѣя (Борисъ и Глѣбъ сѣкутъ мечами татаръ), Василія Капицы и Семена Антонова (заступничество Петра, поражающаго жезломъ эѳіоповъ) — *восьмой* вставной эпизодъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ разсказъ о видѣніи Василія Капицы

принадлежитъ редактору свода, потому что обстановка видѣнія соотвѣтствуетъ вполнѣ сну Темиръ Аксака въ повѣсти объ иконѣ Владимирской Богоматери, въ томъ же сводѣ: Темиръ Аксакъ «видѣ сонъ страшенъ зѣло, яко гору высоку велми, и з горы идяху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претяще ему зѣло». (Никоновская подъ 1395). Спасеніе отъ нашествія Темиръ Аксака приписывается здѣсь заступничеству Божіей Матери и «великаго чюдотворца Петра».

р) Приготовленія къ бою: устройство засаднаго полка, укрѣпленіе воиновъ.

О засадномъ полку не говоритъ Лѣтописная Повѣсть. Разсказъ же объ устроеніи полковъ въ ней находится, причемъ Сказаніе, развивая эпизодъ, сохраняетъ буквальныя выраженія Повѣсти, гдѣ это мѣсто читается такъ: «Тоя же нощи, утру свитающу, мѣсяца сентября въ 8 день на праздникъ рожества Пречистыа Богородицы, и возходящу сълнцу, бысть мгла велія по всей землѣ, аки тма и до третьяго часа дни и потомъ нача убывати».

с) Великій князь одѣваетъ своего боярина Михаила Бренка въ великокняжескую «приволоку», желая самъ сражаться, какъ простой воинъ, — *девятый* эпизодъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти говорится только о желаніи великаго князя сражаться въ рядахъ, впереди всѣхъ.

т) Къ великому князю приходятъ посланные отъ преп. Сергія съ благословеніемъ.

Въ Лѣтописной Повѣсти тотъ же эпизодъ, но онъ поставленъ раньше, — передъ разсказомъ о переходѣ войска черезъ Донъ. Сказаніе, въ данномъ случаѣ, ближе къ житію Сергія.

у) Обѣ рати начинаютъ сходиться. Мамай смотритъ на битву съ возвышеннаго мѣста.

Описаніе начала боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «Самъ же князь великій напередъ въ сторожевыхъ полцехъ ѣздяше и мало тамъ пребывъ, возвратися паки въ великій полкъ».

ф) Единоборство инока Пересвѣта и татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, — *десятый* вставной эпизодъ.

х) Описаніе боя.

Формула боя — та же, что въ Лѣтописной Повѣсти: «бысть брань крѣпка и сѣча зла зѣло, и ліашеся кровь, аки вода, и падоша мертвыхъ множество безчислено отъ обоихъ силъ, отъ татарьскіа и русскіа. И паде татарьское тѣло на христьаньскомъ, а христіаньское тѣло на татарскомъ».

ц) Татары начинаютъ одолѣвать, великій князь раненъ, битва рѣшается въ пользу русскихъ только потому, что засадный полкъ ударяетъ на враговъ изъ дубравы. Татары разбиты на голову.

Весь разсказъ о роли засаднаго полка составляетъ *одиннадцатый* вставной эпизодъ. Описаніе же конца боя взято изъ Лѣтописной Повѣсти: «И побѣгоша татарстіи полци, а христіаньстиі полцы за ними гоняюще, бьюще и сѣкуще... И мнози татарове оружіемъ падоша отъ христіанскаго воиньства... а друзіи въ рѣцѣ изтопоша. И гониша ихъ до рѣки до Мечи, а княжіи полци гнашася за татары и до становъ ихъ и полониша богатства и имѣніа ихъ много».

ч) Князь Владиміръ Андрѣевичъ, ставъ «на костяхъ», посылаетъ искать пропавшаго великаго князя. Двое воиновъ находятъ его подъ ссѣченнымъ деревомъ. Придя въ чувство, великій князь объѣзжаетъ побоище.

Розыски князя представляютъ *двѣнадцатый* вставной эпизодъ. Характеристика же великаго князя и разсказъ объ его мужествѣ цѣликомъ взяты изъ Лѣтописной Повѣсти: «и бысть доспѣхъ его весь избитъ и язвенъ зѣло, на тѣлеси же его нигдѣ же смертныа раны обрѣтеся; а преже всѣхъ сталъ на бой, на первомъ сступѣ, и въ лице съ татары много бился. И много ему глаголаша князи и воеводы его: господине княже, не ставися напреди битися, но ставися назади или на крилѣ или индѣ гдѣ въ опришнѣмъ мѣстѣ. Онъ же отвѣщеваше имъ глаголя: да како азъ възъглаголю кому что: подвизаемся, братіа,

крѣпко на врагы, а самъ стоя назади и лице свое крыа? не могу азъ сіе сотворити, еже таити и скрывати себя, но хощу якоже словомъ, тако и дѣломъ преже всѣхъ самъ начати и преже всѣхъ главу свою положити за имя Христово и пречистыя Его Матере и за вѣру христьаньскую и за все православное христіаньство, да и прочіи, видѣвше мое дръзновеніе, и тіи такоже да сотворятъ со многымъ усердіемъ. Да якоже рече, тако и сотвори, преже всѣхъ нача битися съ татары; да одесную его и ошую его оступиша татарове, аки вода, и много по главѣ его и по плещама его и по утробѣ его бьюще и колюще и сѣкуще, но отъ всѣхъ сихъ Господь Богъ милостію своею... соблюде его отъ смерти... Князь великій же... брата своего князя Володимира Андрѣевича и прочіи князи и все воиньство възвесели сладкыми словесы и похвали ихъ и възвеличи, яко тако брашяся за православную вѣру и за все христіаньство».

ш) Рѣчь великаго князя къ оставшемуся войску, похороны убитыхъ и счетъ выбывшимъ изъ строя. Счетъ ведетъ московскій бояринъ Михайло Александровичъ: изъ 400 тысячъ едва осталось сорокъ.

Это мѣсто является *заключеніемъ* разбираемой редакціи Сказанія, которая заканчивается слѣдующими словами:

«И паки рече самъ князь великій: буди вамъ всѣмъ, братіа и друзи, православніи христіане, пострадавшеи за православную вѣру и за все христіанство на полѣ Куликовѣ, вѣчнаа паметь, межу Дона и Мечи, сіе убо вамъ мѣсто суженое Богомъ. Простите мя и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и помолитеся о насъ, вы бо увязостеся нетлѣнными вѣнцы отъ Христа Бога. Та же по семъ глагола князь великы Дмитрей Ивановичь къ брату своему ко князю Володимеру Андрѣевичю: поидемъ, брате, на свою землю Залѣсскую, ко славнѣйшему граду Москвѣ, и сядемъ на своемъ княженіи и на своей отчинѣ и дѣдинѣ, а чти и славы есмя себѣ укупили въ родъ и родъ».

Это заключеніе: счетъ войска и вышеприведенное обращеніе великаго князя къ своему брату представляетъ заимствованіе

изъ другого источника — позднѣйшей редакціи Писанія Софоніи. Изложеніе первой редакціи Сказанія, надо замѣтить, не пользуется Писаніемъ Софоніи (можно отмѣтить лишь одно мѣсто, повидимому, взятое изъ Повѣданія — картину выступленія въ походъ великаго князя: «и бѣ ему спреди солнце грѣаше, а ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣаше и дыхаше»). Поэтому присутствіе такой большой вставки изъ Повѣданія слѣдуетъ объяснять какой-то редакціонной поправкой.

Дѣйствительно, вслѣдъ за приведенной выдержкой, списки Никоновской лѣтописи, доселѣ согласные, представляютъ разночтеніе. Послѣднее начинается, какъ разъ, вслѣдъ за разсказомъ о перечисленіи павшихъ. Группа списковъ безъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующую схему: разсказъ о видѣніи вѣнцовъ — вышеприведенное обращеніе великаго князя, взятое изъ Повѣданія — боязнь Олега передъ побѣдителями — *вторичное* приказаніе великаго князя: не касаться ничему въ рязанской землѣ — обратный походъ на Коломну — походъ въ Москву — къ Троицѣ — похвала великому князю («О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе!»...) — разсказъ о судьбѣ Мамая.

Текстъ Древняго Лѣтописца представляетъ слѣдующія измѣненія приведенной схемы: вмѣсто разсказа о видѣніи вѣнцовъ помѣщенъ разсказъ о боязни Ягайла передъ побѣдителемъ великимъ княземъ, и — передъ вторичнымъ приказаніемъ не трогать земли рязанской, вставленъ разсказъ о бѣгствѣ Олега и челобитье бояръ рязанскихъ «въ рядъ» великому князю. Если сюда прибавить то обстоятельство, что разсказъ объ обратномъ походѣ великаго князя въ Кострому, Москву и къ Троицѣ представляетъ сжатый пересказъ *всего* предыдущаго изложенія, то несомнѣнно надо заключить, что весь конецъ Сказанія первой редакціи претерпѣлъ значительныя измѣненія не только подъ перомъ редактора Свода, но, вѣроятно, и въ томъ еще сборникѣ, откуда былъ взятъ. Судя же по тому, что похвала великому князю и разсказъ о судьбѣ Мамая встрѣчаются въ другихъ

редакціяхъ и составлены по Лѣтописной Повѣсти, съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій, нужно думать, что они были и въ протографѣ. Передѣлка же послѣдняго допустила не только сжатое повтореніе предыдущаго изложенія, но и воспользовалась для иллюстраціи Повѣданіемъ. А послѣднимъ, именно, широко пользовались всѣ дальнѣйшія переработки Сказанія для украшающихъ дополненій.

Итакъ я думаю, что заключеніе основного текста первой редакціи состояло: изъ разсказа о погребеніи убитыхъ, упоминанія о приходѣ на Коломну, похвалы великому князю и разсказа о судьбѣ Мамая.

Изъ разбора содержанія первой редакціи Сказанія вытекаетъ, что вся схема Лѣтописной Повѣсти (приведенная выше, во 2-й главѣ), цѣликомъ уложена въ новой повѣсти, причемъ сохранены первоначальная послѣдовательность плана и тожество большинства выраженій. Распространеніе же текста Сказанія основано, главнымъ образомъ, на указанныхъ вставныхъ эпизодахъ.

Прежде чѣмъ переходить къ разбору послѣднихъ, я долженъ указать на то, что между Лѣтописной Повѣстью и первой редакціей Сказанія находится, такъ сказать, соединительное звено — особаго вида Лѣтописная Повѣсть, выдѣленная мною изъ предыдущаго разбора. Сказаніе первой редакціи вышло не непосредственно изъ Лѣтописной Повѣсти знакомаго уже типа, а изъ ея особой обработки.

Я говорю о спискахъ Лѣтописной Повѣсти, находящихся въ лѣтописяхъ: Дубровскаго и Архивской Ростовской.

Архивская «Ростовская» лѣтопись находится въ сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 20/25, писаномъ скорописными почерками первой половины XVIII в. Текстъ и изслѣдованіе ея напечатаны акад. А. А. Шахматовымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1904, кн. первая. Во время печатанія своего изслѣдованія, А. А. Шахматовъ познакомился съ особымъ

лѣтописнымъ сводомъ, принадлежавшимъ нѣкогда Дубровскому, а теперь находящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (F IV 238). Сводъ этотъ оказался въ ближайшей связи съ Архивскимъ сборникомъ, но гораздо древнѣе по времени: рукопись относится ко второй половинѣ XVI в.

Изъ разбора Архивскаго списка А. А. Шахматовъ выводитъ, что первая часть «Ростовской» лѣтописи (до 1480 г.) подверглась дополненію, причемъ составитель пользовался различными памятниками. Въ числѣ послѣднихъ, матеріаломъ для дополненія служили литовскія лѣтописи (особенно объ Ольгердѣ) и родословныя московскія книги. Причемъ все лишнее въ этой лѣтописи, противъ Воскресенской, восходитъ вмѣстѣ съ основнымъ ея текстомъ, общимъ съ Воскресенскою лѣтописью, къ одному общему первоисточнику — Московскому своду, доведенному до 1479 года.

Дубровскій же списокъ, по словамъ А. А. Шахматова, въ части до 1479 г., не тожественъ съ Ростовскою лѣтописью, хотя мѣстами очень съ нею схожъ. За то онъ «почти тожественъ въ части до 1448 года съ обычнымъ текстомъ Новгородской IV лѣтописи,.... но мѣстами дополненъ».

Приводя эти дополненія, А. А. Шахматовъ не касается разбора текста повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. Для послѣдней имъ приведены дополненія, встрѣчающіеся лишь въ Архивскомъ текстѣ. Между тѣмъ дополненія по Дубровскому тексту, не только «тожественны» съ Архивскимъ, но, какъ сейчасъ будетъ видно, мѣстами полнѣе.

Изъ разбора указанныхъ лѣтописныхъ сводовъ, А. А. Шахматовъ выводитъ слѣдующія положенія:

1) Лѣтописный сводъ, носящій ошибочное названіе Ростовской лѣтописи, извѣстенъ только по Архивскому списку XVIII в.

2) Время и мѣсто составленія его — неизвѣстны.

3) Въ числѣ источниковъ у сводчика былъ Московскій сводъ, доведенный до 1479 г.

4) Этотъ сводъ принадлежалъ къ разряду сводовъ великокняжескихъ (не митрополичьихъ) и восходилъ къ болѣе древнему своду 1472 года, лежащему въ основаніи Воскресенской лѣтописи (отсюда сходство «Ростовской» и Воскресенской).

5) Списокъ Дубровскаго заключаетъ рядъ чтеній болѣе древнихъ и первоначальныхъ, чѣмъ «Ростовская» лѣтопись.

Во второй главѣ настоящаго изслѣдованія мною отмѣчено нѣсколько редакцій Лѣтописной Повѣсти для первой половины XV в. Разбираемая — должна принадлежать къ тому же времени, какъ и предыдущія, но она — позднѣйшая въ смыслѣ обработки текста.

Я отмѣчу всѣ разночтенія и дополненія Лѣтописной Повѣсти по списку Дубровскаго сравнительно съ текстомъ Новгородской IV.

Заглавіе Повѣсти по Дубровскому списку слѣдующее: «Того ж лѣт бысть побоище иж на Доноу князю великому Дмитрию Ивановичю что бился съ царемъ Мамаемъ на Доноу. Побоище безбожнаго царя Мамая за Дономъ лѣт ҂ѕѡпи». Начало: «Приде изъ Орды ординскиі князь Мамай со единомысленники своими и со всеми прочими князи ординскими»...

Въ общемъ текстъ сходенъ съ текстомъ Новгородской IV, вѣрнѣе — съ Воскресенской, потому что, какъ было указано выше, Воскресенская всюду замѣняетъ выраженія: «нашъ князь», «великій князь Дмитрій» — оффиціальнымъ: «великій князь Дмитрій Ивановичь», то же находимъ и въ Дубровскомъ текстѣ. Перехожу къ сопоставленію текстовъ:

Новгородская IV.	Лѣтопись Дубровскаго.
...еще къ тому рати понаимовавъ...	...рати — *нѣтъ*.
...Литовьскій Ягайло...	...Литовскии князь Ягайло...
...къ лстивому сотоньщику, дьяволю свѣтнику...	...ко лстивому совѣтнику діаволю...

...а кровь прольяти. Враже измѣнниче Олже!...

...а кровь прольяти, стати ему у Окѣ на брезе с тремоглавными зверми сыроядцы и кровопроливцы хрестиянскими. О враже изменниче...

Въ «Ростовской» лѣтописи этого мѣста *нѣтъ*.

...идеть на тебе Ягайло съ всею силою своею. Дмитрій же князь се слыша не веселую ту годину, что идутъ на него вся царствія, творящеи безаконіе, а глаголюще: «еще наша рука высока есть», иде къ сборнѣй церкви...

...съ всею силою своею, аркущи еще рука наша высока. Се ж слышав князь... иде...

Здѣсь *случайный* пропускъ противъ чтенія Новгородской IV, зависящій отъ переписчика.

...«въ той чинъ рагозный»...

...«в тои чин разных»...

...гнѣваяся съ всѣмъ своимъ царствомъ...

...всемъ своимъ гнѣвомъ и царством...

...съвѣтника Литовьскаго...

...совѣтника Ягаила Литовскаго...

...иде къ Пречистѣй и къ епископу...

...Пречистѣй и помолис во церкви святыя Богородица и ко епископу...

...и въ Володимерѣ и въ всѣхъ градѣхъ...

...Володимере и в Ростовѣ и во всех князей руских, что...

...въ высокихъ: Рахиль...

в высоких ха Рахиль...

...зряши бо чадъ своихъ...

...зряще убо их...

...(умножишася врази наши)... Литва и Рязанци. Мамай же...

...(рязанци): не хотяху пти за Дон. Мамай...

...рожества Царици Матери...

...Царици Марьи Матери...

...мьгла не бо бяше того отъ утра...

...и мгла бяше того утра...

...(Князю же перешедшу) на усть Непрядвы. Господь Богъ единъ вождаше его...

...(Непрядвы). И став ту князь велики по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовомъ полку по божественѣй вѣре самобратныя князь Ондрѣи и Дмитрей Олгердовичи да боярин и воевода Микула Василевич да князь Ѳедор Романович Белозерскиі. А у себя же имѣяше князь великий Дмитреи в полку нѣкоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню да боярина ж своего и воеводу Михайла Брянка да князя Ивана Василевича Смоленского. А в правои рукѣ воеводы учини князя Андрѣя Фодоровича Ростовского да Ѳедора Грунку да князя Ондрѣя Ѳедоровича Стародубскаго, в лѣвой рукѣ воеводы учини князя Василевича Ярославского да Лва Морозова да князя Ѳедора Михайловича Моложскаго, в сторожевомъ полку тогда воеводы учини Михаила Иванова сына Окинѳовича да князя Семена Костянтиновича Оболенского да брата его князя Ивана Поружскаго да Андрѣя Серкиза, иныя ж свои полкы многи разрядив и воеводы учини. В западномъ же

полку в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего князя Владимера Андрѣевича да с нимъ нѣкоего мужа мудра и храбра, Дмитрия Михаиловича Волынца да князя Романа Михаиловича Брянского да князя Василя Мпхаиловича Кашинского да князя Романовича Новосилского, исполчився поидоша противу. Се бе Господь Богъ единъ вождаше...

...полци противу крестьянъ, и ту срѣтошася...

...(крестьянъ), бѣ ж обоих многое множство (и ту срѣтошася)...

...съ татарьскими, самъ же великій князь паѣха...

...Самъ ж князь великиі Дмитреи Иванович восхоте наперед подвизатис увидѣв окоянныя полки татарския наѣха...

...отъѣха... въ великій полкъ...

...(полкъ), но воеводы удержаша его не даша ему наперед своим полком битис...

...сему великому князю всея Русп. Бьющимъ...

...(Руси). И в те ж поры хотяше князь Владимер Андрѣевич своимъ полкомъ ударитис на Агаряны, но Дмитреи Волынецъ глаголаше ему: пожди мало, господине, како будетъ время, понеж бѣ аще мудръ и храбръ и искусен многажды ратному чину. Бющем...

...искаше побѣдити. И рече...

...(побѣдити), и за мал час знамян болших не подсекоша,

а самого ж великого князя вельми язвиша и с коня збиша. При часѣ же девятомъ глаголаше Волынецъ князю Владимеру Андреевичю: время ти, господине княже. И тогда потаеныи полкъ, благородныи храбрыи брат великого князя Владимера Андрѣевича съ своими полки удари на татары, и бысть сѣча велика, яко и земли двизатис, а Дон река кровю протече, а главы, аки камение валяхус в дуброве. И рече...

...Москвичь...

...Москвичи...

...Михаилъ; двои воеводы...

...(Михаилъ). Тако ж и погании видѣша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно. Двои воеводы...

...падаху. И възнесе Богъ нашего князя...

...(падаху). И тако вскоре погибоша поганнi. И вознесе Богъ десницу нашего государя христианскаго благовѣрнаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси...

Этотъ титулъ, несомнѣнно, *позднѣйшаго происхожденiя.*

...(его)... князи побѣгоша...

...князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша...

Это — *интерполяція*: литовской силы — не было, объ этомъ говоритъ раньше сама Повѣсть.

...Видѣвше крестьяне, яко Татарове съ Мамаемъ побѣгоша...

...и вся имѣнія ихъ Содомьская. Тогда же...

...видев же то князь Владимер и иные многие воеводы, яко Татаровѣ с Мамаем...

...(Содомьская). И тамо бежащих безчисленное множество погибоша, тогда ж бѣ и Руси избито множество. И тогда ж возрадовашеся радостию великою благородныи храбрыи князь Владимер Ондреевич о побежении Агарян. И востав, повѣле на костех трубити собранными трубами и не обретос тогда в собрании самъ благородныи и великиі князь Дмитреи Иванович. И оскорбеся тогда благородныи князь Владидмитриимеръ (sic) Андреевичъ и с нимъ оставши вои его. И повеле князь Владимер искати великого князя в трупия жива или умерша и глаголя: аще кто наидет первоначалника нашему спасению, сеи первыи будет. И разидошас полцы по дубравамъ и начаша искати великого князя. И нѣкто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича — Θеодор Сабур, да Григорѣи Холопищев, наидоша великого князя в дуброве под сѣченным древомъ, велми язвена

лежаще. Падше, повѣдаша ему, яко побежени быша Агаряне, милостию вседержителя Бога и твоимъ благороднымъ подвигомъ. И тогда приидоша к нему брат его князь Владимер Андрѣевич и вси вои его, падше пред нимъ и повѣдаша ему побежение Агарян. И тогда благородныи и великиі князь Дмитрѣи Иванович встав и воиде (sic) брата своего князя Владимера и все воинство свое здраво, а погании побежении и возрадовас духомъ зело, глаго́ля: Слава тебѣ, Господи Вседержителю, Боже и Творче всяческих, яко сотворил еси нам сие по велице милости твоеи и не попусти врагомъ нашимъ в конецъ одолѣти за наша согрешения и помилова нас по велицеи своеи милости. Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ѣздити по побоищу. И наѣха тогда убитых воевод своих на побоищи. Тогда ж...

...Михайло, Иванъ сыны Акинфовичи...

...Левъ Мозыревъ...

...их же имена...

...Михаило Іванов сыны Окинфович...

...Лев Морозов...

...их же имена писана суть въ книгахъ животных, здѣ ж не всѣх писах избьеных имена,

	токмо написах князеи, бояръ и воевод...
...побьени быша. Самому же..	...(быша). А поганных Агарян избитых не бѣ числа, по дубровомъ главы, аки камение, валяшес. А самому...
...а не яко при нонешнихъ временехъ Литва — поругаются...	*Нѣтъ* (какъ и въ Воскресенской).
...сію бесѣду...	...сию побѣду...
...такову на поганыя побѣду — избавльшему...	Случайный *пропускъ* этого мѣста.
...И Ярославу...	...Ярославу Володимеровичю...
...Повѣдаша князю великому, что князь Олегъ...	...Слышав же князь велики, что князь Олег...

Приведенная параллель показываетъ, что, помимо разночтеній, въ сущности незначительныхъ, зависящихъ или отъ переписки или отъ желанія пояснить кратко выраженную мысль, лѣтопись по тексту Дубровскаго представляетъ три значительныя вставки. Въ первой идетъ рѣчь объ уряженіи полковъ, перечисляются воеводы, командовавшіе различными частями и, главное, указывается на помѣщеніе въ засадѣ отдѣльнаго корпуса, подъ начальствомъ князя Владимира Андреевича, Дмитрія Михайловича Волынца и князей: Романа Брянскаго, Василія Кашинскаго и Романа Новосильскаго. Въ Лѣтописной Повѣсти только указывается на уряженіе полковъ, безъ перечисленія воеводъ и указанія, какое кто занималъ мѣсто. Лѣтопись Дубровскаго, наоборотъ, чрезвычайно подробно исчисляетъ имена воеводъ, подробнѣй и стройнѣе, чѣмъ это мѣсто въ разбираемой редакціи Сказанія. Въ этомъ случаѣ чувствуется несомнѣнное вліяніе московскихъ родословныхъ книгъ, — источника, указаннаго А. А. Шахматовымъ. Сказаніе, сохраняя, какъ сказано,

подлинныя выраженія Лѣтописной Повѣсти, пользуется въ этомъ мѣстѣ изложеніемъ, тожественнымъ тексту Дубровскаго.

Вторая вставка разсказываетъ о роли засаднаго полка. О немъ нѣтъ упоминанія въ Лѣтописной Повѣсти, между тѣмъ и Повѣданіе, какъ я говорилъ, указывало на два момента боя. Сказаніе 1 редакціи, говоря о стояніи въ засадѣ — скорби воиновъ, видящихъ побиваемыхъ братьевъ — выѣздѣ засаднаго полка, рѣшающаго битву, близко держится текста лѣтописи Дубровскаго.

Наконецъ въ третьей вставкѣ говорится о розыскахъ великаго князя по приказанію побѣдителя — князя Владимира Андреевича. Этого мѣста снова нѣтъ въ Лѣтописной Повѣсти, но оно логически вытекаетъ изъ повѣствованія. Лѣтописная Повѣсть глухо указывала лишь на то, что великій князь былъ раненъ. При сопоставленіи этого свидѣтельства съ новымъ указаніемъ на то, что побѣда была одержана благодаря стратегическому маневру — засадѣ, естественно долженъ былъ явиться разсказъ о томъ, что собравшіеся воины не сразу нашли великаго князя — «побѣды побѣдителя».

Текстъ Повѣсти по лѣтописи Дубровскаго въ остальномъ, повторяю, сходенъ съ Лѣтописной Повѣстью. Указанныя вставки понадобились для пополненія существеннаго пробѣла: предыдущими редакціями Повѣсти не были использованы всѣ событія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ описываемую битву.

Сказаніе 1 редакціи, такимъ образомъ, пользуется тѣмъ видомъ Лѣтописной Повѣсти, гдѣ историческая канва изложена наиболѣе полно.

2) *Вставные эпизоды первой редакціи.*

Теперь перейду къ разсмотрѣнію вставныхъ эпизодовъ разбираемой редакціи.

При изложеніи схемы Сказанія я отмѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды представляютъ развитіе кратко выраженной мысли Лѣтописной Повѣсти. Таковы:

1) Грамоты, которыми обмѣниваются союзники. Онѣ составлены по образцу распространенныхъ оффиціальныхъ бумагъ для того, чтобы яснѣе оттѣнить отношеніе союзниковъ къ Мамаю, опасность, которая грозитъ великому князю и, наконецъ — гордость и скудоуміе враговъ, разбивающіяся о христіанскую кротость Дмитрія.

2) Эпизоды о посланіи 1, 2 и 3 стражи, представляютъ, какъ указано, иллюстрацію къ замѣткѣ Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь выступилъ въ походъ, «переимая вѣсти отъ поганыхъ». Въ сущности эти разсказы не носятъ характера развитаго литературнаго изложенія: все сводится къ простому перечисленію посланныхъ на стражу воиновъ.

3) Разсказъ о чудесномъ видѣніи Ѳомы Кацыбѣева представляетъ риторическое дополненіе къ разсказу о чудѣ «въ девятый часъ», находящемуся въ Лѣтописной Повѣсти. (О видѣніи Василія Капицы и Семена Онтонова я скажу ниже).

4) Разсказъ о вооруженіи Бренка въ великокняжескіе доспѣхи представляетъ развитіе замѣтки Лѣтописной Повѣсти о томъ, что великій князь бился, какъ простой воинъ, и что передъ битвой «велиціи его воеводы облачишася во одежды мѣстныа». Объ имени же Михаила Бренка Лѣтописная Повѣсть упоминаетъ. Сказаніе и въ данномъ случаѣ имѣетъ цѣлью — оттѣнить смиренномудріе великаго князя, хотя, изъ контекста, поступокъ великаго князя выходитъ скорѣе похожимъ на трусость.

5) Разсказъ о смущеніи Олега (равно и объ остановкѣ Ягайла съ войскомъ въ Одоевѣ) явился потому, что и Лѣтописная Повѣсть говоритъ о страхѣ Ягайла передъ великимъ княземъ.

6) Наконецъ, только что указанные два эпизода: о роли засаднаго полка и логически связанный съ нимъ — о розыскахъ великаго князя, взяты изъ Лѣтописной Повѣсти позднѣйшей редакціи почти цѣликомъ.

Такимъ образомъ изъ перечисленныхъ при изложеніи схемы *двѣнадцати* вставныхъ эпизодовъ — восемь представляютъ развитіе того, что въ зародышѣ находилось въ Лѣтописной Повѣсти. Протографъ первой редакціи Сказанія, очевидно, представлялъ Лѣтописную Повѣсть, распространенную указанными восьмью вставками.

Относящимся къ протографу, (но не встрѣчающимся въ Лѣтописной Повѣсти всѣхъ редакцій), я счелъ бы эпизодъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Этотъ воевода изображается Лѣтописной Повѣстью какъ бы главнымъ руководителемъ засады. Онъ въ значительной степени помогаетъ Владимиру своими совѣтами. Дмитрій Волынецъ удерживаетъ стремящееся на непріятеля русское войско, выжидая наиболѣе удобнаго времени. Для характеристики этого воеводы, не только какъ храбраго воина, но и человѣка, обладающаго особенными свѣдѣніями, въ Сказаніе и былъ вставленъ цѣлый разсказъ о его примѣтахъ. Не находя себѣ соотвѣтствія въ Повѣданіи, разсказъ этотъ, однако, по тону приближается къ поэтическому изложенію.

Когда потухла заря и наступила ночь — канунъ достопамятной битвы, Дмитрій Бобровъ, Волынецъ, «воевода нарочитъ и полководецъ изящень и удалъ зѣло», пригласилъ въ поле съ собою одного только великаго князя. Тамъ стали они между своей и татарской ратью, и Волынецъ разсказалъ великому князю свои примѣты.

Примѣты эти слѣдующія:

1) на добро: предвѣщаетъ избіеніе непріятелей: «Кличь и стукъ велій, аки торжища снимаются, и аки грады зиждуще, и яко трубы гласятъ... волцы выюще страшно велми... во птицахъ трепетъ велій, кричаще и крылами біюще, и враны грающе, и орлы клегчюще... птицамъ бысть битва и драніе веліе», — на непріятельской сторонѣ.

«Тишина... точію отъ множества огневъ снимахуся зари», — на русской.

2) на скорбь: побѣда достанется тяжелой цѣной: «Припадахъ

(слова Боброка) убо ухомъ на землю и слышахъ землю плачущу надвое, горко зѣло и страшно; едина убо страна, аки нѣкаа жена напрасно плачющи, дерзающи и кричящи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ, бьющися и слезы изливающи, аки рѣки; а другаа страна земли, аки нѣкаа дѣвица плачющи и воплющи, аки свирѣлнымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и въ печали велицѣ».

Крикъ птицъ и звѣрей, понимаемый какъ предзнаменованіе, встрѣчается еще въ Словѣ о полку Игоревѣ, откуда онъ перешелъ въ Повѣданіе, а затѣмъ, какъ формула, — и въ другіе памятники. Звеномъ въ послѣдовательномъ измѣненіи этой формулы, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ первой примѣтѣ Волынца, является слѣдующее мѣсто Ипатьевской л., подъ 1249 г.: «Не дошедшимъ воемъ рѣкы Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружитъся, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ вороном, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и восприметающимся на воздусѣ, яко же иногда же и николи же не бѣ. *И се знаменіе не на добро бысть*» [1]).

Примѣты Дмитрія Волынца, роль засаднаго полка и розыски великаго князя послѣ битвы находятся, какъ эпизоды, въ связи между собою. Центральной фигурой является здѣсь князь Владимиръ Андрѣевичъ: Волынецъ, показывавшій *одному* великому князю примѣты, тѣмъ не менѣе состоитъ въ войскѣ князя Владимира; послѣдній вмѣстѣ съ Волынцемъ предводительствуютъ засаднымъ полкомъ, рѣшающимъ бой въ самую тяжелую минуту для русскаго воинства; за отсутствіемъ великаго князя, Владимиръ — центръ, къ которому стекаются побѣдители; онъ, наконецъ, — объявляетъ великому князю о славной побѣдѣ.

---

1) См. объ этомъ также въ статьѣ А. Орлова «Объ особенностяхъ формы русскихъ воинскихъ повѣстей». (Чтенія 1902 и отдѣльно, стр. 36—37).

Такимъ образомъ Лѣтописная Повѣсть въ послѣдующемъ развитіи была распространена первоначально на счетъ разобранныхъ дополненій. Редакціонная обработка стремилась въ этомъ случаѣ во первыхъ—къ достиженію бо́льшей картинности и наглядности, развивая въ цѣлые эпизоды схематическіе наброски оригинала; во вторыхъ—къ тенденціозному выставленію великаго князя смиреннымъ христіаниномъ и въ то же время—борцомъ за родную землю: сила духа противопоставляется неразумной физической силѣ; наконецъ, въ третьихъ—рядомъ съ великимъ княземъ выдвинутъ двоюродный братъ его, дѣлившій славу побѣдителя на Куликовомъ полѣ.

Такую распространенную Повѣсть я и считаю протографомъ Сказанія первой редакціи. Этотъ протографъ не дошелъ въ первоначальномъ видѣ, но съ нимъ, несомнѣнно приходится считаться, какъ съ первой ступенью литературной исторіи Сказанія.

Перечисленные девять эпизодовъ, какъ было указано, органически связаны съ общимъ повѣствованіемъ и не представляютъ самостоятельныхъ разсказовъ.

Но совершенно иной характеръ носятъ послѣдніе три вставочныхъ эпизода, именно:

1) Разговоръ великаго князя съ Кипріаномъ (дважды въ разбираемой редакціи).

2) Посѣщеніе великимъ княземъ обители преп. Сергія.

3) Единоборство инока Пересвѣта и татарскаго богатыря.

Эти эпизоды, въ свою очередь, представляютъ нѣчто цѣлое и связаны между собою одной идеей, дающей тонъ всей первой редакціи Сказанія.

Первый изъ перечисленныхъ эпизодовъ подчеркиваетъ эту особенность первой редакціи, проходящую красной нитью черезъ все изложеніе, именно—*поставленіе личности митрополита Кипріана на первое мѣсто*. Я остановлюсь на этомъ вопросѣ подробнѣй.

Е. Голубинскій, авторъ Исторіи Церкви, основываясь на другихъ лѣтописяхъ, утверждаетъ, что Кипріанъ прибылъ въ

Москву 23 мая 1381 г., и что повѣсть о Куликовской битвѣ по Никоновской лѣт. (т. е. — Сказаніе), относя время прибытія Кипріана къ 3 мая 1380 г., т. е. до битвы, говоритъ неправду. Я не возражаю противъ этого положенія, но послѣдняя дата принадлежитъ не одному только Сказанію. Въ той же Никоновской лѣт., подъ 1378 г., находится описаніе торжественнаго прихода митрополита Кипріана въ Москву: «И пріиде Кипріанъ изъ Кіева на Москву въ четвертокъ 6 недѣли по Пасцѣ, еже есть въ самый праздникъ Вознесенія Христова *в лѣто 6888*. И начаша звонити во вся колоколы, и снидошася людіе, и стечеся народъ многъ, и отвсюду пріидоша архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы; и многу звоненію бывшу, и подвижеся весь градъ, съ женами и з дѣтми, и со младенцы, и сосущими млеко, изыдоша во срѣтеніе далече изъ града. И князь великый самъ срѣте его далече отъ града, з дѣтми своими и со всѣми бояры, съ великою честію и со многою любовію и съ вѣрою и смиреніемъ».

Это описаніе могло вылиться только изъ подъ пера близкаго сторонника Кипріана. При этомъ событіе 1380 г. поставлено редакторомъ свода подъ 1378 г. не по ошибкѣ, а съ извѣстнымъ намѣреніемъ — описать приходъ Кипріана *раньше* событія 8 сентября 1380 года и тѣмъ заставить его принять активное участіе въ такомъ важномъ подвигѣ всей Руси, какъ Куликовская битва.

Въ приведенной выдержкѣ изъ Никоновской лѣтописи замѣчается восхваленіе Кипріана: описаніе пышно и панегирично. Въ Сказаніи панегирикъ Кипріану доведенъ до крайней степени выраженія. Великій князь Дмитрій въ Сказаніи изображается смиреннымъ «сыномъ», не имѣющимъ личной иниціативы и слѣдующимъ во всѣхъ трудныхъ минутахъ совѣтамъ «отца своего» Кипріана. Дважды великій князь обращается къ митрополиту при полученіи извѣстій о враждебныхъ намѣреніяхъ союзниковъ; Захарія Тютчевъ отправленъ къ Мамаю съ дарами — по совѣту Кипріана; вооруженное сопротивленіе татарамъ великій

князь рѣшается оказать только потому, что это велѣлъ Кипріанъ; воеводы на Москвѣ оставляются у «отца его Кипріана». Передъ битвой великій князь поручаетъ себя молитвамъ чюдотворца Петра, преподобнаго Сергія и «великаго святителя Кипріана»; только одному митрополиту великій князь разсказываетъ о посѣщеніи обители преп. Сергія и о предреченіи старца; передъ Кипріаномъ, наконецъ, великій князь плачется о грѣхахъ своихъ и выслушиваетъ отъ митрополита утѣшенія и поученія. Слова и поученія Кипріана въ Сказаніи первой редакціи всегда пространны и отличаются риторикой, въ стилѣ, современномъ Кипріану. При возвращеніи великаго князя съ битвы, напримѣръ, Кипріанъ произноситъ такое привѣтствіе побѣдителю: «Како же тебѣ прославимъ, господине мой, возлюбленный о Христѣ сыну, великій княже Дмитрій Ивановичь, новый Констянтине, славный Владимере, дивный Ярославе, чюдный Александре! Кое ти благодареніе и честь и славу въздадимъ, яко толико подвизася и трудися за все православное христіаньство».

По всей повѣсти приведены такимъ образомъ эта покорность и смиреніе великаго князя передъ главою церкви, ихъ болѣе чѣмъ дружественныя отношенія и, наконецъ — величіе и обаяніе личности митрополита [1]). Между тѣмъ на дѣлѣ было иное.

Отношенія великаго князя къ митрополиту были не только не дружескими, но даже непріязненными. Великій князь намѣтилъ кандидатомъ на митрополичью каѳедру нѣкоего Михаила, архимандрита Спасскаго, или, какъ его зоветъ лѣтопись, — Митяя. Конкуррентами Митяю, вопреки желанію великаго князя, явились Пименъ и Кипріанъ. Оба домогались каѳедры далеко не-

1) Неизвѣстно поэтому, почему Е. Голубинскій (Ист. Церкви II, прим. на 356 стр.) увѣряетъ, что «Кипріанъ не оставилъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ ея кругу, особенно почитаемой памяти». Наоборотъ — судя по лѣтописному изложенію, у него могли быть сторонники какъ разъ «изъ высшаго круга».

легальными путями. Когда же Пименъ, по смерти Митяя, по всѣмъ видимостямъ, насильственной, былъ поставленъ за деньги въ Царьградѣ митрополитомъ на Русь и хотѣлъ было уже ѣхать въ Москву, то великій князь, окончательно выведенный изъ себя подобной безцеремонностью (Пименъ ѣздилъ, чтобы только сопутствовать Митяя въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты), рѣшилъ не принимать Пимена въ Москву. Но митрополита не было, и великій князь принужденъ былъ волей неволей пригласить Кипріана, хотя его лично не любилъ. Однако съ нимъ великій князь долго не ужился, въ 1381 году Кипріанъ временно покинулъ московскую каѳедру [1]).

Михаила-Митяя не желало видѣть на митрополичьемъ мѣстѣ только духовенство, — священники и монахи, вопреки желанію великаго князя и бояръ. (Исторія Церкви, II, стр. 243). Нужно думать, что партійное разногласіе было очень сильно, почему вопросъ о Митяѣ не обойденъ молчаніемъ и въ Никоновскомъ сводѣ. Замѣчательно, что Кипріанъ всюду старательно обѣляется, а сама исторія о Митяѣ въ Никоновской лѣтописи разсказана *четыре раза*.

Подъ 1378 г. помѣщена большая «Повѣсть о Митяи», гдѣ послѣдній выставляется въ крайне неблагопріятномъ свѣтѣ. Вторично о немъ упоминается подъ 1379 г., съ ссылкой на предыдущую повѣсть. Авторъ замѣтки заключаетъ свой разсказъ о болѣзни и смерти Митяя сужденіемъ не только въ отрицательномъ тонѣ по отношенію къ Митяю, но даже не безъ ироніи по адресу самого великаго князя: «И се збысться писаное: ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу; понеже князь велики Дмитрей Ивановичь хотяше, а Митяй течяше, оба тщахуся едино дѣло сътворити, и ничтоже успѣша, Богу не хотящу, ими же судбами вѣсть Той единъ».

---

1) Замѣшательства на митрополичьей каѳедрѣ и исторія съ Митяемъ подробно и обстоятельно изложены Е. Голубинскимъ въ первой половинѣ II тома Исторіи церкви: Двѣнадцатилѣтнія замѣшательства на каѳедрѣ митрополіи послѣ кончины св. Алексія.

Третій разъ о Митяѣ говорится уже въ Сказаніи. Эта вставка *находится только въ разбираемой редакціи* и не имѣетъ связи съ общимъ ходомъ разсказа, почему я выше и не включилъ ея въ схему. Тонъ разсказа — болѣе спокойный, но одинаково неблагопріятный къ Митяю и Пимену — конкуррентамъ Кипріана. Разсказъ этотъ оканчивается сообщеніемъ о посылкѣ игумена симоновскаго Ѳеодора въ Кіевъ — звать Кипріана въ Москву, съ приглашеніемъ «съ великою честію» на митрополичью каѳедру, куда онъ и явился *3 мая 1380 года*. (Здѣсь *второй разъ* — послѣ разсказа 1378 г., указывается время прихода Кипріана, на которое ссылается Е. Голубинскій).

Наконецъ — четвертый разъ о Митяѣ, опять въ тонѣ для него рѣзкомъ и неблагопріятномъ, упоминается въ житіи преп. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г., въ главѣ: «О понуженіи святого въ митрополиты». Выраженія въ разсказѣ цѣликомъ взяты изъ пространной повѣсти о Митяѣ. Отрицательное отношеніе къ Митяю доходитъ даже до утвержденія, что Митяй разболѣлся и умеръ «по пророчеству преподобнаго игумена Сергія».

Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія! Вставить въ одинъ сводъ четыре однообразныхъ разсказа, притомъ одинаково окрашенныхъ, могъ только человѣкъ партійный, сторонникъ Кипріана. Надо замѣтить, что въ другихъ лѣтописяхъ извѣстія о Митяѣ написаны въ тонѣ вполнѣ ему благопріятномъ. Составитель разбираемаго свода, очевидно, лично зналъ Кипріана или принадлежалъ къ его канцеляріи, гдѣ, можетъ быть, пользовался записками митрополита и имѣлъ, во всякомъ случаѣ, намѣреніе — прославить память Кипріана въ потомствѣ.

Помѣщеніе разсказа о Митяѣ въ Сказаніе и въ Житіе Сергія принадлежитъ именно этому составителю свода. Я говорилъ, что въ Сказаніи личность Кипріана рисуется въ возможно болѣе привлекательномъ видѣ, въ роли наставника великаго князя. Мною указано также, что въ Сказаніе вставленъ редакторомъ съ этой цѣлью эпизодъ: разговоръ Кипріана съ великимъ

княземъ, получившимъ только что извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Утѣшая великаго князя, митрополитъ въ видѣ примѣра ссылается на отношенія Василія Кесарійскаго къ Юліану. Для выясненія характера этой вставки и вообще вліянія составителя свода на разбираемую редакцію Сказанія, я сравню это мѣсто съ соотвѣтствующимъ въ Житіи пр. Сергія, помѣщенномъ въ Никоновской лѣт. подъ 1392 г.

Указываются двѣ редакціи Житія пр. Сергія: древнѣйшая, написанная его ученикомъ Епифаніемъ Премудрымъ въ 1417—1418 гг., пространная, и — болѣе позднее сокращеніе предыдущей, сдѣланное Пахоміемъ Логофетомъ не ранѣе 1440 года. Епифаніева редакція находится подъ 25 сентября въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ и, кромѣ того — издана отдѣльно; Пахоміево сокращеніе помѣщено въ тѣхъ же Четьихъ-Минеяхъ.

Е. Голубинскій [1]) говоритъ, что въ Никоновской л. читается сокращенное извлеченіе изъ Епифаніева житія пр. Сергія, сдѣланное, какъ нужно думать, по подлинной редакціи самого Епифанія (примѣчаніе на 79 стр.). Странно, что историкъ нигдѣ не считаетъ текстъ Никоновскаго житія отдѣльной редакціей, хотя уже по одному, что онъ является особымъ *сокращеніемъ* основного, его слѣдовало бы счесть за отдѣльную редакцію. Но еще страннѣе, какъ Е. Голубинскій могъ проглядѣть то обстоятельство, что Никоновское житіе и по составу своему отличается отъ указанныхъ двухъ редакцій. Кромѣ того, какъ я сейчасъ укажу, эта редакція находится въ тѣсной связи съ разбираемой редакціей Сказанія.

Житіе по Никоновскому тексту, какъ сказано, представляетъ не одно сокращеніе Епифаніева изложенія. Въ главѣ «О составленіи монастыря на Симановѣ», напримѣръ, разсказъ вполнѣ отличается отъ изложенія Епифанія. «Сокращенность» скорѣе

1) Преп. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Серг. Посадъ 1892.

приложима къ редакціи Епифанія, гдѣ эта глава кончается словами: «Сіа же до здѣ съкратим о Симоновьскои обители; подобающее же да приложится здѣ». А въ Никоновскомъ текстѣ продолжается разсказъ о ростовскихъ епископахъ.

Указанной выше вставки о Митяѣ — *нѣтъ* въ текстѣ житія Епифанія; слѣдовательно она принадлежитъ составителю свода, включившаго житіе въ свою компиляцію.

Наконецъ — въ главѣ «О построеніи монастыря на Дубенкѣ» текстъ не только отличенъ отъ Епифаніева текста, но оба разсказа *не имѣютъ ничего общаго между собою*. Въ житіи по Никоновской редакціи *отсутствуютъ вовсе*: разсказъ о приходѣ борзоходца къ великому князю и описаніе самой битвы [1]). Вмѣсто нихъ помѣщенъ пространный разговоръ великаго князя съ преп. Сергіемъ, въ результатѣ котораго преподобный даетъ великому князю «оружниковъ», иноковъ — Пересвѣта и Ослябю.

Это мѣсто житія имѣетъ непосредственную связь съ Сказаніемъ:

Житіе Сергія (Никоновская, стр. 144—145, 11 тома П. С. Р. Л.).	Сказаніе (ibid. стр. 50—51)
По времяни же нѣкоемъ пріиде князь велики Дмитрей Ивановичь къ преподобному Сергію въ монастырь и рече ему: вѣси ли, отче, велика мя скорбь обдержитъ и печяль, и всему христіанству скорбь; слышахомъ, что Мамай ординскій князь подвиже всю Орду безбожныхъ татаръ, и идутъ на	(великій князь) . . . иде ко отцу своему Кѵпріану митрополиту всея Руси и рече ему: неложно, отче, грядетъ на насъ нечестивый Мамай съ яростію во мнозѣ силѣ.

1) Разбирая Лѣтописную Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, я указалъ на то, что описаніе битвы съ Мамаемъ, помѣщенное въ главѣ о поставленіи монастыря на Дубенкѣ заимствовано Епифаніемъ изъ Лѣтописной Повѣсти.

мою отчину, на рускую землю, хотя разорити святыя церкви и погубити наше христьаньство; тѣмъ же, отче святый, помоли Бога о нашемъ христьанствѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ таковыя бѣды.

Онъ же рече: господине княже, тебѣ подобаетъ о своемъ стадѣ пещися и стоати крѣпко и душу свою положити и кровь свою изліати въ Христовъ образъ, якоже Христосъ о насъ кровь свою изліа и душу свою положи; и ты, господине, поиди противу ихъ и съ истинною, и съ правдою, и съ покореніемъ, яко же пошлина твоя дръжитъ; покорятися ординскому царю должно, тако бо и великій Василей нечестиваго царя Ульяна ярящася возхотѣ дары съ смиреніемъ утолити, и видѣ Господь смиреніе святаго Василія и низложивъ нечестиваго царя Ульяна, съмерти предаде; такоже и писано есть: аще убо таковіи врази хотятъ отъ насъ чти и славы, дадимъ имъ, аще имѣніа и злата и сребра хотятъ, даждь имъ, за имя же Христово и за православную вѣру душу свою положити и кровь свою проліати подобаетъ; и ты, гос-

(Кипріанъ отвѣчаетъ):

...вамъ подобаетъ православнымъ княземъ тѣхъ нечестивыхъ дарми утоляти... Тако же случися великому Василію въ Кесаріи, егда злый отступникъ Ульянъ царь, идый на Персы и хотѣ разорити градъ его Кесарію... видѣ же Господь несмирителное сердце Уліаново и посла на него воина своего святаго Меркуріа... и тако убіенъ бысть окаанный Уліанъ царь Божіею силою... Тако убо повелѣ Господь мудрѣ устрояти и исправляти: аще бо стяжанія, и имѣнія, и злата, и сребра ищутъ гонящеи, дадите имъ, елико имате, аще ли чести и славы хотятъ, дадите имъ; аще ли вѣру вашу отъяти хотятъ, стойте крѣпко за сіе и сохраняйте всякимъ опасеніемъ. И ты убо, господине, елико можеши собрати злата и сребра, посли къ нему и исправися къ нему и укроти ярость его.

подине, честь имъ даждь, и злато и сребро даждь, а чрезъ то аще имутъ ратовати насъ, не попуститъ имъ Богъ, но уповаемъ на Бога и на пречистую Богородицу, яко ты побѣдити имаши ихъ и здравъ возвратишися съ воинствы своими, и прославитъ Господь Богъ имя твое въ родъ и родъ.

(Ibid. стр. 53, пророчество Сергія):

Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Той побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя.

И даде ему изъ монастыря своего, изъ братьи своеа, два инока, Пересвѣта и Ослебя, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще же и силу имущихъ и удалство веліе и смѣлство.

И начя просити у него князь великый Пересвѣта и Ослебя, мужества ихъ ради и полки умѣюща рядити, глаголя сице: отче, даждь ми два воина отъ своего полку чернечьскаго, дву братовъ — Пересвѣта да Ослябя. Сіи бо суть вѣдоми всѣмъ ратници велиціи и богатыри крѣпціи и смыслени зѣло къ воиньственному дѣлу и наряду.

Изъ приведеннаго сравненія вытекаетъ, что оба текста не только сходны, но въ нихъ встрѣчаются даже однѣ и тѣ же фразы. Несомнѣнно, здѣсь работа одного редактора, тѣмъ болѣе, что въ Епифаніевой редакціи Житія (и въ Пахоміевой, потому что послѣдняя лишь сокращаетъ текстъ предыдущей, не внося ничего новаго) этихъ эпизодовъ нѣтъ. Редакторъ разбираемой части Никоновскаго свода вставилъ разсказы объ Юліанѣ и двухъ инокахъ-богатыряхъ отъ себя: въ Сказаніи — въ уста Кипріану, въ Житіи — Сергію [1]). Замѣчу, что помѣщенная въ

1) Еще разъ повторю, что непонятно, почему Е. Голубинскій не отмѣтилъ этихъ особенностей Никоновскаго текста и просмотрѣлъ особую редакцію Житія?

спискахъ Никоновской лѣтописи подъ 1395 г. Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, въ свою очередь, упоминаетъ о «законопреступномъ Уліанѣ», что показываетъ, что всѣ три памятника внесены въ сводъ въ одно время.

Прославленіе Кипріана въ вышеизложенныхъ эпизодахъ совпадаетъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ Кипріанъ при всякомъ благопріятномъ случаѣ старался выставить себя въ положительномъ свѣтѣ. «Во второй разъ, говоритъ Е. Голубинскій (II, стр. 339), Кипріанъ ѣздилъ въ Литовскую Русь въ 1404 г. Пробывъ нѣкоторое время у Витовта, при чемъ, по словамъ Никоновской лѣтописи (*которыя, очень можетъ, принадлежатъ самому Кипріану* [1]), видѣлъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ пановъ и отъ всей земли». У Кипріана, говоритъ тотъ же авторъ, могло явиться личное побужденіе связать свое имя съ Петромъ митрополитомъ, поэтому онъ могъ вести современную лѣтопись, гдѣ выставлялъ себя. Этихъ лѣтописныхъ записей Кипріана, писаныхъ имъ ли самимъ, или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, мы не имѣемъ въ отдѣльномъ видѣ, говоритъ Е. Голубинскій. «Но въ разсказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кипріановомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое со всею вѣроятностью». (II, 354).

Въ своихъ посланіяхъ Сергію Радонежскому Кипріанъ употребляетъ выраженія, сходныя съ встрѣчающимися въ Сказаніи: «А ѣду *къ сыну своему* ко князю къ великому на Москву»; «азъ же *святитель* есмь, а не ратный человѣкъ»; «елико стремленіе и повиновеніе и любовъ имѣете къ святѣй Божіей Церкви и *к нашемоу смиренію*, все позналъ есмь отъ словъ вашихъ». (Прав. Соб. 1860, 2). Кипріанъ въ своихъ посланіяхъ отзывался и о Митяѣ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ, который повторяли вышеприведенные о немъ разсказы:... «какъ оу васъ стоить

1) Курсивъ мой.

на митрополицѣ мѣстѣ чернець в манатіи святительской и въ клобоуцѣ и перемонатка святительская на немъ, и посохъ в роукахъ? И гдѣ *сие бещиніе и злое дѣло слышалося*? ни в которыхъ книгахъ. Аще братъ мой (св. Алексій) преставилъся: *азъ есмь святитель на его мѣсть, моя есть митрополія*. Не оумѣти было ему наслѣдника оставляти при своей смерти. Коли слышалося, преже поставленія възлагати на кого святительскыя одежи, ихже нелзѣ иному никому же носити, но токмо святителемъ единемъ? *Како же ли смѣеть стояти на мѣстѣ святительскомъ? не блюдеть ли ся казни Божіа*? А еще страшно и трепетно, и всякіа грозы исполнено, еже створить: садится въ святомъ олтари на намѣстномъ мѣстѣ. Вѣруйте, братія, *яко лоучше бы емоу не родитися*». (Прав. Соб. 1860, 2, стр. 93—94). — Вотъ источникъ нападокъ на Митяя въ Никоновскомъ сводѣ!

Итакъ связь разбираемаго вставного эпизода — разговора великаго князя съ Кипріаномъ — съ другими мѣстами лѣтописнаго свода заставляетъ предполагать, что этотъ эпизодъ не существовалъ въ протографѣ Сказанія, но былъ внесенъ редакторомъ, который принадлежалъ къ убѣжденнымъ сторонникамъ Кипріана, возвеличивавшимъ память его въ потомствѣ.

Упоминаніе въ Сказаніи и Житіи о Пересвѣтѣ и Ослябѣ легко объясняетъ появленіе въ Сказаніи и второго эпизода — Похода великаго князя въ обитель преп. Сергія, гдѣ старецъ благословляетъ его, даетъ двухъ иноковъ богатырей и предрекаетъ побѣду надъ татарами. Весь эпизодъ о посѣщеніи великимъ княземъ обители взятъ въ Сказаніе изъ Житія по Никоновской редакціи, почему и эту вставку слѣдуетъ отнести къ работѣ того же редактора.

О храбрости иноковъ Пересвѣта и Осляби, очевидно, уже давно ходило какое-то особое сказаніе, несомнѣнно устное. Лѣтописная Повѣсть не упоминаетъ о немъ, но занесеніе имени Пересвѣта въ синодикъ показываетъ, что онъ былъ чѣмъ-то отличенъ. Это устное сказаніе было извѣстно Софоніи, который

и воспользовался имъ для Повѣданія: «Пересвѣта чернца брянскаго боярина [1]) на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣтъ чернецъ великому князю Дмитрію... лутчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганыхъ татаръ. Хоробрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ вѣщемъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, аркучи таково слово: добре тутъ, брате, стару помолодѣти, а молодому чести добыти, плечъ своихъ испытати. И рече Ослябя брату своему Пересвѣту: уже, брате, вижу раны на тѣлѣ твоемъ тяжки, пасти главѣ твоей на сырую землю, на бѣлую ковылу, а брату твоему Іакову лежати на травѣ ковылѣ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядѣ, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича».

Въ этомъ поэтическомъ изложеніи нѣтъ фактическаго матеріала. Упоминаніе объ инокахъ-богатыряхъ въ Повѣданіи могло побудить редактора вставить этотъ эпизодъ и въ Сказаніе и въ Житіе, причемъ само преданіе о богатырствѣ Пересвѣта и Осляби было извѣстно редактору изъ непосредственнаго источника, потому что въ его изложеніи гораздо больше фактовъ: иноки прежде были храбрыми воинами, были извѣстны великому князю; передъ отправленіемъ на битву, оба принимаютъ схиму. Оба — погибаютъ въ битвѣ, причемъ Пересвѣтъ въ самомъ началѣ — въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ, гигантомъ.

Это единоборство составляетъ отмѣченный мною отдѣльный вставной эпизодъ Сказанія, тѣсно примыкающій, какъ теперь видно, къ эпизоду о походѣ великаго князя къ Троицѣ. Пересвѣтъ изображается въ этомъ эпизодѣ героемъ, такъ какъ онъ былъ «начальникомъ» славной битвы и сразилъ самаго сильнаго татарскаго богатыря, который могъ причинить большой уронъ русскому войску. Сказаніе ниже оттѣняетъ эту заслугу Пересвѣта: великій князь, при объѣздѣ побоища «пріиде на другое мѣсто и видѣ Сергіева черньца Пересвѣта и близъ его нарочитаго богатыря татарьского и,

1) Такъ его называетъ и Лѣтописная Повѣсть и Тверская лѣтопись.

обратився, рече къ сущимъ съ нимъ: видите, братіе, начялника, той бо побѣди подобна себѣ; отъ того было многимъ пити горкую чашу».

Свѣдѣнія объ Ослябѣ и Пересвѣтѣ неустойчивы. Пересвѣтъ называется то брянскимъ бояриномъ, какъ выше, то любчаниномъ; въ Лаврскомъ обиходникѣ Ослябя называется Иродіономъ, бояриномъ любутскимъ, посланнымъ въ 1398 году въ Царьградъ, значитъ, онъ остался въ живыхъ послѣ 1380 г. Келарь Симонъ Азарьинъ зоветъ его въ Житіи Андреемъ. Въ актѣ о мѣстничествѣ Бутурлина съ Плещеевымъ Ослябя Андрей упоминается въ числѣ бояръ Кипріана въ 1390—1393 гг. Въ Повѣданіи онъ названъ Яковомъ и представляется убитымъ на бою. Въ рукописныхъ святцахъ XVII в. указано, что воины Адріанъ Ослябя и Александръ Пересвѣтъ, принесенные съ битвы, были схоронены въ Симоновомъ монастырѣ близъ деревянной церкви Рождества Богородицы въ каменной палаткѣ подъ колокольней, и надъ ними поставлены каменныя плиты безъ надписей. Наоборотъ — въ Синодикахъ (слѣдовательно и въ Лѣтописной Повѣсти) указанія на смерть Осляби на бою — нѣтъ. Наконецъ, объ инокахъ-богатыряхъ, какъ погибшихъ на бою, упоминаетъ въ своей челобитной 1548—1549 гг. Иванъ Пересвѣтовъ: «служу тебѣ, государю благовѣрному, поминая своих пращур и прадѣд, какъ служили вѣрно государемъ руским великим княземъ, твоим пращурам и прадѣдам, Пересвѣтъ и Ослебя в чернцахъ и въ схиме со благословением Сергия чюдотворца на Донъскомъ побоище при великомъ князе Дмитрее Ивановиче, за вѣру християнскую, за святые церкви і за честь государю пострадали, главы свои положили». (Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1902, 4). Такимъ образомъ, эпическое преданіе о Пересвѣтѣ и Ослябѣ въ началѣ XVI вѣка уже успѣло сдѣлаться фамильнымъ преданіемъ [1]).

1) Я предлагаю сравнить другое фамильное преданіе, основанное также на эпическомъ разсказѣ изъ Куликовской битвы: дворяне Челищевы въ пятомъ колѣнѣ считаютъ своимъ родоначальникомъ Михаила Андреевича Бренка,

Противорѣчіе свѣдѣній и несогласіе ихъ съ исторической дѣйствительностью показываетъ, что эпизоды о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, находящіеся въ Повѣданіи и Сказаніи, представляютъ обломки преданія объ инокѣ-богатырѣ, преданія, кончавшагося единоборствомъ.

Итакъ, три разобранныхъ эпизода: О Кипріанѣ, посѣщеніи обители преп. Сергія и двухъ инокахъ этой обители — богатыряхъ находятся въ связи между собою и принадлежатъ одному редактору.

Въ Никоновской лѣтописи подъ 1395 годомъ помѣщена «Повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака». Никоновская лѣтопись держится, по словамъ А. А. Шахматова, первоначальной редакціи, *но подновляетъ ее по своему.* Изъ сравненія со Сказаніемъ въ обѣихъ повѣстяхъ замѣчается много точекъ соприкосновенія.

Заглавіе Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ такъ же витіевато, какъ въ Сказаніи, и избавленіе отъ татарскаго нашествія приписано также чуду: «Повѣсть на стрѣтеніе чюдотворнаго образа пречистыя Владычица нашея Богородица и приснодѣвы Маріа, его же написа богогласный евангелистъ Лука, самовидно зря на истинную Богородицу при животѣ Ея, и како божественая та икона бысть въ Рустѣй земли, первое во градѣ Кіевѣ, и въ Вышеградѣ въ церкви преславно на въздусѣ являяся, и како преиде во градъ Владимерь и отнелѣ же нарицашеся икона Владимерская, и ея же ради вины пріиде въ боголюбивый царствующій градъ Москву, и паче надежда сугубо чюдесно избавленіе намъ содѣя отъ нахожденіа безбожнаго и зловѣрнаго отъ царя Темирь-Аксака, и о составленіи монастыря, идѣ же срѣтоша той пречестный Богоматери образъ».

Дальнѣйшее изложеніе имѣетъ много общаго съ пріемами Сказанія. Въ немъ:

убитаго вмѣсто великаго князя на Мамаевомъ побоищѣ. У него — сынъ Ѳедоръ Михайловичъ *Чело.* (См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ. Спб. 1893, стр. 3—5).

1) Темиръ-Аксакъ озлобляется «яко вторый Батый» и похваляется выступить на Русь совершенно въ такихъ же выраженіяхъ, какъ Мамай. Перечисляются орды, которыми онъ владѣетъ.

2) Упоминается, какъ выше указано, о «законопреступномъ Юліанѣ».

3) Тонъ въ отношеніи къ Кипріану — хвалебный: цѣлая глава посвящена ему: «О прилежномъ моленіи Кипріана митрополита»; въ ней говорится, что Кипріанъ «украшалъ» престолъ русской митрополіи. Кипріанъ встрѣчаетъ великаго князя Василія Дмитріевича и князя Владимира Андрѣевича совершенно такъ же, какъ онъ въ Сказаніи встрѣчаетъ Дмитрія Донского и вообще изображается принимающимъ главное участіе въ событіи.

4) Молитвы о помощи на врага возсылаются постоянно къ чудотворцамъ святителю Петру и преподобному Сергію, какъ и въ Сказаніи.

5) Содержаніе молитвъ по тексту весьма сходно въ обѣихъ повѣстяхъ, особенно «Всенародное моленіе передъ образомъ пресвятыя Богородица» содержитъ въ себѣ буквальныя выраженія изъ молитвъ Сказанія.

6) Во снѣ Темиръ-Аксаку являются святители, «имуще жезлы златы въ рукахъ своихъ». Подобное же видѣніе является Семену Онтонову и Василію Капицѣ въ Сказаніи. Выше я говорилъ, что видѣніе Ѳомы Кацыбѣева взято изъ Лѣтописной Повѣсти, разсказъ же о видѣніи Онтонова и Капицы слѣдовательно относится къ редакторской обработкѣ Сказанія [1]).

7) Кончается Повѣсть разсказомъ о смерти Темиръ-Аксака

---

1) Сказаніе о Владимирской иконѣ находится еще въ сборникѣ Чудова монастыря № 62/264, XVI в. (изданъ М. Н. Сперанскимъ) Въ чудовскомъ текстѣ разсказа о снѣ Темиръ-Аксака *нѣтъ*, въ Воскресенской лѣтописи помѣщено *иное* видѣніе, а текстъ Повѣсти по Воскресенской лѣтописи представляетъ первоначальную редакцію. Слѣдовательно разсказъ о видѣніи Темиръ-Аксакомъ святителей съ жезлами, повторенный и въ Сказаніи — принадлежитъ одному лицу.

въ то время, когда онъ вновь собирался итти войной на Русь. Мамай въ Сказаніи погибаетъ при такихъ же обстоятельствахъ.

Подобное сходство текста Сказанія и Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ заставляетъ предполагать, что протографы этихъ Повѣстей, занесенные въ Никоновскую лѣтопись, подверглись *одинаковой* редакціонной обработкѣ. На первомъ планѣ въ этой обработкѣ выставлялась личность Кипріана, а также почитаніе святителя Петра и преподобнаго Сергія, который уже зовется чудотворцемъ. Помѣщенныя въ Никоновской лѣтописи объ повѣсти слѣдовательно *были обработаны редакторомъ лѣтописнаго свода*, вошедшаго впослѣдствіи въ составъ Никоновской лѣтописи.

При допущеніи положенія, что редакторъ лѣтописнаго свода, включивъ въ него Сказаніе и Повѣсть о Темиръ-Аксакѣ, дополнилъ ихъ и видоизмѣнилъ съ своей точки зрѣнія, становится понятнымъ, почему въ Сказаніи великій князь Дмитрій изображается молящимся «предо образомъ пречистыа Богородицы, юже Лука евангелистъ написа». Изслѣдователи, начиная съ Карамзина, видѣли въ этомъ только «грубый анахронизмъ», на самомъ же дѣлѣ образъ Лукина письма попалъ въ Сказаніе на основаніи Повѣсти о Темиръ-Аксакѣ, гдѣ, дѣйствительно, избавленіе русской земли приписывается чуду отъ иконы Владимирской Божьей Матери, писаной евангелистомъ Лукою. Въ протографѣ Сказанія, весьма возможно, не было этого «анахронизма»; и въ первой редакціи Сказанія на это свидѣтельство не надо смотрѣть, какъ на анахронизмъ, происшедшій отъ незнанія, а какъ на риторическій пріемъ: чтобы придать бо́льшую святость образу, редакторъ назвалъ его иконою Лукина письма.

3) *Время составленія первой редакціи.*

Вопросъ о времени составленія первой редакціи Сказанія опредѣляется съ одной стороны отношеніемъ разбираемой редакціи къ Житію преп. Сергія. Выше я указалъ, что редакторъ вставилъ эпизоды объ Юліанѣ и двухъ инокахъ — Пересвѣтѣ и Ослябѣ одновременно и въ Сказаніе и въ Житіе. Слѣдовательно,

послѣднее уже было написано къ тому времени, какъ составлялась первая редакція Сказанія. Само заглавіе его, приписывающее побѣду чуду Божьей Матери и святыхъ Петра и Сергія, показываетъ, что Житіе уже было извѣстно редактору [1]).

Епифаніева редакція житія окончена въ 1418 году, прославленіе же Сергія началось лѣтъ черезъ 30 послѣ его кончины, т. е. около 1422 года, т. е. съ этого времени началось мѣстное его почитаніе. Начало же всеобщаго празднованія ему восходитъ не далѣе конца первой половины XV вѣка [2]). Слѣдовательно, первая редакція (Кипріановская) Сказанія не могла появиться ранѣе 1422 года.

Съ другой стороны она не можетъ быть очень удалена отъ этой даты: слишкомъ въ ней свѣжа память о Кипріанѣ (умеръ въ 1406 г.). Въ виду этого время составленія Кипріановской редакціи всего вѣроятнѣй слѣдуетъ относить къ началу второй четверти XV вѣка, т. е. послѣ 1425 года.

Я только что назвалъ разбираемую редакцію — *Кипріановской*, предлагаю оставить за ней это названіе, такъ какъ она, какъ было видно изъ разбора, главное вниманіе отводитъ прославленію Кипріана и носитъ партійную окраску. Составитель этой редакціи, вѣроятно, былъ изъ митрополичьей канцеляріи, человѣкъ, такъ или иначе зависѣвшій отъ Кипріана. Нужно думать, что онъ или составлялъ, или продолжалъ лѣтопись, центральной фигурой которой являлся митрополитъ Кипріанъ. Въ этотъ частный лѣтописный сводъ вносились различныя литературныя произведенія, которымъ придавалась тенденціозная окраска. Этотъ лѣтописный сводъ вошелъ, впослѣдствіи, въ составъ Никоновской лѣтописи. Въ этомъ сводѣ находился и оригиналъ разбираемой редакціи Сказанія.

---

1) Ср. и въ текстѣ Сказанія: «Такова убо бысть побѣда и помощь Божіа и чюдеса и знаменіа Божіа Матере и великаго чюдотворца Петра и преподобнаго игумена Сергіа и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба и всѣхъ святыхъ».

2) Васильевъ. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Чт. въ О. И. и Д. Р. 1893, III.

Итакъ, литературная исторія 1 редакціи можетъ быть представлена, приблизительно, слѣдующимъ образомъ:

1) Протографъ 1 редакціи, состоявшій изъ соединенія Лѣтописной Повѣсти, типа текста Дубровскаго, съ девятью вставными эпизодами, представляющими развитіе мыслей Лѣтописной Повѣсти (посланіе грамотъ — посланіе 1 и 2 стражи — смущеніе союзниковъ — посланіе 3 стражи — примѣты Волынца — чудесныя видѣнія — разсказъ о Бренкѣ — засадный полкъ — розыски великаго князя) — *не дошелъ*.

2) Изъ соединенія протографа съ тремя разсказами, соединенными общей идеей (разговоры съ Кипріаномъ — походъ великаго князя къ Троицѣ — единоборство Пересвѣта и татарскаго богатыря), *произошла Кипріановская редакція*, находившаяся въ предполагаемомъ мною митрополичьемъ сводѣ.

3) Кипріановская редакція *была оригиналомъ первой редакціи*, находящейся въ Никоновскомъ сводѣ подъ 1380 годомъ. Эта первая редакція нѣсколько отлична отъ своего оригинала: прибавлены были заглавіе и вступленіе, переработано заключеніе оригинала, видоизмѣненъ слогъ, и вставленъ разсказъ о видѣніи Василія Капицы. Матеріаломъ для дополненій этой первой редакціи послужило, правда — въ незначительной степени, Повѣданіе — писаніе Софонія.

Никоновскій сводъ составленъ въ 1550 году, Кипріановская редакція Сказанія, какъ указано — до половины XV вѣка: за сто лѣтъ существованія, конечно, могла явиться разница между оригиналомъ и его спискомъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи слога.

4) Болѣе близкій къ оригиналу текстъ 1 редакціи Сказанія заключаютъ всѣ неинтерполированные списки Никоновской лѣтописи.

Обращусь къ характеристикѣ 1 редакціи.

Близко держась плана Лѣтописной Повѣсти, первая редакція Сказанія не искажаетъ исторической дѣйствительности. Врагами Дмитрія являются въ союзѣ съ Мамаемъ — Олегъ и Ягайло. Послѣдній вступилъ въ союзъ съ татарами изъ за политическихъ

соображеній: ему невыгодно было видѣть усиленіе Москвы, кромѣ того — подъ протекторатомъ великаго князя находились его братья. «Iagiełło chwycił się tego wezwania, raz, że rokoszanin i pretendent Wingolt Andrzey oraz Dymitr Korybutt, bracia, protegowani byli przez Wielkiego Xiężęcia Dymitra, zkąd przewidywaly się niepokoie dla kraiu» [1]).

Анахронизмовъ въ разбираемой редакціи — *нѣтъ*. Выше я указывалъ на причину появленія образа Богородицы, «Лукина письма». Встрѣчающіеся имена князей и воеводъ заимствованы, очевидно, изъ московскихъ разрядныхъ книгъ — источника, на который указываетъ А. А. Шахматовъ. Упоминаніе объ Андреѣ и Дмитріи Ольгердовичахъ и пріѣхавшемъ съ ними Дмитріи Волынцѣ, ихъ краткое прославленіе: «сіи же князи помощи о Бозѣ сътвориша много великому князю Дмитрею Ивановичю», указаніе на ихъ участіе при переходѣ черезъ Донъ — имѣетъ соотвѣтствіе въ литовскихъ лѣтописяхъ. Имена убитыхъ, заимствованныя въ Лѣтописной Повѣсти изъ синодика, отсутствуютъ въ первой редакціи, но въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ поля битвы, разсказѣ, представляющемъ лишь развитіе указаннаго перечисленія, можно встрѣтиться съ тѣми же именами. Географическія указанія не представляютъ уклоненія отъ дѣйствительности. Куликово поле, находящееся въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, протяженіемъ имѣетъ 18 верстъ (старинныхъ 10), и въ книгѣ Большого Чертежа границами его указываются, между прочимъ, рѣки Донъ и Непрядва. Переправа черезъ Оку произошла, по преданію, близъ мѣста, называемаго нынѣ «Четыре церкви», въ Каширскомъ уѣздѣ. Путь на древній городъ Березуй идетъ нынѣ по Епифанской большой дорогѣ, мимо теперешняго села Березова (древній — Березуй). Около села Милославщины, на берегу Дона близъ впаденія Непрядвы, былъ русскій лагерь, на высохшей рѣчкѣ Себинкѣ. Гдѣ теперь стоитъ Сабуровъ хуторъ, указы-

1) Narbutt. Dzieie narodu Litewskiego. V, стр. 267.

вается мѣсто, гдѣ нашли князя Сабуровъ [1]) и Холоповъ. При селѣ Монастырщинѣ, лежащемъ противъ Милославщины, находилась знаменитая «зеленая дубрава», гдѣ былъ спрятанъ засадный полкъ. Вѣковые дубы, свидѣтели Куликовской битвы, окончательно вырублены въ XIX вѣкѣ [2]).

На основаніи какого-нибудь современнаго источника составлено описаніе внѣшности великаго князя: «...крѣпокъ зѣло и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ и чреватъ велми, и тяжекъ собою зѣло, брадою же и власы чернъ, взоромъ же дивенъ зѣло».

Первая редакція устанавливаетъ слѣдующую послѣдовательность времени для похода великаго князя: 18 августа онъ у Троицы, 28-го — на Коломнѣ, черезъ два дня — за Окой; въ началѣ сентября (числа нѣтъ, но вторая редакція указываетъ на пятое сентября) — къ Березую, 7 сентября — переправа черезъ Донъ, 8-го съ утра — битва. Ничего нельзя возразить противъ такого указанія, оно вполнѣ естественно. Грѣшитъ же первая редакція только въ указаніяхъ на дни: 28-е августа считается субботой, тогда какъ оно приходилось во вторникъ.

Молитвы, рѣчи дѣйствующихъ лицъ, описанія — составлены по формуламъ, издавна выработаннымъ въ воинскихъ повѣстяхъ. Въ Начальномъ сводѣ уже можно встрѣтить тексты молитвъ, чрезвычайно близко напоминающіе молитвы Сказанія. Частью они распространены реторически: редакторъ приводитъ, по обычаю, цитаты изъ евангелія, особенно — изъ псалтыри. Есть слѣды знакомства редактора съ Александріей: ярлыки, которыми обмѣниваются союзники, по формѣ тѣ же, что въ Александріи; упоминается объ Александрѣ, побѣдившемъ Пора, царя Индѣйскаго.

Матеріаломъ для вставныхъ эпизодовъ служили, кромѣ лѣтописи, составленной при Кипріанѣ, преданія, ходившія послѣ

---

1) Въ 1 редакціи ошибкою вмѣсто этой фамиліи поставлено: «Зовъ».
2) См. Кн. Оболенскаго. Куликово поле. Ист. Вѣстн. 1903, VIII.

Куликовской битвы. Основаніе этихъ преданій было болѣе или менѣе историческимъ. Таковы разсказы о чудесныхъ видѣніяхъ, о храбрости Пересвѣта, о примѣтахъ Дмитрія Волынца, о боярин Бренкѣ.

Прославляя Кипріана и московскихъ чудотворцевъ Петра и Сергія, съ именами которыхъ любилъ связывать Кипріанъ свою личность, первая редакція Сказанія проводитъ провиденціально-поучительную точку зрѣнія. На первый планъ ставится не историческій разсказъ о событіи на Куликовомъ полѣ, 8 сентября 1380 года, но, какъ я выше говорилъ, оттѣняется «бывшее чудо»—когда помощью Божіей, Пресвятыя Богородицы и чудотворцевъ Петра и Сергія великому князю удалось «посрамить» гордаго Мамая и всю его нечестивую силу. Я также говорилъ, что при всей наличной характеристикѣ, великій князь изображается лишеннымъ всякой иниціативы. Божественная правда говоритъ устами Кипріана: побѣда рисуется уже предопредѣленной, и, собственно говоря, прославленіе личныхъ качествъ Дмитрія и Владимира стоитъ на второмъ планѣ. Этимъ первая редакція существенно отличается отъ второй, которая, какъ будетъ видно изъ слѣдующей главы, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ прославленіе лицъ, благодаря индивидуальнымъ качествамъ которыхъ была одержана знаменитѣйшая въ русской исторіи побѣда.

ГЛАВА V.

Сказаніе второй редакціи.

Вторая редакція Сказанія находится въ двухъ лѣтописныхъ сборникахъ XVI вѣка: 1) Синодальной Библіотеки № 485 и 2) Московскаго Историческаго Музея № $1^{3}/_{55}$ (собранія Черткова). Оба текста вполнѣ сходны, разница въ незначительныхъ варіантахъ. Чертковскій текстъ представляетъ мѣстами лучшіе варіанты, но въ немъ находятся случайные пропуски, обусловленные недосмотромъ при переписке, и однимъ внѣшнимъ дефектомъ — потерею листка.

Въ Синодальномъ текстѣ иногда на поляхъ или между строками позднѣйшимъ почеркомъ (XVII в.) помѣщены вставки, носящія характеръ глоссъ. При печатаніи текста второй редакціи вставки эти я заключилъ въ скобки.

Синодальный текстъ былъ извѣстенъ Карамзину. Онъ цитируетъ его въ своихъ примѣчаніяхъ къ V тому, обозначая указанный сборникъ номеромъ 365, причемъ считаетъ этотъ текстъ «древнѣйшимъ» изъ извѣстныхъ ему списковъ «баснословной повѣсти» о Мамаевомъ побоищѣ. (См. примѣчаніе 65) Карамзинъ ограничился однѣми выписками, не касаясь литературной исторіи памятника; изслѣдователи же повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ какъ будто забыли о существованіи Синодальнаго текста, вѣрнѣе — не знали. Между тѣмъ, еслибы на этотъ

текстъ было обращено вниманіе, для многихъ изъ господствовавшихъ до сихъ поръ положеній не было бы мѣста [1]).

По отношенію къ первой редакціи, вторая характеризуется сокращеніями, измѣненіями и дополненіями. Сокращенія и измѣненія текста могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи:

1) происшедшія по винѣ переписчиковъ: послѣдніе или невнимательно относились къ оригиналу, или не понимали его и давали спутанное чтеніе, или вносили въ текстъ написанное на поляхъ;

2) обличающія самостоятельную работу редактора.

Отмѣчу главнѣйшія сокращенія и измѣненія первой категоріи:

1) Въ грамотѣ Ягайла Мамаю переписчикъ не понялъ текста и своеобразно его осмыслилъ:

1 редакція.	2 редакція.
...тѣмъ же оба молимъ тя, всесвѣтлый волный царю, да накажеши его не творити сици неправды, да подвигнишися самъ, царю, и пришедъ видиши наше смиреніе, а его гордость, и тогда уразумѣеши смиреніе нашеа грубости отъ московьского князя Дмитреа...	...но молимъ тя оба, раби твои, да пріидет дръжава твоего царства, да и мы видим твое смотреніе нашея грубости от московского князя Дмитрея...

2) Въ отвѣтѣ Мамая Ягайлу и Олегу, Мамай, по первой редакціи, гордо заявляетъ, что ему, какъ великому царю, больше пристойно воевать съ Александромъ Македонскимъ и съ Поромъ, во второй же редакціи на этомъ мѣстѣ стоитъ явно неоконченная фраза: «а мнѣ, царю, достойно подобна себѣ бысть»...

1) На него указываетъ и Снегиревъ въ своемъ печатномъ изданіи Сказанія (Рус. Ист. Сборникъ III), но никакой характеристики не даетъ, онъ пользовался, очевидно, тѣми выдержками, которыя приводилъ Карамзинъ.

3) Такая же неоконченная фраза находится въ поэтическомъ описаніи кануна битвы: «От таковыя страсти, аки морским водам»... — сказуемаго въ текстѣ нѣтъ.

4) Разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца, вообще изложенный неудовлетворительно, въ концѣ носитъ слѣды какой-то путаницы: Великій князь, услыхавъ отъ Волынца значеніе примѣтъ, именно, что побѣда будетъ куплена дорогой цѣною, неожиданно заявляетъ: «Боудет, господине, побѣда». Эта фраза сокращаетъ ясное молитвенное обращеніе великаго князя въ 1 редакціи: «Воля Господня да будеть, якоже годѣ бысть Господеви, тако и будетъ; воли бо Его кто противиться?».

5) Рѣчь преп. Сергія, благословляющаго великаго князя на битву, очевидно, не понята переписчикомъ, отчего въ ней замѣчается сильное сокращеніе:

1 редакція.	2 редакція.
...да дастъ ти, рече, Господь Богъ и пречистаа Богородица помощь, и не у еще сіе побѣды вѣнець съ вѣчнымъ сномъ носити тебѣ есть, прочимъ же мнозѣмъ безъ числа готовятся вѣнци съ вѣчною памятью...	...не оуж бо постиж венец побѣде носити, но по миноувших лѣтех, нынѣ ж мнози венцы плетоутся...

6) Не совпадаютъ, по сравненію съ 1 редакціей, имена собственныя, географическія названія и хронологическія даты. Собственныя имена вообще весьма неустойчивы при переписке; тѣмъ болѣе искаженій и непониманія могло быть, когда памятникъ отдалялся отъ протографа. Частью 2 редакція опускаетъ географическія названія и имена: пропущено, что первая стража была послана на «Быструю Сосну»; въ разсказѣ объ уряженіи полковъ выпущены имена: князь Семенъ Ивановичъ и Семенъ Меликовъ; или названія сохранены, но явно не поняты: «На *Чюдо* на Михайлово» — вм. «Чюры Михайловы».

Не одинаковы, наконецъ, имена гостей сурожанъ, хотя и 1 редакція даетъ спутанное чтеніе: прозвище «Саларевъ» въ первой редакціи повторяется дважды (во 2-й одинъ разъ поставлено «Сараевъ»); послѣ «Константина» пропущено находящееся во 2 редакціи прозвище: «Волка».

Особенно перепутаны имена князей, пришедшихъ въ Москву со своими полками. Путаница видна изъ контекста: ...«пріиде... князь Ондрѣй Кѣмски и *Андомски*, князь Глѣб Карголомски и *Ярославской*, и пріидоша князи со всѣми силами: князь Ондрѣи *Ярославской*, князь Левъ *Серпъской*»... Я обращаю вниманіе на эту порчу именъ князей, а равно и на измѣненіе числа ихъ (8 князей Бѣлозерскихъ первой редакціи и 15 — второй) потому, что считаю подобныя измѣненія скорѣе ошибками при перепискѣ, чѣмъ намѣренными редакціонными поправками. Съ этой точки зрѣнія и на этотъ разъ нельзя усматривать въ Сказаніи «анахронизмовъ», что такъ смущало Карамзина и другихъ изслѣдователей, касавшихся повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

7) Въ разсказѣ объ уряженіи полковъ, кромѣ искаженія именъ, замѣчаются ошибки, происшедшія, очевидно, отъ какого-то пропуска: не ясно, кого поставилъ великій князь себѣ по правую руку, можно думать, что это были князья Ярославскіе и князь Владимиръ Андрѣевичъ; братъ Дмитрія Всеволожа названъ «княземъ»; вмѣсто «Белеусъ» 1 редакціи здѣсь написано: «Белеоут»; подручные князя Владимира представляютъ въ именахъ сплошную путаницу.

8) Къ порчѣ текста, наконецъ, слѣдуетъ отнести интерполяціи. Ниже, при разборѣ 3 редакціи, я укажу, что, по моему мнѣнію, носитъ въ разбираемой редакціи характеръ болѣе позднихъ вставокъ. Теперь же укажу на несомнѣнныя:

а) въ разсказъ о вооруженіи Бренка въ княжескую приволоку, прибавлено разъясненіе: «И подъ тѣм знаменем оубиен бысть за великого князя».

б) характерная интерполяція, не замѣченная изслѣдователями, находится въ разсказѣ объ объѣздѣ великимъ княземъ

побоища. По 1 редакціи, великій князь «преиде на другое мѣсто и видѣ Сергіева черньца Пересвѣта и *близъ его нарочитаго богатыря татарьскаго*», обращается къ воинамъ, прося ихъ воздать всяческую почесть «начинателю» битвы, отнявшему у врага богатырскую силу — своего противника, отъ котораго многимъ пришлось бы пить горькую чашу. Картина — ясна. Между тѣмъ, во 2 редакціи это мѣсто читается такъ: «пріиде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта черница и близ его лежаща нарочитаго богатыря *Григорья Капустина* и рече»... Это неожиданное русское имя встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи и въ хронографномъ сокращеніи Сказанія. Въ текстъ оно попало безусловно съ полей рукописи, на которой внизу могла быть помѣта, очевидно, запись о принадлежности списка какому-нибудь лицу, вродѣ: Сія книга (такого-то) Григорія Капустина. Ср. приписку по листамъ рукописи кн. Оболенскаго: «Книга Мамаево побоище окольничего Василья Никифорова Собакина, а подписалъ сію книгу по приказу государя своего окольничего Василья Никифорова Собакина человѣкъ его Аввакумъ Павловъ лѣта 1677 апрѣля въ 30 день»[1]).

Перейду ко второй категоріи.

Редакторская работа выразилась прежде всего, въ *улучшеніи текста* Сказанія.

1) Первая редакція, я говорилъ, держится не только плана Лѣтописной Повѣсти, но сохраняетъ буквальныя ея выраженія. Эти заимствованныя изъ Лѣтописной Повѣсти мѣста — *всѣ выпущены второй редакціей*, чѣмъ окончательно нарушена связь между этими двумя памятниками:

а) пропущенъ разсказъ объ остановкѣ великаго князя у усть Лопасны рѣки, о приходѣ къ нему сюда Тимофея Васильевича тысяцкаго, о запрещеніи великимъ княземъ производить какія-либо насилія въ резанской землѣ, затѣмъ — указаніе, что въ Москвѣ были оставлены воеводы у великокняжескаго семей-

1) См. Рус. Ист. Сбор. III, предисловіе Снегирева VI—VII.

ства и у Кипріана, и плачъ земли русской по случаю похода на татаръ;

б) выпущено все, что касается устроенія и движенія войска, числа воиновъ, что всюду старательно отмѣчаетъ 1 редакція, основываясь на Лѣтописной Повѣсти. Нѣтъ постояннаго указанія на численность войска — 400 тысячъ; опущенъ разсказъ о стычкѣ сторожевыхъ полковъ, послѣ которой великій князь вернулся въ передовой полкъ; нѣтъ описанія готовящагося къ бою войска, описанія Куликова поля: «бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть рѣки Непрядвы»; выпущено указаніе, какъ враги начинаютъ сходиться «съ шеломянеи». Первая редакція, наоборотъ, два раза [1]) подробно останавливается на этомъ описаніи: «И бѣ уже 6 часъ дни, сходящимся имъ на усть Непрядвы рѣки, и се внезаапу сила великаа татарьскаа борзо *съ шоломяни* грядуще, и ту пакы не поступающе сташа, ибо нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступится; и тако сташа, копіа покладше, стѣна у стѣны, кождо ихъ на плещу преднихъ своихъ, имуще предніи краче, а задніи должае. А князь велики также съ великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу имъ. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великіа сънимающеся на кровопролитіе, на скорую съмерть», — во второй редакціи всего этого повторенія нѣтъ;

в) опуская все, что касается тактической стороны, вторая редакція сокращаетъ, естественно, и формулу боя, которая въ первой начинается такъ же, какъ въ Лѣтописной Повѣсти;

г) выпущены заимствованные 1 редакціей изъ Лѣтописной Повѣсти эпизоды: увѣщательная рѣчь великаго князя о переправѣ черезъ Донъ и о желаніи принести себя въ жертву за отечество, приказъ о наведеніи мостовъ и о разрушеніи ихъ въ тылу, указаніе на приходъ звѣрей и птицъ, ожидающихъ побоища и разсужденіе по этому поводу: «гдѣ будетъ трупъ, тамо съберутся орли»;

---

1) Разсказъ прерывается только эпизодомъ о Бренкѣ.

д) разсказъ о бѣгствѣ Мамая, составленный въ 1 редакціи по Лѣтописной Повѣсти, представляется весьма сокращеннымъ и измѣненнымъ во 2-й: прибавлены имена боговъ, которыхъ призывалъ Мамай — «Пероуна и Соловата и Мокоша и Раклѣя и Гоурса», нѣтъ указаній на преслѣдованіе его до рѣки Мечи;

е) буквально взятые въ 1 редакцію эпизоды Лѣтописной Повѣсти: указаніе на то, что великій князь бился съ татарами «на первомъ сступѣ», что бояре увѣщевали его беречь себя, отвѣтъ его, доказывавшій, что онъ, стоя назади, не можетъ подавать имъ никакого примѣра, внѣшняя характеристика великаго князя и наконецъ перечисленіе убитыхъ «на сступѣ» — цѣликомъ выпущены во 2 редакціи.

2) Замѣчается стремленіе освободиться *отъ риторическихъ украшеній первой редакціи*, выражающееся или въ сокращеніи или въ замѣнѣ ихъ другими:

а) вмѣсто сравненія Батыя съ Навуходоносоромъ царемъ Вавилонскимъ, Антіохомъ, царемъ Антіохійскимъ и Титомъ, царемъ Римскимъ — 2 редакція говоритъ просто: «якоже халдѣй». И дальше, въ отвѣтѣ Батыя союзникамъ мысль развивается проще: «но чести вашея хощоу, говоритъ Батый, моим имянем, а вашею силою распоужен боудет княз Дмитреи московскои, да огрозится имя мое во странах ваших, а мнѣ царю достойно подобна себѣ бысть, доволен есми царския чти». Въ 1 редакціи отвѣтъ Батыя высокопарнѣй: онъ обѣщаетъ избавить союзниковъ «отъ насильства и отъ обиды», зоветъ всюду великаго князя своимъ «улусникомъ», который отъ одного имени царева долженъ убѣжать въ «далныа и непроходимыа мѣста», ему, царю — не достойно воевать съ такимъ ничтожествомъ: «подобаетъ мнѣ побѣдити подобна себѣ нѣкоего великаго и силнаго и славнаго царя, якоже царь Александръ Македоньскый побѣди Даріа царя Перскаго и Пора царя Индѣйскаго, таковаа побѣда моему царскому имени достоитъ и величество мое славится по всѣмъ землямъ». Въ 1 редакціи тонъ болѣе выдержанъ:

оттѣнено высокомѣріе Батыя; 2 редакція упрощаетъ текстъ, но имѣетъ въ виду сохранить тоже впечатлѣніе.

б) Упрощеніе текста замѣчается и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ напримѣръ — въ разсказѣ о Ѳомѣ Кацибѣѣ сказано, что онъ былъ «разбойникъ», а не «иже бысть нѣкогда разбойникъ и въ покааніе приде»; въ разсказѣ объ утрѣ боя: «и бысть утра мгла» — вм. «мгла велія по всей землѣ, аки тма» и пр.

в) Рѣчь великаго князя передъ битвой во 2 редакціи въ простыхъ выраженіяхъ и сокращенно передаетъ мысль первой, гдѣ сказано: «возлюбленніи отцы и братіа... вси бо есмы отъ мала и до велика братіа едини, внуци Адамли, родъ и племя едино, едино крещеніе, едина вѣра христіанскаа, единаго Бога имѣемъ Господа нашего Іисуса Христа, въ Троицѣ славимаго; умремъ въ сій часъ за имя Его святое и за православную вѣру и за святыа церкви и за братію нашу за все православное христіанство». И воины, «слышавше сіе... мужествени быша, яко орли летающе и яко лвы рыкающе на татарьскыа полкы». Вторая редакція сокращаетъ эту рѣчь, и великій князь представляется просто увѣщевающимъ воиновъ — оставить земныя попеченія, думать о будущей жизни: «да венцы оувяземся отъ Христа Бога душам нашим». Здѣсь вторая редакція очень кстати вспоминаетъ то, что сказалъ великому князю о вѣнцахъ преподобный Сергій. Риторическаго описанія мужественной готовности русскихъ къ бою — нѣтъ.

г) Значительно сокращенъ весь разсказъ о единоборствѣ: нѣтъ описанія внѣшности татарскаго богатыря Темиръ-Мурзы, который во 2 редакціи не носитъ имени и названъ печенѣгомъ. Витіеватая рѣчь Пересвѣта, просящаго Бога о побѣдѣ, «якоже древле Давиду на Голіада» — замѣнена короткимъ обращеніемъ къ Ослябѣ и великому князю. Характеристика Пересвѣта — опущена. Надо думать однако, что редактору было всетаки извѣстно преданіе о Пересвѣтѣ, онъ названъ «любчанинъ родомъ» — чего въ 1 редакціи нѣтъ.

д) Въ молитвѣ великаго князя цитата изъ псалма: «что ради возсташа на мя» — замѣнена вставкой изъ того же псалма: «что ради оумножишася на мя стоужающи ми». Редакторъ могъ цитировать по памяти; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно измѣняетъ разсужденія 1 редакціи, подбирая цитаты изъ Св. Писанія по личному усмотрѣнію. Въ разсказѣ о возвращеніи пословъ къ союзникамъ отъ Мамая обѣ редакціи, сохраняя одну и ту же точку зрѣнія, расходятся въ разсужденіи о скудоуміи Олега и Ягайла:

1 редакція.

Они же, безумни суще, возрадовашеся о суетнѣмъ семъ привѣтѣ Мамаевѣ, не вѣдяще, яко Богъ даеть власть емуже хощеть, ни помянуша реченнаго Господемъ: каа польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ, сирѣчь погубитъ? преходитъ бо житіе сіе и царство отъ рода въ родъ и отъ языка въ языкъ, а человѣкъ, сътворивый злаа, мучится во вѣки, не имѣя помощи отъ пріобрѣтеніа всего міра. Они же безуміемъ своимъ зинушася, ищуще земнаго и тлѣннаго пріобрѣтеніа, яко скотъ.

2 редакція.

Они же скоудным оумом своим возрадовашася о суетнем привѣте, а не вѣдыи, Богъ дает власть емоуж хощет. И не вѣм, что сіа рекоу: аще бы врази были собѣ, то о собѣ б бран сотворили. Ныне ж что сіа глаголють: едина вѣра и едино крещеніе, а к безбожному приложилис, вкупе хотят з безбожным гонити православноую вѣру. О таковых бо патерик рече: по истинне отсекошас своеи масличны, присадишася къ дикой масличне, тако и сіи беззаконніи отвергошас своеи вѣры православнои хрестьянскои и приложишася к безбожному. Олег же нача поспѣшивати и слати к Момаю послы и рече: подвизаися, царю, скоро. О таковых бо рече писаніе: о нераз-

соуженіе поути беззаконных и собирают себѣ досажденіе и понос, правых же поут обрящется. Нынѣ же Ола поваго Святополка нарекоу.

Отсутствіе сходства въ разсужденіи и распространеніе его во 2 редакціи обусловлены тѣмъ, что редакторъ, пользуясь писаніемъ, нашелъ, по его мнѣнію, болѣе подходящія сравненія. При обиліи матеріала онъ заставляетъ Олега вновь посылать къ Мамаю пословъ — начинать походъ, (чего нѣтъ въ 1 редакціи), для того, чтобы еще разъ блеснуть цитатой.

3) Преслѣдуя ясность и точность слога, вторая редакція, по мѣрѣ возможности, *избѣгаетъ повтореній*.

а) Въ разсказѣ о сборѣ русскаго воинства со всей земли 1 редакція дважды указываетъ на приходъ войска къ великому князю: «И собирашеся воиньства много», и ниже: «И снидошася мнози отъ всѣхъ странъ на Москву къ великому князю»; во 2 редакціи объ этомъ говорится только одинъ разъ: «К великомоу ж князю на Москвоу мнози люди приспѣша».

б) Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выпущены задерживающія ходъ повѣствованія подробности: возложеніе схимы вмѣсто шлема, чтобы «крѣпце поборати по Христѣ на враги Его», и опредѣленіе иноковъ, какъ «извольниковъ» великаго князя: «ихъ же изволилъ еси съ тобою быти въ прилучившихжеся напастехъ въ бѣдное сіе и нужное время».

Въ томъ же разсказѣ преп. Сергій дважды повторяетъ предсказаніе, что великій князь побѣдитъ Мамая: первый разъ, по возстаніи отъ трапезы, онъ говоритъ, что «Господь... вознесетъ тя, а его... гордость низложитъ», но Дмитрій повидимому пропускаетъ слова старца безъ вниманія; вторично преп. Сергій говоритъ о будущей побѣдѣ, провожая великаго князя; послѣдній же, принявъ благословеніе, *повторяетъ* слова преподобнаго: «Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ, и Тъй побѣдитъ и низложитъ супостаты твоя и прославитъ тя». Эти

повторенія — замедляютъ разсказъ, не оттѣняя главной идеи эпизода. Во 2 редакціи пророчество Сергія помѣщено въ началѣ разсказа и болѣе уже не повторяется; идея: пророческое благословеніе старца есть основаніе будущаго успѣха — ясна.

Когда великій князь пришелъ къ Кипріану и разсказалъ о своемъ посѣщеніи обители пр. Сергія, митрополитъ просилъ его никому не говорить о пророчествѣ. Это мѣсто одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, но въ 1-й, кромѣ того, слова: «не повѣда никому же» повторяются раньше, еще до прихода къ Кипріану.

в) Выпущенъ вторичный разсказъ о приходѣ звѣрей на мѣсто будущаго побоища: «Волкомъ же страшно всю нощь выющимъ и толико ихъ бѣ множество, яко со всеа вселенныа снидошася, и враны грающе и кричяще, и орлы клегчюще страшно зело всю нощь». Первая редакція, описывая передъ тѣмъ переходъ войска черезъ Донъ, говорила о собравшихся звѣряхъ и птицахъ въ тѣхъ же выраженіяхъ.

г) Наконецъ, выпущенъ разсказъ о томъ, что великій князь былъ раненъ, татары стали одолѣвать, убили Бренка и множество русскихъ воиновъ: ниже объ этомъ будетъ упоминаться вторично, и 2 редакція, дѣйствительно, сохраняетъ этотъ разсказъ только въ концѣ описанія перваго момента боя, передъ выходомъ засаднаго полка, отчего все повѣствованіе принимаетъ стройный характеръ.

Таковы измѣненія второй редакціи со стороны внѣшней, текстуальной. Редакторская работа стремилась придать Сказанію, по возможности, лучшую стилистическую отдѣлку. Въ этомъ случаѣ разбираемая редакція выгодно отличается отъ послѣдующихъ, многочисленные списки которыхъ представляютъ памятникъ часто въ весьма искаженномъ видѣ.

Измѣненія, касающіяся *содержанія* Сказанія, вытекаютъ, прежде всего, изъ перемѣны точки зрѣнія редактора. Эта точка зрѣнія высказана имъ въ самомъ заглавіи Сказанія. Первая редакція, какъ было видно изъ ея заглавія, приписывала одержанную надъ Мамаемъ побѣду исключительно «чуду» пречистыя

Богоматери, святителя Петра и Сергія, котораго Никоновская лѣтопись называетъ уже чудотворцемъ. Я замѣтилъ въ своемъ мѣстѣ, что это заглавіе не находилось въ протографѣ Сказанія, а принадлежитъ его Кипріановской редакціи, проводящей тенденцію — прославленіе Кипріана и московскихъ чудотворцевъ, замѣстителемъ которыхъ являлся на каѳедрѣ митрополитъ. Вторая редакція старается дать исключительно историческое повѣствованіе, въ достаточной степени объективное, указывая на памятникъ, какъ на повѣсть, сложенную «отъ древняго списанія», разсказывающую о томъ, какъ случилась «брань на Дону», какъ «Богъ возвысилъ христіанскій родъ и уничижилъ поганыхъ» и помогъ великому князю одержать побѣду надъ безбожными татарами.

Тенденція Кипріановской редакціи — *отсутствуетъ* во второй; слѣдовательно сильно сглажено участіе Петра, Сергія и особенно Кипріана въ описываемомъ событіи. Разсказы о посѣщеніи обители преподобнаго Сергія, какъ я выше указывалъ, стройнѣе и короче во второй редакціи. Въ Кипріановской видны слѣды спайки протографа Сказанія и Житія Сергія, *почему и пророчество преподобнаго о побѣдѣ повторено два раза.* Въ разсказѣ о примѣтахъ Дмитрія Волынца пропущено обращеніе послѣдняго къ великому князю: «Благодари Бога и пречистую Богородицю и великого чюдотворца Петра и вся святыа»; вмѣсто этого — просто: «призывайте Бога». И всякій разъ, какъ въ 1 редакціи упоминается святитель Петръ, вторая замѣняетъ его имя какими-нибудь другими святыми, чаще всего упоминаются Борисъ и Глѣбъ. Нѣтъ разсказа о чудѣ Петра въ видѣніи Василія Капицы и Семена Онтонова — какъ Петръ поражалъ жезломъ множество эѳіоповъ. Вмѣсто этого эпизода поставлена молитва великаго князя о побѣдѣ на враговъ, которую да пошлетъ ему Богъ такъ же, какъ когда то «великому князю Александру па хвалящагося на римского короля Магнуша». Князь Владимиръ Андрѣевичъ, поздравляя великаго князя съ побѣдой, оттѣняетъ, по первой редакціи, эту чудесную

помощь Петра, указывая на избіеніе татаръ невидимою силою тамъ, куда не ступали русскіе, и — Сергія «преподобнаго игумена чудотворца», которымъ прежде всего «должна быть воздана честь и слава». (Замѣчательно, что эта формула изъ разсматриваемаго эпизода повторена трижды въ Кипріановской редакціи). Вторая редакція упоминаетъ о помощи указанныхъ святителей одинъ разъ, и то вскользь: «По милости божіи и пречистой Его Матери и молитвами сродник наших Бориса и Глѣба и Петра московского святителя и игоумена Сергея и всѣх святых молитвами врази наши побеждени соут, а мы спасохомся». Борисъ и Глѣбъ и здѣсь поставлены на первое мѣсто: объективный редакторъ упоминалъ о нихъ прежде всего потому, что они были «сродниками» князей-побѣдителей.

Но главная особенность редакторскихъ сокращеній состоитъ въ томъ, что опущено все, *касающееся тенденціознаго прославленія Кипріана.*

Въ Кипріановской редакціи приведены два разговора великаго князя съ Кипріаномъ [1]). Первый происходитъ послѣ того, какъ великій князь получилъ извѣстіе о движеніи Мамая. Съ братомъ Владимиромъ идетъ онъ къ «отцу своему Кипріану митрополиту» съ печальной вѣстью; митрополитъ начинаетъ утѣшать его, говоря: «не смущайся убо о семъ, господине и сыне мой возлюбленный; многи убо скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавить я Господь, и показуя, наказа мя Господь, смерти же не предасть мя, Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло». Великій князь отвѣчаетъ, что онъ сдѣлалъ все «по уставу отецъ своихъ» по отношенію къ врагу и ни въ чемъ не повиненъ.

Бесѣда неожиданно прерывается приходомъ татаръ: «абіе внезапу пріидоша» послы отъ Мамая, прося выхода не по «докончанію» съ великимъ княземъ, а такъ, какъ было при

1) Я не говорю уже о вставкѣ о Митяѣ, которой, конечно, нѣтъ ни во второй, ни въ послѣдующихъ редакціяхъ.

Азбякѣ и Чанибекѣ. Дмитрій отказывается, и послы гордо заявляютъ, что Мамай уже за Дономъ, въ татарскомъ Полѣ.

Тогда Кипріанъ произноситъ цѣлое поученіе великому князю, указывая, что надо послать выходъ. Онъ ссылается на случай съ Василіемъ Великимъ въ Кесаріи и заключаетъ рѣчь слѣдующей сентенціей: «Тако бо Господь повелѣ христіаномъ творити со смиреною мудростію, якоже глаголеть въ Евангеліи: будите мудри, яко зміа, и цѣли, яко голубіе. Зміева убо мудрость сицева есть: егда нѣкое ей бѣдное прилучится, егда будетъ отъ нѣкоего бьема и уязвляема, тогда все тѣло свое даетъ на язвы и біеніе, главу же свою всею силою соблюдаетъ; такоже и всякъ христіанинъ о Христѣ, егда тѣсно и нужно время прилучится ему, гонимъ, уязвляемъ, бьемъ, мучимъ, вся своя предаетъ, злато и сребро, и стяжаніе, честь, славу, въ велицей же нужѣ и тѣло свое попущаетъ ранимо быти; главу же свою, еже есть Христосъ и яже въ него вѣра христіаньскаа, соблюдаетъ всякимъ опасеніемъ любве Его ради и вѣры. Тако убо повелѣ Господь мудрѣ устрояти и исправляти: аще бо стяжаніа, и имѣніа, и злата, и сребра ищутъ гонящеи, дадите имъ, елико имате; аще ли чести и славы хотятъ, дадите имъ; аще ли вѣру вашу отъяти хотятъ, стойте крѣпко за сіе и сохраняйте всякимъ опасеніемъ». По этому совѣту великій князь отправляетъ посольство съ дарами.

Вторая редакція значительно сократила всю эту бесѣду. Кипріанъ нигдѣ не называется «отцемъ» великаго князя: «отче» является обыкновеннымъ обращеніемъ къ митрополиту, какъ только къ духовному лицу; митрополитъ называетъ Дмитрія всюду «господиномъ». Разсказа о приходѣ татаръ — нѣтъ. Вышеприведеннаго разсужденія Кипріана о «подражаніи зміевой мудрости» точно также нѣтъ: оставленъ одинъ только примѣръ Василія Великаго.

Второй разговоръ происходитъ послѣ того, какъ великій князь узнаетъ о переходѣ на сторону Мамая союзниковъ —

Ягайла и Олега. Смиреніе и подчиненіе великаго князя митрополиту въ Кипріановской редакціи особенно подчеркнуты. Кипріанъ совѣтуетъ ему собирать отовсюду войска «со всякимъ умиленіемъ и смиреніемъ и любовію», «не скорбѣть и не смущаться». Великій князь изображается совершенно утѣшеннымъ словами митрополита: онъ «возложи печаль свою на Господа и на пречистую Его Матерь *и на святаго чудотворца Петра*; со всяческимъ «смиреніемъ» разсылаетъ онъ гонцовъ по землямъ, проситъ прощенія въ грѣхахъ своихъ, творя «милостыню по монастыремъ».

Во второй редакціи текстъ не только сокращенъ, но уничтожены всякіе намеки на отсутствіе самостоятельности въ великомъ князѣ. Наоборотъ, слова утѣшенія, которыя говоритъ Кипріанъ, представляютъ общее мѣсто, а не носятъ характера поученія, какъ въ 1 редакціи. О «смиреніи» Дмитрія — нѣтъ рѣчи: гонцовъ и стражу уготовляетъ великій князь по своему усмотрѣнію, единственный совѣтникъ его — князь Владимиръ. Изложеніе эпизода — стройнѣе во второй редакціи, потому что въ первой разсказъ прерывается вставкой лѣтописнаго характера: «Вмалѣ же бысть тихость отвсюду, и великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевичя тысяцкаго, з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ и со всѣми тогда пришедшими князи и воеводами»... Эта вставка отсутствуетъ во 2 редакціи, и разсказъ о посланіи первой стражи слѣдуетъ непосредственно за окончаніемъ разговора Дмитрія съ Кипріаномъ.

Итакъ сокращенія и измѣненія, касающіяся содержанія второй редакціи Сказанія, выражаются въ уничтоженіи тенденціозности: Кипріанъ, имя котораго неразрывно связывается 1 редакціей съ именами Петра и Сергія, не стоитъ здѣсь на первомъ планѣ. Въ этомъ отношеніи редакторъ старался быть объективнымъ.

Дальнѣйшія особенности разбираемой редакціи относятся къ разряду *дополненій*.

Эти дополненія представляютъ изъ себя: 1) — вставку разсужденій, долженствующихъ оттѣнить характеры дѣйствующихъ лицъ въ Сказаніи; 2) — разсказовъ и молитвъ, дополняющихъ характеристику великаго князя; 3) — отдѣльныхъ эпизодовъ, дополняющихъ характеристику противниковъ и 4) — риторическихъ украшеній и заимствованій изъ Повѣданія, для приданія красоты и занимательности повѣствованію.

1) *Отрицательная характеристика союзниковъ противополагается христіанской кротости и твердости духа великаго князя и русскаго воинства.*

а) Мамай представляется высоко мнящимъ о себѣ, но недалекимъ человѣкомъ:

Въ разсказѣ о сборѣ Мамая въ походъ и наймѣ имъ воиска, изложенномъ въ общемъ одинаково въ обѣихъ редакціяхъ, 1 редакція говоритъ, что онъ, ставъ лагеремъ на Воронежѣ, началъ уже называть себя царемъ, а не просто «княземъ», какъ прежде. Вторая редакція, вмѣсто этого замѣчанія, приводитъ рѣчь Мамая: «заповеда оулоусом своим: ни един вас не пашите хлѣба, да боудете готовы на роусскіа хлѣбы», — такой сильной выставлена увѣренность его въ побѣдѣ. Ниже, при допросѣ захваченнаго «языка» татарскаго вновь оттѣняется это желаніе Мамая: «на осен быти на роуския хлѣбы».

Получивъ ярлыки отъ Ягайла и Олега, Мамай нѣкоторое время колеблется, думая, что союзники обольщаютъ его коварно, однако чрезвычайно скоро даетъ уговорить себя своимъ приближеннымъ и утѣшается сознаніемъ: «нынѣ же разность велика меж ими».

б) Олегъ рисуется скудоумнымъ и трусливымъ:

Въ 1 редакціи нѣтъ характеристики Олега, только послѣ разсказа объ отправленіи ярлыковъ имъ и Ягайломъ къ Мамаю прибавлено: «Сице помыслиша въ безуміи своемъ». Вторая редакція указываетъ на «скудость ума въ главѣ его», на «ухищреніе», которое сатана вложилъ ему въ сердце. Подвигнуться на великаго князя онъ умыслилъ «своимъ худымъ умомъ», его

коварство сравнивается съ поступкомъ Святополка, онъ самъ называется «новымъ» Святополкомъ. Переходомъ на сторону Мамая Олегъ и Ягайло приравниваются къ «несмысленнымъ младымъ дѣтямъ», не вѣдающимъ «Божія силы и владычня смотрѣнія». Въ письмѣ, адресованномъ къ Ягайлу, (хотя и сокращенномъ противъ первой редакціи) есть добавленія, оттѣняющія недомысліе Олега: еще не зная, чѣмъ кончится дѣло и на чьей сторонѣ будетъ побѣда, онъ дѣлитъ уже русскую землю, наивно отдавая Ягайлу Москву, а себѣ беря Коломну, Муромъ, Владиміръ, раздѣляя княженіе «ово к Вилне, ово к Резани». Въ письмѣ Мамаю онъ хвастается, что «вельми» устрашаетъ Русь и великаго князя. Оттѣняя самомнѣніе Мамая, редакторъ резюмируетъ неразумное высокоуміе союзниковъ слѣдующими словами въ пользу великаго князя: «По истинне бо рече: аще кто держит въ сердце добраядѣтели, то может быти без многих врагов. Княз же великіи Дмитреи Иванович образ смиреніа нося, высоких ища, и еще ж не слыша ни единаго, еж совѣщаша о нем ближніи его».

Разсказъ о смущеніи Олега, узнавшаго о томъ, что Дмитрій готовъ противустать непріятельской силѣ, значительно полнѣе, чѣмъ въ 1 редакціи. Олегъ, узнавши, что великій князь «сердцем своим не оупал, но твердою своею вѣрою крѣпко хощет с печенѣги битися и имѣет оупованіе на единаго Бога», началъ «с мѣста на мѣсто преходити». Бояре еще болѣе смущаютъ его, указывая на прозорливаго старца Сергія, по благословенію котораго начаты сборы. Олега не утѣшаетъ сознаніе, что не онъ одинъ «оскудѣ оумом», но и болѣе его умный Ягайло, потому что «не оного ж Богъ взыщетъ, но мене, онъ имѣет закон гоугниваго Петра, аз же имѣх правыи закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ рече: аще раб не сохранит закона господина своего, то бьен боудет много». Олегъ находится въ раздумьи: онъ бы и приложился вновь къ великому князю, но тотъ его не приметъ; какъ союзника Мамая, т. е. врага христіанству: «яко оного новаго Святополка земля мя пожрет,

не токмо княженіа лишен боудоу, но и живота гонзпуся». Молитва Сергія поможетъ Дмитрію. Съ другой стороны — ему нельзя быть нейтральнымъ: «Аще ли ни единому от них помощи не сотворю, то в прок ото обоих како могоу прожити, а ныне которому присягоу имѣю».

в) Такимъ же слабоумнымъ и трусливымъ рисуется Ягайло: Разсказъ о томъ, что Ягайло, узнавъ о нерѣшительности Олега, чувствуетъ, что и самъ можетъ погибнуть, благодаря неразумному союзу, распространенъ указаніемъ на трусость литовскаго князя: Ягайло остается у Одоева, говоря: «пребоудем оубо здѣ, дондеж оуслышим московского побѣду».

г) Дмитрій изображается прежде всего кроткимъ и смиреннымъ христіаниномъ, но сильнымъ духомъ: молитва, которую произноситъ онъ, узнавъ о походѣ Мамая, продолжена противъ 1 редакціи: «Оукроти, Господи, сердце сверѣпому и сотвори, Господи, яко Езекѣю. И рече: на Господа оуповаю и не изнемогоу».

Возвращаясь изъ обители преп. Сергія, великій князь радуется благословенію святого старца: «не помышляя ни на злато, ни на сребро, ни на богатство, но велми радовашес о благословеніи старца».

Объѣзжая побоище, великій князь останавливается надъ убитыми воеводами и къ каждому обращается, плача, со словами, общее содержаніе которыхъ — просьба помолиться за него Богу и просить его, такъ какъ скорую смерть пріяли они «его ради».

д) Между братьями Дмитріемъ и Владимиромъ горячая любовь и дружба.

По окончаніи битвы, князь Владимиръ созываетъ уцѣлѣвшихъ. Не видя великаго князя, онъ «пожда час не обрете брата своего великого князя, нача плакатися и кричати и по полком ѣздити и не обрете брата своего». Оттѣнена поэтому и добрая вѣсть о томъ, что Дмитрій живъ: вмѣсто «повѣдая ему великаго князя жива», вторая редакція даетъ распространенное чтеніе:

«поведа ему, яко княз великіи добръ здоров и царствоует в вѣки».

е) Сподвижники великаго князя и все войско умственно и нравственно превосходятъ враговъ:

Захарія Тютчевъ охарактеризованъ во 2 редакціи. Опъ выбранъ посломъ къ Мамаю, какъ «довольный смысломъ», умѣющій «языку еллинскоу».

Пришедшіе на Москву воеводы съ войсками «вси единеми оусты глаголахоу: даи ж нам, Господи, единеми оусты и единем сердцем оумрети и святое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради христьянские». Этого разсужденія въ 1 редакціи нѣтъ. Общее настроеніе — умереть за родину — формулируется словами того же Дмитрія своему брату: «Поспешим, брате, противоу безбожных сих печенѣг и не отовратим лица своего от безстоудных сих. Аще нам случится смерть, то дома живоучи и оумрети ж, а от смерти не избыти нигдѣ ж».

Такимъ же сильнымъ христіанскимъ духомъ, какъ Дмитрій, проникнуто все русское войско. Цѣлый рядъ дополненій 2 редакція посвящаетъ изображенію состоянія духа войска передъ началомъ славной битвы: Русское войско — уже за Дономъ, передовые разъѣзды все чаще и чаще сообщаютъ о приближеніи непріятеля, русскіе — полны мужества, «оуж земнаго не помышляюще ничтож, но видяще кождо пред очима, оуж бо поганіи стоудом помрачаются, видяще погибел живота своего, понеж погибе памят их с шюмом. Правовѣрніи ж человѣци просвѣщаются, радующеся, чающе оного обетованіа и прекрасных венецъ от роуки Вседержителя, о них же поведа преподобный Сергей старец.

Вслѣдъ за этимъ идетъ разсказъ о приходѣ Семена Мелика съ дружиною, еле ускользнувшаго отъ татарской погони. Татары, увидавъ вдали русское войско, передаютъ Мамаю численность его съ испугу вчетверо болѣе дѣйствительной. Мамай еще болѣе исполняется ярости и приказываетъ немедленно готовиться къ битвѣ. Русскіе разъѣзды сообщаютъ Дмитрію, что

царь уже «на Гусинѣ броду» — утромъ будетъ на рѣкѣ Непрядвѣ. Меликъ совѣтуетъ великому князю исполчиться теперь же: завтра времени будетъ немного.

Весь этотъ разсказъ какъ бы увеличиваетъ грозное наступленіе важныхъ событій: онъ оттѣняетъ громадность непріятельской силы для того, чтобы противопоставить ей силу духа русскаго войска. Великій князь укрѣпляетъ своихъ воиновъ рѣчью, въ которой сравниваетъ грядущую битву съ давно желаннымъ пиромъ: «Братіа моя милая, сынове русския, молодые и великие, оуж нощь приспѣ, а день приближися грозный. Бдите и молитес и крепитеся: Господь силенъ во бранѣх. И здѣ пребоудем, кождо на мѣсте своем, во оутріи ж день поспешите, братия, надобет оурядитися: оуж бо гости наши на рецѣ на Непрядве, во оутріи ж день имамы вси пити общоую чашу смертную поведеную, тое бо есмя чаши еще на Роуси жадали за много дни, но оуповаите на Бога жива. Мир вам, братия». И наступившая передъ битвой ночь, по отношенію къ состоянію духа, была «по истинне несветла невѣрным, а вѣрным же просвещена есть».

Русское войско крѣпко своей вѣрою, и Богъ помогаетъ ему. Наоборотъ, татарское рисуется трусливымъ, и ему не могутъ помочь его «невѣрные» боги. Мамай, видя пораженіе своего войска, «нача призывати боги своя: Пероуна, и Соловата, и Мокоша, и Раклѣя, и Гоурса, и великаго пособника Махмета, и не бысть емоу помощи от них ничтож: сила бо святаго Духа, аки огнем пожигает их, татарские полки роусскими мечи секоут». Мамай обращается къ своимъ съ рѣчью: «Побѣгнем, брате, и ничтож добра не имам, но токмо головы оунесем свои». Русскіе пытаются догнать его, но не могутъ только потому, что ихъ кони были уже утомлены, а Мамай скакалъ на отдохнувшихъ.

Трусость татаръ подчеркивается при всякомъ случаѣ: Въ мгляное утро, когда полки стали сходиться: «татарские троубы яко онемѣша, а роусские полки оутвердишася».

Наконецъ, мелкая подробность: захваченный стражею татаринъ оказывается «языкъ нарочитъ, царева двора»..

2) *Для дополненія характеристики великаго князя, какъ христіанина, онъ изображается постоянно прибѣгающимъ съ молитвою къ Богу.*

Послѣ донесенія Захаріи Тютчева о соединеніи Олега и Ягайла съ Мамаемъ, 2 редакція приводитъ первую вставную молитву. Великій князь *смиренно* проситъ Господа «судить по правдѣ его»: если врагъ идетъ войною, то еще можно перенести это зло, — но когда «друзи искренніи» начинаютъ злоумышлять, то судьею въ такомъ незаконномъ поступкѣ можетъ явиться только одинъ Богъ.

По пріѣздѣ отъ Троицы, великій князь начинаетъ собираться въ походъ. 1 редакція указываетъ только, что передъ выступленіемъ онъ молился передъ образомъ Богоматери, Лукина письма, у гроба чудотворца Петра и въ церкви святого Михаила — у праха своихъ родителей. Вторая редакція даетъ тексты всѣхъ этихъ молитвъ: «Княз же велики иде в ложницоу свою, оуж к вечеру, приспѣвшу четвергоу авгоус 19 день, на памят святаго отца Пимина Отходника», съ братомъ княземъ Владимиромъ и молится: 1) Вседержителю Спасу, котораго со слезами проситъ простить согрѣшенія и дать ему помощь на противныхъ; 2) Богородицѣ, чтобы она умолила Сына своего — смирить сердце врагамъ и помочь русскимъ, ибо враги «не исповедают Тебе» и, слѣдовательно, какъ безбожные, должны быть побѣждены; 3) Петру, какъ стражу земли русской: черезъ него возсіяла благодать въ великокняжескомъ родѣ; если онъ помогалъ раньше, то и теперь «приспѣ время молити за ны ко общему Владыцѣ», и 4) родителямъ — «православія поборникамъ», чтобы они помогли ему, такъ какъ и онъ — хранитель завѣтовъ предковъ. Всѣ молитвы выдержаны въ одномъ тонѣ: смиреніе и сохраненіе православнаго начала въ великомъ князѣ должно одержать верхъ надъ высокоуміемъ и невѣріемъ противниковъ.

Таково же содержаніе молитвы великаго князя при началѣ боя, которую онъ читаетъ въ большомъ полку передъ знаменемъ: вкратцѣ здѣсь повторяется содержаніе вышеприведенныхъ молитвъ Спасу — Богородицѣ — Петру, имена которыхъ великій князь снова упоминаетъ.

Въ разсказѣ о видѣніи Ѳомы Хабычѣева, гдѣ, не смотря на сокращеніе противъ 1 редакціи, проводится тенденція — обращеніе видѣніемъ этого «разбойника» на истинный путь: «и оттолѣ человѣкъ той вѣрен бысть и целомудръ», вставлена риторически составленная молитва Дмитрія. Я приведу ея текстъ цѣликомъ: «Господи Владыко человѣколюбче, молитвами святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, яко Моисѣю на Амалика и прадедоу нашему великому князю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша и разорив его отечество. Но посли на ны милость свою и просвети нас благооутробным своим милосердіем, не предаи ж нас раб своих на смѣх поганым, да не порадоуются врази наши и да не ркут в странах своих: гдѣ есть Богъ их, на него ж оуповаша. Помози, Господи, православному хрестьянствоу, иж имяноуют имя твое святое». Содержаніе ея, какъ видно, такое же, какъ и вышеизложенныхъ молитвъ.

Наконецъ въ уста великому князю вложена благодарственная молитва, которую онъ произноситъ по окончаніи битвы. Содержаніе этой молитвы, составленной большею частію по Псалтыри,—хвала и благодарность Богу за то, что не далъ христіанъ «в поруганіе врагом», не далъ «в похвалу иному языку».

3) *Для дальнѣйшаго усиленія контраста между правымъ дѣломъ русскихъ и насиліемъ союзниковъ вставлена цѣлая повѣсть:*

О приходѣ князей Ольгердовичей къ великому князю.

Вставка этой повѣсти принадлежитъ *къ важнѣйшимъ признакамъ, отличающимъ 2 редакцію.*

Первая редакція ограничилась однимъ указаніемъ на то, что князья Андрей Ольгердовичъ Полоцкій и Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій пришли на помощь Дмитрію. Повѣданіе посвя-

тило братьямъ цѣлую строфу. Очевидно существовало особое сказаніе о приходѣ этихъ двухъ братьевъ съ войсками на помощь русскимъ. Особый интересъ заключался въ томъ, что братья этимъ поступкомъ возстали на своего *родного брата* Ягайла [1]), движимые чувствомъ христіанской вѣры. Редакторъ, вводя эту повѣсть въ Сказаніе, въ началѣ колебался, вести ли разсказъ въ 1 или въ 3 лицѣ, отчего у него и явились такія выраженія: «бѣста бо есми отцем и братом ненавидими»; «бѣ бо есмя едини крещеніем», но далѣе — разсказъ уже ведется имъ исключительно отъ 3 лица.

Ольгердовичи получили крещеніе отъ мачехи — княгини Анны, но, терпя гоненіе, были словно «класы доброплодные, терніемъ подавляемы». Узнавъ о походѣ на Русь Мамая, Андрей посылаетъ къ брату тайно письмо, въ которомъ указываетъ, что если уже они отвержены отцомъ, то лучше приложиться Отцу небесному, совершить христіанскій подвигъ — пойти единовѣрному великому князю на помощь. Этимъ исполнится апостольское слово: «братіа, в бедах пособники бывайте», поэтому не слѣдуетъ бояться, что они пойдутъ на родного брата. И Спаситель сказалъ: «предани боудете родители вашими и братею, оумрети имате, имяни моего ради». Письмо подѣйствовало на брата радостно: онъ готовъ свершить «подвигъ добрый» и предлагаетъ Андрею все свое войско, которое кстати уже готово: «иныя дѣля брани надлежащих от доунанских варягъ». Дмитрій сообщаетъ, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, великій князь уже на Дону, такъ что слѣдуетъ итти съ войскомъ къ Дону, держа путь «на Сѣверу», чтобы этимъ утаиться отъ брата своего Ягайла. Вскорѣ происходитъ радостное свиданіе двухъ братьевъ, «якож иногда Иосиѳ с Вениамином», и вмѣстѣ они идутъ къ Дону.

---

1)

Гедиминъ
|
Ольгердъ

Андрей Витундъ Полоцкій убитъ 1399 — *Дмитрій Корибутъ Брянскій и Трубчевскій* убитъ 1399 — Владиславъ — Константинъ — *Ягелло*

Ихъ многочисленное войско настигаетъ великаго князя еще до перехода черезъ Донъ, на мѣстѣ, называемомъ Березуй. Великій князь и радъ и изумленъ ихъ приходу: «яко не оудоб видѣти таковому востанию, яко братия оставиша брата пороугана», чтобы помочь русскому дѣлу. Дмитрій обращается къ нимъ съ привѣтственной рѣчью, даетъ дары и посылаетъ вѣсть объ ихъ приходѣ въ Москву къ Кипріану. Митрополитъ всюду велитъ служить благодарственные молебны, а великая княгиня творитъ милостыню нищимъ и убогимъ.

Таково содержаніе вставной повѣсти; редакторъ самъ чувствовалъ, что уклонился отъ общаго разсказа и замѣтилъ: «но на предлежащее возвратимся». Тѣмъ не менѣе слѣды прославленія Ольгердовичей и пришедшаго съ ними воеводы Дмитрія Боброкова Волынца проведены красной нитью черезъ все Сказаніе. Во первыхъ, съ внѣшней стороны, такая пространная вставка должна была нѣсколько измѣнить послѣдовательность плана второй редакціи, въ общемъ совпадающаго съ первой. Я приведу параллельно схему той и другой редакцій:

1 редакція.	2 редакція.
Уряженіе полковъ въ Коломнѣ.	
Смущеніе Олега.	Посланіе 3 стражи.
	Смущеніе Олега.
Ягайло остается у Одоева.	
Замѣтка о приходѣ на Березуй.	
Замѣтка о приходѣ Ольгердовичей.	*Повѣсть объ Ольгердовичахъ.*
Посланіе 3 стражи.	Приходъ на Березуй.
Разсказъ о приходѣ Петра Горскаго.	

Далѣе, во 2 редакціи Сказанія Ольгердовичи уже всюду называются «новонареченною братіею». Они — герои разбираемой редакціи, поэтому принимаютъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ. Они, напримѣръ, заставляютъ колебавшагося

великаго князя назначить переправу черезъ Донъ. Въ рѣчи, съ которой Ольгердовичи обращаются къ Дмитрію, чувствуется даже риторическій паѳосъ: Надо перейти Донъ, говорятъ они, тогда никто ужъ не помыслитъ назадъ: «Ярослав бо перевезеся рекоу Святополка победи, Александръ реку перешед, короля свѣйского победи, а ты Бога нарек, также сотвори: аще побьем поганых, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смертью оумрем ото князя и до простых людей». Вмѣстѣ съ Ольгердовичами прославляется и пришедшій съ ними Дмитрій Волынецъ. Онъ оказываетъ существенную помощь великому князю при уряженіи полковъ, его отправляетъ великій князь съ своимъ братомъ Владимиромъ въ засаду. Разсказъ о засадномъ полкѣ въ дубравѣ распространенъ, причемъ изображается состояніе духа князя Владимира, рвеніе котораго утишаетъ «мудрый воевода». «Мудрость» Волынца состояла въ томъ, что онъ удачно воспользовался перемѣной вѣтра и ударилъ на татаръ изъ засады, когда вѣтеръ былъ въ лицо врагамъ. Первая же редакція представляетъ дѣло такъ, что будто вѣтеръ чудесно перемѣнился по слезной молитвѣ русскихъ.

Послѣ разсказа объ устроеніи засады, вторая редакція непосредственно переходитъ къ разсказу о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Вставочная повѣсть объ Ольгердовичахъ въ значительной степени повліяла и на этотъ эпизодъ. Въ 1 редакціи смыслъ ясенъ: Волынецъ беретъ съ собою одного только великаго князя, которому показываетъ примѣты. Онъ проситъ, чтобы великій князь далъ слово — не говорить никому о томъ, что онъ узналъ, чтобы не смущать войско картиной предстоящаго побоища. Діалогъ, конечно, ведется только между Волынцемъ и великимъ княземъ. Между тѣмъ во 2 редакціи, при сохраненіи этого діалога, великій князь не одинъ бесѣдуетъ съ Волынцемъ: при немъ Владимиръ и литовскіе князи, т. е. центральныя лица 2 редакціи. Получается явная несообразность: Волынецъ проситъ: «не подобает сего, государю, в полцѣх повѣдати никомоу ж», между тѣмъ великій князь — со свитой. Желаніе

изобразить принимающими участіе въ этомъ гаданьи Ольгердовичей, заставило редактора измѣнить эпизодъ [1]). Затѣмъ, при видѣ готоваго на бой русскаго войска, слова удивленія силѣ и величію его вложены въ уста литовскихъ князей: «Не есть достойно, восклицаютъ они, при нас и преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому воинству, мужеством же подобни Гедеоновым снузником, Господь Богъ своею силою вооружил их». Въ разсказѣ о поискахъ великаго князя, Ольгердовичи первые подаютъ свое мнѣніе: «Мы мним, яко жив есть, но уязвен велми: егда в трупе мертвых будет», тогда какъ въ 1 редакціи о томъ же сообщаютъ князю Владимиру «нѣціи»: «и начаша ему глаголати нѣціи», причемъ рѣчь ограничивается лишь сообщеніемъ, что Дмитрій раненъ, а не предположеніемъ, что онъ — живъ. Наконецъ, при объѣздѣ побоища съ Ольгердовичами и Волынцемъ, великій князь обращается къ послѣднему со слѣдующими словами: «Воистинну многоразумен еси человѣкъ, и неложна примѣта твоя, подобает ти всегда воеводствовати».

4) *Для приданія бо́льшей живости и картинности изложенію редакторъ пользовался въ широкой степени заимствованіями изъ Повѣданія.*

а) Когда великій князь узнаетъ, что Мамай и союзники окончательно рѣшили итти на него войною, онъ обращается къ князьямъ и воеводамъ съ ободрительною рѣчью. Эта рѣчь и отвѣтъ дружины составлены на основаніи знакомства редактора съ Повѣданіемъ. Сохраняя цѣликомъ лишь немногія выраженія писанія Софоніи, какъ то: «гнездо есмя Володимера Киевского», «головы своя положити... за православную вѣру и за твою обиду», это мѣсто можетъ считаться однако *первой* вставкой изъ этого памятника, такъ какъ въ переработкѣ сохраняетъ мысль его.

---

1) Измѣнить, но не обработать. Кромѣ указанной несообразности отмѣчу скомканность картины — плача земли, переданнаго въ сжатомъ пересказѣ, и множественное число въ обращеніяхъ Волынца: «слышасте», смѣшиваемое съ единственнымъ: «едина ти есть на ползу».

б) Послѣ перечисленія князей и воеводъ, пришедшихъ къ великому князю съ войсками, находится *вторая* вставка изъ Повѣданія, на этотъ разъ сохраняющая цѣликомъ выраженія писанія Софоніи. Вставка дѣлится на 2 половины: въ первой говорится и пріѣздѣ посадниковъ изъ Великаго Новгорода съ 7000 войска, во второй — изображается гулъ многочисленной рати, собравшейся въ Москвѣ. (Убо, братия, стук стучит...). Выше, при разборѣ Повѣданія, я указалъ въ какомъ отношеніи стоятъ эти заимствованія къ основному тексту.

в) Вслѣдъ за указанными выше текстами молитвъ (Спасу — Богородицѣ — Петру — прародителямъ) въ разбираемой редакціи находится *цѣлый разсказъ о прощаніи великаго князя съ женою и плачъ Евдокіи объ ушедшемъ мужѣ*. Въ Повѣданіи нѣтъ ему соотвѣтствія, но по изложенію и тону разсказъ этотъ нѣсколько близокъ къ писанію Софоніи, можетъ быть онъ былъ въ какомъ-нибудь недошедшемъ до насъ спискѣ послѣдняго. На связь этого разсказа съ Повѣданіемъ указываетъ нахожденіе въ немъ прямыхъ соотвѣтствій съ этимъ памятникомъ.

Схема разсказа такова: великая княгиня Евдокія съ женою князя Владимира (имени нѣтъ) и съ другими женщинами провожаютъ уходящихъ. Евдокія «во слезах не может слова прорещи». Самъ великій князь насилу удерживается отъ слезъ, чтобы не выдать себя передъ народомъ, и утѣшаетъ свою великую княгиню. Послѣ отдачи «конечнаго цѣлованія» женщины уходятъ. Князь великій вступаетъ въ златое стремя и выѣзжаетъ съ князьями и боярами — «солнце имъ съ востока ясно сіяетъ, а сзади кроткій вѣтеръ вѣетъ». Это уже — непосредственно изъ Повѣданія, равно какъ и продолженіе: «Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златыхъ колодицъ, а то рвахоутся князи Белозерския»...

Послѣ этихъ вставокъ разсказъ нѣсколько перебитъ: великій князь отпускаетъ войско разными дорогами, такъ какъ на одной всѣмъ не вмѣститься. Это мѣсто находится и въ 1 редакціи, тамъ оно кончается словами: «и бѣ ему спреди солнце грѣаше, а

ззади по немъ кроткій и тихій вѣтръ вѣаше и дыхаше». Не смотря на то, что эта картина уже выше была въ текстѣ 2 редакціи, послѣдняя здѣсь *повторяетъ ее* еще разъ, что указываетъ на сохраненіе всего этого мѣста цѣликомъ по 1 редакціи.

Дальше продолжается разсказъ объ Евдокіи: великая княгиня съ снохою своею (имени нѣтъ) и съ другими женщинами идетъ въ златоверхій набережный теремъ и изъ южнаго окна смотритъ на удаляющееся войско. Причитаніе здѣсь изложено въ формѣ молитвы, но съ сохраненіемъ выраженій, напоминающихъ писаніе Софоніи: «от тоя бо брани русская земля уныла», «аз же имѣю двѣ отрасли, еще млади суще, Василя и Юрью, егда поразитъ их знои сь юга или вѣтръ подвѣет их з запада, то не могут терпѣти». Замѣчательно, что указанная мною при разборѣ Повѣданія интерполяція сохранена и здѣсь: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣт 158»: очевидно, что у редактора былъ подъ руками уже интерполированный списокъ Повѣданія.

Въ житіи Дмитрія, при описаніи кончины великаго князя, вставленъ также плачъ Евдокіи, но вполнѣ отличный отъ указаннаго: онъ находится въ ближайшей связи съ плачемъ въ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ, тогда какъ плачъ Сказанія составился подъ сильнымъ вліяніемъ образовъ писанія Софоніи.

г) Четвертая вставка, вѣрнѣе — передѣлка Повѣданія, находится послѣ разсказа о гостяхъ-сурожанахъ. Рисуются картины: движенія русскаго войска: «Тогды ж возвеяша силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошася великіа князи русския, а по них дѣти боярские успѣшно грядут, аки чаши медвяныя пити»..., и — переправы князя Владимира Андреевича черезъ рѣку: «Возвѣявшу со востока вѣтру, и в нем гром и молніа,... стук стучит а гром гремит по зарѣ по ранней: возится княз Володимеръ Ондрѣевич реку Москву на красном перевозе Брашевском».

д) Пятая вставка, послѣ разсказа о приходѣ великаго князя на Коломну, дополняетъ изображеніе готоваго на бой русскаго

войска: «И начаша мнози гласы ратных троуб трубити и варганы тепоут... в саду Панѳилове»... Я уже указывалъ выше на отношеніе этого мѣста къ Повѣданію.

е) Разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто будущаго побоища находится въ 1 редакціи. Эпизодъ этотъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ Повѣданіи, и во 2 редакціи онъ значительно распространенъ противъ первой, такъ какъ редакторъ имѣлъ Повѣданіе подъ руками [1]).

ж) Такой же характеръ, какъ и предыдущее распространеніе, носитъ картинное изображеніе русскаго стана, представлявшагося взорамъ великаго князя: «Аки нѣкия свѣтилници солнечныя луча испущающе и всюдѣ светящеся... и стязи ревут наволоченыя, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще»... Это все мѣсто вновь обработано редакторомъ по Повѣданію.

з) Въ разсказѣ о засадномъ полкѣ вліяніе Повѣданія сказалось въ поэтическомъ сравненіи воиновъ, выѣхавшихъ на татаръ съ соколами, ударившими на стада гусиныя.

и) Формула общей битвы также нѣсколько измѣнена подъ вліяніемъ Повѣданія: первая часть формулы, общая въ 1 редакціи съ Лѣтописной Повѣстью, опущена, а вторая, ограниченная въ 1 редакціи только сравненіемъ: бояре и князи «аки древеса склоняхуся на землю» — распространена сравненіемъ битвы съ грозою, взятымъ изъ писанія Софоніи.

к) Наконецъ, вмѣсто перечисленія убитыхъ «на сступѣ» въ 1 редакціи, перечисленія, взятаго изъ Лѣтописной Повѣсти, 2 редакція, опускающая, какъ замѣчено, все изъ этого памятника, пользуется счетомъ, который ведетъ въ Повѣданіи (по списку Ундольскаго) Михайло Александровичъ, московскій бояринъ. Это перечисленіе («Нѣтъ, государь, у нас сорока бояринов московских»...) является послѣдней, девятой вставкой

1) Этотъ разсказъ не имѣетъ ничего общаго съ упоминаніемъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, находящемся въ Лѣтописной Повѣсти и въ 1 редакціи и выпущеннымъ, какъ я говорилъ, во второй редакціи Сказанія.

изъ Писанія Софоніи. Какъ я говорилъ выше, всѣ эти вставки измѣнены редакторомъ противъ первоначальнаго текста.

Изъ украшающихъ вставокъ, взятыхъ изъ другихъ памятниковъ, отмѣчу заимствованіе изъ житія Ареѳы, находящееся въ 1 редакціи только въ спискѣ Древняго Лѣтописца. Эта вставка, иллюстрирующая рѣчь великаго князя въ отвѣтъ на просьбу бояръ — щадить себя и не сражаться въ первыхъ рядахъ, какъ простой воинъ, повліяла на измѣненіе плана 2 редакціи:

1 редакція.	2 редакція.
Грамота отъ Сергія передъ битвой.	
Уряженіе полковъ.	Увѣщательная рѣчь бояръ
Видъ обѣихъ сходящихся силъ.	великому князю.
	Отвѣтъ Дмитрія (вставка объ Ареѳѣ).
	Уряженіе полковъ.
Мамай съ холма смотритъ на битву.	
Бой.	
Разсказъ о чудѣ съ вѣнцами.	
Увѣщательная рѣчь бояръ.	
Отвѣтъ великаго князя (Ареѳа только въ Д.).	
Разсказъ о засадномъ полкѣ.	

Изъ этой схемы видно, что вторая редакція имѣла цѣлью оттѣнить рѣчь бояръ и отвѣтъ имъ великаго князя, поставивъ ихъ передъ повѣствованіемъ о боѣ. Въ 1 редакціи послѣдовательность нарушена: не къ чему вспоминать о томъ, что говорили бояре, уже *послѣ боя*; расположеніе частей — лучше во 2 редакціи, гдѣ вполнѣ естественно, что бояре *до* битвы просятъ великаго князя беречь себя.

Самый разсказъ объ Ареѳѣ во 2 редакціи по изложенію гораздо полнѣе, чѣмъ въ Древнемъ Лѣтописцѣ; въ послѣднемъ, какъ я говорилъ выше, это мѣсто носитъ характеръ интерполяціи:

Древній Лѣтописецъ.

И потомъ и сіе приреченъ имъ: братіе, сами чтете и помните мученіе святаго великомученика Арефы; егда мучитель хотяше посѣщи его, и съ нимъ вся воины подручники его приведени же быша къ посѣченію, и другъ предъ другомъ спѣшаху на посѣченіе, доблій же мученикъ Арефа возбрани всему своему войску и рече имъ: азъ, братіе, у земнаго царя преже васъ и болши васъ дары взимахъ, нынѣ же преже васъ хощу видѣти небеснаго царя.

2 редакція.

...Но паче вѣсте и разумѣите мучение святаго мученика Ареѳы: егда мученъ бысть царемъ амиритским и Дунасом жидовином и, по многих муках, повелѣ его царь усекнути, и крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единоумно вси главы своя под меч кланяху, видяху конец живота своего. И един нѣкоторыи воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не аз ли у земнаго царя на пиру преж вас чару пріимах, а ныне також хощу преж вас христову чашу пити и преж вас умрети и венець от рукы Христовы приняти. И приступив воин главу ему отсече и последи 500 воин усечени быша. И нынѣ, братие, кто есть болѣ мене в русских сынех, но аз вам глава, а мнѣ Богъ глава . . . да опщую чашу имам с вами пити и общею смертію имам умрети с вами вмѣсте.

Органичность вставки находится во 2 редакціи, въ Древнемъ Лѣтописцѣ помѣщено сокращеніе, по всѣмъ вѣроятіямъ, не непосредственно изъ житія, а изъ заимствованія, подобнаго изложенному.

Остальныя добавленія касаются опять скорѣе улучшенія текста, чѣмъ редакціонныхъ поправокъ. Редакторъ или называетъ намѣченныя въ 1 редакціи молитвы, напр., — епископъ Герасимъ, встрѣчая въ Коломнѣ великаго князя съ крестами, «со всѣми клиросы» и осѣняя его крестомъ, произноситъ молитву: «Спаси Боже люди своя»; или распространяетъ ихъ риторически: молитва Дмитрія передъ началомъ боя живоносному кресту — распространена упоминаніемъ о царѣ Константинѣ греческомъ, которому тоже «сим образом явился» крестъ; наконецъ вводитъ новыя: тамъ, гдѣ 1 редакція кратко указываетъ, что князь Владиміръ прочелъ молитву передъ выѣздомъ изъ дубравы, 2 редакція приводитъ текстъ молитвы, очень неоригинальный: онъ скомпанованъ изъ выраженій, заимствованныхъ изъ предыдущихъ молитвъ великаго князя: «Господи Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, не даи ж нас поработити врагом нашим, ни порадоватися врагу діаволу, но мало показни, а много помилуй».

Таковы всѣ главнѣйшія отличія текста второй редакціи отъ первой. Я уже говорилъ, что планъ разбираемой редакціи Сказанія вполнѣ совпадаетъ съ планомъ 1 редакціи. Отступленія (мною отмѣченныя) встрѣчаются только тамъ, гдѣ редакторъ вводилъ новый разсказъ. Къ такимъ отклоненіемъ присоединю послѣднее, въ самомъ концѣ Сказанія, вызванное введеніемъ эпизода изъ Повѣданія о счетѣ побитымъ:

1 редакція.	2 редакція.
Объѣздъ побоища. Наѣзжаютъ на Пересвѣта.	
Счетъ убитыхъ (= Лѣт. Пов.).	
Рѣчь великаго князя.	Счетъ убитыхъ (изъ Повѣданія).
	Рѣчь великаго князя.
Видѣніе вѣнцовъ.	
Бѣгство Олега.	Возвращеніе домой.

Возвращеніе домой. Бѣгство Олега.
Разсказъ о погибели Мамая.
Конецъ Сказанія [1]).

Однообразіе схемы должно указывать на зависимость второй редакціи отъ первой. Выше я говорилъ, что Кипріановская редакція представляетъ уже извѣстную обработку первой редакціи, сдѣланную редакторомъ Никоновскаго свода. Нужно думать, что вторая редакція *произошла отъ того же протографа*, изъ котораго вышла Кипріановская, но обрабатывалась вполнѣ самостоятельно. Протографъ 1 редакціи, изъ котораго, слѣдовательно, вышли Кипріановская и вторая редакціи, до насъ, повторяю, не дошелъ.

Извѣстные мнѣ два списка 2 редакціи, принадлежащіе къ XVI вѣку, уже носятъ слѣды неточностей и искаженій, являющихся результатомъ ряда переписокъ. Съ другой стороны Сказаніе 2 редакціи обработано по первой. Слѣдовательно, время возникновенія этой редакціи слѣдуетъ относить къ тому же XVI вѣку. Еще ближе время можетъ быть опредѣлено слѣдующимъ соображеніемъ: Великій князь въ своей рѣчи ссылается на житіе Ареѳы и говоритъ: «паче вѣсте и разумѣйте мучение святаго мученика Ареѳы: егда мученъ бысть *царемъ амиритским и Дунасом жидовином*»... Объ этихъ лицахъ разсказывается въ житіяхъ Григорія Омиритскаго и Ареѳы, помѣщенныхъ въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеяхъ подъ 19 декабря и 24 октября. Житіе Григорія Омиритскаго было переведено для Четьихъ-Миней. Отсюда, время возникновенія 2 редакціи слѣдуетъ относить къ концу второй половины XVI вѣка.

Кромѣ знакомства съ вышеприведенными житіями, редакторъ вообще представляется человѣкомъ книжнымъ. У него есть свои ссылки на Евангеліе, Апостолъ, Патерикъ, Псалтырь.

---

1) Обращу вниманіе, что во 2 редакціи *нѣтъ* заключительнаго *разсказа о возвращеніи великаго князя съ побѣдою въ Москву*. Разсказъ этотъ, повторяющій предыдущій матеріалъ, замедлялъ изложеніе и былъ выброшенъ редакторомъ.

Онъ знаетъ житіе Александра Невскаго, въ разсказѣ о раскаяніи Олега рязанскаго, онъ ссылается на Сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ. Широко распространенное въ нашей старинной письменности, это Сказаніе помѣщено между прочимъ въ тѣхъ же Четьихъ-Минеяхъ.

Я говорилъ, что 2 редакція отличается чрезвычайнымъ обиліемъ молитвенныхъ обращеній, вложенныхъ въ уста дѣйствующихъ лицъ. Характеризуя религіозно-поэтическое настроеніе редактора, это обстоятельство предполагаетъ за нимъ знаніе не только Псалтыри, дававшей главный матеріалъ для содержанія, но и знаніе молитвенныхъ книжныхъ формулъ, необходимыхъ для внѣшняго выраженія.

Со 2 редакціи, наконецъ, начинается пользованіе Повѣданіемъ, какъ матеріаломъ для украшенія стиля. Въ разбираемой редакціи этихъ выдержекъ всетаки меньше, чѣмъ въ третьей: редакторъ пользуется матеріаломъ въ мѣру. При разборѣ Повѣданія я указалъ предположительно на причину, благодаря которой писаніе Софоніи дошло въ незначительномъ количествѣ списковъ: удачная мысль соединить оба памятника сдѣлала Сказаніе несравненно болѣе популярнымъ.

Принимая во вниманіе стройность изложенія, заботу о стилистической отдѣлкѣ, стремленіе освободиться отъ замедляющихъ ходъ разсказа повтореній (я уже сказалъ, что выпущено все неидущее къ дѣлу заключеніе 1 редакціи), — надо признать, что Сказаніе 2 редакціи съ внѣшней стороны представляется вполнѣ литературнымъ памятникомъ. Что касается содержанія, то редакторъ, умѣло избѣжавъ пристрастной тенденціи, постарался придать памятнику характеръ объективнаго историческаго повѣствованія. Въ этотъ разсказъ искусно вплетена основная идея: торжество православнаго начала надъ безбожіемъ поганыхъ. Русь сильна своимъ православнымъ духомъ, и всякая поганая сила не можетъ устоять противъ народа, на которомъ почіетъ благодать божія. Точка зрѣнія — не оригинальна, но характерна для того времени, когда создалась 2 ре-

дакція. О Москвѣ сложилось представленіе, какъ о центрѣ православія, преемственно перешедшаго къ ней отъ Византіи. Это перенесеніе древняго политическаго значенія Византіи на Москву уже успѣло создать рядъ легендъ, поэтически представлявшихъ это преемство — Сказанія о Вавилонскомъ царствѣ, о князьяхъ владимирскихъ. Руководящій смыслъ этихъ сказаній, какъ говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]), былъ опредѣленно высказанъ въ Степенной книгѣ, авторитетномъ трудѣ митрополита Макарія. Владиміръ принялъ діадиму и вѣнецъ греческаго царя — «мужества ради и благочестія». Послѣ паденія Константинополя это древнее благочестіе должно было окончательно утвердиться и засіять въ Москвѣ — третьемъ Римѣ. Отсюда — уже одинъ шагъ до гордаго сознанія своего превосходства, покоящагося исключительно на преемственно полученной благодати. Отсюда понятна исходная точка умозаключеній Грознаго: «земля правится божіимъ милосердіемъ, пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, послѣди — нами, государями своими».

Эту же точку зрѣнія послѣдовательно проводитъ и 2 редакція Сказанія. Я уже указывалъ въ ней на искусно проведенныя параллели — скудоумія, робости и безсилія духа союзниковъ и — горячей вѣры, непоколебимой надежды и христіанской любви братьевъ Дмитрія и Владимира и другихъ героевъ повѣсти. Чтобы оттѣнить христіанское правое дѣло, редакторъ вставляетъ еще цѣлую повѣсть о приходѣ Ольгердовичей, возставшихъ на своего брата, пребывающаго въ поганствѣ. Тонъ повѣсти выдержанъ; возникнувъ въ эпоху Грознаго, этотъ памятникъ, конечно, и не могъ не отразить на себѣ господствовавшаго тогда міровоззрѣнія.

---

1) Исторія русской литературы. Т. II, стр. 8.

ГЛАВА VI.

Сказаніе третьей редакціи.

Сказаніе 3 редакціи извѣстно мнѣ по слѣдующимъ спискамъ: *Императорской Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. № 342; 2) Q. XV. № 31; 3) Q. XV. X. № 70; 4) Q. XVII, № 169; 5) собранія гр. Толстого I, 447; 6) собранія гр. Толстого II, 442; 7) собранія гр. Толстого III, 32; 8) собранія гр. Толстого III, 93; 9) собранія Погодина 1555; 10) собранія Погодина 1574; 11) собранія Погодина 1595. *Императорской Академіи Наукъ*: 12) 16. 17. 22; 13) 16. 13. 2. *Общества Любителей Древней Письменности*: 14) № 38 oct.; 15) № 1886. L. *Румянцевскаго и Публичнаго Музеевъ*: 16) № 378; 17) № 3123; 18) № 3155; 19) собранія Ундольскаго № 578; 20) собранія Ундольскаго № 772; 21) собранія Большакова № 435. *Московскаго Историческаго Музея*: 22) № 40039. *Собранія гр. Уварова*: 23) № 492; 24) № 802, и 25)—списокъ, принадлежащій *проф. М. И. Соколову*.

Къ 3 редакціи слѣдуетъ еще относить списки, напечатанные Снегиревымъ въ III томѣ Русскаго Историческаго Сборника: 26) Тимковскаго; 27) Снегирева; 28) Ермолаева и 29) Царскаго [1]). Наконецъ — 30) отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ сборникѣ памяти Л. Н. Майкова. Со спи-

1) Извѣстный Снегиреву еще списокъ кн. Оболенскаго — слѣдуетъ относить къ 4 редакціи.

скомъ, напечатаннымъ Сахаровымъ, я не считаюсь, такъ какъ Сахаровскій текстъ — простая перепечатка изданія Снегирева[1]).

Замѣчаніе, не разъ высказываемое, что переписчики, списывая Сказанія, какъ бы отступили отъ своего обыкновенія — копировать оригиналъ и занялись самостоятельнымъ пересказомъ содержанія, т. е. каждый скорѣе былъ редакторомъ, чѣмъ переписчикомъ — приложимо именно къ спискамъ 3 редакціи. Нѣтъ возможности подвести варіанты къ одному какому-нибудь принятому за основаніе тексту.

Поэтому я раздѣлю указанные списки на группы съ тѣмъ, чтобы каждая могла носить опредѣленный характеръ. Можно указать на два списка, лежащихъ въ основаніи послѣдующихъ группъ 3 редакціи; эти списки: 1) И. П. Б., собранія гр. Толстого III, 32 и 2) Рум. М., собранія Ундольскаго № 578. Толстовскій списокъ, какъ лучшій по тексту, напечатанъ мною въ приложеніи.

Третья редакція въ общемъ сохраняетъ тотъ же планъ, что и вторая. Отступленія весьма незначительны: 2 редакція помѣщаетъ разсказъ объ устроеніи засады передъ разсказомъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца, въ третьей — примѣты помѣщены раньше. И затѣмъ въ концѣ, счетъ убитымъ боярамъ и благодарственная рѣчь Дмитрія во 2 редакціи поставлены передъ разсказомъ о похоронахъ убитыхъ, 3 же редакція — послѣдній эпизодъ помѣщаетъ прежде.

Въ остальномъ *планъ 3 редакціи детально совпадаетъ съ планомъ второй.*

Отличительной особенностью 3 редакціи является *подстановка имени Ольгерда вмѣсто Ягайла.* До сихъ поръ на это обстоятельство указываемо было какъ на анахронизмъ. На

---

1) Я не могъ воспользоваться списками Сказанія: 1) собранія Вахрамѣева въ Ярославлѣ и Московскаго Историческаго Музея: 2) № 1554/35805; 3) № 247/29593 и 4) № 1389/23539. Еще, конечно, существуютъ неизвѣстные мнѣ списки, но въ указанныхъ 30 спискахъ всѣ особенности 3 редакціи выступаютъ вполнѣ достаточно.

самомъ дѣлѣ, здѣсь искусный пріемъ редактора, съумѣвшаго придать особый интересъ разсказу. Повѣсть второй редакціи объ Ольгердовичахъ, пришедшихъ помочь русскому, православному дѣлу и этимъ возставшихъ на родного брата, казалась не достаточно оттѣняющей эту чисто христіанскую жертву. Нужно было заставить ихъ, для усиленія впечатлѣнія, возстать на родного отца, чтобы совершить «подвигъ добрый» съ точки зрѣнія редактора. «Не сумняй же ся брате, говоритъ князь Андрей въ 3 редакціи, яко отцу противитися нам! Якож евангелист Лука рече усты Господа нашего Іисуса Христа: предани будете родители и братіею и умртвитеся, имени Моего ради». Для Дмитрія и Владимира помощь Ольгердовичей естественно должна была казаться особымъ промысломъ божіимъ: «такова милость божіа, яко не удобь бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляють и поругашяся, яко иногда вълсви Ироду». Что «дѣти оставили отца» — объ этомъ великій князь посылаетъ вѣсть въ Москву, и митрополитъ приказываетъ по всѣмъ церквамъ возносить «сугубыя» молитвы къ Богу. Редакторъ не только послѣдовательно проводитъ эту точку зрѣнія въ отношеніи Ольгердовичей къ своему отцу, но даже Олега рязанскаго заставляетъ отправить съ грамотами къ Мамаю своего «сына».

Пріемъ редактора, несомнѣнно, удался: разсказъ выигралъ въ занимательности: Сказаніе, съ именемъ Ольгерда, стало излюбленнымъ чтеніемъ, оно было очень распространено и совсѣмъ вытѣснило 1 и 2 редакцію, извѣстныя въ весьма незначительномъ количествѣ списковъ.

Перейду къ характеристикѣ основного (Толстовскаго) списка.

Съ внѣшней стороны, какъ и всякая болѣе поздняя по происхожденію рукопись, Толстовскій списокъ отличается отъ 2 редакціи, главнымъ образомъ *по слогу*. Измѣненія въ слогѣ сводятся прежде всего къ подновленію, прибавкѣ лишнихъ эпитетовъ, затѣмъ къ распространенію эпизодовъ путемъ многословности и витіеватости:

Вм. «вниде в сердце его подстрекател діавол, како всегда пакости деяше христьанству» — въ Т.: «и начатъ подстрѣкати его діаволъ и вниде вь сердце его напасть роду христіанскому».

Мамай начинаетъ говорить къ своимъ «еулпатом и *ясаулом*»... и *всѣм татаром*, обращается со словомъ: «*къ своему великому воинству*»; союзники обращаются къ нему съ эпитетомъ: «вольный».

Послѣ: «аще кто держитъ добраядѣтели» — Т. прибавляетъ: «и на Бога упованіе възлагаетъ»; и ниже, въ томъ же разсужденіи, прибавлено: «Господь Богъ можетъ живити и мертвити».

Послѣ: «моим имянем» (напуганъ будетъ Дмитрій) прибавлено: «црьскым и грозою»...

Въ рѣчи Кипріана къ Дмитрію слова: «Сам вѣси закон божий, кто творяй правду, не подвижютца нань человѣцы» — замѣнены въ Т. разсужденіемъ: «Просвѣти си веселиемъ очи сердца, законъ божій чтеши и твориши правду, яко праведенъ Господь и правду възлюби. Нынѣ же обыдоша»...

Вмѣсто: «кто... оумрет мене ради, то и аз покою его», поставлено: «кто постражетъ имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею въсприимет жывотъ вѣчный». Конецъ молитвы великаго князя святителю Петру весь передѣланъ риторически: «И тебѣ нынѣ подобаетъ о нас грѣшныхъ молитися, *да не пріидет на нас рука смертная и рука грѣшніча да не погубіть нас.* Ты бо еси стражь нашь *крѣпкый и от супротивных нападеній, яко твоа есмы пастѣна*».

Въ размышленіи Олега «кому приложиться» замѣчается подновленіе: вм.: «вѣстника» — «приключника»; вм. «како мыслити» — «како иметь мысліти»; вм.: «не подобает великому князю противу безбожнаго царя стояти» — «не подобаетъ русскым князем противу въсточнаго царя стояти. *И нынѣ убо, что разумѣю, откуду убо ему помощь сіа пріиде, яко противу трех насъ въоружися*».

Еще бо́льшія разночтенія представляются въ дальнѣйшемъ развитіи этого эпизода:.

2 редакція.

...но и боле мене разумѣл Ягайло литовски, но и тот оскудѣх умом, не оного ж взыщет Богъ, но мене: онъ имѣет закон Гугниваго Петра, аз же имѣх правый закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ рече: аще раб не сохранит закона господина своего, то бьен будет много. Нынѣ убо что сотворю и которому вдамся...

3 редакція.

...нъ и паче мене разумнѣе Волгордъ литовскый. Нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣх истінный законъ божій. Нъ что ради поплъзохся. И збудется на мнѣ реченное Господомъ: аще рабъ, вѣдаа законъ господина своего, преступить, бьенъ будеть много. Нынѣ убо, что сътворих: вѣдый законъ Бога, сътворителя небу и земли и всея твари, а приложихся нынѣ къ нечестивому царю, хотящу попрати законъ божій. Нынѣ убо, которому...

Послѣ: «живота гонзнуся» — прибавлено: «и преданъ буду въ гену огненую мучитися». Указывается, въ чемъ состояло «многое множество» воинства великаго князя: «вся Русь и словены».

Въ концѣ разсказа объ Ольгердовичахъ разговоръ ихъ съ великимъ княземъ распространенъ несомнѣнно для того, чтобы остановить вниманіе читателя на подвигѣ братьевъ:

2 редакція.

Рече же княз великій: Братия моя милая, коея ради потребы пріидосте сѣмо, но Господь посла васъ в пут свой.

3 редакція.

Рече ж к ним князь великій: Братіа моа милаа, кіа раді потребы пріидосте сѣмо. *Они ж рекоша: Господь Богъ посла насъ*

Воистинну естя ревнители праотца нашего Аврама, яко от племени воскорми Лота, яко аще подобни естя доблественному великому князю Ярославу, яко той отомсти обиду братии своей.

к тебѣ на твою помощь. Княз же великій рече: Въистінну ревнители есте праотца нашего Авраама, *яко тъи въскорѣ Лоту помо́же*, и еще есть ревнітели доблестному великому князю Ярославу, яко тъи отмсти кровь братьа своея.

Изображеніе собравшихся на кровопролитіе звѣрей и птицъ продолжено новыми образами: «орли... слѣтошася, *по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно вьють*».

Къ молитвѣ великаго князя передъ знаменемъ присоединенъ обыкновенный конецъ: «Отца и Сына и святаго Духа, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь». Въ этой же молитвѣ Петръ носитъ эпитетъ: «новаго чюдотворца».

Въ началѣ разсказа о примѣтахъ Волынца, въ видѣ вступленія, приведены слова послѣдняго: «Хощу, государь, в нощь сію примѣту свою испытати». Дальнѣйшее изложеніе также распространено: вм. «назади их» — «съзади ж плъку татарьскаго»; вм.: «по деснои ж стране» — «по деснои ж странѣ плѣну татарскаго». Что касается текста примѣтъ, то поэтическіе образы въ Т значительно испорчены противъ 2 редакціи. Въ концѣ разсказа находится слѣдующее добавленіе: «А твоего христолюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врѣхъ, твоа слава будеть. Слышавъ ж то князь великій прослезися и рече: Господу Богу вся възможна: всѣх нас дыхание в руцѣ его».

Видѣніе Ѳомы Кацибѣева украшено риторическими добавленіями: «уноши, *имуща на себѣ свѣтлыи багряница»... лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ* у них острые мечи».

Картина готоваго на бой русскаго войска распространена на основаніи матеріала, находящагося въ этомъ же мѣстѣ во 2 редакціи: «И кождо воин идет под своим знаменем и видѣти

добрѣ *урядно плъкы уставлены поученіемъ крѣпкаго въеводы Дмитреа Боброкова Волынца.*

Въ разсказѣ о битвѣ находится много несущественныхъ риторическихъ добавленій: «гости... ведуть промеж собою поведеную, *предніи уже испіша* и весели быша *и уснуша.* Уже бо врѣмя подобно, и *час пріиде храбрость свою коемуждо показати*». «*Богатыри ж русскыа и воеводы* и удалыа люди... клонятся». О великомъ князѣ, раненомъ и скрывшемся въ дебри, сказано, что онъ «божиею силою съхраненъ бысть».

Послѣ словъ князя Владимира (въ засадѣ): «кому нам пособити» прибавлено: «уже наши князи и бояре, вси русскые сынове напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится». И въ отвѣтѣ ему Волынца, послѣ: «начинаай без времени, вред себѣ приемлеть»: — «класы бо пшеничныа подавляеми, а трьніе ростуще и буяюще над благородными». И далѣе, вмѣсто: «в сей час Бога призывайте» — «нынѣ токъмо повели всякому въину Богу молитися», и въ обращеніи Волынца къ воинамъ прибавленъ эпитетъ послѣднимъ: «буявіи сынове рустіи».

Картина пораженія татаръ дополнена: Мамай отдаетъ приказъ о бѣгствѣ, увидя, что «новыа люди, яко лютіи звѣріе ристаху и изрываху, аки овчее стадо»...

Въ разсказѣ о сборѣ побѣдоноснаго воинства на полѣ битвы, дополненія носятъ характеръ почти интерполяцій: послѣ словъ: «грядуще ж весело, ликующе»... прибавлено: «Кійждо въинъ едет, радуася, на трубный гласъ», и ниже, гдѣ великій князь изображается плачущимъ и радующимся среди убитыхъ, текстъ добавляетъ: о убіеных плачется, а о здравых радуется».

Благодарственная рѣчь къ войску въ началѣ дополнена благодарственной же молитвой Дмитрія: «Слава тебѣ вышній Творецъ, Царю небесный, милостивый Спасъ, яко помиловал еси нас грѣшных, не предал есі нас в руцѣ врагом нашим, поганым сы(ро)ядцем».

Приведенныя распространенія текста Т, какъ видно, не идутъ далѣе простыхъ повтореній, передѣлокъ того же матеріала

на риторическій ладъ и прибавки эпитетовъ. Но есть въ разбираемомъ текстѣ мѣста, гдѣ онъ, будучи дополненъ противъ текста второй редакціи, представляетъ однако лучшее чтеніе, близкое къ тексту 1 редакціи: а) Во вступленіи:

2 редакція.	3 редакція.
«Момай нача завидети первому безбожному Батыю и новому Уліану, нача испытывати от старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимерь и всю русскую и словенскую землю. Они ж сказаша ему, како уби *Дмитрея Юрьевича* и иныя многи православныя князи изби и многи монастыри оскверни и вселенную церковь пречистую, златоверхую разграбил и *бысть убо плененіе велико*...	Мамай начатъ хвалитися и поревновавъ второму Иуліану отступніку, царю Батыю и нача спрашивати старых татаръ, како царь Батый плѣнилъ русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како плѣнилъ русскую землю царь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимерь и всю Русь, Словенскую землю и великого князя *Юрья Дмитреевичя* убилъ и многых православных князей избилъ и святыа церкви оскверни и многы манастыри и села пожже, и в Володимерѣ вселенскую церковь златаверхую разграбилъ, *ослѣплену же ему умомъ*...

Текстъ 3 редакціи въ этомъ случаѣ стройнѣе, понятнѣе, цѣльнѣе и ближе къ тексту 1 редакціи. Въ имени князя — безусловно ошибка во 2 редакціи: владимирскимъ княземъ при Батыѣ былъ Юрій; конечная фраза также не понята: Батый долженъ былъ быть «ослѣпленнымъ умомъ», такъ какъ не сообразилъ и не зналъ: «како Господу годе, тако и будетъ». «Плененіе» 2 редакціи — не понятое слово: «ослѣплену».

б) Передъ словами: «Яко Господня рука высока есть» вставленъ явный пропускъ 2 редакціи: «А не вѣдый того ока(я)нный».

в) Вставка въ рѣчь великаго князя изъ житія Ареѳы — хотя и не полнѣе въ 3 редакціи, но болѣе обработана и стройнѣй:

2 редакція.

«Егда мученъ бысть царемъ Амиритским и Дунасом жидовином, и по многих муках повелѣ его царь усекнути. И крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единоумно вси главы своя под меч кланяху, видяху конец живота своего. И един нѣкоторый воевода возбрани своему войску и рече: вѣдаете, брате, не аз ли у земнаго царя на пиру преж вас чару пріимах, а нынѣ також хощу преж вас христову чашу пити и преж вас умрети и венець от рукы Христовы приняти. И приступив воин, главу ему отсече и послѣди 500 воин усечени быша».

3 редакція.

«Внегда мученъ бысть, и повелѣ царь вести и на позорище и мечемъ иссѣщі а, доблии ж его друзи, единъ пред единымъ скорить, койждо ихъ свою главу усѣкателю под мечь клонять за Ареѳу, въеводу своего, вѣдяще убо почесть побѣды своеа. Ареѳа же въевода рече въином своимъ: вѣсте убо, братіа моя, у земнаго царя не азъ ли преж васъ почтенъ бых, земныа чьсти и дары взимах. И нынѣ преди ити подобаеть ми и къ небесному царю, и главѣ моей преж усѣченѣ быти, пачеж вѣньчанѣ. И приступль мечнік и усѣкну главу его, послѣд же и въином его усѣкну главы».

Что касается разночтеній текста Т сравнительно съ текстомъ второй редакціи, то, въ большинствѣ случаевъ, текстъ Т представляетъ лучшее чтеніе, зависящее или отъ того, что протографомъ текста Т былъ исправный списокъ, или же отъ того, что 3 редакція въ основаніи сохранила лучше чтеніе 1 редакціи.

Укажу эти разночтенія:

а) вм. «ров изры, ископа и впадеся в него» — «не рой, ни копай врагу своему ямы» ... = 1 ред.

б) вм. «во всем, отче, доволно по отецъ своих уставу, но и еще болѣ воздах ему» — «испытахомся, отче, повелику, яко все по отець наших преданію, еще ж нъипаче въздахом ему» ... = 1 ред.

в) разсказъ о посланіи первой стражи весь = 1 ред.:

2 редакція.

... начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожу крѣпкаго стража Родивона Ржевского, да Якова Ондрѣева сына Волосатого, да Василя Тупика. И повелѣ им ѣхати близ Орды и языки добыти, дабы истинну слышати царева хотѣніа. Княз ж великій грамоты розосла по всеи своей области ...

3 редакція.

... здумаша, яко сторожу тверду уготовіті в Полѣ. И посла на сторожу изъбранных своих крѣпкых оружнікъ — Родиона Ржевъскаго, Андрѣа Волосатаго, Василіа Тупика, Якова Ослябятова и иных с німи крѣпкых юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣати съ всякым усердиемъ и под Орду ехати и языкъ добыти, истину слышати царева хотѣніа. А самъ князь великій по всей русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всѣм градомъ ...

г) та же близость къ 1 редакціи замѣчается въ разсказѣ о посланіи второй стражи.

д) вм. «повелѣ писати, да будете готови вси на Успеніе» ... — «повелѣ всему въинству своему быти на Коломнѣ, на Усспеніе» ... = 1 ред.

е) имена князей по списку Т: «князь Андрѣй Кѣмъскый, князь Глѣбъ Каргополской, и Андомскыа князи, пріидоша ж Ярославскыа князи с своими силами: князь Андрѣй Ярослав-

ский, князь Романъ Прозоровскый, князь Левъ Курбьскый, князь Дмитрей Ростовскый» ... = 1 ред.

ж) вм. «и поведа ему все, еже сотвори ему преподобный Сергей» ... — «повѣдаеть единому митрополиту, еже рече ему старецъ святый Сергій тайно» ... = 1 ред.

з) къ названію мѣста «Березуй» прибавлено: «яко за двадесят и три поприща до Дону» — указаніе такое же, какъ въ 1 ред.

и) текстъ Т дополняетъ очевидный пропускъ 2 ред., гдѣ послѣ словъ: «общею смертью умрем ото князя и до простыхъ людей», поставлено: «тѣм бо словесем крепится» . . .: въ 3 редакціи: «общую смерть пріиміемъ от князей и до простых людей. *Тебѣ ж нынѣ, государю великому князю, оставити смертнаа, буйными глаголы глаголати*, и тѣми словесы крѣпится» ...

і) ближе по изложенію къ 1 редакціи разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца: Волынецъ беретъ съ собою великаго князя «единаго», а не съ Владимиромъ и литовскими князьями, какъ во 2 ред. Что касается повѣствованія о самихъ примѣтахъ, то списокъ Т въ общемъ весьма близокъ къ тексту 2 редакціи, въ свою очередь, близко подходящему къ первой.

к) послѣ разсказа о видѣніи Ѳомы Кацибѣя, 3 редакція говоритъ объ устроеніи засаднаго полка въ дубравѣ подъ начальствомъ князя Владимира и Дмитрія Волынца. Порядокъ расположенія частей плана здѣсь одинаковъ съ первой редакціей, а не со второй, которая разсказъ о засадѣ помѣщаетъ раньше, *до* повѣствованія о примѣтахъ Волынца.

л) въ разсказѣ о пришествіи вѣстника отъ преп. Сергія въ 3 редакціи находится явный пропускъ второй:

2 редакція.	3 редакція.
Княз же великій сѣд хлѣбецъ святыя Троица: пречистая	Князь ж великій снѣде хлѣбець святый *и, простеръ руцѣ*

Госпоже Богородице, помогай намъ...	*свои, възопи велегласно*: О велико имя всесвятыа Троица, о пресвятая Госпоже Богородице, помогай намъ...

м) вм.: «передовой полкъ ведетъ Дмитрей Всеволож, да Володимеръ, брат его, а с правую руку идет Микула Василевич с коломенцы и с ыными со многими»... — «передовой плъкъ ведеть князь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — князь Владимеръ Всеволодичь, а с правую руку плъкъ ведеть Микула Васильевичь с коломнічи, а лѣвую ж руку плъкъ ведеть Тимоѳей Волуевичь с костромичи». Исключая ошибки: «князь» Владимиръ Всеволожъ, весь отрывокъ = 1 ред.

н) вм.: «мнози мертвыя помогаху» — «мнозии ж *уязвении*... помагаху» — что, конечно, естественнѣй.

о) 3 редакція опять дополняетъ явный пропускъ 2 редакціи:

2 редакція.	3 редакція.
...Сабур... поведа... яко княз великій добръ здоров и царствует в вѣки. Вси ж князи и воеводы наѣхавше скоро, снидоша с коней и поклонишася...	...Сабуръ... рече: князь великій... здравъ бысть и царствуеть ввѣкы. Вси ж князи и воеводы, *слышавше и скоро суняшас* и падше на ногу его, глаголюще...

Изъ сравненія текста Т со 2 редакціей явствуетъ также то, что нѣкоторыя мѣста, пропущенныя въ текстѣ Т, слѣдуетъ относить не къ сокращенію 3 редакціи, а къ интерполяціямъ второй. Однако отмѣченная выше интерполяція: «Григорья Капустина» *находится* въ текстѣ Т, хотя отсутствуетъ во многихъ другихъ спискахъ 3 редакціи (между прочимъ въ спискѣ У). Присутствіе этой интерполяціи въ разбираемомъ текстѣ [1]) пока-

1) Въ спискѣ Т интерполяція эта читается такъ: «И ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Ея вторичный характеръ здѣсь очевиденъ.

зываетъ, что цѣлая группа списковъ 3 редакціи *развилась изъ второй черезъ списокъ, уже имѣвшій эту интерполяцію.*

Какъ на интерполяцію въ текстѣ Т укажу еще: про иноковъ богатырей говорится: «бѣ бо вѣдомии суть ратніци вь бранѣх, не єдіному сту наездніци». Эта (не совсѣмъ грамотная) вставка отсутствуетъ въ другихъ спискахъ.

Но съ другой стороны — интерполяція 2 редакціи: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣт 158» отсутствуетъ въ текстѣ Т.

На вопросъ великаго князя (во 2 редакціи), сколько силы у Мамая, захваченный въ плѣнъ татаринъ отвѣчаетъ: «неисчетное множество, *исчести некому*». Послѣднихъ двухъ словъ нѣтъ въ текстѣ Т и, нужно думать, что эта прибавка — результатъ списыванія интерполированнаго текста. Такой же характеръ носитъ ниже прибавка къ характеристикѣ Дмитрія Волынца: «И изряден во всем по ряду». Въ текстѣ Т этого нѣтъ.

Наконецъ, слова 2 редакціи: «поганых же побита четыреста тысящь і лежаща трупия мертвых на четыредесять поприщь от обоих стран» — какъ не связанныя органически и отсутствующія въ спискахъ 3 редакціи, можно также признать за интерполяцію 2 редакціи.

Теперь отмѣчу тѣ случаи, гдѣ чтеніе текста Т хуже, чѣмъ во второй редакціи. Такихъ случаевъ немного:

а) слова: «егда аз погрожу ему о своей обидѣ» не поняты текстомъ Т, предлагающимъ такое чтеніе: «гдѣ будеть о своей обидѣ». Ср. чтеніе 1 редакціи: «егда убо о своей обидѣ... погрозихъ»...

б) вм. «иж близ моея власти» — «иже от моего княженіа близъ стоять».

в) вм. «не сотвори ми (въ спискахъ 2 редакціи: «им») зла, слез моих ради» текстъ Т читаетъ: «сътвори ми, Господи, слез моих ради», и все это мѣсто получаетъ иное освѣщеніе.

в) въ разсказѣ о прощаніи княгинь и боярынь съ мужьями, въ текстѣ Т вставлено: «И прочаа княгини и боярыни и слу-

жніе жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлованіе и возвратішася с великою княгинею». Этой фразы нѣтъ во 2 ред., и она — лишняя, такъ какъ дальше еще слѣдуетъ разговоръ великаго князя съ своей женою, уже послѣ этого она уходитъ со свитой.

2) не понято то, что говорится объ Ольгердовичахъ во 2 ред.: «бѣста... отцем и братом ненавидими, но Богом возлюблени, бѣ бо есмя едино крещеніе от мачехи своея, княгини Анны». Текстъ Т читаетъ: «Бѣста бо тѣ князи отцемъ своим князем Волгордом ненавидими были, мачехи ради, нъ нынѣ Богомъ възлюблены и бысть и святое крещеніе пріали».

д) вм. «рындѣ» — читается: «рыделю».

е) увѣщательная рѣчь бояръ къ великому князю въ текстѣ Т передана иначе и хуже:

2 редакція.	3 редакція.
Не подобает тебѣ, государю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стояти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам явитися. Егда спасет тебя Господь великого государя и кому случитца смерть или живот и ты — почему разумѣеш, кого как чтити и кого как жаловати. Мы ж вси готовы есмя головы своя положити за тебя, за ласкова государя, а тобѣ подобает памят творити и в книгах писати, памяти дѣля русских сыновъ, иже по нас будут, яко же иногда Леонтей Ѳеодору Тирону памят сотворити. Аще ли тебе единаго	Не подобаеть тебѣ, великому князю, наперед самому в плъку битися, тебѣ подобаеть особь стояти и нас смотріти, а нам подобает битіся и мужство свое и храбрость предъ тобою явити. Егда тя Господь упасеть милостію своею, и ты разумѣешы, кого чим даровати. Мы же готови есмя въ сей день главы своя положыти за тебе, государя, и за святыа церкви и за православъное христіанство. Тебѣ ж подобает великому князю рабом своим, еліко кто заслужить своею главою, память сътворити, якож Леонтій царь Ѳеодору Тирону, въ кнігы

изгубим, то который успѣх будет нам, и будем, яко стада овчие, не имущи пастуха, учнем скитатися по пустыням, и пришед волцы расхитят ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, государю, подобает спасти себе и нас».

съборныа написаті нас, памяти ради русским сыном, иже по нас будуть. Аще тебе единаго изгубим, тъ от кого имамы чаяти, кто по нас памят сътворить. Аще вси спасемъся, а тебе єдінаго останемъ, тъ кій намъ успѣх, и будем, аки стадо овчее, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивіи влъци распудять и, и разбѣжаться овці кои куды. Тебѣ, государю, подобаеть себе спасти, да и нас».

Въ остальномъ — текстъ Т *даетъ лучшее чтеніе, чѣмъ 2 редакція.*

Наконецъ, текстъ Т отличается отъ 2 редакціи тѣмъ, что нѣкоторые эпизоды послѣдней, носящіе по преемству отъ 1 редакціи, тенденціозный характеръ, въ немъ совершенно сглажены. Это обстоятельство вполнѣ естественно: 3 редакція, хронологически, — болѣе поздняя, многое, что интересовало раньше, уже отошло въ область объективныхъ представленій. Отсюда въ разбираемомъ текстѣ замѣчается: значительное смягченіе отрицательной характеристики Олега, полное отсутствіе намѣренія выставить Дмитрія лишеннымъ всякой иниціативы и окончательное низведеніе Кипріана до степени второстепеннаго персонажа повѣствованія.

Послѣ замѣны имени Ягайла — Ольгердомъ, слѣдующей характерной особенностью текста Т, равно какъ и всей 3 редакціи, является *увеличеніе заимствованій изъ писанія Софоніи.* Текстъ Сказанія пересыпанъ этими выдержками, дающими впечатлѣніе въ иныхъ спискахъ своднаго текста. Во 2 редакціи, какъ было указано, это пользованіе украшающими дополненіями

умѣренно, въ спискахъ третьей — поэтическія цитаты и по количеству и по объему доходятъ до максимальной степени, съ тѣмъ, чтобы уменьшиться, до полнаго почти исчезновенія, въ 4 редакціи Сказанія. Выше, при разборѣ Повѣданія, я привелъ изъ него выдержки, встрѣчающіяся въ Сказаніи 3 редакціи, поэтому не стану указывать на нихъ вновь при разборѣ текста Т, тѣмъ болѣе, что еще придется встрѣтиться съ этимъ вопросомъ при характеристикѣ послѣдующихъ группъ.

Изъ разбора текста Т вытекаетъ:

Сохраняя всѣ характерныя особенности 3 редакціи, текстъ Т по плану детально совпадаетъ съ планомъ 2 редакціи, отъ которой онъ и происходитъ. Въ этомъ особенно убѣждаетъ присутствіе одной и той же интерполяціи: «Григорія Капустина». Текстъ Т — стройнѣе и лучше, чѣмъ текстъ 2 редакціи: улучшеніе зависѣло не отъ одной только редакціонной обработки: выше было указано, что Т мѣстами, и нерѣдко, сохраняетъ лучшее чтеніе, близкое къ 1 редакціи. Отсюда вытекаетъ, что Т произошелъ отъ иного списка 2 редакціи, чѣмъ тѣ, которыми пользовался я: этотъ списокъ, хотя уже интерполированный, сохранялъ лучшее чтеніе 2 редакціи, чѣмъ извѣстные мнѣ, значительно потерпѣвшіе отъ переписки.

Перехожу теперь къ разбору списка У.

Текстъ У представляетъ иногда лучшее чтеніе, чѣмъ не только списки 2 редакціи, но и текстъ Т: онъ всего ближе къ 1 редакціи по расположенію частей и по выраженіямъ; но есть основанія, по которымъ я не могъ принять его за основной списокъ: 1) по времени переписки У явился позже Т, и послѣдній списокъ оказалъ на него нѣкоторое вліяніе, и 2) переписка оставила на немъ цѣлый слой описокъ и мѣстъ явно непонятыхъ. Таковы:

Вмѣсто: «палимъ» — написано: «хвалимъ»; вм. «ехидна» — «едина»; вм. «всесвѣтлый» — «всевѣтный»; вм. «нарекъ» — «нарокъ»; вм. «помощь» — «побѣду»; вм. «силу» — «славу»; вм. «московскаго побѣды» — «морские побѣды»; вм. «Лотови» —

«Лютови»; вм. «Моисѣя» — «Мусіа»; вм. «Римскаго» (короля) — «Суромскаго»; вм. «конь» — «копіе»; вм. «испиша» — «спаша»; вм. «медокормци» — ошибкою написано «мѣдьвезешь». Не поняты цѣлыя выраженія: «на устѣ и рѣкы Воронажа»; «и видить твое смотреніе» — вм. «мы видимъ твое смотреніе нашея грубости»; «неуклонными образы нося»; «не же бо ти вѣнець сія побѣды носити, но и минувших лѣтех»; «силы божьи» — тогда когда говорится о силѣ Олега; «уншим слышати руским оукромѣша, а уншим еще мнозим бран необычны»...; «галици ж с войски гласяху»; «6 часъ приближи ми ся»; «не уклонимся убо на свое», и пр. Есть мѣста выпущенныя, несомнѣнно, изъ за непониманія: о князѣ Владимирѣ: «ему же откры Господь праславную вѣру, яко оному Еустафію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую святым крещеніемъ» — не читается въ У, равно какъ опредѣленіе «подвига» русскаго войска: «его ж на Руси вожделѣша». Спутано перечисленіе князей, пришедшихъ на помощь великому князю. Наконецъ замѣчается присутствіе лишнихъ интерполяцій, вродѣ: «непроходна — сирѣчь глубока»; «убилъ тогда православныхъ христіанъ».

Подобная порча текста, къ сожалѣнію — почти обычная по отношенію къ спискамъ 3 редакціи Сказанія, значительно умаляетъ достоинство этого, во многихъ отношеніяхъ хорошаго текста. По сравнительной древности — списокъ относится къ к. XVI — н. XVII в., по тому, что отъ него зависитъ цѣлая группа списковъ, отличающихся присутствіемъ иногда однѣхъ и тѣхъ же характерныхъ ошибокъ, я долженъ считать и текстъ У за основной.

Я буду разбирать текстъ У, главнымъ образомъ, по сравненію со 2 редакціей, но параллельно укажу и на его отличія отъ текста Т.

Измѣненія въ слогѣ текста У, какъ и въ Т, выразились вставкой лишнихъ эпитетовъ, риторическими распространеніями и подновленіемъ слога. Молитва великаго князя передъ вторичнымъ приходомъ къ Кипріану продолжена риторической

вставкой: «И в предніи дни и приде Исаѳ на брата своего Иякова Израіля, Ияковъ ставъ на градѣ и рече Асафу: брате, Богъ межи мною и тобою, и шибе зъ града копіемъ и уби его».

Такія же риторическія распространенія встрѣчаются въ бесѣдѣ Дмитрія съ Кипріаномъ: «Азъ бо, отче», говоритъ Дмитрій, «пред Богом съгрѣшилъ есмь выше всѣх человѣкъ». Въ отвѣтѣ Кипріана: «Господине, просвѣтився веселыма очима и сердцемъ и законъ божій чтеши и твориши правду». Во 2 редакціи все это — болѣе сжато.

Въ разсказѣ о посѣщеніи обители преп. Сергія выставлены лишніе эпитеты: «*священною* водою», «и рече ему *тайно*». Тоже — въ молитвахъ Дмитрія: «иде ко гробу *чюдотворному* чюдотворца Петра *преблаженнаго*»...

Смотръ войска на Дѣвичьемъ полѣ на Коломнѣ распространенъ вставками въ тонѣ писанія Софоніи: русскіе «наступиша *великія* поля коломенскія»; Дмитрій «рече своему брату Владимеру и своимъ братіям, сколко братіа вою с нами; и рече ему князь Владимеръ Андреевичь: сказываютъ вою с нами у кованой рати».

Рѣчь Олега своимъ боярамъ подновлена: «аще бо мощно намъ послати... таковаго *приключника*, како *имате мыслити*, но застали нам *дорогу*... не подобает *рускому князю* противу *восточнаго* царя стояти... откуду ему прииде помощь, *яко противу нас вооружися*»... *мене жъ мои помысли обличают*». По сравненію же съ Т вся рѣчь эта носитъ болѣе сокращенный характеръ и представляетъ самостоятельную обработку соотвѣтствующаго мѣста 2 редакціи.

Разсказъ о приходѣ Ольгердовичей близокъ по слогу къ Т, что вполнѣ естественно, такъ какъ братья, по 3 редакціи, изображаются возставшими на отца своего. Отмѣченный мною выше пропускъ 2 редакціи въ рѣчи Ольгердовичей, въ текстѣ У изложенъ полнѣе, чѣмъ въ Т: «Тебѣ ж, государю великому князю, подобает оставити смертныя помыслы, уже подобает буйным словомъ глаголати крѣпчайши войском вашимъ видѣти

множеству избранным твоим». Не трудно видѣть, кромѣ того, что здѣсь текстъ — испорченъ.

Донесеніе татарскихъ разъѣздовъ Мамаю — все подновлено: ...«возвратишася, *выѣхавше на мѣсто высоко*, видиша *полци наши* и скоро къ царю *своему* возвратишася, божиим промыслом *многое видѣша людей* и повѣдаша царю своему, *яко четверицею множае их*».

Такой же характеръ носитъ увѣщательная рѣчь Дмитрія передъ боемъ: ...«в сію ж нощь бдѣте... на мѣстех своих *не мятущеся*, *утре бо неудобь мощно*, *како чредитеся*, уже по (чит.: бо) гости наши *ближе суть* на рици на Непрядвѣ *ополчишася*»...

Полнѣе, чѣмъ во 2 редакціи, молитва великаго князя передъ битвой; можетъ быть здѣсь текстъ У сохраняетъ пропуски 2 редакціи; прибавлено: ...«яко Давида на Голиада и пръвому Ярославу на Святополка... не по грѣхом моим въздажь ми, Господи, но призри на ны милостию своею»...

Зато въ формулѣ боя — примѣръ совершенно лишняго добавленія: «не мощно бѣ слышати и изрѣти» — вм.: «не мочно бѣ зрѣти».

Описаніе перваго момента боя, распространяющее соотвѣтствующее мѣсто 2 редакціи, въ У сходно съ Т. Одинаковъ въ обоихъ спискахъ и счетъ побитымъ въ бою воеводамъ. Что же касается описанія второго момента боя, то У, повторяя въ сущности чтеніе Т, измѣняетъ его въ худшую сторону.

Послѣднее обстоятельство заставляетъ вообще считаться съ дефектами У. Я уже указывалъ на ошибки, но онѣ — дѣло переписки. Существеннѣй то, что У въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ худшее чтеніе, происходящее: 1) отъ непониманія соотвѣтствующихъ мѣстъ 2 редакціи и 2) отъ сокращенія сравнительно съ текстами 2 редакціи и съ Т.

1. Въ эпизодѣ о прощаніи Дмитрія и воеводъ съ женами, У, одинаково съ Т, говоритъ, что женщины, отдавъ конечное цѣлованіе, возвратились съ великой княгиней, между тѣмъ далѣе

еще слѣдуетъ разговоръ великаго князя съ женою. Указаніе на возвращеніе — здѣсь, какъ выше указано, не у мѣста; 2 редакція излагаетъ этотъ эпизодъ логичнѣй.

Одинаково съ Т, У не понимаетъ начала разсказа о приходѣ Ольгердовичей; я указывалъ на непослѣдовательность и во 2 редакціи, гдѣ редакторъ колебался, отъ какого лица вести повѣствованіе, почему вмѣсто: «бѣста бо есми отцем и братом ненавидими» — чтеніе 2 редакціи, въ У совсѣмъ безсмыслица: «и от дѣтска мысляще, коего отцем ненавидима». Очевидно, неустойчивость изложенія повліяла на непониманіе этого мѣста въ разбираемыхъ текстахъ.

Въ описаніи прихода звѣрей и птицъ на мѣсто побоища Т нѣсколько продолжаетъ 2 редакцію: послѣ сл. «храбрым сердце утвержается» Т читаетъ: «а иныя ж людие в плъкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша». Дополненіе это, вѣроятно, имѣло мѣсто и во 2 редакціи, но не дошло въ спискахъ, мнѣ извѣстныхъ. Текстъ У, сохраняя эту прибавку, не понялъ ея: «и уншимъ слышати руским укромѣша, а уншим еще мнозим бран необычны». Чтеніе испорчено, но всетаки ближе къ оригиналу, чѣмъ даже чтеніе текста Т.

Вмѣсто «образа Спасова», изображеннаго на знаменахъ, У читаетъ: «образы святыхъ» — несомнѣнно — позднѣйшее осмысленіе.

У читаетъ: покоривъ «под нози его враги Амалика» — явное непониманіе. Испорчены разсказы о бѣгствѣ Мамая и объ участи великаго князя. Въ послѣднемъ эпизодѣ очевидцы разсказываютъ Владимиру, когда и какъ они видѣли въ бою великаго князя: въ У все — скомкано, и послѣдовательность нарушена: ...«видѣхъ его въ 5 час бьющеся палицею своею желѣзною крѣпко. Послѣ того *еще видѣхъ* его бьющеся с четырме печениги, належахуть бо ему велми иные»...

2. Сокращенія въ текстѣ У замѣчаются какъ противъ 2 редакціи, такъ и противъ Т. Я разберу ихъ отдѣльно:

а) Сокращенія противъ текста 2 редакціи:

Во вступленіи сокращены риторическіе эпитеты воздвигшагося на Русь Мамая: онъ называется просто — царь, пропущено — «иконоборецъ».

Выпущена вся отрицательная характеристика Олега.

Нѣтъ эпитетовъ великаго князя: посаженника — присяжника — служебника.

Въ цитатѣ: «путь нечестивых не спѣшится» — нѣтъ окончанія: «правых же пут обрящется».

Нѣтъ заимствованія изъ Писанія Софоніи о посадникахъ новгородскихъ и о «громѣ» рати великаго князя передъ разсказомъ о походѣ къ Троицѣ. Т сохраняетъ вторую половину этой вставки, но и въ немъ нѣтъ о посадникахъ. Отсутствіе всего этого поэтическаго мѣста въ У указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У, когда количество заимствованій изъ Повѣданія еще не было велико.

Благословеніе пр. Сергія передъ битвой черезъ гонца въ У передается кратко.

Сокращена нѣсколько и рѣчь бояръ къ Дмитрію передъ боемъ, но эти сокращенія выпускаютъ сомнительныя (въ смыслѣ интерполяцій) мѣста 2 редакціи.

Нѣтъ вовсе разсказа объ Ареѳѣ въ отвѣтной рѣчи великаго князя боярамъ.

Этимъ У отличается отъ Т, сохраняющимъ этотъ эпизодъ одинаково со 2 редакціей. Что же касается первой редакціи, то, какъ было видно, разсказъ объ Ареѳѣ сохраненъ спискомъ Древняго Лѣтописца. Отсюда явствуетъ, что на образованіе послѣдующихъ редакцій вліяли двѣ категоріи списковъ 1 редакціи: имѣвшіе разсказъ объ Ареѳѣ и списки — гдѣ онъ отсутствовалъ. Происхожденіе У отъ особой отъ Т категоріи еще разъ говоритъ въ пользу поставленія его во главѣ особой группы.

Въ благодарственной молитвѣ Дмитрія послѣ боя выпущены слова: «ни едино жь есть слово доволно к похваленію чюдес твоих». Эта фраза находится въ 1 редакціи, но въ разбираемомъ спискѣ, равно какъ и въ Т — ея нѣтъ.

Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести отсутствіе въ У интерполяціи 2 редакціи: «От Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лѣт 158». Выше было указано, что этой интерполяціи нѣтъ и въ спискѣ Т; отсюда еще разъ явствуетъ, что оба главныхъ списка 3 редакціи пользовались болѣе исправными списками 2 редакціи, чѣмъ тѣ, которыя я имѣлъ подъ рукою.

Таковы сокращенія У противъ текста 2 редакціи. Общій характеръ ихъ не носитъ признаковъ искаженія текста; напротивъ, отмѣченная мною раньше тенденція къ очищенію текста отъ излишнихъ прибавокъ и вообще забота объ ясности слога здѣсь та же, что и въ спискѣ Т.

2) Сокращеній текста противъ Т значительно меньше:

Весь разговоръ Батыя со своими приближенными о предполагающемся походѣ на Русь въ У сокращенъ противъ Т, причемъ это сокращеніе основывается на пропускѣ словъ и выраженій, обличающихъ скомканность этого эпизода.

Такой же характеръ носитъ разсказъ о посланіи Ольгердомъ ярлыка къ Мамаю. Въ этомъ эпизодѣ текстъ Т гораздо ближе ко 2 редакціи, а У представляетъ значительную уже порчу.

Въ разсказѣ о посланіи стражи случайно выпущена фамилія: поставлено «Семена» безъ «Мелика». Это, конечно, можетъ быть пропускомъ писца.

Наконецъ, разсказъ о поѣздкѣ великаго князя по побоищу, по изложенію вообще близкій къ Т, въ послѣднемъ спискѣ заключаетъ рѣчь великаго князя къ воеводамъ: «Братіа, русскиа сынове, князі и бояре и воеводы и дѣти боярьскые, суди вам Господь Богъ тою смертію умрети; положылі есте главы своа за святыа церкві и за православное христіанство». Этой рѣчи въ спискѣ У — нѣтъ.

Итакъ — всѣ сокращенія У противъ Т носятъ характеръ нѣсколько иной, чѣмъ разобранныя выше сокращенія противъ 2 редакціи. Здѣсь они представляютъ уже порчу текста, по сравненію съ Т.

Ошибки при перепискѣ, порча текста сравнительно съ Т, отмѣченныя выше явно непонятыя мѣста — все это, повторяю, заставило меня считать списокъ У дальнѣйшимъ послѣ Т измѣненіемъ 3 редакціи. *Но протографъ разбираемаго списка былъ несомнѣнно гораздо лучше и исправнѣй*: отмѣченная мною связь Т съ 1 редакціей въ разбираемомъ спискѣ — еще ближе: не смотря на порчу, У представляетъ едвали не въ большомъ количествѣ случаевъ сходство съ 1 редакціей, чѣмъ списокъ Т:

1. Витіеватое заглавіе Повѣсти по списку Т — отсутствуетъ въ У. Правда, У сокращаетъ и 1 редакцію, гдѣ заглавіе въ той же степени реторично, но я думаю, что краткое: «Сказаніе о брани благовѣрнаго князя Димитріа Ивановича с нечестивым царем Мамаемъ еллинским» — идетъ изъ протографа 1 редакціи: я выше говорилъ, что распространенное заглавіе для 1 редакціи дано редакторомъ Никоновскаго свода.

2. Въ ярлыкѣ Олега фраза: «злата и богатства много, а князь Дмитрий человѣкъ христіанъ, егда услышитъ имя»... = 1 ред. Даже 2 редакція нѣсколько переставляетъ слова въ этомъ случаѣ.

3. Въ томъ же ярлыкѣ еще разъ встрѣчается буквальное сходство выраженій съ 1 ред.: (Дмитрій убѣжитъ)... «в великый Новьгородъ, или на Двину, а то многое богатство московское все въ твоий руци да будетъ».

4. Одинаково разсужденіе: «не сътвори сусѣду своему зла и не копаи под нимъ ямы, да и тебе Богъ в горшее не вержеть». Во 2 редакціи и въ Т эта цитата сокращена.

5. Въ разсказѣ о пріемѣ пословъ отъ союзниковъ: «Царь Мамай восприемъ дары с любовию и писаніа книг, разслушав послы, почествовавъ и отпусти и. И списавъ списаніе Олгерду литовскому»... Здѣсь и Т близокъ къ редакціи, но У сохраняетъ лучше чтеніе послѣдней.

6. Вмѣсто — «чести вашея хощу» — чтеніе 2 ред. и Т — въ У: «чести вашеи ради» = 1 ред.

7. Начало разговора Дмитрія съ Кипріаномъ 2 редакція скомкала: въ У: «Испытахомъ бо ся, отче, до велика» = 1 ред. Здѣсь Т = У.

8. Объ Юліанѣ: «отступникъ Оулянъ, идый в Персъ» — такъ же, какъ въ 1 ред.

9. Разсказъ о посланіи Захаріи Тютчева (Тушева въ У) изложенъ съ сохраненіемъ буквальныхъ выраженій 1 редакціи: «князь... по совѣту митрополита своего посла избраннаго своего уношу, доволна смысломъ»... «Захарія... посла... скоро вѣстника к великому князю»... Здѣсь Т = У.

10. Разсказы о посланіи 1 и 2 стражи кажутся цѣликомъ перенесенными въ У изъ 1 редакціи. 2 редакція въ этихъ эпизодахъ измѣняетъ и сокращаетъ текстъ; Т по изложенію близко подходитъ къ У. Сохраняя цѣликомъ выраженія 1 редакціи, У и здѣсь представляетъ примѣры страннаго невниманія къ тексту: «ведуща языкъ к великому князю *Дмитриевичю*».

11. Князь заповѣдалъ: «побарати по вѣрѣ и повели съ всея земли руския и всим людем быти на Коломнѣ на Успеніе святыя Богородица», — эта фраза ближе къ 1 ред., чѣмъ сокращенное изложеніе 2 редакціи.

12. Имена князей, пришедшихъ на помощь съ войсками къ Дмитрію — перебиты во 2 редакціи. Путаница замѣчается и въ Т, но меньше; У, также не свободный отъ пропусковъ, сохраняетъ, однако, всего болѣе чтеніе 1 ред.

13. Обращеніе пр. Сергія къ инокамъ-богатырямъ: «добри воини христови» = 1 ред., вмѣсто чтенія 2-й: «добрии страдалци христовы». Т ближе къ У, но хуже.

14. Ближе къ 1 редакціи и конецъ разсказа о посѣщеніи обители пр. Сергія: Великій князь «поведа единому митрополиту, еже рече ему святый старець».

15. Ближе къ 1 редакціи описаніе выступленія великаго князя. Сохранены выраженія 1 редакціи, что Дмитрій разлучился «з братом своимъ», что великая княгиня смотритъ въ слѣдъ уходящему мужу, сидя «на ороднуцѣ».

16. Весьма близокъ къ 1 редакціи весь эпизодъ о гостяхъ сурожанахъ. Даже пропускъ 1 редакціи сохраненъ здѣсь: въ обоихъ текстахъ читается: «Костянтина Козму Ковырю» — вмѣсто «Константина Волка» — 2 редакціи и «Константина Петунова» — списка Т. Разница въ двухъ послѣднихъ фамиліяхъ показываетъ, что въ протографѣ Сказанія, списокъ котораго послужилъ оригиналомъ для У, при словѣ «Констянтина» — фамиліи уже не стояло.

17. Я отмѣчалъ, что 2 редакція перепутала текстъ разсказа объ уряженіи полковъ. У здѣсь вполнѣ = 1 редакціи; Т также близокъ къ У, но въ мелочахъ послѣдній всетаки ближе къ 1 ред.: «правую руку уряди брата своего князя Володимира и давъ ему полкъ Ярославскіе князи, а лѣвую руку уряди князя Глѣба Брянскаго; передовый же полкъ — Дмитрий Всеволожъ, да Володимеръ Всеволожъ; коломенскій же воевода Микула Василевичъ; володимирскый ж воевода и юрьевскый — Тимоѳей Волуевичь; костромскый же воевода — Иванъ Родионовичъ Квашня; переславскый ж воевода Ондрей Черкизовичь. А князя Володимера воеводы — Данило Белеустъ, Констянтинъ Конановичь, князь Ѳедоръ Елецкий, князь Юрьи Мещерскый, князь Ондрѣй Муромскый».

18. Вмѣстѣ съ 1 редакціей и съ Т — У указываетъ, что Березуй былъ «яко за два-десятъ и три поприща до Дону».

19. 2 редакція читаетъ: «твоего жь царь собранія не вѣдает». Явный пропускъ въ этомъ чтеніи: «ни сретеніа твоего не чает» — находящійся въ 1 редакціи, читается и въ У.

20. У повторяетъ тѣ же описанія природы, что и въ 1 редакціи, въ началѣ разсказа о примѣтахъ Дмитрія Волынца: «осени ж тогда удолжившеся с лѣтними дни свѣтящеся»; «уже бо нощи глубоцы». Кромѣ того У и Т ближе къ 1 редакціи потому, что представляютъ великаго князя «*единаго*», выѣхавшаго съ Волынцемъ межъ двухъ полковъ въ поле: 2 редакція ошибочно изображаетъ его въ сопровожденіи Ольгердовичей и князя Владимира.

21. Такой же характеръ — близости къ 1 редакціи — носитъ начало разсказа о видѣніи Ѳомы Кацибѣя, который поставленъ былъ «на Чюру на Михайловѣ, мужества его ради, на крѣпкой стражѣ стоя от поганых». У, искажая собственныя имена, тѣмъ не менѣе, сохранилъ здѣсь буквально чтеніе 1 ред., тогда какъ 2 редакція читаетъ «на Чюдо на Михайлово».

22. Вмѣстѣ съ 1 редакціей указывается, что знамя надъ Бренкомъ великій князь повелѣлъ возить «рындѣ своему». Въ Т — «рыделю».

23. Убитыхъ князей бѣлозерскихъ по У — *восемь*, а не пятнадцать, какъ во 2 редакціи. Здѣсь сохранено чтеніе 1 редакціи. Еще разъ лишнее доказательство, что нельзя, безъ элементарной критики текста, полагаться на чтеніе списковъ и указывать на «грубые промахи противъ исторической дѣйствительности», какъ это дѣлали изслѣдователи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

24. Наконецъ, къ 1 редакціи Сказанія, по Никоновскому тексту, приближается весь конецъ повѣсти по списку У. *Этотъ конецъ составляетъ отличительную особенность* какъ разбираемаго списка, такъ и зависящихъ отъ него, имѣющихъ быть указанными, списковъ.

1 редакція (Кипріановская) послѣ разсказа о принятіи великимъ княземъ бояръ рязанскихъ съ челобитьемъ, рисуетъ обратный путь Дмитрія отъ рязанской земли къ Москвѣ. Схема разсказа такова: обратный приходъ на Коломну, гдѣ Дмитрія встрѣчаетъ епископъ Герасимъ — приходъ въ Москву — встрѣча его Кипріаномъ — рѣчь Кипріана по этому торжественному случаю — благодарственныя молитвы и веселье — походъ къ Троицѣ, чтобы поблагодарить пр. Сергія за помощь — панегирикъ великому князю (О великіа и крѣпкіа ревности мужества твоего, великій княже Дмитріе!... — изъ Лѣтописной Повѣсти). Такова схема, въ сущности какъ бы сжато передающая весь предыдущій разсказъ о пути Дмитрія изъ Москвы на Куликово поле. Это повтореніе только замедляло ходъ разсказа и потому, въ большинствѣ списковъ 3 редакціи и во 2 редакціи оно отбро-

шено, но группа списковъ, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить У, не только сохранила повѣствованіе по этой схемѣ, но и дополнила его. Я приведу цѣликомъ текстъ этого окончанія по списку У.

Передъ этимъ окончаніемъ схема списковъ Т и У, до сихъ поръ совпадавшая, расходится:

Т	У
Сборъ войска на побоищѣ.	Сборъ войска на побоищѣ.
Похороны убитыхъ.	Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).
Счетъ убитымъ (считаетъ Михайло Александровичъ).	Похороны убитыхъ.
Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.	Судьба Мамая } кратко. Судьба Ольгерда } кратко. Благодарственная молитва и рѣчь Дмитрія.
Судьба Мамая.	
Судьба Ольгерда.	
Судьба Олега.	Судьба Олега.

Разсказъ объ участи Олега въ У кончается словами 1 редакціи: «Князь же великій заповеда всему своему (войску), аще ж кто идетъ по рязанской земли, то ни единъ же ни власу не коснитесь. Проиде же князь великій землю рязанскую, не вели ни единому власу коснутся».

Послѣ этихъ словъ непосредственно въ У [1]) слѣдуетъ разсказъ о возвращеніи великаго князя въ Москву съ побоища:

«Поиде князь великий ко своему граду Коломнѣ, вѣсти ж ускоряюще къ преосвященному митрополиту. Архіепископъ ж повелѣ по всѣм церквам молебны пѣти за великого князя и за вся христолюбивое войско. Прииде ж князь великій на Коломну з Дону восмый день. Архіепископъ же срѣте его с живоносными

1) Какъ и въ 1 редакціи.

кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту пача плакати с рыданіемъ сердечнымъ, и глагола ему епископъ: «Радуйся, княже нашь, и веселися и твое все войско христолюбивое». Абие князь великій от плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архиепископу: «Азъ бо, отче, велми отъ них смирихся, събралъ есмь злата много и послах противу ему. Онъ же паче вьзъярився на христову вѣру и на свою пагубу ражен діаволом. Тако, отче, случися в Кесаріи Великому Василію, сгда отступникъ вѣры христовы, закону попратель Оульянъ царь, иде с Персъ на Великаго Василья и хотяще разорити град его. Василий ж помолися Богу и вси христиани и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурия, и изби его Меркурий божиею силою, с всими силами его. И уби Меркурей войска его ц̄ кованые рати; не токмо сам Меркурей изби его, но аггели божии на помощь приидоша ему». И рече ему епископъ: «Того ради, господине, Господь Богъ смиренным благодать даетъ, а гордым противится». Князь же великій пребысть на Коломнѣ д̄ дни и хотяше изыти из града в пятыи день, на память преподобныя Евфросиніи. Архиепископъ проводи дѣяше с кресты и святыми иконами и съ всим съборомъ, с крылосы проводиша его до рѣки до Сѣрыи. И ту став на рѣки, благослови его живоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великій разлучися с братом своимъ, княземъ Володимеромъ, и отпусти его на Котель дорогою, а сам поиде с литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву к великой княгини и к митрополиту Кипріану, яко князь великій здравъ есть и грядеть на свою отчину. Княгиня же великая въздрадовася. И митрополитъ же повели воду свящати и молебены самъ пѣти и литургию служити за великаго князя и за христолюбивое войско.

Князь же великий приде в Коломеньское село и ту нача ждати брата своего, князя Владимера: того бо ради разлучися

с братом своим, что не вмѣститися дорогами множеством людий. Прииде ж князь Володимиръ вборзи в Коломенское село. Князь же великій отпусти свое войско преже себя на Москву и повели всему войску оп сю страну Яузы. И приде все войско, ста на мѣсти томъ, по повелѣнію великаго князя. И сам князь великий приде на заутрие по заутрени, на праздникъ святѣй Богородици. Митрополитъ же Кипріанъ срѣте великаго князя в Ондриевѣ манастырѣ с живоносными кресты и с святыми иконами и огради крестомъ и рече: «Радуйся, княже нашь великий Дмитрий Ивановичь, побѣдивъ своа супротивникы. Новый еси Александръ, вторый Ярославъ, побѣдитель своим врагом». И окропи его святою водою и рече ему митрополитъ: «Сыну мой, господине великий княже, яко ты царствуеши в вѣки. Земля твоя спасется». И рече ему князь великий: «Азъ, отче, велми пострадах за вѣру и за свою великую обиду, и дасть ми Господь Богъ помощь от крѣпкия своя руки, и молитвою святых страстотерпець Бориса и Глѣба и игумена Сергия, вооружителя нашего, того вооруженіемъ спасохомся». И ту в монастыри восхотѣ слушати, иде в церковь и нача молитися с слезами и рече: «Образ божій, нерукотвореный, не забуди нищих своих до конца. Не предал еси врагом нашимъ в покорение и да не порадуются о нас». Изыде из церкви, и рече ему преосвященный митрополитъ: «Поиде, господине, на благословеное себѣ мѣсто, на град Москву, и сяди, господине, на своем княженіи».

Иде князь великий з братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ и с литовскими князми на град Москву. И митрополитъ повелѣ пѣти стихи богородичны и мученичны. Княгиня же великая Евдокия срѣте своего государя во Ѳроловских вратах с многими воискими женами с своею снохою. И ту видивъ своего великаго князя, нача плакати от радости великия и рече: «То перво то я, господине, вижу великаго князя, славнаго в человѣцех, аки солнцу на небо восходящу и освѣтящу всю рускую землю». Князь великий увѣдѣвъ свою великую княгиню и свои двѣ малѣи отрасли: князя Василія и князя Юрья, и въздрадовася

и рече князь великий: яко вы царствуете в вѣкы. И поиде князь великий с великою княгинею и своими дѣтми, вниде в монастырь, въ церковь архистратига Михаила, небеснаго воина, и бьет ему челом, святому образу: «Заступникъ еси во вѣки». И знаменася святым его образом. И по сем иде к гробу сродником своим и рече с слезами: «Вы есте наши пособници и наши молебници къ общему владыцѣ. Вашими молитвами велми спасохомся от супостат наших». И изыде из церкви с своим братом, княземъ Володимеромъ и с литовскими князми, поиде въ церковь святыя Богородица и ставъ пред иконою, еже поистиннѣ Лука евангелистъ написа, и рече: «Госпоже Царице, христианская еси заступнице, тобою есмя познахомъ истиннаго Бога». И иде ко гробу преблаженого Петра и, став у гроба, нача молитися с слезами и рече: «Ты еси, преблаженне Петре, спаситель нашь крѣпкыи, твоя есмя паствина, и прояви намъ тебе Господь Богъ послѣднему роду нашему и възжегъ тя нам свѣщу неугасимую и твоею есмя молитвою велми пострадахом и побѣдихом своя враги». Скончав молитву, изыде ис церкви и иде в свое мѣсто, в бережныи сѣни, и сяде на своемъ столѣ и ту нача молитися Богу и утѣшатися.

И в то время преподобный Сергий з братиею вкуси брашна в трапези; не по обычаю въстав от стола и достойно сътворивъ и рече: «Вѣсте ли, братіа моя, что се есть сотворих»? Не може ему ни един отвѣщати. И рече имъ: «Князь великий здравъ есть и пришелъ на свой столъ и побѣдилъ своя враги». И въстав от трапезы и поиде въ церковь з братиею, нача пѣти молебенъ за великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича и за литовские князи, и рече: «Братиа, силніи наши вѣтри на тихость преложишася». И рече: «Азъ есмь вамъ проповѣдахъ, пришла ко мнѣ вѣсть з Дону въ вторый день, яко побѣдил князь великий своя супротивники; и опять пришла ко мнѣ вѣсть в осмый день, яко князь великий пошелъ з Дону на свою отчину и идетъ по рязанской земли. И услышавъ то, князь Олегъ рязанский избѣглъ отчины своея. Князь великий пришел

на Коломну в осмый день и былъ на Коломнѣ д̄ дни, и поиде с Коломны на е̄ день и пришелъ на Москву в осмый день». И, скончав молебен, изыде из церкви. Князь же великий пребысть на Москвѣ д̄ дни; и поиде князь великий къ отцу преподобному Сергию и з братом своим и с литовскими князми. И приде ко отцу Сергию и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его съ кресты близъ монастыря и знаменав его крестом, и рече ему: «Радуйся, господине князь великий, и веселися твое христолюбивое войско». И спроси его о своих изволницех, а о его служебницех. И рече ему князь великый: «Твои, отче, изволници, а мои служебници, — тѣми побѣдих врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣт, побѣдил подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христианомъ отъ того пити горькую чашу». И скончав рѣчи сия и повели Сергию ити в церковь и воду свящати и молебен пѣти и литоргию служити. И ту слушавъ святыя литоргия, и рече ему старець: «Вкуси, господине, хлѣба от нашей нищеты». Князь же великий послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, въставъ от трапезы, и повелѣ наряжатися всѣм, изыде из монастыря: Преподобный старець проводи его со кресты. Князь же великий поиде на Москву и приеди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскии проситися въсвояси. Князь же великий нача их чтити и дарми утоляти: язъ вамъ дамъ свыше вашее отчины и здѣ. Князь же великий не може их уняти и отпусти их. И самъ проводи их и з братом своим до Можайска и рече им с слезами: «Братіа моя милая и способници наши». И отпусти их, а сам възвратися въ свою отчину и прииде на градъ свой Москву и сяде на своем княженіи, царствуя в вѣкы».

Таково окончаніе списка У. Надо сознаться, что разсказъ развитъ неостроумно. Схема 1 редакціи сохранена, но редакторъ ее распространилъ: онъ заставилъ великаго князя повторять епископу коломенскому все, что говорилъ въ свое время Кипріанъ объ Юліанѣ, причемъ и самый эпизодъ распространенъ; путь изъ Коломны въ Москву — буквальное повтореніе

прежняго пути изъ Москвы въ Коломну. Повтореніе всего предыдущаго повѣствованія представляютъ и дальнѣйшіе эпизоды текста: встрѣча великаго князя митрополитомъ, великой княгиней, — молитвы Богородицѣ, Петру, Михаилу Архангелу — приходъ къ Троицѣ и разсказъ пр. Сергию о Пересвѣтѣ. Во всей этой схемѣ — простое сжатое повтореніе всего Сказанія, причемъ редакторъ не замѣчаетъ явныхъ нелѣпостей: итти изъ Москвы можно было разными дорогами, благодаря множеству войска; но возвращаться обратно также «разными дорогами», потому что «нельзя было вмѣститься» — странно: оставалось совсѣмъ незначительное число воиновъ. Панегирика великому князю — нѣтъ. Я отмѣчаю эту характерную особенность: 3 редакція, какъ и вторая, окончательно уничтожила всякіе слѣды вліянія Лѣтописной Повѣсти.

Совершенно новыми эпизодами, по сравненію съ 1 редакціей, являются въ этомъ окончаніи: приходъ Дмитрія въ село Коломенское, оттуда на другой день къ Андроньеву монастырю, на Яузѣ, гдѣ его встрѣчаетъ митрополитъ Кипріанъ. Эта подробность, не заключающая въ себѣ никакихъ противорѣчій противъ возможной дѣйствительности, прибавлена, несомнѣнно послѣ: она чаще всего встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи, откуда попала и въ Синопсисъ.

Въ разсказъ о походѣ къ Троицѣ, распространенный противъ 1 редакціи, вставлена также одна подробность: пр. Сергій, сидя съ братіей за трапезой, неожиданно встаетъ и творитъ молитву. На вопросы недоумѣвающей братіи, онъ отвѣчаетъ, что великій князь въ этотъ моментъ возвратился съ побѣдою въ Москву. Въ этомъ эпизодѣ проходитъ, такимъ образомъ, элементъ чуда, основаннаго на прозорливости Сергія. Матеріалъ же заимствованъ изъ Епифаніева житія пр. Сергія, изъ главы о епископѣ Стефанѣ. Стефанъ, направляясь изъ Перми въ Москву, не могъ при всемъ желаніи посѣтить обители преподобнаго; тогда онъ, издали сотворивъ молитву «достойно есть», поклонился по направленію къ обители и сказалъ: «миръ тебѣ,

духовный брате»! Сергій же, бывшій тогда съ братіей на трапезѣ, всталъ неожиданно, сотворилъ молитву и на вопросы недоумѣвающей братіи отвѣтилъ, что издали (путь Стефана отстоялъ «на 10 поприщъ») епископъ Стефанъ привѣтствовалъ и благословилъ его и братію. Ученики подивились прозорливости старца, особенно когда нѣкоторые изъ нихъ узнали обо всемъ этомъ лично отъ Стефана.

Все остальное распространеніе основано исключительно на повтореніи выраженій и молитвъ Сказанія.

Что касается отношенія У къ писанію Софоніи, то слѣдуетъ отмѣтить, что У и группы списковъ, отъ него зависящія, пользуются выдержками изъ этого памятника въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ Т со своими группами. Эта особенность указываетъ на болѣе раннее происхожденіе протографа У сравнительно съ Т: разростаясь количественно, списки 3 редакціи все болѣе и болѣе заимствовали украшающія поэтическія добавленія изъ Повѣданія. Во 2 редакціи ихъ еще немного; въ У — больше, но по сравненію съ Т — всетаки меньшее количество.

Во 2 редакціи выѣздъ князей Бѣлозерскихъ изображается такъ: «уж бо тогда аки соколи рвахуся от златыхъ колодицъ, а то рвахутся князи белозерския ис камена града Москвы». Въ спискѣ Т эта картина развита на основаніи Повѣданія: «уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодицъ ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сіниа небеса и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многы стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыя удалци съ своимъ государемъ... а хотять наѣхати на великую силу татарскую».

Въ спискѣ У нѣтъ не только всего этого мѣста, но даже той краткой выдержки, которая читается во 2 редакціи.

Въ Т Пересвѣтъ говоритъ словами Повѣданія: «чаду моему Іакову миръ и благословение». Ни въ У, ни во 2 редакціи этой фразы нѣтъ.

Выѣздъ засаднаго полка въ У хотя и изложенъ такъ же, какъ въ Т, но текстъ всетаки хуже: «аки соколы изучены ударишася на многи на жоровиныи (такъ и въ Т: жировины) стада, тако сіи крѣпціи мужи направлены разумным своим воеводою»...

Присутствіе неодинаковыхъ вставокъ въ У и въ Т, (а также и во 2 редакціи) заставляетъ предполагать, что списки пользовались Повѣданіемъ самостоятельно, и этотъ памятникъ утилизировался, такъ сказать, до полнаго своего истощенія. Такъ, напр. въ У читается слѣдующее, не имѣющее соотвѣтствія ни съ Т, ни со 2 редакціей, мѣсто: «Рече князь Ондрей: брате Дмитрей! колко с нами вою удалых людей и храбрыя Литвы? И рече князь Дмитрий: вою съ нами 70 тысящъ кованой рати, удалыя Литвы; учрежены бо, яко нарочитыи противныя полци». Въ другихъ спискахъ категоріи Т это мѣсто — на лицо.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію списковъ, зависящихъ отъ У.

Списокъ У я ставлю во главѣ двухъ группъ:

Первая группа представляется *тремя* списками:

1) Москов. Румянц. Музея № 3155, лицевая рукопись, скорописью XVII вѣка. Рукопись представляетъ сборникъ, начинающійся Александріей, занимающей первые 144 листа; на 145 — начинается Сказаніе: «Лѣта ,sпѳ Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу і брату его князю Володимеру Андрѣевичу». Текстъ Сказанія не полонъ, потому что въ рукописи утрачено нѣсколько листовъ. Текстъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, списанъ со списка, одинаковаго съ У: даже повторены однѣ и тѣ же ошибки. Въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей къ великому князю, Дмитрій Брянскій обращается къ брату со слѣдующими словами: «слышах бо, яко приідоша ко мнѣ от Сѣверы *мѣдвезешь*, а кажутъ великого князя уж на Дону». Характерная ошибка: «мѣдвезешь» — вмѣсто «медокупцы» находится и въ У. Можетъ быть для обоихъ списковъ былъ одинъ общій оригиналъ.

2) Совершенно такого же характера текстъ Сказанія по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IV. № 342. Судя по припискѣ, рукопись относится къ 1682 г. Заглавіе приписано другой рукою: «Въ лѣто 6889 Сказаніе о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андресвичу. Благослови отче». Текстъ буквально сходенъ съ У; та же опять ошибка: «медъвезешь». По отношенію къ выше разобранному списку и къ У текстъ этого исправнѣй: отсутствуютъ многія описки и ошибки; въ перечисленіи убитыхъ бояръ вставлено несомнѣнно пропущенное предыдущими двумя списками: «да м̄ бояриновъ серпуховскыхъ». Зато въ началѣ повѣсти есть самостоятельная описка, которую я отмѣчаю, какъ имѣющую отношеніе къ другимъ спискамъ: «како възвысися *рогъ* христьянскій» — вмѣсто: «родъ».

Итакъ, оба эти списка новаго по тексту ничего не даютъ.

3) Благодаря указанной опискѣ: «рогъ» я присоединяю къ этой группѣ третій списокъ — Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. 169, скорописный сборникъ XVII вѣка: «Въ лето ,ѕѡпи Сказание о страшном достовѣрное побоище великого князя Димитрея Ивановича, государя Московъского. — Братия, изьвестно хощу поведати, како бысть преславъная побѣда на Дону православному христианству с безбожными агаряны, како Богъ возвыси *рог* христианскиі, а поганых уничижи и посрами их суровство, якож Едеоном на Мадиамы и православным Моисеом на Ѳараоны. Но подобаеть нам поведати величества божия силы, како поможе Господь Богъ великому князю Димитрию Ивановичю, государю руския земли, владимерскому и московъскому». Текстъ — неисправенъ; о дальнѣйшемъ сходствѣ его со спискомъ У я не имѣю возможности утверждать, потому что Сказаніе обрывается менѣе, чѣмъ на половинѣ: «Князь великий Дмитрей Іванович уряди польки своя и приказа коемуждо полку воеводу и повеле Оку реку перевозитися и заповеда всем князем и воеводамъ, да аще кто с великими». Этимъ кончается

текстъ, причемъ далѣе — не написано, а не то, что — утрачены листы.

Ниже будетъ указанъ списокъ Московскаго Румянцевскаго Музея № 378, принадлежащій къ одной изъ группъ, восходящихъ къ списку Т. Въ немъ опять та же описка: «рог» вмѣсто «родъ». Можетъ быть разбираемый списокъ принадлежитъ къ той группѣ: характернаго для У окончанія, какъ я говорилъ, здѣсь нѣтъ.

Во всякомъ же случаѣ, нужно предположить, что и этотъ и румянцевскій списки составились подъ перекрестнымъ вліяніемъ, въ которомъ участвовалъ и списокъ разбираемой группы.

2) Вторая группа представляется однимъ спискомъ — Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, № 442. Этотъ списокъ представляетъ несомнѣнный переходъ къ группамъ, зависящимъ отъ списка Т. Съ У сближаетъ его окончаніе — тотъ же разсказъ объ обратномъ пути великаго князя съ поля битвы. Разсказъ этотъ начинается, какъ и въ У, непосредственно послѣ разсказа о походѣ по рязанской землѣ и участи Олега.

Списокъ этотъ — поздній, рукопись относится къ концу XVII и началу XVIII вѣка и представляетъ писаный разными почерками сборникъ; вплетены нѣсколько печатныхъ листовъ. Заглавіе и начало Сказанія близки къ соотвѣтствующимъ въ группахъ Т: «Побоище великаго князя Димитрія Ивановича, како побѣдил поганаго царя Мамая на Дону з братом своим со княземъ Владимером Андрѣевичем, в лѣто ,sωпи году. — Братие, хощу начати повѣсть новыя сия побѣды, како случися брань на Дону православным християном з безбожными Агаряны и како возвысися безбожных над христианы, но Богъ уничижи и посрами их суровство, яко ж иногда Гедеону на Мадеамы и преславным Моисеом на Ѳараона. Но подобает повѣдати величествия божия, како сотвори волю боящихся его, како способствовавь великому князю Дмитрею Ивановичю над безбожными татары».

Вступленіе, какъ видно, — подновлено. Это подновленіе замѣчается вообще въ текстѣ: подновлены тексты ярлыковъ; слова: «аще который человѣкъ Богу вѣрует дѣлы добрыми»... — приписаны апостолу Павлу, какъ въ болѣе позднихъ спискахъ; въ эпизодѣ объ Юліанѣ вставлено: «дѣялося в прошлых лѣтех в Кесаріі при святѣмъ Великом Василии»; князей бѣлозерскихъ, побитыхъ, уже не 15, а 50.

Подновленіе выразилось, между прочимъ, въ добавленіяхъ: видно, что редакторъ пользовался нѣкоторыми другими источниками, по всѣмъ вѣроятіямъ устными: великій князь проситъ у Сергія Пересвѣта Александра и брата его *Андрея* Ослябя; характерно описаніе противника Пересвѣта: «аки силная гора печенѣг, он окаянный над ним, яко трею лакти возвыше его» — ниже будетъ видно, что эта характеристика распространялась еще далѣе, заимствуя матеріалъ изъ народныхъ старинъ.

Схема разбираемаго списка совпадаетъ со схемами У и Т. Интерполяціи, отсутствующей въ У — о числѣ лѣтъ между битвами на Калкѣ и Куликовомъ полѣ — нѣтъ и здѣсь; за то интерполяція Т о Григоріи Капустинѣ находится и въ разбираемомъ спискѣ.

Сохраняя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе У, разбираемый списокъ подходитъ однако къ группамъ Т тѣмъ еще, что въ немъ замѣчается обиліе выдержекъ изъ Повѣданія; между прочимъ сравнительно рѣдкая въ 3 редакціи картина бѣгства Мамая: «И абие побеже самдесят в лукоморие, сѣрым волком воючи и скрекчюще зубы своими, плачюще и глаголюще еллинскимь языком, поминающе други своя — ясоулове, и князи, і упатове своя, рекуще: уже нам, братие, в земли своей не бывать і дѣтей своих не видати і катун своих не трепати, трепати нам, братие, сырая земля, цѣловати нам зеленая мурава».

Разобранный списокъ, такимъ образомъ, стоитъ на границѣ перехода группъ У къ группамъ Т.

Нужно думать, что 3 редакція, вытекавшая изъ второй, была обработана сначала по схемѣ первой: т. е. сохраненъ былъ

и конецъ послѣдней, подновленный и распространенный. Въ такомъ видѣ былъ протографъ 3 редакціи, неисправными списками съ котораго явились У и списки первой группы, зависящей отъ У. Дальнѣйшая передѣлка, состоявшая въ бо́льшемъ числѣ прибавленій изъ Повѣданія, въ стилистическомъ измѣненіи текста, въ перестановкахъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, еще сохраняла характерный конецъ протографа 3 редакціи, но нѣкоторые списки внесли въ текстъ характерную интерполяцію — «Григорія Капустина». Отъ этихъ интерполированныхъ списковъ впослѣдствіи произошелъ списокъ Т, откинувшій замедлявшее ходъ разсказа окончаніе, которое представляло повтореніе всего повѣствованія. Отъ Т пошли списки, раздѣлившіеся на группы, съ большимъ или меньшимъ количествомъ варіантовъ. Въ этихъ спискахъ упомянутая интерполяція встрѣчается далеко не во всѣхъ: въ нѣкоторыхъ спискахъ ее сознательно опускали.

Перейду къ разбору списковъ, зависящихъ отъ Т.

Списокъ Т, какъ я сказалъ, стоитъ во главѣ цѣлаго ряда группъ списковъ 3 редакціи, въ общемъ сохраняющихъ тоже расположеніе частей плана, но отличающихся болѣе или менѣе значительными добавленіями. Текстъ большинства этихъ списковъ — неисправенъ: переписчики плохо понимали его или списывали съ рукописей, гдѣ листы были перебиты, вообще въ спискахъ чувствуется какая то небрежность и поспѣшность въ работѣ, должно быть преслѣдовались торговыя цѣли исключительно. Что же касается добавленій — то всѣ они, главнымъ образомъ, сводятся къ широкимъ заимствованіямъ изъ Повѣданія, писанія Софоніи.

Группы эти слѣдующія:

I. *Лицевая*, представляемая двумя списками, имѣющими сходныя миніатюры. Одинъ изъ нихъ — рукопись Московскаго Историческаго Музея № 40039, писана скорописью въ XVIII в. Сказаніе — не имѣетъ начала и конца въ виду утраты многихъ листковъ. Начинается со словъ: «Слышавъ же то Олгъ рязанскіі, яко грядет князь великіі»..., но изложеніе снова

обрывается, такъ какъ это — отдѣльный листокъ, и текстъ повѣсти вновь начинается со словъ: «...возрадовашася о суетном привѣте, аки не вѣды, Богъ даетъ власть, ему же хощет, не вѣмь бо, что сия нарѣку, аще врази были себѣ, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещение, а к безбожному приложилися»... Въ срединѣ — снова многое перебито, и текстъ обрывается на словахъ: ...«Грозно, брате, в то время посмотрити, лежит трупу христіанскаго, аки сѣнныя стоги, а Дон рѣка»... Текстъ неисправенъ, многаго, какъ сказано, нѣтъ.

Въ виду дефектовъ, нельзя составить достаточнаго представленія о текстѣ повѣсти въ этомъ спискѣ, но миніатюры роднятъ его со слѣдующимъ спискомъ этой группы: Московскаго Румянцевскаго Музея № 3123, писаннымъ полууставомъ и скорописью XVIII в. Текстъ Сказанія и здѣсь не полонъ: утрачено начало, разсказъ идетъ со словъ: ...«Восточному царемъ царю Мамаю князь Волгирдъ литовскиі»..., но пропуски вообще незначительны.

По отношенію къ тексту Т, разбираемая рукопись представляетъ:

а) наличность большого количества ошибокъ, вытекающихъ изъ явнаго непониманія текста, напр.: «гнѣздо есмь кіевское иже изведенны»...; «нынѣ же сего агарянскаго втораго Святополка нарѣку»...

б) добавленія, носящія характеръ риторическаго распространенія:

1) передъ разсказомъ о посланіи Мамаемъ ярлыка: «Безбожный же царь, возрѣвъ и мнітъ себѣ, яко оболстіша писаша ко мнѣ сицѣ. И нача глаголати с темными своими князми, они же разумѣша, яко прилична суть писанія ихъ. И рече царь: азъ мняхъ, яко воедино совокупленіе ихъ будет их на мя, нынѣ же празность велика межь има, имам бо присно на Руси быти. Тѣхъ же пословъ чествовав отпусти и писахъ писанія, даде имъ».

2) распространено разсужденіе по поводу перехода Олега на сторону Мамая: «Богъ даетъ власть, ему же хощетъ, не вѣмъ бо, что сия нарѣку, аще врази были сѣбе, то о себѣ бы брань сотворили, нынѣ же едина вѣра, едино крещеніе, а г безбожному приложишася, аки к дикои масличнѣ, вкупѣ гонити хотятъ православную вѣру. О таковыхъ бо рече патерикъ: поистиннѣ сиі отсѣкошась своея масличны и прісадишась к дикой масличнѣ»...

И ниже: ... «(Олегъ) посылая к Мамаю гонцы, веля ему ско итъти на Русь, о немъ бо рече притча воистинну сицѣ: Путіе злых сплетаются, собираютъ же ся себѣ понасъ и досажденіе, правыхъ же путіе общаются. Нынѣ же» ...

3) архіепископомъ города Коломны названъ «Евѳимій».

4) послѣ сл. «Лотови» прибавлено: «поможе вскорѣ доблественному князю Ярославу, яко отмсти обиды брату своему»...

5) въ перечисленіе убитыхъ воеводъ вставлено: «Было кованные рати на службѣ великъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ ѓу ѓо храбрыхъ людей в лате».

Всѣ эти вставки новаго не даютъ ничего. Но въ концѣ Сказанія находится пространное заимствованіе изъ Повѣданія, въ сокращеніи соотвѣтствующее вставкѣ списка Румянцевскаго Музея № 378:

в) В то же время приіде вѣсть к Москвѣ в четверты день после бою, на память преподобныя Ѳеодоры Александриския к великой княгинѣ Евдокие і ко преосвященному митрополиту Кипріану, к воинскимъ женамъ, і сказаша, кои побиты. Слыша же ту погибелную вѣсть Ѳедося Микулина жена, да Мария Дмитрева жена рано плакаша оу Москвѣ рѣки на брегу, глаголюще: Доне, Доне, быстрая рѣко, протекла еси сквозѣ каменныя горы, а течешъ в землю половецкую, прилѣй нашихъ государей к намъ: Микулу Васильевича, Дмитрія и Тимоѳея Волуевичев. Оуже бо веселие наше поиче в славнемъ граде Москвѣ, оуже бо не видимъ мужей своихъ в животѣ. Княгиня же великая Евдокія нача ихъ увѣщати: не плачите

по мужехъ своихъ... и глаголюще: Москва, Москва, быстрая рѣка, к чему залѣлѣла еси мужей нашихъ от нас в половецкую землю; тако можеши ли, господине князь великиі, веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку запрудишъ татарскими трупы, замкни, государь князь великій, Онѣ (чит. Окѣ) врата желѣзными враты, чтобъ, государь, к намъ потом поганіи к нам не ходили, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке на Непрядвѣ. Ея (чит. сія) же оставимъ, но на предлежащее возвратимся».

Эта вставка, представляющая заимствованіе (испорченное) изъ писанія Софоніи, приближаетъ разбираемую группу къ слѣдующей, отличающейся вообще *чрезвычайно широкимъ заимствованіемъ поэтическихъ мѣстъ изъ Повѣданія*, причемъ это заимствованіе, какъ я уже говорилъ, доходитъ мѣстами до своднаго текста, какъ это замѣчается въ спискѣ Румянцевскаго Музея № 378. Его я ставлю поэтому во главѣ этой второй группы, отличающейся отъ предыдущей во первыхъ — отсутствіемъ миніатюръ, во вторыхъ — наибольшей полнотой содержанія, въ общемъ повторяющаго схему списка Т.

II. Эта группа представляется тремя списками:

1) Рум. Музея № 378 [1]), самый полный и исправный списокъ этой группы.

Повѣсть начинается словами: «Братия, хощу повесть начати новыя сея побѣды, како случися бран на Дону православным христіаномъ з безбожными огаряны и како возвыси Богъ рог (такъ!) христьянскии на поганых и уничижи их и посрами ихъ суровство, якож иногда Гедеону на Мадьяма и преславному Моисею на Ѳараона»... Изложеніе цѣликомъ повторяетъ, за исключеніемъ конца, текстъ Т. Разночтенія въ сущности — не важны и сводятся къ ошибкамъ при переписке:

Не совпадаютъ, во первыхъ, имена собственныя: въ перечисленіи гостей сурожанъ: «Василья *Капущу*, Сидора *Ѳедорова*,

1) Сборникъ, скорописью XVII в. См. Востокова, Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея.

Константина, Козму Коверу, Семена Онтонова, Михаила Саларева, Тимоѳея *Вусякова*, Дмитрія Чернаго, *Дементія Саларева*, Ивана *Шихова*». «Дементіемъ» зовется и Меликъ. Вмѣсто «Чурикова» читается «Чиракова». Нашедшіе великаго князя носятъ имена: «Ѳеодоръ Сабуровъ и Ѳеодоръ Холопивецъ», родомъ «костромитичи».

Встрѣчаются слова, явно не понятыя переписчикомъ: «и приидоша ко мнѣ *сиверки*» — вм. — съ сѣвера медокупцы; «Гедеоновы *книжницы*»; «въ нощи той и мрацы росяныи явишася»; «повелѣ *рыдателю*... возити» — вм. рындѣ; «кояждо рука держаше от облака того ово вѣнцы, ово *потырци*».

Есть мѣста, носящія характеръ подновленія: «и рече: Боже отецъ нашихъ, сотворивый небо и землю, предстоя на ны, коромолу дѣет. Не даи же, Господи, о нас порадоватися врагу нашему»... Еще, въ описаніи бѣгства Мамая: «Мнози ж уязвени наши помогают нам, секуще без милости: ни единъ же бѣ, камо може убѣжати, занеж кони их притомишася»...

Присутствіе интерполяціи «Григорья Капустина» указываетъ на непосредственную связь № 378 съ текстомъ Т. Лучше чтеніе послѣдняго противъ 2 редакціи наблюдается и въ разбираемомъ спискѣ. Кромѣ того, послѣдній самъ даетъ уже вторичныя улучшенія текста: формула боя здѣсь болѣе архаична: «на том бо полѣ силни полци ступишася, а из них выступали кровавые езера, блистание ж мечное и трепет, аки силнии молнии, и зык велик от мечного сѣченія»...

Характерной же особенностью № 378 является конецъ Повѣсти, представляющій сводку Сказанія съ Повѣданіемъ, при этомъ сводчикъ, оканчивая попеременно выписки изъ того и другого памятника, отдѣлялъ ихъ замѣткой: «Сия убо оставимъ, на первое возвратимся». Выше, при разборѣ Повѣданія, я указывалъ на характеръ этого своднаго конца, на его отношеніе къ Писанію Софоніи и привелъ самый текстъ.

2) Слѣдующій списокъ — собранія Ундольскаго № 772, скоропись XVII в., стоитъ въ ближайшей связи съ вышеприве-

деннымъ. Къ сожалѣнію, онъ очень неисправенъ: не полонъ, списанъ съ перебитыхъ листовъ, изобилуетъ грубыми ошибками, обличающими или явное непониманіе оригинала или весьма невнимательное отношеніе къ тексту.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ подновленъ, начиная съ самаго заглавія: «В лѣта ,ѕѡпѳ. Сказание о Донскомъ побоище, како случися великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому брань и победи восточново крымского царя Мамая, и возвыси Богъ род крестиянскиі над поганымъ».

Рукопись, повторяю, изобилуетъ массой ошибокъ, описокъ, пропускомъ слоговъ, цѣлыхъ словъ: «землянаго» — вм. земнаго; «царева творя» — вм. царева двора; «спѣшно грядяху, яко вѣдовѣиныя чары питіи и стеблия, и тѣ хотять себѣ чести добыти и славнаго имяни. Ужи бо, брати, стукъ а гром грѣмит по ранней зорѣ, князь Володимеръ Ондрѣевич Москву реку. перовое». Перепутаны имена Сурожанъ; разсказъ о примѣтахъ Волынца обрывается на полурѣчи и непосредственно, на той же страницѣ, слѣдуетъ продолженіе разсказа о приходѣ Ольгердовичей. Нѣкоторыя мѣста въ рукописи зачеркнуты самимъ писцомъ. Послѣдніе четыре листа перебиты; Сказанію не достаетъ конца.

Не смотря на эти дефекты, разбираемый текстъ представляетъ мѣстами лучшее чтеніе, чѣмъ Рум. № 378. Таково начало разсказа о прощаніи княгинь съ мужьями: «Княгиня же великая Овдотья и княгиня Володимерова Марія и инных православных князей княгини с воевотцкими женами»...; тогда какъ въ № 378 читается: «Княгини ж великая Евдокѣя іннных 23 володимерских православныя княгини»...

Особенностью же разбираемаго списка является присутствіе новыхъ, еще не находившихся въ предыдущихъ спискахъ вставокъ. Эти дополненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ распространяютъ текстъ такими указаніями или эпизодами, которые органически связаны съ группой, составляющей переходъ къ 4 редакціи Сказанія. Въ разбираемомъ спискѣ еще такихъ мѣстъ немного,

но его, какъ и нѣкоторые другіе, имѣющіе быть указанными списки 3 редакціи, слѣдуетъ разсматривать какъ протографы, изъ которыхъ, впослѣдствіи, развилась 4 редакція Сказанія.

Я отмѣчу эти новыя указанія и вставки:

а) Слова: «аще хто вѣру держитъ ко Господу добрыми дѣлы и правду держитъ в сердцы, не можетъ бѣзо многих врагов быти» — опять приписаны здѣсь апостолу Павлу.

б) Захаріи Тучкову дается въ сопровожденіе товарищъ, фигурирующій, собственно въ спискахъ 4 редакціи: «да другова с ним отпусти Ондрѣя Семенова сына Попова, иже прибежа от царя Момая с вестью к великому князю Дмитрею Ивановичю».

в) Разсказъ о посланіи стражи продолженъ: великій князь послалъ: «Радиона Ржевъскаго, Ондрѣя Волосатаго, Василья Тупика, Якова Ослабятова, иных многихъ с ними крѣпкихъ *юноковъ* [1]) семдесят человѣкъ».

г) Указано имя снохи великой княгини — Соломонида.

д) Но что особенно приближаетъ этотъ списокъ къ 4 редакціи — это довольно пространная вставка въ разсказъ о посольствѣ Василія Тупика: великій князь «скоро посла от думы дворянина Василья Тубинака и многихъ с нимъ дворянъ и детеи боярскихъ, а мы его силу обедемъ 12 днеи на добрых конех, и во второй на десять днеи подстерегли насъ сторожи царевы и меня поимали и перед царемъ поставили. И воспрашивалъ меня царь: вѣдомо ли моему слуге, а вашему великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому, что яз иду к нему гостит со многими силами, а силы моей двенатцать ордъ и три царьствия, князей 803, опричь боловны, и поскихъ 40 безъ единого князя, а воіска моего со мною семъсот тысяч и три тысячы, опричь того, что после моего числа пришли ко мнѣ великия два олпоута з двѣмя орды, темъ я числа не вѣдаю. Можетъ ли де слуга мои, а вас государь всѣхъ нас накормити и одолити. Меня же,

1) Присутствіе здѣсь слова «юнакъ» и странныя ошибки въ перепискѣ заставляетъ думать, что писецъ не былъ русскимъ славяниномъ.

государь, велѣлъ царь по полкомъ водити и казати сосуды бранныя, яже бяше привезенъны на взатие руским градомъ, но, милостию пречистыя Богородицы и молитвами святаго преподобнаго игумена Сергиі і твоим государевымъ счастьем, убежал у самого царя из рук и пришел с вѣстию к тобѣ, государю».

Этой вставки нѣтъ въ предыдущихъ текстахъ, она рѣдка вообще въ текстахъ 3 редакціи, разсказъ Тупика здѣсь представляетъ попытку иллюстраціи къ посланію великимъ княземъ стражей въ татарское Поле. Объ этихъ посольствахъ 2 и 3 редакція, какъ извѣстно, говорятъ весьма кратко. Естественно, поэтому, могло возникнуть желаніе объяснить себѣ поведеніе пословъ передъ Мамаемъ; точка зрѣнія, конечно, должна была быть патріотической: все могущество Мамая разбивалось о божественное заступничество за русскихъ или же о хитрость и мудрость пословъ. Такія подготовительныя работы, какъ приведенный отрывокъ, впослѣдствіи должны были привести къ особому эпизоду о встрѣчѣ какого-нибудь русскаго посла съ татарскимъ ханомъ, и этотъ эпизодъ нашелъ себѣ мѣсто въ спискахъ 4 редакціи: разсказъ о подвигахъ Захаріи Тютчева въ Ордѣ является одной изъ отличительныхъ особенностей именно 4 редакціи Сказанія.

Списки 3 редакціи, сохраняя схему протографа, имѣютъ много подобныхъ вставокъ, иногда настолько оригинальныхъ, что въ отдѣльную группу приходится выдѣлять чуть не по одному списку. Популярность 3 редакціи была прямо пропорціональна передѣлкамъ текста: еще разъ приходится констатировать, что списки разбираемой редакціи на столько различны, что рѣчи быть не можетъ объ элементарномъ подведеніи варіантовъ.

3) Послѣдній списокъ этой группы, собранія гр. Уварова № 492, конца XVII в., имѣетъ отношеніе и къ № 378 и къ только что разобранному. Съ Румяцевскимъ № 378 его роднитъ одна и та же вставка изъ Писанія Софоніи, которую я указывалъ также и въ спискѣ Рум. Муз. № 3123. Вставка эта представляетъ эпизодъ о плачѣ женъ:

«Слышав ту гогибельную вѣсть, Ѳеодосия Микулина Васильевича, да Мария Димитриева жена Волуеча, да Тимоѳеева жена Волуевича рано плакаше оу Москвы реки на брегу и ркучи: Донѣ, Донѣ, быстрая реко, протекла еси сквозѣ каменныя горы, а течеш в землю половецкую, прилелѣй нашихъ государей к намъ — Микулоу Васильевича, Димитрия Волуевича, Тимоѳѣя Волоуевича. Оуже веселие наше пониче в славномъ градѣ Москвѣ, оуже бо не видимъ моужей своихъ в животѣ. — Княгиня же великая Евдокѣя нача ихъ тѣшити: Не плачите по своихъ мужах, дасть Богъ, сождем к себѣ великаго князя, оучнетъ васъ дарми оутоляти про вашихъ мужей за ихъ великую службу. А аз рада о вас государю великому князю со слезами печаловатися, а по мужехъ вашихъ памяти творити. — И рече Ондрѣева жена Черкизовича: Государыня великая княгиня, се оуже веселие наше пониче, а солнце намъ померче в славнѣ градѣ Москвѣ. — Коломенскіхъ бояръ жены рано плачющеся оу Коломны, на забралахъ града и рекучи: Москва, Москва, быстрая реко, чему еси залелѣяла мужей нашихъ от насъ в половецъкую землю, такъ можеши ли, господине князь великій, веснѣ прудъ запрудити, а Дон реку шеломы вычерпати. Аще, господине, Дон реку татарскими запрудишь трупы, а замкни, господине князь великій, ворота желѣзными враты, чтобъ, государь, потомъ поганіи к нам не ходили, оуже мужей нашихъ поганіи побили на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве. *Ея же оставимъ, но на преднее возвратимся.*

При всей близости къ тексту № 378, этотъ отрывокъ отличается большимъ удаленіемъ отъ поэтическихъ образовъ и оборотовъ Писанія Софоніи, что показываетъ его болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ Румянцовскаго № 378. Послѣдній списокъ, какъ я указывалъ, съ наибольшей полнотой удерживаетъ поэтическія мѣста Повѣданія. Разбираемый, при сохраненіи большинства вставокъ, нѣкоторыя иногда выпускаетъ: такъ, нѣтъ вставки: «стукъ стучитъ, а громъ гремитъ»... передъ разсказомъ о походѣ къ Троицѣ. А болѣе поздніе списки, по мѣрѣ

приближенія къ типу 4 редакціи, начинаютъ мало по малу, какъ я замѣчалъ, терять поэтическія украшенія. Здѣсь, слѣдовательно, — какъ бы начало приближенія къ 4 редакціи, съ которой разбираемый списокъ сближаетъ еще одно обстоятельство: 4 редакція разбита на главы, причемъ каждая носитъ опредѣленное заглавіе; заглавія, написанныя киноварью, находятся и въ разбираемомъ спискѣ; правда, они здѣсь, какъ бы въ зачаткѣ, ихъ немного, и они не проведены по всему тексту. Таковы: 1) О Олеге, царѣ рѣзанстемъ; 2) Ярлыкъ от Олга к Мамаю; 3) Ярлыкъ Волгирда Литовскаго; 4) О пришествіи пословъ с книгами к Мамаю; 5) Ярлык Мамая царя ко Олгирду и ко Ольгу; 6) О ізвѣданіи про Мамая царя Димитрия Ивановича (разсказъ о томъ, что великій князь, узнавъ о походѣ Мамая, начинаетъ молиться); 7) Князя Димитрія молитва; 8) Князя Димитрія и Володимера приход к Киприяну митрополиту.

На этомъ заглавія обрываются. Замѣчу, что въ большинствѣ случаевъ указанныя заглавія *не* соотвѣтствуютъ выставленнымъ въ 4 редакціи, такъ что послѣдняя имѣла только прецедентъ въ спискахъ 3 редакціи, но самостоятельно и послѣдовательно развила ихъ сама.

Разбираемый списокъ — не полонъ. Онъ начинается со словъ: ...«пленил Киев и Володимеръ град и всю вселенскую вѣру, како оуби князя Юря Димитриевича и многія православныя князи»... Текстъ испорченъ, по обыкновенію, напр.: «И оусплени же бысть очима, того не разумѣша, яко Господь ни един будет, той и будет». Не понятъ вовсе разсказъ объ Уліанѣ: «Како случися *великому князю Димитрію* преступникъ, хотя разорити *градъ его*, онъ же помолись Богу со въсѣми християны и собраша злата много, да быша оутолитъ. Он же паче возъярився, Господь же посла воина своего Меркурія: онъ же оуби гонителя невидимо»; если здѣсь, не ошибка, то очень неудачный примѣръ подстановки. Впрочемъ, у переписчика было стремленіе измѣнять текстъ оригинала, напр. въ характеристикѣ

князей бѣлозерскихъ: «Придоша же к нему князи Белозерскія, подобни суще воевѣ, велми оучрежено воинство ихъ, яко могущу имъ братися противу агарянъ».

Въ общемъ же схема вполнѣ приближается къ Т, развѣ только нѣкоторыя мѣста являются въ болѣе сокращенномъ чтеніи, напр. — молитвы великаго князя. Весь конецъ — по схемѣ Т; приходомъ великаго князя на Москву оканчивается разбираемый списокъ.

III. Третью группу, въ виду того, что нѣкоторые списки, къ ней относящіеся, были въ свое время напечатаны И. Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, я предлагаю назвать *печатной*. Снегиревское изданіе было сдѣлано по 5 спискамъ; въ основаніи положенъ списокъ Тимковскаго, уставной сборникъ XVII вѣка; изъ остальныхъ къ тексту подведены варіанты. Однако — не всѣ эти списки одной редакціи, и приводимый Снегиревымъ списокъ кн. Оболенскаго я принужденъ отдѣлить и отнести всецѣло къ 4 редакціи, по моему дѣленію. Оставшіеся 4 списка могутъ быть сгруппированы такимъ образомъ:

Въ основу печатной группы слѣдуетъ поставить Ермолаевскій списокъ, а не — Тимковскаго, какъ наиболѣе подходящій по плану къ списку Т., съ которымъ онъ вполнѣ совпадаетъ и по окончанію [1]). Списокъ Тимковскаго, по сравненію съ Ермолаевскимъ, далеко не полонъ и имѣетъ явно случайные пропуски (напр. выпущена вся первая половина разсказа о посѣщеніи обители пр. Сергія). Заключеніе списка Тимковскаго значительно сокращено: выпущены эпизоды: сборъ войска подъ знамя на побоищѣ, рѣчь Дмитрія и счетъ побитымъ воеводамъ, благодарственная рѣчь къ войску, и разсказы объ участи Ольгерда и Олега. Вмѣсто всего этого, послѣ разсказа объ участи Мамая, слѣдуетъ поэтическая вставка, изъ Повѣданія, имѣющая характеръ исходнаго величанья:

---

1) Въ немъ — та же интерполяція, что и въ Т: «Григорія Капустина».

«Оудальцы восплескаше в татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы, и насычи, бугаи, коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари. Предъвознесеся слава руская надъ погаными землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ, поидѣ вѣсть по всѣмъ градомъ ко Орначу, к Риму, х Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратомъ, ко Царюграду на похвалу: Роусь погаными одолѣша на полѣ Куликове, на рѣчке на Непрядве. Воздадимъ хвалу руской земли! Кой градъ глава всѣмъ градомъ, — Володимеръ и Ростовъ, хвалу воздаютъ Богу со всѣми грады. Прославлю милость божію во вѣки вѣковъ. Аминь».

Всего ближе къ списку Тимковскаго стоитъ лицевой списокъ Царскаго, по указанію издателя — Снегирева. Съ текстомъ Царскаго Снегиревъ знакомитъ мало.

Наконецъ Снегиревскій списокъ, заключающій текстъ неполный Сказанія (нѣтъ начала), отличается отъ перечисленныхъ также окончаніемъ: въ Снегиревскомъ спискѣ оно сходно съ концомъ Кипріановской редакціи, иными словами, этотъ списокъ можно въ равной степени относить къ группамъ, зависящимъ отъ У. Судя по варіантамъ, этотъ списокъ по тексту всего ближе къ Ермолаевскому, слѣдовательно и къ Т. Интерполяціи «Григорія Капустина» нѣтъ. Принимая во вниманіе эти особенности Снегиревскаго списка, я, оставляя его въ группѣ печатной, тѣмъ не менѣе принужденъ считать образовавшимся отъ протографа У.

Эти четыре, напечатанныхъ Снегиревымъ, списка представляютъ всѣ характерныя особенности, отличающія печатную группу. Текстъ всѣхъ этихъ списковъ вполнѣ исправный; по содержанію — главная особенность ихъ — *обиліе заимствованій изъ Повѣданія*: въ нихъ это заимствованіе выражается особенно ярко.

По отношенію къ тексту Т, печатный текстъ представляетъ:

1. При наличности сходства со списками Т и У, печатная группа мѣстами представляетъ чтеніе, приближающееся ко 2 редакціи. Это обстоятельство еще разъ доказываетъ, что

3 редакція образовалась отъ 2, причемъ протографомъ 3 редакціи служили исправные списки.

2. Печатная группа представляетъ рядъ мелкихъ разночтеній, какъ со списками Т и У, такъ и со 2 редакціей, и путаницу въ собственныхъ именахъ (воеводъ, пришедшихъ на помощь Дмитрію, боговъ, которыхъ призывалъ Мамай на помощь). Я не стану приводить всѣхъ этихъ разночтеній, такъ какъ они ничего не даютъ для характеристики текста: ошибки и разночтенія — непремѣнное слѣдствіе послѣдовательной переписки.

3. Печатная группа по происхожденію — болѣе поздняя, что явствуетъ изъ цѣлаго ряда дополненій и подновленій въ изложеніи. Укажу на главнѣйшія:

а) въ ярлыкѣ Олега: *не презри моленія моего*. Ярлыкъ списавъ, *посла же непославъ, но посла посолство*... (къ Ольгерду).

б) въ его же писаніи къ Ольгерду: «*Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу бо единаго с тобою и жду твоего послисаря*». Въ обоихъ вставкахъ оттѣняется единомысліе Олега и Ольгерда.

в) продолжено разсужденіе о недомысліи союзниковъ: ...не вѣдуще... *Богъ даетъ власть, ему же хощетъ*... Въ томъ же мѣстѣ, ниже — подновленіе: ...паки рече: *изрый яму*, самъ...

г) отвѣтъ пословъ союзникамъ — подновленъ: «яко царь здравитъ, велми хвалитъ».

д) Кипріанъ совѣтуетъ великому князю послать дары Мамаю, «дабы не разрушилъ хрістовы вѣры».

е) приведено приблизительное содержаніе грамоты, разосланной великимъ княземъ: «да будете готови на брань и збиритися на Коломну *битися з безбожными* Агаряны. *Вси бо на мя собрашася сопостати*, но помощію божіею *и молитвами святыя Богородица, взыдемъ имъ во срѣтеніе*».

ж) молитва Дмитрія ко Вседержителю Богу передъ началомъ выступленія изъ Москвы распространена риторически: ...къ Тебѣ прибѣгаемъ единому, *егда оунываемъ отъ скорбей нашихъ*... Тебѣ *бо лѣпо есть миловати и спасти насъ*, подъ

твоею рукою есмь... но и Тебѣ, Господи, *оставляющему насъ, намъ тебя взыскающимъ. И иная многая ему глаголюще и молящеся.* Пріимъ...

з) плачъ Евдокіи нѣсколько дополненъ поэтически (вставка: «Отъ Калкинскаго побоища до Мамаевы рати р҃ѯ҃ лѣтъ», читаемая во 2 редакціи, не находится въ спискахъ Ермолаевскомъ и Снегиревскомъ): ...Азъ же, *оуналая*, имѣю двѣ отрасли, ... *но еще и тѣ мали* суть... то не могу терпѣти, *ни на что же опираяся*; ихъ или зной проразитъ, *тако же имъ погибнути...*

и) точно указано, когда надлежало уходить изъ Коломны: «в четверкъ августа 29 день, на память оусѣкновенія главы Иванна Крестителя».

і) на поздній характеръ происхожденія печатной группы указываетъ титулъ Дмитрія: «великому царю русскому».

к) дополнено размышленіе Олега; эта часть повѣствованія вообще подвергалась различнымъ передѣлкамъ, какъ останавливавшая на себѣ вниманіе редакторовъ по своей поучительной точкѣ зрѣнія.

л) риторически дополнена грамота князя Андрея Ольгердовича: ...*плавающаго* тернія сего *и подавляющаго насъ* и присадимся... винограду *плодовитому* и *христіанскодѣтельному* рукою Христовою... Господи и Владыко *животу моему*...

м) въ примѣтахъ Волынца замѣчаются слѣды подновленія: ...городы ставятъ... птицамъ, прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто... лебеди и оутята... ...нудивъ его добрѣ...

н) подновленіе есть и въ отвѣтной рѣчи бояръ великому князю: «оучнемъ волочитися, ни на что же взирая» — вм. «скитатися по пустынямъ».

о) занимала редакторовъ также картина единоборства, противъ 3 редакціи здѣсь она распространена: «Они же оударишася копьи, аки силніи громи грянуша, егда мѣсто не проломися подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Оба же они спадоша с коней на землю, ту и скончашася».

п) подновлено описаніе конца 1 момента боя: «Яко же 6-му часу минующе поганіи же всуду задѣша, и около крестьянъ обступиша татарове. Оуже бо мало есть полковъ крестъянскихъ: всѣ полки татарские».

р) значительно распространенъ разсказъ князя Стефана Новосильскаго, видѣвшаго на побоищѣ великаго князя. Этотъ вставочный эпизодъ попалъ въ распространенную, четвертую редакцію Сказанія: «Азъ видѣхъ его пред самимъ твоимъ пріездомъ, пѣша по побоищу идуща, и оуязвлена велми, и еще емоу стужаютъ 4 татарина. Азъ же бился с татариномъ и помощию божиею борзо побѣдихъ его и погнахся за тѣми, иже стужаютъ великому князю: не мощно бо бѣ борзо гонитися, не може конь итьти в трупу человѣчю борзо. Но оугонивъ татарина, оубилъ; три же ихъ на мя нападоша, много ми стужаху, и по милости божіи, два отъ нихъ оубихъ, третей же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ, оузрѣвъ же иные татарове, наехаша на мя и многими стужиша и раны многи нанесоша ми; крѣпъко отъ нихь пострадахъ, егда избыхъ от нихъ, и в трупу пребыхъ, донъдеже ты приспѣ».

Этотъ разсказъ вставленъ, такъ сказать, для оправданія очевидца, не имѣвшаго возможности помочь преслѣдуемому великому князю.

Таковы главнѣйшія прибавленія печатной группы противъ основныхъ списковъ. Въ разбираемой группѣ видно сознательное отношеніе редакторовъ къ тексту: распространенія имѣли въ виду поясненіе неясныхъ или краткихъ мѣстъ оригинала, развивали наиболѣе интересные эпизоды, модернизировали старые обороты и дополняли ихъ новыми выраженіями. Если же текстъ сокращался, — списокъ Тимковскаго, напримѣръ, то редакторъ всюду отмѣчалъ это сокращеніе: не доканчивая текста молитвъ или рѣчей дѣйствующихъ лицъ, онъ ставилъ: «І ина многа глаголющимъ имъ» или: «иная многая рече со князи».

4) Забота объ украшеніи слога выразилась, какъ я упоминалъ, въ широкомъ заимствованіи поэтическихъ мѣстъ изъ

Повѣданія, настолько, что даже самое заглавіе повѣсти стало носить двойное названіе: *Повѣданіе и Сказаніе* о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго: см. списокъ Тимковскаго: «Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о побоище»... Замѣчу, что списокъ Тимковскаго, сокращая Сказаніе, всего болѣе изобилуетъ вставками изъ писанія Софоніи. Отмѣчу эти, не находящіяся во 2 ред. и спискахъ Т и У мѣста Повѣданія:

1) «И говоритъ князь Владимеръ Анъдрѣевичь: господине, князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные колантыри, и булатныя байданы, и колчары ѳряйския, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по Опѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру христіянскую и за твою обиду государя великаго князя».

2) «Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо с поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей руской земли, велико вѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи новъгородцы оу святыя Софѣи премудрости божія, аркучи межу собою таковое слово: Оужс намъ, братіе, на помощь не поспѣти к великому князю Димитрию; оуже бо яко орли слѣталися дивныя оудалцы храбрыхъ своихъ пытати».

3) Картина прихода звѣрей на мѣсто будущаго побоища — полнѣе и лучше:

«За многіе же дни приідоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца оутверждаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неоумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от оустъ Дону приспѣша, лисицы на кости брещутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, в оньже имать пастися множество трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ».

4) Вся картина боя — полнѣе и ближе къ Повѣданію:

...«крѣпко ступишася: треснуша копія харалужная, звѣнятъ доспѣхи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя»...

...«На полѣ Куликовѣ между Дономъ и Мечею сильни полки сступишася, из нихъ же вытекаютъ крововые ручьи [сп. Ерм.: ...напрасно щипляются щиты богатырскіи о злачныя доспѣхи, а ліется кровь богатырская подъ сѣдлами кованными, блискаютъ шаблѣ булатными около головъ богатырскихъ, котятся шоломы позлащенныя с личинами добрыми конемъ подъ копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрыхъ коней на сырую землю и потоптаны бываютъ. Не едины богатыріе рускіе біены быша, но и татарскихъ вдвое: не токмо бо оружіемъ біюцеся, но и сами отъ себѣ разбивахуся] и трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейнаго сломленія»...

...«В то же время тутошныя рѣки мутно пошли, востребеташа лузи и болота, езера выстоупиша из мѣстъ своихъ, протопташеся холми высокіе, траву же кровію подмывало, льющеся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны»...

...«Роуские оудалцы побіени суть, аки силніи древа сломишася. Не турове возревѣша, возревѣша мнози оудалцы, оурывающеся на землю под конскіи копыта, и мнози же сынове рустіи сотрошася»...

5) Наконецъ, заключительное величаніе въ спискѣ Тимковскаго, цѣликомъ заимствованное изъ писанія Софоніи, приведено мною выше, и здѣсь я его вторично приводить не буду.

До сихъ поръ я касался списковъ, напечатанныхъ Снегиревымъ. Но мнѣ извѣстно еще нѣсколько неизданныхъ, *которые нужно относить къ печатной группѣ*:

1) Академіи Наукъ 16. 17. 22, скороп. XVIII в. Сказаніе носитъ названіе: «Сказание *Софония изерея резанца*, похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его, князю Вла-

димеру». Начало: «Сия побѣда и брань, како случи на Дону православымъ християномъ з безбожными агаряны»...

Академическій текстъ *совершенно совпадаетъ съ текстомъ Тимковскаго*, то же отсутствіе первой половины разсказа о походѣ къ Троицѣ.

2) Императорской Публичной Библіотеки Q. XV, X, 70, скор. начала XIX в. Заглавіе: «Сказаніе *Софронія іерея рязанца*, похвала и о побѣдѣ великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андреевичю». Начало: «Сія побѣда и брань бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ со безбожными агаряны»...

Текстъ этого списка *сходенъ съ текстами Ермолаевскимъ и Тимковскаго*. Въ концѣ помѣщенъ: счетъ войска (= Ерм. сп.) и исходное величанье (= сп. Тимк.). Послѣднее я приведу:

«И возвратися князь Дмитреи Ивановичь съ побѣды, поиде ко граду своему Москвѣ. Уже рускія удальцы восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ, идучи во свою землю рускую, чусы и пасы [1]) и бугаи и кони и вельбуды и волы и медъ и вина и сухари [2]) съ собою катаху [3]). Предвознесеся слава руская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Поиде же вѣсть по всѣмъ градомъ: къ Риму [4]) и къ Кафѣ и къ Желѣзнымъ градомъ [5]) и къ Царю граду, что похвала Дмитрею Ивановичу всея Русіи [6]). Русь поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Упочивали князи рускія у быстрого Дону. Того ради [7]) воздадимъ хвалу земли руской. Которыя градъ глава всѣмъ градомъ былъ Володимеръ и Ростовъ [8]), нынѣ же глава всѣмъ градомъ славный градъ Москва. Славяще святую Троицу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

3) Тѣсно примыкаетъ къ этому Библіотечному списку другой списокъ, той же Библіотеки, собранія гр. Толстого I, 447.

Тимк.: 1) оуюсы и насычи. 2) сахари. 3) — *нѣтъ*. 4) ко Орначу, к Риму. 5) вратомъ. 6) ко Царю граду на похвалу. 7) упочивали — того ради — *нѣтъ*. 8) *послѣ*: Ростовъ — *слѣдующихъ словъ о Москвѣ — нѣтъ*.

Эта рукопись — такъ называемый «Морозовскій лѣтописецъ», была извѣстна Карамзину; на нее онъ ссылается, рѣшая вопросъ объ авторствѣ Софронія.

Заглавіе: «Історіа или Повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными его агаряны на россійскую землю и о великой брани и о грозномъ побоищи съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ и о братѣ его, князь Володимерѣ Андревичѣ. *Сказаніе рязанца Софроніа іерея*». Начало: «Въ лѣто ѕѡпи брань убо и побѣда сія бысть на Дону, како случися православнымъ христіаномъ брань имѣти со безбожными агаряны»...

Текстъ — подновленъ, но вообще, какъ я говорю, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Можетъ быть оба они восходятъ къ одному оригиналу. Исходное величанье находится и здѣсь, но текстъ далѣе продолженъ разсказами о бѣгствѣ Олега и Ольгерда и о возвращеніи великаго князя къ Москвѣ. Послѣдній эпизодъ носитъ явные слѣды позднѣйшей компановки:

«Великій же князь Дмитрій Івановичь зъ братомъ своимъ со княземъ Володимеромъ Андреевичемъ и съ оставшими князи и воеводы и съ воинствомъ пріидоша къ Москвѣ, далъ Богъ здравы. И срѣтоша ихъ архимандриты и игумены и протопопы и весь священническій и іноческій чинъ со кресты и чюдотворными иконами. Потомъ же князи и боляре и весь народъ, тако же и великая княгиня Еудокія со своими дѣтми и съ прочіми княгинями и зъ боярынями, вси единогласно славу возсылающе Богу, избавльшему ихъ от напраснаго Мамаева нахожденія, и великому князю Дмитрію Івановичу и брату его, князю Володиміру Андреевичу честь воздающе, яко побѣдителемъ, такожде и прочіимъ княземъ и боляромъ и всему воінству честь воздающе по достоянію. Великій же князь Дмитрій Івановичь пріиде къ Москвѣ лѣта ѕѡпѳ-го, октября въ ї день, и воинство распусти по домомъ своимъ».

4) Слѣдующій, близкій къ Ермолаевскому и Тимковскому спискамъ, текстъ Сказанія находится въ рукописи Академіи

Наукъ 16. 13. 2, конца XVII, называемой *Едомскимъ Лѣтописцемъ*. По опредѣленію Попова, этотъ Лѣтописецъ представляетъ русскую часть хронографа Сергѣя Кубасова; онъ былъ извѣстенъ Строеву, который впервые указалъ на имя Софонія, какъ на какое-то другое лицо, принимавшее участіе въ составленіи повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Сказаніе въ Едомскомъ лѣтописцѣ носитъ заглавіе: «О нашествіи Мамаевѣ на русскую землю і брань с нимъ великая, і грозно побоище великому князю Димитрию Ивановичю. *Сказание Софония іерея рязанца.* Похвала великому князю Димитрію Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю. Память о Мамаевѣ побоище, яко же было тогда лѣта ,ѕѡпи-го».

Начало: «Сия побѣда и брань на Дону случися, како православнымъ христианомь со безбожными агаряны»...

Едомскій лѣтописецъ содержитъ текстъ Сказанія весьма близкій къ Ермолаевскому, но не полный: въ началѣ разсказа объ облеченіи Бренка княжеской приволокой, текстъ обрывается на словахъ: «и ту приволоку на него ж облече»... Далѣе слѣдуетъ большой пропускъ, происшедшій отъ утраты листовъ въ академической рукописи, и продолженіе Сказанія относится уже къ самому заключенію: ...«на князя Олга рать послати». Слѣдуютъ краткіе разсказы о судьбѣ Олега и Ольгерда, о возвращеніи великаго князя въ Москву и встрѣчѣ его Евдокіей, духовенствомъ и народомъ. Весь конецъ равенъ, такимъ образомъ, тексту въ Морозовскомъ Лѣтописцѣ.

Не достающая же часть Сказанія, благодаря случайному дефекту, вполнѣ возстанавливается другимъ текстомъ Сказанія, имѣющимъ буквальное сходство съ текстомъ Едомскаго лѣтописца: именно

5) текстомъ въ сборникѣ Общества Любителей Древней Письменности, № 1886, L, полууст. XVII—XVIII в.: «Сказание извѣстно о нашествіи Мамаеве на русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побоище великому князю Димитрію Іоанновичю и похвала ему же великому князю и брату его,

князю Владимиру Андреевичю, якоже содѣяся тогда». Имени Софоніи — нѣтъ. По сравненію съ сохранившейся частью Сказанія въ Едомскомъ лѣтописцѣ текстъ Общества, какъ я сказалъ, совпадаетъ вполнѣ. Оба они, слѣдовательно, восходятъ къ текстамъ, представляемымъ съ одной стороны Морозовскимъ Лѣтописцемъ, съ другой — Ермолаевскимъ, какъ наиболѣе близкимъ къ протографу печатной группы. Но въ этихъ разбираемыхъ спискахъ есть своя особенность: въ началѣ оба представляютъ *текстъ сводный*:

«Сия побѣда и брань на Дону случися какъ православнымъ христианомь со безбожными агаряны, како возвыси Богъ род христіанскиі, а поганыхъ уничижи и посрами их суровство, яко иногда Гедеон Мадіама низложи и православнымъ Моисѣомъ Ѳараона. І нынѣ подобаетъ намъ повѣдати величия божия, како сотворитъ волю боящихся его і како пособствова Господь православному великому князю Дмитрию Івановичю и брату его, князю Владимиру Андрѣевичю. Того же лѣта, попущениемъ божиимъ, от научения дияволя воздвижеся царь от восточныя страны, іменемъ Мамай, еллинъ сый вѣрою и родомъ идложрецъ і иконоборецъ, злый христіанскиі ненавистникъ и ѹкоритель; вниде в сердце его дияволъ пострекатель, иже всегда пакости дѣетъ христіаномъ, научи его разорити православную вѣру, всему християнству, яко да не славится імя Господне в людехъ тѣхъ. Господь же что хощетъ, то и сотворитъ. Поиде князь ординскиі Мамаі, а с нимъ всѣ князи ординския со всѣми своими силами татарскими на Русь, к Москвѣ на великого князя Дмитрия Івановича. Еще ж к тому наняли рать — Бесермены, Армены, Ѳряги, Черкасы, Ясы, Буртасы, Буярасы, і князь великиі Олегъ резанскиі поиде к Мамаю на помощь *и с Литвою во сдастѣ и князь Ягай литовскиі* с своею силою — Литвою и Жемоти и Ляхи и Нѣмцы». Близость этого вступленія къ соотвѣтствующему въ 1 ред. Сказанія, упоминаніе въ числѣ союзниковъ *Ягайла*, тогда какъ во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ дѣйствовать *Ольгердъ*, заставляетъ предположить, что въ

оригиналѣ могло не быть случайно вступленія, и писецъ воспользовался для дополненія вступленіемъ первой редакціи. Тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи слѣдовъ вліянія 1 ред. — нѣтъ.

Я нѣсколько разъ указывалъ, что 3 редакція вообще, а печатная группа ея списковъ особенно — отличаются широкимъ заимствованіемъ поэтическихъ мѣстъ изъ писанія Софонія. Украшеніе слога поэтическими вставками, очевидно, приходилось по вкусу читателей: вотъ причина, почему списки 3 редакціи такъ многочисленны. Широта заимствованій повлекла за собою, во многихъ спискахъ, составленіе какъ бы своднаго текста: Сказаніе получило наряду со старымъ названіемъ еще новое — Повѣданіе, наконецъ — и *само имя автора послѣдняго — Софоній стало выставляться въ заглавіяхъ Сказанія. Всѣ почти списки печатной группы приписываютъ Сказаніе — Софонію, іерею рязанцу.* Это имя встрѣчается и въ сводномъ текстѣ 3 редакціи — румянцевскомъ № 378. Вставка имени Софонія въ Сказаніе вводила въ заблужденіе изслѣдователей, строившихъ теоріи объ авторствѣ Софронія и Софонія.

6) Къ вышеприведеннымъ спискамъ печатной группы, въ общемъ близко совпадающимъ по тексту между собою, я отношу ещѐ списокъ Сказанія въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого, III, 93, скороп. XVII в. Заглавіе повѣсти сокращено: «Побоище великого князя Дмитрея Иваночя московъского на Доноу с Мамаем». Начало — обыкновенное: «Сие побѣда и брань на Дону слоучис православнымъ крестияном с безбожными агаряны»... Списокъ — не полный, обрывается на подсчетѣ бояриномъ Михаиломъ Александровичемъ побитыхъ воеводъ.

Особенность разбираемаго списка состоитъ въ томъ, что сохраняя поэтическія мѣста, встрѣчающіяся въ немногихъ спискахъ (напр. — только въ спискѣ Тимковскаго), онъ распространяетъ уже имѣющіяся или дополняетъ ихъ на основаніи другихъ источниковъ, вродѣ причитаній.

Такъ, обыкновенно встрѣчающаяся формула: стукъ стучитъ, а громъ гремитъ... здѣсь распространена: «стоучит рат сила велика князя Дмитрея Ивановича, роуские удалцы колантыри злачеными, а щиты червленими».

Плачъ Евдокіи составленъ, несомнѣнно, на основаніи народныхъ причитаній: «сѣде под южными оконцы і рече со воздыханіемъ: Оуж бо конечное зрѣние зрю тя, солнце мое незаходимое і свѣтъ от очию моею і надежда моя крѣпкая, великий князь Дмитрей Иванович. Оуж бо к тому не имам видети тебѣ». Этотъ плачъ очень напоминаетъ плачь той же Евдокіи въ житіи Дмитрія Донского.

Формула боя, также распространенная, имѣетъ нѣкоторыя дополненія по сравненію съ предыдущими списками разбираемой группы: «удалцы руские, аки древа преклонишася от силных вѣтров на землю. І сломишася, аки трава от косы постилашеся на лузех, тако падоша сыновѣ рустии от поганых. Не турове возревѣша на полѣ Куликовѣ, возревѣша мнози удалцы, урывающися на землю под конские копыта. І конми подавляеми, і мнози сынове рустии сотрошася».

Въ плачѣ князя Владимира на костяхъ также слышны причитанія: «Увы мнѣ, брате мой, увы мнѣ, свѣте мой, аще еси зѣло уранен, а аще жив еси, подай ми глас свой, да аще бы видѣл лице твое і еще бы насладился доброты твоея; подай ми глас свой, утоли печал мою»... Можетъ быть, редакторъ пользовался причитаніями не непосредственно; тогда для подобныхъ заимствованій я могу указать еще только одинъ источникъ — Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ.

Наконецъ, примѣромъ дальнѣйшаго поэтическаго распространенія вставки изъ Повѣданія, укажу на картину выѣзда русскаго войска: «Князь великий Дмитрей Иванович воступи во свое златокованное стремя і всѣде на своего любимаго коня, *аки млад ясен сокол воспарив крылъ свои.* І вси ж князи і бояре і воеводы всѣдше на свои борзые кони, *аки соколи от своих златых колодиц*, а солнце со востоку

противу им свѣтит в путь, а вѣтрец тих, *тонкий* і теплъ по них вѣет».

Присутствіе интерполяціи: «і тут видеша нарочита человѣка удалого Григоря Капустина», ставитъ этотъ списокъ въ связь съ остальными списками печатной группы и показываетъ, что онъ былъ обработанъ изъ списка Сказанія, восходящаго къ Т.

Таковы списки печатной группы, зависящей отъ Т. Я указывалъ на ея характерную особенность: списки, въ общемъ сходные между собою, заключаютъ текстъ Сказанія исправный. Этого качества не имѣли двѣ предыдущія группы списковъ, не имѣетъ ихъ, какъ сейчасъ будетъ видно, и слѣдующая.

Слѣдующая группа, сохраняя свою зависимость отъ Т, начинаетъ разнообразить текстъ повѣсти различнаго рода вставками, частію приближающими ихъ уже къ 4 редакціи, частію настолько оригинальными, что Сказаніе является по содержанію единственнымъ въ своемъ родѣ. Къ этой группѣ я отнесу 4 списка; предупреждаю, что соединеніе ихъ въ данномъ случаѣ только механическое:

IV. *Группа со вставками*:

1) Находящійся въ Публичной библіотекѣ, Погодинскій списокъ № 1595, скорописью XVII—XVIII в., несомнѣнно, долженъ быть поставленъ въ ближайшую связь съ предыдущей печатной группой. Снегиревъ, издавая Сказаніе по списку Тимковскаго, напечаталъ такъ начало: «Сія повѣдай *Уранъ*»... Слово «Уранъ» толковалось изслѣдователями различно, но во всякомъ случаѣ какъ собственное имя. Н. С. Тихонравовъ предложилъ первый читать здѣсь испорченное слово: «брань». Коньектура правильная, но не издатель былъ виноватъ въ этой ошибкѣ. Разбираемый списокъ какъ разъ начинается такими словами: «Хощемъ, братие, начатъ повѣдати *вранновые* побѣды, како случися на Дону»... Ошибка, слѣдовательно, была уже въ спискахъ: «вранновые» вышло изъ «брань новыя (побѣды)» — какъ читается въ Погодинскомъ спискѣ № 1555 (относящемся къ переходной группѣ): «Хощем, братие, брань новыя побѣды

начати, како случися на Дону»... «Уранъ» списка Тимковскаго находился, слѣдовательно, въ рукописи. Одинаковая ошибка заставляетъ предполагать для обоихъ списковъ какой-нибудь общій источникъ.

Разбираемый списокъ прежде всего дефектный: нѣтъ конца, — разсказъ обрывается, послѣ счета убитыхъ, на словахъ: «Князь же великій Дмитрий Ивановичь зъ братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ Андреевичемъ даша литовскимъ княземъ много множества»... Въ срединѣ рукописи нѣтъ листовъ: послѣ словъ: «тутъ же, братие, на Москвѣ по всѣм»... текстъ продолжается со словъ: «никого помощников в скорбѣ не имамы, развѣ Тебя», (слѣдуютъ молитвы великаго князя); нѣтъ примѣтъ Волынца; послѣ словъ: «а христианстіи полцы оскудѣша» опять нѣтъ листковъ, разсказъ начинается съ розысковъ великаго князя.

Ошибки носятъ характеръ небрежности и поспѣшности при перепискѣ: «Юрья і *Василиіка* убилъ»; «діаволомъ *хвалимъ* (вм. палимъ)»; «*анаматомъ*»; «како і *кождо* сотворити»; «*въроую* рускою владѣти начну»; «Мамай *воюетъ* (вм. кочюетъ) в полѣ»; «Путика» (вм. Тупика), — вообще собственныя имена передаются ошибочно: Карголскиі, Холмецкій, Галасій (вм. Герасимъ); «*Ерославовый* Александръ» — и др.

Отличаясь добавленіями въ текстѣ, Погодинскій списокъ тѣмъ не менѣе старается иногда сократить основной текстъ: «выѣхаша із города каменнаго Москвы *во все трои ворота* — вмѣсто подробнаго указанія пути войска; выпущены имена гостей сурожанъ; сокращено все уряженіе полковъ передъ началомъ боя.

Дополненія носятъ характеръ двоякій:

I. Риторическое распространеніе текста и введеніе новыхъ собственныхъ именъ:

Мамай говоритъ: «срѣте мя своими силами, елико гдѣ оуспѣете, да не одолѣемъ своего нѣдруга. Аще бы аз своею силою хотѣлъ древніі Іерусалимъ пленить, якоже халдѣй,

кто бы могъ укрытися от руки моея і от величества силы моея».

Видъ войска, пришедшаго съ князьями на Москву: «велми учрежено, доспѣхи на нихъ і шеломы, *яко вода колышетъ морскими волнами».* Ольгердовичи вышли «с тритцатю тысящами»; великій князь принялъ ихъ «в шатрах за трапезою».

Олегъ не только сердится, но даже велитъ своихъ бояръ казнить, «занеже подьвита (подвига) великаго князя не повѣдали».

Поганые бредутъ «аки стадо свиное».

Въ описаніи движенія войска изъ города замѣтенъ москвичъ: князья бѣлозерскіе идутъ «коломенскою дорогою, мимо Симаномъ (такъ) монастырь»; великая княгиня видитъ Дмитрія «грядуща лугомъ подле Москвы реки».

При объѣздѣ побоища съ Тимоѳеемъ Волуевичемъ лежитъ убитый «дворецкой его Іванъ Кожуховъ», — появленіе этого имени несомнѣнно вызвано поставленіемъ убитаго Григорія Капустина рядомъ съ Пересвѣтомъ; счетъ побитымъ ведетъ Михаилъ Александровичъ *Воронцовъ*; исчисленіе войска (о немъ я скажу ниже) ведетъ князь Ѳедоръ Семеновичъ «*Висковатой*, московской болшей бояринъ».

II. Вставка новыхъ эпизодовъ.

Разбираемый списокъ отличается, главнымъ образомъ, вставкой одного эпизода, *характернаго для настоящей группы* и встрѣчающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи. Когда русское войско находилось еще по сю сторону Дона, передъ началомъ появленія вѣстей о движеніи Мамая, упомянутый выше бояринъ Висковатый обращается къ великому князю съ рѣчью, въ которой указываетъ ему на количество войска, находящагося у него подъ началомъ. И другіе воеводы указываютъ на численность находящихся у нихъ воиновъ:

«Князь же Ѳедоръ Семеновичь Висковатой, московской болшей бояринъ, говоритъ великому князю Дмитрію Ивановичу: У тебя, государя, у великаго князя Дмитрія Ивановича в полку

в болшем войска ѓо. Правыя же руки говоритъ братъ его, князь Владимеръ Андреевичь Боровский, говоритъ: У меня, государь, в полку ѓм. Лѣвыя же руки воевода князь Глѣбъ Брянский говоритъ: У меня, государь, в полку войска ѓл. Сторожевого же полку воевода Микула Василевичь, да Тимоѳѣй Волуевичь, да Иванъ Родионовичь Квашя Углецка говорит: У нас, государь, в полку ѓлд. Передового же полку воевода князь Дмитрей Володимеровичь Холмецкой говоритъ: У меня, государь, в полку ѓке. А в ертовулах болшей стати дворянъ і выборныхъ головъ ѓк, а с литовсскими князи с Олгердовичи пришло силы ѓл, да мѣлъкие статьи людеі за кошами было у кормов у всего войска ѓк. Того приѣхали из великого Новагорода посадники Яковъ Івановъ сынъ Зензинъ, да Тимоѳеи Костянтиновичь Микулинъ къ великому князю Дмитрию Івановичю на помощь, а с ними приіде наугороцкие силы ѓл князей и бояръ і всякихъ людей. Рад же бысть великій князь Дмитрій Івановичь і биша челомъ посадником и целоваша их с великою радостию: воистинну есте дѣти Авраамъли, яко велицей бѣде мнѣ есте пособницы».

Эта вставка, обличающая автора, какъ человѣка, несомнѣнно знакомаго съ военнымъ дѣломъ, въ разбираемомъ спискѣ носитъ характеръ позднѣйшей передѣлки и искаженія; лучше она читается, какъ будетъ видно, въ текстѣ Сказанія по сборнику, принадлежащему проф. М. И. Соколову.

Остальныя вставки относятся къ разсказу объ объѣздѣ побоища и представляютъ незначительныя распространенія, скомпанованныя на основаніи имѣвшагося матеріала:

а) князю Владимиру приписывается такая рѣчь: «Гонишася за мною четыре татарина с мечи, но божею милостью Иванъ Родионовичь Квашня да Андрей Черкасовичъ увидѣвъ и прогонивъ меня скоро смялися с ними, з безбожными, и главы своя за меня поклали, аз же от них спасохся». И повелѣ тѣ тѣлеса подняти і нарадити в бѣлы отласы и положити во гробѣх и отослати в вотчину их ко женамъ і к дѣтем их.

Матеріалъ этотъ взятъ изъ рѣчи Стефана Новосильскаго, находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи. Разсказъ объ объѣздѣ побоища вообще имѣетъ тенденцію подробнаго изображенія печали надъ побитыми воеводами. Такъ:

б) указанные выше новгородскіе посадники — показаны убитыми. Около нихъ: — «вкупѣ лежатъ побиты семсот угороцких выборных дворянъ. Над ними же нача князь великій плакатися: любимыи мои братья, пріѣхали вы есте своею волею ко мнѣ, а не по моему велѣнію, видя меня в бѣде великой и главы своя поклали».

в) подробнѣй описывается и погребеніе павшихъ: ...всѣх же ямъ выкопаша великих тл... А с поганых с убитыхъ доспѣхи и портища і злато і сребро и оружие и конские паряды обирати, а тѣлеса их псом и звѣрем пометати на полѣ Куликовѣ.

2. Къ этому списку чрезвычайно близко подходитъ отрывокъ, напечатанный Х. Лопаревымъ въ Сборникѣ памяти Л. Н. Майкова [1]) по рукописи, принадлежащей издателю. Очень жаль, что напечатанъ только отрывокъ (рукопись дефектная), а не имѣющійся у Х. Лопарева другой, болѣе полный текстъ Сказанія.

Напечатанный отрывокъ начинается съ разсказа объ уряженіи полковъ и обрывается на самомъ началѣ эпизода о примѣтахъ Волынца: Рече ж Дмитрей Волынецъ... Новаго текстъ ничего не даетъ.

3) Сборникъ, принадлежащій проф. М. И. Соколову, въ 4-ку, скорописью XVII в. Сказаніе носитъ заглавіе: «Побоище бысть въ лѣто ,sωпи-го году. Бысть побоище бо на Дону с Мамаемъ царемъ с нечестивымъ у великаго князя Дмитрея Ивановича Московскаго і какъ победи безбожного царя Мамая. Слово.

Происходя отъ одного изъ списковъ 3 редакціи, разсматриваемый текстъ является единственнымъ, уклоняющимся съ

1) Стр. 116—123.

перваго взгляда отъ схемы 3 редакціи. До разсказа о совѣтѣ — переходить Донъ или нѣтъ, изложеніе еще совпадаетъ съ общей схемой, но далѣе части перепутаны. По сравненію съ планомъ текста Т Соколовскій текстъ пропускаетъ: совѣтъ о переходѣ черезъ Донъ, прибытіе вѣстниковъ, сообщающихъ о приближеніи татаръ; затѣмъ пропущено все, гдѣ говорится о Семенѣ Меликѣ, о приготовленіи къ рѣшительному бою, молитва великаго князя и рѣчь его къ войску, разсказы о примѣтахъ Дмитрія Волынца и видѣніи Ѳомы Кацибѣя. Затѣмъ схема обоихъ списковъ вновь совпадаетъ, и разсказъ одинаковъ до описанія объѣзда побоища великимъ княземъ. Послѣ этого эпизода въ Соколовскомъ текстѣ неожиданно являются всѣ отмѣченные мною выше пропуски. Нахожденіе ихъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста, конечно, указываетъ только на то, что списокъ былъ сдѣланъ съ экземпляра съ перебитыми листами; въ дальнѣйшемъ изложеніи я отмѣчу всѣ мѣста, гдѣ текстъ перебитъ. О редакторскихъ измѣненіяхъ въ планѣ здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи. Поэтому не смотря на видимое уклоненіе отъ плана, и этотъ текстъ слѣдуетъ считать относящимся по схемѣ вполнѣ къ 3 редакціи.

Особенностями же его являются, какъ и въ предыдущихъ спискахъ этой группы — вставки, частію подобныя изложеннымъ, частію являющіяся здѣсь впервые. Чтобы отмѣтить вмѣстѣ съ ними и стилистическія распространенія, я приведу разночтенія разбираемаго текста сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ Т:

Стр. 39 (печатнаго текста): ...орды многие совокупил к себе на помощъ и не мошно бе изчести войска его, и глаголя войскому своему, яко обогатееть руским златом і ризами драгими и доспехи позлащенными и женами добрыми зрачными и девицы прекрасными...

Стр. 40: ...гдѣ пусто место и неключимо и может противъ тебя стояти и совокупитися, руския силы вся розбегошась, а злата и богатсттва московского и много то все в вашей руце

будеть и твоему великому и нещетному войску на потребу...

Стр. 41: ...веленіемъ, ова к Литве, ова к Резанi, царь же Мамай и ерлыкь свой подасть намь и родом нашим по нас и тако поживем безмятежно. И егда восхощет князь Дмитрей Московский вотчину свою взяти, и мы противу его станем, тако проженем его...

Стр. 44: ...именем Захария Тючева и другаго с ним отпусти Ондрея Семенова сына Попова...

Стр. 46: ...и Господь Богъ и пречистая Богомати и чюдотворцы Борис и Глѣбь и Никола чюдотворецъ и Петръ митрополит будуть ти помощники... князь Борисъ Прозоровский, князь Лѣвъ Купрински...

Стр. 47: ...знамение на челе и рече ему тайно: Имаши побѣдити супостат своих, елико довлѣеть государьству твоему, а тебя самого уязвять сыроядцы под левую пазуху, да не узреть будеть, но о томь мужайса и крепис и призывай Господа Бога на помощъ... ратницы: Ондрей же гнаша на р̄, Александрь ж гнаше на с̄...

Стр. 52, послѣ словъ «перевезеся самь Оку реку» — слѣдуетъ *первая* большая вставка, тожественная со вставкой въ предыдущихъ двухъ спискахъ, но по тексту — *лучше*:

Повеле смечатца — колико у коего воеводы в полку рати. И говоритъ тогда первый воевода болшей бояринъ Ѳедоръ Семеновичъ великому князю: Подо мною, государь, силы ꙗке. Вторы воевода говоритъ Глѣбъ Брянски: Подо мною, государь, силы ꙗке. Третей воевода говоритъ Всеволожъ з братомъ с Володимеромъ: Подо мною, государь, силы ꙗsi. Четвертой воевода говоритъ Данило Василевичъ: Подо мною, государь, силы ꙗк. Пятой воевода говорить Тимоѳей Волуевичь: Подо мною, государь, силы ꙗеi. Шестой воевода говорить Івань Романовичь Квашня: Подо мною, государь, силы ꙗгi. Переславской воевода говоритъ Ондрей Серкизовъ: Подо мною, государь, силы ꙗві. Осмой воевода говорить князь Ондрей Муромскиі: Подо мною,

государь, силы ҃гі. Князь Владимеръ Андреевичь говоритъ и его воеводы: Под нами, государь, силы всея ҃м. Констентинъ Кононовичь говоритъ: Подо мною, государь, силы ҃кд. І всея тоя силы с великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ ҃скг. Того же числа придоша за Донь к великому князю Дмитрею Ивановичю великаго Новаграда посадники, а с ними ихь ҃і. Радъ бысть велики князь, и биша ему челомъ новогородченя.

Стр. 54: ...увы мнѣ: хотѣхь азъ чюжие власти господинъ быти, ныне жъ своихъ улишаюсь. Но воля Господня да будеть: кому Господь поможетъ... Оттолѣ мышляху, яко отцѣмъ ненавидими, но обаче боголюбиви, беста бо крещение прияли от мачехи своея, княгини Анны...

Стр. 55: Конецъ повѣсти объ Ольгердовичахъ *распространенъ*: описаніе состоянія духа Ольгерда, узнавшаго о переходѣ сыновей на сторону великаго князя представляетъ *вторую* вставку:

І тут совокупишася с ними. И придоша с ними силы ҃мз. Слышавъ же то Олгирдъ, князь литовски, от вестника своего и прочетъ писальные книги от своихъ пановъ, что его оба сына — князь Ондрей и князь Димитрей Олгирдовичи придоша к великому князю Димитрию Ивановичю Московскому на помощ против поганых татар и безбожного царя Мамая, и о том князь Олгирдь Литовски велми устрашися и глагола к себе: К которому аз поиду на помощъ? к царю Мамаю поиду, то ужь пути мнѣ неть. Аще поиду к великому князю, ино поидоша дети моиі, напреди придоша менѣ к великому князю. Не вем, что сотворю. — И глаголаше ему панове его: Преж сего времени сице быша — сыны за отца главы своя кладутъ, а си сынове твои, что творять. Аще ли убють на бою татаровя, то ты самъ спасешся в земли литовской и ихь грады самь станешъ владѣть, аще ли поидеш к великому князю на помощъ, ино самь убиень будеши от царя Мамая, по предиі реченым писанием проклет будеши. Аще ли одолееть царь Мамай московского князя, без тебя изгибѣ твоего войска литовского, и ты можеши от нѣю отговоритис, что дороги князь велики Дмитриі Московски все поотымал

всее земли своею силою святорускою. — Слышавъ же то князь Олгирдь от своих панов ту речь и полюби словеса ихь и глагола словеса тако: Помози, Господи, великому князю московскому и детем моим над погаными татарами и над безбожным царем Мамасмъ.

Стр. 57: разсказъ о приходѣ звѣрей и птицъ на мѣсто побоища, помѣщенный послѣ довольно значительнаго пропуска въ текстѣ противъ Т (выпущено: «приспѣ ж в $\bar{е}$ день — на Руси въжделѣша), представляетъ неудачное и неоконченное сокращеніе эпизода, читающагося въ нѣкоторыхъ спискахъ 4 редакціи:

От восточные страны придоша зверие образом страшным на овчие стадо, и мало от них сташас, бѣдные, и превратишас овчате на волки образы свериными, і устремишас лвы тѣ на них тех звѣрей и поядоша ихь до единаго звѣря. Но азь, царю, чаю прокъ видение есть — велико грозно побоище в некоторой земли, не вем, где будет [1]).

Непосредственно за этими словами, въ рукописи со словъ: «Велики князь пересяде на ізбранной свой конь и нача по полкомъ ездити, со слезами глаголюще»... идетъ то, что въ печатномъ текстѣ находится *на страницѣ 62*.

Стр. 62: ...земнаго помышляйте, страшных и пустошных словес не говорите, но уклонимся нас во единое, да вѣнцы...

Стр. 64 — разсказъ о мученіи Аѳеоы изложенъ нѣсколько иначе:

Вы бо, рабиі божиі истинни, паче есте мученика Христова и страстотерпца Аѳеоы. Егда мучень Устинианомь царемъ, по многихъ же мукахъ, и повеле царь извѣстити и посещая. Добли же воини ізбраннаго воеводы, един пред единым главу свою пред мечем кланить, видяще бо почесть победы своея. И той воинь возбрани войску своему, глаголя: Вѣсте ли, братия моя, у земнаго царя не аз ли прождѣ вас почтен земной почести і дарове имахь, ныне же подобаеть ми преудивити у небеснаго

1) См. ниже ссылку на 62 стр. приложеній.

царя главѣ моей прежде усеченной быти, паче венчанной. Приступль же воин и усекну главу его, последи же пришедшу иссѣче дружину его.

Стр. 69: послѣ сл. «Сергия и техь всехь святыхъ молитвами побѣдить тако і спасемся» слѣдуетъ неидущая къ контексту прибавка: Аще умрем, то всиі общую смерть примѣм от князя и до простых людей. Тебѣ же, государю, подобаеть отставити смертная, да зде ужъ буйными головами глаголати имѣти с главы крѣпитися (такъ!) войско твое, мы ж убо видим, яко множество избранных витязей в войском твоемь. — Послѣ чего непосредственно: «Князь же велики повѣле войску своему Дон перевозитись» и т. д. — то, что въ печатномъ текстѣ начинается на *страницѣ 57*. Весь этотъ отрывокъ со словъ «Аще умремъ»..., читающійся какъ разъ на 57 стр. приложеній, доказываетъ, что текстъ Соколовскаго сборника *писанъ съ перебитыхъ листовъ*.

Стр. 61: ...Хылопцыбеевъ... поставлень бѣ стражом от великаго князя Дмитрея Ивановича на рѣкѣ на Непрядве на Михаловке, мужества...

Стр. 62: ...николи ж таким людямъ нѣ бысть на месте томь. В тож время по всемъ градомь и землямь великая гроза бысть, земля стонѣть нѣобычно въ Царѣградѣ і в Галади і в Каѳе і в Бѣлеграде. Царь же цареградски во страсѣ велицѣ бысть і в нѣдоумѣни, і мнози глаголаше: что будѣть. И глаголаше волхвъ: Аз, царю, видѣхь видѣние прежде сего страха за семъ дней...

Этотъ неоконченный отрывокъ о землетрясеніи въ Цареградѣ представляетъ начало вставного эпизода, конецъ котораго приведенъ былъ мной выше (см. ссылку на стр. 57 печатнаго текста). Подобное раздѣленіе текста съ нарушеніемъ смысла еще разъ указываетъ на перебитые листы протографа, съ котораго писецъ списывалъ текстъ механически.

Непосредственно вслѣдъ за этимъ въ рукописи, со словъ: «Сентября вь ѣ̄ ден на память святаго пророка Захаріи»...

идетъ то, что въ печатномъ текстѣ находится на страницѣ *56*.

Стр. 57: совѣтъ Ольгердовичей — перевозиться Донъ — распространенъ:

...здѣ ли пребудемъ или Дон превеземся. И рекоша ему князи и бояре московские: Предадим живот свой на сей странѣ Дону. Кликнуша Олгирдовичи, князи литовские от всего сердца своего: Не послуша, государь князь Дмитрей Іановичь, кромолников московских. Поидѣ за Дон, аще на страсть не дерзнешъ тайно, и желанно не получиш и славнаго имѣни во вѣки. — Сами ж Олгирдовичи удариша по конем своим и побредоша за Дон і вся силы ихь и глаголаша князю Дмитрею Іановичю: Аще хощеши, господинъ, крепкаго войска...

Послѣ разсказа о переправѣ черезъ Донъ, текстъ уже переходитъ къ окончанію, и со словъ: «Князь же велики Димитрей Іановичь слышавъ, возстав и рече: Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся»... начинается то, что находится на 70 страницѣ печатнаго текста. Въ окончаніи нѣтъ особенныхъ добавленій, кромѣ характеристики убитаго богатыря татарскаго, который здѣсь носитъ имя «Тавримъ»: мѣра бо сего татарина — высота трех сажень, меж плечми сажен, меж очима локоть. Эта характеристика сближаетъ разсматриваемый текстъ со слѣдующимъ, Уваровскимъ, гдѣ она развита подробнѣй. Присутствіе имени татарина — указываетъ уже на извѣстный переходъ къ 4 редакціи, хотя характерная для Т интерполяція здѣсь еще присутствуетъ: «нарочитаго богатыря Григоря Капустина».

Отмѣченная мною особенность Погодинскаго списка № 1595 — сокращать основной текстъ Сказанія, замѣчается и въ разбираемомъ текстѣ. Выпущено много вставокъ изъ Повѣданія, сохраненныя поэтическія мѣста часто сокращены, нѣтъ именъ боговъ, которыхъ призываетъ Мамай, сказаніе о примѣтахъ сокращено и перебито, наконецъ сокращенія замѣчаются и въ эпизодѣ о поискахъ великаго князя. Эти сокращенія

слѣдуетъ отнести скорѣе къ поспѣшности при перепискѣ, нежели къ редакторскимъ измѣненіямъ въ виду общаго характера текста.

4) Скорописный сборникъ собранія гр. Уварова, № 802, XVII вѣка. Сказаніе по плану *вполнѣ совпадаетъ* со спискомъ Т; въ текстѣ мѣстами буквальное сходство. Плохое пониманіе текста, этотъ общій недостатокъ списковъ 3 редакціи, въ достаточной степени чувствуется и здѣсь.

Что заставляетъ относить этотъ текстъ къ разряду перечисленныхъ мною списковъ, это стремленіе къ распространенію и добавленіямъ, носящимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совершенно оригинальную окраску. Редакторъ, очевидно, былъ знакомъ съ народной поэзіей: сохраняя поэтическія выдержки изъ писанія Софоніи, онъ дополнялъ ихъ образами, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ. Я не встрѣчалъ другого примѣра украшенія текста цитатами изъ народной поэзіи, которыя были бы настолько сохранены, что даже самый пѣсенный складъ не нарушенъ.

Отмѣчу прежде всего разночтенія Уваровскаго списка со спискомъ Т:

Начало Сказанія: «В лѣто $\overline{\text{s}}$ тысящь восмь соть и $\overline{\text{п}}$ девятаго. Начинаемъ повѣсть новыя сия побѣды, како случися бран на Доноу православным крестияном з безбожными агаряны и како возвысися родъ крестиянстиі на поганых и уничижи іх и посрами их суровство».

Стр. 38 (печатнаго текста): ...сія величествія божія... великому князю Дмитрию Ивановичу московъскому на(д) безбожным Мамаем и над его погаными половцы. В лѣто же то попущением... научи его, како бы разорити православную вѣру и осквернити святыя божия церкви и всему крестьянству потреблену быти...

Стр. 39: ...яко да не славиться... Батыеви и окаянному отступнику Улияну возревъновав, начя пытати старыхъ еллинъ і мурзы і уланы болшие, како....*Ослепленъ же бысть*

очима [1]) и тогда не разумѣ, како Господу *годъ бысть*... согрешеніе и *маловѣруя*... глаголати ко отступником своим алпаутом, князем... оубию князя их *і жену его* и приведу всу Рус под свою руку... глаголя имъ, яко обогатеете...

Стр. 40: ...посла князь Олегъ рязанскіи і посла ко царю Мамаю безбожьному... и твоему войску великому *и потребу*.

Стр. 41: ...казнити своего служебника... пръствия твоего, да отмсти ему нашу обиду седмърицею и видит твое смотрение *нашу грубость*... зла, *ни рыдания* ни *подкопаі* под врагом...

Стр. 42: ...ямы, да тя самого Богъ в горшея не ввержет. И придоша... чествовав велми... Ольгу рязанскому: Елико написасте... халдѣй. *И не от чести* вашею рукою... побѣдити подобна себѣ и довлѣет ми пръская честь. Рците княземъ... Мамай со всѣми силами *иорданьскими*, неуклонно и зверообразно яряся на...

Стр. 43: ...рабъ твой, но на тя надѣюся и возвергу... хощеши всю *вселенъную* землю рускую погубити. Аз... сверѣпому сему воздвигшемуся на мя. И се рек: на Господа... воеводы приѣхаша на Москву... еще же и наіпаче воздахъ ему злато и сребро и драгия порты. Пресвященный митрополитъ...

Стр. 44: ...злата и сребра и посла... преступника злаго... противу ему и наипаче исправи. Князь же великій Дмитрей Ивановичъ избраннаго своего [2])... Захария *Тятишева*... и злата много отпусти с ним ко царю... врагъ ненавистикъ...

Стр. 45: ...і твориши правду возлюби [3])... Тупика иныхъ многихъ крѣпъких... стеречи со всяким усердием... на Коломне, на Успение... *Всеславскаго*, Григория *Тупика*... како *неизложение* идет... осени *требует*... Киевского, иже поведе нас от страсти еллинския [4]) ему же... *Стратилату* Плакидѣ.

---

1) Курсивомъ отмѣчаю не понятое писцомъ. 2) Какъ и въ Т — пропущено: «посла». 3) Пропускъ въ Уваровскомъ текстѣ. 4) Въ третьей редакціи это опредѣленіе стоитъ ниже и относится къ Евстафію Плакидѣ.

Стр. 46: ...постражет за имя мое, то аз с ними есми. Мы же, господине... главы своя под меч подклонити за православную вѣру и за святыя церкви кров свою пролити, и своею кровию второе крещение пріімем». Князь великий слышав то... и подвигь скончяти, имени твоего ради... подобни суци боеви, храбри воини и удалы витязи, учрежено... *Карголомской* и *Андоския* князи... Лев *Суропскиі*... ко отцу своему духовному, преподобному...

Стр. 47: ...своего Пересвета і Ослеба... яко извѣстьни сут ратницы. Они же скоро послушание сотвориша... еже рече ему преподобный старець. И ко граду своему *яви* некая сокровища некрадомая, несый благословение...

Стр. 48: ...всеа твари помощнице, человѣческая заступнице... и на твою помощь на противныя враги...

Стр. 49: ...свѣтлую свѣщу на съвѣщнице высоце. *Те* бо подобает о нас молитися, да не... кресть, и посла архиепископ священныя соборы с клиросы... унынис и востание приключися... боярыни своим князем и бояром тоже отдадут целование и возвратишася...

Стр. 50: Уже тогда аки соколи отрывахуся из краснаго града Москвы, а князи Белозерския... разлучися з братом своим, со князми белозерскими, яко не вмѣститися дорогами...

Стр. 51: ...*яко хозяевъ сущеи*... *Костянтина Ховрю*... *Салалараева*... стеблия *фининнаго* ясти... арганы мнози бити, трубы трубят гласом ратным изволенно жалобно тихонко, стязи ревут у сада Панфилева...

Стр. 52: ...Оку рѣку перевозитися.

В то же время в великом Новъграде стоят мужи новогородцы у святыя Софеи, на площади бьют вече великое, говорят мужи таково слово: Уже нам не поспѣть на пособ к великому князю, кажут, он Оку реку перевозится, а токо нам к нему не ѣхат, а ему будетъ не пособь, ино нам будет Новымгородом не отсадится. И борзо мужики новогородци наряжалис, отпущали з города 13 посадников болших новогороцких, с ними же силы

немного, толко 13 тысящъ, а все люди нарядные, паписыри доспехи давали з города. И рекоша: поидите, братия, с одново на безбожнова. И пришла сила новгороцкая к великому князю Дмитрію, оному же Оку реку перевезшуся. И радъ бысть князь Дмитрій Ивановичь и рече имъ: в полату (такъ!) вам, мужи новогородцы, что мя есте не отдали. И почтив их велми и заповѣда...

...Петра Горецкаго... вѣдомцов полских.

Стр. 53: ...вѣрою и къ Богу и о всѣхъ за вся имый упование ко вседержителю Богу... ...путь. Мы надѣяхомся преже его поіти и мнехом, яко не подобает... которому моему разуму худому вдамся. Аще имам великому князю *поработати*, то вѣсть *утробу* мою измѣнъную, не приимет мя. Аще ли приложуся...

Стр. 54: ...по прежереченным *укором*... и слышав, яко князь великій Дмитрій Ивановичь совокупися со многою силою, Словены и Блъгары и Новогородци, идеже кождо, услышав, яко Олегъ... Мамая. Отголе мысляще *ко отцу* ненавидими, но паче Богомъ... ходити по нему, обрѣте нас *пустошны*, *не суетно* сотворена чада. Он же *имам*, что воздати сему *противу сего таковому промышлению*, скончяем убо подвигъ доброй подвижнику Христову, начальнику бо крестиянству...

Стр. 55: ...видѣвше и множество людей и урядно нарочитые противници и полци, ихже бяше седмдесятъ тысящъ. И приспѣвше на Доп, борзо сущи, наѣхаша... и ту совокупися князь великій Дмитрій Ивановичь з братом своим князем Владимиромъ, с ними же совокупишася Олгирдовичи, князь Андрей Полоцкій, князь Дмитрій Брянскій. Князь же...

Стр. 56: ...яко Олгирдовичи князи приидоша... [въ рукописи слѣдующая страница пустая, и текстъ начинается съ]:

Стр. 57: ...то днес вели имъ перевозитися, то нѣсть ни единому помышления воспять... сердца укрѣпляхуся, *луншим слышав руским паче укротьша*, понеж убо многи врани... дни грознаго. И мнозие звѣри стекошася, лисицы брешут, глядячи

на злаченыя доспѣхи, ждущи часа, в он же страх придет, Богом изволенъ... морския воды из мѣстъ вылиятися. От таковаго... трава сильная вся постилается...

Стр. 58: ...яко приближаются напрасно погании. Яко час 6 приіде, прибежа... нольпи о полцы наша ударишася. Видевше же множество людей, изратишася и взѣха на мѣсто высоко и видѣша множество людей, полцы наша, и скоро возратишася ко царю и повѣдаша... при Дону. Царь же рече: колико людей? Они же рѣша: божиим промыслом множество много, четверицею множае нас. Он же...

Стр. 59: ...заря во время *вѣтра* (такъ!) сияюще; еловци... собрания и храбрости таковаго же учрежения. Вси бо единъ за единъ хотят умрети... подобно есть войску макидонскому, царя Александра Макидонскаго, мужеством.... Гедеонови, опасниі непобѣдимиі воини. Господь... на колѣну свою, на траву зелену, прямо... душа начаша воздыхати от сердца и жалостно слезяще и зваше велегласно... имя твое святое. Войско же все по молитвѣ всѣдьши на коня своя, начаша творити молитву вси. Князь же великій пача по полком... до велика. Сие вам приспѣ день грозный, и час смертный приближися. Бдите... не мятущеся. Утре бо неудоб...

Стр. 60: ...чашу и ту имут пити поведеную, ея же... миръ вам будет, братии моей. И еще утре ускори со братею и со всѣми князми своими. Отпусти... [идетъ разсказъ о выдѣленіи засаднаго полка, здѣсь послѣдовательность въ планѣ сходна со 2 редакціей] ...лѣтними сияющей... князю: Княже господине, искушу убо аз примѣту свою. Уже бо нощи глубоцеи заря изгасе и потуше. Дмитрей же всѣд на кон и поим с собою Владимера [потомъ «Владимера» зачеркнуто и написано «великого»] князя единаго... зиждуще. Бысть ззади... по другой же странѣ клегчюще, и бысть трепету и кличъ птичей велик велми. Враном же, яко граворон грающе, противу же по рецѣ той по Непрядвѣ... едина ти есть радостная, а другая...

Стр. 61: ...жена горко плачющи еленьским гласом чад своих, а другая... много примѣтовах и боев испытах, сего ради... и рече: Тако буди побѣда поганым, а державе господне божия милость. Рече же Волынецъ... мужь сунклитикъ, разбойникъ, именем Ѳома Клицибе... на Чюрковке... видѣв изрядно и прият, аки нѣкакие полки от востока велика зѣло...

Стр. 62: ...на запад до Дону... прегибающеся, аки волны морския колыбающеся, рѣки же воды выступали из мѣстъ своих, яко николиже *съ тихъ земь* на мѣсте томь. Великому же... Бога ради, всядите на кони своя, подвизайтеся, покладите главы своя святых ради церквей... вѣчный наслѣдуйте и ничто ж... не мыслите, но уклонитися на усвоение, да вѣнцы...

Стр. 63: ...на мѣсте том и положив руце свои за пазуху и взем живоносный... ему идущу на брани славнаго вина пити с нечестивыми и чюдным... аки нѣкаким твердым оружием на брань утвердишася. Еще же... и приим копие свое и взем... милостию своею до времепныя части, по чему разумѣеши, кого даровати. Мы же...

Стр. 64: ...волци распудят, елико кто служит своею главою, елико кто хощеть. Тебѣ подобаетъ... отвещати, паче же і не успѣю, но токмо... мучень Устьяном царем, с ним же бяше 60 воинъ... на позорище и посѣщи добрых воинъ избраннаго воеводу, и един пред... последи и тѣм шестидесяти воином. Такоже и аз... почтен бѣ, нынѣ же вамъ глаголю, аще благая... меня бо ради всѣмъ вамъ единаго общая чаша пити, аще общею смертию умрем вси, аще ли умру с вами, аще и спасуся с вами. Нынѣ же оставим же бо, коиждо к своему потягнем. Передовый...

Стр. 65: ...печенѣгъ

именем Телибей: трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, межу плеч у него сажень мужа добраго, а глава его, аки пивный котелъ, а межу ушей у него стрѣла мѣрная, а межу очи у него, аки питиі чары; а конь под ним, аки гора велия. И вопияше еленьским языкомъ, пред всѣми...

. . . видетися, пыхая, яко лев и аки жених хотя венецъ восприяти небеснаго царствия. Бѣ на нем... за мя Бога. Воиско же все единым гласом вопиюще: поиди, господине, Богь да проститъ тебя и святый Сергий.

Онъ же разжегся сердцем и наступи на печенѣга того, яко мланья, и рече в себѣ молитву Исусову, глаголя: Господине святый, игуменъ Сергий, помогай мнѣ молитвою своею рабу своему на безбожнаго сего печенѣга, яко на мя вооружился. — Он же, безбожный печенѣг, устремися противу его и глаголя в себѣ: О Бахмет, помози ми. — Вои же крестиянстиі вси воскликнуша единымъ гласомъ: Господи, помози рабу своему. — И ударишася вмѣсто два богатыря межу собою, аки сильный гром грянул, едва мѣсто не проломилося под ними, и спадоша. . .

. . . и час приіде, кождо на своемъ конѣ поскочи, ста вси, аки медвяны чаши пити. Храбрым же сердца веселяхуся, а уншим сердца ужасающеся. И кликнуша... . . . помози нам на противныя враги наша, не дай же нас, Господи, в посмѣх врагом нашим, но дай же намъ, Господи, помощь на враги наша. Печенѣзи ж воскликнуша, призывающе своих богов оканных: оканнаго своего пособника Махмета: о Махмете, помози нам и моли о нас Бога. И ступишася велици полцы и крѣпко бьющеся; напрасно щепляются щиты богатырские от вострых копеев, ломаются рогатины булатныя о злачепыя доспѣхи, льется кровь богатырская по седельцамъ покованнымъ, сверкают сабли булатныя около голов богатырских, катятся шеломы злаченые с личинами добрым коням под копыта, валятся головы многих богатырей з добрых коней на сырую землю. И потоптаны быша, не едины бо руские богатыри побьени быша, но да и татарских вдвое, не токмо оружіемъ... . . . и под трупием мертвым мнози живи умираху от великия тесноты... . . . зари, блистание ж мечное и сабельное сверканіе, яко мланья из рукъ богатырских, от мечнаго сечения трепет бысть тогда, труск и лом велик копейной, яко же бо не мощно зрѣти. . .

Стр. 66: ...одолевати кристиянъ. Уже бо восият хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю, уже мнози от храбрых богатырей и унотъ руских побени суть, богатыри же руские, аки древа... Видѣв же то князь Володимеръ Андреевичь великую беду кристіанскую, аки класы пшеничные подавляеми терниемъ, а терние ростяше и буяше. Благородный же князь Владимиръ Андреевичь не моги...

Стр. 67: ...Боже, содѣтелю твари, предстоя над нами, седя на херувимѣх, пѣваемый от сераѳим, не дай же... аки соколы изучены, а нападоша на поганых татар, аки на многи стада гусиные. Поганыи же прибѣгоша ко царю Мамаю и рѣша ему: зри, царю, яко христиане над нами умудриша... соблюдошася. Мамай же, видѣв войско свое разбиваемо и рече к себѣ: вознесохся есми высоко и до ада сошел есмь, мнози же уязвени нами рустиі побивають нас, секущи... *Савата* и *Араклиа* и *Гусаря*...

Стр. 68: ... Видѣв же то беззаконный царь, иже новы люди приідоша, и рече своим угодником: Побѣгнем... одолѣша о конехъ ихь, яко цѣли суть, гоняще же возвратишася... на сторожи стоя. Богатыри же руские, гоняюще, побиваху поганых, и якоже всѣх избиша и возвращахуся... не обрѣте великого князя, и нача глаголати: Братиа...

Стр. 69: ...*Бреньска*, изубитаго в приволоце великого князя и в шеломе. Иніи же... воеводы, слышавше таковую радость великую, скоро *скочишася* на конех своих и приідоша и падоша на ногу его и пролияша слезы своя, глаголюще... Александръ, радуйся святило руския земли и пастырю добрый заблудшим овцам и побѣдителю врагом...

Стр. 70: ...лежат н̄ князей белозерских... Перскаго, ты ж своему государю також служил еси. И ту лежащу Семену Мелику...

Стр. 71: ...началника Пересвѣта, той бо *наединей* побѣди... Храбры же богатыри из всѣх стран, поѣхавше на глас трубный, испытывающе доволно своих оружи о поганыя тата-

ровя. Грядуще... расхищеніе. Говоритъ князь великій Дмитрій Ивановичь: братья, князи рускіе и бояре мѣстные и воеводы силныя, считайтеся... болшой бояринъ, у него ж были переписи, колко пошло силы руския за Донъ: Государь князь Дмитрій Ивановичь, нѣтъ... (въ счетѣ противъ Т пропущены бояре костромскіе и галицкіе).

Стр. 72: ...І рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Братие, князи руские и бояре мѣстные и воеводы силныя, люди молодшие, вси избитые, вамъ, братие, суженое... и в будущем. Сие ж оставим здѣ и на первое взыдемъ. Поганому же царю Мамаю отселе избѣжавшу до моря, до мѣста, идѣже бѣ градъ Каѳа создан. І потаив свое имя і познан бысть нѣкоем купцем и тут убьен бысть от Ѳряз, іспроверже злѣ животъ свой. Сия же оставим здѣ.

Стр. 73: Слышав же Олгирдъ литовский, яко князь великий Дмитрій Ивановичь одолѣ и поби царя Мамая, і поиде от Одуева во свою землю литовскую со многим стыдом і срамом, не токмо Москву улучи, но и своих лишен агарянъ

А Олегъ також убояся, покры рукою лице свое: Увы мнѣ, вопияше, како ми на Рязане прожити. Ров изрый, ископай і впадется въ яму, юже содѣла старецъ мой.

Распространенія Уваровскаго списка не интересны и новаго ничего не даютъ. Гораздо важнѣе его поэтическія добавленія: съ одной стороны, редакторъ не только сохранилъ заимствованія изъ Повѣданія, читающіяся въ текстѣ Т, но и дополнилъ ихъ, такъ что въ этомъ отношеніи этотъ текстъ, по количеству поэтическихъ вставокъ, приближается къ списку Тимковскаго и вообще — къ печатной группѣ.

Съ другой стороны — въ разбираемомъ текстѣ находятся три вставки, съ ясно выраженнымъ пѣсеннымъ складомъ. Книжная обработка коснулась ихъ очень мало, настолько, что стихъ легко возстанавливается. Я приведу ихъ, заключивъ въ скобки то, что несомнѣнно прибавлено книжникомъ и явно нарушаетъ пѣсенный складъ народной старины:

1) Пѣсня о помощи новгородцевъ. Сюжетъ не новъ, онъ встрѣчается и въ другихъ спискахъ 3 редакціи, но въ данномъ случаѣ напрашивается предположеніе — не былъ ли этотъ разсказъ въ началѣ, дѣйствительно, пѣсней:

. . . въ великомъ Нов(ѣ)городѣ
Стоятъ мужи новогородцы, (у святыя Софеи)
На площади бьютъ вѣче великое.
Говорятъ мужи таково слово:
Уже намъ не поспѣть (на пособь) къ великому князю,
Кажутъ, онъ Оку реку перевозится.
Ино (намъ) будетъ Новымгородомъ не отсадиться.
И барзо мужики (новогородцы) наряжалися
Отпущали (з города) тринадцать посадниковъ. . .
Съ ними же силы (немного, только) тринадцать тыся(чей)
А все люди нарядные,
Пансыри-доспѣхи давали з города. . .

2) Описаніе вида татарскаго богатыря — печенѣга Телибея. Это описаніе взято изъ эпическаго изображенія Идолища Поганаго:

Трею сажень высота его,
А дву сажень ширина его,
Межу плечъ (у него) сажень мужа добраго,
А глава его, (аки) пивной котелъ,
А межу ушей (у него) — стрѣла мѣрная,
А межу очи (у него, аки) питіи чары,
А конь подъ нимъ, (аки) гора велія. . .

3) Наконецъ — картина общаго боя. Въ современныхъ записяхъ старинъ ей нѣтъ соотвѣтствія, это — не locus communis; нужно думать, слѣдовательно, что она составляла часть спеціальной какой-либо пѣсни:

Щепляются щиты богатырскія, (отъ вострыхъ копеевъ)
Ломаются рогатины булатныя, (о злаченыя доспѣхи)
Льется кровь богатырская
По сѣдельцамъ покованымъ,
Сверкаютъ сабли булатныя
Около головъ богатырскихъ,
Катятся шеломы злаченые
Добрымъ конямъ подъ копыта,
Валятся головы (многихъ) богатырей
Съ добрыхъ коней на сыру(ю) землю...

Я не думаю, однако, чтобы наличность этихъ пѣсенныхъ отрывковъ заставляла предполагать о существованіи старины о Мамаевомъ побоищѣ. Я думаю, что такой старины не было. Встрѣчающіяся теперь упоминанія въ старинахъ Мамая, Мамаева побоища, поля Куликова — представляются оторванными отъ письменной повѣсти. «Мамаево» побоище, какъ и «Камское» — стало синонимомъ «страшнаго, ужаснаго, кровопролитнаго». «Мамай» въ старинахъ фигурируетъ столько же, сколько въ пословицѣ: «Здѣсь точно Мамай воевалъ». «Куликово» поле, наконецъ, является въ старинахъ съ сюжетами, нисколько не напоминающими Куликовскую битву. Отдѣльныя историческія пѣсни, какъ напр., предложенная мною — о походѣ новгородцевъ на помощь Москвѣ — еще могли существовать, да и то, за отсутствіемъ доказательствъ, я не могу утвердительно ставить такое предположеніе. Вѣрнѣе всего, слѣдовательно, что редакторъ этого списка, использовавъ весь поэтическій матеріалъ Повѣданія, обратился за дальнѣйшими украшающими дополненіями къ народной поэзіи. Примѣръ очень характерный, какъ соединеніе въ одной повѣсти «старыхъ словесъ», восходящихъ къ Слову о полку Игоревѣ, съ живымъ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Съ этой стороны Уваровскій текстъ Сказанія — единственный въ своемъ родѣ.

Разобранная группа списковъ является переходомъ къ послѣдней, пятой группѣ списковъ 3 редакціи, *представляющей родъ соединительнаго звена между 3 и 4 редакціями Сказанія.* Пятая группа характеризуется также рядомъ вставокъ, большею частью соотвѣтствующихъ вставкамъ 4 редакціи. Вообще же вставочные эпизоды четвертой и пятой группъ представляютъ изъ себя письменную обработку какихъ-то устныхъ преданій, пѣсенъ, иногда не имѣющихъ прямого отношенія къ повѣствованію о Куликовской битвѣ, или же вновь скомпанованные разсказы на основаніи матеріала, находящагося въ Сказаніи — таковъ, напр., разсказъ объ исчисленіи воеводами имѣющагося у нихъ войска. Въ остальномъ же распространенія носятъ обыкновенный риторическій характеръ, не разъ мною отмѣчаемый.

V. Пятая группа, слѣдовательно, состоитъ изъ списковъ, представляющихъ *переходъ отъ третьей редакціи къ четвертой.*

1) Публичной Библіотеки Q. XV. 31, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе представляетъ, собственно, рядъ отрывковъ, начинается съ эпизода о посылкѣ великимъ княземъ грамотъ для сбора на Москвѣ войска. Планъ, въ общемъ, одинаковъ съ планомъ 3 редакціи, особенно начиная съ разсказа о походѣ къ Троицѣ. Есть вставки, одинаковыя со вставками IV группы: о пространствѣ Куликова поля, о количествѣ вырытыхъ могилъ, о торжественномъ погребеніи убитыхъ.

До разсказа о походѣ великаго князя къ Троицѣ находятся двѣ вставки, характерныя уже для 4 редакціи: *текстъ грамоты*, посланной великимъ княземъ по городамъ и — *подробный разсказъ о посольствѣ Захаріи Тютчева въ орду*, о его хитрости и убіеніи вельможъ татарскихъ. Эти два эпизода принадлежатъ, какъ я говорю, уже 4 редакціи. Принимая во вниманіе, что дальнѣйшій текстъ Сказанія въ разбираемомъ спискѣ сходенъ съ текстами предыдущей группы, т. е. съ 3 редакціей, надо думать, что памятникъ представляетъ на этотъ разъ текстъ

сводный. Вообще — сводка текстовъ 3 и 4 редакцій представляетъ отличительную особенность пятой группы.

2 и 3) *Сводный* характеръ носятъ слѣдующіе два списка, находящіеся въ ближайшей связи между собою:

а) Рум. Музея, собранія Большакова № 435, лѣтописный сборникъ XVII в. Передъ началомъ Сказанія — выписка изъ Степенной книги:

Степень вторая на десять — о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского. Затѣмъ уже идетъ Сказаніе: «В лѣто ,ѕѡпѳ Сказание о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Володимеру Ондрѣевичу». При разсказѣ о смерти «поганого Мамая» слѣдуетъ опять выписка изъ Степенной книги.

б) ИПБ., собранія Погодина № 1574, сборникъ XVII вѣка. Сказаніе носитъ то же заглавіе: «В лѣто ,ѕѡпѳ Сказание о Донском бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю». Заключеніе представляетъ сокращенное изложеніе окончанія группы У.

Эти тексты сходны между собою до разсказа о посѣщеніи Дмитріемъ обители пр. Сергія, включительно, причемъ Погодинскій текстъ дополняетъ случайные дефекты Большаковскаго, гдѣ утеряны нѣкоторые листки. Кромѣ того, въ началѣ Погодинскій текстъ самъ по себѣ представляетъ какую-то сводку: письмо Олега къ Ольгерду приводится дважды, находится упоминаніе о послѣ Ольгерда — Бартешѣ, что, собственно, принадлежитъ уже 4 редакціи. Что же касается всего содержанія Погодинскаго списка, то по плану и изложенію текстъ Сказанія, находящійся въ этомъ спискѣ, всего болѣе *приближается къ группамъ, зависящимъ отъ У*, тотъ же характерный конецъ.

Разошедшись съ Погодинскимъ съ 272 листа, Большаковскій текстъ въ дальнѣйшемъ изложеніи представляетъ распространенія, приближающія его уже къ 4 редакціи. Такъ — слова бояръ Олегу: «А се, господине, кажутъ пришли к нему на помощь новгородцы со многими силами, воинства же ихъ кажуть

красно и храбро велми, і князи бѣлозерския, і князи ярославския, и князи володимерския, и князи юревския, і князи костромския, і князи переславския, и князи стародубския, и князи муромския», — принадлежатъ уже 4 редакціи, гдѣ, между прочимъ, есть цѣлая повѣсть о приходѣ новгородцевъ.

Попытка воспроизвести текстъ грамоты пр. Сергія, посланной на поле битвы, также относится къ 4 редакціи, стремящейся вообще давать тексты грамотъ.

Картина единоборства развита самостоятельно: «Выѣде ж печенег ис полку татарскаго, предо всѣми мужествомъ и величествомъ, яко древній Голиядъ. Видѣвъ же Пересвѣтъ чернецъ, иж в передовом полку, и рече: Сей человѣкъ ищетъ подобна себѣ, аз хощу с нимъ видѣтися. — Бѣ же шеломъ на главѣ старца аггельскаго образа воображенъ схимою по благословению игумена Сергия, и рече: Отцы и братія, простите мя грѣшнаго. — И напусти на Печенѣга. И рече: Преподобный отче Сергие, помози мнѣ. — И напусти к татарину, аки стрѣла из лука и злегъ по коню сь (пропускъ), такожь и печенѣгъ к н(ему) напусти. Християне ж (воскликну)вше вси: Боже, помози рабу своему. — І толико ударишася крѣпко, яко не возмогоша их кони удержати на себѣ, но сразишася кони их вмѣсто и падше умроша. Они же воставше и хватишася под пазухи, оба ударишася о землю и ту оба скончашася, токмо Пересвѣтъ на печенѣгѣ лежитъ, всего разразивъ, сам же весь цѣлъ. И от сего мнози разумѣша, яко верхъ великаго князя будетъ, еже і бысть».

Тотъ же мотивъ встрѣчается въ спискахъ 4 редакціи.

Дальнѣйшее изложеніе — по 3 редакціи: бѣгство татарскаго войска — поиски князя — поѣздка по побоищу («лежитъ *Григорий Капусникъ* и чернецъ Пересвѣт, да брат его Ослебя, первыя воины, нарочитыя богатыри. Их же видѣв, князь великій рече: Видите, братия, сего началнаго богатыря, иж побѣди подобна себѣ воина, от него ж было пити многимъ намъ горкая чаша. *А се — и брат его Ослебя* множество поганых побил, и сам, тутo ж пришед, у брата своего главу свою положилъ» — позднее

и неудачное осмысленіе интерполяціи списка Т) — сборы на полѣ и рѣчь Дмитрія — погребеніе — счетъ (въ концѣ прибавлено: «Князь же великий Дмитрей Иванович повелѣ вострубити грозно над костми поганых татар и поиде радуяся восвояси. От трубнаго же гласа земля потрясеся, а поле Куликово все кровью воскипѣ, а река Непрядва 3 дни и 3 нощи кровию текла, а трупия татарския остались, аки сѣнныя стоги, звѣрем и птицам на снѣденіе. Князь же великій Дмитрій Ивановичь идучи повелѣ *рязанскую землю грабити, опричь святых церквей*») — смерть Олега — судьба Ольгерда и Мамая. Вся эта схема близка къ списку Т. Что же касается распространеній, примѣры которыхъ отчасти приведены, то по склонности къ многорѣчію и по безталанности образовъ Большаковскій текстъ подходитъ къ напечатанной мною Передѣлкѣ 4 редакціи, поражающей полнымъ отсутствіемъ беллетристическаго таланта у редактора.

Начало и конецъ Большаковскаго текста тѣсно связаны со Степенной книгой. Въ началѣ идетъ выписка: Степень вторая на десять, о митрополитахъ и о житіи Дмитрія Донского, затѣмъ — «В лѣто ,ѕѡпѳ Сказание о Задонскомъ бою и похвала великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичу». Въ концѣ, въ разсказѣ «о смерти поганого Мамая» — идетъ снова выписка изъ Степенной. Можетъ быть, редакторъ имѣлъ въ виду включить Сказаніе въ Степенную книгу?

4) Ниже, при разборѣ 4 редакціи, я буду говорить, что 4 редакція восходитъ къ протографу, имѣвшему тотъ же заключительный разсказъ о возвращеніи Дмитрія съ Куликова поля, какъ и списокъ У 3 редакціи. Въ разбираемой группѣ уже встрѣтился одинъ списокъ съ такимъ же заключеніемъ (Погодинскій 1574), къ нему же слѣдуетъ отнести еще списокъ, собранія того же Погодина, № 1555. Со спискомъ У сближаетъ его еще одна характерная особенность. Выше я указывалъ на ошибку У (и 1, зависящей отъ него группы): «медвезешь» — вм. медокупцы; въ разбираемомъ является какъ бы попытка

объясненія этой ошибки: вмѣсто этого слова въ спискѣ стоитъ: «*привезоша* ко мнѣ от Северы *мед*». Несомнѣнно, что Погодинскій № 1555 восходитъ къ списку У.

При разборѣ 4 редакціи я отмѣчаю постепенную утрату поэтическихъ заимствованій изъ Повѣданія и переходъ ихъ въ прозаическія переложенія. Эта особенность замѣчается и въ разбираемомъ спискѣ. Нѣтъ вовсе описанія «стука и грома» рати передъ разсказомъ о поѣздкѣ Дмитрія къ Троицѣ. Другія выдержки — искажены, напр.: «сынове рустии успѣшно грядут, *яко медвеныя чары пьют или стеблия виннаго ясти*»... Или, въ разсказѣ о пріѣздѣ на Коломну: «начаша мнози гласи труб ратных гласити *на границы* мнози бьюще и стези ревутъ. Сынове жъ рустии наступиша великия коломенския поля»... Или: «трава постилашеся и люди унывающе, видяще пред собою смерть». Совершенно скомкана формула боя: «и на том поле силнии полци сташа, из нихъ же выступиша кровавыя зари от облистанія мечного, силний зук бысть и стукъ от копейна сломленія, яко не мошно бѣ зрѣти никакож того грозного и горкого часу».

При такомъ отношеніи къ поэтическимъ мѣстамъ Повѣданія очень странно видѣть здѣсь сравнительно рѣдкую вставку изъ того же памятника: «Уже намъ в своей земле не бывати, а катунъ своих не трепати, а детей своихъ не видати, трепати намъ сыра земля, целовати намъ зеленая мурава. А на Рус нам уже ратю не ходити, а выходовъ намъ не имати. Застонула татарская земля бѣдами и тугами покрывашеся, уныша серцо и хотения, князем похвала на рускую землю ходити. Уже сынове руские заграбиша доспехи наши и всякое узороче, отласы и бархаты». Такой неиспорченный текстъ не гармонируетъ съ остальными заимствованіями изъ Повѣданія и заставляетъ предположить, что списокъ составился подъ перекрестнымъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ списковъ 3 редакціи (для двухъ послѣднихъ группъ это перекрестное вліяніе является почти закономъ). Судя по тому, что великій князь, при объѣздѣ

побоища, наѣзжаетъ: «Пересвѣта старца и близ его нарочитаго богатыря печенега, *близъ ихъ лежитъ рускiй добрый богатырь Григорей Капустин*» — такое вліяніе другого списка 3 редакціи — необходимо.

Разсказъ о единоборствѣ Пересвѣта съ татариномъ продолженъ такъ, какъ обыкновенно разрѣшаетъ его 4 редакція: рукопашный бой кончается смертью противниковъ, но Пересвѣтъ лежитъ вверху, «покры печенега монатею своею» (4 редакція видитъ въ этомъ указаніе, что «верхъ возьметъ» русское войско).

Изъ вставныхъ разсказовъ въ разбираемомъ спискѣ находится только распространеніе эпизода о посольствѣ Захаріи въ Орду. Характерный разсказъ этотъ является здѣсь какъ бы ядромъ, изъ котораго впослѣдствіи выработался отличительный для 4 редакціи эпизодъ о Захаріи: «Захария же прииде к царю Мамаю и обрѣте его на мѣсте, нарицаемом на *Браду на Вороноже*, и принесе ему от князя Дмитрея Івановича дары многия. Мамай же дары многия видѣвъ, наипаче возярис на православную вѣру и рекъ Захарию: Захарие, не на дары бо Мамай воздвигся с войскомъ своимъ, иду бо на Русь казнити улусника своего, князя Дмитрея московскаго, дары бо ваши прииму войску своему на плети. — Отвѣщав же ему Захария: Царю, како ты тако ведиш, аки младый отроча несмысленный, а не ведуще божия силы и владычня смотрения, но яко Господу годе, тако и будеть. — Глагола еж ему Мамай: Аще бо восхощу, и яз иду и попленю... Отвеще же му Захария: Царю, елико Господу гоже, тако и будетъ. — Слышевше же сие Мамай и разжегся крикнул: Аще ли сего малого улусу не одолею, то не возвращусь к себѣ. Теба ж не имамъ отпустити ко князю твоему, но отселе ми будеши раб и дамъ тебѣ имѣнія свыше, ежъ еси имѣлъ у князя своего. — Видѣвъ же сие Захария, что возвращение его твердо к великому князю и возвѣща Мамаю: Господине царю, уже бо мя нарицаеши себѣ рабом, но аз ти ныне нарицаю раб, ныне бо отпусти (м)я на Русь к великому князю, исправлю ему свои рѣчи посолския, да не забуду

люббе (такъ!) прежняго своего государя, и возвращусь к тебѣ и буду ти вѣренъ раб. И аще сему, царю, не вѣруеши, и ты пошли со мною от своих раб и будеть ти вернеѣ возвращеніе мое к тебѣ. — Мамай же сие слышав и рад бысть сему велми и отпусти Захарию великому князю Дмитрею Ивановичю на Русь и с нимъ отпусти в товарыщах...

Разсказъ не полонъ, содержаніе такое же, какъ въ 4 редакціи, но изложеніе иное, въ началѣ оно представляетъ какъ бы схему, изъ которой впослѣдствіи развилось болѣе стройное повѣствованіе.

Заключеніе, какъ я говорилъ, такое же, какъ въ спискѣ У. При переходѣ же къ этому заключенію вставленъ изъ Повѣданія поэтическій плачъ женъ воеводскихъ, который читается въ спискахъ печатной группы разбираемой редакціи.

5) Наконецъ, послѣдній списокъ этой группы, принадлежащій Обществу Любителей Древней Письменности, № 38, octavo, представляетъ, собственно отрывокъ Сказанія, начинающійся разговоромъ Дмитрія съ вызваннымъ изъ Боровска Владимиромъ. Судя по заключенію, одинаковому со спискомъ У, и по подробному разсказу о посольствѣ Захаріи къ Мамаю, — этотъ списокъ всего ближе подходитъ къ только что разобранному Погодинскому списку.

Таковы всѣ группы, на которыя дѣлятся списки 3 редакціи. Сохраняя за незначительными отступленіями схему 2 редакціи, 3 редакція восходитъ къ послѣдней, но группа, во главѣ которой стоитъ списокъ У, по своему заключенію, по сохраненію большинства выраженій, находится въ ближайшей связи и съ 1 редакціей. Поэтому группу У слѣдуетъ считать *древнѣйшимъ* видомъ 3 редакціи; жаль, что она дошла въ незначительномъ количествѣ списковъ, притомъ чрезвычайно неисправныхъ. Что касается группъ, зависящихъ отъ Т, то они всего характернѣе отражаютъ особенности 3 редакціи, заключающіяся въ самостоятельномъ стремленіи къ улучшенію слога, распространенію его путемъ риторическихъ добавленій и украшеній, мѣстами въ

сохраненіи лучшаго чтенія, чѣмъ 2 редакція, а главное — въ чрезвычайно широкомъ заимствованіи изъ писанія Софоніи. Максимальное количество поэтическихъ выдержекъ находится особенно въ группахъ второй и третьей (печатной), гдѣ упоминается само имя автора Повѣданія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ изложеніе носитъ характеръ сводки — исторической повѣсти и писанія Софоніи и имѣетъ даже двойное заглавіе: Повѣданіе и Сказаніе. Дальнѣйшія группы увеличиваются путемъ вставки различнаго рода отдѣльныхъ разсказовъ и мало-по-малу принимаютъ видъ, подходящій уже къ 4 редакціи Сказанія.

Третья редакція развивалась въ теченіе XVI, XVII, даже XVIII вѣка. Я отмѣтилъ ту особенность, что писецъ являлся въ то же время и редакторомъ Сказанія. На немъ, если можно такъ выразиться, отразилась эволюція всей русской литературы за указанный періодъ. Каждый редакторъ старался внести такой эпизодъ, который по его мнѣнію, еще ярче оттѣнилъ бы основную точку зрѣнія.

Эта точка зрѣнія не нова. Она такая же, какъ во 2 редакціи. Только престижъ царской власти чувствуется въ 3 редакціи больше: великій князь здѣсь уже фигурируетъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ самовластный государь, остальные персонажи повѣсти стоятъ къ нему такъ же, какъ московскіе бояре къ царю. Есть списки, гдѣ оттѣняется, главнымъ образомъ, провиденціально-поучительная точка зрѣнія: Мамай воздвигся «за грѣхи», ратуя на христіанство, здѣсь оттѣняется заступничество Сергія, особое вниманіе удѣляется Пересвѣту, охотно приводятся слова молитвенныхъ обращеній великаго князя. Есть списки, гдѣ, наоборотъ, бо́льшее вниманіе посвящено военной сторонѣ разсказа: нѣсколько разъ и съ любовью описывается уряженіе войска, вставляется разсказъ о перечисленіи, сколько подъ кѣмъ изъ воеводъ находится воиновъ, растягивается формула боя, сообщаются разсказы о боѣ очевидцевъ Владимиру, стоявшему на костяхъ. Есть списки, преслѣдующіе главнымъ образомъ поэтическій колоритъ: въ нихъ — обиліе цитатъ изъ

Повѣданія, стараніе сохранить или еще больше распространить размѣренную рѣчь, стремленіе дополнить поэтическій матеріалъ не однимъ Повѣданіемъ, но заимствованіемъ даже изъ народной поэзіи. Есть списки, имѣющіе въ виду выставить Дмитрія какъ самодержавнаго московскаго государя: большею частью это стремленіе соединено съ интересомъ къ военной сторонѣ дѣла. Наконецъ, есть списки, имѣющіе въ виду дать возможно болѣе полное повѣствованіе, причемъ сводка различныхъ эпизодовъ не всегда бываетъ удачна.

Что поражаетъ въ спискахъ 3 редакціи, это то обстоятельство, что текстъ большинства ихъ — весьма неисправенъ: или списки дефектны въ самомъ основаніи, т. е. нѣтъ листковъ, начала, конца; или они списаны уже съ перебитыхъ листовъ, съ плохого текста, безъ желанія сколько-нибудь разобраться въ непонятныхъ выраженіяхъ; или писаны такъ наскоро, что къ имѣющимся ошибкамъ прибавлена масса новыхъ, не дописаны и пропущены слова, — отчего вообще текстъ доходитъ до явной безсмыслицы. Если памятникъ украшается миніатюрами, то онѣ всегда плохи, гораздо ниже какихъ угодно другихъ, относящихся къ тому же времени. Самое письмо часто представляетъ очень некрасивую скоропись, строки налѣзаютъ другъ на друга. Иногда памятникъ недоконченъ, и текстъ обрывается на половинѣ страницы. Все это производитъ впечатлѣніе изготовленія текста Сказанія наскоро, только бы поскорѣй отдѣлаться; и я не ошибусь, если скажу, что подобные списки 3 редакціи (а ихъ — много) готовились на продажу: Сказаніе, по своей популярности, шло ходко, и конечно, за исправностью текста не слѣдили. Съ этимъ обстоятельствомъ — торговой спекуляціей — приходится считаться, и оно весьма запутываетъ вопросъ о дѣленіи на редакціи. Мнѣ встрѣчались сборники, составленные изъ разнородныхъ произведеній, рукописныхъ и печатныхъ, разнаго формата. Переплетены они послѣ. Нужно думать, поэтому, что Сказаніе продавалось часто въ видѣ отдѣльной тетрадки.

Не смотря на значительное разнообразіе списковъ, послѣдніе всетаки объединены характерными особенностями 3 редакціи: единствомъ плана, поэтическими выдержками, стоящими на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, отсутствіемъ тенденціи, какъ и во второй редакціи, и замѣной имени Ягайла Ольгердомъ. Вставные эпизоды въ общемъ не нарушаютъ однообразной схемы изложенія.

Сравнительно со 2 редакціей, третья почти не пользуется письменнымъ матеріаломъ: начитанность редакторовъ мало замѣтна. Всѣ распространенія сдѣланы или помощью риторическихъ пріемовъ или введеніемъ разсказовъ, очевидно, *изъ устнаго* источника. Таковы — описанія Куликова поля, разсказы о посольствахъ къ Мамаю Василія Тупика и Захаріи Тютчева, распространеніе эпизода о единоборствѣ, занимавшаго редакторовъ, вставка воинскихъ подробностей о перечисленіи воеводами войска, объ ертоульныхъ полкахъ (учреждены около 1552 года). Къ риторическимъ пріемамъ слѣдуетъ отнести рѣчи дѣйствующихъ лицъ, напр., князя Владимира, изложеніе разговора Ольгерда съ панами и сенаторами, стремленіе къ размѣренной рѣчи и заимствованіе матеріала изъ народныхъ пѣсенъ и причитаній (можетъ быть, не изъ первыхъ рукъ). Что касается вставокъ изъ Повѣданія, то ихъ по числу гораздо больше, чѣмъ во 2 редакціи, и по объему онѣ значительнѣе; въ своемъ мѣстѣ я отмѣтилъ всѣ эти вставки. Можно сказать, что Повѣданіе было единственнымъ письменнымъ источникомъ для заимствованій.

Если же нѣкоторые списки 3 редакціи удѣляютъ много мѣста нравоучительнымъ разсужденіямъ, то таковыя не оригинальны и составлены изъ имѣвшагося уже матеріала.

Небрежность въ работѣ умаляетъ качество большинства списковъ, какъ литературнаго произведенія. Однако въ нѣкоторыхъ, стройныхъ по изложенію (особенно — въ «печатной» группѣ), — историческое повѣствованіе не уступаетъ 2 редакціи и представляетъ очень занимательную повѣсть.

ГЛАВА VII.

Сказаніе четвертой редакціи.

Сказаніе 4 редакціи извѣстно мнѣ по 13 спискамъ: *Императорской Публичной Библіотеки*: 1) O. IV, 46; 2) Q. XV, 27; 3) Q. XVII, 209; 4) собранія гр. Толстого II, 140; 5) собранія гр. Толстого II, 237; *Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ*: 6) собранія Бѣляева № 1516 («Казанскій лѣтописецъ»); 7) собранія Тихонравова № 337; 8) *Московской Синодальной Библіотеки* № 964; 9) *Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* № 70/93; 10) *Казанской Духовной Академіи* № 879; 11) *Тверского Музея* № 3146; 12) *Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи* [1]); 13) списокъ, напечатанный Снегиревымъ въ III томѣ Историческаго Сборника — кн. Оболенскаго.

Изъ этихъ списковъ — два дефектныхъ и представляютъ Сказаніе въ отрывкахъ. Эти списки: 1) Казанской Духовной Академіи, № 879, — рукопись XVII—XVIII в., въ которую вплетена не имѣющая начала и конца часть Сказанія, со словъ: . . . «новгород и пришедше возвестиша посадником о великом князе. Они же прискорбни бяху»... (изъ повѣсти о мужахъ новгородскихъ), до начала молитвы великаго князя, услыхавшаго разсказъ о видѣніи Ѳомы Хацибеева: ...«помози ми, якож

1) За любезное сообщеніе мнѣ копіи съ этого списка приношу искреннюю благодарность С. Д. Яхонтову.

Моисѣю и яко Давиду на Голияда и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему Александру на хвалящегося римского короля, и не по грѣхом нашим воздай ми, Господи»... На этомъ обрывается текстъ.

2) Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, также неполный: изложеніе начинается съ главы о приходѣ вѣстниковъ къ великому князю, сообщающихъ о выступленіи Мамая. Въ дальнѣйшемъ текстѣ утрачено много листковъ, главы спутаны; отрывокъ обнимаетъ, собственно, только начало повѣсти, обрывающееся на ярлыкѣ Мамая къ союзникамъ. Въ обоихъ спискахъ главы носятъ названія; въ первомъ они написаны киноварью. Однако въ виду крайне неисправнаго состоянія текста и отрывочности въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду принимать въ расчетъ этихъ списковъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе ихъ не вноситъ въ общее изложеніе никакихъ разночтеній.

Отдѣльно слѣдуетъ поставить еще списокъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 70/93. Списокъ этотъ несомнѣнно принадлежитъ 4 редакціи, такъ какъ ея типичныя особенности въ немъ — на лицо. Текстъ Сказанія не полонъ, онъ обрывается на перечисленіи убитыхъ въ битвѣ. Но отъ остальныхъ списковъ разбираемой редакціи его отличаетъ отмѣченное мною при разборѣ Повѣданія обширное заимствованіе изъ послѣдняго памятника, вносящее, какъ я указывалъ, существенныя поправки въ текстъ писанія Софоніи. Самое перечисленіе убитыхъ въ битвѣ, — на чемъ обрывается текстъ, взято также изъ Повѣданія. Ниже будетъ указана одна изъ особенностей 4 редакціи — стремленіе опрощать поэтическія мѣста или вовсе опускать ихъ; поэтому разбираемый текстъ, воспользовавшійся, какъ разъ наоборотъ, весьма широко поэтическимъ матеріаломъ, долженъ быть выдѣленъ особо. Что касается до самаго повѣствованія, то, въ общемъ, текстъ архивскаго списка примыкаетъ къ обыкновенному тексту 4 редакціи.

О текстѣ, находящемся въ спискѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209 я скажу ниже.

Остальные 9 списковъ могутъ быть раздѣлены на 2 группы. Присутствіе въ 4 редакціи особаго окончанія, гдѣ описанъ обратный походъ великаго князя съ побѣдою въ Москву, причемъ все изложеніе сжато повторяетъ предыдущій разсказъ о походѣ на Куликово поле, заставляетъ предполагать, что 4 редакція развилась изъ третьей черезъ списокъ У. Въ этомъ предположеніи еще болѣе укрѣпляетъ совпаденіе плана 4 редакціи съ У: поставленіе указанія на устройство засаднаго полка *передъ* разсказомъ о примѣтахъ Волынца. Съ другой стороны — присутствіе въ нѣкоторыхъ спискахъ характерной для списка Т интерполяціи: «Григорія Капустина», и совпаденіе многихъ мѣстъ изложенія именно со спискомъ Т — должно указывать на воздѣйствіе типа Т на нѣкоторые изъ списковъ 4 редакціи. Поэтому я и предполагаю дѣленіе 4 редакціи на 2 группы: 1) образуютъ списки, развившіеся подъ вліяніемъ Т или подобнаго ему списка, и 2) — списки, сохраняющіе изложеніе У цѣликомъ. Послѣдняя группа, какъ будетъ указано ниже, дополнена противъ первой.

Окончаніе въ тонѣ У является *первой* характерной особенностью всѣхъ списковъ 4 редакціи. Выше я говорилъ, что утрата окончанія явилась слѣдствіемъ желанія не замедлять ходъ разсказа. Здѣсь же удлиненіе явилось, можетъ быть, намѣренно, *потому что четвертая редакція представляетъ Сказаніе въ наиболѣе распространенномъ видѣ*. Сохраняя дополненія списковъ 3 редакціи, она характеризуется вставками, носящими видъ самостоятельныхъ повѣстей. Это ея *вторая* особенность. Я отмѣчу всѣ вставки:

1) *Повѣсть объ Ольгердѣ Литовскомъ.*

Я указалъ на причину появленія имени Ольгерда въ 3 редакціи. Личность князя-отца продолжала занимать редакторовъ, и въ разбираемой редакціи снова на Ольгерда обращено особое вниманіе. Въ данной повѣсти онъ зовется самодержавнымъ великимъ княземъ и королемъ. Разсказомъ объ отправленіи посольства къ Мамаю повѣсть разбита на двѣ части. Въ первой

идетъ рѣчь о пріемѣ Ольгердомъ пословъ отъ Олега. Прочтя его грамоту, Ольгердъ обращается къ «пановямъ и санатырямъ» своимъ съ рѣчью, въ которой указываетъ на «любовь» къ нему Олега, желающаго съ нимъ раздѣлить владѣніе Москвою. Паны и сенаторы въ торжественномъ отвѣтѣ заявляютъ, что Ольгердъ достоинъ такого владѣнія. Ольгердъ въ будущемъ обѣщаетъ имъ награды, а къ Мамаю отправляетъ своего посла, «мужа мудра», именемъ *Бортеша*. Бортешъ рисуется въ весьма положительномъ освѣщеніи.

Вторая часть повѣсти заключаетъ разсказъ Бортеша о томъ, какъ онъ правилъ посольство къ Мамаю. О татарскомъ ханѣ онъ выражается весьма пренебрежительно: Мамай не уменъ, на рѣчи не памятливъ, гордъ, имѣетъ большое, но неустроенное войско, которое врядъ ли сможетъ выдержать натискъ московской рати. Ольгердъ сильно разгнѣванъ такимъ отношеніемъ къ своему союзнику и другу и бросается съ мечемъ на Бортеша. Паны и сенаторы едва могутъ удержать его. Бортешъ выражаетъ удивленіе по поводу такого гнѣва, тѣмъ болѣе, что Ольгердъ просилъ его говорить только «правду». Предстоящіе, услыхавъ такой разсказъ о Мамаѣ — «ужаснулись».

Мотивъ этой повѣсти не новъ: высокоуміе союзниковъ и ихъ недомысліе трактовались и въ 3 редакціи. Въ этомъ тонѣ проведена здѣсь характеристика Ольгерда, разумный же посолъ его Бортешъ напоминаетъ съ одной стороны посла Дмитрія — Захарію Тютшева, о которомъ въ 4 редакціи вставлено тоже особое повѣствованіе; съ другой — положительныя качества Бортеша заставляютъ относить его къ положительнымъ типамъ, къ Ольгердовичамъ, — сторонѣ, хотя и связанной съ Ольгердомъ, но прямо противоположной ему по духу. Само имя посла Ольгерда роднитъ его съ Ольгердовичами: *Братоша* былъ литовскимъ посломъ, отправленнымъ по порученію князя *Лувенія-Семіона Ольгердовича* въ Новгородъ, чтобы передать новгородцамъ желаніе князя получить во владѣніе тѣ городки, которыми владѣлъ Наримантъ. (См. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VIII, 52).

Слѣдовательно эта повѣсть объ Ольгердѣ, не оригинально скомпанованная, представляетъ развитіе эпизода объ Ольгердовичахъ, возставшихъ на родного отца за православное дѣло.

2) *Повѣсть о приходѣ Захаріи Тютшева въ Орду.*

Съ другой стороны Бортешъ по своимъ положительнымъ качествамъ близко напоминаетъ, какъ я говорилъ, посла великаго князя — Захарію Тютшева (Тютчева), который былъ отправленъ съ дарами къ Мамаю. Сказаніе и въ предыдущихъ редакціяхъ отзывалось о Захаріи, какъ о человѣкѣ «смышленомъ, умномъ», но окончательное развитіе эпизода посольства является въ 4 редакціи.

«Темные» князья берутъ пришедшаго Захарію и ведутъ къ Мамаю. Захарія обращается къ царю съ оффиціальнымъ привѣтствіемъ и предлагаетъ дары. Мамай при видѣ золота возносится еще большей гордостью и велитъ Захаріи цѣловать свой башмакъ. Захарія повинуется, а Мамай (совершенно неожиданно) выражаетъ удивленіе его красотѣ и «мудрымъ отвѣтамъ». Золото царь велитъ раздать «казакамъ» на плети, говоря, что съ завоеваніемъ Москвы у него будетъ въ рукахъ все золото и узорочье русское, а самъ великій князь принужденъ будетъ пасти стада. Такое глумленіе надъ Дмитріемъ вызываетъ у Захаріи рѣзкую отповѣдь, и онъ указываетъ, что все должно совершиться такъ, какъ указалъ Богъ. За такія грубыя рѣчи бросаются на него съ ножами темные князья царевы, но Мамай щадитъ его «за красоту и за премудрость». Мамай продолжаетъ свои разспросы о великомъ князѣ и въ результатѣ предлагаетъ Захаріи остаться на татарской службѣ, какъ человѣку, который очень пришелся ему по сердцу. Захарія прибѣгаетъ къ искусной уловкѣ: онъ соглашается остаться на татарской службѣ, предварительно доведя до конца свою настоящую миссію: какой же тогда онъ слуга, говоритъ Захарія, если не исполнитъ въ точности приказаній своего господина, кто бы тотъ ни былъ. Мамай еще разъ дивится уму его и пишетъ отвѣтный ярлыкъ

великому князю. По просьбѣ Захаріи царь посылаетъ съ нимъ къ Дмитрію четырехъ именитыхъ вельможъ царева двора. Въ ярлыкѣ указано требованіе — выразить полное подчиненіе, и желаніе посадить на Русь другого князя. Отпуская Захарію, Мамай проситъ его поскорѣй вернуться. Дойдя до Оки, Захарія посылаетъ вѣстника къ Дмитрію съ просьбой прислать отрядъ для встрѣчи татаръ. Послѣдніе ожидаютъ всяческихъ почестей, но, по пріѣздѣ отряда, Захарія отдаетъ приказъ связать татаръ, разрываетъ ярлыкъ Мамая и отсылаетъ клочки обратно съ «худымъ» татариномъ, поручая передать царю, что онъ, Захарія, не видалъ еще никого среди людей «безумнѣй». Царь воспламеняется страшнымъ гнѣвомъ, увидя, какъ провелъ его Захарія, и начинаетъ дѣятельно готовиться къ походу на Русь. Захарія же съ плѣнными вельможами пріѣзжаетъ въ Москву и разсказываетъ обо всемъ великому князю. Тотъ на радостяхъ устраиваетъ «пиръ честенъ» и даритъ послу богатые подарки.

Появленіе этой повѣсти является естественнымъ слѣдствіемъ желанія разъяснить, что дѣлалъ Захарія въ Ордѣ, почему онъ всюду выставляется какъ «умный и хитрый», и — какъ удалось ему захватить «языкъ нарочитъ царева двора», — на что указывали предыдущія редакціи. Отсутствіе стройности въ повѣствованіи, логическія несообразности, присутствіе имени «казаковъ» — указываетъ съ одной стороны на болѣе позднее появленіе этой повѣсти, съ другой — на отсутствіе здѣсь воспоминанія о какомъ-нибудь старомъ преданіи о Захаріи, ходившемъ въ устной передачѣ. Мотивъ, что татарскій царь поражается красотой русскаго и прощаетъ ему многое за это — не новъ; думаю, что въ данномъ случаѣ приходится считаться съ заимствованіемъ соотвѣтствующаго мотива изъ Повѣсти о взятіи Рязани Батыемъ. Не трудно видѣть, наконецъ, что ситуація этой повѣсти повліяла на предыдущую повѣсть о Бортешѣ: оба посла одинаково подвергаются опасности быть убитыми владыками за то, что говорятъ правду.

3) *Повѣсть о Новгородцахъ.*

Эта повѣсть настолько стоитъ особнякомъ въ 4 редакціи, что носитъ даже особое заглавіе: «Иную повѣсть да скажу вамъ о мужехъ новгородцехъ великаго Новаграда».

Тогда, начинается повѣсть, Новгородъ былъ «самовластный» [1]), не было царя надъ ними, когда была эта побѣда донская. Новгородцы сами владѣли собою, держали 80 тысячъ войска на случай борьбы съ сосѣдями-нѣмцами и литвою. Жили они *въ великой славѣ*, подъ сѣнію Софіи, премудрости божіей.

Когда въ Москву пришла вѣсть о приходѣ Мамая и союзниковъ и о томъ, что великій князь рѣшился во чтобы то ни стало оказать сопротивленіе, новгородскіе купцы, бывшіе тогда по дѣламъ въ Москвѣ, немедленно отъѣхали въ Новгородъ, гдѣ разсказали посадникамъ о «приключившейся скорби». Новгородцы, выслушавъ, отправились къ владыкѣ Евфимію и передали ему о нашествіи союзниковъ на Москву. Владыка «возмутился сердцемъ», горько заплакалъ и началъ молиться за великаго князя и за все православное христіанство. По окончаніи молитвы онъ вопросилъ посадниковъ новгородскихъ, — зачѣмъ же они пришли къ нему. Посадники отвѣчали, что за благословеніемъ, такъ какъ они рѣшили помочь Москвѣ. На это благое дѣло влыдыка благословляетъ ихъ «съ радостію». Собираютъ вѣче, звонитъ вѣчевой колоколъ, и народъ стекается на владычній дворъ. Глашатаи водворяютъ тишину, и Евфимій произноситъ народу рѣчь, въ которой побуждаетъ Новгородъ оказать помощь великому князю.

На утро всѣ уже изготовились. Выбрано было шесть воеводъ «крѣпкихъ и мудрыхъ» и приготовлено 40 тысячъ войска. Мѣстомъ, гдѣ собраться, указано дворище у святого Николы. Передъ отправленіемъ владыка служитъ молебенъ, освящаетъ воду и обращается къ предстоящимъ со словомъ

---

1) Это одно заявленіе должно показать, что появленіе этой повѣсти должно быть отнесено ко времени значительно позже 1480 года.

ободренія. Всѣ горятъ желаніемъ умереть за святое дѣло. Войско, напутствуемое архіепископомъ, выходитъ изъ города, «яко златопарніи орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости». Когда новгородцы подошли къ Москвѣ, имъ сообщаютъ, что великій князь уже выступилъ на Коломну. Туда двигается и новгородское войско, отрядивъ сначала вѣстниковъ къ Дмитрію. Великій князь умиленъ и пораженъ, — вѣстники застали его у заутрени, — и посылаетъ витязей на встрѣчу новгородцамъ. Блестя вооруженіемъ, новгородское войско подходитъ къ Коломнѣ; великій князь приглашаетъ воеводъ къ себѣ «хлѣба ясти». Воеводы «приидоша и поклонишася великому князю». Дмитрій устраиваетъ пиръ и посылаетъ извѣщеніе о приходѣ новгородской силы въ Москву къ Кипріану и Евдокіи.

Вступленіе этой повѣсти содержитъ печальныя воспоминанія о былой славѣ Новгорода. Можетъ быть авторомъ этой повѣсти былъ новгородецъ, развившій въ цѣлое сказаніе прежнее упоминаніе о приходѣ новгородской силы къ Дмитрію. Въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія объ этомъ фактѣ упоминалось кратко, въ Повѣданіе, какъ извѣстно, также вошла небольшая замѣтка о приходѣ новгородской помощи. По времени составленія разбираемая повѣсть относится къ позднѣйшему времени: о прежней свободѣ говорится, какъ о чемъ-то давнопрошедшемъ, Москва въ сознаніи автора явно первенствуетъ, воеводы стоятъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ московскіе бояре царскаго періода, наконецъ самое имя владыки новгородскаго — невѣрно: во время Куликовской битвы въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Алексѣй (1360—1388); въ числѣ новгородскихъ іерарховъ находятся два Евфимія, занимавшихъ каѳедру одинъ вслѣдъ за другимъ между 1424—1458 годами [1]), но отношенія къ эпизоду они никакого не имѣютъ. Имя Евфимій — нерѣдко въ спискахъ Сказанія: очень часто оно замѣняетъ настоящее имя коломенскаго епископа — Герасимъ. Если бы повѣсть была

1) Строевъ. Списки іерарховъ. СПб. 1877.

составлена раньше XVII вѣка, то она попала бы въ списки 3 редакціи, но ея тамъ не находится, поэтому нужно предположить, что она современна составленію всей 4 редакціи.

Кромѣ этихъ трехъ самостоятельныхъ повѣстей, характеризующихъ 4 редакцію, въ послѣдней находятся еще двѣ вставки, представляющія дальнѣйшее развитіе намѣченныхъ эпизодовъ. Собственно, и вставныя повѣсти имѣли тенденцію разъяснять то, о чемъ глухо говорилось въ предыдущихъ редакціяхъ Сказанія. Ту же цѣль преслѣдуютъ и указывасмыя вставки:

1) Какъ извѣстно, великій князь, рѣшившись дать отпоръ Мамаю, посылаетъ въ Боровскъ за своимъ братомъ, княземъ Владимиромъ. Разговора между братьями въ предыдущихъ редакціяхъ нѣтъ; въ разбираемой же вставлена цѣлая бесѣда братьевъ. На вопросъ Дмитрія, слышалъ ли Владимиръ о предстоящей напасти, тотъ произноситъ отвѣтную рѣчь, въ которой указываетъ, что за единодушіе войска онъ ручается, потому что всѣмъ «надлежитъ умереть» за православную вѣру, за святыя церкви и «за тебя, государя». Дмитрій пораженъ такой горячей любовью брата, благодаритъ его и обращается съ молитвой къ Богу.

Это распространеніе вытекаетъ изъ указанной выше точки зрѣнія 3 редакціи, настаивавшей на изображеніи между братьями горячей любви и дружбы.

2) Для того, чтобы войско собиралось на Москву — великій князь разсылаетъ по всѣмъ городамъ грамоты. Текста этихъ грамотъ предыдущія редакціи не приводятъ; четвертая заполняетъ этотъ пробѣлъ и приводитъ текстъ, составленный по образцу обыкновенныхъ грамотъ XVII вѣка:

«Отъ великаго князя Димитрея Ивановича всеа Росіи княземъ и бояромъ и воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ и всему войску и всякому безъ обмѣны, чей кто ни есть. Какъ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ часа того лѣзли во единъ день и нощь, а другихъ бы есте грамотъ не дожидалися и збиралися бы

всѣ неложно со всей земли на Успеньевъ день пресвятыя Богородицы на Коломнѣ, яко да тамо разберемъ подлинно и дадимъ коемуждо полку воеводу. А сами бъ есте грамоты посылали промежь себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ, лѣта 6889-го году, мѣсяца августа въ 15 день».

Дальнѣйшіе случаи вставокъ и дополненій относятся уже къ разряду риторическихъ распространеній текста и будутъ указаны мною при характеристикѣ списковъ.

Третьей особенностью 4 редакціи является *раздѣленіе повѣсти на главы, носящія каждая особое названіе.* Стремленіе давать названія отдѣльнымъ эпизодамъ замѣчалось и въ спискахъ 3 редакціи, но тамъ оно проводилось далеко не послѣдовательно. Тѣмъ не менѣе я выше отмѣчалъ разбитые на главы списки Сказанія и усматривалъ въ нихъ какъ бы переходъ къ 4 редакціи. Въ послѣдней дѣленіе на главы — непремѣнный признакъ, почти всегда заглавія писаны киноварью, иногда они выдѣлены въ особое оглавленіе. Если же встрѣчаются списки 4 редакціи съ неполнымъ количествомъ заглавій, то причина лежитъ въ перепискѣ: для киноварнаго заголовка оставлялось мѣсто, но потомъ его позабывали заполнить, оставляя часто одно только «О....»[1]).

Всего лучше сохранилось это дѣленіе на главы въ спискахъ: Толстовскомъ II, 140 и Казанскомъ лѣтописцѣ, № 1516. По Толстовской рукописи я и приведу оглавленіе, выдѣленное въ этомъ спискѣ особо:

Сказание главамъ настоящия книги сия, глаголемыя Мамаева побоища, о многихъ силахъ его.

1. О нахожденіи безбожнаго царя Мамая со многими силами на рускую землю.

2. О превѣзеніи велнкія рѣки Волги.

3. О резанскомъ князи Олги.

---

1) Примѣры такихъ недописанныхъ заголовковъ можно встрѣтить въ напечатанномъ Тихонравовскомъ текстѣ.

4. О посланіи князя Ольга къ царю Мамаю.

5. О литовскомъ князѣ Ольгердѣ.

6. О посланіи князя Ольгерда къ царю Мамаю.

7. О возвѣщеніи вѣстниковъ великому князю Дмитрію Ивановичу московскому и всея Руси, яко идетъ царь Мамай на Русь ратію.

8. О моленіи ко Господу Богу великаго князя Димитрія.

9. О посланіи даровъ великимъ княземъ Димитриемъ Ивановичемъ зъ Захаріемъ ко царю Мамаю.

10. О первой стражи.

11. О второй стражи.

12. О пришествіи Захаріи ко царю Мамаю во Орду.

13. Посланіе от царя Мамая къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

14. О посланіи грамотъ православнаго великаго князя Дмитрія Ивановича по всѣмъ градомъ.

15. О пріѣздѣ многаго войска на Москву.

16. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь.

17. О благословеніи преподобнаго Сергія великаго князя Дмитрія Ивановича итти противу безбожнаго царя Мамая и о подани двою воинъ въ помоіць иноческаго полка Александра Пересвѣта и брата его Андрея Ослебяту.

18. О моленіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ и многимъ святымъ.

19. О благословеніи митрополита Кипріана великаго князя Дмитрія итти противу царя Мамая.

20. О похожденіи изъ Москвы великаго князя Дмитрія противу безбожнаго царя Мамая.

21. О пришествіи великаго князя Дмитрія на Коломну.

22. Повесть о мужехъ новогороцкихъ великаго Новаграда.

23. О пришествіи новогородцовъ на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

24. О раздѣленіи полковъ и учиненіи коемуждо полку воеводы.

25. О третией стражи въ Поли.

26. О раскаяніи Ольга, князя рязанскаго.

27. О раскаяніи Ольгердове, князя литовскаго.

28. О двою братехъ Ольгердовичехъ.

29. О сошествіи купно обою брату на Северу со всѣми силами.

30. О пришествіи Ольгердовичеи на помощь къ великому князю Дмитрію Ивановичу.

31. О прехожденіи за Донъ реку всего войска.

32. О уряженіи полковъ изнова и о въданиі воеводъ и о многомъ извѣствованіи и о грозномъ семъ побоищи.

33. О раздѣленіи силъ и о западномъ полку.

34. Сказаніе Дмитрія Волынца о примѣтахъ нощныхъ.

35. О видѣніи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

36. О поступленіи на бой великаго князя Дмитрія Ивановича со всѣми силами.

37. О преславныхъ святыхъ таинъ и о написаніі посланія отъ преподобнаго игумена Сергія съ благословениемъ.

38. О снятіи обою великихъ войскехъ и о страшномъ побоищи.

39. О сряженіи Александра чернца Пересвѣта, иже побѣди отъ татаръ перваго исполина, рекши богатыря, именемъ Таврула.

40. О виденіи, еже нѣкто видѣ отъ воинъ небеса отверста.

41. О исхожденіі изъ дубравы потаеннаго полка князя Владиміра Андреевича и о конечномъ погибленіи поганыхъ божиею помощію.

42. О собраніи войска и обрѣтеніи великаго князя Дмитрія Ивановича.

43. О собраніи и о погребеніи православныхъ христианъ, на побоищѣ умершихъ.

44. О расмотрѣніи полковъ и колко побіенныхъ православныхъ христіанъ и безбожныхъ татаръ.

45. Сказаніе о злой смерти Мамаеве и о триехъ князехъ его.

46. О посланіи гонца къ митрополиту Кипріану и ко княгинѣ Евдокіи.

47. О раскаяніи Ольгердовѣ, литовскаго князя.

48. О послѣднемъ прощеніи великаго князя по умершимъ.

49. О похожденіи великаго князя Дмитрія Ивановича зъ Дону ко славному граду Москвѣ.

50. О резанскомъ князѣ Ольгѣ, како побѣже изъ градовъ своихъ ко Олгерду литовскому.

51. О приходѣ великаго князя на Коломну.

52. О приходѣ великаго князя Дмитрія Ивановича на Москву.

53. О пришествіи великаго князя Дмитрія со всеми силами во обитель святыя живоначальныя Троицы ко преподобному Сергію чудотворцу.

54. О пришествіи великаго князя Дмитрія Ивановича ко граду Москвѣ и о дарѣніи князей и боляръ и воеводъ и удалыхъ витязей и всѣхъ воинскихъ и всякихъ чиновъ, коегождо по достоянію.

Это оглавленіе — самое подробное, безъ пропусковъ; въ остальныхъ спискахъ Сказанія число главъ меньше, потому что, какъ я говорилъ, переписчики, заготовлявшіе на скорую руку книгу, позабывали вписать заглавія киноварью или вписывали ихъ не всѣ.

Наконецъ послѣдней, *четвертой*, особенностью 4 редакціи *является постепенное паденіе поэтической традиціи Повѣданія и стремленіе перерабатывать поэтическія формулы на прозаическій ладъ*. Имя Софоніи совершенно отсутствуетъ въ спискахъ 4 редакціи. Очевидно, Повѣданіе было забыто совсѣмъ, и, рѣзавшія прозаическое ухо редактора, вставки обработывались или осмыслялись по своему. Плохое сохраненіе и измѣненіе

текста отрывковъ изъ писанія Софоніи въ концѣ концовъ привело *къ полному изъятію ихъ изъ Сказанія*.

Таковы главныя особенности 4 редакціи. Перейду къ характеристикѣ списковъ.

1 группа. Къ этой группѣ принадлежатъ 2 списка: 1) Тихонравовскій № 337 (напечатанъ въ приложеніи; этотъ списокъ былъ извѣстенъ Тимоѳѣеву, который почему-то считалъ его древнѣйшимъ и первоначальнымъ) и 2) Публичной Библіотеки O. IV. 46.

Тихонравовскій текстъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ исправенъ: есть недописанныя заглавія, предназначенныя для заполненія киноварью, встрѣчаются пропуски, и нѣкоторыя выраженія носятъ слѣды позднѣйшихъ поправокъ. Но вообще надо замѣтить, что списки 4 редакціи гораздо исправнѣй, чѣмъ списки третьей.

По сравненію съ третьей редакціей Тихонравовскій текстъ стремится кое-гдѣ нѣсколько *сокращать* основной разсказъ. Такъ, сокращенъ текстъ ярлыка Олега Ольгерду, выпущено указаніе на то, что была послана третья стража[1]), отсутствуютъ молитвы великаго князя передъ выступленіемъ изъ Москвы. Вмѣсто этихъ молитвенныхъ обращеній редакторомъ скомпанованъ на основаніи имѣвшагося матеріала новый эпизодъ, гдѣ молитва Богородицѣ вложена не въ уста Дмитрія, а всего народа (подобно всенародному моленію въ Повѣсти о нашествіи Темиръ-Аксака), и гдѣ великій князь изображается молящимся лишь у гробовъ митрополита Петра и своихъ прародителей. Весь эпизодъ сводится, собственно, къ одной молитвѣ:

«Яко дивно страшно видяти і велми чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачющеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго

1) Послѣднее могло быть случайно.

ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу пречистыя Богородицы и рекоша: «Помилуй, Владычица, государя нашего великаго князя Димитрея Ивановича, пособствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ наших, яко да ты, Боже, сотвори, елико хощеши, избави нас от варварскаго пленения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іисуса Христа, воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не дай, Господи, в разорение града сего поганому сему царю Мамаю, да не осквернит святыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Господа нашего Іисуса Христа, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будем ранами. На тебя бо надѣемся, Владычица, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Госпоже Богородица, родила еси, аще хощеши и можеши нам помощница быти на супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего святаго. Мы же, Госпоже, на твою милость надѣемся противу безбожныхъ печенѣг, да будетъ противу их, да будет, Госпоже, умолен Сынъ твой Тобою и Богъ нашъ».

Значительному сокращенію подверглись также всѣ заимствованія изъ писанія Софоніи. Я уже говорилъ, что въ этомъ — особенность всей 4 редакціи. Мѣстами замѣчается стремленіе низвести поэтическія формулы до прозаическаго пересказа. Напримѣръ: (воины) «успешно грядутъ, яко медвенные чаши пити *или* ясти хотятъ до сытости» [1]); «братие, стук стучит и гром гремит в славном градѣ Москвѣ, стучит силная рат великаго князя»; «тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревут наволочены у саду Панѳилова». Я не стану приводить примѣровъ, ограничусь указаніемъ на то,

1) Ср. ниже: «И приіде кождо со своим конем и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити».

что вообще *всѣ* заимствованія изъ Повѣданія въ разбираемомъ спискѣ или сокращены, или опрощены, или выброшены.

Далѣе: выпущенъ разсказъ о посланіи третьей стражи и сокращены нѣкоторые обороты въ разсказѣ о приходѣ Ольгердовичей; но всѣ эти сокращенія не вліяютъ, въ сущности, на измѣненіе эпизодовъ; большею частію они встрѣчаются тамъ, гдѣ разсказъ въ остальныхъ частяхъ развитъ полнѣе, чѣмъ въ третьей редакціи.

Что касается распространеній и вставокъ, то онѣ, за исключеніемъ вышеизложенныхъ вставныхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи, сводятся къ обыкновеннымъ риторическимъ украшеніямъ.

Распространена молитва великаго князя послѣ извѣщенія о походѣ на него союзниковъ: «Владыко Господи Іисусе Христе, Сыне безначалнаго Царя, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Дѣвы Маріі нашего ради спасенія і избави нас от работы вражія. І нынѣ, Владыка пресвятый, призри на смиреніе наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамая и низложи, Господи, сего злаго, помышляющих на святую вѣру твою».

Въ началѣ разсказа о приходѣ ратныхъ людей къ Москвѣ прибавлено: «Людіе мнози приспѣша к великому князю Димитрею Ивановичю, і вси яко единеми усты глаголаху: Соверши Богъ теченіе наше, пострадати имяни твоего ради святаго».

Въ уста пр. Сергію вложены слова: «Поиди, господине княже великіі, ко граду своему Москвѣ и прими, аки нѣкое сокровище некрадомое, благословеніе старческое».

Когда коломенскій владыка благословилъ великаго князя, то «вси ідоста в церковь, и туто князь великіі многих князей і воеводъ звал к себѣ хлѣба ясти». Этотъ мотивъ — зова на пиръ — весьма частъ въ разбираемомъ спискѣ.

Подъ вліяніемъ вставной повѣсти о мужахъ новгородцахъ переходъ къ дальнѣйшему изложенію выраженъ слѣдующимъ образомъ: «Княз же великіі урядив полки по достоянію и учини

коемуждо полку воевод и заповеда всему своему воинству не прикасатися ни х чему *к новогородскому*». И дальше приходъ новгородской силы даетъ себя чувствовать: «...новгородскія же полки *особ стояще чинно*... полки же великаго князя стояще і в трубы гласяще і в варганы биюще». Ниже: «(князь) *приѣде к полкомъ новогороцкимъ*, они же падше и поклонишася ему до земли. Княз же великиі Димитреи Іванович видевъ войско их уряжено по достоянию учрежение их, нарочиты и храбри велми. Князь же великиі *подивися учрежению ихъ и храбрости* и урядив коемуждо полку воеводу».

О новгородцахъ снова упоминается въ главѣ «О раскаяніи Олега, князя рязанского». Олегъ изображается бесѣдующимъ съ «юношами» и боярами. Послѣдніе докладываютъ, «яко придоша к нему *на помощь новгородцы* со многою силою своим воинством, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело».

О пришествіи Ольгердовичей великій князь посылаетъ извѣщеніе въ Москву, «наипаче же во обитель живоначалныя Троицы и преподобнаго игумена Сергия, да не когда послушае Богъ их молитвы».

Вообще редакторъ распространяетъ то, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ особаго напоминанія или на чемъ слѣдуетъ настоять. Сокращая поэтическія мѣста, онъ въ нѣкоторыхъ формулахъ двоитъ представленія: на мѣсто боя у него приходятъ «волки и *лисицы*»; съ устья Дона прилетаютъ «вороны и орлы». Или же онъ, желая щегольнуть географическими познаніями, повторяетъ ихъ: «повелѣ царь татаром своим вооружитися и *Гусин брод* через реку бресть», — о Гусинѣ бродѣ было сказано раньше.

Русскіе воины, бросаясь въ бой, восклицаютъ: «С нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся».

Стремленіе распространять молитвенныя обращенія красной нитью проходитъ по всему списку (за исключеніемъ указаннаго выше сокращенія молитвъ великаго князя; но здѣсь цѣль

редактора была иная: заставить передъ такимъ важнымъ походомъ молиться не одного великаго князя, но весь народъ). Такъ еще распространена молитва князя Владимира, одержавшаго окончательную побѣду.

Таковы добавленія разбираемаго списка. Они, какъ видно, не оригинальны, новаго ничего не даютъ, матеріалъ для нихъ подобранъ изъ того же Сказанія, часто неудачно (напр. — слова Сергія о «некрадомомъ сокровищѣ»). Всего болѣе умѣстны эти добавленія тамъ, гдѣ говорится о новгородцахъ: ими эта самостоятельная повѣсть какъ бы вводится въ общій ходъ разсказа и тѣснѣй съ нимъ соединяется [1]).

Я говорилъ, что 4 редакція развилась изъ первой черезъ списокъ, близко подходившій къ списку У третьей редакціи. Тихонравовскій текстъ не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія, но на процессъ сложенія его такъ или иначе вліялъ списокъ, восходящій къ списку Т третьей редакціи. Я уже упоминалъ объ интерполяціи «Григорія Капустина». Но и кромѣ этой вставки разбираемый текстъ мѣстами представляетъ чтеніе, сближающее его именно съ текстомъ типа Т. Эта близость всего болѣе замѣтна въ концѣ повѣсти.

Рѣчь бояръ великому князю, въ которой они ссылаются на житіе Ѳеодора Тирона, и отвѣтная рѣчь великаго князя, ставящаго въ примѣръ мученіе преподобнаго Ареѳы — изложены вполнѣ такъ же, какъ въ Т.

Одинаково съ послѣднимъ изложено все описаніе боя: разбираемый списокъ, сокращая поэтическія формулы, здѣсь приводитъ ихъ полностью, безъ измѣненій сравнительно съ текстомъ Т. Даже такая фраза: «Уже возлияс хвала на хулу і вержеся диво на землю», находящаяся въ спискахъ 3 редакціи, зависящихъ отъ Т — здѣсь на лицо, тогда какъ, повторяю, поэтическія мѣста въ остальномъ сильно сокращены.

---

1) Только вліяніемъ этой повѣсти можно объяснить перемѣну имени коломенскаго епископа: Герасимъ — во второй, Геронтій — въ третьей, здѣсь онъ названъ Евфимій, такъ же, какъ въ повѣсти о мужахъ Новгородцахъ.

Описаніе бѣгства Мамая, призывающаго на помощь своихъ боговъ, погони за ними русскихъ, разсказъ о томъ, кто когда и какъ видѣлъ великаго князя въ сѣчѣ, объѣздъ побоища, исчисленіе убитыхъ — вообще все окончаніе Сказанія изложено вполнѣ сходно съ Т.

Со словъ: «Прииде же вѣсть в славный град Москву мѣсяца сентября въ 11 день на памят преподобныя матери Ѳеодоры Александрейския»... начинается заключеніе, развитое по схемѣ У и восходящее, какъ я говорилъ, къ заключенію 1 редакціи по Никоновской лѣтописи. Списокъ кончается разсказомъ о судьбѣ Мамая, общимъ съ предыдущими редакціями.

2) Слѣдующій списокъ этой группы, восходящій къ концу XVII — началу XVIII в., — Публичной Библіотеки O. IV. 46. Заглавіе написано киноварью: «Начинаєма повѣсть о Мамаевѣ побоищи, како благовѣрный великій князь Димитрій Іоанновичь Донской побѣдилъ нечесьтиваго царя Мамая со всеми его агаряны за рекою Дономъ». Начало сходно съ Тихонравовскимъ: «Хощемъ, братіе, начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяномъ з безбожными агаряны»... Существенныхъ отличій разбираемый списокъ не имѣетъ. Главы также носятъ названія, но по сравненію съ вышеприведеннымъ оглавленіемъ — ихъ меньше. Написаны названія 3, 6, 7, 9—12, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37 и 45 главъ.

Стремленіе къ сокращенію основного текста, упрощенію поэтическихъ мѣстъ замѣтно и здѣсь. Отмѣчу одно, не находящее себѣ соотвѣтствія въ предыдущемъ спискѣ: «рѣки же выступиша из мѣстъ своихъ и поняло поле, яко многимъ людемъ въ водѣ бродити». Значительно сокращенъ весь разсказъ о судьбѣ Мамая. Искаженіе собственныхъ именъ замѣчается и здѣсь: Борботящъ, Тетюшковъ, Миронъ — вм. Муринъ и т. д. Въ остальномъ — списокъ ничего новаго не даетъ.

Перейду ко второй группѣ.

2 группа. Сохраняя планъ и общее изложеніе 1 группы,

разбираемые списки отличаются, во-первыхъ — болѣе распространеннымъ заключеніемъ. Это заключеніе, разсказывающее, какъ и выше, объ обратномъ походѣ великаго князя съ поля битвы, о приходѣ его въ Коломну, затѣмъ въ Москву, о посѣщеніи обители преп. Сергія, о возвращеніи оттуда и награжденіи участниковъ битвы, обнимаетъ собою 51 — 54 главы Сказанія.

Во-вторыхъ — интерполяція списка Т: «Григорія Капустина», отсутствующая въ спискѣ У, отсутствуетъ въ спискахъ разбираемой группы.

Въ третьихъ — во 2 группѣ находится вставка въ молитву великаго князя передъ отправленіемъ къ Кипріану: «Яко же бысть в прежняя дни — приде Исакъ на брата своего Якова Израиля, Яковъ же воста град и рече Исаку: брате, Богъ межю мною и тобою; и шибѣ со града копием и уби его». Я отмѣтилъ выше (при разборѣ 3 редакціи) отсутствіе этой вставки въ Т и присутствіе ея въ У.

Наконецъ — самый планъ второй группы ближе къ плану списка У.

Такимъ образомъ вторая группа списковъ 4 редакціи *развилась изъ третьей черезъ списокъ, непосредственно восходящій къ списку У 3 редакціи.*

Къ этой группѣ принадлежатъ 5 списковъ:

1 и 2) Списки: Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 140 и Румянцевскаго музея, собранія Бѣляева № 1516 (Казанскій лѣтописецъ). Оба писаны скорописью к. XVII вѣка. Текстъ Сказанія въ обоихъ спискахъ вполнѣ сходенъ, количество главъ (54) — одинаково, каждая глава носитъ особое заглавіе (въ Толстовскомъ спискѣ онѣ выдѣлены, какъ указано, въ самостоятельное оглавленіе). Переписчикъ Казанскаго лѣтописца отнесся внимательнѣй къ оригиналу: въ Толстовскомъ встрѣчаются довольно частыя описки. Кромѣ того Толстовскій текстъ случайно не оконченъ — разсказъ обрывается на описаніи объѣзда побоища.

Заглавіе обоихъ списковъ одинаково: «Сказание ізвѣстно о поганомъ и богомѣрскомъ царѣ Мамае і о многихъ силах его, како восхоте плѣнити росийскую землю, и похвала благочестивому государю і великому князю Димитрею Івановичю московскому і всеа Росиі самодерьжцу, иже побѣди его за Дономь рекою на поле Куликове і всю силу его одоле».

Начало обоихъ списковъ близко къ У: «Хощемъ, братие, извѣстно повѣдати повѣсть новыя сия побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіаномъ з безбожными агаряны и како возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи і посрами ихъ суровство, якоже іногда Гедеономъ Мадиамы низложи и православным Моисеом Ѳараона побѣди, такоже и зде».

Дальнѣйшее изложеніе по сравненію съ Тихонравовскимъ текстомъ представляетъ, кромѣ нѣкоторыхъ несущественныхъ разночтеній, рядъ *вставокъ*, носящихъ характеръ распространенія основного текста. Эти вставки я отмѣчу по порядку:

а) Въ описаніи похода Мамая, въ началѣ разсказа: «По малех днех, по глаголех сих, злодей перевезеся великую реку Волгу со всею силою, со многими ордами и царми и князми, и бѣ войска его ҂ѡнг, а послѣ того числа прибыло в҃і ордъ, о҃ князей болших, а ясаулов и сам числа не вѣдает, да еще три дворы великих в полѣ его догониша. И толико бѣ множество войска его, елико в полѣ не вмѣщатися им. Царь же Мамай нача ласкати ипатов и князей и воевод своихъ, глаголя им, яко обогатеете рускимъ златом. И оттолѣ поиде на Русь царь Мамай и вси князи ординстіи с нимъ, сердито яко лвы ревуще і яко неутолимыя ехидны пхающе. И доидоша же до усть реки Воронежа. И видѣ нечестивый царь Мамай, яко невозможно войску его прокормитися на Воронежи, и распусти войско свое и заповѣда всему войску, яко вси вы будете до единаго готовы на рускую землю и на князи их и на богатество ихъ, на сребро и на злато, і да не единъ пашуть хлѣба, но да будите готовы на руския хлѣбы».

Это распространеніе не ново: въ спискахъ одной изъ группъ 3 редакціи съ подобнымъ перечисленіемъ воинства татарскаго уже приходилось считаться.

б) Въ ярлыкѣ Олега Мамаю: «Мене же, царю, твоего раба Олга резанскаго да пощадить держава твоя. Азъ бо, царю, вельми ти рад и Русь устрашу твоею грозою, и князь Дмитрій и вси рустіи князи зело тебя устрашаютца. Еще, царю, молю державу твою и жалуюся о обиде своей, и много бо ми зла сотвори князь Дмитрій. Такожде и Ольгерду литовскому: И Олегъ тя хощеть молити и присягу имѣти к тебѣ. Грады наша князь Дмитрій поималъ себѣ силно; но ище ти, царю, известно чиню: и не то едино сотворих онъ зло, но имѣнемь твоимь о своей обидѣ погрозихъ ему, он же о том не радит; но и горшая ми сотворих и град мой Коломну за себя заграбилъ. И о всем о том молю ти ся, царю, ведомо же буди і се тебѣ колко он мыслить хощетъ итти на сретение твое, а вѣдеть по себѣ орду нѣмецъ, а мы, царю, оба идеве на помощь тебѣ, и онъ устрашитца».

Этотъ эпизодъ, особенно въ концѣ, представляетъ только риторическое многословіе, основанное на повтореніи прежняго матеріала.

в) Послѣ словъ: ...«и приидоша вестницы и возвестиша великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай со всею силою своею», — вставлена отсутствующая въ Тихонравовскомъ текстѣ глава:

7. О возвещеніи вѣстников великому князю Дмитрію Ивановичю, яко идет царь Мамай на Русь ратію.

Князь же великій Дмитрій Ивановичь сего злаго царя Мамая приход на ся не вѣдая, ни совокупления с ним Олга резанскаго и Олгерда литовского. И быша у великаго князя Дмитрия Ивановича на то устроены в Поли крѣпкіи стражи: Симеонъ Иродионов сынъ Жидовиновъ, Андрей Симонов сынъ Поповъ, да Федоръ Стремянникъ Милюкъ и иных удалых витязей великаго князя двора н̄ человѣкъ. В то ж время, после Илина дни в трѣтий день, князь же великій Дмитрій Ивановичь у собя на

пиру в набережномъ терему чаши поводилъ за своего брата князя Владимира Андреевича здравие; и в то время пригонилъ ис Поля сторожи Андрей Поповъ и говорилъ великому князю тако: Нѣсть ти время, великій княже, еже веселитися и сладких медов испивати, но нынѣ время есть, еже молитися Богу всемъ, чтобы тебѣ, государю, тихо и безмятежно державствовати. Нынѣ идеть на тебя, государя, безбожный царь Мамай со многими силами, а нынѣ стоить на рекѣ на Воронежи, а мы силу его обѣжали в в̄і дней, и подстерегли нас царевы сторожи и мене поимали, и царь мене спрашивалъ: вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю, князю Дмитрію, что ся иду к нему гостити со многими силами, а силы моея в̄і ордъ и г̄ царства, а князей со мною б̄г, опроче полских баловных, а всей силы моея ѯѡнг, и послѣ того числа прибыло б̄ алпауты великия со своими двѣма дворы, и тѣмъ я числа не вѣдаю. Может ли мой слуга, а вашъ государь, всѣх нас накормити и одаровати. Мене же царь повелѣ водити по полкомъ своим и показывати сосуды бранныя, еже привезли бяху на взятіе руским градом, но милостию святыя и живоначалныя Троицы и молитвами пресвятыя Богородица и преподобнаго игумена Сергия и твоимъ государским счастіемъ аз убѣжал из рук от самого царя и пригонил к тебѣ, государю, с вѣстію».

Разсказъ о пребываніи Андрея Попова у Мамая находится въ ближайшей связи съ подобнымъ же разсказомъ о нахожденіи въ татарскомъ станѣ Василія Тупика. Послѣдній разсказъ помѣщенъ въ спискѣ 3 редакціи—Ундольскаго № 772. При разборѣ этого списка я указывалъ на этотъ вставочный разсказъ, характеризуя его, какъ переходный къ 4 редакціи. Настоящій же эпизодъ является, такимъ образомъ, послѣдующей попыткой разработки мотива о пребываніи русскаго лазутчика въ татарскомъ войскѣ.

г) Послѣ разсказа о раздѣленіи полковъ (24 глава): «И как будеть великій князь на другой странѣ Оки реки и вси князи и воеводы и вся руская земля и сила воинская с нимъ, и повелѣ

князь великій всѣм воеводам розчести силу его, имяпем когождо и под которым воеводою сколко есть. И разочтоша рускую землю всю, опроче новгороцкія ѓн. Говорит бо бяше тогда первый воевода князь Ѳедоръ Семеновичь: подо мною, государь, силы есть ѓке. Вторый воевода — князь Глѣбъ Брянскій: подо мною силы ѓке. Третій воевода — князь Дмитрій Всеволодичь говоритъ: подо мною силы ѓѕ. Четвертый воевода — князь Михайло Василевичь говоритъ: подо мною силы ѓк. Пятый воевода — Тимоѳей Волуевичь говоритъ: со мною силы ѓеі. Шестый воевода — Иванъ Родіоновичъ Квашня говорит: со мною силы ѓѕі. Седмый воевода переславской — Андрей Серпуховской: со мною силы ѓві. Осмый воевода — князь Андрей Муромскій говоритъ: со мною силы ѓгі. Девятый воевода — князь Егорій Мещерскій говорит: со мною силы ѓді. Десятый воевода — Кононъ Кононовичь говоритъ: со мною силы ѓк. А всее силы съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ ѓу окованые в доспѣсех».

Это перечисленіе также не ново: оно является болѣе поздней обработкой соотвѣтственнаго эпизода, вставленнаго въ списки четвертой группы 3 редакціи.

д) Распространенъ разсказъ о приходѣ Ольгердовичей. Въ началѣ эпизода разбираемые списки прибавляютъ: «В той же день гонсцъ пригонилъ ко Ольгерду Литовскому от земли Литовския и привезе к нему книги написаныи, сицевым образом писано бысть про его дѣтей, иже хотят итти к великому князю Московскому, да како совѣтовали про прежнему себя два брата, князь Андрей да князь Дмитрій». — Эта вставка является слѣдствіемъ того особаго вниманія, которое вообще удѣляетъ Ольгерду 4 редакція.

Распространено и окончаніе повѣсти объ Ольгердовичахъ, выдѣленное списками въ особую главу: 29. О сошествіи купно обою брата на Сѣверу.

«По малех днех снидошася два любимая братия Ольгердовичи со всѣми своими силами и видѣвше себѣ возрадовашеся,

якоже іногда Іосиѳъ съ Вениминомъ, и любезно лобызахуся. И видѣвше у себѣ много войска, ізрядны зело, і ради быша. И рече князь Андрей брату своему князю Дмитрію: Колико есть с нами воиских удалых людей храбрыя Литвы. И рече князь Дмитрій: воиских с нами людей удалых ,о окованныя рати удалые Литвы, учрежены бо, яко нарочити сопротиво борцы. І совокупившись вместо скоро и поидоша оба из Сѣверска к Дону и наѣхавше великаго князя Дмитрія Ивановича об сию страну Дону на мѣстѣ, глаголемемь па Черномъ на Беразай, і охапившеся о выях своих і великія печали і радости, не вѣдуще, что проглаголати, совокупиша бо ся великіи князи вмѣсто у злаго времени, не рад имъ бысть самимъ і войску их. Слышав же Ольгердъ, князь Литовскій от вѣстника своего и розслушавъ послапныя книги от своих доброхотов, что его оба чада пошли на помощь великому князю Дмитрію Ивановичу Московскому, и тако Ольгердъ велми усомнѣвся и помысли в себѣ тако: Х кому аз поиду па помощь, ко царю Мамаю пошел бы, ино ми уже пути нѣтъ от великаго князя Московскаго; аще ли поиду къ великому князю Дмитрію Ивановичю, но уже оба сына моя напреди мене у него есть; но не вѣмъ, что сотворити мнѣ. Глаголюща к нему ближніі его приятели: Преже сего времени сице бысть: сыновє на бою главы своя кладут напред отца своего, а сиі твои два сына тоже творят; аще ли же убиют их, то ты сам спасешся в земли своей Литовской и их грады завладѣеши; аще ли пойдеши къ великому князю, тамо убіенъ будеши от царя Мамая по прежреченным своим книгам, посланным к великому князю, то, что воспріимеши; аще ли царь Мамай одолѣет без тебя великаго князя Московскаго, то можеши от него отговоритися, что великій князь дорогу поодимал, а из своей земли со своею силою выѣхал вонъ. Слышав же сия Олгердъ Литовскій от своих панов рѣчь такову, возлюби словеса их и глаголаше от уст своих сице: Помози, Господи, дѣтем моим, а не Мамаю».

Въ этой вставкѣ — Ольгердъ опять поставленъ на первомъ планѣ; разсказъ о смущеніи его и разговоръ съ панами есть и

въ Тихонравовскомъ текстѣ, но здѣсь онъ значительно распространенъ, особенно въ концѣ, гдѣ, совсѣмъ не кстати, приведено молитвенное обращеніе Ольгерда.

е) Передъ описаніемъ начала боя разбираемые списки вставляютъ *вторичное* указаніе на устройство великимъ княземъ засады въ дубравѣ: «Князь великій Дмитриі Іванович от быстрого Дону на полѣ Куликово къ рѣце Непрядве со всѣмъ войскомъ своимъ, и пришед близ ея, отпусти брата своего князя Владимира Андреевича с половиною силы войска своего ввергъ по Непрядве рѣце в дубраву по прежереченному наказу и с нимъ Дмитрия Волынца».

Списки, какъ указано, сохраняютъ планъ У, гдѣ разсказъ объ устройствѣ засаднаго полка помѣщенъ передъ разсказомъ о примѣтахъ Волынца. Но разбираемые списки, пользуясь, очевидно, для своихъ дополненій различными категоріями списковъ 3 редакціи, помѣстили случайно вторичное упоминаніе о засадномъ полку и въ данномъ мѣстѣ, руководствуясь схемой, восходящей къ списку Т.

ж) Послѣ описанія мглянаго утра боя и указанія на многочисленность собравшейся силы на полѣ Куликовѣ, въ разбираемые списки вставленъ цѣлый эпизодъ, носящій характеръ какъ бы особой повѣсти: «В то же время бо по всемь градом заморскимь велика гроза бысть, но и в самом Царѣграде, что земля стонеть. Тогда же царь цареградскиі во страсе і в недоумѣніи велице бысть і глаголаше: что се будеть. Рече же ему некто от воин его: Аз, царю, видѣл есмь видѣние за седм дней преже сего страха: придоша звѣрие бо многие на овча стада, страшна образом, и поядоша их, мало от нихь овѣць тода оставашася. Тиі же малые овцы образ своими устремишася на лвовы стада, и тех злых звѣрей львов поядоша і до единаго звѣря. Но аз, царю, про се много мыслих, что се есть, таково і чаю, яко велика града побоища на земли будеть, но не вѣмь, царю, гдѣ есть».

Эта вставка уже встрѣчалась въ 3 редакціи (списокъ пр. Со-

колова). Мотивъ — стонъ земли, являющійся предзнаменованіемъ кровопролитія — весьма давній. Обработка эпизода шаблонна.

з) Конецъ рѣчи великаго князя передъ воеводами распространенъ риторически: «Подобаеть убо, братие, нынѣ і мнѣ за православную христіанскую вѣру тако же сотворити, итьти противу безбожных и братися с ними. Аз бо воевода болши васъ, и вся сия воздвигжеся мене ради. Приях же от Бога вся благая и нынѣ злая ли не подыму или не хощу претерпеть, і како могу видети вас побивающих, а мнѣ стояти і единому спасену быти, но по істиннѣ хощу с вами общую смертную чашу пити і вмѣстилище; аще ли вы спасетеся, но и аз хощу с вами спасен быти; аще ли вси умремь, то едину чашу восприимѣм. І тако нынѣ на противныя враги наша вооружимся силою сѣдящаго на херувимех, сия остальше, ко своимъ гостям потягнѣмь».

и) Весьма много вставокъ и распространеній въ описаніи единоборства Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ. Весь разсказъ выдѣленъ въ особую главу: «О сряженіи Алѣксандра черноризца, рекомаго Пѣресвѣта, іже побѣди от татар пѣрваго богатыря *Таврула*». Безыменный противникъ Пересвѣта въ 4 редакціи носитъ особое имя; 1 группа 4 редакціи зоветъ его *Телебей*. Эпизодъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сильно занималъ редакторовъ: каждый по своему развивалъ и распространялъ его; ниже я укажу на особую передѣлку Сказанія 4 редакціи, гдѣ развитіе эпизода доведено до того, что въ единоборствѣ послѣдовательно принимаютъ участіе Пересвѣтъ и Ослябя, каждый со своимъ противникомъ. Распространеніе въ данномъ случаѣ основано на расширеніи діалоговъ, вставкѣ лирическихъ отступленій и болѣе подробномъ описаніи единоборства.

«Видѣв же его Алѣксандръ, рѣкомый Пѣресвѣтъ мнихъ, люботчанин, іже бо в пѣрвомъ полку Владимѣрове Всеволожича, со братомъ своимъ Ослѣбятемъ, да иныя два воина от преподобнаго Сергия. Сиі чернець Алѣксандръ двигнуся ис полку своего и шед, рече великому князю Дмитрию: «О великій княже,

видиши ли печенега сего, сиі человѣкъ іщет подобна себѣ, но аз хощу с ним видетися оружиемь, аще же аз не іду противу его, то вси вы імате от него побѣждены быти». Бѣ же на немь шеломъ великаго ангельскаго образа, возложенъ черны клабукъ со святою схимою, приволакиваетъ же ся і приволоку, сирѣч мантию, отца своего преподобнаго ігумѣна Сергия. Тако же бысть одѣяние і на брате ево Андрѣе Ослѣбяти. І бѣ жалостно і умилно зрѣти на них, но всѣмъ прослѣзитися, взирающе на ангелския образы іхъ. Приемьлѣтъ же в руцѣ своі оружие, копие, и молитвы святаго старца Сергия в помощь себѣ призывая. І рече: «Отцы и братия, благословите і простите мя грѣшнаго, и ты, брате мой Андрее, моли за мя ко Господу и поспѣвай за мною, да вмѣсте іспиемъ чашу сію». Он же хотя скочити за ним, но удержаше воевода его, бяху бо оба известные богатыри, да не вскорѣ бы остати. Рече же мнихъ Алѣксандръ сицѣ: «Братия моя, князи руския, зрите сего подвига, аще кому Богъ пособит і риза его свергь драгой ризы». І по сих словесех речѣ Пересвѣтъ чернецъ конечное слово: «О преподобне отче Сергие, помози своими святыми молитвами». І напусти к татарину оному, якоже стрѣла із лука, излегъ по коню своему с копиемъ. Поганы же пѣчѣнех он також устремис противу его. Християне же вси кликнуша: Боже, помози рабу своему пѣрвому воину. І ударишася копиями і преломишася копия ихъ, і падоша оба с конеі своих, яко нѣ возмогоша кони силни здержати іхь на собѣ, но падши прже их умроша. Они же воставши на земли, схватишася под пазухи, оба сами собѣ ударишася скоро о землю, яко земля погремѣти от них же. І ту не возмогоша ни един от единаго востати от земли, но вкупѣ умроша, токмо Пересвѣт над поганымъ лѣжить і всего разразив его, и край мантіи старьческой свергь печенега покрыта бысть, а самъ Пересвѣтъ цѣлъ есть, нигдѣ язвы не приим. И от сего мнози уразумѣша — верху великаго князя быти над татары, еже и послѣди бысть».

Безхитростное распространеніе эпизода въ стилѣ устныхъ

разсказовъ имѣло отчасти мѣсто въ 3 редакціи. Желаніе присоединить Ослябю, совершающаго также «подвигъ добрый», заставило редактора разбираемыхъ списковъ вставить эпизодъ и объ этомъ извольникѣ пр. Сергія, гдѣ народно-поэтическій складъ еще болѣе замѣтенъ: «І тако Ослябя чернецъ скоро выскочи из полку перваго с палицею желѣзною, ударися на всю силу татарскую і окружи их, бия палицею, и выскочи от них и паки поскочи в силу, і к тому не видаху его, колико бив татар і гдѣ како умрѣ, но послѣжде токмо мертвых *поби улицами*, і в татарех познаша его, яко бѣз числа пребивъ ихъ. Такоже все войско, видѣвше сия, ударишася по конемъ своимъ»... (далѣе— обычная картина боя).

і) Наконецъ, сравнительно съ предыдущей группой, разбираемая вставляетъ въ разсказъ о бѣгствѣ татарскаго войска извѣстную уже и раньше, по спискамъ 3 редакціи, вставку изъ Повѣданія, въ поздней обработкѣ: ...«побѣгоша в полѣ неуготованными дорогами и даша татарове плещи свои на раны и побѣгоша в лукоморие, скрѣгчюще зубы своими и деруще лица своя і рекуще сицѣ: Уже намъ, братия, в земли своей не бывати, а катунь своих не трепати і детей своих не видати; а трепати намъ сыра земля і цѣловати намъ зелѣная мурава. А на Рус нам ратию не ходити і выходовъ нам на рускихъ князей не имати. І уже стонала татарская земля, нынѣ же бѣдами и тугою покрышася, юннымъ царемъ хотение і царемъ похвала на рускую землю. Уже сынове рустіі разграбиша доспѣхи на них і разхватиша волы і велбуды і вино і сахаръ, іное доброе узороче, камки и отласы и бархаты, руския уже жены возплѣскавши татарскимъ златомъ».

Таковы главнѣйшія дополненія разбираемой группы противъ первой. Матеріалъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не новъ: это или эпизоды, имѣвшіе мѣсто въ различныхъ группахъ 3 редакціи, преимущественно въ тѣхъ, которыя я отмѣчалъ, какъ переходныя къ четвертой, или риторическія распространенія въ современномъ составленію редакціи стилѣ, или, наконецъ — устные разсказы, записанные съ сохраненіемъ народно-поэти-

ческихъ пріемовъ. Четвертая редакція Сказанія подходитъ подъ общее правило для старинныхъ беллетристическихъ произведеній: наиболѣе читаемая повѣсть съ теченіемъ времени распространяется на счетъ развитія наиболѣе излюбленныхъ эпизодовъ. Въ данномъ случаѣ, разбираемая группа, сохраняя въ общемъ весьма близкую связь съ первой группой 4 редакціи, продолжаетъ распространеніе тѣхъ эпизодовъ, которые были, такъ сказать, всего болѣе популярны.

Слѣдующей особенностью 2 группы является продолжающееся паденіе поэтической традиціи, — опрощеніе заимствованій изъ Повѣданія. Я отмѣчалъ выше стремленіе — придать памятнику однообразный колоритъ прозаическаго повѣствованія. Въ данномъ случаѣ я не стану приводить примѣровъ дальнѣйшаго опрощенія цитатъ изъ Повѣданія; ограничусь лишь замѣчаніемъ, что по количеству — цитаты здѣсь еще малочисленнѣй, чѣмъ въ первой группѣ; тѣже, которыя сохранились, носятъ отпечатокъ стремленія объяснять непонятный поэтическій оборотъ рѣчи, напримѣръ: «стязи под ними, аки телѣзи ревуще»; «еловци же шеломов их, аки поломя вогненное пашет, *сиречь говоритъ*»; «вранови и орли *и прочая птицы* своею рѣчю велми кричащи», и т. п.

Въ слѣдующихъ спискахъ разбираемой группы сохранена одинаковая съ предыдущими схема и удержаны тѣже добавленія. Характеризуются же они нѣкоторыми особенностями, зависящими, главнымъ образомъ, отъ переписки.

3. Списокъ Синодальной Библіотеки № 964, носящій названіе «О древностяхъ Россійскаго государства». Скоропись к. XVII в. Сказаніе помѣщено на л. 259, причемъ заглавіе приписано болѣе позднимъ почеркомъ — XVIII в.: «Повѣсть о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ Московскомъ, како побѣдилъ Мамая царя татарскаго за Дономъ рѣкою». Затѣмъ идетъ основной текстъ: «Начинаема повѣсть о Мамаевѣ побоищи, како благовѣрный великій князь Димитрій Ивановичь Донской побѣдил нечестиваго царя Мамая со всѣми его агаряны. Хощем, братіе,

начати и повѣдати новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христіяном»...

Синодальный текстъ тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ, сохраняя, большею частію, тѣ же дополненія, которыми характеризуются оба предыдущихъ списка. Главы также совпадаютъ, но, какъ я говорилъ, вписаны не всѣ: изъ 54 основныхъ озаглавлено 20. (Главы 3, 6, 9—11, 14—16, 20, 22, 24, 26—28, 33—37, 45).

Новаго списокъ не даетъ ничего. Какъ болѣе поздній по времени, онъ искажаетъ собственныя имена еще больше: Борботяшь, Іванъ Давесловъ и проч. Заимствованія изъ Повѣданія незначительны и находятся въ окончательной степени разложенія въ прозу: «Убо, братіе, есть стукъ стучитъ и яко гром гремит в славном граде Москве, шумит бо рать Димитрія Иваповича всеа Россіи злочестивыми (такъ!) доспѣхи». Или: «Тогда возвѣявшу вѣтру, подобно вице (такъ!) широцѣ, воздвигошас велицыи, и князи і бояре і дети боярскіе спѣшно грядут па кровь, *яко на многоценную трапезу*, і бѣ тамо видити страшно стукъ великъ и гром». Или: «И мнози врапы грающе и *сои щокочуще*, орлы ж устіе Дону прилетающе, ждуще дня грознаго»,... и далѣе: «а еловци шеломов их, аки *искры горящаго уля* блистаются, и бѣ умильно видѣти и жалостно зрѣти таковых руских князей и удалых храбрых витязей уряженіе и *литовских полков собраніе*». Упрощены — формула боя, счетъ побитымъ, который ведетъ Михайло Александровичъ.

Относясь ко 2 группѣ, разбираемый списокъ имѣетъ, конечно, и характерный конецъ. Словами: Великій ж князь Димитрій Ивановичь всеа Россіи возвратися в славнѣйшій градъ Москву и пріиде на престол свой, радуяся і славя Бога о побѣде врагов своих, и поживе прочее время живота своего мирно и безмятежно, благодаря всемогущаго в святѣй Троицы славимаго Бога, иже таковую побѣду даровавшаго на злохулящія враги своя, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» — кончается Сказаніе.

4. Списокъ Тверского Музея № 3146, историческій сборникъ скорописью к. XVII вѣка. Сказаніе начинается на 265 об. листѣ: «Лѣто ѕѡпе году. Сказание о Донскомъ побоище і похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимеру Андрѣевичю, с Мамаемъ царемъ *і о чудесѣхъ преподобнаго Сергия*». Начало (какъ и вообще въ спискахъ 2 группы) ближе къ У: «Хощемъ начати, братие, повѣсти новыя побѣды, како случися брань на Дону православнымъ христианом з безбожными агаряны»... Заглавія отмѣчаются въ 21 случаѣ: носятъ названія главы: 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14, 15, 22, 24, 26—29, 33—37, 40, 41.

Текстъ близокъ къ предыдущему, мѣстами замѣчаются лишь нѣкоторыя сокращенія. Отличительной особенностью списка является то, что онъ былъ списанъ съ лицевой рукописи, и подписи подъ миніатюрами введены въ разбираемый текстъ. Я отмѣчу эти вставки, имѣющія характеръ интерполяцій: 1) Князь Олгирдъ спрашивает посла своего Бартяша про Мамая царя. 2) Татарове же связанные стоятъ пред великим княземъ. 3) Князь же великій прикладывается у гроба Петрова. 4) Великая же княгиня Евдокѣя во златоверхом теремѣ набережном сидит на рундукѣ, сшибши руки, слезы льющеся от очию. 5) Новгородцы же звонятъ в вѣчный колоколъ. 6) І возятся рат великаго князя. 7) Олегъ резанскій сидя кается, витязи пред нимъ стоятъ. 8) Олегъ на боярей своихъ сердитуетъ. 9) Вѣстницы же пріидоша ко князю Дмитрию і вдаша от брата его от князя Андреа послание. 10) Войско великаго князя Донъ перевозится. 11) Князь великій цѣлуетъ посланники чернъцовъ. 12) Бой. Ступишася полки великаго князя с татарскими бющеся крѣпко между Дону і дву рѣкъ.

Всѣ эти названія миніатюръ вписаны въ текстъ Повѣсти, не смотря на то, что этимъ нарушенъ логическій смыслъ разсказа.

Что касается поэтическихъ вставокъ, то разбираемый списокъ хотя и сохранилъ ихъ больше, чѣмъ предыдущій, но

паденіе поэтической традиціи замѣчается и здѣсь въ полной силѣ. Заключеніе списка развито по схемѣ У.

5) Списокъ Публичной Библіотеки Q. XV, 27. Текстъ Сказанія неисправенъ: благодаря, во-первыхъ, случайному дефекту въ повѣсти не достаетъ начала и конца; во-вторыхъ — замѣтно весьма небрежное отношеніе писца къ работѣ (въ этомъ отношеніи рукопись походитъ на нѣкоторые списки 3 редакціи): писецъ не давалъ себѣ труда объяснить почему-либо непонятное мѣсто и писалъ: «рече Захарей *яко* царю Мамаю»; «начат збирати от двора своего от юных *іестеров* и з ратею *наша* довольно суща умомъ, именемъ Захарію *Туцъева*»; «вели *сѣсти в мои кружницы*, а твои изволницы» и т. д.

Спѣшное отношеніе писца къ работѣ сказалось еще въ томъ, что онъ, не замѣчая, списывалъ Сказаніе съ рукописи, имѣвшей перебитые листы. Поэтому, въ разсказѣ объ Ольгердовичахъ, путаница: «И рече имъ князь великій Дмитрей Ивановичь: братія моя милая, якоея потребы пріидосте *ко мнѣ великій хощеши* крѣпко войско держати, и то повелѣ Донъ реку возитца»... И ниже: «Князь же великій повелѣ войску своему Донъ реку *возитися, они ж приклоняютъ* суетная и сотвореніе дѣлъ, да что же воздадимъ ему противъ таковово прошенія». Путаница продолжается и послѣ разсказа объ Ольгердовичахъ: въ описаніи перехода черезъ Донъ: «И рече ж к нему Волгердовичи князи литовскія, аще *господине княже яко приближаются* поганыя тотарове, и многи же сынове рустіи возрадовашася».

Небрежное отношеніе писца видно всюду: вм. «Меликъ» онъ пишетъ «Малинъ», вм. «Бренку» — «Бронскому» и проч. Этотъ экземпляръ Сказанія, какъ и вышеуказанные въ этомъ родѣ, очевидно, былъ изготовленъ для продажи, на скорую руку.

Остальные 2 списка, собственно, слѣдуетъ поставить особнякомъ, такъ какъ они даютъ *основной текстъ 4 редакціи въ сокращеніи*. Относить ихъ всецѣло, поэтому, къ 1 или 2 группѣ нельзя. Списки эти слѣдующіе:

1. Напечатанный Снегиревымъ въ 3 томѣ Русскаго Историческаго Сборника, принадлежавшій кн. Оболенскому. Текстъ вначалѣ весьма сходенъ съ текстомъ 3 редакціи (печатная группа по моему дѣленію), но вставныя повѣсти, характерныя для 4 редакціи, въ немъ — на лицо, хотя и сокращены: такова повѣсть о Бортешѣ («Боширща» — въ спискѣ), о новгородцахъ и проч. Заглавія выпущены, нѣкоторые эпизоды — сокращены, и эти то сокращенія приближаютъ списокъ нѣсколько къ 3 редакціи (поэтому Снегиревъ и поставилъ его въ число варіантовъ списка Тимковскаго).

2. Списокъ Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого II, 237. Сокращеніе Сказанія здѣсь еще сильнѣе, причемъ сдѣлано опытной рукою. Съ первыхъ же строкъ повѣсти это сокращеніе замѣтно: «Сказание, како приходил на Рус безбожный царь Мамай на великаго князя Дмитрія Ивановича московскаго. Вложи ему дьяволъ в сердце, како пленил рускую землю царь Батый, Киевъ и Володимерь и всю словенскую землю. И говорит своими богоотступники з думными мурзами: царь Батый грады разорилъ, а веры не разрушил, а яз пойду на Рус, грады разорю и веру разрушу, а вы будите готовы на руские хлебы. И присовокупи себѣ многие орды, и поидеж окоянный на Рус, ратуя, яко неутомимая ехидна. И доиде устья реки Воронежа и распусти свою силу. Слышав же то Олегъ»... Затѣмъ слѣдуетъ сокращенное изложеніе ярлыковъ союзниковъ, разсказа о Бортешѣ, разговоровъ великаго князя съ Кипріаномъ (выпущена его поучительная рѣчь о Василіи великомъ), посольства Захаріи «Тучкова», текста грамоты Дмитрія по городамъ, похода къ Троицѣ, выступленія (нѣтъ молитвъ). Сокращены повѣсти о мужахъ Новгородцахъ и о приходѣ Ольгердовичей, описаніе боя, разсказъ о нахожденіи великаго князя и далѣе — все окончаніе, развитое по схемѣ У. Поэтическія мѣста или выпущены, или обращены въ прозу. Напр.: «И рече болшей брат князь Андреи Олгердович: зберем мы, брате, дружину, храбрую Литву и запорожен, и сядем на своі на добрые кони и посмотрим

тихова Дону, изопьем из нево шеломом своим студеные воды и поидем на помощь великому князю».

Оригиналъ этого списка имѣлъ заглавія, но редакторъ ихъ или опускалъ пли вписывалъ въ строку, вмѣстѣ съ общимъ изложеніемъ.

Редактору не удалось послѣдовательно провести сокращеніе: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе сжато до неясности, тѣмъ не менѣе, какъ самостоятельное и въ общемъ довольно хорошее сокращеніе 4 редакціи, списокъ этотъ необходимо выдѣлять, какъ попытку самостоятельной обработки Сказанія.

По отношенію къ 1 группѣ вторая характеризуется, слѣдовательно, рядомъ добавленій, матеріалъ для которыхъ она собираетъ, такъ сказать, изъ списковъ нѣкоторыхъ группъ 3 редакціи, въ которыхъ я отмѣчалъ постепенное накопленіе разнородныхъ эпизодовъ. Отмѣченные эпизоды 2 группы 4 редакціи не блещутъ новизною: это передѣлка уже готоваго матеріала.

Вводя новыя добавленія, вторая группа стремится, повторяю, совершенно освободиться отъ поэтической традиціи. Взамѣнъ ея развивается многословность, въ ущербъ содержанію, вводится бо́льшее количество дѣйствующихъ лицъ, двоятся эпизоды, замѣчается стремленіе еще болѣе оттѣнять самое интересное, причемъ пріемы поражаютъ своей наивностью. Характернымъ примѣромъ такого вообще изложенія Сказанія является его особая передѣлка, находящаяся въ сборникѣ Публичной Библіотеки Q. XVII. 209. (См. Приложенія, стр. 129). Редакторъ этой передѣлки, держась въ общемъ плана 4 редакціи, сокращаетъ фактическую сторону, замѣняя ее ни на что не нужнымъ многословіемъ (особенно въ повѣстяхъ о Захаріи, Ольгердовичахъ) въ стилѣ позднѣйшаго повѣствованія; вводитъ множество діалоговъ, вставляя, напр., цѣлый разговоръ Ольгердовичей съ великимъ княземъ, заставляя стражей являться къ Дмитрію съ «парочитымъ языкомъ» дважды, чтобы произнести рядъ рѣчей. Къ найденному великому князю Владиміръ также обращается съ рѣчью, нескладно имитируя акаѳистъ.

Стремленіе вводить новыя собственныя имена (при порчѣ основныхъ) доведено здѣсь до курьезовъ: Сергіемъ былъ данъ великому князю «Андрей Ослята», а Іаковъ Ослебя, оказывается, былъ посланъ въ свое время на сторожу въ Поле. Многіе эпизоды передѣланы вовсе изъ стремленія редактора умножать впечатлѣніе. Въ разсказѣ о примѣтахъ великій князь слушаетъ землю самъ, причемъ стонъ земли сравнивается: 1) съ плачемъ вдовицы; 2) дѣвичьимъ плачемъ; 3) со свирѣлью; 4) съ плескомъ гусей и лебедей. Волынецъ объясняетъ всѣ эти впечатлѣнія: 1) оказывается *землей еллинской*, 2) — «наша» земля литовская; 3) — русская и 4) — земля *рязанская*. Еще обращу вниманіе на подобное разложеніе сюжета въ разсказѣ о единоборствѣ: Александръ Пересвѣтъ выѣзжаетъ противъ богатыря-печенѣга, именемъ Таврула, но спутникъ Пересвѣта — Андрей Ослята, въ свою очередь, вступаетъ въ единоборство съ Телебеемъ, другимъ богатыремъ татарскимъ. Изложеніе второго единоборства — то же, что и перваго; редакторъ самъ вскорѣ забываетъ объ этомъ раздвоеніи, и далѣе говоритъ только о Пересвѣтѣ. Къ числу такого раздвоенія представленій отнесу еще: выше отмѣченный разсказъ о привозѣ языка татарскаго, повторяющійся дважды, и указаніе на то, что великій князь укрѣпился не только хлѣбомъ, посланнымъ преп. Сергіемъ, но и «цѣлованіемъ посланника» святого старца.

Языкъ передѣлки — вульгаренъ, прежняя риторика и поэтическая традиція исчезли, описаній природы редакторъ не понимаетъ (см. описаніе вечера передъ разсказомъ о примѣтахъ Волынца, стр. 154), не поняты и многія старыя слова: татары «удариша себѣ *въ плъши*» — вм. плещи и проч. Памятникъ, несомнѣнно, составленъ въ самомъ концѣ XVII вѣка, когда подобная порча текстовъ была не рѣдкость.

Разобранный текстъ, представляя нѣкоторую утрировку передѣлокъ, позволяетъ однако характеризовать вообще всю 4 редакцію Сказанія. Несомнѣнно, здѣсь уже паденіе повѣствовательнаго изложенія Повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ.

4 редакція — поздняя по времени: явившись раньше 1674 года (Синопсисъ, какъ будетъ указано ниже, взялъ повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по 4 редакціи), она не можетъ быть далеко и удалена отъ этого года, всего вѣроятнѣе 4 редакція появилась въ началѣ 2 половины XVII столѣтія: великій князь Дмитрій рисуется въ образѣ вполнѣ сформировавшагося государя всея Руси: «Глава еси ты, государь, всѣхъ главъ земскихъ, государь всеі россиіской земли» — точка зрѣнія указанной выше передѣлки.

Явившись позже всѣхъ остальныхъ редакцій, четвертая собираетъ матеріалъ для дополненія въ предыдущихъ, причемъ нѣкоторыя статьи она фиксировала (характерныя вставки), нѣкоторыя же въ ней — то появляются, то исчезаютъ (2 группа). Нѣтъ, поэтому, руководящей точки зрѣнія, какъ замѣчалось въ предыдущихъ редакціяхъ. Поэтому, нахожденіе 4 редакціи въ Тверскомъ сборникѣ № 3146 среди повѣстей: О началѣ русской земли, О царскомъ ожерельицѣ, Объ Августѣ кесарѣ, О Вавилонскомъ царствѣ, О церкви св. Софіи и О Казанскомъ царствѣ — является нѣкоторымъ недоразумѣніемъ: среди такого стройнаго подбора повѣстей, проникнутыхъ одной тенденціей — по праву слѣдовало бы находиться 3 редакціи Сказанія, а не четвертой [1]).

Не внося ничего своего, порвавъ съ прежней литературной традиціей (причемъ затуманились рельефы), 4 редакція, хотя и распространенная, не могла разсчитывать на популярность и, дѣйствительно, была вытѣснена передѣлкой Синопсиса, воспользовавшагося ея матеріаломъ.

---

1) Впрочемъ Сказаніе Тверского Сборника, какъ выше указано, сохраняетъ больше поэтическихъ вставокъ, слѣдовательно — ближе къ 3 редакціи.

ГЛАВА VIII.

Передѣлки и сокращенія основныхъ повѣстей.

При разборѣ редакцій Сказанія я отмѣтилъ тотъ фактъ, что каждый переписчикъ являлся въ то же время редакторомъ: такъ сильно списки разнятся между собою. Я указалъ также и на то, что передѣлки эти однако не даютъ возможности раздѣлять Сказаніе на множество редакцій, такъ какъ эти измѣненія прежде всего стилистическаго характера, и всѣ списки, такъ или иначе. могли быть подведены подъ указанныя выше группы.

Но среди повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ есть еще такія, которыя нельзя подвести подъ термины Лѣтописной Повѣсти или Сказанія. Это — вполнѣ самостоятельныя обработки, въ которыя тексты Лѣтописной Повѣсти или Сказаній входятъ только какъ матеріалъ, комбинируемый вполнѣ оригинально. По этому матеріалу, легшему въ ихъ основаніе, повѣсти и могутъ быть раздѣлены на 2 группы:

1) стоящія въ зависимости отъ Лѣтописной Повѣсти;

2) стоящія въ зависимости отъ различныхъ редакцій Сказанія.

Укажу повѣсти первой группы.

1. *Повѣсть, помѣщенная въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ* [1]).

---

1) Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ россійскую исторію отъ 825—1598 года. Москва, 1781.

А. А. Шахматовъ говоритъ, что этотъ лѣтописецъ изданъ, повидимому, по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ хранился въ Архангельскомъ архіерейскомъ домѣ. Онъ представляетъ *сокращеніе какого-то лѣтописнаго свода позднѣйшаго происхожденія.*

Лѣтописецъ составленъ, слѣдовательно, не ранѣе XVII вѣка, къ этому времени относится и помѣщенная въ немъ Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ. Текстъ повѣсти представляетъ *сокращенное изложеніе Лѣтописной Повѣсти, но съ добавленіями, по всѣмъ вѣроятіямъ, взятыми изъ Сказанія типа третьей редакціи.*

Содержаніе этой повѣсти таково:

Мамай собирается въ походъ, съ нимъ бесермены, армены, фрязи, черкасы, ясы, буртасы, мордва, черемисы. Ягайло двигается съ жемотью и ляхами. У Мамая войска 900 тысячъ и 30 человѣкъ. Кипріанъ благословляетъ великаго князя, а преп. Сергій даетъ Пересвѣта и Ослябю. Войско русское приходитъ въ Коломну, гдѣ его встрѣчаетъ епископъ Евфимій. Здѣсь — смотръ: у Дмитрія — 100 тысячъ, у подручныхъ князей — 200 тысячъ, и Ольгердовичи приходятъ съ 40 тысячами. Передъ тѣмъ какъ переходить Донъ, доспѣваетъ грамота отъ преп. Сергія съ увѣщаніемъ — бороться, и хлѣбецъ богородичный, какъ благословеніе. Войско переходитъ Донъ по совѣту Дмитрія Боброкова Волынца, пришедшаго съ литовскими князьями. У Непрядвы — сѣча: «по удоліямъ кровь течаше, а трупа человѣчя никако жъ можеть конь скочити». Бились на 90 верстахъ. Силы русской пало 250 тысячъ, а татарской «по намекамъ счетверо». Князь великій раненъ и уклонился съ поля битвы. Находятъ его Дмитрій Сабуръ и Григорій Холщевъ. Найденнаго князя «омываютъ теплою водою и одѣваютъ». Объѣздъ побоища: среди убитыхъ значатся еще: «Василей Перѳирьевичъ, Каргаша Михайловичъ и нарочитый богатырь Григорей Капустинъ». Мамай убитъ въ Каѳѣ за то, что много зла сотворилъ христіанству.

Сказаніе вошло сюда, я говорю, по типу 3 редакціи: имя епископа — Евфимій находится въ спискахъ печатной группы. «Григорій Капустинъ» здѣсь получилъ окончательное право на участіе въ Куликовской битвѣ, и, по аналогіи, къ этому имени прибавлено еще два новыхъ. Редакторъ старался взять изъ Сказанія подробности чисто фактическія, дополняя ими то, о чемъ, по его мнѣнію, глухо говорила Лѣтописная Повѣсть. Лѣченіе раненаго князя и количество войскъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, личныя домышленія редактора, очень неоригинальныя.

2. *Повѣсть Степенной Книги.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, находящаяся въ Степенной книгѣ (степень 12, гл. 6 и 7), представляетъ *распространеніе Житія великаго князя Дмитрія, сдѣланное на счетъ вставокъ изъ Лѣтописной Повѣсти и риторическихъ украшеній въ современномъ составленію стилѣ.*

Для уясненія процесса составленія Повѣсти я сравню Житіе съ Повѣстью Степенной Книги:

Слово о житіи и о преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича, царя русскаго. (Новгородская IV л.).	Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по Степенной Книгѣ. (Глава 6).
Царіе земстіи, слышаще его удивишася и многыа страны ужасошася, врази же его взавидѣша ему, живущіи окрестъ его, и наводиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:	Царіе земстіи, слышаще благородное его мужество и храбрость и великое благоразуміе его, удивишася, врази же его, живуще окрестъ его, позавидѣша ему и навѣтоваше на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще:
Дмитрій великый князь себе именуетъ руской земли царя, и паче честнѣйша тебе славою,	Великій князь Дмитрій московскій себе именуетъ рускія земли царя, наипаче же

супротивно стоитъ твоему царствію.

Опъ же, наваженъ лукавыми съвѣтники, иже христіанскую вѣру дръжаху, а поганыхъ дѣла творяху; и рече Мамай княземъ и рядцемъ своимъ: преиму землю рускую, и церкви христіанскыя разорю, и вѣру ихъ на свою преложю и велю поклапятися своему Махмету; идѣже церкви были, ту рошаты поставлю, и баскаки посажаю по всѣмъ градомъ рускымъ, а князи рускыа избію. Аки преже и Огъ, царь васанескъ, похвалися на кивотъ завѣта Господня, иже въ Силомѣ, сице похвалився, самъ погыбе.

И посла преже себе Мамай воеводу, поганаго Бегича съ великою силою и съ многыми князми.

Се же слышавъ князь Дмитрій поиде въ срѣтеніе ему съ многою силою рускыа земля, и съступися съ погапыми въ рязанской земли, на рѣцѣ Вожи, и поможе Богъ и святаа Богородица князю Дмитрію, а погапыа Агаряны посрамлены

честнѣйшій тебѣ славою, супротивно стоитъ царемъ ординскимъ, и твою честь ни во что же вмѣняетъ.

И тако поганый, наваженъ... (*далѣе — все сходно до словъ*:)

. . . погибе самъ преже.

И пославъ безбожный Мамай преже себе на Русь ратью воеводу своего окаяннаго Бегича съ великою силою и съ многими князи ординскими.

И сія слышавъ великій князь Дмитрій Ивановичъ... (*далѣе — все сходно до словъ*:)

быша, овы изсѣчены быша, а иныа побѣгоша; и возвратися Дмитрій съ великою побѣдою, и тако ти заступаше рускую землю, отчину свою.

И бестудный Мамай срама исполнися, въ похвалы мѣсто безчестіе пріиде ему, и поиде самъ на рускую землю, похвалився на Дмитріа, исплъни сердце свое злаго безаконіа.

Слышавъ же князь Дмитрій и въздохнувъ изъ глубины сердца къ Богу и къ пречистѣй его Матери и рече:

...побѣдою, тако Бога на помощь призывая, заступаше свою отчину рускую землю отъ поганыхъ противнаго нахожденія.

(Глава 7).

Безстудній же... похвалився со всѣми князи ординскими и со всею силою татарскою и половецкою, наипаче же къ симъ много рати понаймовалъ, бесермены и армены и ѳрязы и черказы и буртасы. Бяху же тогда съ Мамаемъ единомысленніи совѣтницы: литовскій князь Ягайло Ольгердовичь со всею силою литовскою и лятскою, и князь Олегъ Ивановичъ рязанскій. И тако окаянный Мамай разгордися, понеже всею Ордою и царьми владяше, и заповѣда всѣмъ совѣтникомъ своимъ со всѣми воинствы вкупѣ быти у рѣки Оки на брезѣ.

Бысть же мѣсяца августа, слышавъ сія великій князь Дмитрій Ивановичъ иде къ соборней церкви и проліявъ слезы, воздыхая изъ... и рече:

Господи Боже нашъ, всемощный и всесильный и крѣпкій въ бранѣхъ, воистинну ты царь славы и всея твари содѣтель, помилуй ны молитвъ ради

пречистыя твоея Матери и всѣхъ святыхъ твоихъ. Не остави насъ, егда унываемъ, ты бо еси Богъ нашъ, и мы людіе твои; посли руку твою свыше и помилуй ны, и посрами враги наша и оружія ихъ притупи. Силенъ еси, Господи, и кто противъ станетъ ти. Помяни, Господи, милость свою, юже отъ вѣка имаши на родѣ христіянстѣмъ.

О пресвятая госпоже, Богородице Дѣво, заступнице и помощнице міру, моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ

И ты, о многопѣтая и пресвятая Царица, госпоже Дѣво Богородице, честнѣйшая небесныхъ чиновъ и всея вселенныя заступнице и прибѣжище міру и всего живота человѣческаго кормительнице. Воздвигни, Госпоже, руцѣ свои пречистіи, има же носила еси истиннаго Бога, изъ тебѣ воплощеннаго, его же моли за мя...

буду главу и животъ свой положити за имя Сына твоего и за твое, иная бо помощница не имамъ, развѣе тебе, Госпоже. Да не порадуются враждующіи мнѣ безъ правды, ни ркутъ поганіи: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша? Да постыдятся вси являющеи злаа рабомъ твоимъ, яко азъ рабъ твой есмь и сынъ рабы твоея; испроси ми, Госпоже, силу и помощь

...Госпоже. Избави насъ отъ сыроядецъ сихъ, да не...

отъ святаго жилища Сына твоего и Бога моего, на злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, Госпоже, столпъ крѣпости отъ лица вражіа, и възвеличи имя христіанское надъ погаными агаряны.

...врага Мамая;...

...агаряны и посрами вся сопротивныя наша и да разумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ, и того есть слава во вѣки Аминь.

И призва вельможа своя и вся князи рускыа земля, сущаа подъ властію его, и рече княземъ и вельможамъ своимъ:

И призва вся...

Лѣпо есть намъ, братіе, положити главы своя за православѣрную вѣру крестьянскую, да не пріяти будутъ гради наши погаными, ни запустѣютъ святыа божіа церкви, и не разсѣяни будемъ по лицю всея земля, ни поведени будутъ въ полонъ жены и чада наша, да не томими будемъ погаными по вся дни; аще за насъ умолитъ Сына своего и Бога нашего пречистая Богородица.

...братіе, да идемъ противу сыроядцевъ сихъ, не пощадимъ живота своего, еже положити... крестьянскую, и за святыя церкви и за вся христіаны, да не пріяти...

...по вся дни. И нынѣ, братіе, приспѣ время подвига, потягнемъ мужески, помощницу имуще пречистую Богородицу, и та умолитъ... яко да милостивъ будетъ намъ здѣ и въ будущій вѣкъ.

И отвѣщаша ему князи рускые и велможи его: Господине

И... его: О велеумный господине...

рускый царю! рекли есмя тобѣ служа животъ свой положити; а нынѣ, тебе дѣля, кровь свою прольемъ и своею кровію второе крещеніе пріимемъ.

...яко же рекохомъ...

...нынѣ же готови есмы тебе ради за избаву христіанскую и кровь свою прольяти, ею же омыетъ намъ Господь вся преже содѣянная нами прегрѣшенія.

И воспріимъ Аврамлю доблесть, помолився Богу, и помощника имуще святителя Петра, новаго чюдотворца и заступника рускыя земля, и поиде противу поганаго, аки древній Ярославъ, на злочестиваго Мамая, втораго Святополка. И срѣте его въ татарскомъ Полѣ, на рѣцѣ Дону, и съступишася полци, аки тучи силніи, и блеснушася оружія, аки молніа въ день дождя, ратніи же сѣчахуся за руки емлющеся, по удольямъ кровь течаше, и Донъ рѣка потече, кровью смѣсившеся и главы татарьскыя, аки каменіе валяшеся, и трупья поганыхъ, аки дубрава посѣчена.

Великій же князь Дмитрій Ивановичь воспріимъ Авраамлю доблесть... (*далѣе — по Лѣтописной Повѣсти*: приходъ въ Коломну — переходъ Оки — писаніе Сергія — переправа — характеристика князя: О крѣпкія и твердыя дерзости...).

...сступишася (*формула боя посрединѣ раздѣлена вставкой разсказа о видѣніи Бориса и Глѣба* до словъ: И такова бысть брань зѣльна, яко и по удоліямъ...).

...посѣчена.

Мнози же достовѣрніи видяху ангелы божіа помогающа крестьяномъ. И поможе Богъ князю Дмитрію и сродници его святая мученика Борисъ и Глѣбъ.

Погапіи же сами видѣша три солнѣчныя полки блистающася, отъ нихъ же исхожаху на нихъ пламенныя стрѣлы и до конца побѣжени быша отъ христіанскаго оружія.

А оканный Мамай отъ лица его побѣже; треклятый же Святополкъ въ пропасть побѣже; а нечестивый Мамай безъ вѣсти погибе.	Окаянный... (треклятый — побѣже *нѣтъ*). ...погибе.
И възвратися князь Дмитрій съ великою побѣдою, якоже преже Моисей Амалика побѣдивъ, и бысть тишина въ руской земли.	(Передъ «И возвратися» — *риторическая вставка*). И возвратися... Амалика побѣди, тако же и сей достохвалный и великій князь Димитрій Мамаеву силу побѣди.

Если описаніе Куликовской битвы, вставленное въ Житіе, было составлено авторомъ по Лѣтописной Повѣсти, то въ разбираемой повѣсти Степенной книги матеріаломъ для распространенія явился тотъ же памятникъ, который раньше, значитъ, былъ сокращенъ. Что касается риторическихъ добавленій, то дальше тавтологическихъ оборотовъ и вставки новыхъ эпитетовъ они не идутъ.

Что касается повѣстей второй группы, то онѣ всѣ представляютъ особыя измѣненія редакцій Сказанія, измѣненія, основанныя или на простомъ сокращеніи основного текста, или представляютъ особую редакторскую работу. Эта работа касается, напримѣръ, переработки всего вступленія, подбора характерныхъ, съ точки зрѣнія редактора, эпизодовъ, опусканія того, что казалось редактору лишнимъ и ненужнымъ. Замѣчательно, что заимствованія изъ писанія Софоніи, почти уже утратившіяся въ спискахъ 4 редакціи, отсутствуютъ *вовсе* въ разбираемыхъ повѣстяхъ: видно, что редакторы сознательно производили эту чистку текста отъ поэтическихъ вставокъ. Выше, при разборѣ списковъ различныхъ редакцій Сказанія, я отмѣчалъ списки и сокращенные и такъ или иначе видоизмѣненные. Но считать ихъ отдѣльными редакціями или самостоятельными повѣстями я не могъ потому, что въ нихъ оставался планъ

основного текста, сокращенія были случайны, не проведены послѣдовательно, случайны были и всѣ добавленія и вставки, не касавшіяся вовсе измѣненія характера памятника. Въ разсматриваемыхъ повѣстяхъ — дѣло другое: сокращеніе здѣсь распространяется на весь памятникъ, измѣняя его до неузнаваемости, редакторская обработка — придаетъ ему совсѣмъ особый характеръ. Подводить эти повѣсти подъ какую-либо категорію предыдущихъ редакцій, какъ сейчасъ будетъ указано, невозможно.

1. *Сокращеніе первой редакціи.*

Эта повѣсть, помѣщенная въ рукописи Московскаго Публичнаго Музея, собранія Ундольскаго № 754, конца XVI и начала XVII в., представляетъ прекрасное сокращеніе текста 1 редакціи Сказанія такъ, какъ оно помѣщено въ Никоновской л. На послѣднюю ссылается и самъ редакторъ: «И се есть писано о семь в болшемъ лѣтописце, зде ж сокращенно». Въ виду стройнаго характера этого сокращенія, я приведу текстъ цѣликомъ.

О побѣде за Доном на Мамая [1]). Воложския орды нечестивый и гордый князь Мамай всею ордою владеяше и многих царей и князей изби и постави себе царя по своей воли и паки в Ордѣ своей многихь князей и алпаутов изби, понеже не вверяшеся ему никтоже. Гнѣваше же ся и на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его князя Владимера Андрѣевича и на князя Данила Пронского, что избили другов его и князей и алпаутов в резанской землѣ; и о семъ скорбяше и лице свое одираше о срамоте своей. И вознесеся в безумиі своемъ гордостию, восхотѣ пленити росскую землю и русскими князи владѣти. И собра воинства много своей Орды, к тому же и наемных людей собра: Ѳрязы, Черкасы, Ясы и иные с нимь и перевезеся рѣку Волгу со всѣми силами, и прииде усть рѣки Воронежа и ту ста и не к тому нарицашеся князь Мамай, но от всѣх стран нарицашеся царь Мамай. Приложиша же ся к царю Мамаю

1) На поляхъ киноварью же: «Повѣсть о Мамаеве побоище».

Олег, князь резанскиі, и Ягаило, князь литовскиі, и прислаша к нему послы своя, и сами готовящеся со всѣми силами своими Мамаю на помощь, мняще бо великаго князя Дмитрея Ивановича, егда услышит ихъ приложившихся к Мамаю и побѣжит с Москвы в далные мѣста, а Московское и Владимерское княжение хотяху подѣлити, ово к Вилнѣ, ово же к Резани, и мыслиша у Мамая и ярлыки побрати и родом своимь по них. Слышав же сия князь великиі Дмитрей Ивановичь и з братом своим Володимером Оньдрѣевичем, оскорбишася зѣло и пришед, возвѣсти великиі князь преосвященному митрополиту Кипреяну вся сия. Митрополит же Кипреянь многи утѣшителны словеса изглагола. К сему ж сие рече великому князю: «повѣжь ми, сыне, чимь еси к нему Мамаю не исправился, и к Ягаилу, князю литовскому, и кь Олгу, князю резанскому, каковы обиды сотворил еси?» Великии же князь рече: «ничто ж, рече, имъ не сотворих и доволен есмь своими предѣлы и чюжихь не желаю восхищати, а Мамаю, яко ж убо ряд мой есть с ним и по тому уряжению даю ему, и не вѣм, что ради восташа на мя». И глаголя ему митрополит: «и аще тако есть, не скорби, ни смущайся, Господь ти заступник и помошникь есть, яко Господь правду возлюби и по правдѣ поборает, и правда от смерти избавляетъ. Не просто ж убо дѣйствуй, да не внезапу напрасно искрадут тя, но собирай воинства и посли, да снидутся со всей земли человѣцы и умножится воинства, и тако не съ единым смиреніемь станеши, но со смирением и страх совокупиши и возразиши и устрашиши сопротивляющая ти ся». Князь же великиі отложи скорбь и печал от сердца своего и возложи печал свою на Господа и на пречистую Богородицу и на святаго чюдотворца Петра и на всѣхъ святых и посла по всѣмь землям со смирением и умилением, собирая вся человѣки в воинство и творяше милостыню по монастырем и по церквамъ странным и нищимъ, а воинству повелѣ совокуплятись на Коломнѣ. Великиі же князь Дмитрей Ивановичь прииде в монастырь к преподобному Сергию августа въ $\overline{\text{иі}}$ день и хотя скоро возвратитися. Преподобныи же

Сергие умоли его ясти у него хлѣбъ в трапезе. «Да дасть ти, рече, Господь Богъ и пречистая Богородица помощь и не у еще сия побѣды вѣнецъ с вѣчным сном носити тебѣ есть, прочим же мнозѣмъ бесчисленны готовятца вѣнцы с вѣчною памятью». И испроси великиі князь у преподобнаго Сергия и от иноческого полку дву воинов, дву братов, Пересвѣта да Ослебя, яко смысленны суще воинственному дѣлу и богатыри. Преподобный же Сергие благослови крестомъ великаго князя и всѣх князей и бояр и воевод, и Пересвѣта и Ослебя и окропи святою водою и глагола великому князю: «Господь Богъ будет ти помощник и заступник, и той побѣдит и низложит супостаты твоя и прославит тя». И обвеселися сердцем велики князь о пророченіі о семъ и держа в умѣ своем и не повѣда никому, кромѣ единому митрополиту, сие исповѣда, еже рече ему преподобныи Сергие. И глагола ему митрополит: «не повѣждь сие никому, дондеже Господь в благое изведет». И быв великиі князь со всѣми в соборной церкви, помоляся со слезами пред образом пречистые Богородицы и у гроба чюдотворца Петра и благословився у Кипреяна митрополита, поиде х Коломнѣ з братом своимъ княземъ Владимером Анъдрѣевичем и с прочими князи разными дорогами для вмещения. И прииде на Коломну августа вь к̄ день и изрядив воеводы полкомъ, перешедь со всѣми воинствы за Оку рѣку на усть Лопасны рѣки и приказа всему воинству, идучи по резанской землѣ, никто ничего да не возмет. И повелѣ счести силу свою и бяше вяще с̄, но печаловаше, яко мало пѣшия рати с нимь. Слышавше же князь Олег резанскиі и князь Ягайло литовскиі шествующа великаго князя Дмитрея со многими силами противу безбожнаго Мамая и устрашившеся вострепетаху. Еще же к тому повѣдано имъ, яко вооружень бысть преподобным Сергием, и начаша скорбѣти и тужити и не спѣшно шествуя Ягаило, понеже уже вышел бяше со всею силою своею к Одоеву, и ту ожидаше, что сотворитца великому князю Дмитрею с Мамаемъ. Тако же и Олег не поиде. Приидоша же к великому князю литовскиі князи в помощь — князь Андрѣй Олгердовичъ

полотцкиі со псковичи и князь Дмитрей Олгердовичъ пронскиі с воинствомъ своимь. Приидоша же к нему и пѣшего воинства много зѣло и купцов со всѣхъ земель и градов собрашася множество. И изочтоша вяще ѓу воинства конnаго и пѣшаго. И посовѣтовавше, прося у Бога милости, превезошася со всѣмь воинством за рѣку за Донь и после себя и мосты разрушивше. Тогда же по вся ночи волцы страшно вьюще, и ворони и орли грающе и клегчюще по вся дни и нощи, ждуще Богом изволеннаго дни кровопролитнаго, толико бо ихь много, яко со всѣя вселенныя звѣрие снидошася. В то ж время из литовскихь полков нѣкто Волынецъ, Дмитрей Боброков, великому князю показа в нощи знамения многа, на одинъ, яко же есть ему Богъ даровал премудрость разумѣти в примѣтахъ на боехъ. Овиі же повѣдаша в нощи тои великому князю видѣния, еж видѣша помогающих ему мученицы Борис и Глѣб и чюдотворецъ Петрь митрополитъ. И се есть писано о семь в болшемъ лѣтописце, зде ж сокращенно.

Лѣто ж ѓѕѡпѳ сентября въ ѝ день на празникь Рожества пречистые Богородицы в третиі час дни, егда мгла нача отступати, князь великиі со слѣзами ѣздяше по всѣмъ полкомъ, окрѣпляя воинство утешительными словесы, глаголя: «Нынѣ, братие, время, и отцы возлюбленная за православную вѣру и спасения ради своего подвизатися, станѣмъ крѣпко». И укрѣпив, облекь в свой царской санъ Михайла Андрѣевича Бренка и знамя свое повелѣ возити над нимь. Тогда ж приидоша к нему посланницы от преподобнаго Сергия со благословением и с писанием, глаголюще: «Да будет ти Господь помощник и пречистая Богородица и чюдотворец Петрь». И присла к нему хлѣбецъ пречистыя Богородицы. Князь же великиі сьяде хлѣб той и помолився, призвав Бога и пречистую Богородицу и чюдотворца Петра, тако же и молитвами Кипреяна митрополита и преподобнаго Сергия оградився и вь ѕ̄ час дни на Куликове поле, на усть Непрядвы рѣки начаша сступатися передовые полки русския с татарскими. И потом выѣде ис полку татарского богатыр

великъ зѣло и сьѣхався с ним ученикъ святаго Сергия старецъ Пересвѣть и ударишася крѣпько и падоша оба на землю мертви, сице ж и кони в том часѣ мертви быша. И уж $\overline{s}$ часъ наста, рече князь великиі ко всѣмь велможамь и воемь: «время, братие, пити намь чашу за православную вѣру и за всѣ християнство, се мѣсто буди намъ гроб». И тако сступишася обѣ силы, и бысть сѣча зла, и смѣсися кров, и телеса мертвых християнская с татарскими, и сперва начаша одолѣвати погании християнь, и много князей и бояр и воеводов, аки древеса склоняхуся на землю, и самого великого князя с коня збиша, и паки и з другаго язвенна збиша, и притруден велми, едва в дубраву вшед и под новосеченымъ древом лежа на землѣ, и пѣшая русская великия рат, яко древеса сломишася і аки сѣно посѣчено лежаху на земли, и великиі стягъ великого князя подсѣкоша, и Михаила Бренка убиша и всѣхь воевод и слуг бесчисленно избиша. Вь $\overline{\theta}$ час дни в дубраве потаенный полкъ князь Владимер Андрѣевичъ, с нимь же бысть и мудрый воевода Волынець Дмитрей Боброковъ, стояще плачющеся, видяще християнское воинство избиенно и еще вмале нѣцыи шатающеся по побоищу, а то все погании, но ожидающу времени, удержеваше бо ихь удалыи воевода Дмитрей Волынець, понеж вѣтръ сопротивен вѣяше. И восплакашася вси муже, девятому часу исходящу, и се внезапу потяну вѣтръ созади ихь, понужая изыти на татаръ, и рече Дмитрей ко князю Владимеру Андрѣевичю: «господине княже, час прииде». И тако вси изыдоша съ яростию на противныя и божественною помощию и пречистые Богородицы нечестиви увидѣвше, устрашишася и побѣгоша, а християне, гоняюще, сѣкоша и до реки до Мечи, и видеша бо ся Мамаю и сущимъ, яко тмочисленныя полки изыдоша из дубравы и гнашася за татары и до станов ихъ и богатьство их взяша. И такова убо побѣда бысть молитвами святыхъ, идѣже и не быша християнстиі полцы и тамо татарове избиени быша невидимою силою божиею. Великиі же князь Дмитрей Ивановичь едва устрабися от язвь и повелѣ православных християнь погребати, и

елико измогоша и успѣша, погребоша, отпѣвше над ними; а о прочих — Богъ вѣсть. И изочтоша оставших воинствъ християнских: от ѳу всего ѳм. Над избиенными же воспѣша священпицы же вѣчную память, таже и самъ князь великиі и брат его и вси вои велиім гласомъ воскликнуша им с плачем вѣчную память. И нѣкто исповѣда великому князю: «аз, господине князь же, егда бѣ стояхь в дубравѣ з братом твоим і в видѣніі, рече, видѣхъ множество бесчисленных вѣнцов на избиенныя християне сходяще». И поиде к Москвѣ князь великиі, и слышав сия вся князь Олег резанскиі убояся, побѣжа кь Ягайлу, князю литовскому. И прииде князь великиі на Москву, благодаря Бога и пречистую Богородицу и святых угодников его, и вси прославиша Бога, давшаго таковую побѣду православным християном над погаными. Та же велие благодарение возда преосвященному Кипреяну митрополиту и преподобному Сергию и глаголя, яко вашими святыми молитвами побѣдихомъ измаильтянь. И милостыню роздаде многу и пѣти понахиду повелѣ по избиенныхъ. И тако сяде на великомь княжениі на своей отчинѣ. Князь же литовскиі Ягаило не поспѣ Мамаю на помощь, за л̄ верстъ воротився, побеже не путма. Мамай же с остаточными своими не в мнозѣ дружинѣ утече в землю свою и паки собра силу многу на великаго князя Дмитрея Ивановича и двигнувся, хотя итти, и се прииде не него с восточныя страны из Синие Орды царь Тахтамышь, и бысть имъ бой на Калках, и побѣжден бысть Мамай и побеже в Каѳу и тамо убиен бысть. Царь же Тахтамыш сяде в Ордѣ Мамаевѣ и царицы и имение его взя и вси князи русстиі послаша к нему з дары.

2. *Западно-русская обработка.*

Эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная повѣсть (см. Приложенія, стр. 168) носитъ названіе: «Книга о побоищи Мамая царя татарскаго от князя владимерского и московского Димитрія». Языкъ повѣсти — западно-русскій съ большимъ вліяніемъ польскаго. Полонизмовъ здѣсь больше даже, чѣмъ въ западно-русскомъ сборникѣ XV вѣка, разобранномъ проф. Карскимъ (см.

Сборникъ II отд. А. Н. 65): а) существительныя: владза, змова, привилей, голдовникъ, ѳрасунокъ, постановене, звитяжство, ушиковане, трубене, споткане, година, шабля, блискавица, личба, герць и др.; б) прилагательныя: лѣпшій, даремный, певный, значный, зацный, и др.; в) глаголы: голдовати, замордовать, недбаетъ, подяковать, ознаймить, звитяжить, волать, пошукивать и др.; г) нарѣчія и союзы: абы, албо, зась, жебы, ведлугъ, рихло, презъ, поневажъ, перше, таемне, барзо, лечъ, завше, пожитечно, ледве и др. Фонетическія особенности—характерны для западно-русскаго языка: аканье: качуетъ, Алгердовичи, полтараста; смѣшеніе *е* съ *и*: гримѣли; *е* вм. *ъ*: укреплялъ; переходъ безголосыхъ въ голосовые: зъ и пр. Въ морфологіи: nom. sing. на *а*: звитяжца (voc. звитяжцо); gen. sing. на *у*: полку; loc. sing. на *у*: ушикованю; nom. plur. на *е*: Ольгердовичѣ; gen. именъ прилагательныхъ на *ого*: свѣдомого и т. д. Спряженіе—польское по большей части: естемь, естесь, естесмы, погрозилемь, мыслилесь, принялисмо, показалисте; 1 лицо plur. на *мо*: есмо, пристанмо, ревнуймо, біймося; сложныя формы: взялъ бымъ и пр.

Западно-русская повѣсть представляетъ *стройное, сжатое и ясное изложеніе Сказанія, восходящаго къ типу T 3 редакціи.* Съ T сближаетъ его: планъ,—повѣсть кончается разсказами о гибели Мамая, судьбѣ Ольгерда и Олега,—и сохраненіе интерполяціи: «Григорія Капустина»: «Далѣй поѣхал, наѣхал чернца Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцаря, Григория Капустина».

Все сокращенное изложеніе разбито на 12 главъ, передающихъ вкратцѣ содержаніе послѣдующаго изложенія. Содержаніе ихъ таково:

1. Повѣсть о царех татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого князя Димитрия.

2. О змовѣ злой князя резанского Олга зь княземь литовскимь Олгердомь на князя московского Дмитрия и о поселствах ихь до царя татарского Мамая.

3. Князь Дмитрій Ивановичь молится и раду чинить на Мамая з митрополитом и зь своими князи о змовѣ тежь князей Олга и Олгерда и Мамаевомь замыслѣ довѣдавшися, збираеть своих князей, гетмановь и войска.

4. Князь Дмитрій принимать благословение от святаго Сергия в манастырѣ живоначальныя Троицы и пророчество о звитязствѣ над татарами.

5. О выправѣ и выходе з Москвы князя Дмитрия на войну противь царя татарского Мамая.

6. О посланью сторожовъ от князя Димитрия, о ѳрасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну князя Димитрия и о пристю Олгердовичов князей на помочь князю Димитрию.

7. О взятю языка Мамаевого от сторожей князя Дмитрия, о радѣ его зь князями и ошукованю зь обоихь сторонь войскь и о укреплении войскь от князя Дмитрия и о молитвѣ его.

8. О примѣтах слынных и о видѣнии явленномъ, з которых звитязство князю Димитрею пророковано над Мамаем и о молитвѣ великого князя.

9. О поставлении от князя Дмитрия Михайла вмѣсто себе, о листѣ от святого Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханю на герць з татарином Пересвѣта чернца.

10. О войнѣ князя Димитрия и войскь рускихь з войсками мамаевыми, о раненю князя Дмитрия и о побитью войскъ рускихъ от татарь и звитязствѣ потомь славномь през помочь брата князя Димитрия войскъ рускихь над татарами.

11. О знайденю раненаго князя Димитрия и о радости великой з звитязства над татарами.

12. О поѣздѣ князя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитыхь и о похованю ихь, о славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда князя литовского.

Эти 12 главъ вполнѣ передаютъ все содержаніе повѣсти. Названія главъ не имѣютъ никакого соотвѣтствія съ оглавле-

ніемъ 4 редакціи и съ тѣми попытками названій главъ, которыя встрѣчались въ нѣкоторыхъ спискахъ третьей. Здѣсь заголовки развиты *вполнѣ самостоятельно*: редакторъ не только вполнѣ сознательно отнесся къ своему оригиналу, но для введенія воспользовался даже матеріаломъ, не находящимся въ Сказаніи. Именно, первая глава разсматриваемой повѣсти представляетъ краткій очеркъ татарской исторіи, излагая междоусобныя войны въ Ордѣ, начиная съ внука Батыя до Мамая. Указывается, что со времени ига надъ русской землею прошло 150 лѣтъ, и что Дмитрій Ивановичъ, побивъ своимъ мужествомъ татаръ, вмѣстѣ съ «тверскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ» — «досканале зкинули з шиі своей ярмо татарское». Такой исторической справки ни въ одномъ изъ списковъ великорусскаго Сказанія нѣтъ.

Повѣсть, какъ я говорилъ, представляетъ весьма стройное *сокращеніе* Сказанія. Сокращеніе коснулось, прежде всего, поэтическихъ мѣстъ: *всѣ* заимствованія изъ писанія Софоніи пропущены; даже формула боя, наиболѣе устойчивая, изложена кратко.

Далѣе — выпущены почти всѣ молитвы. Тамъ, гдѣ онѣ находились въ Сказаніи, западно-русская обработка помѣщаетъ сжатую передачу содержанія того или другого молитвеннаго обращенія. Напримѣръ, извѣстно, что великій князь, передъ выступленіемъ изъ Москвы, произноситъ цѣлый рядъ пространныхъ молитвъ Спасу — Богоматери — Петру. Разсматриваемая повѣсть прекрасно сократила весь этотъ матеріалъ: «Потомь сталь (Дмитрій) пред образом пресвятой Богородицы, написанным от святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая Богородица, яко заступница християномь непостыдная, умолила Сына своего и Бога, жебы не даль осквернити храмовь своих святыхь и не погубил християн, але дал звитязство християномь над погаными».

О сурожанахъ — только упоминается: именъ нѣтъ. Въ разсказѣ о примѣтахъ Волынца великій князь — одинъ въ полѣ:

редакторъ пользовался неиспорченнымъ спискомъ. Нѣтъ тавтологическихъ оборотовъ, ненужныхъ риторическихъ украшеній. Вообще повѣсть представляетъ чрезвычайно ясный и быстро развивающійся историческій разсказъ.

Замѣчу, что противникъ Пересвѣта здѣсь названъ: Челебѣй. Я указывалъ, что имя это въ великорусскихъ Сказаніяхъ утверждается въ четвертой редакціи (въ 3-й лишь изрѣдка). Надо думать, что богатыря-татарина называли по имени уже давно.

Такъ какъ западно-русская повѣсть произошла отъ 3 редакціи, то, по времени она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ началу XVII в., къ этому времени относятся и ея списки.

3. *Повѣсть, помѣщенная въ Синопсисъ.*

Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синопсисъ представляетъ сокращеніе 4 редакціи Сказанія, безо всякихъ посторонних вліяній.

Повѣсть, какъ и Сказаніе 4 редакціи, раздѣлена на главы; я ихъ перечислю по порядку:

1. О извѣщеніи великому князю Димитрію, яко нечестивый Мамай идетъ войною на Русь.

2. О посланіи отъ великаго князя Димитрія даровъ къ Мамаеви.

3. О посланіи первыя стражи.

4. О посланіи вторыя стражи.

5. О пріѣздѣ рускихъ князей и воеводъ и многихъ ратій къ Москвѣ.

6. О хожденіи Захаріи въ Орду къ Мамаю.

7. О грамотѣ Мамаевой къ великому князю Димитрію.

8. О отшествіи Захаріи отъ Мамая.

9. О пришествіи Захаріи изъ посольства на Москву.

10. О походѣ великаго князя Димитріа въ монастырь святыя Тройцы.

11. О походѣ великаго князя Димитріа изъ Москвы противу безбожныхъ агарянъ.

12. О пришествіи великаго князя Димитріа на Коломну и о устроеніи полковъ.

13. О посланіи стражевъ отъ великаго князя Димитріа и о скорби Ольга резанскаго и Олгерда литовскаго, яко пойде князь Димитрій на брань.

14. О пришествіи двухъ братій Олгердовичевъ на помощь великому князю Димитрію.

15. О прехожденіи Дону и о взятіи языка Мамаева.

16. О устроеніи воинствъ къ брани, о укрѣпленіи всѣхъ полковъ отъ великаго князя Димитріа и о молитвѣ его.

17. О примѣтахъ Димитріа Волынскаго.

18. О явленіи святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба.

19. О исходѣ обоихъ войскъ на брань, о устроеніи отъ князя Димитріа вмѣсто себе Михаила, о посланіи Сергіевомъ и храбрости Пересвѣта чернца.

20. Посланіе отъ игумена Сергія.

21. О горькомъ и престрашномъ часѣ, въ немъ же множество созданія божія смертную испи на брани чашу.

22. О видѣніи отверстыхъ небесъ.

23. О исходѣ тайнаго изъ засады полку на брань и о преславной побѣдѣ надъ татарами.

24. О собраніи войскъ христіанскихъ подъ знаменія своя, о поисканіи и обрѣтеніи великаго князя Димитріа, и о великой радости отъ побѣды надъ татарами.

25. О поѣздѣ великаго князя Димитріа межи трупами.

26. О разсмотрѣніи полковъ и исчитаніи убіенныхъ.

27. О возвращеніи великаго князя Димитріа съ торжественною побѣдою къ Москвѣ.

28. О походѣ великаго князя Димитріа къ обители святыя Троицы.

29. О погибели Мамаевои.

Сравнительно съ количествомъ главъ 4 редакціи Синопсисъ даетъ меньшее число, но здѣсь часто нѣсколько эпизодовъ стягиваются подъ одно заглавіе. Такъ въ одной главѣ помѣщены:

посланіе стражи и раскаяніе Олега и Ольгерда, уряженіе полковъ и устройство засады. Въ общемъ — главы Повѣсти Синопсиса вполнѣ соотвѣтствуютъ главамъ 4 редакціи, съ которой совпадаетъ, слѣдовательно и планъ повѣсти, конецъ которой, какъ и конецъ 4 редакціи, *развитъ по схемѣ У.*

Я говорилъ, что Повѣсть Синопсиса сокращена сравнительно съ оригиналомъ. Сокращеніе это выразилось:

а) Въ утратѣ первыхъ 6 главъ повѣствованія, разсказъ начинается прямо съ возвѣщенія Дмитрію о томъ, что Мамай идетъ на Русь войною. Нѣтъ поэтому разсказа о сборѣ Мамаемъ рати и обмѣнѣ союзниковъ ярлыками.

б) Въ пропускѣ нѣкоторыхъ повѣстей, характерныхъ для 4 редакціи: 1) О Бортешѣ: это понятно, эпизодъ находится въ утраченныхъ первыхъ главахъ; 2) Текстъ грамоты, посланной великимъ княземъ; 3) Повѣсть о мужахъ Новгородцахъ [1]). 3) Эпизодъ о страхѣ цареградскаго царя (изъ 2 группы списковъ 4 редакціи).

в) Въ совершенной утратѣ всякой связи съ писаніемъ Софоніи. Вопреки установившемуся мнѣнію, я *отнюдь не могу считать повѣсть Синопсиса проникнутой поэтическимъ элементомъ*: это вполнѣ прозаическій разсказъ, вполнѣ утратившій тѣ украшенія изъ Повѣданія или устныхъ преданій, которые имѣли мѣсто въ предыдущихъ редакціяхъ. По слабымъ отголоскамъ еще кое-гдѣ можно найти мѣсто бывшей поэтической цитаты.

г) Въ сокращеніи и модернизаціи всего изложенія повѣствованія: часто вкратцѣ приводятся тексты молитвъ, сокращенъ плачъ Евдокіи, разсказъ о приходѣ Ольгердовичей, выпущено много собственныхъ именъ, нѣтъ упоминанія о сурожанахъ; весь конецъ, соотвѣтствующій 4 редакціи также приведенъ сокращенно. Въ рѣчи великаго князя къ воеводамъ и въ отвѣтѣ ихъ нѣтъ упоминаній о Ѳеодорѣ Тиронѣ и Ареѳѣ; вообще все то,

1) Хотя повѣсть и выпущена, но епископъ коломенскій, какъ и въ 4 редакціи, названъ Евфиміемъ (по аналогіи, какъ я говорилъ, съ новгородскимъ владыкой).

что касается риторическаго распространенія, или выпущено или до крайности сжато.

Кончается изложеніе разсказомъ о гибели Мамая и судьбѣ Ольгерда: только здѣсь планъ повѣсти нѣсколько отличенъ отъ 4 редакціи: тамъ разсказъ о Мамаѣ составляетъ 45 главу, т. е. помѣщенъ передъ окончаніемъ Сказанія по схемѣ У. Что касается Ольгерда, то разсказъ объ его участи составитель Синопсиса выписалъ изъ Стрыйковскаго: «Потомъ и великій князь литовскій Олгердъ татаръ побѣдивши, всѣ поля до Кіева отъ древнихъ лѣтъ принадлежавшія, отъ поганскія власти очисти и постави на Подоліи Коріатовичовъ, Александра, Константина, Ѳеодора и Юрія, и всѣ имъ прилежащія страны россійскія съ Подоліемъ вручи и въ область подаде». Этимъ кончается разбираемая повѣсть въ Синопсисѣ.

Синопсисъ былъ распространенъ широко, и *знакомство читателей съ Повѣстью о Мамаевомъ побоищѣ, главнымъ образомъ, было основано на текстѣ Синопсиса.* Этотъ видъ повѣсти почти вытѣснилъ всѣ остальные. Для XVIII вѣка, напр., большинство рукописей заключаютъ Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ именно въ этомъ видѣ. Не считая прямыхъ указаній, разбросанныхъ въ различныхъ описаніяхъ рукописей, на то, что Повѣсть «взята изъ Синопсиса», мнѣ извѣстно до 12 рукописей этой повѣсти. Таковы: *Публичной Библіотеки*: 1) Q. IV. 372; 2) Q. XVII. 48; 3) Q. XVII. 144; 4) Q. XVII. 158; 5) *Общества Любителей Древней Письменности* CCIII, quarto. *Румянцевскаго Музея*: 6) № 2780, источникъ указанъ: «Выписано из литописца о татарском царе Мамае... 7) собранія Ундольскаго № 1017, — въ сборникѣ, кромѣ повѣсти, еще нѣсколько статей изъ Синопсиса; 8) собранія Ундольскаго № 1281 — такого же содержанія. *Собранія гр. Уварова*: 9) № 115 и 10) № 150 — оба текста представляютъ текстъ повѣсти неоконченнымъ, первый на разсказѣ о поѣздкѣ Дмитрія по побоищу, второй — о выступленіи великаго князя изъ Москвы: списки любопытны стремленіемъ соединить Синопсисъ со Сказаніемъ. 11 и

12) *Собранія Григорьева*, новаго почерка. Наконецъ, кромѣ Синопсиса эта повѣсть была напечатана еще разъ въ такъ называемой *Подробной лѣтописи* [1]), изданной въ Петербургѣ въ 1798 г. Львовымъ. Болтинъ думалъ, что составленіе этой лѣтописи принадлежитъ Ѳеофану Прокоповичу. Появленіе Синопсиса въ велико-русской литературѣ характеризуетъ собою постепенное проникновеніе въ Москву воздѣйствій южно-русской школы. До Петра южная Русь представляла единственный путь, по которому шла образованность въ Московское государство.

Иннокентій Гизель, составлявшій Синопсисъ, положилъ въ основаніе его Хронику Сафоновича, сокративъ ее и дополнивъ. Появившійся въ 1674 году Синопсисъ до 1761 года былъ перепечатанъ 25 разъ, между прочимъ Академіей Наукъ. Это обстоятельство указываетъ на чрезвычайный успѣхъ этой компиляціи въ теченіе всего XVIII вѣка. Представляя исторію Руси крайне поверхностно, и, по примѣру польскихъ хроникъ, много распространяясь о происхожденіи славянъ вообще, Синопсисъ, тѣмъ не менѣе, представлялъ интересъ своимъ литературнымъ изложеніемъ. Его изложеніе — не сухое лѣтописное перечисленіе событій, а удовлетворявшій любознательности читателей полу историческій, полу беллетристическій разсказъ, опредѣлявшій интересы читателей: поднятые имъ вопросы обсуждались Щербатовымъ и Болтинымъ, Синопсисъ — résumé всего, что сдѣлано исторіографіей до XVIII вѣка, наконецъ — это единственная бывшая въ употребленіи учебная книга. Вотъ причины популярности Синопсиса, а вмѣстѣ съ нимъ и Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Послѣдняя попала составителю не случайно: отъ Батыя до Мамая (Повѣсть помѣщена непосредственно послѣ разсказа о нашествіи Батыя) — большой скачекъ, но авторъ, составляя историческій сборникъ, выбиралъ такія вещи, которыя, трактуя о важныхъ моментахъ исторической жизни, въ то же время

1) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи.

должны были представлять вещь литературную, а такой, безъ сомнѣнія было Сказаніе, легшее въ основу Повѣсти Синопсиса.

Безспорно, повѣсть Синопсиса можно назвать единственнымъ источникомъ, по которому знакомилась послѣдующая литература съ событіемъ на Куликовомъ полѣ. Даже сказка про Мамая безбожнаго (Афанасьевъ, № 182) представляетъ народную обработку повѣсти Синопсиса. Въ народъ она попала черезъ лубочныя картинки. Одна такая, напримѣръ, есть у меня: текстъ и миніатюры рѣзаны на одной доскѣ и отпечатаны въ одинъ тонъ; миніатюра занимаетъ треть страницы въ четверку, остальное текстъ; такихъ миніатюръ и страницъ текста — 24. Начало текста: «История о походе великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго противъ Мамая, егоже божиею помощию на Куликовомъ поле до конца побѣдиша». Источникъ указанъ: «*Синопсисъ листъ 121*». Гравюра груба, хуже миніатюръ лицевой группы 3 редакціи.

Синопсисъ, наконецъ, легъ въ основу беллетристическихъ произведеній, разрабатывавшихъ сюжетъ о Куликовской битвѣ. Такія повѣсти начали появляться съ конца XVIII вѣка и тянулись во все продолженіе XIX-го. Въ 1798 г. былъ изданъ «Новый Синопсисъ, или краткое описаніе о произхожденіи Славено-Россійскаго народа; владычествованіе Всероссійскихъ Государей въ Новѣгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ, съ подробнымъ повѣствованіемъ пораженія страшнаго Татарскихъ войскъ полководца Мамая, отъ Димитрія Іоанновича Великаго Князя Московскаго, и о послѣдствующихъ по немъ Великихъ Князьяхъ и Царяхъ, до вступленія на Престолъ Государя Императора Петра Великаго». Здѣсь повѣсть помѣщена совершенно въ такомъ же видѣ, какъ и въ Синопсисѣ Гизеля. Въ томъ же году Михайловымъ былъ написанъ «Низверженный Мамай или Подробное описаніе достопамятной битвы, и послѣдовавшей за нею знаменитѣйшей побѣды, бывшей въ Царствованіе Великаго Князя Димитрія Іоанновича между Россійскимъ

и Татарскимъ ополченіями, на Куликовѣ полѣ, между рѣкъ Мечи и Дона, при устьѣ рѣчки Непрядвы, взятое изъ разныхъ достовѣрнѣйшихъ Авторовъ». Авторами оказывается тотъ же Синопсисъ, который Михайловъ только перелагаетъ, сохраняя то же расположеніе главъ. Въ предисловіи къ читателю самъ авторъ говоритъ, что «принялъ намѣреніе, переложа на Россійскій языкъ», представить читателю въ семъ новомъ видѣ описаніе битвы.

Нѣсколько изданій (1825, 1839, 1847 гг.) выдержала книжка И. Гурьянова: «Димитрій Іоанновичь Донской или Ужасное Мамаевское побоище. Повѣсть XIV столѣтія». Полная сентиментализма, повѣсть эта въ части, гдѣ описывается Куликовская битва, имѣла источникомъ тотъ же Синопсисъ.

Я не имѣю въ виду давать библіографическаго обзора всѣхъ передѣлокъ повѣсти Синопсиса. Сюжетъ этотъ трактовался весьма часто: онъ зашелъ даже въ ложно-классическую трагедію, какъ извѣстно. Я имѣю въ виду указать только на то, что повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, помѣщенная въ Синопсисѣ, давала единственный матеріалъ по этому вопросу. Только изданное въ 1838 году Снегиревымъ Сказаніе могло нѣсколько поколебать престижъ разбираемой Повѣсти, но, помѣщенное въ спеціальномъ научномъ органѣ, оно врядъ ли имѣло успѣхъ у широкой публики.

Повѣстью Синопсиса заканчивается разборъ передѣлокъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Новаго матеріала эти передѣлки не дали: всѣ онѣ болѣе или менѣе остроумныя комбинаціи матеріала, уже имѣвшагося подъ руками. Или это сокращенія, или соединеніе двухъ повѣстей въ одну; одно характерно въ нихъ — это стремленіе удалиться отъ витіеватости стариннаго слога и поэтическаго наслѣдія. На сюжетъ о Мамаевомъ побоищѣ начинаютъ смотрѣть прежде всего, какъ на историческое событіе, чуждое всякой тенденціи и риторики. Такое отношеніе уже имѣетъ мѣсто и въ 4 редакціи Сказанія.

Особнякомъ стоитъ западно-русская передѣлка: сохраняя стремленіе придать разсказу прежде всего историческій характеръ, она вводитъ въ оборотъ новый матеріалъ (татарскую исторію), заимствуя ее, по всѣмъ вѣроятіямъ, у польскихъ хроникеровъ.

ТЕКСТЫ СКАЗАНІЯ.

Сказаніе.

II-я редакція.

Синодальной Библіотеки № 485, XVI в., варіанты изъ рукописи Историческаго Музея № $1\frac{8}{55}$, XVI в.

Побоищѣ великому кнѕю Дмитрею Ивановичу на Дону с Мамаемъ в лѣто ѕѡпѳ[г] [1]).

Повѣсть полезна от древняго списаніа сложенна глаголющи сиѧ побѣды, како слоучися бран на Дону православным хрс̑тыѧном з безбожным (окаяннымъ) прѣм Момаем, како возвыси Гс̑ род хрс̑тыанскіи, а поганых оуничижи и посрами их соуровство, ѧко ж иногда Гадеоном на Мадиѧмы и православным Моисѣем на Ѳараона. Подобает нам вѣдати величиѧ бж̑иѧ, како сотвори Гс̑ волю боѧщихся [2]) его и како способствова Гс̑ Бс̑ великомоу православному [3]) гсдрю нашемоу кнѕю [4]) Дмитрею Ивановичю (владимирскому) и брату его кнѕю Володимероу Ондрѣевичю над бежбожными татары (і агаряны) [5]).

Попоущеніем бж̑иим, а наоучением деаволим воздвижес нѣкоторый цр̑ь от восточныѧ страны именем Момай, еллин сы вѣвою, идоложрец и иконоборец злыи, хрестыанскіи ненавистник и разорител, вниде в срдце его подстрекател діавол, како всегда

1) ѕѡпѳ кому кнѕю. 2) боящимся. 3) православному — *нѣтъ*. 4) великому. 5) *Заключенная въ скобкахъ нѣтъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ текстѣ.*

пакости дѣлаше хр҃стьянству [1]), и попоусти (і научи) его (како) разорити православноую вѣроу хр҃стьянскую (і всему хр҃стьянству потреблену быти), ꙗко (да не) [2]) славитца имя г҃не въ людех тѣх. Г҃ъ же что хощет, то и (со)творит.

Он же безбожныи цр҃ь Момай нача завидети первомоу безбожному Батыю и новому Оуліаноу, нача испытывати [3]) от старых еллин, како Батыи плениль Киев и Володимерь и всю роусскую и словенскоую землю. Они ж сказаша ему, како оуби кн҃зя Дмитрея Юревича и иныѧ многи православныѧ кн҃зи изби и многи монастыри оскверни и вселенную [4]) цр҃квь пр҃чт҃оую златоверхоую разграбил (во Владимире), и бы҃ оубо плѣненіе велико. Но того не разоумѣ нечт҃ивыи, ꙗко Гс҃оу годѣ боудет тако ж, ꙗко Иер҃мъ во оны дни пленен бы҃ Титом римским и Новходносором цр҃ем вавилонским за их согрешеніе. Но не до конца прогневаетца Г҃ъ [5]), ни в вѣки враждоует.

Слышав же то безбожныи цр҃ь Момаи, нача быти палим діаволом непрестанно, ратуѧ на хр҃стьянство, и нача гл҃ати ко своим оупатом и кн҃зем и оуланом: «аз тако не хощу творити, како Батыи, како (аз) изждену кн҃зи и которые городы красны довлѣют намъ и тоу сядем тихо и безмятежно поживем». Но роука бж҃ия высока. По малех же временех и по гл҃ех тѣх перевезеся великоую реку Волгоу со всѣми своими силами и многи(я) орды присовокупив [6]) к себѣ и рати иныѧ понаймова: Бесермены и Армены, Ѳрязы, Черкасы и Ꙗсы [7]) и Боуртасы, и гл҃я им: обогатеем роусским златом. И поиде на Роус, сердитоуѧ, ꙗко лев, рыкаѧ (і вспыхая) и ꙗко неоутомимаѧ ехидна. И доиде реки до оусть Воронежа [8]) и распоусти облавоу свою, и заповеда оулоусом своим: ни един вас не пашите хлѣба, да боудете готовы на роусскіа хлѣбы.

Слышев то Олегъ княз рязанскіи, ꙗко цр҃ь Момаи кочюет на Воронеж [9]) а идет на великого кн҃зя Дмитреа Ивановича москов-

---

1) христіаном 2) да. 3) пытати. 4) вселенскую. 5) Г҃ъ прогнѣвается. 6) присовокупи. 7) Исы. 8) Вороножа. 9) Вороножи.

скаго. И бы оубо оу Олга резанского скоудос оума во главѣ, и сотона вложи оухищреніе в срдце его. И посла посол свои (Момаю) с великою чтью и з дары ко црю к Момаю, и писа грамоты сим образом: Восточному (цремь) црю Момаю, твои посаженник и присяжник Олег княз рязанскіи много тя молитъ. Слышах, гне, яко хощеши ити на Роус, на своего посаженника и присяженника [1]) и слоужебника на кнзя на [2]) Дмитреа Ивановича московского, огрозитися емоу хощеши. Нн же, гне, приспѣ время твое, (яко нн) злата и сребра наполнися земля московска, но вѣм (всесвтлыи) црю, яко кроток есть члкъ княз Дмитреи, егда (издалеча) оуслышит имя яросте твоеа, то отбежит въ далніа [3]) отоки, в Новгород или на Двину, а злато и сребро то все во твоеи руцѣ да боудет. Мене ж раба твоего дръжава твоа, црю, пощади, да и аз бо велми оустрашаю Роус и кнзя Дмітреа. Но еще, црю молю тя, оба есмя раби твои, и из обидоу великоу прихах от того кнзя Дмитреа. Но еще, црю, не то [4]) едино: егда аз погрожоу ему о своеи обиде твоим имянем црьским, но он того не рядит; еще ж и град мой Коломну за себя взял. Но о томъ о всем молю тя, црю.

Дроугаго ж посла послал к великому (к велеумному і велерѣчивому) кнзю Ягаилу Олгердовичю [5]) литовскому, оумысливши своим ходым оумом, (послѣдих) оум бо его (явися), аки дѣтище младо. Посла ж грамотоу к великому кнзю Ягаилоу литовскому: Олег княз резанскій радоватися пишоу. Вѣм бо, яко издавна мыслил еси московскоа кнзя Дмитреа изгонити и московскою отчиною владѣти. Нн бо ти время приспѣ, яко великій црь Момаи идет на него и на землю его, и приложися к немоу, яко тебѣ црь да Москву и иныа грады, яж от твоеа власти, а мнѣ Коломну и Моуромъ и Володимерь, иж близ моеа власти. Аз бо ему дары послах, а еще ты къ нему пошли своего посла, кацы имаши дарове, и пиши к немоу книги, якож сам вѣси паче мене.

---

1) присяженника — *нѣтъ*. 2) на — *нѣтъ*. 3) далнаа. 4) токмо. 5) Послѣ «Олгердовичу» *въ ркп. нѣтъ листка, и текстъ начинается на слѣдующей страницѣ.*

Ягаило ж то слышав, рад бы велми и захвали дроугоу своему повелику Олгоу рязанскомоу. И посла посол свои ко цр҃ю и дары безцѣнныѧ и книги писа к нему сим образом: Великому восточному цр҃ю Момаю кнѧз великіи Ягаило литовскіи твои присяженник много тя молит. Слышах, гн҃е, хощеши оулоус свои казнити, московского кн҃зя Дмитреѧ. Того ради молю тя, цр҃ю, ꙗко велику обидоу сотворил есть кн҃зю Олгоу рязанскому, а мнѣ також пакости деѧше. Но молим тя оба раби твои, да пріидет дръжава твоего цр҃ства, да и мы видим твое смотреніе нш҃еѧ грубости от московскаг҃ кн҃зя Дмитреѧ.

Вси ж гл҃ють лестью (а не истинною) на великого кн҃зя и ркуще в себѣ: егда оуслышит имя цр҃во и нш҃оу присягоу к нему, то отбежит в Новгород великіи или на Двину, а мы сядем на Москвѣ и на Коломнѣ. Аще цр҃ь пріидет, и мы его оусрящем болши сих; цр҃ь же возратитца, а мы кн҃женіе [1]) московское разделим, по цр҃воу велѣнію, ово к Вилне, ово к Резани, ꙗко вѣмы, имат нам цр҃ь дати ꙗрлык свои и [2]) родом нш҃им по нас. Но сами ся не ведяхоу, что гл҃ху, аки несмысленіи младыи дѣтища, не ведуще бж҃иѧ силы и влдчня смотреніа. По истинне бо реч҃: аще кто держит [3]) добраѧдѣтели, то может быти без многих врагов.

Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович образ смиреніа нося, высоких ища, и еще ж не слыша сих [4]) ни единаго, еж совещаша о нем ближніи его. О таковых бо прорк҃ъ реч҃: не помысли соусѣду своему зла, да зло тебе не постигнет; и паки: ров изры, ископа и впадеся в него.

И пріидоша послы от Ягаила литовского и от Олга рязанского к безбожному цр҃ю Момаю и дары ему многи даша и книги написанныѧ [5]). И возрѣв пр҃ь в книги и чаѧше облести, и нача гл҃ати с темными своими кн҃зи. Они ж разоумѣша, ꙗко прелѣжно их писание. И реч҃ цр҃ь, ꙗко мнѣх во едино совокупленіе боудут

---

1) *Съ этихъ поръ продолжается текстъ ркп. Ист. Муз.:* ... ніе московское... 2) нам и. 3) держит въ сердце. 4) сих — *нѣтъ.* 5) писанныя.

на нас, нн̃ѣ же разность велика меж ими; имам оубо прс̃но на Роус быти.

А послов отпустил и писах писаніе Ꙗгаилоу литовскому и Олгоу рязанскомоу: Писасте ко мнѣ, на дарѣх ваших вас хвалю и сколко хощете роусскиѧ земли, тѣм вас дарю, но толико присягоу имѣите [1]) ко мнѣ, а стрѣтите мя с своими силами, гдѣ оуспѣете, да одолѣете своего недроуга. А мнѣ ваша пособ(ие) не добрѣ надобет: аще бы хотѣл, то древній Иер҃имъ пленил бых своею силою, ꙗкож Халдѣи, но чт҃и вашеѧ хощоу, моим имянем, а вашею силою распоужен боудет княз Дмитреи московскои, да огрозится имя мое во странах ваших, а мнѣ пр҃ю достоино подобна себѣ бы҃ [2]), доволен есми цр҃скиѧ чти, кн҃земъ своим рцета [3]).

Послы ж их возратишас к ним и сказаша им, ꙗко цр҃ь здравит вам велми и захвали повеликоу. Они ж скоудным оумом своим возрадовашася о суетнем привѣте, а не вѣдыи, Бг҃ъ дает власть, емоуж хощет. И не вѣм, что сіа рекоу: аще бы врази были собѣ, то [4]) о собѣ б бран сотворили. Нн̃е ж что сіа гл҃ют: едина вѣра и едино кр҃щніе, а к безбожному приложилис вкупе хотят [5]) з безбожным гонити православноую вѣру. О таковых бо патерик реч҃: по истинне отсекошас своеи масличны [6]), присадишася къ дикой масличне, тако и си [7]) беззаконніи отвергошас своеи вѣры православноі хр҃стьꙗнскои и приложишася к безбожному (Момаю). Олег же нача поспѣшивати и слати къ Момаю послы и реч҃: подвизаися, пр҃ю, скоро. О таковых бо реч҃ писаніе: о неразсоуженіе поути беззаконных и собирают себѣ досажденіе и понос, правых же поут обрящется. Нн̃ѣ же Олга новаго [8]) Ст҃ополка нарекоу.

Слышав же то кнꙗз Дмитреи Иванович, ꙗко грядет на него цр҃ь Момаи на Хс҃воу вѣру, ревнуѧ безгласному [9]) Батыю. Кнꙗз же Дмитреи опечалис велми о безбожном нахоженіи, востав, иде

---

1) Въ Син. сп. «имѣ имѣите». 2) мнѣ бо цр҃ю достоина себѣ бы҃. 3) рце. 4) что 5) хотя. 6) масличнѣ. 7) сіи. 8) втораго. 9) безглавномоу.

пред чтною икону, иж стоит оу него в головах, и пад на колѣну, нача млтися со слезами и реч: «Ги, аще смѣю млтися смиренныи раб твои и простроу [1]) оунынiа моѧ, но на тя, Ги, надѣюся и возверзи печал мою. Ты [2]) свидѣтел еси, Влдко, не сотвори нам, ѧкож наведе на град нашь злаго Батыѧ, а еще страх тои и трепет в нас есть велик. Не до конца прогневаися на ны, вѣдаю, Ги, ѧко мене дѣля хощеш потребити землю сию, аз бо согреших пред тобою паче всѣх члкъ. Не сотвори им зла, слез моих ради, оукроти, Ги, сердце сверѣпому и сотвори, Ги, ѧко Езекѣю». И реч: «на Га оуповаю и не изнемогоу».

И посла по брата своего по кнзя Володимера Ондрѣевича и по вся воеводы и кнзи мѣстныѧ. Кнѧз же Володимеръ Ондрѣевич в своеи бяше области в Боровсцѣ и скоро приѣхав на Москвоу. И мнози кнзи и воеводы сьѣхашася. Кнѧз же великiи Дмитреи Иванович поим с собою брата своего кнзя Володимера Ондрѣевича и иде ко пресщенному митрополиту Кипреѧноу и реч: «вѣси ли, оче, настоящую нашу беду, ѧко прь безбожныи Момаи идет на нас в неоукротиме образе сь ѧростию».

Митрополит же Кипреѧн реч великому кнзю Дмитрею Ивановичю: «повѣж ми, гне, чѣм еси къ нему не исправился». И реч кнѧз великiи Дмитреи Иванович: «во всем, оче, доволно по отцъ своих оуставу (выходпую казну), но и еще [3]) болѣ воздах [4]) емоу». Митрополит же Кипреѧн реч: «видиши ли, гне, попоущенiем бжиим, а нших ради грѣх идет на землю ншоу, но вам подобает православным кнзем тѣхъ нечтивых дары оутолити четверицею сугоубо. Аще ли того ради не смирится, но Гъ его смирит, тои бо реч: Гъ гордым противится, а смиренным дает блгодат. Ѧко ж слоучися великомоу Василю в Кесарiи быти и ѧко идыи с [5]) Персъ злыи престоупник [6]) Оуліанъ и хотѣ разорити град его, он же помолися Бгоу со всѣми хрстыны и собраша злата много, дабы отстоупника оутолити [7]). Гъ же посла на него воина своего

---

1) простри. 2) Ты бо. 3) Въ Син. сп. «е еще». 4) воздамъ. 5) ис. 6) преступник злый. 7) оумолити.

Меркуріа, он же оуби гонителя (Іулъяна) невидимо. Нн҃ѣ ж возми злата много, сколко можеш, пошли противоу ему и еще исправися пред ним». Кнꙗз же великіи, слышев от митрополита, иде в казноу свою з братом своим и взем злата много.

И избра нѣкоторого юношоу от двора своего, имянем Захарію Тютчева, доволна соуща смыслом и дав ему два толмача, оумѣюще ꙗзыкоу еллинскоу, и отпусти его ко цр҃ю. Захаріа ж доиде земли рязанскиꙗ, слышев же, что Ꙗгаило литовски и Олегъ рязански приложилися къ Мамаю, и посла к великому кн҃зю посла тайно.

Кнꙗз же великіи то слышев, нача сердцем двизатися, от ꙗрости и горести наполнишася и начаста ся молити:[1]) Гн҃и Бж҃е мои, на тя надѣюся, любящему пр҃вдоу. Аще ми врагъ пакости дѣет, то подобает ми противоу его терпѣти, яко искони есть врагъ хр҃стыꙗнству. Но сіи дроузи мои искренніи како оумыслиша на мя. Соуди, Гн҃и, межи има и мною, аз ни единомоу их сотворих[2]) зла, развее ч҃ти и даров от них взимах, а им також воздаꙗх. Но суди, Гн҃и, по правде моеи.

Поим же брата своего кн҃зя Володимера и иде второе ко пресщ҃енному митрополитоу Кипреꙗну и поведа[3]) ему, како Олег резански и Ꙗгаило литовскіи приложилися и совокупилис с Момаем. И реч҃ ему Кипреꙗн митрополит: «ты, гн҃е княж҃, сам вѣси, кою обидоу сотворил еси има». Кнꙗз же великіи прослезився: «гн҃е, пред Бг҃ом грѣшеп есми[4]), а к ним ни единыꙗ черты по отц҃ъ своих заповеди престоупих николиж, но[5]) вѣси, гн҃е, сам, доволен есми своими отоки, а к ним кою обидоу сотворих, но не вѣм[6]), что ради оумножишася на мя стоужающи ми». Митрополит же реч҃ к нему: «ты, гн҃е[7]), сам вѣси закон бж҃ии: кто творяи пр҃вдоу, не подвижютца[8]) нан чл҃ци, ꙗко пр҃вдꙗ Гъ҃ и пр҃вдоу возлюби. Но тѣ обыдоша тя, ꙗко пси мнози, соуетно поучаются на тя, ты ж имянем гн҃и[9]) противися им, Гъ҃ да боу-

---

1) молитися. 2) сотвори. 3) повѣде. 4) есми чл҃вкъ. 5) не. 6) вѣм бо. 7) Гн҃е, ты. 8) подвижаются. 9) Гн҃имъ.

детъ ти помощник в правдоу, а от всевидящаго ока влдчня како можеши избежати и от крѣпкиѭ роуки его избыти».

Кнѭз же великіи Дмитреи Иванович з братом своим со кнзем Володимером Ондрѣевичем и со всѣми роусскими кнзи и воеводы начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожоу крѣпкаго стража[1]) Родивона Ржевского да Ꙗкова Ондрѣева сна Волосатого да Василя Тоупика. И повелѣ им ѣхати близ Орды и ѩзыки добыти, дабы истиннoу слышати црва хотѣніа. Кнѭз же великіи грамоты розосла по всеи[2]) своеи области: да боудите готови на бран з безбожными агаряны, а снимаитеся на Коломне на мясопоус стꙑѭ Бцы (сирѣчь Гжинъ постъ). Сторожи ж в Поле замедлѣвше.

Кнѭз же великіи посла другоую сторожоу: Климента Полянина да Ивана Всеслава да Григорьѭ Судока и иных многих с ними, и повелѣ им [3]) вскоре возратитися.

Они же стретоша Василѭ Тупика близ еще Оки реки, ведуще ѩзык нарочит црва двора, ꙗко неложно црь [4]) идет на Роус со многими ордами [5]), и совокупилися с ним многие орды и Ꙗгаило литовски и Олегъ рязанскіи, но не спешит црь того ради, осени ждет, хощет бо на осен быти на роусскиѭ хлѣбы. Кнѭз же великіи слышев неложное востание безбожнаго, нача радоватися и оутешатис о Бзѣ, оукрепляѭ брата своего кнзя Володимера Ондрѣевича и вси кнзи [6]) и воеводы, и реч им: Братиѭ моѭ [7]), вси кнзи роусстіи и воеводы. Гнездо есмя кнзя Володимера Киевского, емоу Гѣ откры православноую вѣроу, ꙗко ж оному Стратилатоу, и паки он же повелѣ крѣпце держати вѣроу и побарати по неи, да аще кто еѭ ради оумрет, то во оном вѣце почиет. Но аз, братиѭ, готов оумрети и пострадати за вѣроу хрстꙑнскоую.

И реч ему кнѭз Володимеръ Ондрѣевич и вси кнзи роусстіи: воистинноу, гне, заповед законноую сохранил еси и стому еуалію

---

1) стража — ѥмъ. 2) всеи — ѥмъ. 3) им — ѥмъ. 4) црь неложно. 5) дарии. 6) кнѧзи рустіи. 7) приб. — и.

послѣдоуеши, иж реч҃: кто постражет за имя мое и оумрет, мене ради, то и аз покою его. Но мы, гн҃е, всѣ готовы [1]) оумрети с тобою и головы своѭ положити за ст҃ыѭ цр҃кви и за православную вѣру и за твою обидоу. Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович слышев то от брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича и о [2]) всѣх кн҃зеи роусских, ѩко дерзают и побарают по хр҃стьѭнскои вѣре.

Кнѧз же великіи Дмитреи Іванович реч҃ ко всѣм кн҃земъ роусским и воеводам и всему воиску повелѣ писати: да боудете готови вси на Оуспеніе ст҃ыѭ Бц҃а на Коломнѣ и переберем полки и дам коемоуждо полку воеводоу [3]). К великомоу ж кн҃зю [4]) на Москвоу мнози люди приспѣша, и вси единеми оусты гл҃хоу: даи ж нам, Г҃и [5]), единеми оусты и единем срдцем оумрети и ст҃ое писаніе совершити, имяни его ради и вѣры ради хр҃стьѭнские. Пріидоша же кн҃зи Белозерскиѭ, подобни соут воином быти, велми бо доспѣшно и конно воиско их. И пріиде кнѧз Ѳедор Семенович бе(ло)зерскіи, кнѧз Семен Михаилович, кнѧз Ондрѣи Кѣмски и Андомски, кнѧз Глѣб Карголомски и Ꙗрославскои, и пріидоша кн҃зи со всѣми силами, кнѧз Ондрѣи Ꙗрославскои, кнѧз Лев Серпьскои, кнѧз Дмитреи Ростовскои и иныѭ многиѭ кн҃зи. И выехали [6]) посадники из великого Новагорода а с ними ꙁ҃ к великомоу кн҃зю на помоч.

Оубо, братиѭ, стоук стоучит а гром гремит в славном граде Москвѣ, стоук [7]) стучит великаѭ рат великого кн҃зя Дмитреѭ Ивановича, а гремят роусскиѭ оудалцы злачеными шеломы и доспѣхи.

Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович, поим брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича и всѣ православныѭ кн҃зи и воеводы, ѣхаша к живоначалной Тр҃оце и пр҃подбномоу игоумену Сергею, и тамо шед бл҃гсвеніе полоучи от всеѭ обители ст҃ыѭ. И моли его пр҃подобныи Сергеи, дабы слоушал оу него ст҃ыѭ

---

1) *приб.* — есмя. 2) от. 3) воеводу коемуждо полку. 4) Дмитрию Ивановичю. 5) гн҃е. 6) выѣхаша. 7) стоук — *нѣтъ*.

слоужбы, приспѣ бо дн҃ь воскр҃сниꙗ, на памят ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. По отпоущеніи ж ст҃ыꙗ слоужбы, моли его прп҃добныи со всею братею, дабы оу них вкусил от хлѣба обителска. Великомоу ж кн҃зю ноужно е҃, пріиде вѣсть ис Поля, ꙗко ближают поганіи. Моли ж кнꙗз великіи пр҃пдобнаго, дабы его отпустил без замедленіа, и гл҃а емоу пр҃пдобныи, не оу ж бо постиж венец побѣде носити, но по миноувших лѣтех, нн҃ѣ ж мнози венцы плетоутся. Кнꙗз же великіи вкуси от хлѣба обителска. Пре҃пдобныи ж в то время повелѣ водоу свещати с мощеи ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. Кнꙗз же великіи скоро востав от трапезы, пр҃пдобныи ж старец окропи его водою и все любимое воинско [1]) и да҃ великому кн҃зю Хв҃о знаменіе — кр҃стъ на челѣ и реч҃: «поиди, гн҃е, нарек Га҃ Ба҃, Гь҃ Бъ҃ да боудет ти помощник и заступник, имаеши победити соупостата своего». Кнꙗз же великіи прослезився, проси от него дароу; он же реч҃: «елико довлѣет твоему гд҃рьствоу, проси от мене, еже хощеши». И реч҃ ему кнꙗз великі Дмитреи Иванович: «даи ми два воина от полкоу своего, то и ты пособствоуеши с нами». Он же реч҃: «коих, гн҃е». Кнꙗз же великіи реч҃ о двою братех, о Пересвѣте и о Ослебяти. Пр҃пдобныи ж скоро повелѣ им готовым быти своим ратником. Они ж скоро сотвориша послоушание пр҃пдобнаго. Он же скоро дасть им в тлѣнных мѣсто нетлѣнное ороужие—кр҃стъ Хв҃ъ на скимах, и повелѣ им вмѣсто шеломов воздевати на себя, и дасть их в роуцѣ великомоу кн҃зю, ркуще: «се тебѣ мои ороужницы, а твои изволницы». И реч҃ им: «миръ вам, братиꙗ моꙗ, постражите, ꙗко добрии страдалцы Хв҃ы». И дасть им Хв҃о знаменіе— миръ и бл҃свеніе. Кнꙗз же велики обвеселис срдцем и поиде к Москвѣ, радуꙗся, ꙗко многоцѣнно сокровище обрете, не помышляꙗ ни на злато, ни на сребро, ни на бг҃атество, но велми радовашес о бл҃веніи старца (пр҃пбнаго Сергия).

И пріиде на Москву и поим брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича, иде ко пресщ҃енному Кипреꙗноу митропо-

---

1) войско.

литу [1]) и поведа ему все, еж сотвори ему прп̃дбныи Сергеи и како да̂ ему бл̃вениѣ и всему его воиску. Митрополит же повелѣ ему си словеса сохранити, не поведати никомоуж [2]).

Кнꙗз же велики иде в ложницоу свою, оуж [3]) к вечеру, приспѣвшу четвергоу авгоус т̃ѣi дн̃ь, на памят ст̃го отца Пимина Отходника, восхотѣ оуж оутре изыти противоу безбожных татар. И поим брата своего кн̃зя Володимера, иде ко прч̃тои Влд̃чце нш̃еи Бц̃е, согноув руцѣ къ персем и мл̃твоу глах̃ во оумиленіи срд̃ца, и от очию его ꙗко источник слез течаше: Молю ти ся, чюдныи Влд̃ко страшныи, крѣпкіи, воистинноу цр̃ь славы. Помилоуи нас грѣшных, егда оунываем и к тебѣ единому прибегаем, ко своемоу Спс̃у и блгд̃тлю. Под твоею рукою вси есмя, ꙗко моꙗ согрешениꙗ сотроша ми главу мою. Но тебѣ бо, вѣси, оставляющим нас, но нам тебѣ не взыскающим. И приим псл̃мъ л̃д: соуди обидящим нас и возбрани борющимся со мною, пріими ороужие и щит, стани в помощь мнѣ. Даи ж ми, Гн̃, помощь на противных, да познают силу твою. — И паки идет пред врата чюдотворныꙗ иконы Цр̃ци, иж Лоукина писма [4]) еѵ̈алиста, еще жив написал, и нача оумилно ко прч̃стому образоу Еѧ вещати: О чюдотворнаꙗ Гж̃е Царица, всего живота чл̃ческаго кормителница, тобою познахом истиннаго Бг̃а, воплощьшагося и рожшагося ис тебе. Не даи, Гж̃е, в разорение града нашего поганым и безбожному сему Момаю, ни осквернити ст̃оую твою цр̃квь и моли Сн̃а своего и Бг̃а нш̃его, Влдкоу творца и Создателя нашего, да смирит срдце врагомъ нашим и да не боудет роука их высока, и свою помощь посли с нами, нетлѣнноую ризоу свою, да вноутрь одежемся и нестрашливы [5]) к ранам. На тя, Влд̃це, надѣемся и в молитве помолися за ны Сн̃оу своему и Бг̃оу нашему, ꙗко твои есмя раби. Вѣм, Гж̃е, ꙗко можеш нам помощи на противныꙗ враги, они бо не исповедают тебе, Влд̃ци, но аз на твою помощь надѣюся и подвизаюся

1) митрополиту Кѵпріану. 2) никомоуже повѣдати. 3) *приб.* — бо. (4 *встав.* — і. 5) нестрашли.

противоу безбожных сих, да боудет оумолен Сн҃ъ твои и Бг҃ъ наш. — И паки иде ко гробоу Петра чюдотворца, митрополита всеа Роусіи, и припаде любезно ко гробоу ст҃го и реч҃: Оч҃е ст҃ыи и чюдотворныи, по см҃рти бо жив еси, чюдодѣеши бо, бл҃жне; нн҃ѣ бо ти приспѣ время мл҃ти за ны ко общему Влдцѣ, дн҃ь бо злы належат вещи, идоут бо на ны [1]) поганіи, напрасно ополчишася. Тя бо Гь҃ проꙗви послѣднему родоу нашему, ꙗко светило свѣтлое на свѣщнице за ны молитися, да не пріидет роука грѣшнича и не погоубит нас. Ты бо страж земли роусскиꙗ.

И скончав мл҃твоу и поклонися митрополиту (Киприяну). Митрополит же бл҃сви его и отпусти, и да҃ емоу Хв҃о осщ҃еніе цр҃кви зборныꙗ [2]) и с клиросы во градныꙗ врата Ѳроловскиꙗ и во врата Николскиꙗ и Костянтинооленскиꙗ со живоносными кр҃сты и с чюдотворными иконами, да всяк иж воин бсл҃венъ боудет.

Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович з братом своим со кн҃зем Володимером Ондрѣевичем иде во цр҃квь нб҃снаго воеводы архистратига Михаила и биша челом ст҃му его образоу. И пристоупи ко гробом православных кн҃зеи прародител своих и ркуще: Хранители православныꙗ поборници нш҃и, аще имаете дерзновеніе ко Гс҃у, помолитеся о нашем согрешеніи, ꙗко великое приключеніе нам и чадом нашим. Нн҃ѣ оубо подвизаитеся с нами. И се рек, изыде из цр҃кви.

Кн҃гни ж великаꙗ Овдотя и кн҃гни княж Володимерова Ондрѣевича и иных православных кн҃зеи кн҃гни с воеводскими женами стоꙗт туто и проводы дѣют, а во слезах и во кричаніи ни единаго слова не может рещи от жалости срдца. Кн҃гни ж великаꙗ Овдотꙗ отдастъ конечное целованіе великому кн҃зю, а во слезах не может слова прорещи. Кнꙗз же великіи мало оудержася от слез, но не прослезибося [3]), народа ради, а срдцем жалостно плакаше, тѣшаше свою великоую кн҃гню и реч҃: Жено, аще Бъ҃ по нас, никто ж на ны. И прочаꙗ кн҃гни и воеводскиꙗ жены [4])

---

1) на мя. 2) соборныа. 3) прослезися. 4) и прочаꙗ — жены *пропущено.*

тако ж с своими кн҃зи и боꙗры отдаста конечное целоване и возратишася с великою кн҃гнею.

Кнꙗз же великіи въстоупив в златое свое стремя и седе на любезныи свои кон, и вси кн҃зи и боꙗре вседоша на свои кони, и воеводы поѣхаша, а сл҃нце им со востока сьꙗет, а по нихъ кроткіи вѣтрец вѣет.

Оуж бо тогда аки соколи рвахоуся от златыхъ колодицъ, а то рвахоутся кн҃зи Белозерскиꙗ ис камена града Москвы, выехали своим полком, оурядно бо бяше полцы их видѣти, ꙗко достоит им избивати полки[1]) татарскиꙗ, бѣ бо храбро их видѣти воиско.

Кнꙗз же великіи отпоусти брата своего Брашевскою дорогою, а Белозерскиꙗ кнзи отпоустил Болвановскою дорогою, а сам кнꙗз великіи поиде на Котел дорогою. А спереди емоу слнце сьꙗет и добрѣ грѣет, а по нем кроткии вѣтрец вѣет. Но того ради не пошли одною дорогою, ꙗко не мощно им вместитися.

Великаꙗ ж кн҃гни Овдотꙗ с снохою своею и с ыными кн҃гнями и с воеводскими женами вниде во свои златоверхии терем набережныи и седе под южным окном и реч҃: Оуж бо на тя конечное зрю, на своег҃ гсдр҃я великого кн҃зя. А в слезах не может слова прорещи, и слезы льются, аки рѣчныꙗ строуꙗ. И воздохноув с печалию и съшибе роуцѣ къ персем и реч҃: Ги҃ Бж҃е, призри на мя смиренноую и сподоби мя еще видѣти гсд҃ря своего славнаго в чл҃цех великого кн҃зя Дмитреꙗ Ивановича. Даи ж ему помощь крѣпкиꙗ руки его победити враги его, и не сотвори, Ги҃, ꙗко ж за мало лѣт бран была кр҃стьꙗном со еллины. От Батыꙗ до Калскиꙗ рати и до Мамаева побоища лѣт рп҃и. От таковагож сп҃си, Ги҃, и не даи же, Ги҃, погибноути оставльшемоус хр҃стьꙗнствоу, да славится имя твое ст҃ое. От тоꙗ бо брани роусскаꙗ земля оуныла. Оуж ни на кого ж надежи не имам, но токмо на тебя всевидящего Бг҃а. Аз же имѣю отрасли[2]), еще млади соуще: Василꙗ и Юрью. Егда поразитъ их знои сь юга или вѣтръ

1) полци. 2) двѣ отрасли.

подвѣет их з запади, то не могоут терпѣти[1]), а противоу бо ему что сотворю. Но возрати, Ги҃, отца их поздоровоу[2]), то и земля спасется, а они цр҃ствоуют в вѣки[3]).

Поꙗт же с собою кнꙗз великіи от гостеи сорожан і҃ чл҃къ, поведаніа ради, аще что слоучится таино, не повѣдаютъ вборзе на Москвѣ: а҃ гостя Василꙗ Капцоу, в҃ Сидора Олферева, г҃ Костянтина Волка, д҃ Коузму Ковырю, е҃ Семена Онтонова, ѕ҃ Михаила Сараева, з҃ Тимоѳѣя Весякова, и҃ Дмитреꙗ Черного, ѳ҃ Ивана Шиха, і҃ Дмитреꙗ Саларева.

Тогды ж возвеꙗша силніи вѣтры по Березовице широце, тогда воздвигошас великіа кн҃зи роусскиꙗ, а по них дѣти боꙗрские оуспѣшно грядоут, аки чаши медвяныꙗ пити и стеблиꙗ виннаго ꙗсти, но не медвяныꙗ чаши пити, ни стеблиꙗ винного ꙗсти, но хотят чс҃ти добыти и славнаго имени в вѣки.

Возвѣꙗвшоу со востока вѣтроу, а в[4]) нем гром и молниꙗ, но ни гром, ни вѣтръ, но стоук стучит и[5]) гром гремит по зорѣ по раннеи: возится кнꙗз Володимеръ Ондрѣевич рекоу Москвоу на красном перевозе Брашевском.

Кнꙗз же великіи приѣхал на Коломну в соуботу[6]), на памят ст҃го отца Моисѣꙗ Моурина. Туто ж быша мнози ратницы, и воеводы стретоша его на рѣчке на Сѣверке. Еп҃пъ же Герасим стрете его во вратех градных со живоносными крст҃ы и с чюдотворными иконами и со всѣми клиросы и оградив его крст҃ом и мл҃твоу сотворив: сп҃си, Бж҃е, люди своꙗ. Во оутриꙗ ж дн҃ь повелѣ кнꙗз великіи выехати всѣм воеводам на поле Двч҃е (на Коломнѣ) и всѣм людем сниматися во ст҃оую нд҃лю по заоутрени.

И начаша мнози гласы ратных троуб трубити, и варганы тепоут, и стези ревоут наволоченыꙗ в саду Панѳилове, сн҃ове роустіи наступиша поля коломенскиꙗ, ꙗко не мощно их никомоуж презрѣти.

Кнꙗз же великіи выеха з братом своим и видѣ множство

---

1) стерпѣти. 2) здрава. 3) *вм.* то и земля — в вѣки: то и миръ сп҃сется. 4) по. 5) а. 6) в соуботу — *нѣтъ*.

людеи и возрадовашася и оуряди коемоуждо полку воеводоу. А к себѣ приим кн҃зи Белозерскиѧ, храбри бо бяше, а брату своему дал кн҃зи Ꙗрославские. А [1]) правоую руку себѣ оуряди [2]), а лѣвоую руку брата своего кн҃зя Володимера, а кн҃зя Глѣба Дрютцкого. Передовой полкъ да [3]) Дмитреи Всеволож, да брат его кнѧз Володимеръ; коломенского ж полку воевода Микула Василевич; володимерского ж полку воевода Тимоѳѣи Волоуевич; костромского ж полку воевода Иван Родивонович Квашня; переславскои [4]) ж воевода Ондрѣи Серкизов. Оу кн҃зя ж оу Володимера воевода Данило Белеоут, Костянтин Конанович, кнѧз Ѳедор Елетцкои и воевода Мещерскои, кнѧз Юри да кнѧз Ондрѣи [5]) с своими полки пріидоша.

Кнѧз же великіи оурядив полки и повелѣ им Оку реку возится, заповеда ж всякому человѣку, хто поидет по рязанскои землѣ, по вотчине их, да никто ж не прикоснетца ни единому [6]) власу землѣ их. Сам же взем бл҃веніе от е҃пна Коломенского и перевезеся Оку реку. И ту ставше послаша третю сторожоу избранных витязеи и реч҃ им: нолни своима очима видитеся с татарскими полки. А посла Семена Мелика, Игнатиа Креня, Ѳому Тынину, Петра Горского, Карпа Олексина, Петроушоу Чюрикова и иных многих посла с ними.

И реч҃ кнѧз великіи Дмитреи брату своему кн҃зю Володимероу: Поспешим, брате, противоу безбожных сих печенѣг и не отовратим лица своего от безстоудных сих. Аще нам случится см҃рть, то дома живоучи оумрети ж, а от см҃рти не избыти нигдѣ ж. И реч҃: всяк идыи поутем, призывает родители своиа и сродник Бориса и Глѣба.

Слышев же то [7]) Олегъ рязански, ꙗко кнѧз великіи Дмитреи Иванович собрал воиа многа з братом своим со кн҃земъ Володимером Ондрѣевичем и идет противоу безбожному [8]) Мамаю, а сердцем своим не оупал, но твердою своею вѣрою крѣпко хощет

1) а — *нѣтъ*. 2) оурядивъ. 3) да — *нѣтъ*. 4) преславской. 5) *приб.* — Моуромские. 6) не прикоснитца ни ко единомоу. 7) *приб.* — кнѧз. 8) *приб.* — царю.

с печенѣги битися и имѣет оупованіе на единаго Бг̃а. Кнѧз же Олегъ нач̃ с мѣста на мѣсто преходити и нача гл̃ати ко своим боѧром: не начаемому дѣлу не оудоб разоумѣти, аще бы ми мощно послати ко многоразоумному Ягаилу (литовскому) таковаго вѣстника: како мыслити нам, оуж бо застал поути наши, но аз оубо [1]) чаѧх по правилом, ꙗко не подобает великому кн̃зю противу безбожнаго цр̃я стоѧти. Нн̃ѣ оубо, что се здумал, откуду сеи хощет помощи противу безбожнаго цр̃я стоѧти [2]). И рекоша емоу боѧре его: мы слышахом за е̃и дни до сего дни, но тебѣ того не смѣли поведати. Сказывают в вотчине его калоугер, имянем Сергеи, ст̃ъ и прозорлив велми, но тот деи бл̃свилъ его и вооружил противу нам, но еще и от своих калоугер дал емоу пособников. И слышав то Олег нача боѧтися и нача ратовати на свои боѧре: Почто ми есте преж сего дни не сказали, дабы шед оумолил цр̃я да ничтоб [3]) зла сотворил. Но горе мнѣ, изгоубих си оум, но паче не аз един оскудѣх оумом, но и боле мене разоумѣл Ягаило литовски, но и тот оскудѣх оумом, не оного ж взыщет Бг̃ъ [4]), но мене, онъ имѣет закон гоугниваго Петра, аз же имѣх правыи закон. Но что ради зло сотворих, того бо ради о мнѣ реч̃: аще раб не сохранит закона Гн̃а своего, то бьен боудет много. Нн̃ѣ оубо что сотворю и которому вдамся. Что ми здоумал мои ходыи оум, чтоб нн̃ѣ приложился к великому кн̃зю Дмитрею и поработал бы емоу, но он не пріимет мя, вѣдает бо измѣну мою. Аще ли приложоус̃ къ поганомоу Момаю, то по истинне боуду врагъ на вѣроу хрс̃тьѧнску, ꙗко оного новаго Сто̃полка земля мя пожрет, не токмо кн̃женіа лишен боудоу, но и живота гонзнуся. Аще бо Гъ̃ по них, то никто ж им может зла сотворити, но и еще об них мл̃тва прозорливаго ста́рца (Сергия) къ Бг̃оу. Аще ли ни единому от них помощи не сотворю, то в прок ото обоих како могоу прожити, а нн̃е которому присягоу имѣю.

---

1) бо. 2) *см.* противу — стоѧти: противу трею нас вооружился.
3) *приб.*: ми. 4) не оного ж Бг̃ъ взыщетъ.

Ягаило ж по прежреченномоу оуроку своему совокупи Литвы много и Варяг и Жомоти, поиде на помощь к Момаю. И пріиде Ягаило в Одоев и слыша, ꙗко Олегъ рязанскіи оубоꙗся, и пребы Ягаило, оттолева [1]) не подвизаꙗся из Одоева. И нача разоумѣти соуетнаго своего помысла и видѣ совокоупленіе свое раздно и нача рватися и сердитовати и нач̑ имати паны своꙗ: егда не достало мдрости чл̑чи, николиж бо Литва от Резани не пріимаше разоума, иж изведени есмя от оума от кн̑зя [2]) Олга рязанского, сам бо нн̑ѣ погиблъ е̑. Пребоудем оубо здѣ, дондеж оуслышим московского побѣду.

В тож время оуслышели кнꙗз Ондрѣи Полотцкіи и кнꙗз Дмитреи Брянскіи Олгердовичи, что велика туга належит великому кн̑зю Дмитрею Ивановичю московскому и всѣм православным хр̑стьꙗном от безбожнаго цр̑я Момаꙗ. И рекоша: отидем мы к великому кн̑зю московскому на помощь, бѣста бо есми [3]) отцем и братом ненавидими, но Бг̑ом возлюблени, бѣ бо есмя едино крещеніе [4]) от мачехи своеꙗ кнг̑ни Анны, ꙗко клас доброплодныи, тернием подавляеми. Не свещаста бо ся промеж собою кн̑зи. И посла кнꙗз Ондрѣи [5]) къ брату своему ко кн̑зю Дмитрею таино грамоту, в неи ж писано: Вѣси ли, брате мои милыи, ꙗко от̑цъ наш отверзе нас от себе, но пач̑ От̑цъ нб̑сныи присвои ны к себѣ и дав нам закон свои ходити по нему и отрешитися нам поустошные суеты. Но скончаем подвигъ добрыи Хс̑у началнику хр̑стьꙗнскомоу, поидем, брате, к великому кн̑зю на помощь. Нн̑ѣ, брате, великому кн̑зю московскому велика туга належит от поганых Измалтян, но еще и брат наш Ягаило порапотает [6]) ему, но Олег рязанскіи приводит их. Нам же подобает ап̑сльское слово скончати: братіа, в бедах пособники [7]) бываите. И помыслив, что нам родителем противитися, и ев̑алистъ Лука реч̑ сусты Сп̑сителя нашего: предани боудете родители ваши [8]) и братею, оумрети имате, имяни моего ради, претерпѣвыи до конца, тои

1) оттоле. 2) *встав.*: от. 3) есмя. 4) единии крещеніем. 5) Ондрѣй — *пропущено*. 6) поработает. 7) пособивыи. 8) вашими.

спснъ боудет. Но излѣзем, брате, от подавляющаго сего терниа и присадимся ко истинному виноградоу хрстьанскому, дѣлателю нам рукою Хрстовою. Нн̃ѣ, брате, подвигнемся не земнаго ради живота, но нбснаго, еж да̂ Гъ̃ творящим волю его. — Прочет же грамотоу книз Дмитреи, нача плакатися от радости, реч̃: Влдко члколюбче, даи ж рабом своим хотѣніе совершити и сего почесть добраго подвига показати, его ж открыл еси братоу моему старишему. Дн̃сь, гн̃е, по твоему изволенію готов есми, колко моего воиска готови соут со мною вкоупе, бжиею бл̃годатию совокуплени быхом [1]) иныа дѣла брани [2]) от доунаиских варягъ. Но нн̃е, брате, слышах, ако пріидоша ко мнѣ медокормцы из Сѣверы, а кажоут: книз великіи на Доноу, тоуто хощет ждати поганого Момаа. И подобает нам итти на Сѣверу и туто совокупитися, и коим поутем оутаимся брата своего Ягаила, дабы нам не бранил.—По малех же днех снидошася желанно два брата [3]) со всѣми своими силами, и видѣвше и возрадовашася, ако иногда Иосиф с Вениамином, изглядавше свое многое воиско и возвеселишася срдцем, бяше бо вооруженi нарочитыи воини и ратници. И приспѣв борзо на Дон и наѣхавше великого кнзя еще об сю сторону Доноу [4]) на мѣсте, нареченном Березоуи, и тоу совокоупилися [5]) великіе полкы [6]).

Книз же великіи Дмитреи Иванович з братом своим со кнзем Володимером Ондрѣевичем возрадовашася велми велице их силе, ако не оудоб видѣти таковому востанию, ако братиа оставиша брата пороугана, ако иногда пороугашеся волсви Иродоу, пріидоша сіи в помощь нам. Книз же великіи почти их великими дары, також в поут идоша, радуася о стем Дсѣ, земнаго ж всего отвергшеся, чающе нбснаго живота, чса смртнаго. Реч̃ же книз великіи: братиа моа милаа, коеа ради потребы пріидосте сѣмо, но Гъ̃ посла вас в поут свои, воистинну естя ревнители праотца нашего Аврама, ако от племени воскорми

---

1) *встав.*: и. 2) *встав.*: належащих. 3) два брата желанно. 4) об сю страну. 5) совокупишася. 6) полци.

Лота, ꙗко аще подобни естя доблественному великому кнꙋзю Ꙗрославу, ꙗко тои отомсти обиду братии своеи. Скоро ж вѣсть посла ко пресщенному митрополиту Кипреꙗну и реч, ꙗко Олгердовичи пріидоша ко мнѣ со многими силами, а брата своего Ꙗгаила оставиша. Вскоре ж вѣсть пріиде к митрополитоу Кипреꙗну. Митрополит же востав и прослезися, слышев таковое чюдо [1]), и нача млтвоу творити: Ги Влдко члколюбче, ꙗко супротивніи нщи вѣтри на тихость предлагаются. Посла во вся зборы црквныꙗ и во обители стыꙗ, повелѣ млтвы творити днь и нощь ко вседержителю Бгоу, но вборзе посла во обител ко прподобно старцоу Сергею. Кнгни ж великаꙗ Овдотꙗ слышев то великое бжие милсрдіе, многи млсти сотвори оубогим, сама ж непрестанно ходи ко црквe днь и нощь. Но на предлежащее возратимся.

Кнꙁю ж великому бывше на мѣсте Березоуи, приспѣ ж днь сентября е, на памят стго пророка Захаріи, и еще приспѣ памят сродника его стго кнꙁя Глѣба Владимеровича, и приѣхаша два от страж его, Петръ Горьскіи да Карпъ Олексин и приведоша ꙗзык нарочит, ꙗж от велмож црвых. Тои ж ꙗзык поведает великому кнꙁю, ꙗко црь оуж на Коузминѣ гати, но не спешит того ради, ожидает Ꙗгаила литовского и Олга Рязанского, твоего ж црь собраніа не вѣдает. По прежписанному Ꙗгаиловоу совѣту на третии днь имат быти на Дону. Кнꙗз же великіи спроси его о силе его, он же реч: неисчетное множество, исчести нѣкомоу.

Кнꙗз же великі нача думати з братом своим со кнꙁем Володимером Ондрѣевичем [2]) и с новонареченною братею, со кнꙁи литовскими: здѣ ли нам ждати Мамаꙗ или итти за Дон. И рекоша емоу Олгердовичи: аще ли, гне, хощеши крѣпкаго воиска, то сего дни повели возитися за Дон, да не боудет ни единаго мыслящего назад, да всяк бьется без лсти, а велицеи силе его не вѣроуи, ꙗкож не в силе Бгъ, но в правдѣ, Ꙗрослав бо перевезеся

1) таковое чюдо слышав. 2) Ондрѣевичем — *нпт.*

рекоу [1]), Сто̑полка победи, Александръ реку перешед, короля свѣиского победи, а ты Бг̑а нарек, також сотвори: аще побьем поганых, то вси живи боудем, аще ли нас побьют, то вси общею смр̑тью оумрем ото кн̑зя и до простых людеи, тѣм бо словесем крепится великое воиско твоих витязеи. — Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович повелѣ оуспѣшно возитися всему воиску [2]) за Дон.

Стражее ж оускоряют, ꙗко татарове ближают, оужасно во ꙗрости. Возрадовашас̑ радостию великою, зря своего желаннаго подвига, его ж на Роуси вожделѣша за многи дни. Пріидоша ж на мѣсто то волци, по вся дн̑и воюще непрестанно, гроза велика. Полком же храбрым ср̑дце оутвержается. Оуж вранове необычно слетошася, не оумолкают, галицы своею рѣчю говорят, орли ж мнози оусть Дону налетѣша и ту клегчюще [3]), ждоуще дни грознаго и Богом изволеннаго, в онже [4]) дн̑ь имоут стертися множствоу трупоу чл̑ч̑ю и крови их пролитися. От таковыѧ стр̑сти [5]), аки морским водам, от великиѧ грозы древа прекланяются, трава постилается.

Мнози бо наполнишася дх̑а храбра [6]), оуж [7]) земнаго не помышляюще ничтож, но видяще кождо пред очима, оуж бо поганіи стоудом помрачаются, видяще погибел живота своего, понеж погибе памят их с шюмом. Правовѣрніи ж чл̑ци просщ̑аются, радующеся, чающе оного обетованіа и прекрасных венецъ от роуки Вседержителя [8]), о них же поведа пр̑подобныи Сергеи старец.

Вѣстницы ж оускоряют, ꙗко цр̑ь ближает. Прибегоша ж з̑ стражеи в ѕ̑ час дни, Семен Мелик со дроужиною своею, а за ним гонишас много татар, мало его не оугониша. Оуж бо оузрѣша полки роусскиѧ и возратишася ко цр̑ю и поведаша ему, ꙗко кн̑зи роусскиѧ ополчишася при Дону, бжи̑им промы-

1) *въ ркп.* рекоу *дважды.* 2) всему войску возитис. 3) вранове ж и галици своею рѣчью говорят, не оумолкают орли ж мнози с оусть Доноу слѣтѣшясь, клегчют. 4) *приб.*: дн̑ь. 5) смерти. 6) ратна. 7) бо. 8) *приб.*: Бога.

слом многое множство людеи, но цр҃ю вчетверо того сказаша. Нечс̑тивыи ж цр҃ь разумѣв и разжен[1]) діаволом на свою пагоубоу, крикнув и напрасно испусти глас свои и реч̑: сел̑ велика сила моꙗ, аще сего не одолѣю, како возращоуся во своꙗси. И повелѣ цр҃ь своим вооружатися. Семен же Мелик поведает великому кн҃зю, ꙗко цр҃ь на Гоусине броду, едина ноіць промеж нами[2]) их, оутре боудут на Непрядву реку. Тебѣ ж подобает великому кн҃зю сего дни исполчитися, оутре бо на нас оускорят татарове.

Нача ж кнꙗз великіи з братом своим и с литовскими кн҃зи до с̑ чс̑у полки оуряжати. Нѣкто ж воевода приѣде с литовскими кн҃зи, имянем Дмитреи Бобров, родом земли волынские, нарочит бѣ воевода и полководецъ и изряден во всем по ряду. Сих велми по достоꙗнию оуставил полки, елико комуждо подобает гдѣ стоꙗти.

Кнꙗз же великіи поим брата своего кн҃зя Володимера и литовские кн҃зи и всѣ кн҃зи и воеводы и выехаша на мѣсто высоко и видѣв образ Спсовъ воображен во хр҃стыꙗнских знаменіих, аки нѣкиꙗ светилницы слн҃чныꙗ, луча испоущающе и всюдѣ светящеся, озаряюще все хр҃столюбивое воинство, и стязи ревоут наволоченыꙗ, простирающеся, аки облаци тихо трепещуще, хотят промолвити, а оу богатыреи горугови[3]), аки живи пашутся, доспѣхи ж роусскиꙗ, аки вода силнаꙗ во вся вѣтры колебашеся, и шеломы на главах их, аки оутреняꙗ заря во время солнца ведренаго светящеся, еловци ж шеломов их, аки поломя огняное пашетца, мысленно бо видѣти и жалостно слышати таковое роусских кн҃зеи собрание и оудалых витязеи оучреженіе. И тако в себѣ равно единодш̑но дроуг за дроуга хотяще оумрети, и вси единогласно вопиꙗхоу: Бж̑е ст҃ыи, призри на ны, дароуи нш̑ему православномоу великому кн҃зю побѣду на поганых, ꙗко и Констянтину покори врази под нозѣ его, ꙗкож Моисѣю на Амалика и кроткому Дв҃доу на Голиꙗда. И[4]) оуви-

1) бысть. 2) *вставь.* — і. 3) хоругови. 4) иж.

дѣвше кн҃зи литовскиꙗ и ркоуще: ни е҃ достоино при нас и преж нас таковому востанію быти, подобно соут македонскому воискоу [1]), мужеством же подобни Гедеоновым снузницы [2]), Гь҃ Бъ҃ своею силою вооружил их.

Кнꙗз же великіи видѣв полцы свои, велми оучрежены достоино, и сшед с коня долов [3]) и пад на колѣну прямо великому полку черному [4]) знамени, на нем же бѣ образ Влд҃кы Га҃ нш҃его Іс҃ъ Ха҃, из глоубины ср҃дца нача призывати велегл҃сно: О Вл҃дко вседержителю, виждь смотреливым си [5]) оком на люди своꙗ, иж твоею рукою сотворени соут и твоею кровию искуплени из работы вражиꙗ. Внуши, Ги҃, глас мл҃твы их и отоврати лице свое от нечс҃тивых [6]), иж творят зло рабом твоим. Молю бо ся образоу твоему ст҃моу и прч҃тои твоеи Мт҃ри и твердомоу и необоримому мл҃твенику о нас тебѣ, роусскому ст҃лю (Петру), на его мл҃твоу надѣюся, смѣю призывати имя твое ст҃ое. Кнꙗз же великіи всѣд на кон свои и нача по полком ѣздити со кн҃зи и с воеводами и коемуждо полку реч҃ своими оусты: Братіа моꙗ милаꙗ, сн҃ве роусскиꙗ, молыдые и великие [7]), оуж [8]) нощь приспѣ, а дн҃ь приближися грозныи. Бдите и молитес и крепитеся: Гь҃ силен во бранѣх. И здѣ пребоудем, кождо на мѣсте своем, во оутріи ж дн҃ь поспешите, братиꙗ, надобет оурядитис҃: оу ж бо гости нш҃и ближают [9]) на рецѣ на Непрядве, во оутріи ж дн҃ь имам [10]) вси пити общоую чашу см҃ртную поведеную, тое бо есмя чаши еще на Роуси жадали за многи дн҃и, но оуповаите на Бг҃а жива. Мир вам, братиꙗ. — Отпоусти ж брата своего кн҃зя Володимера Ондрѣевича вверхъ по Дону, в дубровоу, ꙗко оутаитися полку его, и дав емоу своего двора избранных витязеи и еще отпоусти с ним извѣстного воеводоу [11]) Дмитреꙗ Волынца.

Оуж нощь приспѣ светоноснаго праздника Рож҃ства ст҃ыꙗ Бц҃а. Дни же одолжившоус҃ и сиꙗющу, бы҃ же тогды теплота и

---

1) воинству. 2) Гедеоновым снузником. 3) долов — *нѣтъ*. 4) *въ ркп.* «черному» *дважды*. 5) си — *нѣтъ*. 6) и отоврати — нечс҃тивых — *нѣтъ*. 7) старіи и младіи. 8) бо. 9) близко соуть. 10) имамы. 11) *въ ркп.* «воевоеводоу».

тихость в нощи той, и мрачныꙗ росы ꙗвишас҃. По истинне: нощь несветла невѣрным, а вѣрным же просвещена есть. И реч҃ Дмитреи Волынець великому кн҃зю: «Повѣм тебѣ, кн҃же, примѣтоу свою искусноую». Оуж бо долго нощи вечерняꙗ заря потоухла. Кнꙗз же велики Дмитреи Иванович, поим с собою брата своего кн҃зя Володимера и литовские кн҃зи едины, и выехаша на поле Куликово, и став посреди обоих полков и обратися на полкъ татарскои, и слыша стоук велик и клич, аки торги снимаются [1]), аки гради зижоуще [2]), аки троубы гласяще, и бь҃ назади [3]) их грозно [4]) волци воюще велми. По деснои ж стране ворони кличют, и бы҃ глас велик птич, вранове ж играют по рецѣ тои, аки горы колыбашеся [5]), по рецѣ тои [6]) по Непрядве гоуси и лебеди непрестанно [7]) крылы плещуще, необычную грозоу подают. И реч҃ Волынец великому кн҃зю: «слышасте ли сіа». И ркуще ему кнꙗз великіи [8]): «слышим, брате, гроза велика» [9]). И реч҃ Волынец: «призываю [10]), кн҃же, обратитеся на полкъ роусскіи». И бы҃ тихость [11]) велика. И реч҃ великому кн҃зю: «что слышасте, гн҃е». Он же реч҃: [12]) «ничто ж, токмо видѣхом огневи многи и зари мнози [13]) снимахоуся». Реч҃ же Волынецъ: «оставите, кн҃же гн҃е [14]), добра знаменіа [15]), призываите Бг҃а, не оскоудѣи [16]) вѣрою». И паки реч҃: «аще ми вѣра есть». И сниде с коня и пад на десное оухо и приниче на землю и предлежа на долгъ час, и воста и абие пониче. И реч҃ емоу кн҃ꙗз великіи Дмитреи Иванович: «что есть, брате». Он же не хотѣ сказати. Кн҃ꙗз же великіи много ноудив его. Он же реч҃: «едина ти есть на ползу, а дроугаꙗ не на ползу: слышах землю плачющоуся на двое: едина страна, аки жена нѣкаꙗ вдовица, а другаꙗ страна, аки нѣкаꙗ дв҃ца, аки свирѣл просопе плачевным гл҃сом. Аз же много тѣх примѣт пытах, и сего ради надѣюся о Бз҃ѣ ст҃ѣм и ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба,

---

1) снемлются 2) аки торги — зижоуще *поставлено послѣ*: аки троубы гласяще. 3) и позади. 4) гроза велика. 5) колѣбахуся. 6) тои — *нѣтъ*. 7) непрестанно — *нѣтъ*. 8) И рѣшя ему великіе князи. 9) *приб.*: есть. 10) *приб.*: вас. 11) тишина. 12) Они ж рѣшя. 13) видѣхом зари огнени мнози снимахуся. 14) оставите гн҃е — *нѣтъ*. 15) *приб.*: сут. 16) оскудѣвайте.

сродники вашими, аз чаю побѣды на поганых, а нш҃их много падет». Кнꙗз же великіи то слышав и прослезися и реч҃: «боудет гн҃е [1]) побѣда». И реч҃ Волынець: «не подобает сего гд҃рю в полцѣх поведати никомоуж, но токмо Бг҃а мл҃ити и ст҃ых его призывати». И рано оутре начаша на кони своꙗ садитися, и повелѣ всякому кр҃стом огражатися, то бо есть побѣда на поганых.

В тоу ж нощь нѣхто моуж, имянем Ѳома Хабычѣев, разбоиник, поставлен сторожем от великого кн҃зя на рецѣ (на Непрядве) на Чюдо на [2]) Михаилово крѣпкою сторожою от поганых. Сего ж оуверяꙗ Бг҃ъ и откры емоу видѣніе в нощь сію: И видѣ на высоте облак изряден пріиде от востока, велик зело, и от полоудненыꙗ страны пріидоша двѣ оуноши свѣтлы зело, имоуще в руках своих по мечю остру и ркоуще полковником татарским: кто вы повелѣ требити (сирѣчь разаряти) отч҃ество нш҃е, нам дарова Гь҃ стрещи его, начнем сещи их, то ни един от них не избыс҃. И оттолѣ чл҃къ тои вѣрен бы҃ и целомд҃ръ. И наоутріа поведа великому кн҃зю единому. Он же гл҃а емоу: не гл҃и сего никомоу ж. Сам же востав и воздѣв роуцѣ на н҃бо и нача плакатися и гл҃ти: Ги҃ Вл҃дко чл҃колюбче, мл҃твами ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба, помози ми, ꙗко Моисѣю на Амалика и прадедоу нш҃ему великому кн҃зю Александру на хвалящагося на римского короля Магнуша и разорив его от҃чество. Но посли на ны мл҃ть свою и просвети нас благооутробным своим мл҃рдіем, не предаи ж нас раб своих на смѣх поганым, да не порадоуются врази нш҃и и да не ркут в странах своих: гдѣ есть Бг҃ъ их, на него ж оуповаша. Помози, Ги҃, православному хр҃стьꙗнствоу, иж имяноуют имя твое ст҃ое.

Приспѣ ж праздникъ сентября и҃, начало сп҃сеніа нш҃его Рож҃ствоу ст҃еи Бц҃и, свитающоу пяткоу, восходящу сл҃нцу. И бы҃ оутра [3]) (того велика) мгла, и начаша стязи хр҃стьꙗнстіи простиратися, и троубы мнози трубити. Оуж бо роусских кн҃зеи и воевод и всѣх оудалых людеи кони оукротѣша, глас же троубныи,

---

1) брате. 2) на — *нѣтъ*. 3) оутра того.

кождо под своим знаменем, полци ж идоша, елико как комоу повелѣша по поученію.

Чсоу ж второму наставшоу, начаша троубити ото обоих стран, татарские ж троубы ꙗко онемѣша, а роусские полки оутвердишас̃. Еще полк с полком не видитца, понеж бо оутро велми мгляно [1]), и земля под ними стонет, грозоу подает, на восток до моря, а назад до Доунаꙗ, поле прегибающеся, кровавые реки выступающе из мѣст тѣх.

Великомоу ж кн̃зю преседающе на борзыи кон и ездящоу по полком, гл̃ющу: Отци и братиꙗ мои, Гс̃а ради подвизаитес̃, ст̃ых ради цр̃квеи и вѣ(ры) ради хр̃стьꙗнскиꙗ, сиꙗ бо см̃рть не см̃рть есть, но живот вѣчныи, ничто ж оубо земнаго не помышляите и не желаите, брате, земнаго живота, но да венцы оувяземся от Хс̃а Бг̃а дш̃ам нашим.

Оутвердив же полки роусскиꙗ и сниде с того коня на иноꙗ кон и совлече с себя приволоку цр̃ьскую и в ыную облечеся. Тои ж кон дас̃ под Михаила под Ондрѣевича под Бренка [2]) и тоу приволокоу на него положи, иж бѣ любим паче мѣры, и то знаменіе повелѣ под ним возити. И под тѣм знаменем оубиен бы̑ за великого кн̃зя.

Кнꙗз же великіи став и воздѣв роуцѣ свои на н̃бо и вложи в нѣдра своꙗ, выим кр̃стъ живоносныи, на нем же бѣ воображение стр̃сти Гн̃и, в нем же бѣ древо животное, восплакася горко и реч̃: На тебе ж надѣюся конечное, живоносное древо, кр̃стъ Гн̃ь, иж сим образом ꙗвися цр̃ю Констянтиноу греческому и дал еси емоу бран сущоу [3]) на нечт̑ивых и неоскудным образом победи их [4]), и не могоут [5]) обрѣзанніи чл̃ци противоу образа твоего стоꙗти, и тако оудиви Гс̃ мл̃ть свою на рабѣ своем.

Се ж емоу гл̃ющу, в то ж время привезоша емоу книги от пр̃подобнаго игумена Сергиꙗ, в них же бѣ написано великому кн̃зю и всѣм роусским кн̃земь мир и бл̑вение и всемоу православ-

---

1) мгляно велми. 2) под Бренка — *нѣтъ*. 3) ему побѣду. 4) и не оскудным — их — *нѣтъ*. 5) *приб.*: бо.

ному воиску. Кнꙗз же великіи от прпдобнаго приим писаніе и прочет и целова посолника его любезно, тѣм же писанием, аки бронями нѣкими, вооружився твердо. Еще ж дастъ ему от старца (Сергия) дар — посланныи хлѣбецъ прчтые Бгомтри. Кнꙗз же великіи сьѣд хлѣбец стыꙗ Троца[1]): прстаꙗ Гже Бце, помогаи нам млтвами твоего[2]) игоумена Сергеꙗ.

И приим кон свои и взем палицу свою желѣзную и подвижеся ис полку вонъ и восхотѣ преж сам[3]) почати[4]) от горе(сти) дша за свою обиду. Мнози ж кнзи роусскиꙗ[5]) и воеводы и богатыри оудержаша его и возбраниша ему: «не подобает тебѣ, гсдрю, самому в полку битися, подобает тебѣ особѣ в полку стоꙗти и нас разсмотрити, то пред кѣм нам ꙗвитис. Егда спасет тебя Гь великого гсдря и кому случитца смерть или живот, и ты почемоу разоумѣеш, кого как чтити и кого как жаловати, мы ж вси готовы есмя головы своꙗ[6]) положити за тебя за ласкова гсдря, а тобѣ подобает памят творити и в книгах писати, памяти дѣля роусских сновъ, иже по нас боудут, ꙗко ж иногда Леонтеи Ѳеодору Тирону памят сотворити. Аще ли тебе единаго изгоубим, то[7]) которыи оуспѣх боудет нам, и боудем, ꙗко стада овчие, не имоущи пастоуха, оучнем скитатися по поустыням, и пришед волцы расхитят ны, и кто может нас собрати. Тебѣ ж, гсдрю, подобает спсти себе и нас». Кнꙗз же великіи прослезився и реч: «братиꙗ моꙗ милаꙗ, добры ваши рѣчи и не могоу отвещати противоу вас. Извѣстно бо глете, но пач спѣите, токмо похваляю вас, вы бо есте блжнии раби, но паче вѣсте и разоумѣите мчние стго мчнка Ареѳы: егда мчнъ бы црмъ амиритским и Доунасом жидовином и, по многих моуках, повелѣ его црь оусекнути, и крѣпцы его воины и доблии воеводы, един пред единым спешит напреди посечен быти, и единооумно вси главы своꙗ под меч кланяхоу, видяхоу конец живота своего. И един нѣкоторыи воевода возбрани своему воиску, и реч: вѣдаете, брате, не аз ли

1) *приб.*: и рече. 2) *приб.*: оугодника. 3) сам преже. 4) начати. 5) роусскиꙗ — *нѣтъ*. 6) своꙗ — *нѣтъ*. 7) *приб.*: от кого памяти чаем.

оу земнаго цр҃я на пиру преж вас чароу пріимах, а нн҃е також хощу преж вас хсв҃у чашу пити и преж вас оумрети и венець от роукы хсв҃ы приняти. И пристоупив воин главоу ему отсече и последи ф҃ воин оусечени быша. И нн҃ѣ, братие, кто есть болѣ мене в роусских сн҃ех, но аз вам глава, а мнѣ Бъ҃ глава, вся бо от Г҃а бл҃гаѥ приѥхом, а злых ли не хощем терпѣти, на мя бо единого вся си вздвигошася, и вижоу вас побиваемых, а к тому прочее не терплю, да опщую чашоу имам с вами пити и общею см҃ртію имам оумрети с вами вмѣсте.

Полци ж начаша сстоупатися. А передовои полкъ ведет Дмитреи Всеволож да Володимеръ, брат его, а с правоую рукоу идет Микула Василевич с коломенцы и с ыными со многими. Погании ж идоут обапол, нѣгде бо им разступитися: поганых много, а мѣста с них нѣт. Безбожныи ж цр҃ь выехав с трема с темными кн҃зи на мѣсто [1]) высоко, зря чл҃ческаго кровопролитиѧ: оуж бо близ себе сходятся.

Выеде ж печенег ис полку татарского, пред всем моужством ѧвляѧся и хоробруѧ, подобен есть древнему Голиѧдоу. Видѣв же его Пересвѣт чернец, любчанин родом, иж бѣ в полку оу Владимера у Всеволожа, и двигся ис полку вон и реч҃: «сіи чл҃къ ищет себѣ подобна [2]), аз же хощу с ним видетися». И бѣ на нем шелом архаагг҃льского образа, вооружен бѣ скимою по повелению игоумена Сергиѧ. И реч҃: «отци и братиѧ моѧ. простите мя гр҃ѣшнаго, и брат мои Ослебя, моли Б҃га за мя». И напоусти на печенѣга того и реч҃: «игоумен Сергеи, помози мл҃твою своею». Он же паки [3]) оустремися противоу ему. Крс҃тьяне ж вси воскликнуша: Г҃и, помози рабоу своему. И оударишас҃ крѣпко, мало что земля под ними не проторжес҃. И спадоша с конеи оба [4]) на землю и оумроша, ни един ни от единаго не отиде.

И наставшоу третему чс҃оу дни. Видѣв же се кнѧз великіи и реч҃: «видите, братиѧ, гости нш҃и ближают нас, водят промеж

1) шоломя. 2) подобна себѣ. 3) *въ ркп.* «паки» *дважды* 4) оба с коней.

собою поведеную, весели оуж быша». И реч҃: «братиѥ роусскиѥ оудалцы, время приближися, а час пріиде». Оудариша ж кождо по коню своему и кликнув: Бж҃е хр҃стьѥнски, помози нам. И ступишася обои вои и крѣпко бьющеся не токмо ороужем, но и сами о собя избивахоуся друг о друга, под конскими ногами оумирахоу, от великие тесноты задыхахоус҃, ѥко не мощно бѣ им вместитися на поле Куликове: еще бо мѣсто тѣсно меж Доном и Непрядвою. На том бо поле сстоупишася силніи полци вмѣсто, из них же выступаша крававые зари, от мечнаго сіаніа, ѥко молніа блистают. И бы҃ троскот от копеинаго ломленіа и от мечнаго сеченіа, не мочно бѣ зрѣти грознаго чс҃а смр҃тнаго: во един час, в мегновеніи ока от колка тысяч погибает созданіа бж҃иѥ. Воля бж҃іа совершается.

Час же д҃ и е҃ бьются, не ослабѣют хр҃стьяне. Оу ж бо с҃-му чс҃у наставшоу, бж҃иим попущением и грѣх ради наших начаша поганіи одолевати, мнози ж велможи избиени бы҃ от поганых, оудалыѥ ж витязи, ѥко древо доубравное скланяхоуся на землю, под конские копыта, мнози сн҃ве роусскиѥ сотрошас҃. Самого ж великого кн҃зя оуязвиша, он же оуклонився от воиска и сниде с коня ис побоища, ѥко не мощно ему битися. Мнози бо стязи [1]) великого кн҃зя подсекоша татарове, но бж҃ьею силою не требишас҃, но пач҃ оукрепишася.

Се ж слышахом от вѣрнаго самовидца, гл҃ща, сеи ж бѣ от полку кн҃зя Володимера Ондрѣевича. Поведа великому кн҃зю видѣніе в с҃ годину дни: над вами нб҃о отверсто, из него ж изыде багряна заря и над вами ниско дръжашес҃. Тои ж облак исполнен роук чл҃ческых, кождо рука держаше венцы, ова потыри [2]), ова проповеди пр҃роческиѥ, а из ыныѥ ж, аки нѣкиѥ иныѥ дарове различныѥ. Внегда ж наставшу с҃-му чс҃у, мнози венци испустишася на роусскиѥ полки. А поганіи ж отвсюду заидоша, оступиша около хр҃стьян, занеж оскоудѣша хр҃стьяне, но все поганыѥ полки.

---

1) *въ ркп.* «бо стязи» *дважды.* 2) потиры.

Кнꙗз же Володимер Ондрѣевич не моги побѣды терпѣти и рече̑ Дмитрею Волынцю: «Беда, брате, велика, что оубо ползует нше̑ стоꙗніе, тож на смѣх боудет нам, да комоу боудет нам помощи». И рече̑ емоу Дмитреи: «Беда, кнже̑, велика, не оуж година нша̑ пришла: всяк бо начинаꙗ без времени, беду себѣ наносит. Мало еще потерпим до времени подобнаго и оумолчим, в онже имам дати воздарие врагом нши̑м: в сии час Бга̑ призываите, осмаго чса̑ ждите, в онже имат быти блгодат бжиꙗ». Воздвиг роуцѣ свои на нбо̑ и рече̑: Ги̑ Бже̑, отцъ наших, сотворивыи нбо̑ и землю, не даи ж нас поработити [1]) врагом нашим, ни порадоватися врагоу діаволоу, но мало показни, а много помилоуи». Бѣдно зрѣти дѣтем боꙗрским своего полку оубиваема, плачющуся и непрестанно рвоущеся, аки соколы, аки званніи на брак сладкаго вина пити. Волынец же возбраняше им, глꙗ: «Пождите мало, еще есть бо вам с кѣм оутѣшитися». И приспѣ ж час осмыи, и абие дхъ̑ южны потягноу ззади их. Возопи [2]) Волынець глсом̑ великим кнзю̑ Володимероу: «час пріиде, а время приближися». И паки рече̑: «братіа моꙗ и дроузи, дерзаите: сила бо стго̑ Дха̑ помогает нам». И единомыслено из дубравы выеха̑ша, ꙗко оуношенныꙗ соколы, и оударишася на многи стада гоусиныꙗ, и стязи крѣпко направлены грозным воеводою. Бяше ж отроци [3]), аки лвом и оударишас̑ на овчиꙗ стада.

Поганіи ж, видѣвше и крикноувше, глще̑: Оувы нам, паки Роус оумдриша̑, оунши люди с нами брашася, а добліи всѣ соблюдошас̑. И обратишася поганіи и даша плеща и побегоша [4]). Снве̑ же роусскіа силою стго̑ Дха̑ бꙗхоут их, помощию стꙑх мчнкъ̑ Бориса и Глѣба. Бежаша ж татарове и глще̑ ельинскии: Оувы тобѣ, чтныи Момаю, высоко вознесеся до нбсъ̑ и до ада сшел еси. — Мнози ж мртвыꙗ помогахоу нам, и секуще без млти̑, ни единому от них не избежати, но оуж кони их оутомилис.

Мамаи ж, видѣв побѣдоу свою, и нача призывати бги̑ своꙗ:

---

1) поработати. 2) Воспи. 3) *приб.*: им же срдца. 4) побежаша.

Пероуна и Соловата, и Мокоша, и Раклѣя, и Гоурса, и великаго пособника Бахметя [1]), и не бы емоу помощи от них ничтож: сила бо стго Дха, аки огнем пожигает их, татарские полки роусскими мечи секоут. Момаи ж, видѣв побѣду свою и реч своим оулусом: Побѣгнем, брате, и ничто ж добра не имам, но [2]) токмо головы оунесем свои [3]). И [4]) абие побеже с четырма моужи. Мнози ж хрстьяне за ним гонишася, но не одолѣша: кони бо их потомишася, и гонивше возратишася. И [5]) обретоша троупиа мртвых обонпол реки Непрядвы, идѣ ж бѣ непроходно полком роусским: сиа оубо побѣда есть от стых мнкъ Бориса и Глѣба, о них же провидѣ Ѳома разбоиник, егда стоял на стороже. Нѣции ж всѣх догониша и возращахоуся, кождо под свое знамя.

Кназ же Володимеръ Ондрѣевич, ста на костех татарских под черным знамянем, и не обрете брата своего великого кнзя Дмитреа Ивановича в полку, токмо едины кнзи литовские. И повелѣ трубити собранною трубою и пожда час не обрете брата своего великого кнзя, нача плакатис и кричати и по полком ѣздити и не обрете брата своего. И гла: «Братиа моа, кто видѣ или кто слыша своего пастыря, то перво поражен пастыр и овца разыдоутся». И рекоша кнзи литовскиа: «Мы мним, яко жив есть, но оуазвен велми: егда в трупе мртвых боудет». А инои реч: «аз пятого чсоу видѣх его крѣпко бьющеся с четырма татарины, но ноужно бѣ ему велми». Юревской ж оуноша, нѣкто Степан Новосилскои: «Аз видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша идоуща с побоища, но оуазвленна велми, того бо дѣля не дах ему коня, гоним есми трема татарины: по млти бжии едва от них спсохся, а его есми соблюл». И реч кназ Володимер Ондрѣевич: «Да извѣстно ли еси видел его. Имите ми, брате, вѣру: аще кто обрящет брата моего, то по истинне болѣ [6]) оу нас боудет».

---

1) Махмета. 2) но — *нъмъ*. 3) свои головы оунесем. 4) И — *нъмъ*. 5) болій.

Рачителніи ж отроци разсунушася по побоищоу по великому. Овіи ж наѣхаша Михаила Александровича Бренка и чашша его великим кнзем. Иніи ж наѣхаша кнзя Ѳедора Семеновича Белозерского и[1]) чашше его великим кнзем, занеж приличен бяше.

Нѣкіи ж воини, великіи витязи оуклонишася на десноую страноу в дубраву, единому имя Сабоур, а другому Григореи Холопищев, родом же оба костромичи. И мало выехаша с побоища, наѣхаша великого кнзя бита велми и отдыхающа под древом березою, и видѣвше его и скочиша с конеи и поклонишас емоу. Сабоур же скоро возратися ко кнзю Володимероу Ондрѣевичю и поведа ему, шако кншз великіи добръ здров и цр̃ствоует в вѣки.

Вси ж кнзи и воеводы наѣхавше скоро, снидоша с конеи и поклонишася емоу гл̃юще: «Радоуися, о вседрагии наш кнже, вторыи Александръ и Ꙗрослав, новыи побѣдител врагом нашим. Сиа побѣда чт̃ь тебѣ, нш̃ему гдрю подобает». Кншз же великіи едва с ноужею прогла: «Поведаите ми побѣдоу сию». Реч̃ же ему кншз Володимеръ Ондрѣевич: «По мл̃ти бжии и пр̃чтои его Мт̃ри и мл̃твами сродник наших Бориса и Глѣба и Петра московского[2]) ст̃ля и игоумена Сергеа и всѣх стых мл̃твами врази нш̃и побеждени соут, а мы спасохомся». Кншз же великіи то слышав, воста и реч̃: «Сіи дн̃ь, иж сотвори Гь̃, возрадоуемся и возвеселимся вон, сии дн̃ь веселитеся, людие». И реч̃: Велии Г̃ наш и чюдна дѣла твоа, ни едино ж есть слово доволно к похвалению чюдес твоих, вечеръ водворится плач, а заоутра радость». И реч̃: «Хвалю тя, Г̃и Бж̃е мои, и почитаю имя твое ст̃ое, шако не дал еси нас в поруганіе врагом нашим и не дал еси нас в похвалу иному шзыку, иж нам оумыслиша и над ними збышася». И реч̃: «Суди, Г̃и, по правде моеи, да скончается злоба грѣшных, аз же в вѣки оуповаю на тя».

И приведоша ему кон кроток и всед на него, выеха на

1) они. 2) *въ ркп.* «московскоского».

побоище. И видѣ многое множство битых воиско свое, а погапых вчетверо того избито [1]). И обратися къ Дмитрею Волынцоу и реч҃: «воистинноу многоразумен еси чл҃къ, и неложна примѣта твоꙗ, подобает ти всегда воеводствовати». И нача з братом своим и со оставшими кн҃зи ѣздити по побоищоу, радостныꙗ слезы испоущающе. И наѣхаша мѣсто, на нем же лежит е҃и кн҃зеи белозерских, оубитых вкоупе, толми напрасно бьющес, един единаго ради оумре. И близ ту лежит оубит Микула Васильевич [2]). Над ними ж став гд҃рь, над любезными рабы своими, нача плакатися и реч҃: «Братиꙗ моꙗ милаꙗ, кн҃зи роусскиꙗ, аще есте дерзновеніе получили от Бга и молитеся о нас, вѣм бо, ꙗко слоушает вас Бг҃ъ». И паки на иное мѣсто приѣхал, и наѣхал любовника своего Михаила Ондрѣевича Бренка и близ его лежит Семен Мелик, твердыи страж, и близ его лежит Тимоѳѣи Волоусевич. Над ними ж став кнꙗз великіи, плакас [3]) и реч҃: «Братіа моꙗ милаꙗ, моего деля образа Михаило оубиен еси [4]): кто бо таков раб моги гд҃рю слоужити, ꙗко мене ради на см҃рть сам поѣхал, воистинноу древнемоу подобился еси Ависоу, иж ис полку Дарева [5]) выехал». И паке реч҃ Мелику: «Крѣпки мои стражоу, твоею стражею крѣпко пасомы есмя». Пріиде ж на иное мѣсто, обретоша Пересвѣта черица и близ его лежаща нарочитаго богатыря Григорыꙗ Капоустина. И реч҃ кнꙗз великіи: Братиꙗ, видите ли своего чиноначалника [6]) тои бо победи подобна себѣ, от него ж было пити многим людем горкоую чашу».

И став на мѣсте своем, повелѣ собранною трубою [7]) трубити. Храбрыꙗ ж доволно испыта ороужиꙗ своꙗ о сн҃ы измалтескиꙗ, со всѣх стран грядоуще, аки соколи слетаются под троубныи глас весели, ликоующе, ови бг҃ородичныꙗ стихи поюще, и мч҃нчны подобныꙗ, ови кр҃стныꙗ.

Собранным же всѣм людем, кнꙗз же великіи ста на костех

---

1) избитых. 2) Микоула Василевич оубит. 3) плачас. 4) образа оубиенни естя. 5) Дариева. 6) *въ ркп.* «чинонончалника». 7) в собранноую трубу.

татарских и реч: «Считаитеся, братиѣ, колких оу нас воевод нѣтъ и колких молодых людеи». Говорит Михаило Олександрович, московскои боꙗрин: Нѣт, гдрь, оу нас м боꙗринов московских, да л боꙗринов серпоховских, да л панов литовских, да кв боꙗринов переславских, да к боꙗринов костромских, да л боꙗринов володимерских, да н боꙗринов соуздалских, да м боꙗринов муромских, да лд боꙗринов ростовских, да кг боꙗринов дмитровских, да зз боꙗринов можаиских, да л боꙗринов звенигородцких, да еі [1]) боꙗринов оуглецких. А изгибло, гдрь, оу нас дроужины, посѣчено от безбожнаго цр̃я Момаѣ полтретиѣ ста тысяч, а осталос оу нас толко пятдесят тысяч (поганых же побита четыреста тысящь і лежаща трупия мертвых на четыредесять поприщь от обоих стран).

Кнꙗз же великіи Дмитреи Иванович, ста посреди их, плакас и радоуꙗся, гл̃ше: «Братиѣ моѣ милаѣ, кн̃зи роусские и боꙗре мѣстные, сн̃ве хр̃стьꙗнстии. Подобает вам тако слоужити, а мнѣ вас по достоꙗнію хвалити. Внегда оупасет мя Гъ, боуду на своем столѣ, на великом кн̃женіи, и то по достоꙗнію оучну вас жаловати. Нн̃ѣ ж кождо своѣ оуправите [2]), да похороним кождо ближнего своего, да не боудет во снѣд свѣрем хр̃стьꙗнскаѣ телеса». Кнꙗз же великіи стоѣ за Доном, дондеж разобраша хр̃стьꙗнскаѣ телеса с нечт̃ивыми, да не истребятся прѣдныѣ с нечт̃ивыми. Хрст̃ьꙗн бо похорониша, сколко оуспѣша, а нечт̃ивыѣ повержени быша звѣрем на снеденіе.

Кнꙗз же велики Дмитреи Иванович возратися оттудоу в богохранимыи град Москвоу, во свою от̃чну с побѣдою великою, одолѣв ратных, победив враги своѣ, и мнозіи вои его возратишася, ꙗко обретающе корысть многоу.

Поведаша ж великомоу кн̃зю Дмитрею Ивановичю, что кнꙗз Олегъ резански посылал Момаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переметал, а хто поѣдет з Донского побоища сквозѣ его от̃чноу рязанскую землю, и тѣх велѣл имати и

1) м̃. 2) Нн̃ѣ оуправите — *нѣтъ*.

грабити. Кнѧз же великіи Дмитреи Иванович хотѣ противу на кн҃зя Олга послати свою рат. И се внезапоу пріѣхаша к немоу бо҃яре рязанские и поведаша, что кнѧз Олегъ поверглъ свою землю резанскую, а сам побеже и со кн҃гнею и з детми и з бо҃ары, и молиша его много о сем, дабы на них рати не послал, а сами ему биша челом и оурядившеся оу него. Великіи ж кнѧз Дмитреи Иванович приим челобите их, рати на них не посла, а на резанском кн҃женіи посади намѣстники своѧ.

Тогда ж Момаи не во мнозе оубежа, и прибежа в землю свою не во мнозе дроужине, видя себя побежена и посрамлена и пороуганна. И паки гнѣвашеся и ѧряся зело и собраша остаточноую свою силу, еще восхотѣ изгоном итти на Роус. И сице емоу оумыслившу, и се пр҃іиде к нему вѣсть, что идет на него нѣкіи цр҃ь со востока, имянем Тактамыш из Синие орды. Мамаи ж оуготова на҃ рат и с тою ратю готовою поиде противоу ему[1]). И стретошас на Калках, и бы҃ им бои, и цр҃ь Такътамыш победи Момаѧ и прогна его. Мамаевы ж кнзи, сшедше с коней своих и биша челом цр҃ю Тактамышу, и даша ему пр҃вдоу по своеи вѣре и ѧшася за него, а Мамаѧ оставиша пороуганна. Мамаи ж то видѣв и скоро побежа с своими единомысленники. Цр҃ь же Тактамыш посла за ним в погоню воѧ своѧ. Момаи ж побеже перед тактамышевыми гонители. И прибеж близ города Каѳы и сослася с ними по докончанію и по опасоу, дабы его приняли на избавленіе, дондеж избоудет от всѣх гонящих его. И повелѣша ему. И прибеже Момаи въ Каѳоу со множеством имѣніа, злата и сребра. Каѳинцы ж свещашася и сотвориша над ним облесть. И тоу от них оубиен бы҃. И тако конец безбожномоу Момаю.

А сам цр҃ь, шед, взя орду момаевоу и[2]) цр҃ци его и казны его, и оулусы всѣ поима, и бо҃гатество момаево раздели дроужине своеи, и отпоусти послы на Роус к великому кн҃зю Дмитрею Ивановичю и ко всѣм кн҃зем роусским, поведа им свои приход,

1) его. 2) *въ ркп.* «и» *дважды.*

как сѣл на цр҃ствѣ и победил спорника своего и их врага Момая, а сам седе в Волжьском цр҃ствѣ. Кн҃зи ж роусскиа посла его отпустища с честию и з дары, а сами на весноу ту за ними послаша в Ордоу ко цр҃ю коиждо своих киличѣев со многими дары.

Сказаніе.

III-я редакція.

(Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого III, 32, XVI в.).

Начало повѣсти, како дарова Бг̃ъ побѣду гд̃рю великому кн̃зю Дмитрею Ивановичу за Даномъ над поганым Мамаем и молением прч̃тыа Бц̃а и русьскых чюдотворцевъ православное хр̃стіанство русскую землю Бг̃ъ възвыси, а безбожных агарянъ посрами.

Хощу вамъ, братие, брань повѣдати новыа побѣды, како случися брань на Дону великому кн̃зю Димитрію Ивановичю и всѣм православным хр̃стіаном с поганым Мамаемъ и з безбожными агаряны, и възвыси Бг̃ъ род хр̃стіанскый, а поганых оуничижи и посрами их суровство, ꙗко ж въ прежняꙗ врѣмена Гедеону над мадіамы и преславному Моусію над Ѳараоном. Подобаеть намь повѣдати величество и мілость божію, како сътвори Гс̃ волю боꙗщихся его, како пособьствова Гс̃ великому кн̃зю Дмитрію Ивановичю и брату его кн̃зю Владимеру Андрѣевичю над безбожными половци и агаряны.

Попущением бж̃им̃ъ за грѣхы наша, от навожденіа діаволя, въздвижес кнꙗз от въсточныа страны, имянем Мамай, еллінъ сый вѣрою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый хр̃стьанскыи укоритель. И начатъ подстрѣкати его діаволъ, и вниде вь сердце его напасть роду хр̃стіанскому, и наоусти его, како разорити православную вѣру и оскв̃рънити ст̃ыꙗ цр̃кви и всему хр̃стіанству

хощеть покорену от него быти, ꙗко бы ся не славило гн҃е имя в людех его. Гъ҃ же нашь Бг҃ъ, цр҃ь и творецъ всеа твари елико хощеть, тъ и творить. Онъ же безбожный Мамаи начатъ хвалитися и поревновавъ второму Иоуліану отступніку, цр҃ю Батыю и нача спрашывати старых татаръ, како цр҃ь Батый плѣнилъ русскую землю. И начаша ему сказывати старые татарове, како плѣнилъ русскую землю цр҃ь Батый, какъ взялъ Киевъ и Владимерь и всю Русь, Словенскую землю и великого кн҃зя Юрья Дмитреевичя убилъ и многых православных кн҃зей избилъ и ст҃ыа цр҃кви оскьверни и многы манастыри и села пожже, и в Володимерѣ вселенскую цр҃квь златаверхую разграбилъ. Ослѣплену же ему оумомъ, того бо не разумѣ, како Гу҃ годе, тако и будеть. Ꙗко ж въ оны дни Іер҃имъ плѣненъ бысть Титомь римскым и Навходнасором цр҃мъ вавилонскым за ихъ съгрѣшеніа и маловѣрие. Нъ не до конца прогнѣвается Гъ҃, ни въ вѣкы враждоуетъ.

Слышавъ ж безбожныи Мамай от своих старых татаръ и нача подвиженъ быти и діаволомъ палим непрестанно, ратуа на хр҃стіанство. И бѣ в себѣ нача гл҃ати къ своим еулпатом и ꙗсаулом и кн҃зем и воеводам и всѣм татаром: ꙗко азъ не хощу тако сътворити, ꙗко ж Батый. Нъ егда доиду Руси и убию кн҃зя их, и которые грады красные довлѣють нам, и ту сядем и Русью владѣем, тихо и безмятежно пожывемъ. А не вѣдый того оканный, ꙗко гн҃я рука высока есть. И по малех днех перевезеся великую реку Волгу съ всѣми силами. И ины же многы орды къ своему великому въинству съвокупи и гл҃а имъ: поидем на русскую землю и обогатѣемъ русским златом. Поиде ж безбожный на Русь, акы левъ ревый, ыхаа, акы неутолимая ехыдна, гнѣвом дыша. И доиде же до усть рѣкы Вороножа и распусти всю силу свою и заповѣда всѣм татаром своимъ: ꙗко да не пашете ни єдінъ васъ хлѣба, будите готовы на русскыа хлѣбы.

Слышавъ ж то кнꙗзь Олегъ резанскый, ꙗко Мамай кочюеть на Вороножѣ, а хощеть ити на Русь, на великого князя Дмитріа Ивановича московскаго. Скудость ж бысть оума въ главѣ его,

посла сна своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своа к нему сице: Въсточному великому и полному црмъ црю Мамаю радоватися. Твой посаженикъ и присяжникъ Олегъ, кнзь резанскый много тя молить. Слышах, гне, ѣко хощеши итти на русскую землю, на своего служебника кнзя Дімитріа Ивановича московъскаго, огрозитися ему хощеши. Нн же, гне всесвѣтлый црю, приспѣ твое врѣмя, злата и сребра и богатьства много наплънiся земля московскаа и всякого узорочіа твоему црству на потребу. А кнзь Дмитрей московской члкъ хрстіанъ, егда услышить имя ѣрости твоеа, то отбѣжить в далніа отокы своа любовно, въ город великый или на Бело озеро илі на Двину, а многое богатьство московское и злато все въ твоих руках будеть и твоему въиску в потребу. Меня ж, раба твоего Олга резанскаго, дръжава твоа пощадить, црю. Аз бо ти велми устрашаю Рус и кнзя Дмитріа. И еще молим тя, црю, оба раби твои — Олегъ резанскый и Ольгордъ литовскый обиду пріахом велику от того великого кнзя Дмитріа Ивановичя, и гдѣ будеть о своей обидѣ — твоимъ имянем прьскым погрозим ему, онъ ж о том не радить. И еще, гне црю, град мой Коломну за себя заграбилъ. И о томъ о всем, црю, жалобу творимъ тебѣ.

А другаго ж посла скоро своего вѣстніка кнзь Олегъ резанскыи с своимъ написаниемъ. Написаніе ж таково в грамотах: К великому кнзю Олгорду литовьскому радоватися великою радостию. Вѣдомо бо, ѣко издавна еси мыслилъ на великого кнзя Дмитріа Ивановичя московскаго, чтобы его згоніти с Москвы, а самому владѣти Москвою. Нн же, княж, приспѣ врѣмя наше, ѣко великый прь Мамай грядеть на него и на землю его. Нн же, кнже, мы оба приложимся къ црю Мамаю, вѣм бо, ѣко прь дасть тебѣ град Москву, да и иные грады, которые от твоего кнженіа, а мнѣ дасть град Коломну, да Владимерь, да Муромъ, иже от моего кнженіа близъ стоѣть. Азъ ж послах своего посла къ црю Мамаю с великою честью и съ многыми дары. Еще ж и ты пошли своего посла и каковы имаши дары — и ты пошли

к нему, и грамоты свои списавъ, еліко самъ вѣси, паче мене разумѣеши.

Кнзь же Олгордъ литовскый, слышавъ то, велми рад бысть, за велику похвалу другу своему кнзю Олгу резанскому. И посылаеть скоро посла къ црю Мамаю с великыми дары и съ многою тѣшью црьскою. А пишеть свои грамоты сице: Въсточному великому црю Мамаю князь Олгордъ литовскыи присяжникъ твой много тя молить. Слышах, гне, ако хощеші казнити свой оулусъ, своего служебніка, московскаго князя Дмитріа. И того ради молю тя, волный црю, рабъ твой, ако велику обиду творить кнзь Дмитрей московской оулуснику твоему кнзю Ольгу резанскому, да и мнѣ також велику пакость дѣеть, гне црю волный Мамаю. Да пріидеть дръжава твоего црства нне до наших мѣстъ, да внидеть, црю, твое смотреніе нашеа грубости от московскаго кнзя Дмитріа Ивановичя.

Помышляше ж в себѣ глющи Олегъ резанскый и Волгордъ литовскый, ако егда оуслышить кнзь Дмітрей првъ приход и ярость его и нашу присягу к нему, тъ отбѣжыть с Москвы в великый Новъград или на Бѣло озеро или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда ж црь пріидеть, и мы его з болшими дары срящем и с великою честію и умолимъ его, и възвратится црь въ свои орды, а мы кнженіе московское првым велѣніемъ раздѣлим себѣ, ово к Вилнѣ, ово к Резани, и имать нам дати црь Мамай ярлыкы своа и родомъ нашим по насъ. Не вѣдаху бо, что помышляюще и что се глюще, акы несмыслени младые дѣти, невѣдяще бжіа силы и влдчня смотреніа. По истіннѣ бо рече: аще кто к Бгу вѣру з добрыми дѣлы и правду въ срдци дръжыт и на Бга оупованіе възлагаеть, и того члка Гь не дасть в поношеніе врагом быти и в посмѣх. А о гдрь кнзь великій Дмитреи Ивановичь смиренъ члкъ, и образъ нося смиреномдрия, нбсных желаа и чаа от Бга будущих вѣчных блгъ. Не вѣдый того, что на него съвѣщевають золъ съвѣтъ ближніи его друзи. О таковых бо пророкъ рече: не сътвори ближнему своему зла и не рой, ни копай врагу своему

ѣмы, на Бг̑а творца въскладай. Гь̑ Бг̑ъ можеть живити и мр̑твити.

Пріидоша ж послы къ пр̑ю Мамаю от Волгорда литовскаго и от Олга резанскаго и пр̑несоша ему многыа дары и написаныа книгы. Цр̑ь же, приатъ дары с любовію и кнігы и розслушавъ въ грамотах и пословъ чествовавъ, отпусті и написа отписаніе сицева: Волгорду литовскому и Ольгу резанскому. На дарѣх вашіх и за хвалу вашу, что приписаастеся ко мнѣ, елико хощете от мене вотчіны русскые, тѣмъ отдарю вас. А вы ко мнѣ присягу имѣйте и срѣтите мене, елико гдѣ оуспѣете и одолѣите своего недруга. Мнѣ оубо ваша помощь не добрѣ оудобна, ѣ аще бых азъ н̑нѣ хотѣлъ своєю силою велікою и азъ бы древній Іерс̑лмъ плѣнилъ, ѣко ж и халдѣи. Нъ н̑нѣ чс̑ти вашеи хощу, моимъ имянем цр̑ьскым и грозою, а вашею присягою и рукою вашею распуженъ будеть княз Дмитрей московскый, и огрозится имя ваше въ странах вашіх моею грозою. Мнѣ оубо пр̑ю достоить побѣдити пр̑я, подобна себѣ, то мнѣ подобаеть и довлѣеть цр̑ьскаа чесьть получити. А вы н̑нѣ поидите от меня и рците к̑нземъ своим гл̑ы моя.

Послы ж възъвратившеся от пр̑я къ своим к̑земъ и сказаша имъ, ѣко цр̑ь Мамай здравить и велми вамъ за хвалу вашу великую добръ гл̑ъ гл̑ть. Они ж скудни оумом възрадовашас о суетнѣм привѣтѣ безбожнаго пр̑я, а не вѣдуще того, ѣко Бг̑ъ даеть власть, ему ж хощеть. Н̑нѣ же єдіна вѣра, єдіно кр̑щеніе, а къ безбожному пріложишас̑, вкупѣ гоніти православную вѣру х̑сву. О таковых бо патерикъ рече: поистінѣ сами отсѣкошяс своеа добрыа масличны и присадишяс к дивіи масличнѣ. К̑нзь ж Олегъ резанскыи начатъ поспѣшывати, слати к Мамаеви послы и рече: Подвизайся, пр̑ю, скорѣе к Руси. — Гл̑ет бо прем̑дрость: путь нечс̑твых не спѣшится, нъ събирают себѣ досаженіа и поносъ. Н̑нѣ же сего Олга оканнаго новаго Ст̑оплъка нареку.

Слышавъ ж то к̑нзь великій Дмитрей Ивановичь, ѣко грядеть на него безбожныи цр̑ь Мамай съ многыми ордами и съ всѣми силами, неуклонно ѣряся на хр̑стіанство и на х̑сву вѣру и ревнуя

безглавному Батыю, кн҃зь ж великій Дмитріи Ивановичь велми опечалися о безбожных нахожденіи. И ставъ пред ст҃ою иконою гн҃я образа, ꙗже въ зглавіи его стоꙗще и, пад на колѣну свою, нача молитися и реч҃: Ги҃, азъ грѣшный смѣю лі молитися тебѣ, смиреный рабъ твой, то к кому простру оуныніе мое, нъ на тебя надѣюся, Ги҃, и възвергу печаль мою. И ты, Ги҃ цр҃ю Вл҃дко свѣтодателю, не сътвори нам, Ги҃, ꙗко ж оц҃мъ нашимъ, иже наведе на них и на грады их злаго Батыа, и еще бо, Ги҃, тому страху и трепету в нас суще велику. И нн҃ѣ, Ги҃ цр҃ю Владыко, не до конца прогнѣвайся на нас, вѣм бо, Ги҃, ꙗко мене ради грѣшнаго хощеши всю землю нашу погубити. Аз бо съгрѣших пред тобою паче всѣх чл҃къ, сътвори ми, Ги҃, слез моих ради, ꙗко Иезекию, и укроти, Ги҃, ср҃дце свирѣпому сему звѣрю.—Въсклонся и реч҃: На Га҃ оуповах и не изнемогу. И посла по брата своего по кн҃зя Владимера Андрѣевіча в Боровескъ и по всѣ князи русские скорые гонци розославъ и по вся воеводы мѣстныа и по дѣти боꙗрскые и по всѣ служылые люди. И повелѣ имъ скоро быти оу себя на Москвѣ.

Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевичь пріиде вборзѣ к Москвѣ и вси кн҃зи и воеводы. Кн҃зь же великій Дмитрей Ивановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевичя, пріиде къ пресщ҃нному митрополиту Кѵпріану и рече ему: Вѣси ли, оч҃е нашь, нн҃ѣ настоащую сію бѣду великую, ꙗко безбожныи цр҃ь Мамай грядеть на нас, неуклонным образом ꙗрость нося.— Митрополитъ ж рече великому кн҃зю: Повѣжь ми, гн҃е, чимъ еси пред нимъ не исправилъся.—Кн҃зь ж великый реч҃: Испытахомся, оч҃е, повелику, ꙗко все по оц҃ь наших преданію, еще ж нъипаче въздахом ему.—Митрополитъ ж рече: Видиши ли, гн҃е, попущениемъ бж҃іимъ, наших ради съгрѣшеніи идеть плѣніти землю нашу, нъ вамъ под҃баеть князем православным тѣх нечс҃твых дарми оутолити четверицею сугубь. Аще того ради не смѣрится, ино Гь҃ его смирить, того ради Гь҃ гръдым противится, а смиренным бл҃гдть дает. Тако ж случися иногда велікому Василію в Кесаріи: егда злый отступнікъ Иоуліанъ, идый в Пръсы

и хотѣ разорити град его Кесарію, Василій же великій помолися съ всѣми хрстіаны Гу̃ Бг̃у и събра много злата и посла к нему, дабы его пресъступніка утолити. Онъ ж оканный паче възмарися, и Гъ̃ посла на него въина своего Меркуріа погубити его, и невидимо пронзенъ бысть в ср̃дце нечс̃твый, жывотъ свой злѣ сконча. Ты ж, гн̃е, възми злато, елико имаши и пошли противу его и паче исправися пред німъ.

Кн̃зь великій Дмитрей Ивановичь избраннаго своего юношу, доволна суща разумом и смыслом, имянем Захарію Тутьшова и дасть ему два толмача, оумѣюща ꙗзыкъ половетцьскый, и посылаеть с ним много злата к нечс̃тивому цр̃ю Мамаю. Захаріа же дойде земли Резанской и слышавъ, ꙗко Олегъ резаньскый и Волгордъ литовскый приложылися погаиому цр̃ю Мамаю, пославъ скоро вѣстніка тайно к великому кн̃зю.

Княз же великій Дмитрей Ивановичь, слышавъ ту вѣсть, нача срдц̃мъ болѣти и наплъніся ꙗрости и горести, и нача мл̃итися: Гн̃ Бже мой, на тя надѣюся, правду любящаго. Аще ми врагъ пакости дѣеть, то подобаеть ми тръпѣти, ꙗко искони есть ненавистнікъ и врагъ роду хр̃стіанскому. Сие мои друзи искрьніи тако умыслиша на мя. Суди, Гн̃, между ими и мною, аз бо имъ ні єдіного зла не сътворих, развѣ даровъ и чьсти от них приимах, а имъ протіву також даровах. Нъ суди, Гн̃, по правдѣ моей, да скончается злоба грѣшных.

И поимъ брата своего кн̃зя Владимера Андрѣевіча и поиде второе къ прес̃щенному митрополиту и повѣдаа ему, како Волгордъ литовскыи и Олегъ резанскый съвокупиліся с Мамаем на ны. Прес̃щнный митрополитъ реч̃: Самъ пакы, гн̃е, кою обиду сътворъ еси има. — Княз же великій прослезися и реч̃: Аще есми пред Бг̃омъ грѣшенъ или чл̃кы, а пред німи есми ні единыа черты не преступих по оц̃ь своих закону. Вѣси бо, оч̃е, и самъ, ꙗко доволенъ есьми своими отокы, а имъ никою обиду не сътворих и не вѣм, что ради умножышяс̃ на мя стужающеи ми. — Прес̃щенный ж митрополитъ реч̃: Сн̃у мой, гн̃е кн̃зь великій, просвѣти си веселіемъ очи ср̃дца, законъ бж̃ій чтеши и твориши

правду, ꙗко праведенъ Гъ и правду възлюби. Нн҃ѣ же обыдоша тя, ꙗко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты ж имянем гн҃имъ противися имъ. Гъ правдивъ и будеть ти въ правду помощнікъ, а от всевидящего ока вл҃дчня гдѣ можеть избыти от крѣпкыа рукы его.

Кн҃зь ж великій Дмитрей Ивановичь з братом своимъ съ кн҃земъ Владимером Андрѣевічем и съ всѣми русскыми князи и воеводами здумаша, ꙗко сторожу тверду оуготовіті в Полѣ. И посла на сторожу изъбранных своих крѣпкых оружнікъ — Родиона Ржевъскаго, Аньдрѣа Волосатаго, Василіа Тупика, Ꙗкова Ослябятова и иных с німи крѣпкых юношъ. И повелѣ имъ на Тихой Соснѣ сторожу дѣати съ всякым оусердиемъ и под Орду ехати и ꙗзыкъ добыти, истину слышати пр҃ва хотѣніа.

А самъ кн҃зь великій по всей русской земли скорые гонци розославъ с своими грамотами по всѣм градомъ: да вси готови будете на мою службу, на брань з безбожными половци агаряны. Съвокуплени вси на Коломнѣ, на мясп҃устъ ст҃ыа Бц҃а.

И ти ж сторожы замедлиша в полѣ. Кн҃зь ж великій вторую сторожу посла — Клімента Поляніна, Ивана Ст҃ослава Свеславіна, Григоріа Судокова и иных с німи, заповѣда имъ въскорѣ възвратитися. Они ж стрѣтоша Василіа Тупика, ведеть ꙗзыкъ к великому кн҃зю, ꙗзыкъ ж пр҃ва двора, сановитых мужь. А повѣдаеть великому кн҃зю, что неуклонно Мамай грядеть на Рус и како обослаліся и съвокупилися с ним Олегъ резанскый и Волгордъ литовьскый. Не спѣшить бо пр҃ь того ради итти — осени ожыдаетъ. Слышавъ ж кн҃зь великій от ꙗзыка такову изложеную мысль и таково въстаніе безбожнаго пр҃я, нача утѣшятися о Бз҃ѣ и оукрѣпляше брата своего князя Владимера и вси кн҃зи русскіе и рече: Братіе кн҃зи русскіе, гнѣздо есмя кн҃зя Владимера Ст҃ославича киевъского, ему ж откры Гъ познати православную вѣру, ꙗкож оному Еоустаѳію Плакидѣ, иже просвѣти всю землю русскую ст҃ым крщ҃ѣніем, изведе нас от стр҃стей елліньскыхъ и заповѣда нам ту ж вѣру ст҃ую крѣпко дръжати и хранити и поборати по ней. Аще кто еа ради постражеть, то въ

оном вѣцѣ съ стѣми пръвомучившимися по вѣрѣ хсвѣ причтенъ будеть. Азъ ж, братіе, за вѣру хсву хощу пострадати даже и до смрти. — Они ж ему рѣша всі купно, аки единѣми оусты: Въистінну еси, гдрь, съвръшілъ законъ бжій и исплънілъ еси еуаньскую заповѣдь, рече бо Гь: аще кто постражеть, имени моего ради, то въ будущій вѣкъ сторицею въсприиметь жывотъ вѣчныи. И мы, гдрь, днсь готови есмя умрети с тобою и главы своа положыти за стую вѣру хрстіанскую и за твою великую обиду.

Кнзь ж великій Дмитрей Ивановичь, слышавъ то от брата своего кнзя Владимера Андрѣевича и от всѣх кнзей русскых, ꙗко дрзають по вѣрѣ побораті, и повелѣ всему въинству своему быти на Коломнѣ на Оусспеніе стыа Бца: ꙗко да переберу плъкы и коемуждо плъку въеводу оучиню. И все множство людей, ꙗко едіными оусты рѣша: Дай же нам, Ги, течение се съвръшити, имени твоего ради стго.

И пріидоша к нему кнзи Бѣлоозерскыа, подобни суще к боеви и велми оучрежено въинство их: кнзь Ѳеодоръ Семеновичь, кнзь Семенъ Михайловичь, князь Андрѣй Кѣмъскый, кнзь Глѣбъ Каргополской, и Андомскыа кнзи, пріидоша ж Ꙗрославскыа кнзи с своими силами: кнзь Андрѣй Ꙗрославскый, княз Романъ Прозоровскый, кнзь Левъ Курбьскый, кнзь Дмитрей Ростовскый, иныа оубо многые кнзи.

Тоу же, братие, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнем градѣ Москвѣ, то идеть сілнаа рать великого кнзя Дмитрея Ивановича, а гремять русскіе снве своими злачеными доспѣхы.

Кнзь ж великій Дмитрей Ивановичь, поимъ с собою брата своего кнзя Владимера Андрѣевича и вся кнзи русские, и поеде к жывоначалной Троици на поклонъ къ оцу своему прпдбному старцу Сергію блсвеніа получити от стыа тоа обители. И моли его прпдбный игуменъ Сергій, дабы слушалъ стую лтургію, бѣ бо тогда днь въскрсный и память стых мчнкъ Флора и Лавра. По отпусте ж литургіи, моли его стыи Сергій съ всею братьею

вел҃кого кн҃зя, дабы вкусилъ хлѣба в дому жывоначалныа Тро҃ца, въ обители его. Великому ж кн҃зю нужно есть, ꙗко пріидоша к нему вѣстніци, ꙗко оуже приближаются поганіи половци, моляше пр҃пдбнаго, дабы его отпустилъ. И реч҃ ему пр҃пдбный старець: Се ти замедленіе сугубо ти поспѣшение будеть. Не оуже бо ти, гн҃е, еще вѣнецъ сіа побѣды носити, нъ по минувших лѣтех, а иным оубо многым нн҃ѣ вѣнци плетутся.—Кн҃зь ж великій вкуси хлѣба ихъ, игуменъ ж Сергій в то врѣмя повелѣ воду осс҃щати с мощей ст҃ых мч҃нкъ Флора и Лавра. Кн҃зь ж великій скоро от трапезы въстаеть, пр҃пдбный же Сергій окропи его сщ҃нною водою и все хр҃столюбивое его въинство и дасть велікому кн҃зю кр҃стъ хс҃въ—знаменіе на челѣ. И рече: Поиди, гн҃е, на поганыа половци, призываꙗ Бг҃а, и Гь҃ Бг҃ъ будеть ти помощнікъ и заступнікъ.—И рече ему тайно: Имаши, гн҃е, побѣдити супостаты своя, елико довлѣеть твоему гд҃рьству.—Князь ж велікій реч҃: Дай ми, оч҃е, два въина от своего плъку—Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябу, тъ ты и самъ с намі пособьствуеши. Старецъ же пр҃пдбныи повелѣ има скоро уготовитися с великим кн҃змъ, бѣ бо вѣдоми суть ратніци въ бранѣх, не едіному сту наездніци. Они ж скоро послушаніе сътвориша пр҃пдбному старцу и не отвръгошас повелѣніа его. И дасть имъ в тлѣнных мѣсто оружие нетлѣнное—кр҃стъ хс҃въ, нашытъ на скымах, и повелѣ им вмѣсто в шоломовъ золоченых възлагати на себя. И дасть их в руцѣ великому кн҃зю и реч҃: Се ти мои оружніци, а твои изволніци.—И реч҃ имъ: Миръ вам, братие моя, крѣпко постражите, ꙗко добріи въині по вѣрѣ хс҃вѣ и по всем православном хр҃стіанствѣ с погаными половци.—И дасть хс҃во знаменіе всему въинству великаго кн҃зя—миръ и бл҃свеніе.

Кн҃зь ж великій обвеселися ср҃дцемъ и не повѣдаеть никому ж, еже реч҃ ему пр҃пдбный Сергій. И поиде къ славному своему граду Москвѣ, радуася, аки съкровище некрадомо обрѣте—бл҃свеніе ст҃аго старца. И приѣхавъ на Москву, поиде з братом своим съ княземъ Владимеромъ Андрѣевичемь къ прес҃щенному митрополиту Кѵпріану и повѣдаеть едіному митро-

политу, еже реч҃ ему старецъ с҃тый Сергій тайно и како бл҃свеніе дасть ему и всему его православному въйску. Архъеп҃скпъ повелѣ сія словеса храніти, не повѣдати никому же.

Приспѣвшу ж дні четвертку августа к҃з, на память с҃т҃го оц҃а Пѵ҃міна Отходника, в той дн҃ь въсхотѣ кн҃зь великій изыти противу безбожных татаръ. И поимъ с собою брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевича и ста в цр҃кви с҃тыа Бц҃а пред образом г҃нимъ, пригнувъ руцѣ к персем своим, источнікъ слезъ проливающи, моляся и рече: Г҃и Б҃же нашъ, Вл҃дко страшный, крѣпкый, въистінну ты еси ц҃рь славы, помилуй нас грѣшных, егда оунываем, к тебѣ едіному прибѣгаемъ, нашему сп҃сителю и бл҃годателю, твоею бо рукою създани есмы. Но вѣм, Г҃и, ѩко съгрѣшенія моя превзыдоша главу мою, и нн҃ѣ не остави нас грѣшных, ни отступи от нас. Суди, Г҃и, обидящим мя и възбрани борющимся съ мною, пріими, Г҃и, оружие и щитъ и стани в помощь мнѣ. Дай же ми, Г҃и, побѣду на противныа врагы, да и ти познають славу твою.—И пакы приступи къ чюдтворному образу г҃жы Цр҃ци, юже Лука ев҃аглистъ, жывъ сый, написа, и реч҃: О чюдотворнаа г҃же Ц҃р҃це, всеа твари чл҃ческаѧ заступніца, тобою бо познахом истиннаго Б҃га нашего, въплощьшагося и рождьшагося от тебе. Не дай же, г҃же, в разореніе градовъ наших поганым половцем, да не оскьвернять с҃тых твоих цр҃квей и вѣры хр҃стіанскыа. Оумоли, г҃же Ц҃р҃це, С҃на своего Х҃а Б҃га н҃шего, тъи смирить ср҃дце врагомъ нашим, да не будеть рука высока. И ты, г҃же пр҃стаа Б҃ц҃е, пошли нам свою помощь и нетлѣнною своею ризою покрый насъ, да не страшливи будем к ранамъ, на тя бо надѣемся, ѩко твои есмя раби. Вѣм бо, г҃же, аще хощеши и можеши нам помощі на противныа сіа врагы поганыа половци, иже не призывають твоего имени, мы ж, г҃же пр҃стаа Б҃ц҃е, на тебя надѣемся и на твою помощь. Нн҃ѣ подвизаемся противу безбожных печенѣгъ, поганых татаръ, да оумоленъ будеть тобою С҃нъ твой Б҃гъ нашъ.—И пакы пріиде къ гробу бл҃женнаго чюдотворца Петра митрополіта, любезно к нему припадаа и реч҃: О чюдотворный с҃тлю Петре, по мл҃сти б҃жіи непре-

станно чюдодѣйствуеши. И нн҃ѣ приспѣ ти врѣмя за ны молітис къ общему вл҃дцѣ всѣх, Цр҃ю мл҃стивому Сп҃су. Нн҃ѣ оубо на мя оплъчишас супостаті поганіи и на град твой Москву крѣпко въоружаются. Тебе бо Гъ҃ прослави послѣднему роду нашему и вжеглъ тебе намъ свѣтлую свѣщу и посъстави на свѣщницѣ высоцѣ свѣтити всей земли русской. И тебѣ нн҃ѣ подобаеть о нас грѣшныхъ молитися, да не пріидеть на нас рука см҃ртнаа, и рука грѣшніча да не погубіть нас. Ты бо еси стражь нашь крѣпкый и от супротивных нападеніи, ꙗко твоа есмы паствіна. И скончавъ мл҃тву, поклонися прес҃щнному митрополиту Кипріану. Архіепс҃кпъ бл҃сви его и отпусти поити противу поганых татаръ и дасть ему хс҃во знаменіе — кр҃стъ на челѣ и посла бг҃осщ҃енный съборъ свой съ кр҃сты и съ ст҃ыми иконами и съ сщ҃нною водою въ Ѳроловъскыа врата и в Никольскые и в Констяньтиноеленскыа, да всякъ въинъ бл҃свенъ изыдеть и сщ҃нною водою кропленъ. Кн҃зь ж великій Дмитрей Ивановичь з братом своим съ кн҃змъ Владимером Андрѣевичем поиде въ цр҃квь нб҃снаго въеводы архистратига Михаила и бьеть челом ст҃му образу его. И потом пріступи къ гробом православных кн҃зей прародителей своих и тако слезно рекуще: Истинніи хранители, русскыа кн҃зи, православныа выры хр҃стіанскыа поборьніци, родителие наши. Аще имате дръзновение оу Ха҃, то нн҃ѣ помолитеся о нашем оуныніи, ꙗко велико въстание нн҃ѣ приключися нам, чадом вашим. И нн҃ѣ подвизайтеся с нами. — И се рекъ, изыде исъ цр҃кви.

Кн҃гни же великаꙗ Еовдокѣя и кн҃гни Владимерова Мр҃іа и иных православъных кн҃зей кн҃гни и многыа жены воеводскыа и боꙗрыні московьскыа и служніа жены ту стоꙗще, проводы дѣющи, въ слезах и въсклицаніи ср҃дчнем не могуще ни слова изрещи, отдающе послѣднее цѣлование. И прочаа кн҃гни и боꙗрыни и служніе жены тако же отдаша своим мужем конечное цѣлованіе и възвратішас҃ с великою кн҃гнею. Кн҃зь ж великій самъ мало ся удръжа от слезъ, не дав ся прослезити, народа ради. А ср҃дцемъ своимъ велми слезяше и оутѣшаа свою кн҃гню. И рец҃: Жено, аще Бг҃ъ по нас, то кто на ны.

И взыде на избранный свой конь, и вси кн҃зи и воеводы всѣдоша на коня своа.

Сл҃нце ему на въстоцѣ ꙗсно сиаеть, путь ему повѣдаеть. Оуже бо тогда, аки соколи оурвашас҃ от златых колодиць, ис камена града Москвы и възлѣтѣша под сіниа нб҃са и възгремѣша своими златыми колоколы и хотять оударитися на многыа стада лебедины и гусіны. То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали русскыа оудалци съ своимъ гд҃ремъ с великимъ кн҃змъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на велікую силу татарскую.

Кн҃зи ж Бѣлоозерьскые особь своим плъком выѣхали. Оурядно убо видѣті въйско их. Кн҃зь же великій отпусти брата своего кн҃зя Владимера на Брашеву дорогою, а Бѣлозерьскые кн҃зи Болвановъскою дорогою, а самъ кн҃зь великій пойде на Котелъ дорогою.

Напреди же ему сл҃нце добрѣ сиаеть, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣеть.

Того бо ради разлучися кн҃зь великій з братом своим, ꙗко не вмѣститися имъ єдіною дорогою.

Кн҃гні ж великаа Еовдокіа с своею снохою, кн҃гнею Володимеровою Мр҃иею и с воеводскыми женами и з бояры взыде въ златоверхый свой теремъ в набережный и сяде на урундуцѣ под стеколчяты окны. Оуже бо конечьное зрѣніе зрить на велікого кн҃зя, слезы льющи, аки рѣчьную быстріну. С великою печалію приложывъ руцѣ свои къ персем своим и реч҃: Г҃и Б҃же мой, вышній Творецъ, призри на мое смиреніе, сподоби мя, Г҃и, еще видѣти моего гд҃ря, славнаго въ чл҃цѣх великого кн҃зя Дмитріа Ивановичя. Дай же ему, Г҃и, помощь от своеа крѣпкыя рукы побѣдити противныа ему поганыа половци. И не сътвори, Г҃и, ꙗко ж преж сего за мало лѣтъ велика брань была русскым кн҃земъ на Калках с погаными половци съ агаряны. И нн҃ѣ избави, Г҃и, от такіа бѣды и сп҃си ихъ и помилуй. Не дай же, Г҃и, погыбнути оставъшему хр҃стіанству, да славится имя твое ст҃ое в русьстѣй земли. От тоа бо галадцкыа бѣды и великого побоища

татарскаго и нн҃ѣ еще русскаа земля оупыла и не имать оуже надежи ні на кого, токмо на тебя, всемл҃тіваго Бг҃а, можеши бо жывити и мр҃твити. Аз бо, грѣшная, имѣю нн҃ѣ двѣ отрасли, еще млады суще, кн҃зи Василіа и кн҃зя Юріа. Егда поразить их ѡсное сл҃нце съ юга или вѣтръ повѣеть противу запада, обоего не могуть еще тръпѣти. Азъ ж тогда, грѣшнаа, что сътворю. Нъ възврати имъ, Г҃и, оц҃а ихъ, великого кн҃зя, поздорову, тъ и земля их спсется, а оні въ вѣкы цр҃ствують.

Кн҃зъ ж великій поиде, поимъ с собою мужей нарочитых, московскых гостей Сурожанъ, десяти чл҃къ, видѣніа ради: аще что Бг҃ъ ему случить, и оні имуть повѣдати в далних землях, ѡко гости хозяеве быша: а҃—Василіа Капицу, в҃—Сидора Олѳерьева, г҃—Констянтіна Петунова, д҃—Козму Коврю, е҃—Семена Оптонова, ѕ҃—Міхаила Саларева, з҃—Тимоѳѣя Весякова, и҃—Димитріа Чернаго, ѳ—Дементіа Саларева, і҃—Ивана Шиха.

И подвигошяс҃ кн҃зь великій Дмитрій Иванович по велицѣй шыроцѣ дорозѣ, а по немъ грядуть русскіе сн҃ве успѣшно, ѡко медвяныа чяши пити и сьтебліа виннаго ѡсти, хотять себѣ чьсти добыті и славнаго имени.

Оуже бо, братіе, стукъ стучить и громъ гремить по ранней зорѣ, кн҃зь Владимеръ Андрѣевичь Москву рѣку перевозится на красном перевозѣ в Боровъсцѣ.

Кн҃зь ж великій пріиде па Коломну в суботу, на память ст҃го оц҃а Моѵсіа Мѵриіа. Ту ж быша мнози воеводы и ратніци и стрѣтоша его на рѣчке на Сѣверке. Архіепіскупъ ж Геронтей коломеньскыи срѣте великого кнзя въ вратѣх градных съ жывоносными кр҃сты и съ ст҃ыми иконами, съ всѣм съборомъ, и осѣни его жывоносным кр҃стмъ и мл҃тву сътвори: Спс҃и, Бж҃е, люди своя.

На оутрие же кн҃зь великій повелѣ выѣхати всѣм воемъ на поле к Дивичю.

Въ ст҃ую же недѣлю по заоутрении начаша многых трубъ ратных гл҃сы гласити, и арганы многы бити, и стязи ревуть наволочены оу саду Панфилова.

Сѝве же русскыа наступиша на великіа поля коломеньскыа, ꙗко немощно вмѣститися от великого вънинства, и невмѣстьно бѣ никому ж перезрѣти раті великого кн҃зя. Кн҃з же великій, выехавъ на высо мѣсто з братом своимъ съ кн҃змъ Владимеромъ Андрѣевичем, видяще множство много людій оурядных и възрадовашяс҃ и урядиша коемуждо плъку въеводу. Себѣ ж кн҃зь великій взя в полкъ Бѣлозерскые кн҃зи, а правую руку оуряди себѣ брата своего кн҃зя Владимера, дасть ему в полкъ Ꙗрославскые кн҃зи, а лѣвую руку себѣ сътвори кн҃зя Глѣба Бряньского; передовой же плъкъ — Дмитрей Всеволож, да братъ его Владимеръ Всеволожъ; с коломнічи — въевода Микула Васильевичь; владимерскыи ж воевода и юрьевскый — Тимоѳѣй Волуевичь; костромскый ж въевода — Иванъ Квашня Родивоновичь; переславскый ж въевода — Андрѣй Серкизовичь. А у кн҃зя Владимера Андрѣевичя воеводы: Данило Бѣлѣутъ, Констянтінъ Конановъ, кнꙋз Ѳеодоръ Елетьцскый, кн҃зь Юрьи Мещерскыи, кн҃зь Андрѣй Муромскый.

Кн҃зъ ж великій, урядивъ плъкы, и повелѣ имъ Оку рѣку возитис҃ и заповѣда коемуждо плъку и въеводамъ: да аще кто поидеть по резанской земли, то ж не коснися ни едіному власу. И вземъ бл҃свеніе кн҃зь велікій от архіепс҃па коломенскаго, и перевезеся рѣку Оку съ всѣми сплами. И отпусти в Поле третью сторожу, избранных своих витязей, ꙗко да купно видятся съ стражми татарьскыми в Полѣ: Семена Меліка, Игнатьа Креня, Ѳомоу Тыніну, Петра Горьскаго, Карпа Олексина, Петрушу Чюрикова и иных многых с ними вѣдомцовъ поляницъ.

Реч҃ же кн҃зь великій брату своему кн҃зю Владимеру: Поспѣшим, брате, противъ безбожных половцовъ, поганых татаръ и не оутолимъ лица своего от безстудіа ихъ. Аще, брате, и см҃рть нам приключится, то не проста, ни без ума нам сиꙗ см҃рть, нъ жывотъ вѣчный. — А самъ гд҃рь кн҃зь великій, путем ѣдучи, призываше сроднікы своа на помощь, ст҃хъ стр҃стотрѫпецъ Бориса и Глѣба.

Слышавъ ж то кн҃зь Олегъ резанскый, ꙗко кн҃зь велікіи съвъкупися съ многымі силами и грядеть въ стрѣтеніе безбожному цр҃ю Мамаю и наипаче ж въоруженъ твръдо своею вѣрою, еже къ Бг҃у вседръжителю, вышнему Творцу всю надежу възлагаа. И наблюстися Олегъ резаньскый и с мѣста на мѣсто преходити съ едіномысленіки своими и гл҃я: Аще бы нам мощно послати вѣсть къ многоразумному Волгорду литовьскому противу такова приключника, како иметь мысліти, но застали нам путь. Азъ чаꙗх по преднему, ꙗко не подобаеть русскым кн҃земъ противу въсточнаго цр҃я стоꙗти. И нн҃ѣ оубо, что разумѣю, откуду оубо ему помощь сіа пріиде, ꙗко противу трех нс҃ъ въоружися. — Гл҃аша ему боꙗре его: Намъ, кн҃же, повѣдали от Москвы за ѳ҃і дній, мы ж оустыдѣхомся тебѣ сказати, како ж в вотчінѣ его есть, близ Москвы жыветь, калугеръ, Сергіемъ зовуть, велми прозорливъ. Тъи паче въоружі его и от своих калугеръ далъ ему пособніки. — Слышавъ ж то княз Олегъ резанскый, начатъ боꙗтися и на боꙗре свои нача опалатися и ꙗритися: Почто ми не повѣдали преж сего, тъ азъ бых послалъ и оумолілъ нечт҃иваго цр҃я, да ничто ж бы зло сътворилося. Горе мнѣ, ꙗко изгубіх си оумъ, не азъ бо единъ оскудѣх оумом, нъ и паче мене разумнѣе Волгордъ литовскый. Нъ обаче онъ почитаеть законъ латыньскый Петра Гугниваго, азъ же, окаанный, разумѣх истінный законъ бж҃ій. Нъ что ради поплъзохся. И збудется на мнѣ реченное Гд҃мъ: аще рабъ, вѣдаа законъ гс҃а своего, преступить, бьенъ будеть много. Нн҃ѣ оубо, что сътворих: вѣдый законъ Бг҃а, сътворителя н҃бу и земли и всем твари, а приложихся нн҃ѣ къ нечестивому цр҃ю, хотящу попрати законъ бж҃ій. Нн҃ѣ оубо, которому моему худу разумѣнію вдах себе. Аще бы нн҃ѣ великому кн҃зю помоглъ, тъ отнудь не пріиметь мя, вѣсть бо измѣну мою. Аще л приложуся к нечестивому цр҃ю, тъ, поистиннѣ, ꙗко древній гонитель на хс҃ву вѣру, тъ пожреть мя земля жыва, аки Ст҃оплъка; не токмо кн҃женіа лишенъ буду, нъ и жывота гоньзну и преданъ буду въ гену огненую мучитися. Аще бо Гъ҃ по них, нікто ж на них. Еще ж мл҃тва выину о нем

прозорливаго оного мниха. Аще ли ні єдіному помощи не сътворю, тъ въ прокъ от обоих како могу прожыти. И нн̃ѣ азъ то мыслю: которому ихъ Гъ̃ поможеть, тому и азъ приложуся.

Кн̃зъ ж Волгордъ литовьскый, по предреченному съвѣту съвокупи Литвы много и Варягъ и Жемоті и поиде на помощь Мамаю. И пріиде къ граду Одоеву и слышав, ꙗко кн̃зь великій съвокупи многое множество въинства, всю Рус и словены и пошолъ к Дону противу цр̃я Мамаа, и слышавъ, ꙗко Олегъ оубоася, и пребыс̃ ту, оттоле неподвижым. И начя разумѣти суетныа свои помыслы, бѣ съвокупленіе свое съ Олгомъ резаньскым разномысляще, нача рватися и сердітися, гл̃я: Елико чл̃ку не достанеть своеа мудрости, тъ всуе чюжую мд̃рость требуеть. Николи же бо Литва от Резани учима была, нн̃ѣ же изведе мя ума Олегъ, а сам паче погыблъ. Нн̃ѣ же оубо пребуду здѣ, дондеже оуслышу московъскаго побѣду.

В то ж врѣмя слышавъ кн̃зь Андрѣй Полотскый и кн̃зь Дмитрей Брянскый Волгордовичи, ꙗко велика туга и попеченіе належить великому кн̃зю Дмітрію Ивановичу московьскому и всему православному хр̃стіанству от безбожнаго Мамаа. Бѣста бо тѣ кн̃зи оц̃мъ своим кн̃зем Волгордом ненавидими были, мачехи ради, нъ нн̃ѣ Бг̃омъ възлюбленыи бысть и с̃тое кр̃щеніе пріали. Бѣста бо, аки нѣкіа класы доброплодныа терніемъ подавляеми, живущи межу нечестіа, не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посылаеть кн̃зь Андрѣй къ брату своему кн̃зю Дмитрію тайно буквицу малу, в ней же писано бѣ: Вѣси, брате мой възлюбленный, ꙗко оц̃ъ нашъ отвръже нас от себе, нъ Гъ̃ Бг̃ъ, Оц̃ъ нб̃сный, паче възлюби насъ и просвѣти нас с̃тым кр̃щеніемъ и давъ нам законъ свои — ходити по нему и отрѣши нас от пустошнаго суетіа и от нечс̃таго сътвореніа брашенъ, мы ж нн̃ѣ, что о томъ Бг̃у въздадимъ. Нъ подвигнемся, брате, подвігом добрым подвижніку Хс̃у, началніку хр̃стіаньскому, поидемъ, брате, на помощъ великому кн̃зю Дмитрию московскому и всему православному хр̃стіанству. Велика бо̀ туга належыть им от поганых Измаилтянъ, нъ еще и оц̃ь нашь и Олегъ резанскый

приложылися безбожным, а гонять православную вѣру Хс҃ву, намъ, брате, подобаеть ст҃ое писаніе съвръшити, гл҃ющее: братіе въ бѣдах пособиви бывайте. Не сумняй же ся, брате, ꙗко оц҃у противитися нам, ꙗко ж еѵ҃аглистъ Лука реч҃ оусты Га҃ нш҃го Іа҃ Ха҃: предани будете родители и братіею и умрътвитес҃, имени моего ради; претръпѣвъ ж до конца, тъи сп҃сется. Излѣземъ, брате, от подавляющаго сего трьніа и присадимся истінному плодовитому хв҃у винограду, дѣлателному рукою хс҃вою. Нн҃ѣ оубо, брате, подвизаемся не земнаго ради жывота, нъ нб҃сныа почести желающе, юже Гь҃ даеть творящим волю его. — Прочетъ ж кн҃зь Дмитрей Вольгордовичь писаніе брата своего старійшаго, нача радоватися и плакати от радости, гл҃я: Влд҃ко Ги҃ чл҃колюбче, дай же рабом твоим хотѣние съвръшити симъ путем подвига сего добраго, ꙗко открылъ еси брату моему старѣйшему добраа. — И рече братню послу: Рци брату моему, кн҃зю Андрѣю, готовъ есьми дн҃сь по твоему наказанію, брате и гн҃е, колико есть въиска моего, то вси вкупѣ съ мною, бж҃іимъ бо промыслом съвъкуплени належащая ради брани от дунайскых татаръ. И нн҃ѣ рци брату моему: слышах оубо, ꙗко пріидоша ко мнѣ медокормци ис Сѣверы, а кажуть оуже великого кн҃зя Дмитріа на Дону, ту бо ждати хощеть злых сыроꙗдцевъ, и намъ подобаеть итти к Сѣверѣ и ту съвокупитися нам, предлежить бо нам путь на Сѣверу и тѣм путем оутаимъся оц҃а своего, да не възбранить нам студно. — По малехъ ж дн҃ех снидошася оба брата желанно съ всѣми силами в Сѣверѣ и, оувидѣвше, возрадовашяс҃, ꙗко ж иногда Иосиѳъ съ Веньꙗміном, видѣвши оу себе множство людей, оусердно бо и урядно нарочитіи ратніци. И приспѣша борзо на Донъ и наѣхаша великого кн҃зя Дмитреа Ивановичя московьскаго еще объ сю страну Дону, на мѣстѣ рекомое Березуй и ту съвокупишяс҃.

Кн҃зь же великій Дмитрей з братомъ своим Владимером възрадовастася радостію великою, ꙗко бо такова мл҃сть бжіа, ꙗко не оудобь бѣ мощно таковому быти, ꙗко дѣти оц҃а оставляють и поругашяс҃, ꙗко иногда вълсви Ироду, и пріидоша на помощь

нашу. И многыми дарми почтивъ их, и поехаша путем, радующес и веселящес о с҃тѣм Дс҃ѣ, земнаго уже всего отвръгшеся, чающе себѣ бесмр҃тнаго иного премѣненіа. Рече ж к ним кн҃зь великій: Братіа моа милаа, кіа раді потребы пріидосте сѣмо. — Они ж рекоша: Гь҃ Бг҃ъ посла нс҃ъ к тебѣ на твою помощь. — Княз же великій рече: Въистінну ревнители есте прао҃ца нш҃го Авраама, ꙗко тъи въскорѣ Лоту поможе, и еще есть ревнітели доблестному великому кн҃зю Ꙗрославу, ꙗко тъи отмсти кровь братьа своея.

И въскорѣ посла вѣсть кнꙗз великій к Москвѣ къ пресщ҃енному митрополиту Кѵпріану: ꙗко Волгордовичи князи пріидоша къ мнѣ съ многими силами, а оц҃а своего оставиша. Скоро ж вѣстникъ пріиде къ пресщ҃енному митрополиту. Архиеп҃спъ ж слышавъ и въставъ, помолися, гл҃я съ слезами: Гии Вл҃дко чл҃колюбче, ꙗко съпротивніи наши вѣтри на тихость прелагаеши. — И посла въ вся съборныа цр҃кви и въ обители, повелѣ сугубо мл҃тву творити дн҃ь и нощь къ вседръжителю Бг҃у. И посла въ обитель прп҃дбнаго игумена Сергіа, да негли их мл҃твъ послушаеть Бг҃ъ.

Кн҃гні же великаа Еовдокіа, слышавъ то великое бжіе мл҃срдие, и нача сугубы мл҃стыни творити и непрестанно нача ходити въ ст҃ую цр҃квь молитися дн҃ь и нощь.

Си ж пакы оставим, на пръвое възвратимся.

Великому же кн҃зю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом Березуе, ꙗко за двадесят и три поприща до Дону, приспѣ ж въ е҃ дн҃ь мс҃ца септевріа, на память ст҃го прор҃ка Захаріи, в тои ж дн҃ь оубиеніе сродніка его кн҃зя Глѣба Владимеровича, приѣхаша два от стражь его — Петръ Горьскый да Карпъ Олексінъ и приведоша ꙗзыкъ нарочитъ от сановитых цр҃ва двора. Тъи ꙗзыкъ повѣдаеть: оуже цр҃ь на Кузмінѣ гати стоить, нъ не спѣшить, ожыдаеть Волгорда літовскаго и Олга резаньскаго, а твоего цр҃ь събраніа не вѣсть, ни стрѣтеніа твоего не чаеть, по предписанным ему кнігам Олговым, и по трех днех имать быти на Дону. — Кн҃язь же великій спроси его о силѣ цр҃евѣ. Онъ ж

рече: неисчетно многое множство вѣинства его силы, никому ж мощно ісчесті. — Кн҃зь ж великій пача думати з братом своим и с новонареченною братіею с литовьскыми кн҃зи: здѣ ли пакы пребудемъ или Донъ перевеземся. — Рекоша ж ему Волгордовичи: Аще хощеши крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будеть не единому ж помышленіа въспять; а о велицей силѣ не помышляі, ꙗко не в силѣ Бг҃ъ, нъ в правдѣ: Ꙗрославъ перевезеся рѣку Ст҃оплъка побѣди, прадѣд твой кн҃зь великій Александръ, Неву реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бг҃а, подобаеть тож творити. И аще побиемъ, тъ вси сп҃семся, аще ли умрем, тъ вси общую см҃рть пріимемъ от кн҃зей и до простых людей. Тебѣ ж нн҃ѣ, гдрю великому кн҃зю, оставити см҃ртнаа, буйными гл҃ы гл҃аті, и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое. Мы оубо видим, ꙗко многое множство избранных витязей в вѣйску твоем.

Кн҃зъ ж великій повелѣ вѣиньству всему Донъ возитис҃. А в то врѣмя вѣстніци оускоряють, ꙗко поганіи приближаются татарове. Мнози ж сн҃ве русскые възрадовашас҃ радостію великою, зряще своего желаемаго подвига, его ж еще на Руси въжделѣша.

За многы ж дні мнози влъци притекоша на мѣсто то, вьюще грозно, непрестанно по вся нощи, слышати гроза велика. Храбрым людем в плъкѣх ср҃дце оукрѣпляется, а иным ж людие в плъкох, ту слышавъ грозу, паче укротѣша. Зане ж мнози рати необычно събрашас҃, не умлъкающі гл҃ють, галици ж своею рѣчію говорять, орли же мнози от оусть Дону слѣтошас҃, по аеру лѣтаючи, клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждоуще того дн҃и грознаго, Бг҃ом изволенаго, вънь ж имать пасти трупа чл҃ча, таково кровопролитие, акы вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстилается.

Мнози людие от обоих оунывають, видяще оубо пред очима см҃рть. Начаша ж погапіи половци съ многым студом омрачатися о погибели жывота своего, понеж оубо умре нечьствый, и

погыбе память их с шумом. А правовѣрніи ж чл҃ци паче процьвѣтоша радующеся, чающе съвръшенаго оного обѣтованіа, прекрасных вѣнцовъ, о нихъ ж повѣда великому князю прп҃дбный игуменъ Сергій.

Вѣстніци ж оускоряють, ꙗко уже близько поганіи приближаются. Въ шестый же час дн҃и прибѣже Семенъ Мелікъ з дружыною своею, а по них гонішас҃ мнози от татаръ; толико безстудно гнашас҃, нълні и плъкы русскыа оузрѣша и възвратишас҃ скоро къ цр҃ю и повѣдаша ему, ꙗко кн҃зи русскые оплъчишас҃ прі Дону. Бжіимъ бо промыслом узрѣша множство велико людей оуряжено, и повѣдаша цр҃ю, ꙗко кн҃зей русскых въинство четверицею болши нашего събраніа. Онъ ж нечестивый цр҃ь, разженъ діаволом на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гл҃съ тако: Силы моа, аще не одолѣю русскых кн҃зей, тъ како имамъ възвратитис въсвоаси, сраму своего не могу тръпѣти. — И повелѣ поганым своимъ половцем въоружатис҃.

Семенъ ж Меликъ повѣдаа велікому кн҃зю: ꙗко уже Мамай цр҃ь на Гусинъ брод пріиде, и единy нощъ имѣем межу собою, на оутрие бо имать пріити на Непрядву. Тебѣ ж, гдр҃ю великому кн҃зю, подобает дн҃сь исплъчитися, да не предварять погаиіи. — Начатъ кн҃зь великій Дмитрей Ивановичь з братом своим кн҃земъ Владимером Андрѣевичем и с литовъскыми кн҃зи Андрѣем и Дмитреем Волгордовичи до шестаго чяса плъци оучрежати. Нѣкто въевода пріиде с літовьскыми кн҃зи, имянем Дмитрей Боброковъ, родом волынскые земли, иже нарочитый бысть плъководецъ, велми оуставиша плъци по достоанію, еліко гдѣ кому подобаеть стоꙗти.

Кн҃язь же великій, поим с собою брата своего кн҃зя Владимера и литовьскіе кн҃зи и вси кн҃зи русскые и воеводы и взьехавъ на высоко мѣсто и оувидѣвъ образы ст҃ых, иже суть въображени въ хрст҃іаньских знаменіих, акы пѣкіи свѣтілніци сл҃нечніи свѣтящеся въ врѣмя вѣдра, и стязи ихъ золоченыа ревуть, просьтирающеся, аки облаці, тіхо трепьщущи, хотять промолвити; богатыри же русскые и их хоругови, аки жыви па-

шутся; доспѣхы ж русскых сн҃въ, аки вода въ вся вѣтры колыбашес҃; шоломы злачены҃ на главах ихъ, аки заря утреняа въ врѣмя ведра свѣтящися; ѿловци ж шоломовъ ихъ, аки пламя огньное пашется.

Умилено бо видѣті и жалостно зрѣти таковых русскых събраніа и оучреженіа ихъ. Вси бо равнодшьні, единъ за единого, другъ за друга хощеть оумрети, и вси единогл҃сно гл҃юще: Боже, с высоты призри на ны и даруй православному кн҃зю нш҃ему, ѿко Констяньтину побѣду, покори под нозѣ его врагы Амаліка, ѿко ж иногда кроткому Дв҃ду. Сему ж оудивишас҃ литовьскіи кн҃зи, рекуще в себѣ; нѣс҃ было преж нас, ни при насъ, ни по насъ будеть таково въиньство уряжено, подобно есть Александра цр҃я Макидоньскаго въиньству, мужеством бысть Гедеоновы снузніци; Гъ҃ бо своею силою въоружил их.

Кн҃зь ж великій, видѣвъ плъци свои достойно уряжены и сшед с коня своего и паде на колѣні свои прямо великому плъку чернаго знаменіа, на немъ ж въображенъ образ Вл҃дкы Га҃ нашего Іс҃ Ха҃, из глубины дш҃а нача звати велегл҃сно: О Вл҃дко вседръжителю, виждь смотреливым оком на люди сія, иже твоею десницею сътворені суть и твоею кровію искуплени работы вражіа. Внуши, Г҃и, гл҃съ мл҃твъ нашихъ, обрати лице свое на нечс҃тивых, иже творять злаа рабом твоим. И нн҃ѣ, Г҃и Іс҃ Хе҃, молю и покланяюся образу твоему ст҃му и прч҃стѣй твоей Мт҃ри и всѣм ст҃ым, оугодившим тебѣ и тврдому и необоримому заступьнику нашему и молебніку, иже о насъ к тебѣ, русскому ст҃лю, новому чюдотворцу Петру, на его ж мл҃сть надѣемся, дрзаем призывати ст҃ое и великолѣпое имя твое, Оц҃а и Сн҃а и ст҃го Дх҃а, нн҃ѣ и прс҃но и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.—Скончавъ мл҃тву и всѣд на конь свой и нача по плъком ѣздити съ князи и въеводами. Коемуждо полку рече: Братіа моа милаа, сн҃ве русскыа, от мала и до велика. Уже, братие, нощь пріспѣ, и дн҃ь грозный пріближися. В сию нощь бдите и молитеся, мужайтес и крѣпитеся: Гъ҃ с нами, силенъ въ бранѣх. Здѣ пребудите, братіе, на мѣстех своих, немятущеся. Койждо вас нн҃ѣ оучредитеся,

утрѣ бо неудобь мощно тако учредітис: уже бо гости наши прибліжаются, стоѧть на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплъчишас. Оутрѣ бо нам с німи пити общую чашу, межу събою поведеную, ея же други мои еще на Руси въжделѣша. Нн҃ѣ, братья, оуповайте на Бг҃а жыва, миръ вам буді о Хѣ. Аще утрѣ оускорять на нас пріити поганіи сыроѧдьци.

Оуже бо нощь приспѣ свѣтоноснаго праздника Рж҃ства сты҃а Бц҃а. Осѣни ж тогда оудолжившися и дн҃ьми свѣтлыми еще сіающи. Бысть ж въ ту нощъ теплота велика и тихо велми, и мраци росніи ѧвишас. Поистінѣ бо реч҃ прок҃ъ: нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена. Рече ж Дмитьрей Волынецъ великому князю: Хощу, гдрь, в нощь сію примѣту свою испытати. — И уже заря померкла, нощи глубоцѣ сущи. Дмитрей ж Волынецъ, поимъ с собою великого кн҃зя єдінаго, и выѣхавъ на поле Куликово и ставъ посреди обоих плъковъ и обратився на плъкъ татарскый, слышить стукъ великъ и кличь и вопль, аки тръги снімаются, аки град зиждоуще и аки гром великій гремить. Съзади ж плъку татарьскаго волъци выють грозно велми; по десной же странѣ плъку татарскаго ворони кличуще, и бысть трепетъ птичей, великъ велми, а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ, гроза велика зѣло; по рецѣ ж Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе. Рече ж кн҃зь великій Дмитрею Волынцу: Слышим, брате, гроза велика есть велми. — И реч҃ Волынець: Призывай, кн҃же, Бг҃а на помощь. — И обратився на плъкъ русскый, — и бысть тихость велика. Реч҃ же Волынецъ: Видиши лі что, кн҃же. — Онъ ж рече: Вижу многы огнены зари снімахуся. — И реч҃ Волынецъ: Радуйся, гдрь, добри суть знаменіа, токмо Бг҃а призывай и не оскудѣй вѣрою. — И пакы реч҃: И еще мі есть примѣта искусити. — И сниде с коня и приниче к земли десным оухом на долгъ час. Въставъ и пониче и въздохну от ср҃дца. И реч҃ кн҃зь великій: Что есть, брате Дмитрей. — Онъ ж млъчаше и не хотя сказати ему. Кнѧз же великій много нуди сго. Онъ ж рече: Єдіна бо ти на плъзу, а другаѧ ж — скръбна. Слышах землю плачущуся на

двое: едіна бо сьстрана, аки нѣкаа жена, напрасно плачущис҃ о чадѣх своихь елліньскым гл҃сом, другаа же страна, аки нѣкаа дв҃ца, едіною възопи велми плачевным гл҃сом, аки в свирѣль нѣкую, жалостно слышати велмі. Азъ ж преж сего множство тѣми примѣтами боевъ искусих, сего ради пн҃ѣ надѣюся мл҃сти бж҃іа: мл҃твою ст҃ых стр҃стотръпецъ Бориса и Глѣба, сродниковъ ваших и прочих чюдотворцовъ, русскых поборниковъ, азъ чаю побѣды поганых татаръ. А твоего хр҃столюбиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой връхъ, твоа слава будеть.—Слышавъ ж то, кн҃зь великій прослезися и реч҃: Гу҃ Бг҃у вся възможна: всѣх нас дыхание в руцѣ его.—И рече Волынецъ: Не подобаеть тебѣ, гд҃рю, того в плъцѣх повѣдати, токъмо коемуждо въину повели Бг҃у молитися и ст҃ых его угодьніковъ призывати на помощь. И рано утре вели имъ подвизатися на коня своа, всякому въину и въоружатися крѣпко и кр҃стомъ огражатис: тъ бо есть оружие на противныа, оутрѣ бо хощуть с нами видѣтися.

В ту ж нощь нѣкто муж, имяпем Ѳома Кацибѣй, разбойнікъ, поставленъ бысть стражем от великого кн҃зя на рецѣ на Чуровѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганых. Сего увѣряа Бг҃ъ, откры ему в нощь ту видѣти видѣніе велико. На высоцѣ мѣсте стоꙗ, видѣті облакъ от въстока великъ зѣло, изрядно пріа, аки нѣкакіа плъки, к западу идущь. От полуденныꙗ ж страны пріидоша два уноши, имуща на себѣ свѣтлыи багряница, лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи. И рекуще плъковником: Кто вы повелѣ требити отч҃есътво наше, его ж намъ Гь҃ дарова.—И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни едінъ от них не избысть. Той же Ѳома, цѣлом҃дръ и разуменъ, оттолѣ увѣренъ бысть и то видѣніе повѣда на утріе великому кн҃зю едіному. Кн҃зь же великій рече ему: Не гл҃и того, друже, никому ж.—И въздѣв руцѣ на нб҃о, нача плакатис҃, гл҃я: Влд҃ко Ги҃ чл҃колюбче, мл҃твъ ради ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба, помози ми, ꙗко ж Моѵсію на Амалика ю пръвому Ꙗрославу на Ст҃оплъка и прадѣду моему великому кн҃зи Александру на хвалящегося короля рімъскаго, хотящаго разо-

рити отчьство его. Не по грѣхом моим въздай же ми, нъ изли и на ны мл҃сть свою, простри на нас бл҃гоутробіе свое, не дай же нас въ смѣх врагом нашим, да не порадуются о нас врази наши, и рекуть страны невѣрных: гдѣ есть Бг҃ъ их, на нь ж оуповаша. Нъ помози, Гн҃е, хр҃стіаном, ими ж величается имя твое ст҃ое.

И отпусти кн҃зь великій брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевичя вверхъ по Дону в дуброву, ꙗко да тамо утаится плъкъ его, давъ ему достойных вѣдомцовъ своего двора, оудалыхъ витязей, крѣпкых въиновъ. И еще с німъ отпусти извѣстнаго своего въеводу Дмитреа Волынскаго и иных многыхъ.

Приспѣвшу ж, мц҃а септевріа въ и҃ дн҃ь, великому праздніку Рж҃ству ст҃ыа Бц҃а, свитающу пятку, въсходящу сл҃нцу, мгляну оутру сущу, начаша хр҃стіаньскые стязи простиратися, и трубы ратные многы гласити, оуже бо русскые кони окрѣпишас от гл҃са трубънаго, и койждо въинъ идеть под своим знаменем. И видѣти добрѣ оурядно плъкы оуставлены поученіемъ крѣпкаго въеводы Дмитреа Боброкова Волынца. Наставшу ж второму чясу дни, и начаша гл҃си трубніи обоих плъковъ сніматися, татарьскыꙗ ж трубы ꙗко онемѣша, а русскіꙗ трубы паче утвръдішас҃. Плъкы ж еще не видятся, занеж оутро мгляно.

И в то врѣмя, братье, земля стонеть велми, грозу веліку подающи на встокъ нолны до моря, и на запад до Дунаа; великое ж то поле Куликово прегибающеся; рѣкы ж выступаху из мѣстъ своихъ, ꙗко николиж быти толиким людем на мѣстѣ томъ.

Великому ж кн҃зю пресѣдающу на избранный конь, ѣздя по плъком и гл҃аше от велікыа горести ср҃дца своего, слезы, аки рѣка течаше от очию его: Оц҃и и братіа моа, Га҃ ради подвизайтеся и ст҃ых ради цр҃квей и вѣры раді хр҃стіанскыа, сіа бо смерть нам нн҃ѣ нѣ҃ смр҃ть, нъ жывотъ вѣчный, и ничто ж, братіе, земнаго помышляйте, но оуклонимся убо, да вѣнци побѣдными оувяземся от Ха҃ Бг҃а и Сп҃са дш҃амъ нашим.—Оутвръдівъ ж плъкы и пакы пріиде под свое знамя черное и ссѣде҆ с коня и на инъ конь всяде и съвлече с себя приволоку цр҃ьскую и въ ину обле-

чеся. Тъи конь свой дасть под Михаила Андрѣевича под Бреніка и ту приволоку на него положилъ, иже бѣ ему любимъ паче мѣры, и тъ знамя черное повелѣ рыделю своему над німъ возити. Под тѣм знамянем и убиенъ бы за великого кнзя.

Кнзь ж великій ста на мѣсте своемъ и вынявъ из надръ своих жывоносный крстъ, на немъ ж бѣ въображены страсти хсвы, в немъ ж бѣ жывоносное дрѣво, и въсплакася горко и рече: На тебе оубо надѣемъся, жывоносный гнь крсте, иже симъ образом явивыйся греческому прю Констянтіну, егда ему на брани сущу с нечстивыми, и чюдным твоим образомъ побѣди их. Не могуть бо поганіи нечестивіи половци противу твоему образу стоати. Тако, Ги, оудиви млсть свою на рабѣ твоемъ.

В то ж врѣмя пріиде к нему посолъ с книгами от прпдбнаго старца игумена Сергіа. Въ книгах писано: великому кнзю и всѣм русским кнзем и всему православному въиску міръ и блсвеніе. — Кнзь ж великій слышавъ писаніе прпдбнаго старца и цѣловавъ посольника любезно, тѣмъ писаніемъ утвръдися, акы нѣкыми крѣпкыми бранями. Еще ж дасть посланный старецъ от игумена Сергіа хлѣбецъ прчтыа Бца. Кнзь ж великій снѣде хлѣбець стый и, простеръ руцѣ свои, възопи велегласно: О велико имя всестыа Трца, о престая Гже Бце, помогай нам тоя млтвами и прпдбнаго игумена Сергіа, Хе Бже помилуй и спси дша наша.

И всѣде на избранный свой конь и всемъ копіе свое и паліцу желѣзную и подвижеся ис полку и въсхотѣ преж всѣх самъ битися с погаными от великіа горести дша своеа, за свою великую обіду и за стыа црквы и вѣру хрстіаньскую. Мнози ж русскіе богатыри оудръжавше его, възбраниша ему, глюще: Не подобаеть тебѣ великому кнзю наперед самому в плъку битися, тебѣ подобаеть особь стоати и нас смотріти, а нам подобает битіся и мужство свое и храбрость предъ тобою явити. Егда тя Гъ упасеть млстію своею, и ты разумѣешы, кого чим даровати. Мы же готови есмя в сій днь главы своя положыти за тебе, гдря, и за стыа црквы и за православъное хрстіанство. Тебѣ ж подобает

великому кнзю рабом своим, еліко кто заслужить своею главою, память сътворити, також Леонтій прь Ѳеодору Тирону, въ книгы съборныа написаті нас, памяти ради русским сном, иже по нас будуть. Аще тебе единаго изгубим, тъ от кого имамы чаати, кто по нас памят сътворить. Аще вси спсемъся, а тебе єдіного останем, тъ — кій намъ оуспѣх, и будем, аки стадо овчее, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивіи влъци распудять и, и разбѣжатся овці кои куды. Тебѣ, гдрю, подобаеть себе спасти да и нас. — Кнзь ж великій прослезися и рч: Братя моа милаа, русскые снве, доброй вашей рѣчи азъ не могу отвѣщати, нъ токмо похваляю васъ, вы бо есте въистінну блазіи раби бжіи. Паче ж вѣсте мчніе хсва стрстотрпца Ареѳы: внегда мчнъ бы и повелѣ прь вести и на позорище и мечемъ иссѣщі а, доблии ж его друзи, единъ пред єдінымъ скорить, койждо ихъ свою главу оусѣкателю под мечь клонять за Ареѳу, въеводу своего, вѣдяще оубо почть побѣды своеа. Ареѳа же въевода рч въином своимъ: вѣсте оубо, братіа моя, оу земнаго пря не азъ ли преж васъ почтенъ бых, земныа чьсти и дары взимах. И нн преди пти подобаеть ми и къ пбсному прю, и главѣ моей преж усѣченѣ быти, пачеж вѣньчанѣ. И приступль мечнікъ и усѣкну главу его, послѣд же и въином его усѣкну главы. Також и азъ, братие: кто болши мене в русских снвѣх почтенъ бѣ и блгаа беспрестани пріимах от Га. А нн злаа пріидоша на мя, оужели не могу тръпѣти, мене бо ради единаго сиа вся въздвигошася, не могу видѣти вас побѣжаемых и прочее к тому не могу тръпѣти и хощу с вами ту ж общую чашу испити и тою ж смртію умрети за стую вѣру хрстіанскую, аще ли умру с вами, аще ли спсуся с вами.

Оуже бо, братие, в то врѣмя плъкы ведуть: передовой плъкъ ведеть кнзь Дмитрей Всеволодичь, да братъ его — кнзь Владимеръ Всеволодичь, а с правую руку плъкъ ведеть Микула Васильевичь с коломнічи, а лѣвую ж руку плъкъ ведеть Тимоѳѣй Волуевичь с костромичи. Мнози ж плъкы поганых бредуть обапол: от великіа силы нѣ бо имъ мѣста, гдѣ разступитися.

Безбожный ж цр҃ь Мамай, выѣхав на высоко мѣсто с трема кн҃зи, зря чл҃чьскаго кровопролітіа: оуже бо близ себе сходящеся силныа плъкы. Выѣде злыий печенѣгъ из великого плъку татарьскаго, пред всѣми мужством ꙗвляяся, подобенъ бо бысть дрѣвнему Голіаду, пяти саженъ высота его, а трех саженъ ширина его. Видѣвъ ж его Александръ Пересвѣтъ старецъ, иже бѣ в плъку Владимера Вселодовича и двигьнувся ис полку и реч҃: Сей чл҃къ ищеть подобна себѣ: азъ хощу с нимъ видѣтися. — Бѣ же на главѣ его шелом архн҃гльскаго образа въоруженъ скимою повелѣнием игумена Сергіа, и реч҃: Оц҃и и братіа, простите мя грѣшнаго, брате Андрѣй Ослебя, моли Бг҃а за мя, чаду моему Іакову миръ и бл҃свение. — Напусти на печенѣга и рече: Игуменъ Сергій, помогай ми молитвою. — Печенѣгъ ж оустремися противу ему. Хрс҃тіане ж вси въскликнуша: Бж҃е, помози рабу своему. — И оударишас҃ крѣпко копіи, едва мѣсто не проломіся под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашеся.

Наставшу ж третьему часу дні. Видѣвъ ж то кн҃зь великій и реч҃: Се оуже гости наши приближілися и ведуть промеж собою поведеную, предніи оуже испіша и весели быша и уснуша. Оуже бо врѣмя подобно, и час пріиде храбрость свою комуждо показати. — И оудари всякъ въинъ по своему коню и кликнуша едіпогл҃сно: С нами Бг҃ъ, — и пакы: Бж҃е хрс҃тіанскый, помози нам. Поганіи же половци свои богы начаша призывати.

И съступишас҃ грозно обѣ силы великіа, крѣпко бьющеся, напрасно сами себе стираху. Не токъмо оружиемъ, нъ и от великиа тѣсноты под коньскыми ногами издыхаху: ꙗко немощно бѣ вмѣститис на том полѣ Куликовѣ: бѣ мѣсто то тѣсно межу Доном и Мечею. На том бо полѣ силніи плъці съступишас҃, из нихъ ж выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силніи млъніа от облістаніа мечнаго. И бы҃с трускъ и звукъ великъ от копейнаго ломленіа и от мечнаго сѣченія, ꙗко немощно бѣ сего грького часа зрѣти никако ж и сего грознаго побоища. Въ единъ бо час, въ мегновеніи ока — о колико тысущъ погыбе дш҃ь

чл҃чьскых, созданиѧ бж҃іа. Воля [1]) Гсн҃я съвръшается. Часъ ж третій и четвертый и пятый и шестый крѣпко бьющеся, неослабно хр҃стіане с поганымі половци.

Наставшу ж седмому часу дни, бж҃иимъ попущениемъ, наших ради грѣховъ, начаша погании одолѣвати. Оуже бо от сановитых мужей мнози побиенї суть. Богатыри ж русскыа и воеводы и удалыа люди, аки дрѣва дубравнаа клонятся на землю, под коньскыа копыта. Мнози ж сн҃ве русскые сътрошас. Самого ж великого кн҃зя оуѧзвиша велми и с коня его збиша. Онъ ж нужею склонився с побоища, ꙗко не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, бж҃иею силою съхраненъ бысть. Многажды стязи великого князя подсѣкоша, нъ не истребішас бж҃иею мл҃стію, нъ и паче укрѣпишас.

Се ж слышахом от вѣрнаго самовидца, иже бѣ от плъку Владимера Андрѣевича, повѣдаа великому кн҃зю, гл҃я: В шестую годіну сего дни видѣх над вами н҃бо развръсто, из него ж изыдс облакъ, ꙗко багрянаа заря над плъком великого кн҃зя, дръжашес низко. Тъи же облакъ исплъненъ рукъ чл҃чьскых, ꙗж рукы дръжаще по велику плъку, ово проповѣднікы, ово прор҃ческыи. В седмый ж часъ дни облакъ той много вѣнцевъ дръжаше и опустишас над плъком, на головы хр҃стіаньскыѧ.

Погании же начаша одолѣвати, хр҃стіаньскыѧ же плъци оскудѣша: оуже мало хр҃стіанъ, а все погании.

Видѣвъ ж то кн҃зь Владимеръ Андрѣевичь паденіе русскых сн҃въ, не мога тръпѣти и реч҃ Дмитрею Волынцу: Что оубо плъза стоѧние наше, который оуспѣх нам будеть, кому нам пособити: оуже наши кн҃зи и боꙗре, вси русскые сн҃ве напрасно погыбають от поганых, аки трава клонится.—И реч҃ Дмітрей: Бѣда, кн҃же, велика, не уже пришла година наша: начинаай без времени, вред себѣ приемлеть; класы бо пшеничныа подавляеми, а трьніе ростуще и боуѧюще над бл҃городными. И мало убо потръпим до времени подобна, въи же час имаем въздарие

1) въ ркп. ошибкою: «Въ».

отдати противніком. Нн҃ѣ токъмо повели всякому въину Бг҃у молитися прилѣжно и призывати ст҃ых на помощъ, и от сего часа имать быти бл҃гдть бж҃іа и помощъ хр҃стіаном. — Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевичь, въздѣвъ руцѣ на н҃бо, и прослезися горко и рч҃: Бж҃е оц҃ъ наших, сътворивый н҃бо и землю, дай же помощъ роду хр҃стіанскому. Не дай ж, Г҃и, порадоватис҃ врагом нашим о нас, мало показни, а много помилуй, бездна бо еси и мл҃сти. — Сн҃ве ж русскыа в полку его грѣко плачуще, видяще друзи свои побиваемі от поганых, непрестанно покушающес, ꙗко званніи на бракъ сладкаго вина пити. Волынецъ ж възбраняше им, гл҃я: Пождите мало, буавіи сн҃ве русскые, будеть ваше врѣмя, коли утѣшитис, есть вы с кѣм възвеселитис. — Приспѣ ж осмый час дню, дх҃у южну потянувшу съзади нам. Възопи ж Волынецъ гл҃сом великым: Кн҃же Владимеръ, наше врѣмя приспѣ, и часъ подобный пріиде. — И рч҃: Бра҃та моа, друзи, дръзайте, сила бо ст҃го Дх҃а помогаеть нам. — Едіномысленни ж друзи высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныа оурвалися от златых колодицъ, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую. А стязі их направлены крѣпкым въеводою Дмитреем Волынцем. Бяху бо, аки Двл҃ови отроци, иже срд҃ца имуща, аки львовы, аки лютіи влъци на овчіи стада пріидоша. И начаша поганых татаръ сѣщі немлс҃тивно.

Поганіи же половци оувидѣша свою погыбель, кликнуша еллінскым гл҃сом, гл҃юще: Оувы нам, Рус пакы оумдр҃ися: оуншіи с нами брашас҃, в доблии вси съблюдошас҃. — И обратишас҃ поганіи и даша плещи и побѣгоша. Сн҃ве ж русскые, силою ст҃го Дх҃а и помощію ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба, гоняще, сѣчаху их, аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается у русскых сн҃въ под конскые копыта. Поганіи же бѣжаще кричаху, гл҃юще: Увы нам, чс҃тный н҃шь цр҃ю Мамаю. Възнесе бо ся высоко и до ада сшелъ еси. — Мнозии ж оуязвеніи наші, и тѣ помагаху, сѣкуще поганых без мл҃сти: единъ русинъ сто поганых гонить.

Безбожный ж цр҃ь Мамай, видѣвъ свою погыбель, нача призывати богы своа — Перуна и Салавата и Раклиа и Гурса и

великого своего пособніка Махмета. И не быс ему помощи от них: сила бо сѣго Дха, аки огнь пожигаеть их. Мамай же, видѣвъ новыа люди, ѥако лютіи звѣріе ристаху и изрываху, аки овчее стадо и рече своим: Побѣгнем, нічто ж бо добра имам чаати, въ поне свои главы оупесем. — И абие побѣже поганый Мамай с четырми мужы в лукоморие, скрегча зубы своими, плачущи грько, гл҃н:

Уже нам, братіе, в земли своей не бывати, а катунъ своих не трепати, а дѣтей своих не відати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова; а съ дружиною своею оуж нам не видатис, ни съ кн҃зи и съ алпауты.

Мнози ж гонишас҃ по них и не одолѣша их, понеж кони их утомішас҃, у Мамаѥ ж цѣлы суть кони его, и убѣже. Сиѥ ж суть мл҃стію всемогущаго Бг҃а и прч҃стыа Мт҃рі Бж҃іа и моленіемъ и помощію сѣ҃тых стр҃стотръпецъ Бориса и Глѣба, ихъ ж видѣ Ѳома Кацибѣевъ разбойнікъ, егда на сторожы стоя, ѥакож преж писано е҃. Етери ж суще женяху, внегда всѣх доступиша и възвращахус, койждо под свое знамя.

Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевичь ста на костѣх под черным знаменем. Грозно, братіе, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грько посмотріти чл҃чьскаго кровопролитіа, аки морскаа вода, а трупу чл҃чьа, аки сѣнныа громады: борзъ конь не можеть скочіті, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дні кровію течаху.

Кн҃зь ж Владимеръ Андрѣевич не обрѣте брата своего велікого кн҃зя в плъку, нъ толко литовскіе кн҃зи Олгордовичі, и повелѣ трубити в собранные трубы. Пожда час и не обрѣте великого кн҃зя, нача плакати и кричати, и по плъком ѣздити начатъ сам, и не обрѣте и гл҃аша всѣм: Брат҃аа моа, русскыа сн҃ве, кто видѣ или кто слыша пастыря нашего и началніка. — И реч҃: Аще пастырь пораженъ, и овцы разыдутся. Кому сіа честь будеть, кто побѣдѣ сей ѥвися. — И рекоша литовскые кн҃зи: Мы его мнімъ, ѥако жывъ е҃, оуѥзвенъ велми, егда въ мр҃твом трупу лежыт. — Инъ ж въинъ реч҃: Азъ видѣх его на седмом часу

крѣпко бьющас̄ с погаными палицею своею.—Инъ ж реч̄: Азъ видѣх его поздѣе того, четыри татаріны належахуть ему, онъ ж крѣпко биѫшес с німи. — Нѣкто князь, имянем Стефанъ Новосилской, тъи реч̄: Азъ видѣх его пред самим твоим приходом, пѣша и идуща с побоища, оуѫзвена велми; того ради не могох азъ ему помощи, гоним есмь трема татаріны, нъ мл̄стію бж̄ією едва от них сп̄сохся, а много зла от них пріимах и крѣпко пострадах. — Кн̄зь ж Володимеръ реч̄: Братіа и друзи, русскыа сн̄ве, аще кто жыва брата моего обрящет, тъи поистінѣ пръвый будеть у наю. — И разсыпашас вси по велику силну и грозну побоищу, ищучи побѣдѣ побѣдителя. Ови ж наѣхаша убитаго Михайла Андрѣевича Бренка: лежыть в приволоцѣ и в шеломѣ, что ему далъ князь великій; иніи же наѣхаша убитаго князя Ѳедора Семеновича Бѣлозерьскаго, чающе его великим кн̄земь, занеж приличенъ бѣ ему.

Два ж етера въина оуклонишас на десную страну в дуброву: единъ имянемъ Ѳедоръ Сабуръ, а другій — Григорей Холопичевъ, оба родом костромичи. Мало выѣхавъ с побоища и наѣхаша великог̄ кн̄зя бита и ѫзвена вельми и трудна, отдыхающи ему под сѣнію ссѣчена дрѣва березова. И видѣша его и спадше с коней, поклонишас̄ ему. Сабуръ ж скоро възвратис повѣдати кн̄зю Владимеру. И реч̄: Кн̄зь великій Дмітрей Ивановичь здравъ бысть и цр̄ствуеть ввѣкы. — Вси ж князи и въеводы, слышавше, и скоро суняшас и падше на ногу его, гл̄юще: Радуйся, кн̄зю нашь, дрѣвній Ꙗрославъ, новый Александръ, побѣдітель врагом. Сіа же побѣды честь—тобѣ довлѣетъ.—Кнѧз же великій едва реч̄: Что есть, повѣдаите ми.— Рече ж кнѧз Владимеръ: Мл̄стью бж̄ією и пр̄чстыа его М̄три, пособием и мл̄твами сродникъ нш̄іх ст̄ых мч̄нкъ Бориса и Глѣба и моленіем русскаго ст̄ля Петра и пособніка нш̄его и въоружителя игумена Сергіа и тѣх всѣх ст̄ых мл̄твами врази наши побѣжени суть, мы ж сп̄сохомся.

Кн̄зь ж великій, слышавъ то и въставъ, реч̄: Сій дн̄ь сътвори Гъ̄, възрадуемся и възвеселимся, людие. — И пакы реч̄:

Сій дн҃ь Гн҃ь веселитес҃, людіе, велій еси, Г҃и, и чюдна дѣла твоа суть. Вечеръ въдворится плач, а заутра радость. — И пакы реч҃: Хвалю тя, Г҃и Бж҃е мой, и почитаю имя твое ст҃ое, ꙗко не предалъ еси нас врагом нш҃им и не далъ еси им похвалітис҃, иже сіи на мя умысліша злаа. Нъ суди им, Г҃и, по правдѣ их, азъ ж, Г҃и, оуповаю на тя. — И пріведоша ему конь, и всѣд на конь и выѣхавъ на веліко, силно и грозно побоище и видѣвъ въйска своего бито велми много, а поганых татаръ четверицею сугубь того боле бито, и, обратився Волынцу, реч҃: Въистіну, Дмітрей, не ложна ѣ҃ примѣта твоа, подобает ти всегда въеводою быти.

И нача з братом своимъ и съ оставшими кн҃зи и въеводами ѣздити побоищу, ср҃дцем боля, кричаше, а слезами мыася, и реч҃: Братіа, русскыа сн҃ве, кн҃зі и бо҃яре и въеводы и дѣти бо҃ярьскые. Суди вам Г҃ъ Б҃гъ тою см҃ртію оумрети, положылі есте главы своа за ст҃ыа цр҃кві и за православное хр҃стіанство. — И поѣхавъ мало, наехаше мѣсто, на немъ ж лежать побьени вкупѣ кн҃зи Бѣлозерскые, толма крѣпко бишас, ꙗко єдінъ за єдінаго умре. Туж близъ лежить убит Михайло Васильевич. Над німи ж ставъ кн҃зь великій, над любезными въеводами, и нача плакати и гл҃аті: Бра҃таа моа кн҃зи, сн҃ве русскые, аще имате дръзновеніе у Б҃га, помолитес о нас, вѣм бо, ꙗко послушаеть вас Б҃гъ, да вкупѣ с вами у Г҃а Б҃га будем. — И пакы приѣде на иное мѣсто и наѣхавъ своего напрьстніка Міхайла Андрѣевича Бренка, и близ его лежыть тврдыи стражь Семенъ Меликъ. Близъ ж имъ Тимоѳѣй Волуевич оубиенъ. Над німи ж ставъ кн҃зь великій, прослезися и реч҃: Брате мой възлюбленный, моего ради образа убіенъ еси. Кій бо рабъ тако можеть г҃сдну служыти, ꙗко, меня ради, самъ на см҃рть смыслено грядяше. Въистінну древнему Авису подобенъ, иже бѣ от плъку Дарьева Перскаго, иже и сей тако сътвори. — Лежащу ж ту Мелику, реч҃ над ним: Крѣпкый мой стражу, тврдо пасомыи есмя твоею стражею. — Приѣдеж на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черньца, а пред ним лежыт поганый печенѣгъ, злый татаринъ, аки гора. И ту близъ лежыть парочитый богатырь Григорей Капустинъ. Обратився кн҃зь ве-

ликій и рече: Видите, братіе, починалніка своего, ꙗко сій Александръ Пересвѣт, пособнікъ нашь, бл҃свенъ игуменом Сергіем, и побѣди велика, силна, зла татарина, от него ж было піти многым людем см҃ртнаа чаша.

И отѣхавъ на иное мѣсто и повелѣ трубити в събранные трубы, съзывати люди. Храбріи ж витязі, довълно испытавше оружие свое над погаными половци, съ всѣх странъ бредут под трубный гл҃съ. Грядуще ж весело, ликующе, пѣсні поꙗху; овіи поаху бг҃ородичныи, друзіи же мч҃нічныи, иніи ж псалом, то ѣ хр҃стіанское пѣніе. Кійждо въинъ едет, радуася, на трубный гл҃съ. Събранымъ ж людем всѣм, кн҃зь великій ста посреди ихъ, плача и радуася: о оубиеных плачется, а о здравых радуется. Гл҃аше ж: Братіа моа, кн҃зи русскыа и боаре мѣстныа и служылыа люди всеа земля. Вам подобаеть тако служыти, а мнѣ по достоанію похвалити вас. Егда ж оупасеть мя Гъ и буду на своем столѣ, на великом кн҃женіи, въ градѣ Москвѣ, тогда имам по достоанію даровати вас. Нн҃ѣ же сіа управим, коиждо ближняго своего похороним, да не будуть звѣрем на снѣденіе телеса хр҃стіаньскаа.

Стоꙗлъ кн҃зь великій за Даном на костѣх осмь дній, дондеж разобраша хр҃стіанъ с нечестивыми: хр҃стіанскаа телеса в землю покопаша, а нечестивых телеса повръжена звѣрем и птицам на расхыщеніе.

И рече кн҃зь великій Дмитрей Ивановичь: Считаитес, братіе, колкых въевод нѣтъ, колкых служылых людей. — Говорить боꙗрінъ московской, имянем Михайло Александрович, а был в плъку оу Микулы у Василевича, расчетлівъ бы҃с велми: Нѣтъ у нас, гс҃дрь, м҃ боаріновъ московскых, да в҃ кн҃зей бѣлозерскых, да г҃ боарінов посадніковъ новгородскых, да н҃ боꙗріновъ Нова города ніжнего, да м҃ боарінов серпоховскых, да к҃ боарінов переславскых, да ке҃ боарінов костромскых, да ле҃ боарінов владимерскых, да н҃ боарінов суздалскых, да м҃ боарінов муромскых, да лг҃ боарінов ростовскых, да к҃ боарінов дмітровскых, да о҃ боарінов можайскых, да з҃ боаріновъ звенігородскых, да е҃і боарі-

нов углетцкых, да к̑ боарінов галитцскых. А молодым людем счета нѣт, нъ токмо вѣдаем: изгыбло у нас дружіны всеа полтретьа ста тысящъ и трі тысящи, а осталося у нас дружіны пятьдеся тысящъ.

Рече ж кн̑зь великій: Слава тебѣ, вышній Творецъ, Цр̑ю нб̑сный, мл̑ствый Сп̑съ, ꙗко помиловал еси нас грѣшных, не предалъ есі нас в руцѣ врагом нашим, поганым сыꙗдцем. А вам, брат̑а, кн̑зи и боаре и въеводы и молодые люди, русскые сн̑ве, сужено мѣсто лежаті межу Доном и Непром, на полѣ Куликовѣ, на рѣчке Непрядвѣ. Положыли есте головы своа за землю русскую, за вѣру хр̑стіаньскую. Простите мя, братіе, и бл̑свите в сем вѣцѣ и в будущем. — И прослезися на длъгъ час и реч̑ кн̑зем и въеводам своим: Поѣдем, брате, въ свою землю Залѣсскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своих вътчінах и дѣдинах: чс̑ти есмя себѣ доступилі и славнаго имяни.

Поганый ж Мамай тогда побѣже с побоища и прибѣже къ граду Каѳѣ. И, потаивъ свое имя, прибѣже в свою землю и не мога тръпѣти, видя себе побѣжена и посрамлена и поругана. И пакы гнѣвашес, ꙗряся зѣло и еще зло мысля на русскую землю, аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна. И събравъ остаточную свою силу и еще хотяше изгоном итти на русскую землю. И сице ему мыслящу, внезапу прііде к нему вѣсть, ꙗко цр̑ь, имянем Тактамышъ съ встока, нолны из Синіе орды, идеть на него. Маман ж, ꙗже бѣ оуготовилъ рать ити было ему на русскую землю, и онъ с тою ратью пошол противу цр̑я Тактамыша. И стрѣтошас̑ на Калках и бы̑ им бой великъ. И цр̑ь Тактамышь побѣдивъ цр̑я Мамаа и прогна его, мамаевы ж кн̑зи и рядци и ꙗсовулы и алпауты биша челом цр̑ю Тактамышу. И пріатъ их и взя орду и сѣде на царствѣ. Мамай ж прибѣже пакы въ Каѳу єдінъ, потаивъ свое имя пребываше ту. И познанъ бы̑ нѣкоим купцем и ту оубіенъ бы̑ Ѳрязы и испровръже злѣ жывот свой. Сіа же оставим здѣ.

Слышавъ ж Олгордъ литовскый, ꙗко княз великій Дми-

трей Иванович побѣдил Мамаа, възвратис въсвоаси с студом многым.

Олегъ ж резанскый, слышав, ꙗко хощет кнꙗз великій послати на пего рать, оубоася и побѣже из своеа отчіны и съ кн҃гнею и з боары. И резанці добиша челом великому кн҃зю, и кн҃зь великій посади на Резани свои намѣстніки.

Сказаніе.

4 редакція

(РАСПРОСТРАНЕННАЯ).

Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, собранія Н. С. Тихонравова № 337, XVII в.

В лѣта ҂ѕѡпѳ году. Сказаніе о Донскомъ побоище великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго и всеа Росіи и брата его кн҃зя Владимера Андреевича з безбожнымъ цр҃емъ Мамаемъ.

Восхощемъ, братие, начати повѣсть новыя сия побѣды, како случися бран на Дону православнымъ християном з безбожными агаряны и како подвижеся род християнскии, а поганых уничижени посрами их суровъство, яко же во оны дни пророку Гедеону на измаилтян злых, и пророку Моисею со израилтяны на жестосердаго Ѳараона и на египтян всѣхъ. И нынѣ намъ подобает воздати величиствие Божие, како сотвори Господь волю боящихся его и како пособствова православному і великому князю Димитрею Івановичю владимерскому и московскому на безбожныя агаряны. Попущениемъ Божиімъ, от научения дияволя, воздвижеся цр҃ь от восточныя страны, именемъ Мамаи, еллин сыи вѣрою, идоложрецъ і иконоборецъ злыи, християнскиі искоренитель; и вниде в сердце его диявол подстрекатель, кото-

рыи всегда пакости дѣя православному христианству и учиста его, кабы ему разорити вѣру христианскую вѣру и осквернити стыя Бжия црквы и всему христианству потреблену быти, яко дабы не славилося имя Гдне в людехъ его; мстивыи же человѣколюбецъ Бгъ, что восхощет, то и сотворит. Он же безбожныи црь Мамаи наученіемъ дияволимъ нача завидовати первому отступнику црю Батыю и новому иконоборцу прегордому Улияну црю возревновах и нача испытовати от старых своих селникъ, како тои безбожныи црь Батыи пленил Киевъ і Володимер и всю рязанскую землю и словенскую Рус і великаго князя Георгия Игоревича убил, и много кнзеи руских православных побилъ, и стые монастыри многия осквернилъ, і вселенную црковь златоверховую разграбил, і ослеплену же ему царю Батыю очима. И он того не разуме, какъ Гсду годно, такъ и сотворитъ, яко же во оны дни Иерусалимъ плененъ бысть Титомъ римскимъ и Навуходоносором цремъ вавилонскимъ. Не прѣи тѣх любя, Гсдь Іерусалимъ казня за их согрѣшение і маловѣрие. Но не до конца прогнѣвается Гсдь, ни в вѣкъ враждуетъ.

И слышав жестосердыи безбожныи црь Мамаи таковое сказание от своих агарян, нача во уме своемъ тое крѣпкую мысль держати, дияволомъ палимъ бысть непрестанно, ратуяся на християнство. И нача рассылати грамоты за своими печатьми по улосомъ своимъ ко отступником своим, княземъ и воеводам, и гла имъ: «яко хощу воздвигнути рат на православную Русь, а не хощу такъ творити, какъ црь Батыи: сгда доидемъ Руси и убию кнзя и жену его и іных кнзеи руских; а которые грады их красные довлѣютъ нашему црьскому величеству, и мы сядем, во вѣки безмятежно поживем». А не вѣдыи того, яко Гдня рука высока есть. По малех же днех и по глаголех сих нача збирати воиско свое и многия орды присовокупиша к себѣ, и гла имъ: «яко обогатеем рускимъ златом и сребром». И скоро поиде Мамаи па рускую землю, рыкая, яко левъ и пыхая, яко неутолимая ехидна. И перевезеся Мамаи великую реку Волгу со всѣми силами своими и доиде же до устия рѣки Воронежи и распустивъ

воиско свое, елико довлѣетъ, по улосомъ русскимъ. И повелѣ им цр҃ь Мамаи возити к себѣ елико, что ему годно на потребу и всему воиску его и заповѣда улусомъ своимъ: яко «ни един не пашите хлѣба да будите готовы на руския хлѣбы».

И услышавъ же то княз Олгъ резанскии, яко цр҃ь Мамаи идет на великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго ратю, а стоитъ на Воронеже. И оскуде же умъ во главе его, и Олгъ, кн҃зь рязанскиі, но ухищрение приімъ в сердцы своемъ. И посла кн҃зь Олгъ рязанскии посла своего г безбожному цр҃ю Мамаю со многими дары и с великою честию и ерлыки свои писах к нему сицевымъ образомъ: «Восточному, великому и волному цр҃ю Мамаю твои присялникъ и приселник Олгъ кн҃зь рязанскиі, много тебѣ молю и челом бью: слышах я, г҃не, что ты хощеши итти на рускую землю на своего служебника на кн҃зя Димитрея московъскаго ратю и огрозитися ему хощеши. И нынѣ, г҃не, приспѣ время, яко златомъ и сребромъ наполнися руская земля. Вѣмъ бо, всесвѣтлыи цр҃ь Мамаи, яко кротокъ есты Димитреи московскиі, егда услышит имя твое царево, то и царьствия своего от ярости твоея побѣжит далече, гдѣ же есть мѣсто неключимо, а злато же его и сребро і все узорочье московъские земли в твое руце будет и твоему воиску на потребу. Меня же раба своего, кн҃зя Олга резанъсково держава твоя, цр҃ю, пощади: яз бо ти велми устрашу кн҃зя Димитрея Ивановича московскаго. И еще, цр҃ю, молю тя, яко именуемся раби твои, но яз велику обиду приях от того ж князя Димитрея московъскаго. И еще, цр҃ю, не то едино, но егда о своеи обиде твоимъ цр҃ьскимъ именемъ погрозих ему, и он же посмеяхся твоему величеству царьскому,— не радѣетъ о тебѣ, и еще город мои Коломну за себя же взял, и о томъ о всем молю тя».

О князя Волгерда литовскомъ.

Другаго же вѣстника скоро посла кн҃зь Олгъ резанскиі: «І великому и многоразумному и к велерѣчивому и премудрому во чл҃вѣцех Волгерду литовъскому, самодержавному великому кн҃зю и королю милостивому честна и многимъ землям г҃дрю.

Олгъ, кн҃зь резанскиі, радоватися пишу. Нынѣ вѣдомо ти буди, яко издалеча мыслил еси московъскаго кн҃зя Димитрея изгонити, а Москвою завладѣти. И нынѣ же намъ приспе время, аще есть вѣдомо твоеи милости, аще ли не вѣси, то аз ти возвѣщу: Цр҃ь бо великиі и силныі и грозныи Мамаи идет на него и на его землю, и мы нынѣ приложимся к великому цр҃ю Мамаю. Вѣмъ бо, яко тебѣ дастъ Москву і иные ближние грады, иже отстоят от твоеи области, а мнѣ дастъ Коломну і Володимер и Муром і иные грады близ меня, иже от твоея области отстоят. Но яз же послах посла своего к великому цр҃ю Мамаю с великою честию и со многими дары; аще ты пошлешь своего посла и каковые имѣеши у себя даровя и пиши к нему ерлыки своя, елико самъ вѣси, паче мене».

Посол же от Олга рязанскова пришедъ в литовъскую землю и посланную с нимъ грамоту дастъ Волгерду, кн҃зю литовскому и пред паны его. Он же пріимъ грамоту с радостию великою зело и повелѣ чести пред собою. И услышавше таковое писание от друга своего, от кн҃зя Олга рязанскова, Волгердъ же, кн҃зь литовъскиі, велми радостен бысть и похвали друга своего Олга, рязанскова кн҃зя. И рече предстоящимъ пред нимъ паном: «Но милшіи мои санатыри и пановя велицы и мали, слышате ли великую и крѣпкую любов межю нами и милость друга моего, великаго кн҃зя Олга рязанского, видите, яко един кн҃зь Олгъ Москвою владѣти не восхотѣ, но и мене, другу своему, повѣда, яко аз с нимъ владѣти имам Москвою». Яко безумни не вѣдуще, что гл҃я. Предстоящіи же пановя и санатыри вси проклинувше и рекоша к нему: «Подобно есть, г҃дрь милостившеи, владѣти Москвою, а того, г҃дрь, кн҃зя Димитрея изгонити с Москвы і все грады его раздѣлити по себѣ, а злато и сребро і все узорочье московское земли предадите великому и грозному цр҃ю Мамаю, а рука ваша высока во вѣки безмятежно цр҃ьствовати имат». Сия же словеса Волгердъ, кн҃зь литовскиі, слышавъ от санатыревъ и от пановъ своих и радостен бысть велми зѣло и рече к ним: «Много вамъ имѣния имам даровати в земли московъстеи». Они же падше

поклонишася до земли Волгерду литовъскому кн҃зю на ево великомъ дару и словес жалованном.

Волгердъ же кн҃зь литовъскиі посла Олгова отпустивъ его к Резани с великою честию и посла с ним к другу своему, ко кн҃зю Олгу резанскому дары многия и отпустивъ его и рекъ: «Тако рцы моему другу милому, великому кн҃зю Олгу резанскому: нынѣ другомъ тя себѣ нарицаю и господином единой земли рязанстей, а по малех днех будемъ гдр҃и земли московъстей, и тамо имам видѣ тя, яко брата любезна, и землю московскую под нашу державу разделимъ: ово к Вилне, ово к Резани, сами же радостни будемъ и безмятежно цр҃ьствовати учнем». О горе бѣзумнымъ симъ властелем, яко не разумѣ еще писания, еже рече в книзе псаломстей: вскую шаташася языцы [1]) и безума поучишася тщетнымъ цр҃и и кн҃зи, ему же хощет Богъ да вручит цр҃ство.

О посланиі Волгердове к безбожному цр҃ю Ма҃ю.

По семъ же кн҃зь Волгердъ литовъскиі скоро отрядивъ посла своего к цр҃ю Мамаю мужа мудра, именемъ Бортеша. Бортеж же, человѣкъ родомъ ляцкие земли и посла его скоро и давъ ему дары безчисленныя многие зѣло и книгу послах к нему сицеву: «Превысочайшему, великому и силному и грозному, восточному, всесвѣтлому цр҃ю Мамаю Волгердъ, литовъскии кн҃зь, про твою милость слышах. Много ти припадаю и молюся. Слышах, гд҃не, яко хощеши казнити своего служебника кн҃зя Димитрея московъскаго и улы его пленити. Того ради молю тя, цр҃ю, яко велику бѣду сотвори твоему улуснику кн҃зю Олгу резанскому по твоей мл҃сти, а мнѣ такожде пакости дѣя, но молим тя, великиі цр҃ю, да пріидем к державе твоего цр҃ствия, да услышит кн҃зь Димитреи московъскиі твои пр҃ьскои подвигъ на него и нашу присягу к тебѣ. Вѣмъ, то извѣстно, что устрашится велми». Се же гла҃ху на великаго кн҃зя лестию и рекоша оба себѣ смеющеся: «Егда услышит кн҃зь Димитреи московскиі нашу

1) написано: язызы.

присягу к цр҃ю Мамаю, то отбѣжит в Новъгород в великиі, или на Двину, и мы сядемъ на Москвѣ и на Коломне. Да егда же приідет цр҃ь Мамаи близ Москвы, и мы ему все злато и сребро і все узорочье московские земли цр҃ю Мамаю изнесемъ и встретимъ его с великою честию и пред нимъ предложим все узороче московские земли, и он, взем, возвратитца во свояси, а мы княжение московъские земли разделимъ по себѣ, ово к Вилне, ово к Резани, а намъ велит свои цр҃ские ерлыки подават на отчину и родомъ нашимъ по нас». Но не вѣдуще бо, что гл҃аху, яко несмысленныя младыя дѣти, яко не вѣдуще силы бж҃ия и владычняго его смотрения, к правовѣрным терпѣния от беззаконникъ. По истинне бо рече бж҃ественное писание: аще кто держится добродѣтели, то не может быти безо многих врагов.

Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь образ смиренномудрія нося и смирения в высоких ищет, а не чая бывших сих ни едина готоваго злаго совѣта, еже совѣщаша ближниі его о нем. О таковых бо пророкъ рече: да не сотвори ближнему своему, да тебя не постигнет зло. Дв҃дъ пророкъ ясно глаголетъ в книзе псаломстей: ров изры, ископаи и впадется въ яму, юже содѣла, обратится болѣзнь его на главу его.

Цр҃ь же Мамаи приімаетъ грамоты и писание их и чая от них области по словесѣхъ их. И пріидоша от Волгерда, кн҃зя литовъскаго, и от Олга, кн҃зя резанскаго, к безбожному цр҃ю Мамаю послы и дары ему даяше и писание ему. Цр҃ь же, возревъ в писание и мнѣв, себѣ от них чая лести пишемых, сице нача гл҃ати с темными своими кн҃зи и рече имъ цр҃ь: «Разумѣю яз, яко от них сие писание лесть есть. Слышите сие, како имъ оставити друга своего единовѣрнаго себѣ кн҃зя Димитрея московъскаго и отвратитися от своея вѣры». Они же рекоша, яко «истинна есть» и рекоша к цр҃ю Мамаю: «Ты, цр҃ю, во вѣки цр҃ствуи, а мы сие разумѣемъ, яко нѣсть лѣсти от них, но боятся имѣни твоего грознаго, а се кн҃зь Димитреи московъскиі пред ними предступи и обиду им сотвори». Цр҃ь же Мамай рече кн҃земъ своимъ: «Аз мню себѣ то, что они воедино совокуп-

лени будуть на мя вкупе [1]) велико меж има, яз убо имам на Рус итти безо всякаго прекословия». И тѣх пословъ чествовах много и отпустих на Рус и послание сицево написах к нимъ: «Волгерду, кн҃зю литовъскому и Олгу, кн҃зю резанскому, елико вы писасте ко мнѣ, на дарѣхъ ваших жалую вас, и елико хощете вотчины руские — тѣмъ дарую вас, по токмо присягу имѣйте ко мнѣ и сряще меня с своими силами, елико гдѣ успѣете, да одолѣете своему недругу, а мнѣ ваше пособие не надобно, аще яз хотех, то бы древнiі Ерл҃им пленил своею силою, яко же и халдеискии Навходоносор цр҃ь, но чести вашей хощу, и моим именем, а вашею рукою разпужан будет кн҃зь Димитреи московскiі и огрозитца имя ваше во странах ваших. Мнѣ убо, цр҃ю, достоино побѣдити противна себѣ и довлѣетъ чести. Рцыте же кн҃земъ своим». Послы же возвратишася к ним и сказаша им, яко цр҃ь Мамаи здравствует велих чествовах непомногу. Они же скуднымъ умом возрадовашася о суетном привѣте безбожнаго цр҃я, а не вѣдах, яко Бг҃ъ даетъ власть, кому хощетъ, они же — едина вѣра и едино крещение, а безбожному цр҃ю приложишася, вкупѣ гонити православную хр҃стианску вѣру.

По семъ же Волгердъ кн҃зь Литовскiі нача спрашивати посла своего Бортеша про цр҃я Мамая и про воиство его. И рече Волгердъ к послу своему: «вѣм тя, яко муж еси мудръ и разумомъ смышлен, воискомъ же приправления знаеши, во многих цр҃ствахъ обычно ли есть и каковъ есть великiі цр҃ь Мамаи і воинства его много ли зѣло и крѣпко ли». Бортеж же рече к нему: мл҃стивыи гд҃рю, аще ли велиши і вся ти о немъ повѣдаю истинну: царь Мамаи возрастомъ середнеи, разумом же не велми твердъ, а в речи непамятлив, но гордъ велми і воиства его безчисленно много, но все, яко овцы без пастыря, гордостию превознесеся; аще кн҃зь Димитреи [2]) московскiі устремитца противу ему, мню же, гд҃рь, яко распудитъ их». Волгердъ же, слышавъ словеса его от Бортеша и прискочивъ от мѣста своего сердито и

1) пропускъ въ рукописи. 2) въ рук. Димитреймитрей.

приим в руку свою мечъ и хотѣ убити посла своего Бортеша, и рече ему: «Како смѣеши такие словеса гл҃ати про таваго великаго цр҃я, ему ж не может сеи свѣтъ стояти противу его». Панове же его скоро кинувшеся и удержаша его и рече Бортешъ к Волгерду: «Что, гднѐ, на мя сердитуешь, яко спрашивал еси мя о истинне, и яз ти всю истинну повѣдах». Мнози же панове ужаснувъшеся ср҃дцемъ, слышавъ сия словеса о Мамаи, еже рече Бортешь. Волгердъ же, ср҃дцемъ желая к Мамаю цр҃ю, Олгъ кн҃зь резанскиі тако же; о таковых бо писа Лука ев҃глистъ бж҃ственныи во апосталских дѣяниі, рече: жестоки и необрезани сердцемъ и ушесы вы, вы убо противистеся Дх҃у Ст҃ому, каменносердечныи и косная умом. И о сих же есть речено в книзѣ псаломстеи: яко отсекоша своя масличины, присадишася к пустынной лозе горцеи и неплодней.

Олгъ же кн҃зь рязанскиі нача поспешивати і иныя послы посылати к цр҃ю Ма҃ю, яко да подвизается скоро к земли рустей. О таковых пророк рече: от нерассуждения пут злых не спешится, но збирается себѣ досаждение и посмѣх, правых же пути общаются. Нынѣ же сего окаяннаго Олга кн҃зя резанскаго втораго Свт҃ополка наречемъ.

И слышавъ же то кн҃зь великиі Димитреи Іванович, яко идетъ на него безбожныи цр҃ь Мамаи и со всѣми своими силами, неуклонно яряяся на хр҃ству вѣру и ревнуя безглавному и злочестивому Батыю цр҃ю. Кн҃зь великиі Димитреи Іванович опечалися велми о безбожномъ нахождении і, вставъ, приіде пред икону Г҃да нашего Іс҃а Хр҃ста и нача молитися и рече: «Г҃ди, аще смею, молю ти ся, смиренныи раб твои, призри на уныние мое, на тя Г҃ди возверзу печал мою, ты бо свидѣтель, владыко, не сотвори нам, Г҃ди, яко же отцемъ нашимъ, яко наведе на них и на грады ихъ злаго законопреступника цр҃я Батыя, и еще бо тому страху и трепету обдержащу. Нынѣ, Г҃ди, не до конца прогнѣвается на нас. Вѣмъ бо, Г҃ди, яко мене ради потребится хощеши землю сию, яз бо пред тобою согрѣших паче всѣх чл҃вкъ сотвори ми Г҃ди, яко Езекею, укроти, Г҃ди, сердце свирепому сему

беззаконному цр҃ю Мамаю и на Г҃да уповах и не изнемогу». Изшед же из ложницы своея, кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь скоро посла по брата своего по кн҃зя Владимера Андреевича, он же бѣ во области своеи въ Боровске. И посла по вся воеводы своя мѣстныя.

Кн҃зь же Владимер Андреевичь скоро приеде на Москву к брату своему к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, і все кн҃зи руския, і воеводы мѣстныя скоро приѣхаша на Москву к великому князю Димитрею [1]) Ивановичю; кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь, видѣв брата своего кн҃зя Владимера Андреевича, и обемъ его и целова і взем за руку і введе его в комнату свою, наедине рече ему: «Слышал ли еси, брате, находящую на нас скорбь от нахождения поганых». Отвѣщав же кн҃зь Владимер Андреевичь к великому кн҃зю Диметрею Ивановичю: «Глава еси, гдр҃ь, всеи земли рускои и како еси обдержим великою печалию о семъ, яко же Г҃дви годно есть, тако и будет. Подобно есть, гдр҃ь, всемъ главамъ нашимъ любезно под мечи умрети за вѣру хр҃стову и за с҃тыя б҃жия цр҃кви и за тебя, гдр҃я, добраго пастыря, нежели работати злочестивому цр҃ю Мамаю, лутче нам града смерть приняти, нежели в срамоте живот видѣти». Кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь вставъ от мѣста на нозѣ свои і воздѣвъ руце свои на небо и рече: «Хвалю тя, Владыко мои, Г҃ди І҃се Хр҃сте, яко брату моему въ сердце вложи умерети имени твоего ради с҃таго». Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь обемъ за выю брата своего и любезно облобызавъ его и рече: «Златопозанная глава, рекох ти, брате, и сущее сердце твое». И паки гл҃я такожде в людях: «да утвердятся юных сердца на подвиг спасения».

І вставъ кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и пойде к преосвященному Киприяну митрополиту и пришед, рече ему: «Вѣси ли, отче, нашу настоящую бѣду, яко безбожныи цр҃ь Мамаи идет на нас

1) въ ркп.: «Дитрею».

неукротимымъ сердцемъ от ярости». Преосвященныи же Киприянъ митрополит рече к великому кн҃зю: «Повѣжды ми, кн҃же великиі, чемъ вы не исправилися к нему». Рече же к нему князь великиі: «Испытахомъ, отче, до велика и до мала, все по отецъ наших преданию, но еще же наипаче воздахомъ ему». Преосвященный же Киприян митрополит рече ему: «Видиши, гд҃не кн҃же великиі, попущением Бж҃иим, нашего ради согрѣшения идет цр҃ь Мамай пленити землю нашу, ино вѣмъ подобает православным кн҃зем тѣх нечестивых дарми утоляти четверицею сугубо, аще того ради не смиритца, то и Гд҃ь смирит его: Гд҃ь гордымъ противится, а смиренным же благодать даетъ. Такожде случися великому Василию в Кесариі Кападокиистеи; отступникъ злыи Улиян идыи на персы и хотя разорити град его, он же помолився Богу со всѣми христианы и собраша много злата и сребра, дабы отступника утолити. Он же паки возярився і Гд҃ь посла воина своего Меркурия, и бж҃иею силою убиі Меркуреи того злаго отступника Улияна со всѣми силами его. Ты же, гд҃не, возми злата и сребра, еже имѣеши и пошли противу ему и паче исправися пред ним». Кн҃зь же великиі Димитреи Іванович з братом своим приіде от митрополита в горнити свою.

О посланиі к безбожному цр҃ю Мамаю от великаго кн҃зя Димитрея Іановича московъскаго і всеа Русиі.

І потомъ кн҃зь велиі нача избирати от двора своего юных етеровъ и ізбра юношу доволна суща умомъ, имянемъ Захарию Тущеева, и давъ ему два толмача, умѣюще языку татарскому и еллинскому и много злата с нимъ послах к цр҃ю Мамаю. Захария же дойде до земли рязанския и слышавъ, что Олгъ кн҃зь рязанскиі і Волгердъ литовскиі приложилися к цр҃ю Мамаю. Захария же посла таино вѣсть к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, что Олгъ кн҃зь резанскиі і Волгердъ литовъскиі приложилися к Мамаю. Кн҃зь же великиі Димитреи Ивановичь слышавъ таковую вѣсть и нача сердцемъ двизатися, абие ярости и горести наполнися и нача молитися: «Гд҃и Бж҃е мои, на тя надѣюся правду любящаго, аще бо ми врагъ пакости дѣял, то подо-

бает противу его терпѣти, яко же искони есть врагъ роду христианскому. Сия же други мои і искренніі мои тако на мя умыслиша, суди, Гди, межю има и мною. Яз бо ни единому никотораго зла не сотворих, разве чести и даровъ от них взимах, тако же им і даровах. Суди, Гди, по правде моеи, да скончается злоба грѣшных». І востав же, кнзь великиі Димитреи Ивановичь поиде з братомъ своим со кнземъ Владимером Андреевичемъ во второе къ преосвященному митрополиту Киприяну и повѣда ему, како Волгердъ кнзь литовъскиі и Олгъ кнзь резанскиі совокупишася с Мамаемъ. Митрополит же рече: «Самъ, гдне, вѣси, кою обиду сотворил еси им». Кнже великиі прослезися и рече: «Аз пред Бгомъ грѣшен есмь человѣкъ, а к нимъ ни единыя черты по отецъ своих заповѣди не преступих. Вѣси бо самъ, отче, никоея же обиды не сотворих имъ и не вѣмъ, чесо ради умножишася на мя стужающіі ми». Митрополитъ же рече великому кнзю Димитрею Ивановичю: «Просвѣти мя веселиемъ, гдне кнже великиі, книги чтеши и разумѣеши законъ бжіі, слико творяи правду, не подвижются на тя человѣцы, правду бо возлюби, нѣсть иного помощника, развѣ егда Двдъ пророкъ глетъ, яко обыдоша мя пси мнози, и сонмъ лукавых обдержаша мя, суетно и тщетно поучается, но яко Гдь помощникъ мнѣ, призови мя в ден печали своея і избавлю тя, и ты мя прославиши. Глет Гсдь: именем Гсдним противляхся им; аще ли, гдине, коего члка Бгъ хранит, то не можетъ его погубити весь мир, аще ли на коего члвка гневъ бжіі приидет, может ли его весь мир укрыти, Гдь праведен есть и правду возлюби. По правде твоеи и будетъ ти Гдь помощникъ, от всевидящего ока влдки и от крѣпъкия руки и ігде кто можетъ укрытися» [1]).

Кнзь же великиі Димитреи Ивановичь з братомъ своим со кнземъ Володимеромъ Андреевичемъ и со всѣми рускими кнзи избра дому яко стражю уготовити тверду. Изобраша отроцы тверды от велмож своих разумных и храбрых зѣло оружникъ

1) въ ркп. послѣ этихъ словъ стоитъ: О . . . — неоконченное заглавіе.

на сторожу во кнзех, им же суть имя [1]) да Якова Андреевича Усатова да Василя Тупина і иных с ними многих витязей храбрых. И повелѣ имъ кнзь великиі со всякимъ усердиемъ добывать языков, дабы истинну услышати црва хотѣния. И повелѣ им ѣхати близ орды до быстрые Сосны. И потомъ же кнзь великиі повелѣ грамоты россылати по всѣм градом и повелѣ быти готовымъ на бран з безбожными агаряны, а были бы совокуплени на Успениев день Пресвятыя Бцы на Коломне.

Тѣж стражи в Поле замедлиша. Кнз же великиі з братомъ своим и з бояры умысли вторую стражю послать, а им повелѣ возвратися вскорѣ и посла Клементьева Полева да Івана [2]) да Григоря Судока і иных многих с ними. Они же стретоша Василия Тупина Оки рѣки, ведуще языка к великому кнзю Димитрею Ивановичю от сановитых царевых Мамаевых людей. І приведоша языка, язык же повѣдаетъ кнзю, яко не ложно црь Мамаи идетъ на рускую землю и како обослашася и совокупишася с ним Олгъ кнзь резанъскиі і Волгердъ литовъскиі. А не спешит бо црь того ради, яко осени ждет. Слышавъ же кнзь великиі от языка того такия словеса и паки нача молитися, гля: «Влко Гди Iйсе Христе, Сыне безначалнаго Цря, сошедъ с небеси і воплотися от пречистыя Двы Марiі нашего ради спасения і избави нас от работы вражия. І нынѣ, Владыко прстыи, призри на смирение наше и смири сердце окаяннаго сего царя Мамая и низложи Гди сего злаго, помышляющих на стую вѣру твою». И паки рече: да пришел ли буде Захария со златом к црю Мамаю во орду, и что црь отвѣщаетъ ему.

Захария же, пришед во орду и поемши его темниі кнзи и поставиша его пред цремъ Мамаем і все злато посланное от великаго кнзя предложи пред царя Мамая. Захария же пред цремъ начаша посолство правити. И рече Захария: «Гдрь нашь великиі кнзь Димитреи Ивановичь московъскиі всеа Росіі во отечествіі своемъ здравствует, а твоего црскаго здравия прислал

1) пропущено — Родіона Ржевскаго. 2) пропущено — Свяслова.

мя вопросити, а сие злато посла со мною к тебѣ, прю, твоеи ради царьские почести». Увидѣвъ же црь Мамаи и много злата і возярився, наипаче гордости наполнися горѣе прежняго, и сидитъ црь Мамаи на своемъ црьскомъ мѣсте и сверже башмакъ с правыя ноги своея и повелѣ Захарию ногу свою облобызати. И рече црь Мамаи к Захарию: «Дарую тя от великия славы моея, прежде облобызай ногу мою, тако есть наша црьская почесть, аще ли кого пожаловати». Захария же сотворит тако, яко же повелѣ ему црь. І велми црь подивися красотѣ Захариіне и мудрымъ его отвѣтомъ. И рече црь к Захарию: «Захария, повѣж ми, что есть умыслил ратаи мои Димитреи Московъскиі, яко присла ми злато сие, мняше мя, яко себѣ подобна». И повелѣ злато взяти казаком и рекши им: «Возмите злато сие, да купите платеи на кони своя». И рече црь Мамаи: «Злато твое Димитреи и сребро і все узороче Московское земли в моеи руце будет, а землю же твою раздѣлю служащимъ своимъ вѣрнымъ, а самого тя приставлю пасти стадо верблюжьи». Захария же, исполнися ярости, не утерпѣвъ и рекоша к црю: «Что сие глеши тавому великому гдрю самодержцу, аще Бгъ что восхощетъ, то и сотворит. А ныне ты, црю, хощеши без божия повелѣния сотворити». Предстоящиі ж туто кнзи темниі выхватиша ножи и хотѣша Захарию рѣзати и глаша ему: «Что глеши сие пред цремъ». Црь же посмѣяся и не повелѣ ни единым перстомъ двигнути. И рече [1]) црь к Захарию: «За твою красоту и за предмудрость не велю тя погубити». И паки рече црь к Захарию: «Возвести ми, многолѣтен ли есть ратаи мои Димитреи, ащели млад, то яз помилую его младости ради і возму ево во двор свои, да накажется обычая моего црьскаго, а тамо князя иного посажю». Захария же отвѣщавъ к црю: »Высокъ есть и силенъ и млстивъ Бгъ християнскиі». По семъ же црь рече к Захарию: «Любим есть ты мнѣ, Захария, подобен еси црьству моему предстояти. Служи ми, Захария, сотворю тя властелина велика в Руси, будеши подобен

1) въ рукописи дважды.

Дмитрею, ему же нынѣ служиши». Отвѣщавъ же Захария и помышляюще в сердцы своемъ лестию гл҃ати цр҃ю. И рече Захария к цр҃ю Мамаю: «Не подобаетъ послу, не вершивъ посолския рѣчи, тако же иному цр҃ю отбѣжати. Ащели цр҃ю хощеши сие помиловати и сотворити слугою себѣ, и ты, цр҃ю, повели ми книги дат посолския, и яз, шедъ, великому кн҃зю Димитрею Ивановичю и посолство совершу, да будет род мои почтен людми [1]), и яз тебѣ, цр҃ю, вѣрен буду, что не солгалъ первому гд҃рю и, шед, тамо целование крестное с себя сложу и паки к тебѣ возвращуся, лутче есть зле умрети, а нежели невѣрну цр҃ю служити». И сия словеса гл҃я Захария лестию, помышляюще себѣ, како бы избыти от руки цр҃вы а великому князю истинну повѣдати хотя. Цр҃ь же, слыша сия словеса от Захария, радостенъ бысть велми и повелѣ скоро писание писати к великому кн҃зю. И отрядивъ цр҃ь Захария и четыре кн҃зи честныя и любимыи цр҃ю Мамаю: перваго кн҃зя Кизбыемъ зовут, любимой постелникъ цр҃въ, вторыи Лучин, дьякъ цр҃въ, третии Агиш именем, любимый конюшей цр҃въ, четвертыи Сендеян, клюшник цр҃въ и с ними отрядиша татариновъ мелких н҃ чл҃вкъ. Захария же таино ходяще, моляшеся и рекуще: «Мати Б҃жия пр҃чстая Бц҃а, помяни мл҃тву смиреннаго раба твоего гд҃ря [2]) великаго кн҃зя Димитрея Ивановича. Царица, владычица пресвятая Бц҃а, помилуи, дабы не размыслил цр҃ь послати тѣх окаянных со мною на Русь». Цр҃ь же повелѣ грамоту писати к великому кн҃зю сицеву: «От восточнаго и грознаго, от болшие Орды, от широкаго Поля, от силных татар цр҃емъ цр҃ь грозный Мамаи и многим ордамъ гд҃рь. Рука моя многими цр҃ствы обладает, и десница моя на многихъ цр҃ствах облежит. Ратаю нашему Димитрею московъскому [3]), вѣдомо да есть ти, яко улусами нашими владѣеши, а нашему цр҃ству не поклонишися. Да есть ти вѣдомо, буди, гд҃не, рука моя хощет тя казнити, ащели младъ еси, то приди ко мнѣ и поклонимися, да помилую тя, а в твое

1) въ ркп. люлюдми. 2) въ ркп. дважды. 3) въ ркп. московъсковъсковъскому.

мѣсто пошлю цр҃ьствовати иного кн҃зя. Ащели сего не сотвориши и все грады твоя имам разорити и огню предати, а самого тебя великои казни предам». Цр҃ь же, отпустив Захария и кн҃зеи своих на Рус, и рече к Захарию: «Возвратися ты, Захария, ко мнѣ вскорѣ». И повелѣ его проводити честно.

И егда приближися Захария близ Оки реки и. д҃. татарина і иные, иже посла цр҃ь на Рус татар своих. От Оки рѣки посла Захария таино к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю вѣстника, чтобы прислал на встречю татаромъ. Захария же рече татаромъ: «Ужже вам честно встретят от великаго кн҃зя». Они же высокоумием гордяшеся. Кн҃же великии, отрядивъ скоро в стрѣтение ради Захариина т҃ чл҃вкъ двора своего и сретоша их на сеи странѣ Оки рѣки. Татаровя же ждут почести. Захария же повелѣ хватати татаровъ і вязати их. Татаровя же вопиюще и гл҃юще: «О прелстих еси нас, Захария». Захария же, взем грамоту цареву, посланную к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, и передра ю на двое і выбравъ татарина і вдах ему раздранную грамоту, и рече Захария татарину: «Возвратися ты един и рцы безбожному цр҃ю своему, яко не обретох въ чл҃вѣцѣх безумнѣе тебя, а грамоту твою пред свѣтлые очи г҃дря моего не принесох и прочтох ее самъ і видех безумие твое, посмѣяхся и передрах ю, а служити яз тебѣ, цр҃ю, радъ своимъ мечемъ над (т)воею головою». И сие рекъ и отпусти татарина к цр҃ю. И пришед татарин к цр҃ю і возвести бывшее и грамоту давъ ему передранную. Цр҃ь же въскочивъ от мѣста своего и нача сердитовати и рече: «Великою прелестию прелстил мя Захария». И повелѣ неуклонно подвизатися воиску своему на рускую землю. Захария же пришед в славны и град Москву и челом удари сво(ему) г҃дрю, великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, всѣх татар приведе связанных. Кн҃з жь великиі Димитреи Ивановичь велми радостен бысть и подивися великому разуму Захариіну. Захария же повѣда великому кн҃зю все прилучившееся в Ордѣ, яко же впереди писахомъ. Кн҃з же великиі сотвори пир честен на Захарию и почтивъ Захарию многими дары.

На утрияж пришед Захария к великому кнѕю и рече: «Скоро, гсдре кнже великиі, подвизаися противъ цря Мамая, посылаи, гдрь, по городомъ своимъ гдрьские грамоты і вели воинству своему совокуплятися, яко црь Мамаи идет скоро на рускую землю». Слышав же кнѕь великиі таковыя словеса от Захария, что не ложно есть востание безбожнаго цря Мамая на православную вѣру, нача радоватися и утѣшатися и укрѣпляя брата своего кнѕя Владимера Андреевича і всѣх руских кнѕеи і рече: «Братие, кнѕи руския і воеводы мѣстныя, гнѣздо есми кнѕя Владимера Киевъскаго, иже он изведен от страсти еллинския, ему же открыи Гдь познати православную вѣру, яко же Плакиде Стратилату. Он же заповѣда намъ ту же вѣру держати крѣпко и поборати по ней. Аще кто ея ради постражет здѣ, ино во оном вѣце приіметъ. Аз бо, братия, хощу за вѣру хрстову пострадати даже и до смерти». И рече кнѕь Владимер Андреевичь і все руские кнѕи і воеводы мѣстныя: «Во истинну Гдь нашъ Иісъ Хрстос законную заповѣдь свершивъ и святому еглию послѣдствуеши, яко же во святомъ еглии написано: кто за имя мое постраждет здѣ, в мире семъ, и яз с нимъ и упокою его в послѣдниі день. Мы же, гди(не), есмь с тобою умрети днес и головы своя сложити за вѣру хрстову и за стыя божия цркви и за свою великую обиду». Слышавъ же кнѕь великиі от брата своего от кнѕя Владимера Ондреевича и от всѣхъ кнѕей руских і воеводъ мѣстных, яко дерзаютъ и побораютъ велми вѣре хрстиянстеи.

О посланных грамотах и да зберутся всяко воинство уряженым полкомъ.

Во дни тыи кнѕь великиі Димитреи Ивановичь посла вѣстники многие и грамоты свои многие розослав: «От великаго кнѕя Димитрея Ивановича всеа Росиі кнземъ и бояромъ і воеводамъ и дѣтемъ боярскимъ і всему воиску і всякому без обмены, чей хто ни есть. Как вам ся наша грамота придет і выб часа того [1]) во

1) въ ркп. пропускъ: лѣзли.

един день и нощь, а других бы есте грамот не дожидалися и збиралися бы все неложно со всеи земли на Успениевъ дн҃ь пр҃стыя Бц҃ы на Коломне, яко да тамо разберемъ подлинно и дадим коемуждо полку воеводу. А сами б есте грамоты посылали промежь себя, не издерживая ни часу. Писано на Москвѣ лѣта ,sѡпѳ-го году, мц҃а августа в е҃і де». Сия грамоты и вѣстники розославъ по всеи земли.

О приѣзде многих воин на Москву.

Людие мнози приспѣша к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю і вси яко единеми усты гл҃аху: «Соверши Бг҃ъ течение наше пострадати имяни твоего ради ст҃аго». И приидоша к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю кн҃зи Бѣлозерския со многою силою, яко видѣти чинно велми и подобницы суще бо яви, добре учреженно воиство их: Кн҃зь Ѳедор Андреевичь, да кн҃зь Семен Михаиловичь, да кн҃зь Андреи Киевъскиі, да кн҃зь Глѣбъ Каргаполскои и Андомские; и приидоша же Ярославские кн҃зи с своими силами: кн҃зь Андреи Ярославъскиі, да кн҃зь Роман Прозоровъский да кн҃зь Левъ Кипскиі, да кн҃зь Димитреи Ростовскиі, и с ними многие кн҃зи и бояре и дѣти боярские, иже есть.

Братие, стук стучит и гром гремит в славномъ граде Москъвѣ, стучит силная рат великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго, а гремят руские сынове злачеными доспѣхами.

Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь, поимъ брата своего кн҃зя Владимера Андреевича і православные кн҃зи и поеде к живоначалнои Троицы и ко отцу своему преподобному игумену Сергию. И приеде ко обители и тамо шед в монастыр и благословения получивъ от всея обители святыя. И моли его преподобныи игумен Сергиі, дабы слушал литоргиі Божиі. Приспѣвъ же день воскресныи, память ст҃ых мч҃нкъ Ѳлора и Лавра. Отпущеннои же литоргиі, моли преподобныи игумен Сергиі со всею братиею, дабы вкусил хлѣба св҃тыя обители. Великому же кн҃зю Димитрею Ивановичю нужно есть велми: в тои же время приідоша вѣстницы к нему і возвѣстиша ему, яко уже приближаются татаровя. И моли преподобнаго Сергия кн҃з же великиі,

дабы его отпустил. И рече ему игумен Сергиі: «Замедление сугубо поспешитца, живот ти будет, не у же бо ти еще венецъ на побѣды сия наитти, но во спомявших лѣтех, иным уже венцы плетутца». Кнѫже великиі Димитреи Івановичь вкуси у преподобнаго игумена Сергия во обители, і в то время преподобныи игумен Сергиі повелѣ воды освящати с мощеи свѭтых мчникъ Ѳлора и Лавра. Кнз же великиі скоро воста от трапезы, преподобны же игумен Сергиі, окропивъ свѭтою водою великаго кнзя і все хрстолюбивое воинство и благословив великаго кнзя крстным знамениемъ и рече: «Поиди, гдне, на супротивныя враги; Богъ тебѣ да будетъ помощникъ и заступник в скорби». И таино рече ему: «Побѣдиши супостаты своя». Княз же великиі прослезивъся и дару от него прося; он же рече ему: «елико довлеет твоему гсдьству». И рече кнзь великиі: «Отче, даи ми два воина от полку своего, воеводъ, да и тѣ пособствуют с нами». Он же рече: «коих, гдне, хощеши?» Кнз же: «Даи ми, отче, Пересвѣта чернеца и брата его Ослябя». Преподобныи же Сергиі игумен повелѣ им скоро готовитися, яко вѣдомыя сут ратницы; они же послушание преподобнаго игумена Сергия сотвориша и на бран готови быша. Преподобныи же игумен Сергиі дасть имъ во тленных мѣсто оружие нетлѣнное — крстъ хрстовъ, нашитъ на схиме, и повелѣ имъ возложити на главы своя. И дасть ихъ преподобныи в рукѣ великому кнзю и рече ему: «Се ти мои оружницы, а твои изволницы». Кнз же великиі Дмитреи Івановичь приемлет их и рече имъ: «Братия моя, постражите, яко другиі воини христовы». Преподобныи же игумен Сергиі дасть великому кнзю Димитрею Ивановичю і всему православному воинству мир и благословение и отпустив их. Кнзь же великиі обвеселися срдцемъ и не повѣдая никому преподобнаго игумена Сергия таиных речеи. И рече ему преподобныи игумен Сергиі: «Поиди, гдне княже великиі, ко граду своему Москвѣ и прими аки [1]) нѣкое сокровище некрадомое благословение старческое».

---

1) въ ркп. «аки» дважды.

Кнз же великіі приіде от сѣтые обители въ славныи град Москву и паки поими с собою брата своего кнзя Владимера Андреевича и поиде к преосвященному митрополиту Кипреяну и сказа ему, как преподобныи игумен Сергіі дал ему благословение і всему воинству. Митрополит же повелѣ сия словеса сохранити и не повѣдати никому, еже рече ему игумен Сергіі таиные словеса. Кнз же великіі, приіде от митрополита и іде в ложницу свою, яко к вечеру сущу, изыти уже великому кнзю противъ безбожныхъ агарян.

Яко дивно страшно видяти і велми чюдно зрѣти, зѣло и жалобно слышати плачющеся великую княгиню Евдокию, іныя многия княгини и боярыни, провожающе мужей своих, кричаще и вопиюще, і вси народи града московъскаго плачущеся і вопиюще; мужие и жены стекошася во град, рыдающе і вопиюще, в церковь прчстыя Бдцы, честнаго и славнаго ея Успения, и младенцы своя на руках своих приношаху ко образу прчстыя Бдцы и рекоша: «Помилуи, Влдца, гсдря нашего великаго кнзя Димитрея Івановича, посубствуй ему на враги, услыши молитву нас грѣшных рабъ своих и младенцевъ нашихъ, яко да ты, Бже, сотвори, елики хощеши, избави нас от варварскаго плетения и от лютаго рыдания, от великаго пламени, мняще, яко земли, нашего Іса Хрста воплотившагося и рождьшагося от тебѣ. Не даи, Гсди, в разорение града сего поганому сему прю Мамаю, да не осквернит сѣтыя твоея вѣры християнския и умоли Сына своего, Гсда нашего Іса Хрста, творца и создателя, да подастъ нам руку свою и смирит сердце враговъ нашихъ, да не будет рука их высока, и свою помощь посли с ними и нетлѣнную ризу свою, да в ню же одѣемся, да не страшливъ будет ранами. На тебя бо надѣемся, Влдчца, и помолися Сыну своему и Богу нашему, яко твои бо есми раби, ты бо, Гсже Бдца, родила еси, аще хощеши і можеши нам помощница быти па супротивныя враги наша, иже не призывают имени твоего свтаго. Мы же, Гсже, на твою милость надѣемся противу безбо Печенѣг, да будет противу ихъ, да будет, Гсже, умолен Сынъ твой тобою и Богъ нашъ».

Кнз же великиі Димитреи Ивановичь приіде к чюдотворцу Петру митрополиту и припаде ко гробу его святаго и нача молитися: «О, чюдотворче святителю Петре, по милости бжиі готовъ еси творити безпрестанно чюдеса, и нынѣ ти приспѣ время молитися за нас ко общему влдце, днес бо всѣх злѣе явящих належащих супостат поганих на мя приснаго раба твоего крѣпко ополчишася и на град твои Москву вооружаются, тебя бо Гсдь наш прояви послѣднему роду нашему, вжег тя нам свѣтлую свещу на свѣщницѣ высоцѣ, и тебѣ бо подобает о нас молитися, да не приідет на нас рана смертьпая, и рука грѣшная да не погубит нас; ты бо еси первыи нашъ водителю и страж крѣпкиі граду нашему Москвѣ, яко твоя бо есми паства». И скончав молитву сию и приложишася у раки мощеи его святаго и поклонився митрополиту Киприяну и благословения прося. Он же благослови его и отпустив и дастъ ему хрстово знамение. И посла митръполит Киприян борзо свщенныя соборы и клиросы во Ѳроловские і в Костянтиновъские і в Николские ворота з живоносными крсты и з чюдотворными иконами, да всякои воин благословен будетъ. Кнз же великиі Димитреи Ивановичь з братомъ своим со князем Владимером Андреевичем поиде въ церковь пбснаго і воеводы архистратига Михаила і вшед въ црквь помолитца свтому ево образу. И приступиша ко гробомъ православных великих кнзеи прародителеи своих и рекуще: «Истинниі храпителие, православия поборницы, аще имѣете дерзновение у Гсда Бга помолитеся о нашемъ упыниі, яко велико востание приключися намъ чадом вашимъ. И нынѣ убо подвизаитеся с нами». И сия рекъ, изшед ис церкви.

Великая же княгиня Евдокия и кнгиня кнзя Владимерава жена і иных православных кнзеи княгини и с воеводскими женами, и многое множество народу града Москвы, мужеи и жен и малых отрочат, провожающе великаго кнзя Димитрея Ивановича, во слезах восклицанием сердечнымъ не могуще слова изрещи. Великая же кнгиня Евдокея дастъ гсдрю своему Димитрею Ивановичю конечное свое целование. Кнзь великиі Димитреи

Івановичь мало самъ от слез удержався и не давъ себя прослезити, народа ради, а сердцемъ своим горко слезяще, и рече своеи великои княгине Евдокее: «Жено, аще Богъ по нас, никто же на нас». И протчиі княгини и боярыни и с воеводскими женами [1]).

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь, въступив в свое златокованное стремя і всѣдъ на свои избранныи конь, і вси князи і воеводы такожде поседаху на кони свои. И тогда ему сл҃нце на востоце ясно сияет, пут имъ кажет. Уже бо тогда, аки соколы от златых колодицъ рвахуся ис камена града Москвы. Кн҃зи же Белозерстиі выехаша особ своими полки, урядно бо их видѣти, воиско же их учрежено по достоянию, яко достоит имъ избавити стада лебидиные.

Кн҃з же великиі отпусти брата своего, кн҃зя Владимера, с войскомъ на Брошевъскую дорогу, рекше Деревенскою, а Белозерскихъ кн҃зеи — Болвановкою дорогою, а сам же кн҃зь великиі пошел на Котелъ. Спереди же ево сл҃нце удуб грѣетъ, а по немъ кротко вѣтрецъ вѣет. Сего ради раздѣлися з братомъ своимъ, не вмѣсте дорогою пошли, яко умѣститися единою дорогою не мочно.

Великая же княгиня Евдокия с снохою своею и со всеми кн҃гинями и с воеводскими женами взыде на свои златоверховои теремъ на набережнои и сяде на рунке под южными окны и уже бо конечное зрение зрит на великаго кн҃зя Димитрея Івановича, а слезы проливающе от очию своею, яко рѣчную быстрину, и зшибѣ руцѣ свои к персемъ и рече: «Г҃сди Бж҃е великиі и страшныи, призри на мя грѣшную смиренную рабу свою; сподоби мене аще видѣти г҃сдря моего, славнаго в чл҃вѣцехъ великаго кн҃зя Димитрея Івановича; даи же ему, Г҃сдь, от крѣпъкия руки твоея помощь побѣдити Аммалика и не сотвори, Г҃сди, яко за мало лѣт была бран на Калках християном з безбожными татары. Спаси и помилуи и не даи же, Г҃сди, погибнути оставшему

1) здѣсь — пропускъ въ ркп., чт.: повратишася в домы своя.

хрстиянству, да славится имя твое с҃тое. От такие великия рати до Мамаева нахождения р҃ѯ лѣтъ, и от тое Калкские брани руская земля уныла. Уже ни на кого надежи нѣт, толко на всевидящаго Б҃га. А толко у себя имѣх двѣ оттросли, и тѣ еще малы — кн҃зя Василья Дмитреевича, да кн҃зя Юр҃я Дмитреевича, и егда же поразит ихъ сл҃нце сь юга или вѣтрецомъ повѣетъ их или на запад противу их, одва они терпѣти могут. Аз убо да то сотворю, да сождати бы им, Г҃сди, по здорову отца своего, то земля руская спасетца, а они цр҃ьствуютъ бо во вѣки».

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь взявъ с собою г҃ мужеи силныхъ от Сурожан, рекше от ростеи, видения ради, аще что Гдь Богъ случит, и они имут видяти і в далпих странах [1]) имут повѣдати, яко нарочитые сут сходницы. Суще гостей имяна от Сурожан: а҃-го Василя Палицу, в҃-го Сидора Алѳерева, г҃-го Костянтина Белца, д҃-го Козму Коверу, е҃-го Сама Антонова, ѕ҃-го Михаила Саларева, з҃-го Тимоѳея Васкова, и҃-го Димитрея Черного, ѳ҃-го Івана Шиха, і҃-го Дементья Саларева. Да тогда же возвѣявше вѣтры, і воздвигошася великиі кн҃зь і вси кн҃зи и бояре и дѣти боярские успешно грядутъ, яко медвенные чаши пити или ясти хотятъ до сытости, дабы добыти себѣ чести и славнаго имени во вѣки. Возвѣявшу вѣтру велику, а в нем громъ великъ стучит. Вскоре кн҃зь Владимер Андреевичь повелѣ реку Москву возитца на красном перевозѣ в Боровске.

Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь приіде на Коломну в суботу на память с҃таго Моисея Мурина, и бысть уже тут мнози ратницы, кн҃зи і воеводы и въстретоша великаго кн҃зя Димитрея Ивановича на рѣчке на Сиверке. Архиепископ же Еуѳимеи въстрѣте его великаго кн҃зя во градных вратѣх в Ывановъских з живоносными кр҃сты и с чюдотворными иконами и с крылосы и оградив его кр҃стомъ и молитву говорив: «Спаси Б҃же люди своя и благослови достояние свое». І вси идоста в цр҃квь, и туто кн҃зь великиі многих кн҃зей і воеводъ звал к себѣ хлѣба

1) въ ркп. на поляхъ: «земляхъ».

ясти. И сие оставъшее иди и паки на предлежащее возвратимся.

Иную повѣсть да скажу вам о мужех Новгородцех великаго Новаграда.

Тогда же бысть Новград великіі самовластны; цр҃я над ними не бысть, егда сия побѣда донская. И новгородцы же тогда владѣюще сами собою, воинству же бысть тогда учинили избраннаго нарочитаго [1]) и со многими странами в мире не живуще, храбрости ради своея. Яко многажды приходяще Нѣмцы и Литва на украины их и хотяху пленити землю их, они же выходяще и побиваху их. Сами же новгородцы, в велицеи славе живуще, спасени быша Соѳиею, премудростию Бж҃иею і Варламом чюдотворцемъ, иже есть на Хутыне, и архиепископомъ великаго Новаграда и Пскова Еуѳимиемъ. Послушаите сего, братия, егда же приидоша ис поля вѣстницы к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю, яко цр҃ь Мамаи идет плепити землю рускую с великою силою, и услышанно бысть великимъ кн҃земъ Димитриемъ Ивановичемъ, яко Олг҃ъ кн҃зь резанскіі і Волгердъ литовъскіі совокупишася с Мамаемъ хотят вкупе разорити православную хр҃стиянскую вѣру, и тогда кн҃зь великіі Димитреи Іваповичь в велицеи печали бысть, і вся земля московская смятеся о папрасном пахождении безбожнаго цр҃я Мамая. Кн҃з же великіі тогда отвергше от себя печал и повелѣ войску своему совокуплятися вскорѣ и хотя изыти на встрѣтение безбожному цр҃ю Мамаю и хотя пострадати о вѣрѣ християнстей. В то же время тогда быша на Москвѣ гости новогородцы с товаромъ торгу ради: Николаи новогородец, да Іванъ Василевъ сн҃ъ Усатои, да Дмитреи Плонскои і иные многие гости быша. Услышавъ же сие, вскоре возвратишася в великіі Новъград и, пришедше, возвестиша посадникомъ своимъ все і о великом кн҃зе Димитрее Ивановиче прилучившееся скорби его. І восташа скоро, притекоша мужие новгородцы пред вяд҃ку и падоша на колени своя

1) въ ркп. пропускъ, чит.: ,,п.

и моляшеся о великиі кн҃зе, дабы умолити о нем Хр҃ста Бг҃а нашего. И такожде ко владыце Еуѳ҃ию притекоша и падоша пред нимъ и рече: «Вѣси ли, гд҃не отче, таковое востание на великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго и на всю православную вѣру, яко цр҃ь Мамаи идет пленити землю рускую і вѣру хр҃стову искоренити, и святыя бж҃ія цр҃кви разорити, и сеи безумныи Олгъ кн҃зь резанскиі і Волгердъ литовъскиі, и тѣ совокупишася с Мамаемъ цр҃емъ, хотят вкупѣ гонити православную вѣру хр҃стову, мы же, отче и гд҃не, слышахом, яко кн҃зь Димитреи Ивановичь силою бж҃иею и своим высоким смирениемъ ополчился противу има, хощет, отче, за вѣру христову умерети». Слышавъ сие архиепископъ новгороцкиі, яко велико гонение хощет быти на християнство і возмутився срдцемъ, і востав на нозе свои и паде на землю на лицы своемъ и плачася горко пред свѣтыми иконами вседержителя Спаса и пр҃чстыя Бц҃ы, моляшеся, и рече Еуѳимеи ко образу Гд҃ню и пр҃чстые Бц҃ы молящеся за великаго кн҃зя и за все православное хр҃стиянство: «О всемирная Цр҃ца чюдная Бц҃а, милостивая и премилостивая Дв҃о чистая, не скверная, мт҃и Гс҃да нашего Іи҃са Христа, да вѣмъ ти, умоли Сн҃а своего, Хр҃ста Бога нашего, да смирит лва сего свирѣпаго поганаго цр҃я Мамая, хотящаго осквернити пр҃стое і великолѣпное имя твое и свѣтыя храмы разорити и родъ християнскиі искоренити. Помоги, Гс҃ди, великому кн҃зю над погаными агаряны і возвыси, Гд҃и, десницу християнскую». І востав от мл҃итвы и рече архиепископ Еуѳимеи посадникомъ новгородским: «Которые ради потребы приидосте ко мнѣ». Они же рекоша ему: «Придохом, гд҃не отче, к тебѣ того ради, аще ли благословиши венецъ приняти с верховными сыньми московскими. Хотим, гд҃не, вкупѣ пострадати, имени ради хр҃стова». Архиепископ же Еуѳимен прослезився и рече: «Благословен Бг҃ъ нашъ, таковую благодат дах въ сердца ваша, идите и повелите собрати народа новгороцкаго, и кую рѣчь принесут ко мнѣ». Посадницы же новгородстиі, возшед на стѣну града, и повелѣша звонити в вѣстный колокол, народа ради, збиратися на совѣт к великому архиепископу

Еуѳимию. И по всѣмъ улусамъ повелѣ ездити на конех и звати на совѣт, гл҃юще: да всякиі чл҃вкъ нынѣ приідет на совѣтъ, яко земская дума думати. И снидеся народу много к совѣту. Посадницы возвѣстиша архиепископу, яко снидеся народ мног. Архиепископъ же Еуѳимеи всел в сани и [1]) приѣде на собор и став на ступени и повелѣ уставити народы от молвы. Посадницы же повелѣша проповѣдникомъ вещати, дабы народ умолчал. Проповѣдницы же мнози гл҃юще народу, яко да молчат от молвы.

Архипископъ же новгородскиі Еуѳимеи рече велегласно во услышание всѣмъ: «О мужие великаго Новаграда от мала и до велика, всякои чин і возрасть, слышите ли, сынове мои, каково гонение приспѣ на вѣру христову, яко поганыи цр҃ь Мамаи идет на рускую землю, на великаго кн҃зя Димитрея Івановича московъскаго и хощетъ вѣру христову осквернити и ст҃ыя Бж҃ия церкви разорити, а род християн искоренити. Кн҃з же великиі Димитреи Івановичь, помощию Гд҃а нашего Іи҃са Христа и пречистыя Бц҃ы, вооружився противу поганых и хощет желанно по Христе пострадати [2]). Молю же вы, сынове мои, подвигнитеся і вы с ним с великимъ кн҃земъ, вѣры ради христовы, да получите вѣчную жизнь во ономъ вѣце». Слышавъ же сия, новгородцы, возгласиша велѣгласно вси, яко единеми усты, и падше поклонишася на лицах своих архиепископу Еуѳимею, рекоша: «Отче с҃вѣтыи, ты еси нашъ учитель, ты еси глава всѣмъ намъ, ты еси пастыр словесным овцам стада христова. Готови есми днес, отче, скончатися, вѣры ради христовы головы свои положити по Христѣ, Бз҃ѣ нашемъ, а немочно нам, г҃сдне отче святыи, оставит великаго кн҃зя Димитрея Івановича московскаго единаго, ащели, г҃дне, кн҃зь великиі спасенъ будет, то и мы с ним спасемъся. Даи же нам, г҃дне отче, днес собратися, а утреи поидемъ вси на пут спасения». Архиепископ же Еуѳимеи приіде от них во своя кели. Они же, мужие великаго Новаграда, нача

1) въ ркп. «и» дважды. 2) въ ркп. «постради».

избирати от велмож своих воевод крѣпких, і выбраша воевод крѣпких и мудрыхъ зѣло: а̄-го воеводу Василя Василевича посадника, в̄-го Ѳому Михаіловича Красного, г̄-го Андрея Івановича Волосатово, д̄-го Димитрея Даниловича Заверияжского, е̄-го пана Львовича, ѕ̄-го Юря Захаревича Хромово, і иных многих отрядиша с ними избранново новгородцкаго воинства ,м̄ и заповѣдаша всѣмъ, яко заутра, егда услышат колоколъ вѣстныи, и готови будите всѣ на дворище у ст̄аго Николы. Архиепископ же Еуѳимеи востав к заутрени и повелѣ по заутрени воду осв̄тити с мощеи многихъ святителей. И бысть яко первыи час дни, повелѣ звонити архиепископъ, яко до по тому звону сьѣдутца все воиско на площадь к соборнои цр̄кви, к Соѳее премудрости бж̄иі. Они же сьѣхашася вси воинские люди вскорѣ, не остася ни един в домѣхъ своих. Архиепископъ же повелѣ кропити попомъ и дпякопом св̄тою водою, самъ же св̄титель, возшедъ на степен і возгласивъ велѣгласно, рече: «Послушаите мене, чадца, приложите ухо сердецъ ваших, нынѣ, чада, хощете итти на пут спасения, і вы, чадо, не утолите лица своего, ни един от вас, от поганых и не дадите плещеи своих пред ними бѣгати, яко всѣмъ единою смертию умрети, да живот вѣчныи постигнете от Г̄да Б̄га». І все воеводские люди, яко единеми усты вопияху и рекоша ему: «Един, отче, Б̄гъ свидѣтель, должни есми умрети по Христѣ Бз̄ѣ нашемъ». Святитель же, воздѣвъ руцѣ свои и благослови их и рече: «Б̄гъ правитель да будетъ вамъ». И отпусти их і вземъ честныи крестъ Г̄дне и огради всѣхь воеводъ і все воинство и рече: «Грядите и не умедлите, да не останете жизни вѣчныя». Они же, вседше на кони своя и наполнишася радости и поидоша, яко златопарніі орли по воздухомъ паряще, ищуще восточныя свѣтлости. Тако же и сиі правовѣрніі воини скоро идуще и глаголюще: «Даи намъ, Г̄ди, въскорѣ видѣти любезно великаго кн̄зя Димитрея Івановича московъскаго». Новгородская же рат приіде к Москвѣ к великому кн̄зю на помощь; яко приближишася ко граду Москвѣ і возвѣстиша им града Москвы, яко кн̄зь великиі

вчерашній день на Коломну пошел. Они же отпустиша к великому кн҃зю вѣстниковъ возвестити о своемъ пришествіи, а сами скоро шествіе творяху ко граду Коломнѣ. Вѣстники же пріидоша к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю і возвестиша, яко шесть воевод идетъ к тебѣ, к великому кн҃зю на помощь, новгородцы, а с ними воинства ѕ҃ вооруженых. Бысть ж тогда день воскресныи. Кн҃зь же великіі в то время бысть у заутрени, и пришед вѣстник к великому кн҃зю, яко пріидоша вѣстницы от повгородцовъ, а сказывают, яко идутъ шесть воеводъ, а с ними силы ѕ҃ избранново воинства новгороцкаго. Кн҃зь же великіі повелѣ ихъ скоро поставити пред собою, яко хотя слышати от них истинны. И поставиша их пред великимъ кн҃земъ; они же сказаша ему такожде. Кн҃зь великіі воспроси их: «Далече ли есть воеводы ваши і воинство все». Вѣстницы же рекоша к великому кн҃зю, яко поприщь пят от града. Кн҃з же великіі прослезився и рече: «Бж҃е хвалныи и Бж҃е чюдныи и милостивыи, яко от нечаемыхъ даеши помощь», и радостен бысть велми. Кн҃зь великіи Димитреи Ивановичь многихъ витязеи в стрѣтение новгородскимъ воем посла. І воинство же новгороцкое сташа близ Коломны. Витези же великаго кн҃зя приѣхаша близ новгородцкаго воинства, і воеводам ихъ покланяхуся и к великому кн҃зю возвращахуся. Воинство же новгородское велми уряжено по подобию и чинно конми, и портищи, и доспѣхами, и пансыри, и шеломы, все позлачены и на портищах у них много бысть злата и сребра и бисеру драгоценнаго, и на седлах у них все злато и сребро. Кн҃з же великіі Димитреи Ивановичь повелѣ воеводам их і витяземъ болшимъ быть пред собою. Воеводы же новгородцкие пріидоша и поклонишася великому кн҃зю Димитрею Ивановичю любезно. Кн҃з же великіі Димитреи Ивановичь приятъ их с великою честию и зва их к себѣ хлѣба ясти и многих витязеи повгородских, и сотвори имъ кн҃зь великіі Димитреи Ивановичь пир велми честен и одаривъ их великими дары и посла о семъ вѣстники к славному граду Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну и к великои кн҃гине Евдокее. Они же слышавше

таковое мл҃рдие Бжие и с великою радостию прославиша Бг҃а, давшаго им благодат свою.

Кн҃з же великиі урядивъ полки по достоянию и учини коемуждо полку воевод и заповѣда всему своему воинству не прикасатися ни х чему к новгородскому. И повелѣ кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь всѣмъ воеводамъ на поле выехати к Девичью монастырю, і всему воинству сниматися повелѣ. Тогда же солнцу восходящу, и нача мнози трубы и арганы гласити и стези ревут наволочепы у саду Панѳилова. Сн҃ове же рустиі наступиша поле Коломенское, яко не мочно бѣ никому очима видѣти воиска того, а новгороцкия же полки особ стояще чинно, велми уряжены по достоянию. яко немочно зрѣти на полки великаго кн҃зя. И полки же великаго кн҃зя стояще і в трубы гласяще і в варганы бююще.

Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь з братомъ своимъ со кн҃земъ Владимером Андреевичемъ нача ѣздити по полкамъ і видевше многое множество воиска своего возрадовашася радостию великою зѣло. И приѣде к полкомъ новгороцкимъ, они же падше и поклонишася ему до земли. Кн҃з же великиі Димитреи Иванович видевъ воиско их уряжено по достоянию учрежение их, парочиты и храбри велми. Кн҃зь же великиі подивися учреженію ихъ и храбрости и урядив коемуждо полку воеводу. Себѣ же кн҃зь великиі приемъ в полкъ кн҃зеи белозерских; а в правую руку урядив брата своего кн҃зя Владимира Андреевича и давъ ему в полкъ ярославъских кн҃зеи; а в левую руку урядив новгороцкие посадники; а в передовом полку урядивъ воеводы кн҃зя Глѣба Дрункова да Дмитре Всеволожа; володимерского и коломенского полку воевода Микула Василевича; володимерскиі и юревъскиі воевода Тимоѳей Валутевичь; костромскиі воевода Іван Родионовичь Квашня; переславъскиі воевода Андреи Сергеевичь. А у кн҃зя Владимера Андреевича воеводы: Данило Костянтиновичь Белоутов, да кн҃зь Ѳедор Ялецкои, да кн҃зь Юри Мещерскои, да кн҃зь Андреи Муромъскиі. И тѣ со всеми своими полки вмѣсте. И повелѣ имъ кн҃зь великиі Оку реку возитися. И рат

великаго кн҃зя благословение взявъ у архиепископа коломенскаго у Еуѳимия, а сам кн҃зь великиі перевезеся Оку реку под Коломною на Девичемъ перевозе и заповѣда коемуждо полку, аще кто поидет по резанскои земли да никтоже бы не коснулся ни единому класу их. Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь рече брату своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: «Поспешимъ, брате, противъ безбожных агарян и не утолимъ лица своего от бестудия их, ащели смерть прилучитца намъ, то не смерть, но животъ вѣчныи, иже путемъ своимъ идемъ, призывая сродницы своя на помощь, с҃вятых мч҃нкъ Бориса и Глѣба.

О раскаянии Олга кн҃зя резанскова.

Слышав же кн҃зь Олгъ резанскіі, яко кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь совокупился со многими силами, а идет въ стретение противъ безбожнаго ц҃ря Мамая, но паче вооружен твердою своею вѣрою, иже к Б҃гу о всѣхъ и за вся, имѣя упование ко вседержителю Б҃гу. Нача Олгъ кн҃зь резанскіі от мѣста на мѣсто преходити и нача гл҃ати со единомышлеными своими, ни гласа, ни речения чаянному своему дѣлу не удоб разумѣюще: «Аще б было намъ мочно послати вѣсть ко многоразумному Волгерду литовъскому, но заста намъ путь. Аз убо чаяхъ по прежнему, яко не подобаетъ рускому кн҃зю противъ восточнаго ц҃ря стояти, нынѣ убо разумѣю, откуды ему помощь будет». Юноши же пред нимъ стояще и сказаша ему, яко кн҃зь великиі идет со многими силами на ц҃ря Мамая, и рекуще ему бояре его: «Намъ, кн҃же, преж сего повѣдали за е҃і днеи, мы же боялися того тебѣ повѣдати. Сказывают в вотчине ево есть игумен Сергеи, велми прозорливъ, тоиже паче вооруживъ его от своихъ калугеръ и давъ ему два пособника». Слышав же то кн҃зь Олгъ резанскии от бояр своих, яко приидоша к нему на помощь новгородцы со многою силою своим воинствомъ, их же, сказывают, учрежено воинство их и красно велми и храбро зело, и он же наипаче нача боятися, уже бо нача яритися гнѣвом не бояр своих: «Почто ми есте не сказали преже сего, дабы шел и умолил бы нечестиваго ц҃ря, да ничто же бы зла сотворилъ великому кн҃зю Димитрею Ивановичю

московъскому. Горе мнѣ окаянному, яко изгубих умъ свои, но паче убояхся, единъ оскудех умомъ, но и боле меня и умомъ разумливее, — Волгердъ литовъскиі, тои же нам паче не взыщетца; он же Петра Гугниго закон разумѣх, яз же каковы истинны разумѣхъ, почто поползохся; того ради [1]) о мнѣ рече, аще раб вѣдает закон гс̄дна своего, согрешит и не соблюдет и биен будетъ много. Нынѣ убо что сотворю и которому слуху разумѣю, аще дам великому кн̄зю повиновение, работати иму, вѣсть бо он измѣну мою, то не приимет мя к себѣ; аще убо приложуся к печестивому цр̄ю Мамаю, то по истинне, яко древнии гонител буду на православную вѣру хр̄стову, яко новаго Свѣтополка земля мя жива пожретъ, не токмо княжения лишенъ буду, но и живота вѣчнаго гонзпуся. Аще ли Гдь по них, никто ж на них, аще же всегда о немъ молитца прозорливыи мних тои Сергеи. Аще ли ни единому помощи не сотворю, то впрок от обоих могу пожити, и кому Гс̄дь поможет, тому и присягу имѣю.

О раскаяниі Волгердове и о разрешениі совѣта ихъ.

Волгердъ же предреченным уроком своимъ совокупи Литвы много и поиде на помощь к безбожному цр̄ю Мамаю. И приіде же Волгердъ к Одоеву городу и услышав, яко Олгъ кн̄зь резанскиі убояс, и пребысть Волгердъ оттуду недвижимъ. И нача размышляти своя суетныя помыслы і видѣ совокупление свое разно разделишася и совѣты своя разрушены и пача яритпся на паны своя и гл̄ати, сертуя: «Елико изведетца человѣкъ от премудрости своея, такожде і в чюжеи мудрости пребывати не довлѣет, николи же бо Литва учима бѣ Резаню, и изведе нас из ума кн̄зь Олгъ резанскиі, а самъ паче нас погибе. Нынѣ же пребудем здѣ, доидеже услышимъ московъскаго побѣду».

Сказание о дву братех о Волгердовичах.

В то же время услышавъ кн̄зь Андреи Волгердовичь полоц-

1) въ ркп. «ра».

кіи, да кн҃зь Димитреи Волгердовичь брянскіи, яко велика туга печаль належит великому кн҃зю Димитрею Ивановичю московъскому і всему православному хр҃стиян от безбожнаго цр҃я Мамая. И рече самъ себѣ кн҃зь Андреи Волгердовичь: «Да идемъ к нему на помощь, бѣста бы мы отцемъ своимъ ненавидимы и от мачехи своея кн҃гини Анны». И аки нѣкия класы допроплодия, терниемъ подаляеми, они же посредѣ нечестия живуще, и не бѣ тогда имъ роду достоинаго расплодитися. І вскорѣ кн҃зь Андреи к брату своему ко князю Димитрею посла з грамотою таино, а в неи писано сице: «Веселися, брате мои возлюбленныи, яко отецъ наш отверзе от себе нас, но паче отецъ го ради живота, нб҃сныя ради почести, якоже Г҃сдь уготова творящимъ волю его». Вѣстникъ же приіде ко кн҃зю Димитрею Волгердовичю и даша ему грамоту в руцѣ от брата его от кн҃зя Андрея Волгердовича полоцкаго. Он же приімъ грамоту и прочет послание и нача рыдати велми и плакати и рече: «Г҃сди вл҃дко чл҃вколюбецъ, дан же нам рабомъ своимъ хотѣние свое совершити блискимъ путемъ, начнемъ подвизатися подвига сего во брань, еже открыл брату моему старѣишему». И рече вѣстникомъ: «Сице рцыте брату моему, кн҃зю Андрею: готов есмь с тобою по твоему наказанию, брате г҃не мои, колко есть воиска моего, то все вкупѣ со мною, бж҃иімъ промыслемъ совокуплены иныя ради брани належащих ми от дунаиских татар. И нынѣ рцы брату моему, яко прiідоша ко мнѣ московские купцы с Сѣвера, а сказываютъ уже великаго кн҃зя Димитрея Ивановича московъскаго на Дону, яко пребыти хощет, тут бо ждати сыроядцовъ. И подобает намъ птти на Сѣверу, пут предлежит, и тамо совокупитися памъ, ибо отца своего утаимся, от шествие их на Сѣверу не возбранит нам студно». По малех же днех снидошася два брата желанно со всѣми своими силами і в Северп і видѣвше радостию великою, яко же иногда Иосиѳь со Велиамином, и облобызавшеся любезно два брата, кн҃зь Андреи да кн҃зь Димитреи Волгердовичи, и видѣвъше у себя множство людей и сердечно вооружишася, яко нарочиты противницы полводцы. Приспѣша же на Дон борзо и

наѣхаша [1]) великаго кн҃зя Димитрея Іановича московъскаго об сю страну еще Дону, на мѣсте речномъ береге, и туто совокупишася с великимъ кн҃земъ. Кн҃з же великіі Димитреи Івановичь з братомъ своимъ со кн҃земъ Володимеромъ Андреевичемъ совокупишася с ними. Волгердовичи кн҃зь Ондреи да кн҃зь Дмитреи на том же мѣсте возрадовашася радостию великою и удивишася силе бж҃іі, яко не удоб бѣ мочно таковому быти. Г҃сдь посла их путемъ своимъ, яко дѣти, оставиша отца своего, яко же волсви Ирода поруганна. Волгердовичи же приідоша на помощь, и многими дарми почтивъ их кн҃зь великіі, в пут же идуще, радующеся і веселящеся во свѣте [2]), земнаго же отвергъшеся, чающе себѣ, яко оного времяни безсмертнаго в будущии вѣкъ. И рече к нимъ кн҃зь великіі Димитреи Іановичь: «Братия моя милая, коея ради потребы приідосте ко мнѣ, се бо Г҃дь посла вас в пут свои, во истинну ревнители есте отца нашего Авраама, яко таино вскорѣ Лотови поможет, яко доблественному великому кн҃зю Ярославу, яко отмстил обиду брату своему».

Скоро же посла кн҃зь великіі вѣстника к славному граду своему Москвѣ ко преосвященному митрополиту Киприяну: яко Волгердовичи князи приідоша ко мнѣ на помощь со многими силами, отца своего оставиша поруганна. Вѣстник же скоро приеде на Москву ко преосвященному митрополиту Киприяну и повѣдая ему вся бывшая. Митр҃ополит же слышав і вставъ от престола своего, прослезився и молитву сотворивъ рече: «Г҃ди вл҃дко человѣколюбецъ, яко супротивныя наша вѣтры на тихость прелагаютца». И посла во вся соборныя церкви і во обители с҃вятые, мн҃стри и повелѣ молитву творити день и нощь ко вседержителю Б҃гу; наипаче же во обитель живоначалныя Тр҃оцы и пр҃пдбнаго игумена Сергия, да не когда послушае Б҃гъ их молитвы. Великая же кн҃гня Евдокея, услышавъ таковое Б҃жие мл҃сердие и неизреченная его мл҃сть, і в то время сотвори убогимъ мл҃стыни, а сама же великая кн҃гиня Евдокия непрестанно хо-

1) въ ркп. «и на и наѣхаша». 2) въ ркп. «веселящеся».

ждаше в цр҃квь Бж҃ию, молящеся день и нощь. Сие же оставимъ и паки на предне возвратимся.

О прехожденіі через Дон.

Великому ж кн҃зю Димитрею Іваповичю бывъвшу на речномъ береге занят на десят поприща до Дону. Приспѣв же въ е҃ день мц҃а сентября, на память св҃таго пророка Захария, отца Предтечева, и на убиение великаго кн҃зя Глѣба Владимеровича, и придоша два стража его и литовския [1]). «Аще гд҃не княже великіі хощеши крѣпко воиско удержати, то вели Дон реку возитца, нѣт бо ни единым воспят помыслити, а велицеи силе великаго кн҃зя нѣсть числа, яко не в силе Бг҃ъ, в правде: Ярославъ, перевезеся реку, Св҃тополка побѣди, прадѣтъ твои, великіі кн҃зь Александръ, Неву реку перевезеся, короля побѣди, ты же, кн҃же великіі, нарек Бг҃а помощника себѣ и тебѣ подобаетъ такожде творити: аще побиемъ их, то вси спасемься, аще умремъ, то вси общую смерть приімем от кн҃зеи и до простых людеи. Тебѣ же, гс҃дрю великому кн҃зю, оставити смертная словеса, здѣ же иными словесы, и тѣми словесы укрѣпися [2]) і воиско все, убо мы увидимъ, яко множество избранных витязеи в воиске твоемъ». Кн҃з же великіі повелѣ воиску своему Дон реку возитца.

Они же прискаряютъ, яко приближаютца погании татаровя. И мнози же сынове рустіі возрадовашася радостию великою зѣло, зряще своего желаннаго подвига, его же на Руси желаютъ. И за многия дни приідоша на мѣсто мнози волцы и лисыцы, брегчюще по вся дни и по вся нощи непрестанно, гроза же бысть велика, по полкамъ же храбрым сердцам утвержаютца, юноша же слышит руских сн҃овъ; иже паче мнози враны необычно собрашася, не умолкая грающе, яко горамъ играющим; орлы же мнози ото устию Дону прилетеша и ту клицаху, ждуще дни грознаго и Бг҃омъ изволеннаго. Мнози же звѣри стекошася, лисыцы брехчюще и глядяше на злащенны доспѣхи, ждуще

---

1) здѣсь въ рукописи пропущено: рѣчь стражеи и предложеніе — переходить ли Донъ. 2) въ ркп. «укрѣтися».

часа, в он же пасти имут множество трупа чл҃вческаго и кровопролития и грому подающе всему воиску, яко морския воды пролитися. От таваго бо страху и от великия грозы древа приклоняютца и трава постилаетца. И мнози отто обоихъ стран унывают, видяще предъ очима своима смерть. И начаша погании студом помрачатися о погибели же воиска своего, понеже убо нечестивыи, погибе память его сь шумом, а правовѣрнии чл҃вцы наипаче просвѣтишася, радующеся і веселящеся, чающе свершеннаго обѣта и прекрасных вѣнцовъ, о них же повѣда пр҃пдбныи игуменъ Сергиі.

И прибѣгоша [1]) же вѣстницы к великому кн҃зю, повѣдаша ему, яко приближаютца погании татаровя. Кн҃з же великии Димитреи Ивановичь повелѣ воиску своему вооружатися того ж дни. Вѣстницы уже ускоряютъ, яко приближаются погании татаро напрасно зѣло. И бысть яко шестыи часъ дни, прибѣже Семен Маликъ з дружиною своею, сторожи, и по них же мнози татаровя пригнашася, но толико безстудно гнашася за ними. Полки же руския увидевше тоже і возвратишася. И повѣдаша цр҃ю Мамаю, что кн҃зи руския ополчишася при Дону, по бж҃ию промыслу многое множество имъ людеи показашася. Он же нечестивыи цр҃ь Мамаи, разжжен бысть дияволомъ, не разумѣвъ свою погибѣль и кликнувъ напрасно, испусти глас свои, и рече тако: «Сила моя, аще ли сего не одолеем, и тако в свою землю возвратимся како можемъ». И повелѣ цр҃ь татаромъ своим вооружитися и Гусин бродъ через реку бресть и напрасно повелѣ всему воиску вооружитися.

Семен Малик повѣда великому кн҃зю: «яко цр҃ь Мамаи и Гусинъ бродъ переидоша, уже цр҃ь Мамаи о едину нощь имат быти между собою и тобою, утре бо имат приити на Непрядву реку. Тебѣ же великому кн҃зю подобаетъ днес ополчитися, да не ускоряют татаровя». Кн҃з же великиі Димитреи Ивановичь з братом своимъ со кн҃земъ Володимеромъ Андреевичемъ и с литовскими

1) въ ркп. «брибѣгоша».

кн҃зи с Ондреем да з Дмитреемъ Волгердовичи с того часа дни начаша полцы уставливати. Есть же бѣ у них воевода, нѣкто приѣде с литовъскими кн҃зи, именем Димитреи Бобровъ, родом волынские земли, нарочитъ бысть полководецъ, і велми урядно уставиша полцы по достоянию, елико гдѣ кому подобает как стояти.

Кн҃з же великиі Димитреи Іановичь поим брата своего кн҃зя Владимера Андреевича и литовские кн҃зи і воеводы і выѣхаша на мѣсто высокое і видѣвше образ с҃тыи во знамени воображен. Кн҃зь же великиі з братомъ своимъ и с литовскими кн҃зи сташа на высокомъ мѣсте и зряще на прапоры воеводския и на все воиско свое, иже бо сут воукрашеныя во християнскихъ знаменех, аки светилницы солнечныя свстящеся, яко облацы тихо трепещутъ, богатыреи руских хоругви тихо трепещут, аки живы пашутца, щиты на плащаницах воображения и доспѣхи руских сыновъ, аки вода вѣтромъ колыбашеся, а шеломы на главах их позлащеныя — утреняя зоря во время вѣдряное светящеся, яловцы же шеломовъ их, аки пламя огненное пашетца. Мысленно бо видяти их и жалобно зрѣти таковых воин, сыновъ руских удалых молотцов, собрания и храбрость и таковое учрежение ихъ.

Вси бо единогласно и единодушно един за единаго хощет умрети і вси бо единогласно начати гл҃ати: «Г҃сди Бж҃е великиі и страшныи, призри на нас с высоты с҃вятыя своея и даруи православному велпкому кн҃зю нашему побѣду на враги, яко и Констянтину покорил еси под нозе его врага Аммалика, яко же иногда Голияда кроткому Давиду». Литовъские же кн҃зи, кн҃зь Андреи да кн҃зь Дмитреи Волгердовичи удивишася и рекуще сами себѣ: «Не бывал такову воиску, ни при нас и после нас и прижде нас не бывало такова воиска мужеством Гедеоновым. Г҃сдь Б҃гъ сплою своею вооружи их». Кн҃з ж великиі видѣвъ полцы своя учрежены достоино и сшед с коня своего паде на колени на ковыле травѣ на зелене, против великому черному знамени, на нем же воображен образ Г҃да Б҃га и Спаса нашего Иі҃са Христа, і воздохнувъ от сердца из глубины и жалосно слезящеся и нача

звати велегласно: «О влдко, вседержителю тваремъ, смотреливым окомъ вождь на люди своя, иже твоею десницею сотворени сут, избави работы дияволя, і внуши, Гсди, глас молитвы моея, обрати лице свое на нечестивых, иже творят зла рабомъ твоимъ; и молюся убо образу твоему гсдню и прчстои твоей Матери и твердому необоримому молитвенному, еже о нас к тебѣ, рускому свтителю Петру, на его молитву надеемся и призываем имя твое стое».

Кнз же великиі по молитвѣ всед на кон свои и нача ездити по полкамъ и з братом своимъ, со кнземъ Владимеромъ Андреевичемъ, и с литовъскими кнзи и с ыными велможами. И коемуждо полку рече усты своими: «Братия моя милая, сынове християнстиі от мала и до велика. Сия вас нощь приспѣ, а ден грозныи приближаетца, і в сию бо нощь бдите и молитеся и крепитеся мужайтеся: Гсдь самъ силенъ во бранѣх, и здѣ пребудемъ кождо на мѣстех своих. Уже бо гости наши близ нас, на рѣце на Непрядве, утре бо имам пити вси общую чашу, иже друзи мои на пут возжелеша. І вы уповаите на Бга живаго, да мир вамъ будет, братия моя милая, аще на ны утре ускорят погании татаровя». И рече з братиею своею и о западномъ полку. Кнз же великиі Димитреи Івановичь посла брата своего, кнзя Владимера Андреевича, вверхъ по Дону в дуброву, яко утаитися полку его, и давъ ему достоини воини от двора своего, и еще отпустивъ с нимь извѣстного того воеводу Димитрея Волынца. Уже бо нощь противу живоноснаго праздника Рожества прчстыя Бдцы, осен же бѣ тогда и днем лѣтнимъ еще сияюще, и теплота бысть и тишина, а в нощи тои мраци розниі явишася. Во истинну бо рече Гдь: нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрнымъ же просвещенна бысть.

Сказание о примѣтах Димитрея Волынца.

Пришед Димитреи Волынецъ и рече великому кнзю Димитрею Івановичю и брату его кнзю Владимеру: «Утаитеся, гдне, ис полковъ своих, і выедите одни, да скажу вамъ примѣту свою, уже бо нощи глубоце и зоря потухаше, межь полковъ примѣту

указываетъ». Димитреи же Волынецъ всѣдъ на конь свои и поимъ с собою кн҃зи едины суши і выехаш на поле Куликово и ставъ пред обѣих полковъ своих и татарских, и рече имъ Волынецъ: «Слушаите с страны татарскихъ полковъ». И слышав же кн҃зь великиі в татарских полкех стук великъ и клич чл҃вскиі, аки торги силныя снимаютца, аки градъ зиздящу и трубы гласяще, и бысть ззади полков татарских волцы воюще грозно велми, по правои странѣ орлове кричаще, бысть трепет и кличь птичеи велми великъ, враномъ же, аки горам играющимъ, и противу ихъ по рече по Непрядве гуси и лебеди крылми плещут, необычную грозу подают. И рече Димитреи Волынецъ: «Гроза велика слышати от них». И рече ему кн҃зь великиі з братомъ своимъ: «Ничтоже, токмо видехомъ от множества огне зари снимахуся». И рече Волынецъ к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю и к брату ево кн҃зю Владимеру Андреевичю: «Обратися, г҃дне, на полки руских[1]) сн҃овъ и слушаите, что есть тамо о страну руских полковъ». І в рускихъ полкех бысть тишина велика. И рече Волынецъ к великому кн҃зю Димитрею Ивановичю: «От стану, гс҃дне кн҃же великиі, добро знамение и примѣта, призываите Б҃га неоскудною вѣрою». И рече Волынецъ: «Еще ми есть примѣта». Сниде Волынецъ с коня своего и паде на десное ухо к земли и лежа час и воставъ от земли и абие пониче к земли. И рече кн҃зь великиі Димитреи Ивановичь: «Что есть, брате, на ползу сия примѣта». Волынецъ же не хотя сказати ему великому кн҃зю. Кн҃з же великиі понудивъ его. Он же рече: «Кн҃же великиі, едина ми есть на ползу, а другая же скорбна: слышах я, г҃дне, землю плачющуся надвое — едина бо страна горко плачющеся еллинскимъ языком о чадех своих, напрасно вопиюще, другая же страна, аки нѣкая вдовица тихо и жалобно плачевнымъ гласомъ. Аз же множество тѣхъ примѣтъ испытах, сего ради надѣюся о Б҃зѣ и ст҃ых мч҃нкъ Бориса и Глѣба сродники вашими, а яз чаю побѣды на поганых а християн паденія

1) въ ркп. «руских я сн҃овъ».

будет». Слышав же то кн҃зь великиі и прослезився велми и рече: Тако будет [1]) державе Гс҃дне». И рече Волынецъ к великому кн҃зю: «Не подобает тебѣ, гд҃не кн҃же великиі, повѣдати и о том в полкех своих, но токмо вели Бг҃у молитися и с҃вятых его призывати и рано утре вели имъ подвизатися на кони своя, всякому воину вели крѣстом ограждатися, то бо есть непобедимое оружие на противъныя.

О явленіі с҃тых мч҃нкъ Бориса и Глѣба нѣкоему вѣрному чл҃вку.

Туто же бѣ нѣкто вѣрны чл҃вкъ, имянемъ Ѳома Сигклитикъ, бѣ разбоиникъ, и поставленъ бысть великимъ кн҃земъ сторожемъ, мужества его ради от поганых, на рѣчке на Чару Михаилове стояти. Сего ради крепля яко Бг҃ъ открыти ему видѣти нощи тоя великое видѣние: на высотѣ видѣ облак изряден зѣло. И приіде нѣкиі полкъ великъ от востока от полуденныя страны; и придоша два юноши, свѣтлы лица их, с҃вятящеся яко солнце, а в руках своих имеюще мечи острыя и рекуще полковникомъ татарскимъ: хто вам повелѣ требити отечество наше, намъ Гс҃дь дарова». И нача их сечи. И ни единъ от них не отбысть. И тако невидимы бысть и целомудръ. И повѣда на утре таковое свое видѣние великому кн҃зю единому. Кн҃з же великиі рече ему: «Не гл҃и, брате, про таковое свое видѣние никому». Сам же кн҃зь великиі, воздѣвше руце свои на небо, и нача молитися и гл҃ати: «Гс҃ди вл҃дко чел҃вколюбецъ, молитвами с҃вятых мч҃нкъ Бориса и Глѣба помози ми, Гс҃ди, яко же Моисею на Аммалика, и яко Давиду на Голияда, и первому Ярославу на Свѣтополка, и прадѣду моему великому кн҃зю Александру на хвалящаго римскаго короля, разорити хотѣлъ отечество его. Нынѣ по грѣхомъ моимъ воздаи же ми, Гс҃ди, но излеи на ны м҃лсть свою и просвѣти нас благоутробиемъ своимъ, не даи же нас, Гс҃ди, в посмѣх врагомъ нашимъ, раб своих, да не порадуются о нас врази наши, да не рекут срама на вѣрных: гдѣ есть Бг҃ъ их, на

1) въ ркп. «будет» дважды.

него же уповаша. Помози ми Гсди християномь, ими же величается имя твое свтое на сердцах их».

Сказание о битвенномъ и ступенном и о горкомъ часу, в нем же множество создания бжия пасти имат. О горкиі час, о престрашное время, о година, кровопролития исполнь.

Приспѣ же время мца сентября въ и день великаго праздника спасения хрстияномъ Рждства престыя Бцы, светающу пятку і восходящу слнцу, бывшу же утру мгляну и начаша стези християном простиратися и трубы многия гласити. Кнз же і воеводы і все удалые люди, вседше на кони своя. И укротишася кони их гласом трубнымъ, и кождо под своимъ знаменемъ идяше же, полцы великаго кнзя, а идуще по поучению великому велено. Часу же второму наставшу дни, и начаша гласы трубныя гласити от обѣих стран.

И снималися полки ратныхъ на рѣке Дунае великаго кнзя, да пря Мамая, трубные гласы снимаютца, а сами еще не видятца. Из рек же многих выды выступали от ратные силы их, а татарские трубы онемѣша, руския же твердишася, а сами еще не видятца, занеже бѣ утро мгляно велми есть; от земля востанула от востока и до моря, от запада и до Дуная; по полю же Куликову видѣнием яко прегибатися, реки же выступиша из мѣсть своих; бродимым же по них многимъ людямъ, яко же николи на мѣстѣ томъ великомъ полкомъ таковым не быт. Кнзь же великиі Димитреи Ивано на конѣ ездя по полю и переседающе на избранныи свои конь и ездя по полкамъ своимъ и со слезами глюще: «отцы и братия моя, Гсда ради подвизаитеся и свтых ради црквеи і вѣры хрстиянския. Сия бо смерть не смерть, но живот вѣчныи наслѣдити прство небесное. Ничто бы помышляите земнаго и не уклоняитеся на свое дѣло, но вѣнцы небесными увязаитеся от Гсда Бга и Спса нашего Іиса Хрста.» Утвердишаше полки и паки приѣхавше под первое свое знамя черное и ссяде с коня своего и сяде на иноі конь и совлече с себя приволоку прьскую и облечеся в воинскую одежду. Тои же кон свои дастъ Михаилу Андреевичю Бронскому и ту свою при-

волоку на него ж положил, иже бѣ ему любимъ паче мѣры. И повелѣ кн҃зь великиі знамя рынде носити над нимъ; и под тѣмъ знаменем убиен быст рында. Кн҃з же великиі став на мѣсте своемъ і воздѣвъ руце свои на небо і вложи руку свою в недра і вынев҃ъ живоносныи кр҃стъ, на нем же бѣ воображения хр҃стовы страсти, в нем же живоносное древо. Кн҃з же великиі живоносному кр҃сту молится і восплакася горко: «тебѣ уже надѣюся конечно, живоносному кр҃сту, иже симъ образомъ явися греческому цр҃ю Констянтину егда ему брани сущи с нечестивыми, и чюдотворнымъ твоим образом побѣдих: не могут бо обрѣзани чл҃вцы стояти противу образа твоего. И тако удиви Г҃сдь милость свою на рабѣхъ своих.

Сослание от преподобнаго игумена Сергия, сия ему гл҃юще.

В то же время пришедше книги от преподобнаго игумена Сергия, в них же бѣ писано великому кн҃зю Димитрею Ивановичю і всем руским кн҃земъ и бояром и воеводам і всему православному воиску мир и благословение. Кн҃з же великиі слышавъ писание преподобнаго игумена Сергия и любезно целовавъ посланника того, его расторъца любезнымъ целованиемъ, тѣм же, аки нѣкими твердыми бранми утвердишася. Еще же дастъ ему старецъ дар посланныи от игумена Сергия — хлѣбъ пречистыя Бц҃ы. Кн҃з же великиі сѣде хлѣбецъ и простре руце свои на небо і возопиша велегласно: о велико имя прест҃ыя и живоначалныя Троицы; пр҃стая Г҃споже Бц҃а помогаи намъ на противныя враги, молитвами твого угодника преподобнаго игумена Сергия спаси души наша.

Кн҃з же великиі всед на кон свои и приемъ копье свое і вземъ палицу свою желѣзную в руки и подвижеся ис полку вонъ і восхотѣ преже самъ начати битися со агаряны прежде полковъ своих от горести души своя за землю рускую и с҃вятыя цр҃кви и за православную християнскую вѣру и за свою великую обиду. И мнози же руския кн҃зи и богатыри удержавше его і возбраниша ему: не подобает тебѣ великому кн҃зю самому в полку битися; тебѣ великому кн҃зю подобает особ стояти и на нас смо-

трити то, пред кем намъ явитися, егда же упасет тебя Гсдь великаго кнзя милстию своею; то времянныя чести, почему разумѣешъ, кого даровати. Мы же готови есма все головы своя сложити за тебя великаго кнзя, за ласковаго гсдря. Тебѣ же гсдрю подобает рабом своим, елико кто служит головою своею, тѣмъ памяти сотворяти по смерти, яко же Леонтеи црь Ѳеодору Тирону в книги соборныя велѣл написати памяти ради руским же кнземъ, иже по нас будут. Аще ли тебя единаго изгубим, то у кого чаяти имат воздания. Аще вси спасемся, а тебя единаго не станет, твои успех будет намъ и будем вси, яко стада овчиі неимуще пастыря в пустыни влачими бѣ, еже пришедше дивиі волцы распудят овца, елико кто хощет; тебѣ подобает спасти себя и нас. Кнз же великиі прослезися и рече имъ: братия моя милая, добрые ваши рѣчи и не могу я противу вас отвѣщати извѣстно, паче неже утѣшно, но токмо похвалю вас, вы бо есте во истинну блазиі раби; но паче вѣсте и разумѣете мучение стаго страстотерпца хрстова Ареѳы. Егда бѣ Улияномъ цремъ, по многих же муках повелѣ црь вывести на позорище и усѣкнути главу его; и доблиі воини избраннаго воеводы единъ пред единымъ ускоряет и един за единаго хощет умрети и главы своя под мечь клонят, видяще убо побѣды своя. И тои воевода невозбранно воиску своему рече: вѣсте-ли, братия моя, о семъ на сего цря, не аз ли прежде вас почтен бысть земныя ради чести, не аз ли прежде вас дары взимах, нынѣ же преувѣдѣти подобает моеи глвѣ небеснаго цря прежде усѣченнеи быти, паче же вѣнца. И приступивъ воин усѣкнув главу его, последи же и шестьдесят воин усѣкнув; такожде и нас, братие, хто мене боле в руских кнзех от вас почтен бысть і вамъ всемъ глава бѣ благая от Гсда приях, злых ли не могу терпѣти, мене ради единаго вся сия збышася и кому видѣти вас побиваемых и протчая к тому не терплю, общую чашу имам пити с вами и единою смертию умрети, аще ли умру с вами, нынѣ же вси останемся уже кто потягнет первыи.

Яже полки разступишася: в первомъ полку воевода Дмитреи Всеволод, да брат ево Володимер; с правую же руку бредут

Микула Василевичь с коломенцы и с новгородцькими посадники. А поганыя же Агаряны бредут убо пол, несть имъ мѣста, гдѣ раступитися. Безбожны же цр҃ь Мамаи, выехав на мѣсто высокое с тремя со кн҃зими своими и начаша смотрить чл҃вческаго кровопролития. Уже бо близ себя сходящеся погании с рускими пол(ки). І выиде печенег ис полку татарскаго богатыр пред всеми мужествомъ своим являшеся, именем Телебеи еллинскимъ языкомъ, подобен есть древнему Голияду. І видѣвше сего Пересвѣтъ чернецъ, любеченин, иже бѣ в полку у Володимера Всеволожа, и двигнувся ис полку вон и рече: сеи чл҃вкъ ищет подобнаго себе, и аз хощу с ним видѣтися. И пыхая яко левъ и аки жених хощет восприяти небеснаго цр҃ьствия, бѣ бо шелом на главѣ его ангелскиіго образа вооружен схимою по повелѣнию преподобнаго игумена Сергия и рече: отцы и братия, простите мя грѣшнаго, и ты, брате Ослябя, прости и моли за мя Бг҃а. І все воиско яко единеми усты гласомъ великимъ возопиша: Г҃сдь Бг҃ъ да простит тя и с҃вятыи игумен Сергиі. И напусти старецъ на печенега, яко на мя вооружившася; он же безбожныи печенег устремися противу Пересвѣта чернца и рекоша в себѣ: ох Махмет, помагаи мнѣ. Вои же християнстиі яко единеми усты возопиша: Боже нашъ, помози намъ рабом своимъ. И ударишася крѣпкии два богатыря межю собою оружиемъ своимъ и мни ему, яко едва мѣсто не проломишася под ними; и спадоста оба на землю с конеи своихъ мертвы и туто скончашася.

И се уже наставше третему часу дни, видѣв же то кн҃зь великиі Димитреи Іванович и рече своему воиску: видите, братия, яко гости наши погании приближаются к намъ и іспивают волныя чаши, ведут себѣ поведенную; инии же от них уже испиша і весели быша, уже бо время подобно час приспѣвшу. И приіде кождо ко своимъ конем и поскочиша вси на кони своя, аки медвенныя чаши пити; храбрым же с҃рдца веселящеся, а иным же с҃рдца ужасошася. И удариша кождо по коню своему и кликнувше вси единогласно: с нами Бг҃ъ, разумѣите языцы и покаряитеся. И паки рекоша сынове рустиі, Бж҃е, помози намъ на противныя

враги наши, не дай же нас, Гс̄ди, помощь на враги. А поганыя же кликнувше боговъ своих на помощь и окаяннаго Махмета: ох Махмет, помози намъ и моли о нас. И соступишася крѣпко бьющеся, зацепляхуся щиты богатырския о вострыя копя и о злаченыя доспехи ломаютца, и летя кровь богатырская по седламъ златокованным, и сверкают сабли буланныя около голов богатырских, и катаютца шеломы с личинами подъ копытами добрых конеи на сыру землю; и потоптани быша, не едини бо руския богатыри побиени быша, но и татарских вдвое есть: не токмо оружиемъ биющеся, но сами о себя разбивахуся, а в трупу мертвых мнози умираху от великия тесноты задыхахуся. Коль велико поле Куликово, яко же бѣ в немъ не мочно вместитися, но то мѣсто тѣсно стало меж Дону и межю дву рѣкъ. Но на томъ бо поле велицы полцы силни великаго кн̄зя и татарския снимашеся, из них же выступали кровавые езера, облистание же мечное трепеташеся, яко силніі молніі от рук богатырских, от мечнаго сѣчения бысть же тогда трескъ и ломъ копеинои, яко громъ великіі, не мочно бѣ слышати, не токмо видѣти сего грознаго дни и страшнаго часа: во един день убо час, в мегновеніі ока от множества тысящь побиваемо создания Бж̄ия, і воли Гс̄дни совершается. Не ослабевают християне с печенеги. Уже шестому часу наставъшу дни и бжіімъ попущением, а нашихъ ради согрѣшениіх нача одолевати християн печенеги погании. Уже возлияс хвала на хулу, і вержеся диво на землю уже от многих сот и под кони сотрошася. Богатыри ж русския аки драва дубравная клонятца на землю под копыта добрых конеи и погибающе; а самого ж великаго кн̄зя уязвиша велми. Он же уязвлен склонися с коня своего на землю и поиде с побоища пѣшь, яко не мочно ему битися. По стези же великаго кн̄зя многажды татаровя секоша и не истребишася бж̄иею силою, паче укрепишася.

О видении еже виде н̄бса отверста.

Нѣкіі чл̄вкъ, сия слышахом от вѣрнаго самовидца гл̄ь, иже бѣ от полку кн̄зя Володимера Андреевича и повѣдаху видение

свое великому кн҃зю Димитрею Іваповичю, яко въ ѕ҃ час, в битвенную годину сего дни видехом над вами небо отверзостася, из него же изыде облакъ, аки багряная заря, и над вами ниско держащеся, и тои же облакъ исполнен рук чл҃вческих, коя же рука держаще оружие, аки нѣкая древа красная зѣло и цвѣты красныя многия, а иная же рука держаще венцы прекрасныя. И егда наставшу седмому часу, мнози же ото облакъ того отпустишася венцы на главы рускимъ сыномъ. Погании же одолѣша, а християнъския полки оскудѣша, уже бо мало християн, а все то видят погании.

И видѣвше то кн҃зь Володимер Андреевичь великую погибель християнскую, аки класы пшеничныя подавляеми терниемъ, а терние растяше болши. Благовѣрныи же кн҃зь Володимер Андреевич не моги терпѣти побѣды християнския и рече Димитрею Волынцу: брате Димитрие, кому бо полза есть наше стояние, и киі успѣх будет намъ, уже кому имъ пособити. И рече Димитреи Волынец: бѣда уже, кн҃же, велика, не у же пришла година, начиная бо без времени, вред себѣ прииімати; мало убо претерпимъ подобная да получимъ, вон же воздание отдадим противникомъ нашимъ поганым; нынѣ толко в сиі и час Бг҃а призываите к себѣ на помощ; то осмаго часа година гонити имам; в он же имат быти благодати бж҃иі и помощи роду хр҃стиянскому. Кн҃з же Володимер Андреевичь воздѣвъ руце свои на небо и рече: Г҃сди Бж҃е нашъ, содѣтелю тваремъ, сотворивыи небо и землю и предстоящая на ны крамолу днес, не даи же врагомъ радоватися о нас поганым; мало показни нас, много помилуи, безна бо его мт҃и. Сынове же рустиі в полку его плачющеся, видящеся, яко звани на бракъ сладково вина пити. Волынецъ же возбраняше имъ: пождите мало, буявиі сыновы християстии, еще есть с кемъ вамъ тогда утѣшитися и с кем вамъ веселитися.

О исходе потаеннаго полка у кн҃зя Володимера Андреевича, иже пребысть в дуброве.

Присѣв же время, час осмыи, и абие потягнув Духъ бж҃иі з западу. Возопив же Волынецъ гласомъ великим: Кн҃з же Воло-

димере, час приіде, а время приближися. И рече кнзь Володимеръ Андреевичь: братия моя и друзи, дерзаите, сила бо стаго Духа помогает намъ. Богатыри же руския выехаша из дубравы зеленыя, аки соколы у(д)аришася на многие жеравлиные стада. Тако же и сие ударишася витязи, направлены крѣпкимъ воеводою, бяху бо яко Давыдови отроцы. Сим же сердце бяху аки львовы образни живуще і виде яко овечие стада приідоша. Погании же видѣша мнози полцы и кликнув же глюще: увы намъ, Рус паки умудришася, хуждьшиі брашася с нами, а богатыри же вси соблюдошася. И обратишася погании и даша плещи свои бѣжати и погибоша. Сынове же рустиі силою стаго Духа гонящеся за ними и побиваху их помощию стых мнкъ Бориса и Глѣба. Погании же сѣчени быша аки лѣс клоняхуся; бѣжаще татаровя и глюще еллинскими языки: увы тебѣ, црю Мамаю, вознесся еси до нбси и до ада низшел еси; мнози же уязвлени сыновѣ рускиі помогаху намъ и секуще поганых без милости, ни единому мочно, какъ убѣжати, занеже кони их утомишася. Црь же Мамаи, видев побѣду свою, пача призывати бги своя, Перуна і Коловита и Раклия і Гурса і великаго своего пособника Махмѣта і не бысть ему от них помощи, сила бо стаго Духа, яко огнемъ пожигает, татарские же полцы с рускими мѣчи секутца. Видев же црь Мамаи погибел свою, иже новыя люди приідоша; и речѣ угодникомъ своимъ кнземъ: побегнемъ, ничто же бо намъ добра чаяти, но себя упасемъ і головы свои унесемъ. И абие црь Мамаи і побѣжав с четырми кнзи своими и мнози же сыновѣ рускиі за ними гнашася і не догнаша их: кони бо у них цѣлы сут, на бою не утомишася. И гонящи же, сынове рустиі возвратишася і обретоша мертвых многое множество трупы поганых обо полъ реки Непрядвы, идеже бѣ помощ бысть полкомъ крестьянскимъ, иже сут биеми от стых мнкъ Бориса і Глеба, о них же провиде Ѳома разбоинникъ, егда на сторожи своя. Богатыри же руския за погаными гнашеся і тогда паганныхъ всех побиша і возвращахуся вси кождо под свое знамя, яко не бысть в полку великаго кнзя, чающи его яко убиен бысть.

Кнзь же Володимер Андреевич стах на костяхъ под черным знамѣнемъ і не обретѣ брата своего великаго кнзя Дмитрея Ивановича в полку, толко литовские кнзи Волгердовичи едини. І повѣле кнзь Володимер Андреевич трубити в собранную трубу; і пожда часъ і не обретѣ брата своего великаго кнзя і нача плакати и кричати велми і нача самъ по полкамъ ездити і не обретѣ брата своего великаго кнзя Дмитрея Ивановича. І нача глати: братия моя милая, кто виде іли кто слыша своего пастыря, то перво ражденныи пастыр, і не будет пастыря и разыдутца овцы, кому сия честь будет і кто сей побѣде побѣдникъ будет явитися. І речѣ ему литовские кнзи: мы мним, яко жив есть, но уязвлен велми, егда в трупѣ мертвых будетъ. Іныи же воин речѣ: азъ видех его в пятомъ часу дни крепко бьющеся палицею своею с поганными Агаряны. А инныи рече: опосле того аз видех его бьющеся с четырми татарины і належатъ ему велми. А инныи же некто юрьевскиі юноша, імянемъ кнзь Стеван Василевич Новосилскиі, тот рече: аз его видех перед твоимъ приходомъ пеша ідуща с побоища, велми уязвлен; того ради аз не могох ему помощи подать—в то время аз гонимъ былъ тремя татарины, по милости бжиі одва я от нихъ спасохся и много я от нихъ пострадахъ. І рече кнзь Володимер Андрѣевич: известно ли виделъ еси брата моего великаго кнзя жива, то по истинне не будет у нас первыи рачител. І слышав же оттроцы такие словеса от кнзя Во(ло)димера Андрѣевича і разехашася по великому грозному побоищу победителя искати. Ови же наехаша убитаго мѣртва Михаила Андреевича Брынскаго в преволоке великаго кнзя і в шеломѣ; іни же наехаша кнзя Ѳеодора Семеновича Белоезерскаго, чающиі его великимъ кнземъ, зане приличен бе ево образу. Два же воина етеры уклонишася на десную страну к дубровѣ, единъ імянемъ Ѳеодоръ Сабуръ, а другиі Григореи Холпищев, родом же оба костромичи. Мало же поехав в побоища великаго кнзя избитаго добре, едва отдыхающе под сеченымъ древомъ под березою. І увидевше его і спадоша оба с конеи і поклонишася ему. Сабуръ же Ѳеодор возвратився скоро

ко кн҃зю Владимеру Андрѣевичю і повѣдая ему: гс҃дрь нашъ великиі кн҃зь Дмитреи Іванович здравствуетъ і црс҃твуетъ во вѣки. Слышав же кн҃зь Володимер Андреевичь і вси кн҃зи і воеводы от Сабура таковую велию радость і поскочиша на кони своя скоро. И приехав к великому кн҃зю і падше поклонишася ему на ногу его і пролия слезы своя и гл҃юще: радуися, кн҃же нашъ, древниі Ярослав, а новы Александръ, радуися светлоруские земли пастырю добрыи заблудшимъ овцамъ, побѣдителю всемъ врагомъ, сия же побѣда, а тебѣ гс҃дрю честь довлеетъ. Кн҃зь же великиі Дмитреи Ивановичь сдва рече брату своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: что ти есть, брате, поведаите ми. І рече кн҃зь Владимер Андреевичь по милости бж҃иі и пречистыя его Матери, милостию і молитвою сродникъ наших с҃вятых мученикъ Бориса и Глеба і молениемъ рускаго святителя Петра митрополита и пособника нашего і вооружителя игумена Сергия і техъ всех с҃вятыхъ молитвами врази наши побеждени суть, мы же спасохомся. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович, слышав таковыя словеса от брата своего і от велможь своих, воста от места своего і рече: сеи день, иже сотвори Гс҃дь, возрадуемся і возвеселимся вонь. І паки: сеи день гс҃днь веселитеся людие, велии Гс҃дь, чюдна дела твоя, вечер водворитца плачь, а заутра радость. І паки рече: хвалю тя Гс҃ди Бж҃е мои і почитаю имя твое с҃вятое во веки, иже паки не дал еси нас іному языку в похвалу і не дал еси нас в погибел врагомъ нашимъ, еже на мя умножишася; но суди ми, Гс҃ди, по правде моеи и да скончаются злоба грешных, аз же в век уповаю на тя. І приведоша великому кн҃зю кон повиненъ. І всед на коня своего кн҃зь великиі і поехав по побоищу і видевъ воя своего много побито добре, а поганных четверицею боле того побито. І обратися к Вл҃нцу и рече кн҃зь великиі Дмитреи Ивановичь Дмитрею Волынцу: воистинну ты Дмитреи разумееш і неложные сут приметы твои, подобает тебѣ всегда воеводою быти над полками.

І нача кн҃зь великиі з братомъ своимъ со кн҃земъ Владимеромъ и с литовскими кн҃зи і с рускими со оставшими кн҃зьми і воеводы ездити по великому и грозному побоищу, ср҃дцемъ сте-

няше і слезами омываяся. І наехаша на место, на нем же лежат восмь кн҃зеи бѣлозерскихъ, вкупе побиени сут, тол велми бо напрасно бишася они, яко един за единаго мертвъ. Тут же близъ их лежит убитъ Микула Василевичь. Над ними же став кн҃зь великиі над любезными рабы своими і нача плакати и гл҃ати: братя моя кн҃зи рустиі сн҃ве, аще імете дерзновение у Гс҃да, пом҃лтеся о нас; вем бо, яко послушаетъ вас Бг҃ъ; і паки помолитеся о нас, да вкупе будемъ с вами. І пріиде на инное мѣсто і наеде своего наперсника Михаила Андрѣевича Бронскаго, і близ его лежит крепки стражь Семен Малин, і близъ их лежит Тимоѳеи Валуевич. Над ними же кн҃зь великиі став і плача горко і рече: братия моя возлюбленная, моего ради образа убиени есте, кто бо таков рабъ может гд҃ну своему служити, яко мене ради сами мысленно на смерть поехали есте; воистинну древнему Авису подобен, иже от полку Дария персидскаго ц҃р҃я, иже сие тако сотворил. Лежащу же туто Семену Малику і рече кн҃зь великиі: крепки мои стражи, твердо ми пасохомъ есмя о тебе. І приіде на иное место і видев Пересвета старца убитаго і близ его нарочитаго богатыря Григоря Капустина, і обратився кн҃зь великиі и рече ездищим с нимъ: видите, братия, перваго сего починалника Пересвета старца, победи подобна себѣ окаяннаго Печенѣга, от него же было всемъ пити горкую смертную чашу. І став на мѣсте і повеле трубити со всех стран, чтоб ехали на трубы глас, і нача испытовати доволно оружия своего о поганых татар, о трупия их. От всехъ странъ грядуще на трубныи глас і весело ликующи і поюще крестияне песни, ови воскресенские, овиі же богородичныи, ови мученичны. І виде людеи своихъ собранных всех, кн҃зь же великиі ставъ посреде ихъ і нача плакати і рыдати велми и гл҃юще: братия моя, кн҃зи руския і боляре местныя і воеводы силныя, сынове всея руския земли, вамъ подобаетъ служити, а мнѣ вас хвалити і по достоянию даровати; посетит мене Гс҃дь Бг҃ъ да буду на своемъ престолѣ на великом кн҃жениі в славномъ граде Москве, тогда імамъ вас даровати. І рече кн҃зь великиі Дмитреи Іванович брату

своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: грозно бо брате в то время посмотрити, лежит трупу крестьянскаго, аки силные стоги, а Дон река текла кровию три дни і три нощи, а река мечьми вся запродилася трупомъ татарскимъ; ныне же сия управимъ, кождо ближняго своего похоронимъ в землю, да не будут сьедены зверемъ телеса кр҃стьянския.

Кн҃зь же великиі стоя за Дономъ после побоища во и҃ дне, дондеже разбирая християнския телеса от нечестивых, да не сочетаютца праведницы со грешники. Християнская же телеса похорониша в землю столко успеша, а нечестивыхъ повергоша зверемъ на снедение і птицамъ на расхищение. І говорит кн҃зь великиі Дмитреи Іванович: братия моя кн҃зи русския і воеводы местныя, считаитеся братия, колко у нас воевод нет і колко молодых людеи. І говорит Михаило Александровичь московьскои болярин: г҃сдрь кн҃зь великиі Дмитреи Іванович, нетъ у нас м҃ бояринов московских, да двенадесять бояринов белоезерскихъ, г҃і боляринов посадников новогородских, а҃і панов литовскихъ, к҃ боляринов коломенских, м҃ боляринов серпуховскихъ, к҃ боляринов переславских, к҃е боляринов костромскихъ, н҃е боляриновъ володимерских, н҃ боляринов суздальских, м҃ боляринов муромьских, л҃ боляринов ростовских, ѯг҃ боляриновъ дмитревскихъ, ѯ҃ боляринов можаискихъ, к҃а боляринов углецких, о҃ боляринов ярославских, р҃ боляринов Нижнево Новограда, р҃д боляринов тверскихъ, а посечены, г҃сдрь, от безбожнаго ц҃р҃я Мамая і изгибло, г҃сдрь, у нас всее дружины ,сн҃г.

Прииде же вѣсть в славныи град Москву м҃ца сентября въ а҃і де на памят преподобныя матери Ѳеодоры Александреиския к великои кн҃гинѣ Евъдокие і ко преосвященному митрополиту Кипреяну и к воинскимъ женам, а после бою въ д҃ день і сказаша имъ, кои побиты, кои живы, а поганныи же Мамаи побежденъ бысть. И услышав же Волгордъ кн҃зь литовскиі, яко кн҃зь великиі Дмитреи Іванович победи і одоле безбожнаго ц҃р҃я Мамая і возвратися со стыдомъ во свояси вспят. Безбожныи же ц҃рь Мамаи не токмо Москвы видѣлъ, но и своих агарян ли-

шихся. І посемъ рече кн҃зь великиі Дмитреи Іванович: Гс҃ди Бж҃е нашь, помилуи нас грешных, яко не предал еси нас в руце поганнымъ агаряном, а вамъ, братия кн҃зи і боляре и младые люди, сужу на мѣсте межь Дону і Непрядвы на поле Куликове і на Непрядве реце, положили еси главы своя за святыя бж҃ия цр҃кви и за веру християнскую; проститѣ, братия моя от мала і до велика, в семъ вѣце і в будущемъ. І речѣ кн҃зь великиі Дмитреи Іванович брату своему кн҃зю Владимеру Андреевичю: поидемъ, братия, во свою землю Залесную к славному граду Москве і сядемъ, брате, на своемъ кн҃жении і на вотчине, на дедине, а чести себе укупили і славнаго имяни. І еще рече кн҃зь великиі брату своему и литовскимъ кн҃земъ: братия моя милая, пению время, а молитвѣ час; празник приспе всемирнаго Воздвижения честнаго і животворящаго кр҃ста Гс҃дня. І повѣле всему воиску Дон реку возитися. И поиде кн҃зь великиі по резанскои земли, и услыша то кн҃зь Олгъ резанскиі, яко ідетъ кн҃зь великиі Дмитреи Іванович победил враго, і нача плакати и рыдати велми и нача блюстися великаго кн҃зя і рече самъ собѣ: о горе мнѣ грешному отступнику вѣры христовы, поползохомся что видех, а безбожному цр҃ю Мамаю присягу імел. И збежа из граду своего Резани і побѣже к Волгерду литовскому і приеде на рубеж литовские земли і тут став и речѣ боляромъ своимъ: аз хощу туто ждати вестника, какъ великиі кн҃зь проидетъ землю мою і приидетъ во свою вотчину в славныи град Москву, и аз тогда возвращуся восвояси. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович ідучи по резанскои земли и заповеда всему воиску своему, аще кто идетъ по резанскои земли, то ни единому класу их не коснитеся. І проиде же кн҃зь великиі на свою землю к славному граду Москвѣ. Вестницы же ускоряюще ко преосвященному архиепископу на Коломну, яко идет кн҃зь великиі Дмитреи Іванович, врага своя победив і на свою вотчину возвратився. Преосв҃щенныи же архиепископъ Еуѳимеи коломенски повѣле по всемъ цр҃квамъ молебны пѣти за великаго кн҃зя Бг҃а молити и за все хр҃столюбивое воинство. І приеде кн҃зь великиі на Коломну з Дону во осмыи день

мс҃ца сентября въ к҃а де на памят св҃таго апостола Кондата. Преосв҃щенныи же архиепископъ Еуѳимеи въстрети великаго кн҃зя во градныхъ вратех Івановских зъ живоносными кр҃сты и чюдотворными іконами, со всеми соборными крылосы, і оградив архиепископъ Еуѳимеи великаго кн҃зя кр҃стомъ животворящимъ і кропив св҃тою водою і все хр҃столюбивое воинство і нача плакати с рыданиемъ сердечным и гл҃а ему архиепископъ Еуѳимеи: радуися, кн҃же нашъ великиі Дмитреи Іванович, і веселися все христолюбивое воинство. І абие кн҃зь великиі от плача прѣдста і нача утешатися и хвалити Бг҃а, гл҃а ко преосвященному архиепископу: по бж҃иі, отче, милости і пр҃чстыя его Бг҃оматери і молитвами сродникъ наших св҃тых мч҃нкъ Бориса и Глѣба и молением рускаго святителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя прпод҃бнаго игумена Сергия тех всехъ св҃тых молитвами враги своя победихомъ, мы же от них спасохомся; аз бо, отче, велми пред ними исправихомся, собрах ему много злата і сребра и послахъ к нему, дабы нечестиваго утолити. Он же безбожныи цр҃ь Мамаи наипаче возярився і на православную кр҃стьянскую веру і нача твою пагубу разженъ бысть дияволом, також случися в Кесари Кападокиистемъ граде великому Василию, егда первыи отступникъ веры христовы Улянъ цр҃ь злочестивои законопреступник, иды ис персь на великаго архиепископа Василия, хоте раззорити град его. Василеи же помолися Бг҃у со всеми кр҃стияны і собра злата и сребра много і посла к нему противу, дабы отступника утолити. Он же безбожныи цр҃ь Улянъ ноипаче возярився, и Гсд҃ь посла воина своего Меркурия, он же усекнув беззаконнаго цр҃я невидима Бжиею силою і все воиско его сокруши Бг҃ъ. Тако же і безбожныи цр҃ь Мамаи за свою гордость погибе со всеми силами своими. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович туто восхоте на Коломнѣ в мн҃стре слушати св҃тыя божия литоргеи і иде во церковь і нача молитися со слеза нерукотворенному образу Гс҃да Бг҃а і Спаса нашего Іи҃са Хр҃ста и рече: Гс҃ди Бж҃е нашъ, творче небу і земли і содетелю тварем, не забуди нас нищих своих до конца і не предал еси вра-

гомъ нашимъ в покорение, да не порадуютца врази наши о нас. І изыде кн҃зь великиі из пр҃кви і пребысть на Коломне д҃ дни. Из Коломны поиде кн҃зь великиі к славному своему граду Москвѣ. Преосвщ҃енныи же архиепископъ Еуѳимеи проводивъ его честно из града со свещами і с кандилы і с всеми крылосы своими, і благослови его архиепископ Еуѳимеи і речѣ: поиди, г҃дпѣ кн҃же нашъ великиі Дмитреи Іванович, на благословленное свое мѣсто в славныи град Москву. Кн҃зь же великиі Дмитреи Іванович благословение вземъ у архиепископа коломенскаго і поиде к Москве с Коломны к славному своему граду Москве сентября въ к҃s де, на память с҃вятаго апостола і евангелиста Іоанна Бг҃ослова. А к Москве прииде с Коломны октября въ а҃ де, на праздникъ Покрова пр҃свтыя Бц҃ы. Преосвященныи же митрополитъ Киприян услышав великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича пришествие к славному граду Москве і повеле изыти из града зъ живоносными крсты и с чюдотворными іконы и со свещами і с кандилы і всему народу повеле изыти на встретение великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича. Сам же митрополит Киприян въстрете великаго кн҃зя і оградив великаго кн҃зя кр҃стомъ животворящимъ, а самъ прослезився велми і речѣ великому кн҃зю Дмитрею Ивановичю: радуися кн҃же нашъ великиі, древниі Ярослав, а новыи Александръ, радуися добрыи пастырю светлорус҃кое, радуися врагомъ победителю. Кн҃же великиі рече: помощию божиею і пр҃чстыя Бц҃ы і молитвами сродникъ наших с҃вятых мч҃нкъ Бориса і Глеба і молениемъ рускаго с҃вятителя Петра митрополита і пособника нашего і вооружителя ігумена Сергия тех всех молитвами супостатъ своих побѣдихомъ, отче, мы же спасохомся і па свою степен возвратихомся в славныи град Москву, аки волковъ злохитрых, отче, от стаду христова, от православныя веры християнския отгонихомъ. Кн҃зь же великиі поиде в славныи град Москву, митрополит же повеле пети стихи бг҃ородичны і мученичны. І великая кн҃гиня Евдокия встрете великаго кн҃зя Дмитрея Ивановича во градныхъ вратехъ во Ѳроловских со многими воинскими женами и с своею снохою; і увидев своего г҃дря великаго кн҃зя

Дмитрея Івановича і нача плакати от великия радости і рече великая кнгиня Евдокия гсдрю своему великому кнзю: нынѣ тя, гсдря славнаго во члвцех великаго кнзя Дмитрея Івановича узрю, аки солнца на небе восходяща і светящу всю рускую землю. Кнзь же великиі увидев свою великую кнгиню Евдокею і свои две малые отрасли — кнзя Василия Дмитреевича, да кнзя Юря Дмитреевича, і возрадовашася радостию великою зело. І рече кнзь великиі детем своимъ: яко вы црствуите во вѣки. Поиде же кнзь великиі с своею великою кнгинею і с своими детми і вниде в славныи град Москву і поиде во црков нбснаго воеводы архистратига Михаила і моляшеся святому его образу і речѣ: заступникъ нашъ еси архистратигъ нбесных силъ воевода, на тя надѣемся во веки, помилуи нас. И знаменася свтымъ его образом і поимъ иде ко гробом благоверных великихъ кнзеи прародителеи своихъ и рече со слезами: вы бо есть нши пособницы і молебницы ко общему влдце нашему Бгу, яко да вашими молитвами спасохомся от супостатов нашихъ. І изыде из црквы з братом своимъ со кнзем Володимеромъ і с литовскими кнзи і поиде во црквь свтыя Брдцы честнаго ее Успения і вниде во црквь, став пред образомъ пречистые Бдцы і рече: Воистинно тя Лука евагелистъ написа, Гсже црце, крепкая еси крстьянская заступница, тобою познахомъ истиннаго Бга. І приде ко гробу свтителя Петра митрополита і ставъ у гроба его свтаго і нача молитися со слезами: ты еси, преблаженне Петре, спасител нашъ, крепка твоя есми паства і намъ прояви тебя Гсдь Бгъ нашъ последнему роду нашему і вжегъ тя намъ свещу неугасимую і твоею молитвою побѣдихомъ враги своя. Скончав молитву і изыде ис церкви і поиде во свое мѣсто в набережныя хоромы і сяде на своемъ престолѣ и нача молитися Бгу і утешатися.

В то время прподобныи игумен Сергеи з братнею вкуси на трапезе брашна, не по обычаю вставъ от трапезы і достоино сотворилъ, і ре(че) ігумен Сергиі ко братие своеи: весте ли, братия, что есть вы отвещати не можите ко мнѣ. Они же рекоша к

нему, отче святыи, не вѣмы и что отвещати. Преподобныи же игумен Сергиі і рече: кн҃зь великиі Дмитреи Іванович здравствуетъ і пришел на свои престолъ, на дедину, вотчину свою въ славныи град Москву і враги своя побѣдил. І вставъ от трапезы з братиею поиде во цр҃ковь і нача пети молебен за великаго кн҃зя Дмитрея Івановича і брата его кн҃зя Владимера Андреевича і за литовскихъ кн҃зеи і за все хр҃столюбивое воинство і рече: братия моя, силнеиши ветри на тихость преложишася. І рече, аз есми вамъ не повѣдал, пришла весть ко мнѣ во вторыи день, яко победих кн҃зь великиі супротивники своя, і опят ко мнѣ весть пришла, яко во осмыи день кн҃зь великиі з Дону пошел на свою вотчину во славны град Москву, і какъ будет на резанскои земли, і услыша то княз Олгъ резанскиі, яко кн҃зь великиі победил враги своя, а идетъ нынѣ по резанскои земли, Олгъ же кн҃зь резанскиі убояся великаго кн҃зя, из вотчины своея из резанские земли убежав; кн҃зь же великиі пришел на Коломну з Дону во осмыи день і поиде с Коломны в пятыи день, а к Москвѣ пришелъ в шестыи день. І изыде ис цр҃кви. Кн҃зь же великиі пребысть на Москве четыре дни і поеде кн҃зь великиі Дмитреи Іванович к живоначалнои Троице во обител ко отцу своему пр҃подобному игумену Сергию. Преподобныи же игумен Сергиі услышав великаго кн҃зя пришествие ко с҃вѣтеи обители і встретѣ его со кресты и чюдотворными іконами і со свещами и с кандилы со благодарениемъ близ монастыря святые обители. Преподобныи же игумен Серги знаменав кр҃стомъ животворящим великаго кн҃зя і рече пр҃подобныи игумен Серги: радуися, кн҃же нашъ, и веселися христолюбивое воинство. І вопроси его пр҃пдбныи игумен Серги о своих служебниках, а о его изволницах. І рече ему кн҃зь великиі: отче, твои служебницы, а мои изволницы теми победих враги своя; твои, отче, вооружител рекомыи Пересветъ побѣдил подобнаго себе Печенега; аще бы не Пересветъ победил его, іно бѣ, отче, от него многимъ людямъ пити от него смертная чаша. Кнзь же великиі Дмитреи Іванович у пр҃пдбнаго игумена Сергия во обители быв і благословение от пр҃пдбнаго игумена приимъ, а поиде из

мн҃стря на свои престолъ на великое кн҃жение въ славныи град Москву і воиско свое дарив златомъ і сребромъ доволно и честию, розпусти кождо восвояси, славяще Бг҃а і святую, Троицу Отца і Сына и Ст҃аго духа. А безбожныи же цр҃ь Мамаи тогда не во мнозе силе убежавъ во свою землю і видя себя побита і побеждена и посрамлена і поруганпа і паки гневашася и яряся зело. І собра остаточною свою силу і еще восхоте итти ізнова на рускую землю. І сице ему мыслящу, і сиі прииде к нему весть, что идетъ на него некиі цр҃ь с востоку, імянемъ Тахтамыш, из Синие орды. Цр҃ь же Мамаи, иже на ны рать уготова, і с тою готовою ратью поиде противу цр҃я Тактамыша. І стретоша его на Колкахъ і бои с нимъ сотворили велми зело. Цр҃ь же Тактамышъ победив цр҃я Мамая і прогна его. Мамаевы же кн҃зи сседше с конеи своих і биша челомъ цр҃ю Тактамышу і дея ему правду, яже во своеи вѣре, і яшася за него, а царя Мамая оставиша поруганна і посрамленна. Цр҃ь же Мамаи видев срамоту свою і гибель нат собою і побеже со едиными мышленными своими кн҃зи і вземъ исъ цр҃ства своего много злата. Цр҃ь же Тахтамышь посла за нимъ воиско свое в погоню. Мамаи же гонимъ бысть воискомъ тактамышевымъ, і побеже цр҃ь Мамаи вов Ѳрязскую землю; прибежав близ града Каѳы і сослашася с каѳинцы і моля ихъ по докочанью і по опасу, дабы его прияли к себѣ на избавление, дондеже избудет от всех гонящих его. Каѳинцы жь і Ѳрязи повѣлеша ему внитти во град на соблюдение. Мамаи же по повелѣнию і по совѣту ихъ прииде во градъ Каѳу со множествомъ імѣния, злата и сребра. Каѳинцы же увидеша у него множество імения, злата і сребра и совѣщася со Ѳрязи і сотвориша над нимъ облесть і туто Мамая убиша. И тако конец безъбожному Мамаю.

Сказаніе.

Передѣлка IV-й редакціи.

(Императорской Публичной Библіотеки. Q. XVII, № 209, к. XVII в.).

Сказание о приходѣ безбожнаго царя Мамая, како приходилъ в рускую землю с воиною и хотѣлъ раззорить Богомь спасаемое царство християнское, богохранимый царствующій градъ Москву и окрестьные грады і веси, и порудить православную вѣру христіанскую, при князе Димитрие Иоанновиче Донскомь, и о побѣде великаго князя Димитрия Иоанновича и о храбрости его и мужестьвѣ, како побѣдилъ безбожнаго царя Мамая и силу его воинскую.

В лѣто ѕѡпѳ̃. Хощете ли, братие, ізвѣстно вѣдати новыя побѣды, како случися на Дону великому князю и государю руския земли Димитрию Иоанновичу і всему православному християнству сыновом ростим со бѣзбожными агаряны, и како возвыси Господь родъ християнский над погаными и уничижи и посрами суровство ихь. Ꙗкоже иногда Давидъ Голияда поби и Гедеонъ Мадиамы і Моисеі Ѳараона. Такоже и здѣ повѣда нам величество божие, како Господь всзможе великому князю і всеа росиіския земли государю Димитрию Иоанновичу Владимирскому и Московскому над безбожными татары.

Божиимъ ізволением за грѣхи наша подвижеся царь от восточныя страны, имянем Мамаі, еллинъ сыі родом, вѣрою идоложрецъ и іконоборець злыі, християнский гонитель и мучитель. І внидс в сердце его подстрекатель диявол, всегда бо дѣеть непрестая пакости християном, и научи сего злодѣя, како бы раззорити вѣру християнскую и црькви божия осквернити и разрушити і вес родъ християнскиі потребити и в конецъ погубити. А не вѣдая окаяныі, егда изыдеть духь его і возвратится в землю свою, в той день погибнуть вся помышления его. Сию бо святую і непорочную вѣру суемысленныі Мамай потребити хотяй, но самъ окаянный от Бога потреблень бысть. Господь же всемощенъ, елико хощеть, то и творить.

Безбожный же царь Мамай, нача рвеннем дияволским поносимь бывати і ревновати первому отступнику царю Батыю, иже прежде Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, тому окаянному озлобити християнство. И нача то окаяныі испытовати у старыхъ мурзъ своихь, како тоі царь Батый плѣнил россіискую землю и что ему случилось от пихъ. Они же ему сказаша всю істинну и боі всѣ по ряду, і како той царь Батыі пленил град Киевь і Владимер і всю русскую землю і великого князя Георгия убил і иныхь князей россіискихь избил и князя Юрия Ингоровича резанскаго побилъ и землю рязанскую разрушил и мѣста святые опщежителныя раззорил и осквернил и святую церковь златоверхую разграбил, і ослѣпи ихъ за то Богь очи ему. И не разумѣ сего окаянный—Господь что восхощетъ, то и сотворит, яко же бо во дни Іерусалимского плѣнения бысть, егда Навходоносоръ, перскиі царь, плѣнил градъ Иерусалимь і три отроки и Даніила пророка. Да не до конца прогнѣвается, ни в вѣкь враждуеть. Слышавже то безбожныі царь Мамай от своихь ему Агаряпъ и нача окаянныі подвижень быти на родъ християнскиі, на христоимянитое наслѣдие, на избранныі жребиі божия достояния, і палимь диаволомъ непрестанно, и нача глаголати своим пашам і санчаком і воеводам: «Аз не токмо хощу сотворити, яко же Батыі и когда доиду до Руси, тутъ побию князя

ихъ, гдѣ довлѣетъ нам, тут и сядем і тихо и кротко і безмятежно поживем». А не вѣдая того окаянныі, яко Господня рука высока есть. І повелѣ воинству своему совокуплятися.

По малех же днех перевезеся великую реку Волгу со всѣми силами своими, со многими ордами і цари и князи, иже бѣ воиства его ѳѡѳпѳг. А послѣ того числа прибыло два алпаута двора великие, і тѣм уже числа онъ не вѣдалъ. Царь же Мамай, пуская ихь, і рече им: «Обогатѣіте руским златом и сребром». И оттуду окаянныі поіде і князи его на рускую землю, яко волцы гладныя, воюще і яко лвы свирѣпыя рыкающе, желающе пролити кровь християнскую. И доидоша реки, глаголемыя Воронежа і видев царь Мамаі, яко невозможно воинству его прекормитися на Воронеже, и распусти воинство свое все и заповѣда всѣмь, яко ни ѣдинь не пашеть хлѣба, но будтѣ готовы на руския хлѣбы.

Слышав же то Олгь князь рязанскиі, яко царь Мамаі кочуетъ на рекѣ Воронеже и хощетъ ітти на Русь, на великого князя Димитрия Іивановича Московского. И о семъ велми оскорбѣ о напрасном царевѣ нашествіі. И во иступленіі ума бысть і оскудѣ умом своім. И посла послы своя ко царю Мамаю с великою честию і з дары мьногими і послание списа сицевыми глаголы: Восточному и силному царю во царехъ Мамаю, твоі посаженикъ і присяжникъ рязанскиі князь Олгь много молю тя. Слышавь, царю, что хощеши ітти на рускую землю, на своего служебника, а на моего сопостата Димитрия Іивановича Московского, и хощеши огрозити его. І нынѣ, царю, приспѣ тебѣ время: злата и сребра много ісполнися земля роская, а князь Димитріі человѣкъ смирен есмь, егда услышитъ имя твое царево і грозное твое страхование силы величествия твоего, то отбѣжит в далные грады, в великиі Новградъ или на Двину к морю, а то все богатество его в твоеі руце будеть і твоему воинству в потребу будетъ. І меня же, царь, своего раба Олга рязанскаго да пощадит держава твоя. Но и еще тебѣ, царю, ізвѣщаю на твоего слугу, а на моего сопостата князя Димитрия Московского,

что приходил в мое княжение в землю рязанскую, і грады моя силно поимал, і меня твоего раба князя Олга под свою державу подвел. О семь молютися, да освободит мя его держава твоя. По семь здравствуй.

И паки иныя послы посылаетъ князь Олгь ко Ольгерду, литовскому королю, возвѣщая ему царево нашествие, і епистолию к нему посла, в неі же писание імуще сице: Князь Олгь рязанскиі к тебѣ великому литовскому королю Олгѣрду пишу радоватися тебѣ о семъ. Вѣмь, яко издавна мыслиша на князя Димитрия Івановича Московского еже с Москвы согнати и тебѣ Москвою владѣти. А нынѣ же намъ приспѣ время: царь Мамаі грядетъ на твоего нѣдруга, а на моего сопостата і на всю рускую землю. Нынѣ же приближися ко царю Мамаю. Вѣмь бо, яко царство тебѣ дасть Москву і иныя грады от твоея власти тебѣ есть, а мнѣ дастъ Коломну і Владимир і Муром и іныя грады от моея власти мнѣ есть. Аз же посла своего послалъ к нему такоже і ты к нему дары пошли и пиши к нему от себя, елико самь вѣси болши меня.

Корол же Ольгердъ литовскиі, слышав вѣсти сия, велми радъ бысть, і посем честь велику велми воздасть послу его. И посла Олигердъ король литовскиі своего посла ко царю нечестивому Мамаю с великими дары і писания к нему написа же сицевыми глаголы: Грозному и великому царю во царехъ Мамаю король Олигердъ литовскиі, твоі посаженикъ и присяжникъ, пишу радоватися. Вѣсть нѣкая во уши моі вниде, яко хощеши улус своі воевати князя Димитрия Івановича Мосского і всю русскую землю плѣнити і гради его под свою державу подводити. Се ти есть пришло время и приспѣ часъ, злата і сребра велми наполнися земля руская. Да еще ти, царю, пишу и молю, ізвѣщаю на твоего слугу, а на моего злодѣя, на князя Димитрия Івановича Московского, что онь приходил в мою землю воіною і грады моя за себя силно взялъ, і меня твоего раба под свою державу покорилъ. Такожде сотвори и Олгу князю рязанскому, твоему рабу. Такожде і меня своего слугу да пощадить держава

твоя и оборонить от насилия великого князя Димитрия Московского. І аще помилуеть насъ держава твоя, і к нам твоимь рабомь приятелство будет, то будемь ти помощницы на твоего холопа, а на нашего сопостата князя Димитрия Ивановича Московского, і срѣтити тя имамы с вѣликими силами честнѣ, і тако услышить князь Димитриі Іванович твое грозное імя і величество силы твоея и нашу присягу, то отбѣжить в далныя грады, в великиі Новградъ или на Двину к морю, но и отуду его царским твоим імянем, яко птицу возмуть і в руце твоі предадут, злато же и сребро, то все будет в твоеі руце і твоему воінству на потребу будеть.

Тако бо князь Олгь резанскиі і Олигердъ корол литовскиі прелстишася и оскудѣша умом своимъ, яко младыі дѣти, не вѣдуще писания, ни силы божия. Апостоль Павель рече: аще кто вѣру Богу держить з добрыми дѣлы і правду в сердцы своемъ, імать враговъ побѣдити.

Князь же великиі Димитреі Ивановичъ, не вѣдая сего злаго царева на себя нашествия і что князь Олгь резанскиі и Олигердъ король литовскиі совокупились ко царю Мамаю. И быша у великого князя Димитрия Ивановича в полѣ устроены крѣпкие сторожи, имянем Семион да Родион Жидовиновъ, да Андреі Попов сынь Семеновь, да Феодор Стремник і иныхъ многихъ удалых великого князя двора н̄ человѣкь.

В тоже время после Ильина дни великиі князь Димитриі Ивановичъ у себя на пиру в набережном терему чашу поводил за брата своего князя Владимера Андреевича за здравие, и в то время приходил стражь Андреі Попов із поля и говорил великому князю Димитрию Ивановичу тако: Нѣсть ти нынѣ время, княже, веселитися, нынѣ время есть Богу молитися, посемь что тебѣ государю тихо и бѣзмятежно державствовати. Нынѣ ідетъ на тя гордъ царь, имянем Мамаі, со всеми силами своими риомскими, а нынѣ стоитъ на рекѣ Воронеже, і мы его силу объѣжали въ в̄і днеі, і подстрѣлили сторожи царевы коня моево и меня попоимали и к царю привели. И царь у меня спрашивал:

вѣдомо ли моему слугѣ, а вашему государю князю Димитрю Ивановичу, что аз иду к нему в гости с великим воинством, а силы моея вѣ ордъ і г҃ прьства, а князеі со мною у҃г, опроче полскихь баловныхь, а силы моея ѡ҃н҃г, і послѣдѣ моего числа прибыло два алпаута великихъ двема своима дворы, и тѣм дѣ я числа не вѣдаю. Может ли де мой слуга, а вашь государь всѣх нас накормити і одарити, і меня царь велѣль по полкѡм водити и казати ми оружие, еже на брань і на взятие рускихь градовь. І привели мя опять предъ царя. Но милостию божиею святыя живоначалныя Троицы и молитвами пресвятыя Богородицы і преподобнаго отца Сергия и твоим государевым счастиемь ізбѣжал от рукь от самаго царя и пришелъ к тебѣ государю с вѣстию.

Князь же великиі Димитрий Іванович Московскиі услышав сию вѣсть, в недоумѣние приіде и вь скорби велицеі бысть і возприя смирения образь, желая небеснаго жития получити. Не вѣдая же князь великиі Дмитреі Іванович, что ближниі на него зол совѣть совѣщевають. О таковых бо рече божествѣнное писание: Не сотвори іскреннему своему зла и поношения не приять на ближняго своего.

Приідоша же от Олга рязанскаго князя да от Олгерда Литовского короля послы ихь кь безбожному царю Мамаю послы іхь с честию великою и дары многими і грамоты ему подаша и поклонишася. Царь же Мамаі восприять грамоты и прочет іхъ і дары ихь приять і послов ихъ одари и начатъ глаголати со своими болшими князьми, с мурзы і воеводами: «О храбриі мои витязи і велемошниі мои богатири і все мое воинство. Видите ли, како прелшають нас Олгь князь рязанскиі і Олгердь король литовскиі, како оставять они свою вѣру и закон і стануть противитис великому князю». Они же послы рекоша: «Государь царь, ты во вѣки царьствуі, а нѣтъ от нихь лсти к тебѣ ни единоя, но обоятся имяни твоего грознаго. А се князь Димитриі пред ними преступил і велику обиду имъ сотвори». Царь же рече: «Мню, яко они во едином совокупленіі будут на мя. Нынѣ же,

рече, развие межь ими великь несовѣть». І пословь тѣхъ чествовал и отпусти ихъ и отписал ко Ольгерду литовскому королю и Олгу князю рязанскому. Елико писасте вы ко мнѣ и хвалю вас и на дарехъ вашихъ кланяюся. Вѣдомо вам буди, сколко захощете руские отчины, но тѣмь одарю вас, но токмо присягаіте ко мнѣ і срѣтите мя со своими силами и да одолѣете нѣдруга своего, а мнѣ убо ваша помощь не удобна есть велми, аще бы аз хотѣль, то плѣнил бы древніі Иерусалимъ своею силою. Да чести ради вашея приіму вась, не вас бо ради, но моим имянем распужен будет князь Димитріі Московский і да угрозится имя мое во всеі странѣ вашеі.

Послы же возвратишася от царя і сказаша по серцу іхъ, яко царь вас здравствует велми за хвалу велику. Они ж скудним быша умом своим о суетном привѣте безбожнаго царя Мамая, никако же помянуша закона божия, ниже в заповѣдех его восхотѣша ходити. По сем же Олгердъ корол литовскіі нача вопрошати у посла своего Барьтяши. І рече: «возвести ми, Бартяше, ходил ты посломь ко царю Мамаю, а вѣм, яко муж еси ты твердъ разумом і многие воинства и царства за обычеі тебѣ. Скажи ми, каков грозныі царь Мамаі, мню, яко страшно есть велми его видѣти, а воинства чаю у него много и крѣпко зѣло». Бартяша же к нему рече: «Милостивыі моі государь Ольгердъ краль литовскіі, аще ли повелиши сказать мнѣ, повѣм, господинѣ, во истинну. Царь Мамай возрастом средніі, а вь речахъ не памятливъ, но гордъ велми, а воинства у него многое множество, да всѣ, аки овцы без пастыря ходятъ, гордостию превознесенны. Аще, господинѣ, устремится ітти противу его московскіі самодержецъ князь Димитреі Іванович, чаю, господине кралю Олгердѣ, разпудитъ ихь, яко овецъ і крѣпко разбити его імать», Ольгердъ же литовскіі король, слышав от посла своего Бартяшу словеса сия і рече, яко хулу глаголетъ. Рыкнув аки левъ, с мѣста своего скочивъ, мечь свой подхвативь, хотя Бартяшу уразити по устом. Паны ж ту предстоящіі, скоро кинувшеся, воздержали Олигерда і рекоша ему: Предстани,

господине, что ты сердитуешь, сам ны вопросил еси. Олгердъ же яряся, хотя убити Бартяшу, сь яростию рече к нему: О злая главо, како ты смѣеши, такие словеса глаголати про таковаго силнаго государя царя над цари, ему же вес свѣт противу стояти не может, о окаянне! І плюну на лице его. Бартяша же отврашся от него, отступи мало. Паны же рекоша кь Бартяши потиху: «почто тако сказал еси всю правду». Мнози же тогда панове ужаснулися сердцемъ, слышавъ о Мамае, что рече о нем Бартяша. Ольгердъ же литовскиі король сердцем желал к Мамаю, князь же Олгь резанскиі такоже. О таковыхъ написа Лука еуангелистъ во апостоле рече: жестокиі и необразниі сердцем, овиі противящеся духом святым.

Олгь же нача поспѣшати і послы своя посылати к безбожному царю Мамаю, глаголя, яко подвизаіся скоро, царю, кь земли рускоі. О таковыхъ патерикъ речѣ: о нерассуженныхъ пути злыхъ непоспешаются, но собираютъ себѣ осуженныі понос, правых же пути поспѣшаются.

Князь же великиі Димитриі Иоанновичъ слышавъ приходъ безбожнаго і зловѣрного і гордаго царя Мамая і сущихъ с нимъ скверныхъ печенѣгь і тмочисленных борецъ, ідущихъ на все православное християнство от своего сторожа Андреа Попова, і сердцемъ своимъ велми поскорбѣв і рече: На Господа уповахь, не убоюся, что сотворит мнѣ человѣкъ. І вскоре посла в Боровець градъ по брата своего князя д Владимира Андреевича. І вскоре приехавь князь Владимиръ Андреевич к Москвѣ. Князь же великиі Димитри Іванович срѣте его по достоянию і любезно облобыза его і вземь его за руку і веде его во внутреннюю палату свою і сяде с нимъ наединѣ і рече к нему: «Слышал ли еси, брате, приходящую на ны скорбь великую от нахожденіі безбожнаго царя Мамяя і сущихь с нимь суровѣищихъ варвар тмочисленныхъ». И отвѣща ему князь Владимир Андреевичь: «О великиі государь князь Димитрий Іванович, глава еси ты, государь, всѣхъ главь земскихъ, государь всеі росиіскоі земли. Како ты о семъ держиши велику печал, яко же

Господеви воля, тако і буди. Подобно, государь, всемъ нам любезно умрети і главы своя положити за святыя божия церкви і за вѣру християнскую і за тебя, государя великого князя Димитрия Ивановича, нежели намь срамень животъ жити под рукою нечтиваго царя Мамая. Лутше, государь, нам почестну смерть принять».

Князь же великиі Димитриі Іванович, слышав сие слово от брата своего князя Владиміра Андреевича і вземь его за выю и любезно его лобызая. И поим великиі князь Дмитрей Іванович брата своего князя Владимера і всѣх князеі руских і поиде в соборную црьковь пресвятыя владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Мариі честнаго і славнаго ея Успения і припадаеть со слезамі к чюдотворному Ея образу, моляся сице:

Молитва. О пресвята госпоже владычице Богородице, выщи еси всѣх ангелъ и архангелъ і всея твари честнѣіщи. Призри нынѣ, Госпоже, от святаго жилища твоего на нас грѣшныхъ и непотребныхъ рабовь твоихь, ізбави нас нолежащия сия лютыя скорби от нахожденія безбожнаго сего царя Мамая і сущихь безбожныхь с нимь варваръ. Ізбави, о пресвятая Владычице Богородице грады достояния твоего и люди нареченныя во твое имя, умилосердися, Госпоже, на скорбящая рабы твоя, даі же намь помощъ смиреннымъ рабом твоим. Молися, Госпоже Владычице Богородице, Сыну своему і Богу нашему Ісусу Христу, и да препояшет нас силою своею свыше на невидимыя і видимыя враги наша, да о нынѣшнѣе бѣды тобою ізбавлышеся и благодарно возопием: радуся, Заступнице наша непостыдная.

И скончавшу ему молитву і приемлет благословение у преосвященного Киприяна митрополита і речѣ ему: «Вѣси ли ты, отче, настоящую на ны скорбь, понеже ідеть на нас гордъ царь, імянемъ Мамай с восточныя страны, от силныя орды со многими силами, и хощеть нашу землю роскую плѣнити і родъ християнскиі погубити и церкви божия разорити». Преосвященныі Киприянъ митрополитъ рече к великому князю: «Государь князь великиі Димитриі Иоанновичъ, повѣжь ми, господине, чемь еси

к нему не изправился»? Князь же великиі рече: «Отче, пред Богом согрѣшихъ, понеже человѣкъ есмь, а ему по отець своихъ закону еще наіпаче воздахом». Преосвященный ж Киприянъ митрополит рече великому князю: «Видиши, господине, попущением божиім, нашего ради спасения ідет плѣнить нашу землу роскую, а вам, государемъ православнымъ княземъ, тѣхь нечтивыхъ цареі подобаетъ дары утоляти четверицею сугубо. Да еще не смирится, то Господь Богъ смирить его. Господь гордымь противится, а смиренным дает благодать. Яко же бо іногда случися великому Василию Кесариіскому, приіде бо на него злый законопреступникъ Улиянь царь с Персы и хотя град Кесариіскиі раззориті, Василиі же великиі со всѣми хрестияны моляся Господу Богу и собра много злата і сребра и посла противу его. Он же наипаче возярись на него, и посла на него Господь Богъ воіна своего Меркурия, и уби Меркуриі божиею силою злаго царя Улияна і всю силу его погуби. Такожде и ты, государь, еще пошли противь его дары, елико имаши, наипаче еще пред нимъ правися. Да аще того ради не смирится, то Господь Богъ всемошныі смирить его».

Князь ж великиі Димитриі Іванович всего слатко послушав, аки от божиих устъ, сия словеса вменивъ і поіде от архиепископа в палату свою и начатъ совѣтъ совѣщевати с братом своимъ и со інѣми роскими князи і воеводы, кого послать посолством к нечестивому царю Мамаю. Ізбраша юношу, доволна сущу разумом и смысшленна умом, именем Захарию Тупишева, і отпусти с нимъ дары ко царю, злата і сребра многое множество. Захария же доіде земли рязанскоі, и посланы с нимъ два толмача, гораздѣ умѣюща еллинскому языку. И послышавъ Захария, что Олгъ рязанскиі и Ольгердъ литовскиі король совокупилися с Мамаем царемъ.

Князь же великиі Дмитриі Іванович слышавь сию вѣсть, что Олгь рязанскиі и Ольгердъ литовъскиі король совокупились с Мамаем царемъ, і начатъ сердцем двизатися, ярости великия и горести наполнися, і рече: «Господи Боже моі, аще бы ми

врагъ поносил і пакости дѣял, то подобает противъ его терпѣти, искони бѣ врагъ поноситъ. А сия бо друзи мои ізкренніі, како умыслиша на мя злая. Суди, Господи, между ими і мною». И поимъ князь великіі брата своего князя Владимира Андреевича і всѣх князеі роскихъ и поиде вовторые к преосвященному Киприяну митрополиту, и пришедъ речѣ: «Слышал ли еси, отче, опять великую скорбь на нас. Олгь рязанский князь і Олгѣрдъ король литовский совокупилися с Мамаем царемъ». Преосвященный ж Киприян митрополитъ речѣ к великому князю Димитрию Ивановичу: «Повѣжь ми, господинѣ, Господа ради, что еси имъ сотворилъ зла»? Великіі же князь рече: «Отче святыі, никоего же імъ зла никако сотворих, токмо развие от нихъ дары прияхъ, такожде і самъ к нимъ посылахъ». Киприянь же митрополитъ речѣ к великому князю: «О государю, великіі князь Димитриі Іванович, о семь тебѣ не подобает, государю, быть в велико печали: кого Богъ милуеть, того никто не может ізженуть. Такожде тебѣ, государю, подобаеть Богу молитися і вооружатися и по путем крѣпки стражи поставити».

Князь же великіі Димитриі Ивановичь поіде із полаты от митрополита в палату свою и начат думу думать з князем Владимеромъ Андреевичем и со всеми роскими князи і воеводами, чтобы послать сторожу твердую в поле от велмож разумныхъ и мужеи крѣпкихъ. І посла на сторожу Игнатия Кренякова до Ѳому Тынініна да Василя Тупика да Григоря Судока і иных многихъ нарочитых і крѣпкихъ вѣдомыхъ удалых мужей великого князя двора. И повелѣ имъ близъ Орды ѣхать до быстрые реки Воронежи, чтобы со всякимь усердиемъ языки добывать, чтобы истинну слышати царева хотѣния. И та сторожа в полѣ замѣдлѣла. І послаша вторую сторожу. Послалъ на сторожу Петра Горского да Карпа Олексина да Петрушку Чуракина, и повелѣ им возвратитися вскоре.

Они ж стрѣтили Василя Тупика, вѣдуща языкъ к великому князю. Языкъ же той сановит, царева двора. И той языкъ повѣда великому князю, что неложно идет царь на Рус и сово-

купилис с Мамаем царемь Олгъ резанскиі і Ольгердъ король литовскиі. А не спешит того ради итти царь, но осени требуеть. Князь же великиі Димитриі Иоанновичъ, услышав то неложное востание безбожнаго царя Мамая, и начат утѣшатис о Бозѣ і учал укрѣпляти брата своего і всѣхъ князеі роскихъ, рече к ним: «Братия моя милая, князи рустиі, боляре и воеводы! Гнѣздо есмы великаго князя Владимира прадѣда нашего, крестившаго землю нашу рускую; он же заповѣда нам сию православную вѣру крѣпко держать і побарать по неі. Аще здѣ кто добре постраждетъ за сию православную вѣру, то во оном вѣце со святыми равенъ от Бога венецъ приімет. І аз бо, братия моя, хощу пострадат, даже і до смерти».

Князь же Врадимиръ Андреевичъ і всѣ князи руские, аки едінеми усты рекоша: «О государь князь великиі Димітреі Івановичь! А мы готовы днес всѣ с тобою возжелѣнно і почестно умрети по Христѣ, главы своя положити за вѣру християнскую і за твою, государь, великую обиду». Князь же великиі Димитриі Івановичъ, слышавъ сия словеса от нихь і Бога попремногу благодаривъ, і начать утѣшатися о Бозѣ.

Посланый же посолством от великого князя Димитрия Івановича Захария Тупишевъ, приіде со златом к нечестивому царю Мамаю. І взяша его мурзы, князи і воеводы і поставиша его пред царем Мамаем. Захария же все злато, что с нимь послано, повелѣ імь пред царем Мамаемь положить, і начать посольство свое правитѣ и рече: «Государь нашь князь великиі Димитриі Іоанновичь владимирьскиі, московскиі, во отечествѣ своем здравствуеть на Москвѣ і твоего царьского здравия велѣл вопрошать, а сие злато царьские тебѣ почести, і велѣл тебѣ челомь ударить твоему величеству». Царь же, увидѣвь многое і множество злата ради, велми возярис і повелѣ злато козакомь взяти і рече імъ: «Возмѣте злато, московского князя дары, да купите себѣ плети на кони своя, злато и сребро твое, Димитрие, будеть в моеі руце, а самово тебя велицеі казни предамь». И рече царь: «Возвѣсти ты мнѣ, Захарие, многолѣтенъ ли Димитрей, ратай

мой? Аще ли онъ млад, то помилую аз его, ради милости, і возму его во дворъ свої і научится моего царьского обычея. І аще ли он стар, і аз его велицеі казни предам іли заставлю у себя пасти стада велблужьі». Тако ему рекшу окаянному. Захария же, стоя пред царемь, ісполнися ярости і горести, і рече: «О царю, что глаголеши таковое безумие сие про таковаго силнаго государя, ему же і вес свѣть стоять не можетъ». И тутъ стоятъ царевы болшие мурзы і воеводы і выхватили ножи і хотѣли Захарию ізрѣзать на уды. І рече Даускалдакъ татарин: «Что ты, русѣнинѣ, говоришъ стрѣшно таковому великому царю надь цари». И рече царь: «За красоту твою і за премудрость твою не велю тя погубити». І паки рече царь к Захарии: «Служи ты мнѣ, Захария, і аз сотворю тя велика властителя в Роси сеі, и будеши подобенъ Димитрию, ему же ты нынѣ служишь». И рече Захария: «О царю, не подобаеть тебѣ у себя меня посла держати; нынѣ отпусти мя к Москвѣ, аз к тебѣ возвращуся с Москвы, да нынѣ же пошли со мною своіх татар сановитых своего царьского двора, чтобы им быть на Москвѣ і Москвою владѣть і судить». Он же безумныі і высокомысленныі царь вскоре повелѣ грамоты писать к великому князю, а в грамотѣ сице писахъ:

Царь царемъ Мамаі і многимь землямь государь, рука моя многими царьствы владѣетъ, и десница моя на многихъ царствахъ лежить, ратаю моему Димитрию московскому. Вѣдомо ли тебѣ, что хощеть рука моя казнити тя, і ты себѣ рание животом своим промышляі. Аще еси млад, і ты вскорѣ приіди ко мнѣ, і аз помилую тя, ради младости твоея і возму тебя во дворъ своі. Аще ли старъ еси, то повѣлю ти пасти стада велблужьі. А тебѣ бы, Захария, вскорѣ ко мнѣ возвратитис с Москвы, да послалъ аз Захариемъ четырехь своихь мурзъ, а с ними послал т̄ татариновь, а велѣл ім быти на Москвѣ, вѣдать і судить.

І какь доіде Захария земли рязанскоі и посла вѣсть таіно к Москвѣ к великому князю Димитрию Івановичу, чтобы прислал

встрѣчу удалыхь людеі двора своего. А тотаром говорит Захария: уже вас стрѣтятъ честно от моево государя. Они же высокоумиемъ гордящес, не вѣдуще погибели своея. Князь же великиі Димитриі Іванович послал встрѣчу кь нимь т̄ головъ двора своево, велѣл ім стрѣтит Захарию. Егда стрѣтоша, Захария повелѣ хватати і вязати татаръ. Тотары же сташа, яко ізумлени і начаша вопити, глаголюще: о великою прелестию прелстил нас Захария! Захария же выбрал із нихь худаго татарина і дав грамоту цареву, предрану надвое, і рече: «Шед, рцы безумному своему царю, яко не обрѣтох в человѣцехь безумнѣе его, а грамоту безумного писания твоего пред свѣтлые очи государя моего, великаго князя Димитрия Івановича не принесох, самь прочет ю и видѣвь безумное твое писание, посмѣявся ему, а служить тебѣ, государю, рад своим острым мечем над твоею главою». «И егда приіде татаринъ к нечестивому царю Мамаю і дасть грамоту, предрану надвое. Царь же, скочивъ із мѣста своего, ізпусти глас свой, сердито рече: «О коликою прелестию прелстил нас, Захария!» І повелѣ окаянныі воинству своему неуклонно подвигатися на Рус.

Захария же приіде в славыі град Москву і челом удари великому князю і всѣхь татар связаных привел. Князь ж великиі Димитриі Іванович радостенъ бывь, подивися разуму Захариіну. І сотвори князь великий Димитри Івановичь пир радостенъ и честен, і многими дары Захарию даровав.

На утри же приіде Захария к великому князю і рече: «Государь князь великиі Димитриі Іванович! вскорѣ посылай грамоты по градом, вели воінству своему совокуплятис, либо, государь, ускорятъ погании приіти». Князь же великии повелѣ грамоты писать от великого князя Димитрея Івановича всеа Росии московскаго, князем і боляром і всякому возрасту, человѣкъ чеі, хто ни есть без мѣшкоты і бѣз ізмѣны, чтобы часа того шли і ѣхали в преіменитыі град Москву, и собралис бы вси на мясопусть пресвятѣі Богородицы, на Госпожинъ день, яко там ізберем полки і дадим коемуждо полку воеводу.

И посемь приідоша на Москву князи белозерские, да князи ярославские, чиновно і урядно конми і доспѣхи і шеломы злаченьими і оружиемь велми вооруженно, много злата і великого бисера на портищах іх и на сѣдлахь. І посемь приідоша князи намболеіские, князь Борис, князь Роман Прозоровской, князь Левъ Купрьскиі, князь Димитрии Ростовскии. Тии всѣ суть велицы князи со своими полки приідоша, служаще великому князю Димитрию Івановичу, і иные многие руские князи і воеводы і боляре мѣстные. Вси бо приідоша велми вооруженны, подобни суть храбрымь витяземь.

Уже бо, братие, стукь стучит і гром грѣмит в славномь градѣ Москвѣ, сильная рать великаго князя залочеными доспѣхи звенитъ.

Князь же великий Димитриі Івановичъ, видѣвъ воинства своего много множество и по премногу воздавъ хвалу Богу.

Посемъ восхотѣ князь великий поитти в монастырь к живоначалнѣі Троице, молебное пѣние сотворити і к преподобному отцу Сергию ігумену, і благословение получити от святыя обители сеа. И моли его преподобныі со всею братиею, чтобы у нихъ слушал в монастыри святую литургию. І великому князю нужно бь, пришли бо к нему із поля вестьницы, что ближатся погании татаровѣ. Князь же великий моли преподобнаго Сергия, чтобы ему ослабил. І рече к нему преподобныі: «Не спѣши, государю князю великий Димитриі Іванович, сие бо замедление сугубо, Богь ти поспешит». И паки рече к нему преподобныі старецъ таіно к великому князю: «Молися, государь, Господу Богу і пречистеі его Матери, імаши бо побѣдити супостаты своя». И повелѣ святыі Сергиі воду освящати с мошми многихъ святыхъ і окропив великого князя Димитрия Ивановича святою водою і все его воіньство і даде ему благословение і рече ім: «Мирь вамь, братие, добриі воіни христови, постражите, імени ради Христова, да венцы победными увязетеся от Христа Бога і Спаса душам нашимь». І рече ігумен Сергиі к великому князю: «Государь князь великий Димитрий Ивановичь, многу славу и

честь побѣда сия носитъ многим і в предь идущемь вѣце. Многимь же і венцы плетутся». І рече таіно: «І самово тебя, государя уязвятъ погании, но не к смерти, но к животу будетъ». Князь же великиі прослези і рече: «Благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпимъ». І поклонися к преподобному до земли і дары просить от преподобнаго. Преподобныі же рече к великому князю: «Елико довлѣет твоему государству». Князь же великиі Димитриі Ивановичъ речѣ: «Даждь ми, отче, воіна своего Александра Пересвѣта чернца і брата его Андрея Осляту і твоими святыми молитвами тии нам пособьствуют, вѣдоми бо суть ратницы». Преподобныи ж Сергиі повелѣ імъ готовитис. Они же не отвергоша словеси святаго старца, вскоре приготовишась. И дасть імъ преподобныі Сергиі в тлѣнных мѣсто нетлѣнное оружие — крестъ Христовъ на схимахъ нашиты, і то ім повелѣ вмѣсто шеломов возлагати на ся, вмѣсто же доспѣхов — мантиі. І речѣ ім: «То вам, братие, непобѣдимое оружие». І дасть іх в руце великому князю і рече: «Се ти, государь, моі оружницы, а твоі изволницы». Князь же великиі Димитриі Иванович поиде от преподобнаго Сергия ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое сокровище обрѣте, несыі старче благословение на себѣ.

І приѣхавь к Москвѣ, единому повѣда преосвященному Киприяну митрополиту, какъ ему святый Сергиі благословение подал і что ему рекъ. Архиепископъ же повелѣ ему сия словеса хранити, а не повѣдать никому.

Посемъ восхотѣ князь великиі Димитриі Ивановичъ ізытти против безбожныхъ печенѣгь, взя с собою брата своего князя Владимира Андреевича і всѣхъ князеі роскихъ і поиде во црьковь святыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Мариі и приступив ко пречистому образу ея і начать умилно молитис пречистому образу Пресвятые Богородицы.

Молитва. О пресвятая Госпоже Владычице Богородице, всего роду христіанского помошница и кормителница. Ты, Госпоже, Бога нам родила еси, но родители твоі есть мы,

Авраамовѣ внуцы, а нынѣ, Госпоже, намь, рабомь твоимь, велико гонение приспѣло. Свою же помощъ пошли с нами, нетлѣнную свою ризу от невѣрныхь, да в ню одѣемся і нестрашливи будем ранами. А вѣмь, Госпоже, что хощеши помощъ подать намъ, рабомь твоімъ на нѣвѣрныхъ, да не исповѣдуешъ намъ, мы же грѣшніі на твою помощъ надѣемся і подвигаемся против іхъ.

Се рекшу великому князю ко образу пресвятѣі Богородицы со слезами і со многимь умилением і поклонис до земли и поіде ко гробу блаженного Петра митрополита, всеа Россіі чюдотворца і рече со слезами: «О чюдотворче святителю Петре, тя прояві Богъ послѣднему роду нашему помошника і заступника намь грѣшным і молитвенника о душахъ нашихъ, і вжегъ над тобою свѣщу свѣтлую, і нынѣ о нас грѣшных помолися Господу Богу і пресвятеі Богоматери Владычице нашоі Богородицы, да погибнутъ врази наши і изчезнуть, яко дым і растаются, яко воскь от лица огню».

І се рекъ, поіде въ црьков воеводы небеснаго архистратига божия Михаила і поклонис до земли образу святому его, слезы ізо очию іспущаяс. И приступив ко гробомь православных князеі прародителей своих і рече: «Вы істиннії наши хранители і по православой вѣре поборницы, аще ли імате дерзновение, то молитеся Христу Богу нашему о нашемъ согрѣшении, а нынѣ убо подвигаітес с нами». І сие рекь, ізыде із церкви вон, и приѣм благословение і прощение с преосвященным Киприяном митрополитом і со всѣм освященым собором.

Княиня іже великая Евдокѣя со всѣми княинями і болярынями и с воеводскими женами і множество народу, мужей і жен, плачуще и рыдающе плачемь великимь ко пресвятѣі Богородицы, вопиюще: «Помилуй, о пресвятая Владычице Богородице, государя нашего, славнаго во человѣцехъ великаго князя Димитрия Ивановича, даруй помошъ ему і на враги одолѣніе». Князь же великий Димитрий Ивановичь дастъ великой княинѣ конешнее целование, а едва государь удержался от слез, тѣша

великую княіню. І рече к ней: «Аще Богъ по нас, то никтоже на нас». А сердцемь государь велми поскорбѣл. Такожде вси жены своімь мужем конешнѣе целование дали. І великая княиня Евдокѣя возвратис с великими княгинями, в палаты свої поиде.

Князь же великий Димитрий Іванович ступив в златокованное свое стремя і сѣд на бурнатыі конь свой, і вси князи і боляре на свои кони всѣдоша. Преосьвященныи же Киприян митрополить в той час попов і диаконов посла с живоносными кресты і со святыми мошъми і со святою водою во Θлоровские врата і Николские врата, в Царякостянтинские врата вь Ѣленинские врата, чтобы ся всякій человѣкь воінской благословень пошел.

Княиня же великая Евдокѣя взыде в златоверхиі свої терем і сяде на урундупе под южьнымь оконцем і рече: «Уже конешное зрѣти на великаго князя». І рече со сьлезами: «О чюдотворна ікона Госпожи нашея Богородицы і Приснодѣвы Мариі, сподоби мя грѣшную еще видѣти государя моего, славнаго во человѣцех великаго князя Димитрия Івановича, даруі ему побѣды на враги».

Князь же великий Димитриі Іванович раздѣлис з братом своим з князем Владимиром Андреевичем, понеже невозможно бѣ воінству іх вмѣститися единою дорогою. Самь князь великий поиде дорогою Засенною на Прашево, а брата своего отпустил дорогою на Котель. І бѣ бо видѣти дивно і преславно рать і силу великаго князя: бѣша бо вси, аки соколы і урядно вооруженны копми и доспѣхи, пансыри и шеломы і оружием зѣло вооруженны, яко во едино время і во един час ударити на сопротивных, і един за единого хощетъ умрети. Солнце же ему ясно сияетъ на востоце, путь ему, государю, повѣдает, а по нем вѣтрецъ кроткий вѣетъ.

Того же дни на Москвѣ быша гости новогородцы с таваром, торгу ради: Микула да Іван Василевъ, сынъ Усатов, да Дмитреі Ключков, і с ними многие іные гости. І видѣша велие гонение і скорбь великую православным христіапом от христоневистьныхь

агарянъ і скоро возвратишася в великий Новград і, пришедше, возвѣстиша посадником великаго Новаграда. Они ж, слышавше, прискорбни быша зѣло о великомъ князе і скоро поидоша ко владыце Евѳимию, і пришедше рекоша: «Веси ли ты, отче, великую беду на нас, ідет бо на нас гордый царь Мамай со множеством татарскими вои і хощеть нашу землю руськую всю пленити, црькви ж божия і грады наша огнемь попалити, нас же всѣхь мечем погубити. І сказывают, что князь великий Димитриі Іванович і всѣ князи руские вооружишас против его і хотят похес желанно узрети і кровь свою пролияти за святыя божия црькви і за вѣру христіанскую». Слышав же сия Евѳимий, прослезись і рече: «Яко же Господеви, тако і будетъ, да вы ко мнѣ, о чада, почто пришли есте і коея ради потребы». Они же ему рекоша: «Господине честныі отче нашь, ты, господинѣ, глава нам всѣм словесным овцам, да что нам повелиши творити, мы бо хотим пострадати за вѣру Христову во едином мѣсте, сынове рустиі с московскими воі і с великимъ княземь, а не мошно, господинѣ, нам оставити великаго князя Димитрия Ивановича». Архиепископъ же рече: «Благодарю тя, Господи Боже нашь, что такову благодать вложил в сердца ихь». И рече к ним: «Подите, братие, велите собирать народ к вѣчью, і которую рѣчь народ принесет, хотять ли ітти противо поганых іли нѣтъ». Посадницы же повелѣша звонить в вѣчныі колокол, повелѣша собирать народ к вѣчью і послаша многие проповѣдники по улицам градным, звати народ.

І тогда многое множество сошлося народу на колоколный звон, і возвѣстиша сия вся народом о нашествии безбожьнаго царя Мамая. Народ же возопи, аки ѣдинеми усты рекоша: «Мы днесь должны есмы по Христѣ умрети». І заповѣдаша другъ другу, егда заутра услышите вѣчный колокол, всѣ будите готовы с конми и со оружиѣм на дворище у старого Николы, яко тут нарядимся по достоянию. На утрие же сьѣхалося все воіньство. Архиепископъ же Евѳимий к нимь приіде на соборище, і той, возгласив, рече к ним: «Воіньство великого Новаграда, чада моя

милая, нынѣ хощете вы ітти на подвигъ спасения, не утолите лицъ своихъ, ни ѣдин от вас, от поганых, да приимѣте от подвигоположника Спаса Христа неувядаемыя венцы». І все воінство, яко единеми усты, рекоша ему: «Един Богъ, отче, наш свѣть во свѣте, славимый Сынъ единородьныі, а мы всѣ должни по нем умрети». Архиепископъ же вземъ честный крестъ і огради воевод і все воінство і повелѣ многимь попом і дияконом все воінство оградити кресты і святою водою окропити. Архиепископъ же благослови их, отыде восвояси.

Они же строішас вес день, і до ноши ізобраша себѣ $\overline{\text{s}}$ воевод крепкихь і мудрыхь зѣло: $\overline{\text{а}}$—воевода Івань Василевичь посадникь, $\overline{\text{в}}$-го сына его Андреа Волосатого, $\overline{\text{г}}$-го—Ѳому Михайловича Красного, $\overline{\text{д}}$-го Димитрия Даниловича, $\overline{\text{е}}$-го Михайла пана Львовича, $\overline{\text{s}}$-го Юрия Захаревича, а с ними урядиша Новаграда воінства $\overline{\text{м}}$. Во утрий же день восташа, всѣдоша на кони своя і наполнишася духа ратнаго і начаша, яко златозарніі орли по воздуху летаті, ищущи восточные страны свѣтлости. І вскорѣ вь $\overline{\text{s}}$ день приідоша в преіменитыі град Москву, і возвестиша ім—уже князь великиі Димитрий Іванович во вчерашній день на Коломну пришел. Они же скоро поідоша на Коломну за великимъ князем. Не дошедше же Коломны за пять верств, сташа на реце на Сиверкѣ і послаша вѣсть к великому князю. Посланцы ж приідоша і возвѣстиша ему: «Государь князь великий Димитрий Іванович, пришли к тебѣ на помощь новогородская сила, $\overline{\text{s}}$ воевод, а с ними воінства $\overline{\text{м}}$». Князь же великий радостенъ бысть і вопроси любезно посланніка того: «Брате, далече ли отсюду воеводы ваши». Он же рече ему: «Государь, отселе $\overline{\text{е}}$ поприщъ». Князь же великий Димитре Іванович прослезися і рече: «Господи Боже нашъ, чюдна дѣла твоя, нѣнадѣемыхъ даеши в помощъ». І поиде в полкъ к новогородцам і видѣ воінство іх чинно и урядно конми і порьтищами і шеломы, много злата і великаго бісера на портишах і на сѣдлахъ іх. И зва государь воевод новогороцких і многихъ от воинства хлѣба ясти.

Повелѣ воінству своему выѣхать на великое поле. Сынове же ростии наступиша на всѣ поля коломенские, не мошно бѣ очима обозрѣти, но всюду, аки вешная вода разлиясь колебашеся: велми бо велико воінство. І стязи ревутъ у саду Панѳилова. И учреди государь всѣ полки по достоянию. Себѣ взял полкь белозерскихъ князеі, а брату своему Владимиру дал ярославских князеі; передовой полкь Димитрея Всеволодовича да брата его Владимира; болшей полкь—князь Димитрий да князь Ѳеодор Шлетски; правая рука с коломенцы, воевода Іоан Радионович Квашня; лѣвая рука—новгородская сила; сторожевой полкь—Андрей Беутов да Костянтин Конанов; в матице же самь благочестивый великий князь Димитрий Іванович і мнози воеводы крѣпкие. І урядиша полки по достоянию, гдѣ кому подобает стояти. І повелѣ возитис великую реку Оку всему воінству своему. Самь же великий государь вземь благословение у епископа коломенского Евѳимия, і все воінство, и перевезеся великую реку Оку со всѣми своими силами великими. І сташа на другой странѣ реки Оки і сочтоша великую свою силу і под которым воеводой сколько силы. І бѣ силы неісчетное множество, кованой рати в доспѣсѣхъ обрѣтоша ѯ҃м҃, а протчему же воінству счету вскорѣ не возмогоша дати, понеже в то время прибѣже Карпъ Алексин да Петръ Горскоі, приведоша языкъ к великому князю.

И той языкь повѣда великому князю, уже бо ближатся погании татаровѣ. І поидоша оттуду вси сынове ростиі противо скверных і нечистых печенѣгь. І поідоша по земли рязанскоі. Князь же великий заповѣда всему воінству своему, да не прикоснутся ни единому власу.

Слышав же то Ольгь рязанский, что князь великий устрѣмися против нечестиваго царя Мамая і ідетъ к Дону со всѣми силами своіми, і глагола Ольгь: «Аз по прежнему чаях в себѣ, яко не подобаетъ рускому князю против восточнаго царя Мамая стояти с копиемъ, а нынѣ аз почто поползся есть ко царю Мамаю, а уже бы аз помогъ великому князю, да отнюдь мя не приіметь, вѣдая ізмѣну мою. Аще ли к нечестивому царю при-

ложуся, но і пути застали руские люди, і аз буду гонител на вѣру Христову, ако же Святополка земля пожреть мя, не токмо княжения лишон буду, но и живота гонзу. Да аще бы мошно было мнѣ послати ко Ольгерду литовскому королю, да се уже і пути нѣть. Да что бо Олигѣрдь,—он бо не вѣдая Бога истиннаго, аз же разумѣхь святыі законъ. Почто поползохся, окаянный аз, і бысть горши древних гонителеі на вѣру Христову». От того начат Олгь размышляти, откуду прііде помощъ великому князю, понеже стал онь противу нас г̃-хъ, а един вооружился. І рекоша ему боляре его: «Уже тому е̃і ден, такъ сказывали, есть в отчинѣ его единь от монастыреі, в том монастырѣ калугѣр, Сергием зовутъ. Той прозорливъ духом, а дал ему от своихь помощи в̃ чернца, силна велми, а се, сказываютъ, пришли к нему новогородская сила, чинно і урядно конми і доспѣхи і оружиемъ зѣло вооруженны і воінства много велми». Олгь же, слышав сие от боляръ своихь, і начат боле того блюстися і на боляр своихь стал яритис: «О чемь вы мнѣ о том прежде не повѣдали. Аз бы шел і умолил і воротил царя нечестиваго, а нынѣ бо аще ни ѣдиному не помогу, какь будеть мнѣ от обоіх мотчи прожить. Нынѣ же пребуду здѣс, дондеже услышу московского князя побѣду, і аз в то время приложуся к нечестивому царю Мамаю». И нача Олгь с мѣста на мѣсто преходити со единомыслики своими.

Ольгердъ же литовский король под предиреченнымъ уроком своимь совокупи литвы множеством злата, чахов і ляхов і варягь и агарянь і жамоть, і поіде на помощ ко царю Мамаю со множеством воі. І приідѣ Олигѣрдь ко граду своему Одоеву і слышавь, что великий князь Димитреі Іванович московский іде к Дону против нечестиваго царя Мамая с великими силами, і о семь убоявся велми і пребысть оттуду неподвижень; і начат размышляти о суетном привѣте і помыслѣ своѣм, і видѣвь совокупление свое, размышляя: «к которому, рече, присягну. Аще к великому князю, і он мене не пріімет, аще лі к нечестивому царю, но и пути нѣть, уже бо застали пути руские люди». І о

семь нача рватис и сердитися і рече: «Кому не достанет человѣку ума своего, то всуе в чужеі мудрости пребывают, николи же бывала Литва учима Рязанью. А нынѣ князь Олгь ізведе мя із ума, а сам наипаче мене погибѣ. Нынѣ же аз пребуду здѣсь, дондеже услышу московскаго побѣду, і аз в то время приложуся к нечестивому царю Мамаю».

Слышав же то князь Андреі Ольгѣрдовичъ Половѣтский, яко велика туга і печаль наступаеть великому князю от безбожнаго царя Мамая, і послаль князь Андреі Олигѣрдович Половетский ко брату своему князю Димитрию Олигѣрдовичу буквицу малу, в неі же писание сицевыми глаголы: «Брату моему возлюбленному, князю Димитрию Ольгѣрдовичу, радоватис тебѣ пишу. Веси ли, брате, что отець нашь Олигѣрдъ краль отринул нас от себѣ, наіпа же мы нынѣ приближимся ко істинному винограду Христову плодовиту і дѣлателному рукою Христовою, да вѣнцы побѣдными увяземся от подвигоположника Христа Бога і Спаса душамь пашим, і поидемь мы на помощь к благочестивому князю Димитрию Івановичу московскому, а станем отцу своему противитпс за нечестие его». И пріим же сию буквицу князь Димитриі Олигердович і радостень бысть велми і рече: «Дай, Господи, і мнѣ, рабу твоему, желание сие, дай же, Господи, тоже хотѣние, кое брату моему князю Андрею Олигѣрдовичу». І в той час князь Димитрей Олигердовичъ послав насупротив буквицу малу к брату своему князю Андрею Олигердовичу, в неі же писа сице: «Вѣдомо ти буди, брате князю Андрее Олгѣрдович, аз бо, брате, готов побарать по словеси твоему і по вѣрѣ Христовѣ, а воінства у меня по силѣ моей совокуплено не тоя ради брани, но ради дунайскіх варягь. А нынѣ убо з Богом, се таіно приспѣло есть нам время, а истинно аз хощу по православной вѣрѣ побарать, а отцу своему противитися за его неправду і за клятвенное преступление, еже к князю великому Димитрию Івановичу. А истинно, брате, добро намь помощь подать великому князю Димитрию Івановичу московскому. А нынѣ пришли ко мнѣ медокупцы от пещеры і сказывают, уже великий князь на Дону, і

мы, брате, соідемся на Сиверкѣ рекѣ с воі своими, да великаго князя постижем на Дону, да тѣмь путем отца своего утаимся, чтобы не воротил нас со студом».

И по малехь днех снидошася оба брата на Сиверкѣ рекѣ с вои своими і возрадовастася другь другу, яко же древле Іосифь сь Вениамином. І увидѣвше они у себѣ воінства уряженно ,м і радостни быша велми і поідоша вслѣд за великимъ княземь і постигоша великаго князя на мѣсте, реченномь Берестовѣ, за три поприща Дону сташа за обиду свою. Они же послаша вѣсть к великому князю, глаголющеи: «Димитрей і Андрей Олигердовичи пришли к тебѣ на помощь со многими силами». Князь же великий Димитрий Івановичъ рече брату своему і всѣмь княземь роскимь: «Неудобно таковой вещи быти, что дѣти отца оставляют і хотят ему противитис». І посла к ним, глаголя: «Братия моя милая, Дмитрий і Андреі Олигердовичи, не сумняйтеся вы умомь своимь, но поидѣте вы посьрѣди силы моея, і гдѣ мысль отца вашего належить». Они же опять послаша к великому князю с великим молением: «Государь князь Димитреі Іванович, ничего о нас не мысли, нѣт от нас к тебѣ ни единая лсти, но послал нас Господь Богъ на твою помощъ. Отець нашь отринул нас от себѣ, но Господь Богъ паки возприял нас». Князь же великий Димитрий Іванович, слышавъ сия словеса, радостенъ бысть, глаголя: «Господи Боже нашь, чудна дѣла твоя». І в той часъ самь государь с братомь своим і со всѣми рускими князи поѣхав в стѣтение князеі литовских і срѣте ихь, радуяся і весяляся. И в тоі часъ послаль к преподобному отцу Сергию і повелѣ молебны пѣти Господу Богу і пресвятей его Матери о себѣ і о братѣ своем і о литовскихь князехъ, о новонареченныхь братияхъ, что пришли к нему на помощъ со многими силами.

І в тоі час прибѣже Іаков Ослебя да Родион Ржевской, приведоша языкь к великому князю. Языкь же той сановит царева двора. І той языкъ повѣда великому князю, уже царь Мамай на Гусинце броду, а в шестом часу дни быти на Дону. Князь же великий Димитрий Іванович начат совѣтъ совѣщати з братом

своим князем Владимиром Андреевичем і со всѣми рускими князи і с Олигѣрдовичи: «Братия моя милая, князи і воеводы і вси сыновѣ ростіі, думаіте думу, здѣс ли, братия, пребудемъ, іли за Дон перевеземся». І рекоша ему князи литовские Олигердовичи: «Аще ли, господине, хощеши крѣпку воінству быти, повели возитис за Дон реку, то, господинѣ, ни ѣдин вспять не мыслить бѣжати. Аще ли нам Богъ поможет, побием нечестивыхь, то всѣ спасемся; аще ли что Господь случит, то всѣ опшую смерть воспріимем, от князеі и до простых людеі. Помни, господинѣ, прадѣд нашь князь Александрь Невскій Неву реку перевезеся, побѣди краля Аремѣта, что раззорити хотѣль отечество наше, да не по грѣхом нашим еще не прогнѣвался на нас Владыко. Такожде, господинѣ, нарекших Бога себѣ в помощъ, такожде сотворимь; а о велицем, господинѣ, воінстве не надобѣ вѣщати: не в силѣ Богъ, в правдѣ; не нашимъ хотѣнием будетъ, но божиім ізволением, что таково воінство совокупилос. Воістинну, государь, такову воінству не бывать ни при нас, ни по нас; подобно, государь, воінство сие древняго Александра царя Макидонскаго воінству его».

Князь же великий Димитрий Іванович повелѣ воінству своему Дон реку перевозитис. І перевезеся государь со всѣми силами своіми великими.

Приспѣвшу же шестому часу дни прибѣже стражь Семень Милюков со своею дружиною, а за ними гонишася погании татарове. Увидѣв же полки руские і всьпять возвратишася і повѣдаша царю своему Мамаю, глаголя: «Вѣдимо ти буди, царю, яко князи руские божиим промысломь на Дону стоятъ, ополчишася, а воінство іх нашево боле четверицею». Царь же, кликнув, напрасно іспусти злый своі глас, глаголя: «Аще аз московскаго князя не одолѣю, но нѣсть достоин итти в землю свою срама ради і поношенія людскаго».

Семион же Милюков повѣда великому князю: «Государь князь великий Димитрий Іванович, уже бо безбожныі царь Мамай на Кузьмнѣ гати, а на сию нощь імать быти на реку

Няпрядну, на полѣ Куликовѣ, а утре імать быти рано к Дону. Единою, государь, мы нощию імѣем разньствие промежь собоі. Тебѣ, государю, дни сего подобает полки своя урядити, егда бо заутра ускорятъ погании прити». В той же часъ повелѣ князь великий Димитрий Іванович полки уряжати. Нѣкто воевода пришел с литовскими князи, імянем Дмитрей Боброкь, а родом земли Волыскоі, тоі воістинну нарочитоі полководець і велми урядил полки по достоянию, елико кому гдѣ подобаеть стояти.

І какъ уже нощь глубока, зоря потухла, і приѣхавь Димитрий Волынець к шатру великаго князя, і сотворивь молитву. Великий же князь рекъ: аминь. І глагола Волынецъ к великому князю: «Государь князь великий Димитреі Іванович, выѣдемь со мною іс полковь своих, примѣть моіхь іспытати». Князь же великиі Димитриі Іванович, сѣд на конь своі і поѣхавь с нимь і сташа на полѣ Куликовѣ среди полковь рускихь і татарскихъ. І повелѣ Волынецъ с коня слѣсти великому князю і летчи на травѣ ковылѣ і приникнути ухом к земли. Князь ж великий Димитреі Івановичъ, лежа дългь час, і воста; і рече Волынецъ к великому князю: «Государь великий Димитрий Ивановичъ, что еси слышал, повѣжды ми?» Он же рече: «слышав, братее Димитрие, земли многие плачутся надвое: едина земля, аки вдовица плачущеся горкимь плачевным гласом, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, а третия земля, аки во свирѣль плачевную добре жалостно просопѣ, а по рѣкѣ Непряднѣ какъ бы гуси і лебеди крылами плещут». І речѣ Волынецъ великому князю: «Молися, государь, Богу, добра примѣта сия. То, государь, аки вдовица плачущеся — земля ельнинская о погибѣли чадъ своихъ, а со вторую страну, аки дѣвица вопиет, то — наша земля литовская, а что во свирѣль плачевную добрѣ жалостно просопѣ, то — земля руская, а что гуси і лебѣди крылома плещутъ, то колыблется земля рязанская». Посемь Волынецъ самь с коня слѣзѣ і, приникь ухом правым, на землю ляже і лежа долгь час і воста, главу пониче. Князь же великий рече к нему: «Брате Димитрие, повѣжды ми, что еси слышал?» Он же рече: «Государь князь

великий, аз бо ничего не слышав». І много нудивь его: «Скажи, брате Димитрие». Он же не смѣяше повѣдати, печали ради его. Князь же великий принуди его сказати, і рече Волынецъ: «Государь князь великий Димитриі Ивановичъ, едина ти есть примѣта на веселие, а другая ти на пагубу і на скорбь велию. Ас чаю, государь, божию милостью добра примѣта сия, побѣда на поганыхь будеть, а і християном велие падение будет». Князь же великий прослезися і рече: «О брате, велия побѣда християном будет». І рече в себѣ: «яко же Господеви воля, тако і буди, что он святый великий восхощет, то і сотворитъ».

Приѣхавъ государь к своему черному знамению і ссѣде с коня своего, припаде на колѣну свою со слезами моляшеся, глаголя сице: «Господи і Іисусе Христе, Сыне Божий, призри с высоты святыя своя от готоваго жилища своего на сия вся сыны человѣческия, іж имя святое твое призывают і за имя твое великое хотять пострадати. Укрѣпи нас, Владыко Господи, укрепи, да дерзновенно поідем на подвигь сеі, і низложи, святый Господи, враги наша, борющая нас, іже імяни твоего не познаша. А мы ж, людие твоі і овцы пажити твоя». І скончавшу ему молитву і рекь: амин. И посла брата своего князя Владимира Андреевича і дастъ ему воінства своі і своего двора многихъ ізбранныхъ людеи і повелѣ полку утаітис, да и того извѣстнаго воеводу Димитрия Волынца с ними в полку послал. Они же шедше вверх по Дону і сташа в дубравѣ, в мѣсте сокровеннѣ.

А самь же великий князь пересѣдая на кони своя і ѣздить по полкомь своимь і говорит своими усты всякому полку: «Отцы і братия, князи і воеводы, старии и юнніі, і вси сынове христіанстии, грозно бдите, мужаітес і крѣпитес, уже бо гости наши блиско суть, а нынѣ, братие, готовы держите раноподвитые кони своя.

Въ ту же ношъ Ѳома Хацыбуевь разбойникь стояль на сторожи, блюдучис поганых татаровеі. Явис ему тое нощи видѣние великое, на востоце велико воінство с обою страиь; іс того же

полку выѣхали в̑ юноши, свѣтолѣпны багряницы на себѣ имуща, а в руках своих мечи остры, і рекоша полком татарским: «кто вам повелѣ отечество наше, рускую землю, пленити, а нам вас повелѣ Господь сещи». І в той час повѣда великому князю Димитрию Ивановичу. Князь же великий повелѣ ему сие хранити, никому не повѣдать, покаместъ божия милость сотворится.

И в то время мнози орли от стад к Дону сьлѣталис, і волцы непрестанно воюще і галицы грающе, ждуще дни того грознаго і страшнаго побоища. У мнозѣх же у рускихь богатыреі сердца ярости наполнишася, а унѣх же уныша. Поле же Куликово подогнулос, земля же непрестанно стонаше, необычно грозу дающе. Не ту бо во одном мѣсте, но по многимь мѣстом стонаше і люте колебашеся, близ моря живущимь страх велиі творяше.

В Царѣградѣ цареградский царь во мнозем унынии і в скорби велицеі бывь, что земля колебашеся стонеть, необычну гразу дающи. І речѣ царь к совѣтником своим: «Аз мню, яко есть на земли во языцехь смятение великое». И ту нѣки от предстоящих совѣтник его рече к нему: «Аз убо, царю, прежде сего малыми денмі видѣхь сонъ, яко возлегшу ми, рече, на одрь мой спати і видѣхь во снѣ поле, велико же і долго. І се внезапу приідоша ту множество многое звѣреі дивніх, лвове же і волцы злии і медведи, ім же нѣсть числа, лютѣ же неіствовствующес і рыкающе і рищуще. І се приідоша противу іх единошерстно стадо овець, кротцы же і смиренни, ім же и число малеищи от тѣхь звѣреі. Звѣрие же тѣ люте на оно овчее стадо рыкающе і поѣсти іх хотяху. Овчее ж стадо на них такожде устремишас. І се же імь вкупѣ смѣсившимся, злымь оным звѣрем і овцам, і начаша между собоі лютѣ ѣстися, і бысть у нихь между собой вопль великь і ристание зѣлно. І вмалѣ звѣри ес страшни тѣ овчее молое то стадо не ізьядоша і немного іх оста. І посѣм останошнии тѣ овцы устремишас единодушно, люте ж і немилостивно тѣх звѣрей ізядоша до избытка, не оставиша в них ни единого звѣря живаго. Аз же от видѣния того возбнух і трепе-

тен велми бывь, размышляя в себѣ, что се хощетъ быти, і мню убо, господи царю, тоже, что будеть на земли кровопролитие і великое».

Князь ж великий Димитрий Іванович всю ту нощъ без сна пребысть, уряжая і укрепляя полки своя, і велми уряди полки своя по достоянию. І уже свѣтающу пятку і воссиявшу солнцу, на самый празникъ Рожества Пресвятыя Богородицы, полком же обоім стоящимся, другъ же друга невидѣвшим, понеже утро мгляно. І тогда во обоіхь полкахь начаша в трубы трубити і по литаврамь мнози быти начаша і во многия сурны гласити, татарских же трубы онѣмѣша, руския же наіпач гласы своіми просияша. І в то время со обоіхь страні удалые люди ѣздит начаша, понеже сердца іх наполнішася ярости і горести. Оныі же царь Мамай услышав трубный глас великий і завидѣ полки руския і содрувся серцем своім, і выѣхавь безбожный с тремя царевичи і не со многими мурзами на мѣсто высоко видѣти кровопролития человѣческаго.

Князь ж великиі Димитрие Іванович приѣхав под свое черное знамение і слезе с коня своего і совлечѣ с себя приволоку свою царьскую і во іную облечеся. Тот же конь свой дасть под Михаіла Андреевича под Брянцу, і ту приволоку свою царьскую на него же возложи, занеже быв ему любимъ паче мѣры, і повелѣ рыдалю своему знамя носить над нимь. Он же убиенъ бысть под знаменем за великаго князя. А самь государь князь великий Димитрий Ивановичъ сѣде на іной конь і вземь свою палицу желѣзну і падвижеся із полку своего, самь восхотѣ битис за великую обиду свою. Мнози же князи рустиі і богатыри держаше его, умилно глаголаша ему: «Подобаетъ тебѣ, государю, в полку своемь стаяти і на нас смотрити, а нам, государь, пред тобою храбрость і мужество явити; і тебѣ, государю, подобает нас кого за выслугу одарити. Аще ли нас побиют, а тебя, государя, Богъ соблюдет, і ты, государь, по нас памяти учнешь творити і в книги соборное запишешь. Аще ли мы спасемся, а тебя, государя, единаго ізгубимъ, то

будем вси, аки овцы, не імуще пастыря, і приідутъ волцы, ізгубят ны. Тебѣ, государю, подобает спасти себѣ, да и нас». Князь же великий Димитрий Іванович прослезився рече к ним: «Добрии речи ваши, не могу противитис ім, ни отвѣщати противо вас, умру вкупѣ с вами і испию едину чашу смертную і спасуся с вами. Аз ѣдинъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ».

В той ж часъ приідоша к великому князю книги от преподобнаго ігумена Сергия, в них же писани сицевыми глаголы к великому князю Димитрию Івановичу московскому — миръ и благословение. Князь же великий Димитрий Івановичъ прочет книги, радостен быв велми, самъ же посолника сергиева начать целовати. Самъ же целованием, аки нѣким доспѣхом, укрепися. І еще дасть великому князю богородичен хлѣб, просфору. Князь же великий простер руце свои на небо и рече: «Велико имя святыя Троицы, Пресвятая Богородица помогай нам, Господи Іисусе Христе, Боже мой, сподоби мя грѣшнаго причаститися животворящих таін твоих».

В той час іс полку татарского выѣхал Печенѣхъ, величеством подобень древнему Голиаду, і начать являти храбрость свою. Сынове же ростии видѣвше его і ужасошася. Увидѣв же его Александръ Пересвѣт чернецъ і начатъ у Владимера у Всеволодовича в полку ѣздить, вооружень, вмѣсто доспѣха і шелома возложи на ся ангельский образ і куколь, сирѣчь святую схиму. І приѣхав к великому князю і рече: «Государь, княже великий Димитрий Іванович і вси князи і боляре, сынове християнстии, воно поганый сопротивника с себѣ іщет, і аз хощу с нимъ видѣтис. Простите мя грѣшнаго и молитес о мнѣ». І рече: «Святый Сергий, помогаі ми молитвою своею і брате Андрее, молися за мя Богу». Сие рекъ, напусти і поѣха на Печенѣга, мнози же прослѣзишася от воін, видѣвши ангельское вооружение. Печенѣгъ же устреми на него, і сьѣхалися оба вкупѣ і ударишася копиями, і копия у них ізломишас, і оба вкупѣ с коней падоша і скончашася вь г̄ час дни.

І посем выехал іс полку татарскаго в̄-рый Печенѣгь, імянем Телебеі, таков же, якоже і первыі. І увидѣв же его Андреі чернець і рече: «Сыновѣ ростии, простите мя грѣшнаго, ігуменъ Сергиі, помогаі молитвою своею». І сьѣхалис оба вкупѣ і ударилис копиями, і копия у нихь ізломишас і с конеі своіх падоша, и ту оба скончашася.

Тако кликнули христіанѣ: «Боже христіанский, помози нам». А печенѣзи кликнули своі бози. І ступишася крѣпко, на первом часу дни. І бысть сѣча зла і трус великь от копеінаго ломления і от воінскаго крычания і от конскаго потопу земли непрестанно стонущи. І бишася крѣпко д̄ часа, і еще бо полки руские неосьлабно биющеся, печенѣзи же велми належаху. І не мошно бѣ очима зрѣти, ни слышати, не токмо что оружием бияхуся, но і от великия тесноты задыхахуся і под конскими ногами умараху. Поле же Куликово колебашеся, а река Непрядна, аки весною разлияся, с кровию течаше.

Наставшу же шестому часу, велми бо начаша погании налѣжати, а еще христиане не ослабѣютъ. І уже мнози рустии сановитии богатыри побиѣни быша. Приспѣвшу же з̄-му часу, велми бо начаша погании рать творити, і мнози бо руския полки побиша. І уже мало христиан, но все татаровѣ.

Сынове же ростии, стоящий в дубравѣ полкь великаго князя Владимира Андреевича, горко плакавше, видѣвше братию свою рассѣкаему, и рекоша другь другу: «Что убо, братие, в стоянии нашемь кая полза есть». Напрасно восхотѣша пуститися на полки татарския, но возбраняше ім Димитреі Волынець, глагола ім: «Постойте убо, братие, пождите мало, уж бо милость божия совершится». Они ж велми стужаху, наполнишас бо ярости і горести сердца іх. Наставшу ж осмому часу, і возвѣя вѣтрецъ по всѣм полком рускимь. І воскрича Волынецъ гласом великим, глаголя: «О братия, сынове християнстии, дерзайте». І тако вси единодушно ударишася на полки татарские, вь ярости другь друга преспѣваху. І тако ударилис сынове ростии на силу татарскую и начаша ім воздария давати. Трѣснули копия хар-

лужские, возгрѣмѣли мечи булатные о іхъ головы половецкие, і ни единъ противу іхъ стояти не может, ни камо бѣжати: кони бо іхь притомишася. Татарове же удариша себѣ в плѣши, вопиюще: «Горе тебѣ, горе тебѣ, царю Мамаю. Высокоумием вознеслься, а снщел еси до ада: уже бо сила татарская, аки трава постилается». І вопиюще і глаголюще: «О увы, увы нам, увы тебѣ, Рось премудрая, прежде худи с нами бишася, а лутчи всѣ соблюдошася». Мамаі же, видѣвь силу свою свю побиваему, нача призывати боги своя: Перуна і Тарха і Раклѣя і Гуся і великого своего Бахмета пособника, і не бѣ гласа ни послушания. Воістинну бо речѣ божественое писание: яко огонь попаляяй дубравы, яко пламень пожигая горы, тако поженежся силою своею. Воістинну бо сила святаго Духа, яко огнь пожигает.

І рече Мамай своимъ пашамъ санчаком, которые с нимь были: «Побѣгнем, братие, унесем главы своя». І побѣже Мамай въ ѳ-ти мурзахь, зубы своими скрежеташе, поминающе друзи своі, саулы, алпаутовѣ, і речѣ: «Уже вам в земли своеі не бывать, а чадь своихь не видать, а катун своихь не требыват, трепать вамъ земля роская і трава мурява, а на Рос ратию не хаживати, а с рускихъ князеі выходовь не прашивати». Мнози же рустии богатыри гонишася за нимь і не возмогоша постигнути іхъ, кони бо притомишася, а сами утрудишася, а іхь бо кони мочни быша. І тако іхь окаянных печенѣгь всѣхь погубиша і не остатася от нихь ни ѣдин в живых, токмо котории со царем ушли.

І тако сѣть іх сокрушис, а мы ізбавлени быхом милостию Господа Бога і Спаса нашего Іисуса Христа і пречистые Богородицы і молитвами московских чюдотворцев і сродников наших Бориса і Глѣба і преподобнаго отца нашего Сергия.

Князь же великий Владимиръ Андреевич побѣди всѣх поганых татар і приѣхав на грозное побоіще под свое черное знамение і не обрѣтѣ брата своего, великаго князя Дмитрия Іановича московского, і нача плакатис велми і убиватис, глаголя:

«О братия моя милая, всѣ сынове християнстіи, кто видал іли слыхалъ своего пастыря і началника великаго князя Дмитрия Ивановича московского». І много искавше і не обрѣтоша его. І повелѣша трубить в собранные трубы, і начаша мнози стекатися на тои трубныі глас, овии поюще стихи, інии мученичны, і инии же богородичны, плачющес і рыдающе вкупѣ і веселящеся, пѣсни побѣдителныя Богу приносяще со слезами. У иново бо убиша отца, у иново брата. А ізгубихом мы своево пастыря і началника.

І разошлися (от роды) по великому грозному попоіщу, іщущи побѣды побѣдителя. Ови наідоша Михаіла Андреевича Брянцу в приволоце і в шеломѣ великаго князя, і чающе его великим княземъ, занеже былъ приличен ему. Іниі наидоша князя Феодора Семеновича Белозерского. Нѣкто же бяше Стефань Новосилцовъ рече: «Аз его, государя, видѣл в г̃ часъ дни, что пѣшь он бежит по побоіщу, а гоним бысть он д̃ татарины, а щитится он палицею желѣзною; от нихъ і аз ему, государю, не могь помощи подать, занеже і самь был гонимъ г̃ татарины». А инь воін рече: «Аз его видѣхь такожде с тою же с палицею желѣзною, толко уявлень уже он добрѣ копием под пазуху». І рекоша князи литовские: «Мы его мним, яко в трупѣхь с мертвыми». І рече князь Владимир Андреевичъ: «Братия моя милая, сыновѣ християнстии от мала і до велика, аще кто наідетъ брата моего великаго князя Дмитрия Ивановича московскаго жива, воістинну первыі человѣкъ будетъ на Москвѣ у нас».

І раззошлися отроцы по великому побоіщу, іщуще в трупѣхь. Два отрока мало ѣхаша с попоіща в десную страну, единому імя Ѳеодор Сабор, и другому імя Григореі, оба костромичи, Холопищевы. І наѣхаша великаго князя жива, ранена, отдыхающа под сѣченным древом березою. Сабур же ссѣд с коня і поклонис до земли великому князю і рече: «Радуіся, великии князю і государю, побѣдителю врагом своім». Он же ни во что же вменяше реченная ім. Они ж опять сѣдше на кони

своя і выѣхали на побоіще і повѣдали великому князю Владимиру Андреевичу: «Государь нашь князь великиі Димитрей Ивановичъ живь, лежитъ под сѣченным древом березою». Князь же Владимир Андреевич і всѣ князи роские сие слышавше радостьни быша, і всѣдше на кони своя і поѣхали до великаго князя. І слѣзше с конеі своіхь, поклонишас ему до земли, припадше к ногамь, глаголюще: «Радуися, радуіся, государю нашь, великии княже, храбрый побѣдителю на поганыхь христоненавистныхь агарянь, радуіся, древний Ярославѣ, радуися новый Александре, радуися свѣтило земли росиістей, радуися утѣхо наша, радуися побѣдителю врагов».

Князь же великии едва проглагола к нимь: «Скажите ми, возлюбленная братия, что дѣется у вас с татары». І отвѣща князь Владимиръ Андреевичъ: «Государь князь великии Дмитрии Іванович, по милости божий і пречистыа Божиа Матере і сугубыми молитвами сродников нашихь мученикь Бориса і Глѣба, заступлением же росиіского святителя Петра митрополита і протчих чюдотворцов, і пособием вооружителя нашего преподобнаго Сергия игумена і всѣхь святыхь ходатаіством і християнскими молитвами побѣждени суть враги наши, а мы спасохомся». Тогда великии князь радости ісполнися і рече: «Сиі день, его же сотвори Господь, возрадуемся і возвеселимся в онь». І паки рече: «Велий еси, Господи, і чюдна дѣла твоя, вечерь водворится плачь, а заутра радость. Хвалю тя, Господи Боже мои, і почитаю імя твое святое, его же ради не предал еси нас в руки врагов нашихь і не попустил еси похвалитис над нами іному языку. Сего ради уповаю ня тя во вѣки».

Приведоша же коня великому князю. І всѣд на нь і выехав на побоіще і видѣ множество мертвыхь любимых своихь витязей і нача горко плакатися. По сем узрѣ татар четверицею в трупие падшихь, мало утѣшися і, обрашся, рече к Волынцу: «Воістинну неложны твоі примѣты, брате Димитрие, достоінно есть всегда быти тебѣ воеводою». І нача князь великий со всѣми князми і воеводами ѣздить по побоіщу, сердцем же велми склицаше, сле-

зами умываяс. И наѣхавь мѣсто, на нем же лежаще князи Белозерстіі, вкупѣ побиени, иже толма бишася крѣпко, яко единь другаго ради умре. Туто же блиско лежаше і Микула Василевич. Над ними же став великии князь нача плакатися і глаголати: «Братиа моя милая, князи і воеводы і сыновѣ рустии, положившии за вѣру святую главы своя, аще имате дерзновение, молитеся за ны». Шедше же на ино мѣсто, і се обрѣте наперстника своего Михаіла Андреевича Брянцу і близ его лежаща Семена Милюка і князя Тимоѳея Волуевича, убиенныхъ. І ставъ над ними великіи князь восплакався горко і рече: «Братия моя возлюбленная, кто тако может за государя своего умрети, яко любимецъ мои Бренник в моемь нарядѣ, вмѣсто мене выѣхавши, до смерти подвизався за мя». І паки рече: «О добрыи моі стражу Симеонѣ, твоею стражею мы многажды спасохомся, ты же здравия нашего стрегущи за нас, главу свою положиль еси». Приіде же на иное мѣсто, і се лежаше ту храбрыи витязь Пересвѣть чернецъ, і близ его лежаше Таврул татарин, величествомь подобен древнему Голиаду, от Пересвѣта побежденный. Князь же великии возплакася горко над ними і, обрашся, рече к своим: «Зрите, братия, началника своего Пересвѣта, сеі бо побѣди подобна себѣ богатыря татарина, от него же бы многимь было пить чашу смертную».

І паки ста на мѣсте своем і повѣлѣ в трубы трубіти собранные на собрание, весело ликовствующе і пѣсни воспѣвающе, овы крестныя, інии богородичны, ово мученичны и протчиа боголѣпныя благодарения о толикой преславной побѣде, веселящес. Собравшу же ся воінству, ста посрѣди, великии князь нача с радостию і с плачем глаголати: «Братия моя возлюбленная, князи і боляре мѣстныя, воеводы силныя і вси сыновѣ всеа земли русския, вам подобаеть такожде і впредь служити, а мнѣ службы вашеа тѣшитися і по стоянию хвалити вас; внегда упасет мене Богь, буду на своем столѣ, на великом княжении московском, імам вас дарити ізобилно. Нынѣ же сие управим,

похоронимь кождо ближняго своего, да не будут звѣрем і птицам в снѣдь тѣлеса христианская».

І стояше князь великии за Доном ӣ днеи і разбираше і храняше тѣлеса христианская от нечестивых, а нечестивых тѣлеса осташас звѣрем и птицам на разхищение.

По семь великии князь Дмитриі Ивановичь рече: «Считаітес, братие, сколко у нас князеи і воевод нѣть і всего воінства». І отвѣща Михаиль Александровичъ боляринъ московскиі: «Аз (государь) смѣтил, сколько у нас князеи и боляр нѣть і сколко воіства побито і переписал на черныі списокь. Нѣтъ, государь, у нас м̄-ти боляринов московскихь, і в̄і князеі белозерскихъ, да л̄ посадниковь новогородскихь, да к̄ бояринов перепоходскихь, да к̄ бояринов переславских, да к̄е бояринов костромских, да л̄е бояринов владимирскихь, да ӣ бояринов сузалскихь, да м̄ бояринов муромскихь, да к̄г бояриновь дмитровскихь, да л̄ бояринов ростовских, да з̄ бояринов можаіскихь, да л̄ бояринов свенигородских, да е̄і бояринов углецкихь, да л̄ пановь литовскихь, да о̄ бояринов ярославскихь, а от всѣхь полковь всеі дружины воінскоі положивши главы своя за честь божию і за тебя государя ѓсѓнѓг головами».

Тогда великии князь Дмитрии Иванович із глубины сердца своего воздохнув і обрашся ко гробом убиенныхь росіскихь воевъ с великимь умилением і слезами рече: «Братия моя возлюбленная, князи, бояре і воеводы і всѣ витязи старии и юннии, сыновѣ ростии, вамь, братие, Богом сужено мѣсто сие между Доном і Мечею рекама, на поли Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ. Здѣ положили есте вы богатырстии есте головы за вѣру христіанскую і за землю рускую. Вам да будеть вѣчная память с получением почести венцовь небесныхъ за доблия подвиги ваши, а мене грѣшнаго со всѣми оставшими со мною братиями, со сродниками і други вашими простите і благословите в семь вѣце і в будущем. Се бо здѣ вас оставляю, отхожду же к Москвѣ. О горкое наше разлучение с вами в сеі временоі жизни, желаю же усердно случитися с вами в жизни вѣч-

ной, Богомь назначенаноі, идѣже есть всѣхъ веселящихся жилище».

О возвращении великого князя Дмитрия с торжественною побѣдою к Москвѣ.

Давши великии князь послѣднее цѣлованием тѣлесам побиеннаго воинства христианскаго на полѣ Куликове, рече ко всемь своимь княземь, боляромь, воеводам і всему воинству: «Братия моя милая, уже есмы по милости божие снабдѣли имя себѣ славное, нынѣ же час намь возвратитися в свою землю. Время бо пѣнию і молитвѣ час, празникъ всемирнаго Воздвижения честнаго креста, почнем чрез Дон возитис».

І тако перевезшися Дон, поиде великии князь со всѣми к Москвѣ на столь свой. И егда приближися к Москвѣ во время праздника Покрова пресвятыя Богородицы, се преосвященный Кипріань митрополит со всѣми освященнымь соборомъ срѣте великого князя во Андрониковѣ монастырѣ, со честными кресты и святыми іконами. И огради его крестомъ и рече: «Радуися, княже нашъ великии Дмитріи Іоанновичь, преславныи побѣдителю». И окропи его святою водою. И ту великии князь восхотѣ в монастырѣ святыя литургии слушати. І вниде в церковъ, нача молитися со слезами, взирая на нерукотворенны образ Христа Спасителя и глаголя: «Владыко Господи Боже мои, благодарение тебѣ воздаю, яко не предал еси рабовь своихь врагом нашимь в покорение и не поступилъ еси имъ порадоватис о нас, не забуди нищихь своихь до конца». По церковном же правилѣ иде князь великии з братом своимь и с литовскими князи и со всѣми своими доброхоты в торжественно побѣде на Москву. Митрополит же повелѣ в походѣ пѣти стихи богородичны и мученичны.

Княгиня же великая Евдокия со двоима сынама и со многими нарочитыми женами срѣте государя своего во Ѳроловскихь вратѣхь с плачем и радостию. Князь великии, видѣвь свою великую княгиню и двѣ свои отрасли, князя Василия князя Юрию, возрадовася и поиде в церковь небеснаго воеводы архистратига

Михаила, поклонися святому образу его, глаголя: «Заступникъ нашь еси во вѣки». По сем идѣ ко гробомь сродниковъ своих и рече со слезами: «Вы есте пособницы наши, вашими молитвами спасохомся от сопостатов наших». Изшед іс тоя церквѣ, поиде паки в церков соборную пресвятыя Богородицы, и ставь пред чюдотворнымь ея, Лукою святым евангелистомь написаным, образомь, возрѣвь на ня, падши ниц, нача благодарение воздавати, глаголя: «Госпоже Царице, ты еси христианская заступнице, тобою избавлшеся от злых, благодарственная восписуемсти раби твои, Богородице». Посем иде ко гробу преблаженнаго Петра митрополита и протчих чюдотворцовъ и поклонися им, глаголя: «Вашими молитвами добрѣ подвизахомся, побѣду восприяхом над сопостаты нашими».

По семь іс церкви поиде в свое мѣсто, в набережнии сѣни и сѣдѣ на престолѣ своем, радуяся и торжествуя о Господѣ.

О походѣ великаго князя Дмитрия ко обители святыя Троицы.

Пребывши великии князь Дмитріи Ивановичь на Москвѣ четыре дни, поиде ко святеи живоначально Троицы к преподобному отцу Сергию з братом своим и с литовскими князи. Преподобны же отець Сергии срѣте его со кресты близ монастыря и знаменавь его крестом, рече: «Радуйся, княже великии, і веселися твое христолюбивое воинство». І вопроси его преподобныи о своих изволниках. І рече ему великиі князь: «Тѣми, святыи отче, и при святых твоих молитвахь побѣдивь своя враги. Твои бо ізрядныи вооружител, рекомы Пересвѣт, побѣдивь подобна себѣ богатыря от варварския страны. Аще бо, отче святы, не твои крѣпкии вооружител Пересвѣт, было бо многим христіаном от того побѣжденнаго им татарина пити чашу горкую. Потом великии князь помолився во обители святои и слушавь божественныя литоргии, вкуси хлѣба от святыя тоя трапезы честныя обители, по прошению преподобнаго Сергия. Воздавши благодарение, поиде на Москву.

И ту литовская князи начаша проситися во свояси. Княз же

великии пача их чтити і дарми утоляти, да пребудут здѣ: «Дамь вам лице вашея отчины». И не возможе уняти, отпусти их. И сам проводих и з братом своим до Можаиска, в растані же с ними рече им со слезами: «Братия моя милая и способники наши, Господь да хранит хождение и ісхождение ваше отнынѣ и до вѣка». И отпусти их.

Самь возвратися во свою отчину в град Москву и сяде на своем княжении во всяком благополучии. Услышавши о семь Ольгердъ князь литовскии, яко князь великии Дмитрии побѣди Мамая, возратися с великим студом воспят, а Ольгъ, резанскии князь, такожде впадши в скорбь велию, по нѣкоем времени живота своего лишился.

О погибели Мамаевой.

Побѣждену же сущу воинству татарскому в конець, его же бяше дванадесят соть тысящь, яко послѣжде нарочитыя языки татарския повѣдають о том, самь поганыи царь Мамай с черными князми своими в малом числѣ побѣгши з побоища, от великаго страха забѣже даже до города, лежащаго над морем, Каѳы и идѣже имя свое утаи. Но вскорѣ познань, убиень бысть от Ѳрагь и яко злы, злѣ погибе, оставивши по себѣ вѣчныи студъ и поношение наслѣдьникомъ своимь, поганым бесурманом. Народу же христианску в вѣчныя роды торжественую побѣду, над собою и над своими погаными воинствы дараванную от вседержителя Бога Господомь нашимь Іисусомь Христомъ.

Потом крал литовскии Олигердъ татар побѣдивши, всѣ поля до Киева, от древних лѣт прислушаюшия от ганския лютости, очисти и постави на Подолу Кориятовичовъ Александра, Констянтина, Ѳеодора, Юрия, і всемь страны руския с подолиемь вручи и въ область подаде.

По семь похвала государю великому князю Дмитрию Іоанновичу московскому і всеа Росии і впред будущимь их родомь царскому величеству і в наслѣдие ихь во вѣки вѣковь о Христѣ. Аминь.

Сказаніе.

Западно-русская обработка.

(Императорской Публичной Библіотеки, собранія Погодина № 1569, XVII в.; варіанты — Императорской Публичной Библіотеки, собранія гр. Толстого I, 157, XVII в.).

Кн҃га о побоищи Мамая, цр҃я татарского, от кн҃зя владимерского и московского Димитрія.

Глава а҃. Повѣсть о цр҃ех татарских, якъ довго над Русью пановали и о пришествіи Мамаевомъ в рускую землю на великого кн҃зя Димитрия.

Батиі, цр҃ь татарскиі, яко повоевал всю землю [1]) рускую, полскую, венгерскую [2]), пришовши в шести соть тысячах татар, року ѕ҃ме, которію орду татарскую Золотою названно [3]), от того часу, през лѣть полтараста, кн҃зи рускиі татаром голдовали, и цр҃и татарскии, един по другомъ наступуючи, своих баскаковь, албо атамановь, то есть старость над Русью постановляли. Которым [4]), седячи в Руси, дан от Руси выбирали, судиі [5]) судили и, якь хотѣли, росказовали. От цр҃ей тежь татарских и кн҃зи рускиі стоновляны [6]) бывали. Ажь року ѕ҃шпѳ кн҃зи рускиі,

---

1) землю всю. 2) и венгерскую. 3) называно. 4) которыи. 5) суды. 6) ставляны.

особливе Семеон Ивановичь, кн҃зь тверскиі и Димитрей Івановичь Семечин, великиі кн҃зь владимерскиі и московскиі, своимь мужествомъ и храброствомъ татаров до конца побивши, досканале зкинули з шиі свое [1]) ярмо татарское і в першую пришли волность руского панованья. Такимь способомь, року ҂ѕѡѯе, Занабекь, цр҃ь великии татарскиі, сн҃ъ Азбековь, внукь Батѣевь, в Заволскои, в Перекопскои и Крымскои ордѣ цр҃ьствовал, братовь своихь для лакомства панованя позабивалъ і в руских панствах з неволных [2]) моцъ свою широко розширалъ. Тои заставив на царствѣ сн҃а Бердебека, который также дватцать [3]) родных своих братовь позабивалъ, абы ему в панствѣ не перешкожали, але и самь, ледве двѣ лѣта на царствѣ бывши, умерлъ. Сн҃а тежь его Аскулпа, един мѣсяць царствовавшого, Нар, другиі царикь, забилъ. Нара зась, в рокъ потымъ Хидир забил. Року ҂ѕѡѯи, Хидира сн҃ь его власный замордовалъ, але и тои на царствѣ татарскомъ, зле набытомъ, ледве седмь днии выбывши, от цр҃я темника Мамая быль выгнанный и забитый, року ҂ѕѡѯѳ. Той безбожный цр҃ь Мамаи, роспытавши у своих совѣтников о Батѣи, якь землю рускую повоевалъ, кн҃зей позабивалъ, городы попустошил и под свою владзу подбилъ, самь той Мамай, еще барзѣ научень от диявола, умыслилъ поити на рускую землю, мовячи: ижь я всю землю рускую борзѣй, нижь Батиі, спостошу, толко яки лѣпшии и милшии городы себѣ оставлю, в которых буду зь своими татарами жити. Не знаючи, злочестивыи, же то все рука бж҃ия справуеть. О томъ, зь своими нарадившися, собралъ барзо великое войско татар, обѣцуючи имъ великии богатства рускиі, перевезеся через реку Волгу, не кажутчи своимъ и хлѣба пахати, але на рускиі хлѣбь до сытости всѣмь надѣятися. Дошол устия реки Воронежи, роспустил [4]) свою облаву.

Глава в҃. О змовѣ злои кн҃зя резанского Олга зь кн҃земь ли-

---

1) своей. 2) зневоленых. 3) дванятцать. 4) и распустилъ облаву свою.

товскимь Олгердомь на кн҃зя московского Дмитрия по поселствах ихь до цр҃я татарского Мамая.

Послышавши Олгь, кн҃зь резанскиі, ижь Мамай идеть на великого кн҃зя Дмитрия Івановича московского, Русь воевати и начует на Воронежи, мало ума мѣючи, послал своего посла з великими подарками до Мамая, написавши такую грамоту: Восточному ц҃рю, волному Мамаю, твои посадникъ Олегь резанскиі много тя молить. Слышах, господине, што хощешь ити на Рус, на своего служебника кн҃зя Дмитрия Івановича московского, огрозитися ему хощеши. Нынѣ, всесвѣтлый ц҃рю, приспѣ время тебѣ: злата и богатства много наполнися земля моско́вская, а кн҃зь Дмитриі Івановичь — великии християнин: егда услышить имя твое и гнѣвь твой, то отбежить в далняя стороны, албо в Новгород великиі, албо на Двину, золото московское многое и богатство все будеть вь твоихь рукахь, твоему войску на потребу, Мене зась, раба твоего, Олга резанского, держава твоя нехай пощадить: я велми устрашу Рус и кн҃зя Дмитрия. И еще, ц҃рю, молю тя: оба два есмо твои слуги, и я великую обиду маю от того ж великого кн҃зя Дмитрия, и гды ему за свою обиду твоимь царскимь именемь погрозилемъ, он того недбает, и город Коломну за себе заграбилъ. И о том, ц҃рю, молю тя, дай мнѣ управу. — З тым писанемъ выправивши Олегь своего посла к Мамаю, послаль другого посла кь Олгерду, кн҃зю литовскому з писмомъ такимь: Олегъ, кн҃зь резанскиі, великому кн҃зю литовскому Олгерду радоватися. Вѣдаю, ижь давно мыслилесь кн҃зя московского Дмитрия зогнати, а самь землею московскою владѣти. Нынѣ приспѣль твои час великии, бо вѣмъ, ц҃рь Мамай идеть на него. Тепер пристанмо до ц҃ря Мамая, вѣдаю же тобѣ дасть ц҃рь Москву зь иншими городами, а мнѣ дасть Коломну, Володимер и Муромль, которыи городы сут моеѣ власти. Уже я послал своего посла кь ц҃рю Мамаю зь честью и з дарами, пошли и ты от себе своего кацѣя, написавши грамоту, якь самь знаешь. — Кн҃зь Олгердъ, урадовавшися с того, подяковал кн҃зю резанскому, самь з великими безчисленными дарами послаль к

Мамаю з таким писаниемь: Великии кн҃зь Олгердъ литовскиі цр҃ю Мамаю великому, под твою милость прибѣгаем [1]), присяжникь твои и много тя молить. Слышах, господине, што хочешь казнити своего служебника, московского кн҃зя Дмитрия, того ради молю, цр҃ю, великую бо вѣмь пакость чинить твоему улуснику, кн҃зю резанскому Олгу, да и мнѣ пакости дѣеть. Просимь обадва, да придеть держава цр҃ьствия твоего на отоки сия, и да приидеть твое разсмотрение нашея грубости от московского кн҃зя Дмитрия. — З тымъ послави, мыслили кн҃зи резанскіі и литовскіі, ижь кн҃зь Дмитріі утечеть, а мы с покоемъ будемъ на его княженіи сидѣти, и дарами утолимь Мамая, иж пойдемъ [2]) з руской земли спокойне. И дасть нам ярлык албо привилей свой на княжение. Тыи сами не знали, што чинили, не помятаючи, же все есть в руках бж҃іих, и кто под кимь яму капаеть, той и самь в тую впадеть [3]). Кн҃зь зас Дмитріі ничого о той змовѣ на него кн҃зей не вѣдал. Цр҃ь Мамай принял пословь вдячне и дары; прочитавши ихь писма и зразумѣвши рѣчь, частовал послов и отпустиль. И къ кн҃зю резанскому и кь кн҃зю литовскому такъ отписалъ: Дякую вамъ за дары, и што писалисте ко мнѣ о отчинѣ [4]) руской, подарую вамь, толко мнѣ присягните и з войсками своими мене споткайте, где можете. Я вашего на помочь войска не потребую, маю так войска много, которым и Ерусалимъ давный и хотяи яко [5]) царство взял бым, толко вы зь [6]) своим воиском огрозитеся кн҃зю Дмитрею при моей оборонѣ. Мнѣ, цр҃ю, з подобнымь цр҃емь битися, а не з Дмитріемь, моимь голдовникомь, досыть мнѣ же; мя, якь цр҃я почтите, ознаимѣте иншимъ своимъ кн҃земъ: иду к нимъ с покоемь.

Глава г҃. Кн҃зь Дмитріі Ивановичь московский молится и раду чинить на Мамая з митрополитом и зь своими кн҃зи, о змовѣ тежь кн҃зей Олга и Олгерда [7]) и Мамаевомь замыслѣ довѣ-

---

1) прибѣгает. 2) поидетъ. 3) впадаетъ. 4) отчизнѣ. 5) якое. 6) зь — *нѣтъ*. 7) *прибавлено* — князей.

давшися, збираетъ своих кнзей, гетмановь и войска. Взявши вѣдомость, кнзь великиі московский Дмитриі, ижь Мамай идеть на него, ревнуючи Батию зь [1]) гнѣвомь барзо заѳрасовалси, и ставши перед образом хрстным, над головою его стояннимь [2]), упал на колѣна и з плачемъ молился, жебы Гдь Бгъ грехи его простил и избавил землю рускую от безбожного Мамая. Помоливши ся, послал рихло по брата своего Владимера Андрѣевича до Боровицы и по всѣхь кнзей и воевод своих. И гды приѣхал брать Владимерь і всѣ кнзи і воеводы к Москвѣ, взявши кнзь Дмитриі брата своего Владимера, пошол к преосвещенному митрополиту Киприяну, ознаймил ему о томъ, ижь безбожный Мамай идеть на нас. Запытал его митрополить: чимь, гдне, его гнѣвь на себе подвигнулес, чого не далесь. — Отповѣдиль кнзь Дмитрие: все, ведлугъ постановеня отцовъ нашихъ и болше далемь ему. — Рекль митрополит: жебы той безбожный не спустошилъ нашей земли, пошли ему дары и дарами его гнѣвь укроти; а если не схочеть, самь его Бгъ укротит, якь свтый Василиі великиі учиниль и Юлиану послал дары, а гды не приняль, самъ Гдь Бгъ през мученика Меркулия его убиль [3]). — Веды [4]) кнзь Дмитриі, послухавши митрополита, выборного своего и разумного Захарию Тушишина послаль зь многимь золотомь и срѣбромъ к Мамаю, придавши к нему двохь толмачовь. Посланный Захария, гды пришол в Резан и довѣдался, иж Олегъ резанскиі и Олгердъ литовскиі, змовившися на кнзя Дмитрия, поддалися Мамаю, послаль зараз таемне кь своему кнзю Дмитрию, тое ознаймуючи. Што услышавши кнзь Дмитриі розгнѣвался и, заѳросованный, молился Гду Бгу и просил, жебы его невинности самь он вышни помѣстился [5]). Помолившеся, знову з братом своимь пошол к митрополиту, ознаймил ему о змовѣ на его кнзя Олга резанского з Волгердомъ литовскимь, и плачучи рекль: Согрешилемь пред Бгомь, але имь ничого не есть винень, не беру ничего ничьего, своимь естемь доволенъ княжением. —

---

1) зь — *нѣтъ*. 2) стоячимъ. 3) забилъ. 4) Теды. 5) помстился.

Отповѣдилъ ему митрополить: Даремная и несправедливая, ижь есть на тебе змова, не ѳрасуйся, на Бг̑а въ своей невинности надѣйся. Теды кн̑зь Дмитриі, возвергъши на Бг̑а печаль свою, порадился зь своими кн̑зями і воеводами и послалъ на сторожу от Мамая крѣпких своихъ оружниковъ: Родиона Ржевского, Иякова Андрѣева Волосатого, Василья Тупина и многих з ними рыцеровь, и сказал [1]) имь усердно стеречи и, под Орду подежжаючи, языка добывати и правды о Мамаевой мысли довѣдавати ся. А самъ кн̑зь Дмитриі Івановичь по всей руской земли послал гонцовь зь своими грамотами, жебы всѣ готовы пришли до Коломны, на Успение пресвятой Бц̑ы, на войну з Мамаемь и з татарами. А поневаж сторожи кн̑зя Дмитрия забавилися, послалъ еще на провѣдки Климента Полянина и Івана Свесланика, казавши имъ скоро ворочатися. Тыи ж стрѣтили Василья Тупина, ведучого языка, который языкъ сказал кн̑зю Дмитрею, ижь Мамай конечне идеть на Дмитрия и на Русь, и якь з Мамаемь зьедночился Олегь кн̑зь резанскии, змовившися зь Олгердом литовскимъ, и не спешить — ждеть осени. — Услышавши, кн̑зь Дмитриі тую певную вѣсть, печал тѣшитися Бг̑омь и рекль до брата своего и до всѣх кн̑зей і воевод, укрепляючи ихь: Гнѣздо естесмы великого кн̑зя Владимера киевского, который насъ вывел зь тмы безбожности и просветиль правдивою вь истенного Бг̑а вѣрою; ревнуймо жь ему, биймося до смерти за вѣру с̑втую правдивую з погаными татарами, Г̑дь намь помощникь, не убоимься, что сотворить намь ч̑лвкь хотяй; кто васъ [2]) за вѣру [3]) умреть, зь с̑втыми мученики в небѣ венецъ прийметь. — Отповѣдиль кн̑зь Владимер Андрѣевичь, брат стрѣнний [4]) і всѣ кн̑зи: правдиве такь есть, ижь за вѣру умираючиі правдивую от Бг̑а заплату приймуть вѣчную; готовы естесмо всѣ на войну з татарами и головы свои за вѣру с̑втую положити. — Тое услышавши, кн̑зь Дмитриі Івановичь, ижь всѣ смѣло готовы на войну, барзо утѣшился, і ведлугь его росказанья всѣ воиновь

1) казалъ. 2) з насъ. 3) вѣру и. 4) стрійный.

множество поспешили и пришли ко кнꙋзю Дмитрею на Успение пресвятые Бцы, мовячи: Дай намь, Гди, течение совершити за твое свтое имя. — Приѣхали теж тут же кнꙋзи белоозерскии с присторожными [1]), барзо великими войсками: кнꙋзь Ѳедор Семеновичь, кнꙋзь Семенъ Михайловичь, кнꙋзь Андрѣй Скимьскиі, кнꙋзь Глѣб Коргополскиі и Цынодовскиі, так же и ярославскиі пришли кнꙋзи зь своими силами: кнꙋзь Андрѣй Ярославскиі, кнꙋзь Роман Прозорожскиі, кнꙋзь Левь Курбьскиі, кнꙋзь Дмитрей Ростовскиі и иншиі кнꙋзи, и собралися великия войска вь славномь градѣ Москвѣ.

Глава д. Кнꙋзь Дмитриі приимать блгословение от свтго Сергия в манастырѣ живоначальныя Троицы и пророчество о звитязствѣ над татарами.

Кнꙋзь великиі Дмитрей Івановичь, взявши брата своего Владимера Андрѣевича і всѣхь преславныхь кнꙋзей руских, пошол з ними к манастырю живоначалный Троицы, кь преподобному отцу Сергию и блгословение взяль от свтые обители. Просиль кнꙋзя преподобный Сергиі, жебы послухал свтой [2]) литургиі, был бо, вѣмъ, ден недѣлныи августа иі-г дня. По отпустѣ литургиі просил отць Сергиі кнꙋзя Дмитрия, жебы обѣдал у нихь. Кнꙋзь отмовлялся, бо пришла вѣдомость, ижь поганыі уже зближаются. Отповѣдал ему старець: обѣд тобѣ на поспѣхь будеть, еще тобы [3]) не готов венець, а иншимь многимь венцы мученическии готуются. Послухавши, кнꙋзь Дмитрей вкусиль хлѣба, а свтый Сергиі тымъ часом казаль воду освятити з мощей свтых мученик Ѳрола и Лавра, того дня свтыхъ мученикь памят была. І вьставши скоро от трапезы, преподобныи Сергиі покропил кнꙋзя і все его воинство и дал великому кнꙋзю кресть хртвъ — знамение на челѣ и рекль: Гдь да поможеть тебѣ на враги. — И мовилъ ему тайно: Маешь звитяжити врагов твоихь, сколко довлѣеть твоему гсдьству. — Кнꙋзь, подяковавши за блгословение преподобному, реклъ: Дай мнѣ, отче, двох воиновь от твоего

1) пристройными. 2) стоѣ. 3) тобѣ.

иноческого полку Пресвѣта и брата твоего Ослабля, то ты и самь поможешь намь. Сергиі преподобный зараз казалъ тымъ рыцеромь свѣдомым наготоватися и казал имь вмѣсто прилбицы схиму зь крестами [1]) на головѣ носити и отпустил ихь зь кн҃земъ, мовячи: Страждѣте, добрыи воины хр҃стовы. — Подаль тежь великому кн҃зю і всѣмь з нимь мир и бл҃гословение. Кн҃зь великии Дмитриі веселыи пришол к Москве, сказал тое все преосвещенному митрополиту, и заказал ему митрополить, жебы того никому не сказал, што ему тайно рекль преподобный Серг҃ій, а кн҃зь никому [2]) не сказалъ.

Глава ѕ҃. О выправѣ и выходе з Москвы кн҃зя Дмитрия на войну противь цр҃я татарского Мамая.

Гды пришол августа вь дватцать седмый ден, на память преподобного Пимина, хотѣлъ великиі кн҃зь Дмитриі пойти на безбожного Мамая, пошол перше в церковь соборную пресвятой Бц҃ы и, ставши пред образом хр҃стовым, пригнувши руки до персей, молился, просячи Хр҃ста Сп҃са, абы его грехов не помянул, судил обидящих и возбранил борющих его и даль побѣду на варваров, востающих на хр҃стиянь. Потомь сталь пред образом пресвятой Бц҃ы, написанным от с҃вгго Луки, и молился, просячи, абы пресв҃тая Бц҃а, яко заступница хр҃стияномь непостыдная, умолила Сн҃а своего и Бг҃а, жебы не даль осквернити храмовь своих с҃втыхь, и не погубилъ хр҃стиян, яле дал звитязство хр҃стияномь над погаными. Оттол пошоль кь гробу с҃вгго чюдотворца Петра митрополита киевского, просиль и его, абы архиерея Хр҃ста Сп҃са умолил, жебы его овца невредныи [3]) сохранил и отгнал и погубиль волковь, безбожных варваровь, хотячихь овца его поглотити. — Так скончавши мл҃твы, великиі кн҃зь поклонился митрополиту. Митрополить зас бл҃гсвил кн҃зя, даль ему знакь побѣды — кресть с҃втый, и отпустил, и послал митрополить с҃вщенный соборь с крилошанами вь Ѳроловскиі ворота, в Костянтиновскиі і в Николскиі з крестами с҃втыми и зь образами

1) з крс҃томъ. 2) нѣкому. 3) невредны.

чюдотворными, абы всѣхь воиновь бл҃гословили на войну. К҃нзь зась великиі Димитриі пошол еще в церковь свт҃го архистратига Михаила, где к҃нзи лежать. Тамь помолившися пред образомъ свт҃го архистратига Михаила, воиномь скорого помощника, пришоль кь гробомь к҃нзей и рекль: Пророднтели [1]) наши, истенныи вѣры сѣтые православные поборницы, если маете дерзновение у Бг҃а, помолитеся за нас, потомковь ваших, абы нам даль Бг҃ь над погаными звитязство.—По мл҃твѣ вышли з церкви. Княгиня Дмитриева Еудокия и княгиня Володимерова [2]) и иных княгинь много со слезами провожали своихь к҃нзей. К҃нзь зась Димитриі тамо удержався от слезь, рекль своей княгини: Жено, не плачь; если Бг҃ъ за нами, кто на нас.—И такъ пожегнавши, всѣль на коня своего выборного, з нимь і всѣ к҃нзи полетѣли з Москвы, якь бѣлыи соколы, нарядное войско. Князи таж белоозерскиі особно зь своими полками стройно ѣхали. К҃нзь великиі Дмитрей отпустиль брата своего Владимера на Брашево дорогою, бо незмѣстилося войско все едною дорогою, а самь пошол на Котел. Княгиня зась его зь снохою своею и зь иншими княгинями смотрѣли на поѣздь ихь, взышовши на свои высокиі золотоверхии терем, и молилися, просячи своему к҃нзю от Бг҃а помочи на погаыхь татарь, жебы двох сн҃овь великого к҃нзя Дмитрия—Василия и Юрия не пустил вь сиротство. К҃нзь великии Димитриі взял зь собою десять мужей Сорожан, жебы обачили, што будеть дѣятися, и повѣдали потомь в далних землях. И пошол великий к҃нзь Димитриі, за ним всѣ к҃нзи рускиі з великимь воискомь, аж стукъ стучить, громь гремить по ранней зорѣ от ихь поѣзду, якь вина пити весело спешатся. К҃нзь Владимер Андрѣевичь Москву реку перевезся на красном перевозѣ в Боровицѣ. К҃нзь великиі Димитриі пришол вь суботу на Коломну, на памят свт҃го Моисея Мурина, августа. Тут же стрѣтили его многиі воеводы з войсками на рецѣ Сѣверской. Архиепископь з духовными и зь крестами стрѣтил в башнѣ [3]) городовой и

1) прародителіе. 2) Владимеровая. 3) в баштѣ.

бл҃гословилъ великого кн҃зя і всѣхъ з нимъ. Назавьтрее в недѣлю велѣл кн҃зь великиі всѣмъ воеводамъ з войсками вьѣхати в поле кь Девичю; и стало так великое войско на полях коломенскихь, аж очима зьглянути всего войска не можно было. И поставил великии кн҃зь над полками воевод. Себѣ в полкь приняль кн҃зей белозерских, правую руку себѣ учинил брата своего кн҃зя Владимера Андрѣевича, дал ему ярославских кн҃зей; а лѣвую руку себѣ учиниль кн҃зя Глѣба Бранского; передовый зась полкь — Дмитриі Всеволож; коломенского полку — Микула Василевичь; володимерскиі воевода — юрьівскиі Тимоѳей Волуевичь; костромский воевода — Іван Родионовичь Кувашня; переясловской воівода — Андрѣевичь Серкизовичь. А у кн҃зя Владимера воеводы — Данило Велевуть, Кононовичь Костянтинь, кн҃зь Ѳедорь Елецкиі, кн҃зь Юрьі Мещерскиі, кн҃зь Андрѣй Муромскиі.

Глава ѕ҃. О посланью сторожовъ от кн҃зя Димитрия, о ѳрасунку Олга резанского и Олгерда литовского для похода на войну кн҃зя Димитрия и о пристью [1]) Олгердовичов кн҃зей на помочь кн҃зю Димитрию.

Такъ великиі кн҃зь спорядивши войско, казалъ перевозитися Оку реку и приказал всѣмъ крѣпко, жебы, идучи через землю резанскую, ничого на волос не рушили. И самь, взявши бл҃гословение от архиепископа коломенского, перевезеся реку Оку; оттол пустил на трое сторожовь, жебы обачилися з татарскими сторожами: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Ѳому Тину, Петра Юрьского, Карпа Алексина [2]), Петра Чирикова и иных многих вѣдомцовь. За ними и самь кн҃зь великиі Дмитриі зь братом своимь поспешаль. Послышавши Олегь, кн҃зь резанскиі, ижь великий кн҃зь Дмитриі московскиі з великими войсками идет противъ Мамая, почал боятися и з мѣстца на мѣстце переходити. Мыслиль послати до кн҃зя литовского Олгерда, лечь не могь, ижь дорога вся заступлена. Дивился, отколь кн҃зю Дмитрею помочь и смѣлость повстати на Мамая и на нас двох кн҃зей. Сказали ему

1) пристю. 2) Олексина.

бояре его, ижь осмь дней уже, як мы слышали, же кулугер, именемь Сергиі, в вотчинѣ его будучи прозорливый, вооружил его и даль ему на помочь двох калугеров своих. Рекль имь Олегь: Чему мнѣ давно не сказалисте; пошол бымь к Мамаю, злочестивому цр҃ю, и упросил бымь, жебы ничого не чиниль злого. Бѣда мнѣ: згубилемъ разумь свой. И Олгердь, мудрѣйшиі от мене не розумѣль [1]) пришлих речей, Бг҃ь на нась обоихь поищеть нашей глупости. Великому кн҃зю боюся передатися, а до Мамая приставши, буду гонитель на вѣру православную и на братию [2]), якь Светополка земля пожреть живаго. Мл҃тва прозорливого Сергия кн҃зю Димитрею поможет. Такъ учиню: кому Бг҃ь поможет, тому присягну. — Олгердь зас, зобрав Литвы много, Варягь и Жмоди, и пошол на помочь Мамаю. Пришовши Олгердь кь Одуеву, послышаль, же великиі кн҃зь Димитриі з великими войсками пошол на Мамая и тое, ижь Олегь, кн҃зь резанский [3]), убоялся великого кн҃зя, стал, задержался у Одуева и рекль: Ошукалемся, чюжого разуму слухаючи, николи Литва не была учена князями резанскими; тепер кн҃зь резанскиі Олегь и мене звюв з разуму и самь згинуль. Тут тепер перебудмо, покол почуемь звитязства кн҃зя московского. — В той же часъ сн҃ы Олгердовы: Андрѣй, кн҃зь Полоцкий и Димитрей, кн҃зь Бранский, будучи окрещены в православную вѣру през свою мачеху, княгиню Анну, за што от҃ць ихь Олгердь, поганин, ненавидил, але Бг҃ь любиль, послышали, ижь великиі ѳрасунокъ великому кн҃зю московскому і всему православному християнству от безбожного Мамая належить, и они ѳрасовалися. И послалъ кн҃зь Андрѣй кь брату своему меншему родному Дмитрию буквицу малую, на которой тое было написано: Вѣдаешь, брате, же нась откинуль от себе от҃ць н҃ш҃ь Олгердь, для того же принялисмо вѣру православную, але Бг҃ь нась приняль. Не жалуйможь и до смерти подвизатися за вѣру св҃тую. Поидѣмо на помочь кн҃зю мо-

1) зрозумѣлъ. 2) братію, якъ Святополкъ, и мене якъ Святополка... 3) князь резанскій Олегъ.

сковскому Дмитрею і всему хр̃стиянству против паганаго цр̃я Мамая. — Тое писмо прочитавши от брата своего, кн̃зь Дмитриі урадовался и з слезами рекль: Дай намь, Гд̃и, доброе, тебѣ угодное хотѣние совершити. — Потомь казаль послу: Мовте брату, ижь естемь готов з тобою ити з войскомь, зкилко [1]) маю. — Бо у них войска готовы были для дунайских татарь. Треба, мовить, намь ити на Сиверь кь Дону, где кн̃зь Дмитриі, и так утаѣмося тоею дорогою от отца. — Рыхло теды обадва кн̃зи Олгердовичи, браты, пришли к Сѣверу, изнавшися [2]), радосно привиталися, якь Иосиѳь з Вениаминомь. Оттоль з войскомь стройным зараз на Дон пришли. З которого ихь приходу великиі кн̃зь Дмитреи московскиі и зь братом своимь, барзо радуючися, похвалил Гд̃а Бг̃а и, припявши ихь вдячне и чесно великими удароваль дарами, и рекль имь: Не для мене сте пришли ко мнѣ, але Гд̃ь Бг̃ъ, любячи, послал вас к намь на помочь хрестиянству против поган, якь Аврамь Лоту, такь вы намь, а через васъ Бг̃ь поможеть. — Зараз с тоею вѣстью послаль великиі кн̃зь к Москвѣ, к митрополиту, ознаймуючи, ижь Ольгердовичѣ, оставивши отца своего, пришли ему на помочь. З чого радуючися, митрополит зь слезами хвалил Гд̃а Бг̃а и приказаль дн̃ь и ночь за великаго кн̃зя по церквахъ молити Бг̃а, набарзѣй вь Сергиевом манастырѣ. А княгиня Дмитриіва [3]) Еудокия давала всякую милостиню, завше до церкви ходила.

Глава з̃. О взятю языка Мамаевого от сторожей кн̃зя Дмитрия, о радѣ его зь князями и ошуковаю [4]) зь обоихь сторонь войскь и о укреплениі войскь от кн̃зя Дмитрия и о молитвѣ его.

Затымь великиі кн̃зь пришол на мѣстьце, названое Березуй, за двѣ албо за три мили Дону, сентябрия [5]) пятого дня. Тамь прибѣгли два его сторожи, — Петрь Горский [6]) и Карпь Алексинь, и привели языка значного от сыновных [7]) цр̃я Мамая.

---

1) зколко. 2) изнявшися. 3) Димитріява. 4) ушикованю. 5) септеврія. 6) Готскій. 7) сановных.

Той язык сказал, ижь цр̃ь на Кузминѣ есть, дожидается князей к себѣ — Олга резанского и Алгерда [1]) литовского, а твоего прихода и спотканя не сподѣвается. Олгь писал к нему, иж за три дни маеть быти на Дону. — Спыталъ его великий кн̃зь о силѣ мамаевой. Отповѣдил языкъ, ижь никто его войска не переличить [2]), барзо великое. Почал думати великиі кн̃зь зь своимь братом и зь князями литовскими: если перевозитись за Дон, чили туть стояти. — Отповѣдили Алгердовичи [3]): сего дня кажѣмо войску перевозитися за Дан [4]), то никто не погадаеть назад, а о великом войску поганском не ѳрасуймося: Бг̃ь не в силѣ человѣческой, але в правдѣ благоволить. Ярослав, перевезшися реку, звитяжиль Святополка, и прадѣд твой Александерь Невскиі, перевезшися реку, короля немецкого звитяжиль. Ты, Бг̃а призываючи на помочь, тое ж чини; если и помремь, у Бг̃а заплату приимемь, тымь и войско свое подкрепляй; не бойся, витязей маешь много добрых. — Казаль теды кн̃зь великии войскомь своимъ за Дон перевозитися. Тымъ часомъ почали вѣстники прибѣгати, ознаймуючи, ижь близко уже бѣ, чають, татаре. Тут же почали збиратися волки стадами, выючи безпрестанно, галки и орлы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы брешучи и иншиі звѣри, на кров чигаючи и на трупы. Старѣйшиі воины рускиі радовалися, неприятелей близко чаючи, а молодшиі и [5]) иншиі унывали, видячи пред очима смерть; которых укрепляли старѣйшии за смерть дочасную, вѣчный животъ прекладаючи і венцы небесныи, о которых Сергиі преподобный предрекль. Шестой годины на ден пришол Семен Меликь зь своею дружиною, за которым гнали татарове, ажь до полковь руских, которыи их оттогнали. Обачивши татарове множество полковь рускихь, оповѣдили цр̃ю Мамаю, ижь кн̃зи рускиі, ополчившися, стоять при Дону. Цр̃ь зь гнѣвомь крикнул: такъ, моя сила, если сихь не побию, якь маю вернутися вь свою землю. —

---

1) Олгерда. 2) перелечитъ. 3) Олгердовичи. 4) Донъ.
5) и — нѣтъ.

И казаль всему войску своему справитися. Меликь зась сказал великому кн̃зю, иж на Гусинъ бродь перешли уже, за единочь [1]) заутра придуть Напрадву [2]), а ты, великиі княже, сего дня справь войско, жебы не поспешили поганцы. Зараз теды великиі кн̃зь Дмитриі Івановичь, з братомь своимь, кн̃земь Владимеромь Андрѣевичомь и зь князями литовскими Андрѣемь и Дмитриемь Ольгердовичами, почали справовати и шиковати през годинь шесть; особливе з литовскоѣ земли Дмитриі Боброкь, родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Кн̃зь великиі зь братомъ своимь и зь Алгердовичоми [3]) и з иншими князями, взымавши [4]) на высокое мѣсто [5]), обачиль всѣ хорогвы войска хр̃стиянского і все войско ихь рядне вь зьброях [6]) і в прилбицах, от золота свѣтящихся [7]), и порядне ушикованое на войну охочих рицаров и Бг̃у молячихся о побѣдѣ на враги, удивился и урадовался. Также и кн̃зи литовскиі почудилися и рекли: подобно тое войско цр̃я Македонского войску, такъ великое, якь пред нами не бывало. — И зсѣвши, великиі кн̃зь паль на колѣнах пред образомь Хр̃товымь, написанномь на хорогвѣ чарной [8]) болшого полку и помолился, мовячи: Владыко Гд̃и, призри на нас, рабовь твоих, кровию твоею искупленых, обрати лице твое на нечестивых варварь и даж намь на них побѣду мл̃твами пресвятой Бц̃ы и руского светителя Петра. — По мл̃твѣ всѣль на коня и з князями ѣздити почаль по полкахь, каждому самь мовячи: Братия моя милая, сн̃ве хрестиянстиі, приспѣль часъ вашего подвига, мужайтеся, станте крѣпко на неприятеля, который уже на рецѣ Непрадвѣ близко; Гд̃ь силенъ во бран, Гд̃ь заступникъ нш̃ь, Бг̃ь Ияковль. Уповайте на Бг̃а, мирь вамъ его з нами [9]), заутра обачюся. — Тое мовивши, отпустил брата своего Владимера уверхь по Дону в дубраву, жебы его полкь утаился, даль ему годных рыцеровь своего двора и отпустил

---

1) за едину ночъ. 2) на Непрадву. 3) Олгердовичами. 4) взышовши. 5) мѣстце. 6) войско нарядне в зброях. 7) свѣтячихся. 8) чорной. 9) миръ вамъ, еще з вами . . .

тежь з нимь свѣдомого своего воеводу Димитрия Волынского на ночь Рождества пресвятой Бц̃ы. Ночи тогда свѣтлыи, і теплота была.

Глава и̑. О примѣтахъ слынных и о видѣниі явленномъ, з которых звитязство кн̑зю Димитрею пророковано над Мамаем и о мл̑твѣ великого кн̑зя.

Дмитриі Волынскиі взял самого толко великого кнзя, выехаль з ним в поле Куликово в ночи и рекль: Спробую своей примѣты. — И сталь посредѣ обоих войскь, руских и татарских, почал слухати, на полкь татарскиі обернувшися. Послышалъ стукь велик, якь торгь збираючися [1]), албо городъ будуючися [2]); назадѣ ихь волки выючии грозно; по правой сторонѣ ихь вороны кричачиі, и сталися страхъ и крикь великиі пьтатствь [3]), вороны, якь горы летали против по рецѣ Непрадвѣ, а гуси и лебедѣ, крылми плещучи, незвычайную грозу подавали. Рекль великиі кн̑зь Волынцу: Слышу, брате, великая гроза есть [4]). — Отповѣдиль Волынець: Призываются, великии [5]). — Кн̑зь знову вернулся на полкь рускиі. — Што слышати, спытал Волынець. — Што слышно, рекль кн̑зь, не слыхать ничого, толко видялемь [6]) много зарей огненныхъ збираючихся. — Рекль Волынець: Огни — добрый знакъ; призывай Бг̑а з вѣрою. И знову рекль: Еще есть примѣта. — И зсѣвши Волынець з коня, поникь на землю, приклонивь ухо правое и долго лежавши высталь и поникь. Кн̑зь великиі спыталъ его: Што есть, брате. — Онь не хотѣль сказати, але примушенъ от кн̑зя сказаль: Едно есть тобѣ пожитечно, а другое скорбно: слышалемь землю плачучююся надвое, една сторона, якь нѣякая, жона плакала горко поганским голосомь сн̑овь своихь, а другая сторона, якь нѣякая панна, якь свирѣль [7]) жалосно плачевнымъ голосомь. Зь тоей примѣты я познаваю, ижь бж̑иею силою и помочью св̑тых мученикъ Бориса и Глѣба звитяжишь погановь, але будет многое падение войска

---

1) збираючійся. 2) будуючійся. 3) птаствъ. 4) есть гроза. 5) *прибавлено*: княже. 6) видѣлемь. 7) свирил.

хр̃стиянского. — Услышавши тое, великиі кн̃зь заплакал и рекль: Нехай будуть звитязства гд̃ніі [1]). — Мовил Волынець: Не кажи того никому [2]), ни брату твоему; заутра кажи на конѣ сѣдати, мл̃сти Бг̃а и св̃тых его и крестомъ, оружиемь непобѣдьмым [3]) огорожатися на противныхъ. — Тоей жь ночи пѣякиі синглить, именемь Ѳома Кацѣй, поставлен сторожемь от великого кн̃зя на ру на Черу Михайловѣ для мужества его, на крѣпкой сторожи от поганъ, видель на высокости оболокъ, якь полки нѣякиі от востоку, барзо [4]) от полуденной зас стороны пришли два младенцы свѣтлыи, маючи свѣчи и мечи острыи в рукахъ; которыи [5]) были мученики Борись и Глѣбь и рекли полковником восточным поганскимъ: Кто вам казал потребляти нашу отчизну, которую намь Гд̃ь даровал. — И почали ихь сѣчи младенцы мечами, и ни единъ от них не избыль цѣлый. На завтрее сказаль тое видѣние самому кн̃зю, а кн̃зь заказал ему, жебы никому не повѣдаль. Самь зась великиі кн̃зь, поднесши руки и очи на небо, почаль зь плачем молитися: Гд̃и, мл̃твами св̃тых мученикь Бориса и Глѣба поможи мнѣ, якь Моисею на Амалика, якь Ярославу на Св̃тополка и якь прадѣду моему Александру на хвалящогося короля немецкого разорити его отчество. Поможи нам, хр̃стияном, твоимь рабомь, поганымь [6]), блюзнячих тя. — Такъ помолившися поѣхавь к полькомъ.

Глава ѳ̃. О поставленіі от кн̃зя Дмитрия Михайла вмѣсто себе, о листѣ от св̃тго Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханю на герць з татарином Пересвѣта чернца.

В празникь Рождества пресвятой Бц̃ы, третей годины на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускіі трубы гримѣли, а татарскіі якь онемѣли [7]). Еще не зышлися з собою, бо мьгла была. А великий кн̃зь Димитріі, ѣздячи на своемь выборномъ конѣ, укреплял свое войско и мовиль зь слезами: Не страшѣтеся за св̃тые церкви и за вѣру хр̃стиянскую и

---

1) звѣтязства гд̃ніѣ. 2) *прибавлено*: государу. 3) непобѣдимымъ. 4) великій барзо. 5) котрiѣ. 6) на поганых. 7) онѣмили.

за отчизну милую, голов своихь класти не щадѣте. — Такъ укрѣпивши, подѣхал под свою чорную короговь и, зьсѣвши зь своего коня, зложиль зь себе царскую одежду, вьзсѣль на иншого коня и вь иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложилъ на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего даль ему и свою короговь рыделю казал над нимь возити [1]), под которою тои Михайло за своего кн҃зя был и забитый. А самь кн҃зь великиі, вынявши зь запазухи свой кресть, в котором была часть животворящого древа, рекль: В тебѣ, кресте сн҃тый, останяя моя надѣя, якь помоглес Костянтину звитяжити враги хр҃стиянския, такъ и намъ поможи звитяжити поганого Мамая и его всю силу. — Того ж часу пришло писане от преподобного Сергия; вь которомь тое написано: великому кн҃зю Димитрею Івановичю і всѣмь княземь рускимь і всему православному воинству мирь и бл҃гословение. — Даль тежь посланець великому кн҃зю хлѣбь пресвятые Бц҃ы от игумена Сергия. Тымь всѣ писанемь утѣшившися, потвердилися на войну. А великий кн҃зь, поцѣловавши посланца, взяль хлѣбь сн҃тый и рекль: О великое имя пресвятыя Троицы, пресвятая Бц҃а помагай намь на противныхъ мл҃твами преподобного Сергия и спаси насъ. — І взявши свое копье и палицу свою желѣзную, самь вперед хотѣль скочити на погановь, але богатыри его рускиі удержали, мовячи: Не годиться тебѣ вперед битися, але особно смотрѣти стоячи [2]) на битву полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты где подѣнешся, што и по нас будеть; мы готовы головы свои покладати, а ты по нась память будешь творити і впишешь вь книги, на память потомнымъ вѣкомь. — Кн҃зь, заплакавши, рекль: В земной чести я естемь пред всѣми вами почтен, нехай же вперед вась голову положу і вперед вась венець от Хр҃ста прииму; благая от Г҃да принялемь, злыхъ не стерплю. Затымь передовыи полки почали сходитися з татарами. Первое полкь проводиль [3]) Дмитриі Всеволожь і Володимерь, брать его, правою рукою

1) возиты. 2) стоячи смотрѣти. 3) провадилъ.

ишол Микула Василевичь з Коломничами и зь иными кн҃зями; а поганыи татаре ишли обоими руками: бо не было имь где ростягнутися. А царь безбожный Мамай зь трома своими князями взышоль на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затымъ выѣхалъ з полку татарьского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якь давный Голиадь. Того обачивши чернець Сергиевь Пересвѣть, з полку Владимера Всеволожа, рекль: Сей татаринъ хочеть себѣ противного герцовьника, я з нимь хочю видитися и ударитися і восприяти венець царствия. — Мѣлъ на своей прилбицы схиму зь крестомь. Потом рекль: Простѣте мя и благословите [1]), и ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене. — Рекли всѣ: Бг҃ь тебе да простить и благословить и поможеть тебѣ мл҃твами сѣтго Сергия. И такъ ударилися обадва [2]), з коней попадавши померли.

Глава і҃. О войнѣ кн҃зя Димитрия и войскь рускихь з войсками мамаевыми, о раненю кн҃зя Дмитрия и о побитью войскъ рускихъ от татарь и о звитязствѣ потомь славномь през помочь брата кн҃зя Димитрия войскъ рускихь над татарами.

Затымъ крикнувши всѣ войска рускии: С нами Бг҃ъ, — и знову: Бж҃е хр҃стиянскиі, поможи намь на враги. — А татаре крикнули: Огь Магметъ. — И зышовшися, почали крѣпко битися зь обоих сторон. Лиеться кров богатырская под сѣдлами оковываными, котятся прилбицы золотыи под ноги конскиі, за прилбицами — и головы богатырскиі, а татарскиі выдвое того падают, на поли Куликовѣ, в тѣсномъ мѣсте межи Доном и Мечею, льются рѣки кровавыі от множества побитыхь, шабли блискают, якь блискавица, а копиі, якь громь ломаючися, трищать. От третей годины ажь до шестой билися, тамь в три годины безчисленное мнозство строеня [3]) розумного бж҃яго побито. От шестой зас годины почали татаре одолѣвати, а хр҃стияне изнемогати: много храбрых богатырей руских и молодыи [4]) зацное побито.

1) благословѣте. 2) обадва рыцеры, чернець з татариномъ и обадва ... 3) створеня. 4) молоди.

Многіе сн҃ы рускіе конскими копытами татарскими потерты, и самаго кн҃зя великого Димитрия ранено, ажь, нуждею схилившися з коня, пошол з побоища, Един вѣрный самовидецъ от полку Владимера Андрѣевича повѣдаль, ижь видѣль шестой годины над великимь кн҃земь небо отворенное, з которого вышол облакъ, якь ранняя зоря низко держачися; той облакь полнь рукь человѣческих, каждая рука держала оружие. Тыи руци спустилися над головы хр҃стиянскіе на оборону, уже бо вѣмь отвсюль обышли татарове хр҃стиян. — Обачивши з дубровы, в которой на засадцѣ сѣдѣл кн҃зь Владимерь Андрѣевичь, ижь барзо много хр҃тиян побито, и звитяжають татаре, не могучи болше братіе своих православных убиваня терпѣти, рекль Дмитрею Волынскому: Што за корысть тут болше стояти, наши до конца погибають, даймо имь помочь, хотя [1]) и сами з ними головы положимь. Рекль Волынский: Бѣда, вижу, велика, але еще не час нам ити, бо кто не в свой час починаеть, што [2]) шкоду относить. Потривай мало, а Бг҃а призывайте: вь осмую годину будеть ласка бж҃ия и помочь хр҃стияномъ. — Владимерь почал молитися, просячи Гд҃а Бг҃а о мл҃дрие и о помочь на поганых, а в полку его сн҃ы [3]) рускіе плакали, видячи братіе и друзей своих от татар барзо много погибаючих, и сами порывалися на ихь оборону, якь на чашу вина. Волынець имь еще боронил, мовячи: Пождѣте, будеть [4]) вашь часъ. — Вь осмую теды годину дунув вѣтер полудневый ззаду ихь, тогды Волынець великим голосом крикнуль: Княже Владимере, пришол часъ. — И рекль: Братия милая, дерзайте, сила бж҃ия [5]) помогаеть намь. — Богатыри зас рускіе вышли з дубровы и кинулися на татар, якь ясныи соколы на журавлевь [6]). Татаре, обачивши знагла много полковь руских, зьтривожилися, крикнувши же: Русь мудра, молодших вперед на нас выправили, а се самыи богатыри рицери зсадскіе [7]) идуть. — И почали татаре уступовати, а рускіе полки ихь

---

1) хотяй. 2) што починает. 3) сынове. 4) будетъ и. 5) божая. 6) журавлювъ. 7) з асадски

погнали, помочью с҃вѣтых мученикь Бориса и Глѣба, и сѣкли утекаючих поганъ. Татарове, утекаючи, волали: Бѣда, бѣда тебѣ нечестивый Мамаю. — Рускіі, Бг҃а призываючи, без числа татаров побивали, бо нѣлзя имь было от Руси утекати, же коней мѣли потомненыхъ. А Мамай, видячи свою бѣду, почал призывати своих боговъ: Перуна, Савата, Ираклия, Гурга і великого своего помощника Махмета; не [1]) маючи себѣ от нихь помочи, свою голову почаль уносити. Видячи новых людей руских, крѣпко сѣкучихъ татаров, побѣгь зь четырма своими мужами. За ними погналися рускии воины, але ижь [2]) ихь не догнали, ижь кони Мамаевы добрыи были непотомлены. А татаров побитыхь помощию с҃вѣтых мученикь Бориса и Глѣба, якь в видѣніі видель предреченный Ѳома Кацѣй по обоихь сторонах рѣки Непрадвы безчисленое множьзство лежало, мало ихь за Мамаемь утекло.

Глава аі. О знайденю раненаго кн҃зя Димитрия и о радости великой звитязства [3]) над татарами.

Такь рускіі войска, звитяживши татар, вернулися кождый под свою короговь, а кн҃зь Владимерь Андрѣевичь, ставь под корогвою [4]) чорною, и не нашол брата своего великого кн҃зя Димитрия Івановича под его корогвою [4]), толко кн҃зей Олгердовичовь, казал в великую трубу трубити на радость. И за годину не дождавшися брата, пытал у войску: кто бы видѣль, албо слышалъ о великомъ кн҃зю. — Рекли кн҃зи литовскіі: Мы сподѣваемся, ижь жив гдес, але ранен барзо. — И [5]) иншій рекль: Я его видел пятой годины крѣпко з татарами биючого [6]). — Другіі рекль: Я после того видѣлемь его зь четырма биючогося татарами, которыи [7]) барзо на него натирали. — Потом единь молодыи Навасилскіі кн҃зь Стеѳан повѣдал: Я пред твоимь, княже [8]), приходомь виделемь великого кн҃зя, идучого пѣшого [9]) з побоища, барзо раненого, але не могилемь ему помочи, бо за мною три татарины гналися. — Рекль кн҃зь Владимер: Пошукайте,

---

1) и не. 2) ижь — *нѣтъ*. 3) з звитязства. 4) короговю. 5) И — *нѣтъ*. 6) биючогося. 7) котріи. 8) *прибавлено*: Владимере. 9) пѣшо.

братия, кто знайдеть моего брата великого кнзя, живого, тои будет у нас первыи честью. — Скочили теды искати. И едны наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, вь одежды [1]) великого кнзя, убитого, другиі наѣхали [2]) кнзя Ѳеодора Семеновича Бѣлоозерского и розумѣли, ижь великий кнзь: бо быль ему подобен. А два — Ѳеодорь Саборь и Григории Холопищевь на правую сторону к дубровѣ скочили и, мало зьѣхавши з побоища, наѣхали великого кнзя Димитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣнию березовою. И знавши з коней, поклонилися ему. И зараз Сабор знову к войску скочиль и казал кнзю Владимеру: Великіі кнзь Дмитрей Іановичь живь и царствуеть. — З тоей новины всѣ кнзи і восводы, урадовавшися, скочили зараз на конех и, прибѣгши, упали на ногахъ его и мовили: Радуйся, давный Ярославе, радуйся, новый Александре, свѣтило земли рускои, звитяжцо врагов. — Великии зась кнзь ледве промолвиль: Скажите [3]), братия, што дѣется. — Рекль кнзь Владимерь: Млтию бжиею и пресвятыя Бцы и млтвами свтых мученикь Бориса и Глѣба, сродниковь нших, также свтля Петра и ншего вооружителя Сергия, звитяжены сут враги нши, а мы цѣлы. — Урадовавшися, великии кнзь рекль: Сей день, его же сотвори Гдь, возрадуемься і возвеселимься вонь. Хвалю тя, Гди Бже, и уповаю на тя во вѣки.

Глава вi. О поѣздѣ кнзя Димитрия межи трупами, о личбѣ забитыхь и о похованю ихь, о славномь вьѣздѣ в Москву и о погибели Мамаевой и Олговой и о соромотѣ Олгерда кнзя литовского.

Потомь всѣль на коня великіі кнзь Димитриі, поѣхаль на побоище, обачил много руских побитых, але четверако болшь поганых татаровь, лежачих. И рекль Волынцу: правдивая твоя примѣта, годен остес завше быти воеводою. — И почал великіі кнзь зь князями и зь воеводами ѣздити по всемь побоищу, наѣхаль мѣстьце, где лежали осмь кнзей забитых бѣлоозерьскихь,

---

1) одежди. 2) наѣхали — *нѣтъ*. 3) скажѣте.

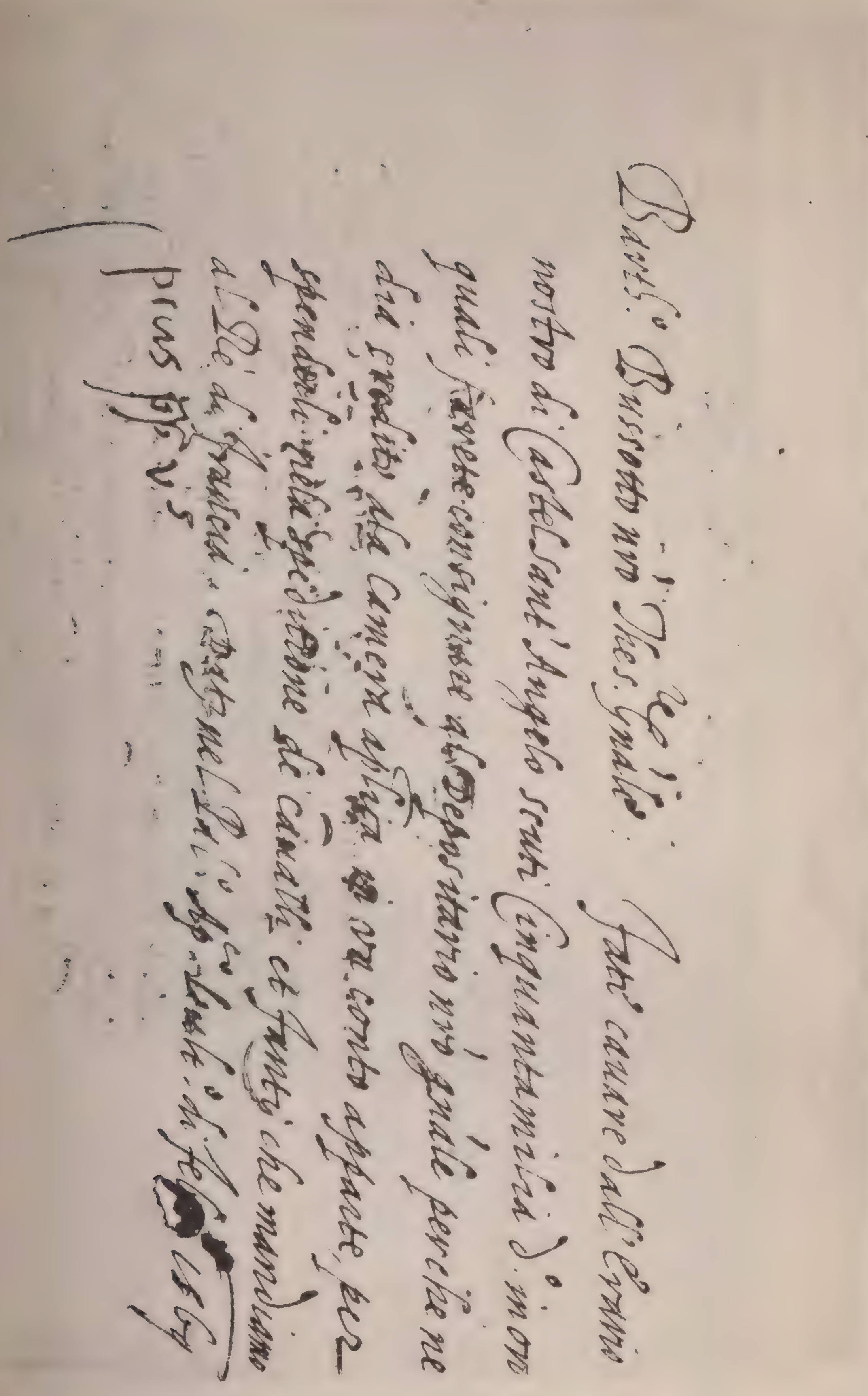
адинь за другого положеныхъ. Тут же близко лежить и Микула Василівичь. Плакал над пими великіі кнѣзь и мовил: Братия моя, кнѣзи и снове рускіі, если маете у Бга дерзновение, пострадавши [1]) за вѣру Хртву, помолитеся за пась. — Далеи ѣдучи, наѣхал своего наперсника Михайла Андрѣевича Бренника, подле его сторожа Семена Мелика і Тимоѳья Волуевича убиенныхь. Заплакавши, рекль: Любимая моя братия, кто такъ может за пана умерти, якь любимыи мои слуга Бренникь в моемь наряди вмѣсто мене за мене. Поѣхавши, на смерть есть забитый. — Знову рекль: О крѣпкии нашь сторожу Мелику, нашеѣ целости стерегучи, за нас голову свою положилес. — Далѣй поѣхал [2]), наѣхал чернца Пересвѣта и подле его знатного богатыря, албо рыцаря Григория Капустина [3]). И рекль до своих: Смотрѣте, братия, нашего починалника Пересвѣта, той бо, вѣмь, звитяжил подобного себѣ рыцера татарина, от которого всѣмь было пити горкую чашу. Затым росказал кнѣзь великии трубѣти вь трубу выборную на собране войскь, и такое [4]) трубене собралися всѣ звитязства, пѣснь спѣваючи. А гды собралися войски, ставши великии кнѣзь з радостию почал мовити: Кнѣзи рускіі, бояре мѣтныи, воеводы силныи и снове всей [5]) земли рускои, вамь подобаеть такь же служити и далей, а мнѣ з вашей службы тѣшитися, а скоро мене приведеть Бгъ на мою столицу, буду вась всѣхь годными дары даровати. Теперь каждый своих похавайте, жебы тѣла хрстиянскіі не были на прокормь звѣремь и пьтахомь. — И стоял великіі кнѣзь осмь дней за Доном, докол порозбирали тѣла хрстиянтия от поганскихь и поховали, а поганскии покинули звѣремь на покормь. Потомь рекль великіі кнѣзь: Зличѣте [6]), колко у кого воевод. — Отповѣдил Григорей Александровичь московскіі бояринь: У нась сорока боярь болших московских нѣть, а дватцати кнѣзей белозерских и тринадцати бояровь посадников новгородцкихь и четыредесяти бояриновь серпухов-

1) пострадавшіи. 2) поѣхавши. 3) Капустына. 4) на таковое. 5) всеѣ. 6) зличите.

скихь, дватцати боляринов переясловскихь, а дватцати пяти боляриновь костромскихъ, тритцать пять боляринов владимерских, осмь боляриновь суздалскихь, чтыридесят бояриновь муромскихь; тритцать боляринов ростовских, дватцать пять боляринов дмитровскихь, шездесять боляриновь зьвногородских, пятнатцат боляринов углицкихь, а всего войска дружины згинуло полтретьяста тысячь, и помиловал Бг̃ь землю рускую, осталося всей дружины войска сорокь тысячей и пять. Воздохнувши [1]), рекль: Братия, кн̃зи, воеводы, бояре і всѣ рыцери и молодыи сп̃ве рускиі, межи Доном и Днепром [2]), на Куликовѣ полѣ за землю рускую и за вѣру хр̃стиянскую побитыи, простите насъ, а вамь да будеть вѣчная память и венець живота вѣчного. — Тое вырекши, великиі кн̃зь Дмитриі Ивановичь [3]) з позасталыми кн̃зями, з болярами, з воеводами и з войском всѣмь зь славнымь звитязством, пошоль на свою столицу к Москве. — Безбожный зась цр̃ь татарскиі Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремь лежачого, Каѳы, тамь затаиль имя свое, [illegible] познаный забитый зосталь от Фрагь, зле животь скончиль. Ус[illegible]шавши тое все Олгердь кн̃зь литовскиі, иж великиі кн̃зь Дмитриі звитяжил Мамая, вернулся с соромомь великимь назадь. Олегь тежь резанскиі кн̃зь, также впавши вь орасунокъ великиі, зле свой животь скончиль, обратися болезнь его на главу его і впадеся вь яму, юже содѣла.

1) Великій княз вздохнувши. 2) Мечею. 3) Іваночъ.

a.



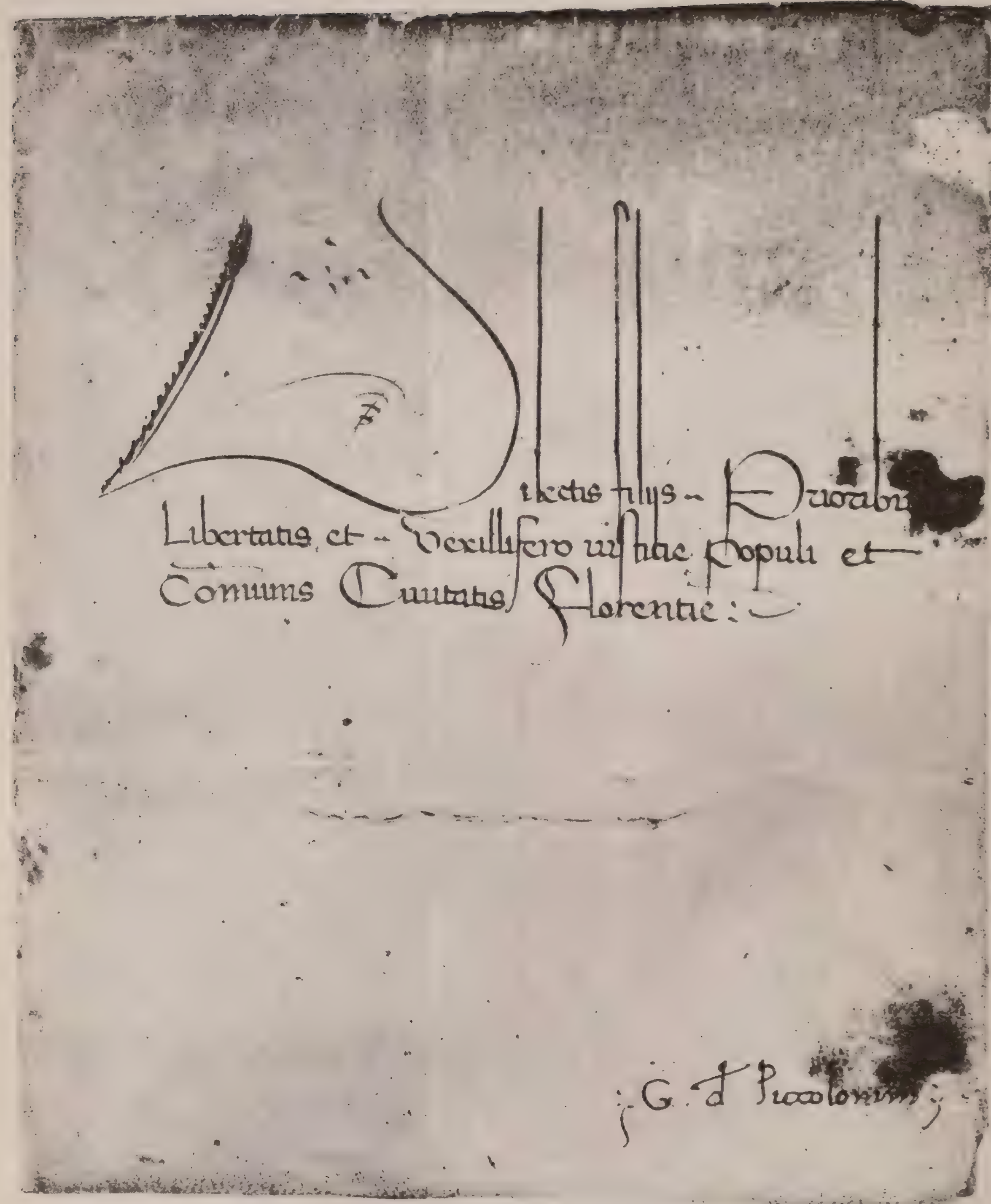
Bart.° Bussotto nro Thes. gnale. Farete cavare dall'Erario nostro di Castel Sant'Angelo scuti Cinquantamila d'oro quali farete consignare al Depositario nro gnale perché ne dia credito alla Camera apostolica a ora come appare per spenderli nella spedizione de cavalli et fanti che mandiamo al Re di Francia. Dat. nel Pal.° Ap.° ...

Pius pp. V.

Приказъ папы Пія V за его собственноручною подписью.

Таблица V.

b.



Dilectis filiis – Prioribus Libertatis et – Vexillifero iustitie Populi et Communis Civitatis Florentie :

G. de Piccolominibus

Адресъ бреве папы Пія II 1462 года.

Фототипія И. А. Кордовскаго и А. Ф. Дресслера. Спб. Б. Подъяческая 22.

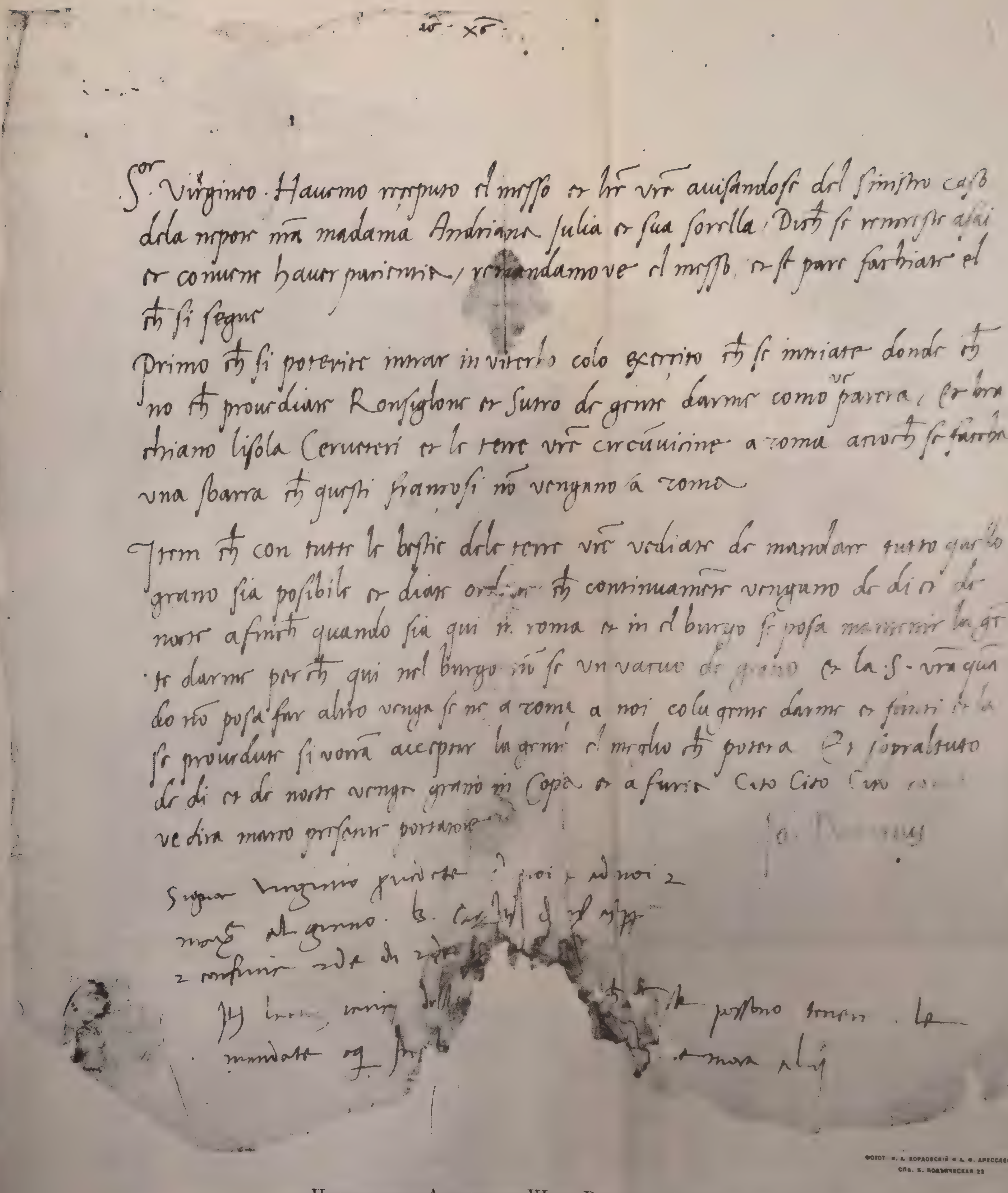
Pius pp iiij

Dilecta in Chr.o filia salutem, et Aplicam benedictionem. L'Armentiero ci hà si ben espresse le ure commissioni, che non potressimo restar più satisfatti di quello che semo restati de la filial osseruanza uostra uerso noi: et se ben non era necessario che ci uoleste con tanti testimonij far fede di cosa, de la quale erauamo certi prima che promouessimo al Cardinalato Mons.re di Granuela; ci è però stato grato questo uro amoreuole complimento, et l'accettamo ancora per un memoriale di farui de le altre gratie; come hauemo detto più à lungo al prefato Armentiero, à la cui relatione rimettendoci, con tal fine pregamo Dio N. S.re che ui conserui, et contenti di quanto desiderate. Datj Romae die. xiij. Julij. M. D. Lxi.

Madama d'Austria

Письмо папы Пія IV къ правительницѣ Нидерландовъ Маргаритѣ Австрійской.

Фототипія И. А. Кордовскаго и А. Ф. Дрезслера. Спб. Б. Подъяческая 22.



S.or Virginio. Havemo recepuro el messo et l(ette)re v(ost)re avisandose del sinistro caso
dela nepote n(ost)ra madama Andriana Julia et sua sorella. Dicti se remissi assai
et conviene haver patientia, remandamove el messo et se pare farbiate el
che si segue
Primo che si poterite intrar in viterbo colo exercito che se inviate donde che
no che provediate Ronsiglone et Sutro de gente darme como ve parera, et bene
...iano lisola Cervetteri et le terre v(ost)re circumvicine a roma accioche se fara
una sbarra che questi franzosi no vengano a roma
Item che con tutte le bestie dele terre v(ost)re vediate de mandare tutto quello
grano sia possibile et diate ordine che continuamente vengano de di et de
notte a furia quando sia qui in roma et in el burgo se possa mantenir la gen-
te darme perche qui nel burgo no se un vacuo de grano et la S. v(ost)ra quan-
do no possa far altro venga se ne a roma a noi colu gente darme et fin ...
se provedere si vorra accepter la gente el meglio che potera Et sopratutto
de di et de notte venga grano in copia et a furia Ceto Ceto Ceto ...
ve dira marco presente portatore

[illegible]

Письмо папы Александра VI къ Виржиніо Орсини.

ФОТОТ. И. А. КОРДОВСКІЙ И А. Ф. ДРЕССЛЕРЪ. СПБ. Б. ПОДЪЯЧЕСКАЯ 22

Forliviensis

Motu proprio etc. Hodie in Consistorio nostro secreto ut moris est ecclesia Forliviensis tunc per obitum bo. me. Petri episcopi Forliviensis extra Romanam curiam defuncti
pastoris solatio destituta de persona dilecti filii Bernardi Michelotii Canonici Florentini decretorum doctoris Referendarii nostri domestici in presbyteratus ordine constituti
de venerabilium fratrum nostrorum S. R. E. Cardinalium consilio apostolica auctoritate providimus ipsumque illi in episcopum preficimus et pastorem curam et administrationem ipsius ecclesie
Forliviensis sibi in spiritualibus et temporalibus plenarie committendo. Et insuper ut idem Bernardus statum suum iuxta pontificalis dignitatis exigentiam decentius
tenere valeat, secum ut etiam postquam vigore provisionis et prefectionis predictarum pacificam possessionem vel quasi regiminis et administrationis dicte ecclesie Forliviensis
ac illius bonorum seu maioris partis eorum assecutus fuerit Canonicatum et prebendam ecclesie Florentine necnon prioratum secularem [illegible] Abundii et Abundantii de Cenere ordinis S.
Benedicti congregationis Casinensis [illegible] dioc. qui curam [illegible] animarum ac parrochialem ecclesiam plebem nuncupatam S. Marie de Soara Civitatis Castelli dioc. quod in commendam
obtinet ut prius quoad vixerit etiam et bona mense Forliviensis eidem illi prefuerit retinere, necnon quascunque pensiones annuas sibi super quibusvis fructibus redditibus
et proventibus beneficiorum ecclesiasticorum assignatas etiam quoad vixerit ut [illegible] [illegible] libere [illegible] valeat motu simili dispensamus. decernentes Canonicatum et prebendam prioratum
et parrochialem ecclesiam predictam propterea non vacare ac commendas non cessare et pensiones huiusmodi extinctas non esse. [illegible] quoque etc. Ac volumus et
concedimus ut [illegible] per [illegible] Bernardum obtenta ac in quibus et ad que ius sibi competit illorumque qualitates invocationes situationes ac veros annuos valores
necnon pensionum huiusmodi qualitates cum summis [illegible] in litteris exprimendis seu in toto vel in parte pro expressis haberi ac harum distinctio
simul vel separatim etiam non facta mentione de aliis [illegible] videbitur expedire possit. Non obstantibus etc. sunt constitutionibus nostris de exprimendis valore
beneficiorum obtentorum per promotos ac ecclesiarum regimina in dispensationibus concedendis super huiusmodi beneficiorum retentione ac aliis constitutionibus et
ordinationibus apostolicis ceterisque contrariis quibuscunque. Absolventes eundem Bernardum a censuris ad effectum. Datum Rome in palatio apostolico
Sub annulo piscatoris Anno MDXVI. Die X. mensis Novembris Pontificatus nostri Anno quarto.

Ita est

Ja. Sadoletus.

Firman

Leo. pp. x

Hodie in Consistorio nro Secreto, ut moris est, Dilectum filium nrum Ioanem Scorum Cosme, & Damiani Diaconum Carlem de Salinatis ecclie Firman, quam bo: me: Franc: Eps Albanen Carlis Surrentin ex concessione, & dispensatione aplica in Administratione, dum uiueret, obtinebat, Administratione hmoi per obitum dicti F. Epi, qui in Roman Curia debitu nature persoluit cessante adhuc eo, quo ante administratione hmoi uacabat modo, quem etiam si ex eo quenis gnalis reseruatio etiam in corpore iuris Clausa resultet, haberi uolumus pro expresso, uacan Administratorem in spualibus, & temporalibus, quoad uiueret, etiam una cum Scorum Cosme et Damiani, que denominatio Sui Cardinalatus existit, & quibus uis alijs ecclijs, monasterijs, prioratibus, Prepositurijs, prepositatibus, Canonicatibus, & prebendis, ceterisque beneficijs ecclasticis cum cura, & sine cura, Secularibus, & quorum uis ordinum regularibus, que in titulum, & comendam obtinet, & in posterum obtinebit, ac pensionibus annuis, quas super quibus uis prouentibus, & beneficijs ecclasticis sibi assignatas percipit, & percipiet in futurum de Venlium fratrum nrorum S. Ro. Ecle Carlium consilio, & aplice potatis plenitudine aplica auctoritate constituimus, & deputauimus Curam, & administratione ipius Eclie firman sibi in spualibus, & temporalibus plenarie comitten, Itaque liceret sibi de fructibus etc disponere, alienatione etc Interdicta. In quorum fidem pntem Cedulam fieri, & Anuli piscatoris Sigilli iussimus impressione muniri. Datum Rome apud Sanctum Petrum Anno Incarnationis dominice M.D.XVII. Die VIII. februarij Pontis nri Ano quinto:

Ita est

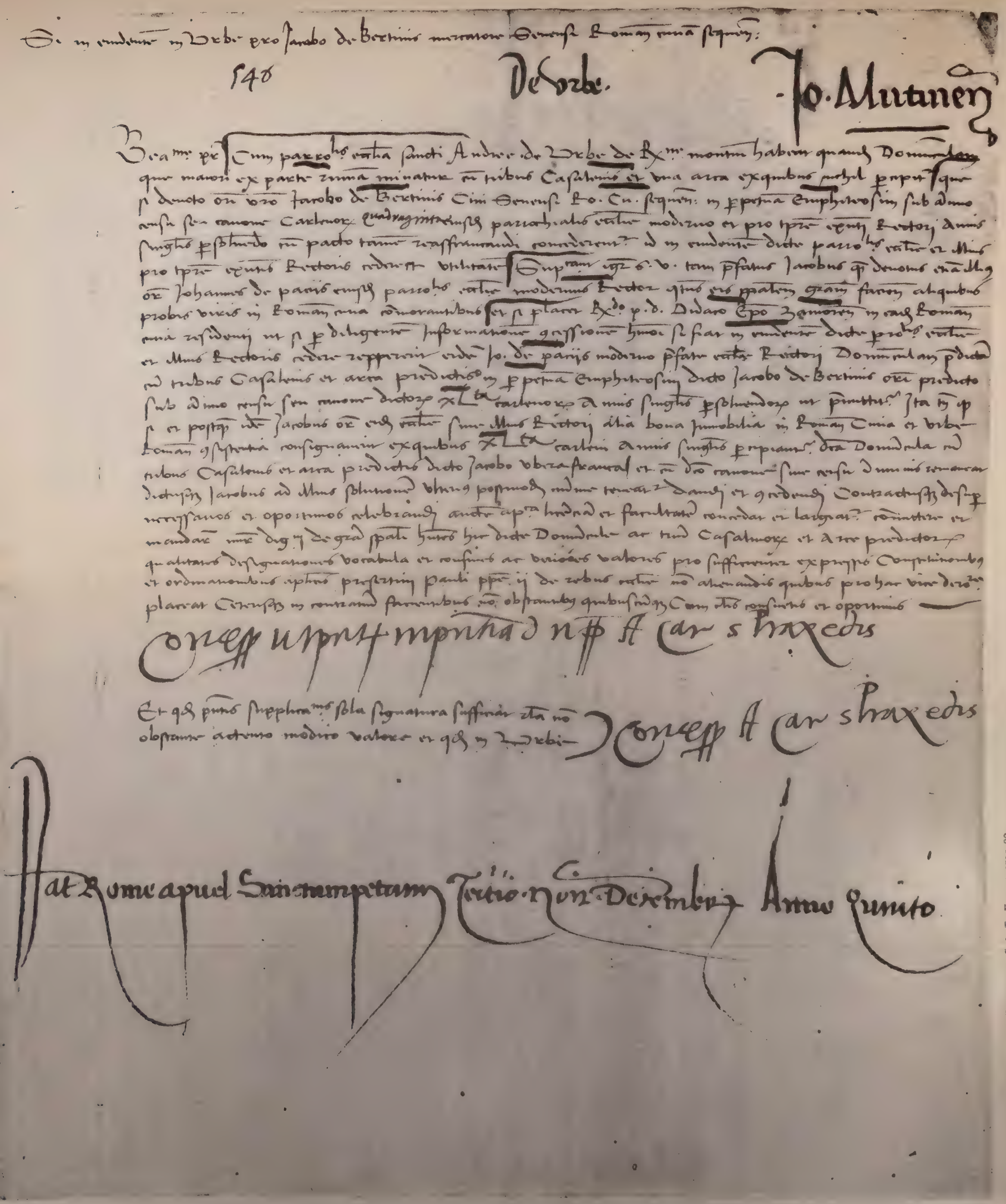
Bembus

9.

pius pp v[5]

Dilecte fili ac nobilis vir salm et apsticam bndictioez [illegible]
le cose di fraza no succedr co qla felicita che nuoi desid
et chiedeni qla Mta xpiama soccorso di 2000 cavali e 4000 f
anchor che gli habiamo dato tuotto ql aiuto che havemo
posuto de diari cogscen la grade unione tra tuotti heret
d' europa no ne par di dover manchar p il debito del carg
havemo sop benche deboli spale di aiutarli cu tuotti nri
forze a deprimer l'isoleza di ribelli d'iddio e di luor n
precipi e sigri e p che si come ne riferse il vesc di n
ni exhibitor di la pnte le huaiss e libal suoi [illegible]
ne e parso rimadarlo da v. e. di novo al qual dara c
isteza fed darebbe a nra psoa e di piu darni per vs.
quei paneri e gsei gl occorrano co suoa solita cordi
sicerita dio coservi e feliciti lui e tuotta suoa ill
casa di roma a di 30 di genao 1569

Собственноручное письмо папы Пія V къ герцогу Козмѣ Медичи.



Супплика 1496 года, подписанная въ присутствіи папы Александра VI кардиналомъ Антоніотто Паллавичини.

Литогр. П. А. Кордовскаго и А. Ф. Дрекслера. Спб. Б. Подъяческая 22.

Gregorius Papa xiij.

Beat^me Pr Cum deuotus or Tiberius Mandosius certis de causis animum suum mouen offitium procure Curiarum aplicar minoris gratie cuius emolumentorum dimidia pars est ab ipso officio separata et alteri assignata quod obtinet ac in prtia consensu et voluntate Justini etiam Mandosij eius patris decretum habentis et cui erat reseruata omnimoda disposicio dcti officij in manibus Sti. uel alterius ad id potestatem haben sponte et libere resignare proponat prout de prte resignat Supp. cat. igr humilr e.s.v. deuotus illius or Petrus et Mandosius Laicus bonerin ejus reby. nem hmoi admitten seu admisti mandan sibi spealem grandacien offitium prtium et promissis vacan cum oibus et singulis illius honoribus oneribus et emtis contuetis eidem ori concedere et assignare ipsumq in locum dcti Tiberij q uoad offitium hmoi substituere et surrogare aliorumq prorum Curiarum aplicar minoris gre numero et consortio fauorabilr aggregare eumdemq orem ex nunc ad offitium predict. necnon honores, onera et reliqua emolumenta ipsta in locum dcti Tiberij recipien et admitten fore ac recipi et admitti sibi de emptis integre rnden debere Joa tn quod dcts P. eorus offitium procure Curiarum aplicar minoris gre hmoi vendere resignare alienare eiusq fructus et emta exigere aut se in eo siue eis quouismodo intromittere durante vita Justini Mandosij eius patris et eodem Justino non consentiente nullatenus prout sed dcts Justinus offitium ipsum quandocunq sibi placuerit Petro in casu infirmitatis dcti Petri vendere resignare alienare de eo disponere ac fructus et emta quecunq et ex eodem offitio gmole prouenien per se uel prorem suum idoneum exigere et recuperare ac de exactis quietare necnon in suos vsus et vtilitatem conuertere nullo dcti Petri requisito consensu uel eo eodem Petro contradicen libere et licite posse et valeat — dummodo offitium ipsum per obitum uel priuationem dcti Petri vacet et vacare expectatur concedere et indulgere decernere et mandare dignemur de gra speali nonobstan eiusdem offitij seu Collegij cuius institue seu erectionis in aliquo obstet necnon constitbus et ordbus apostolicis ceteris contrariis quibuscunq cuiusctis offitio et consuetis Fiat ut petit V.

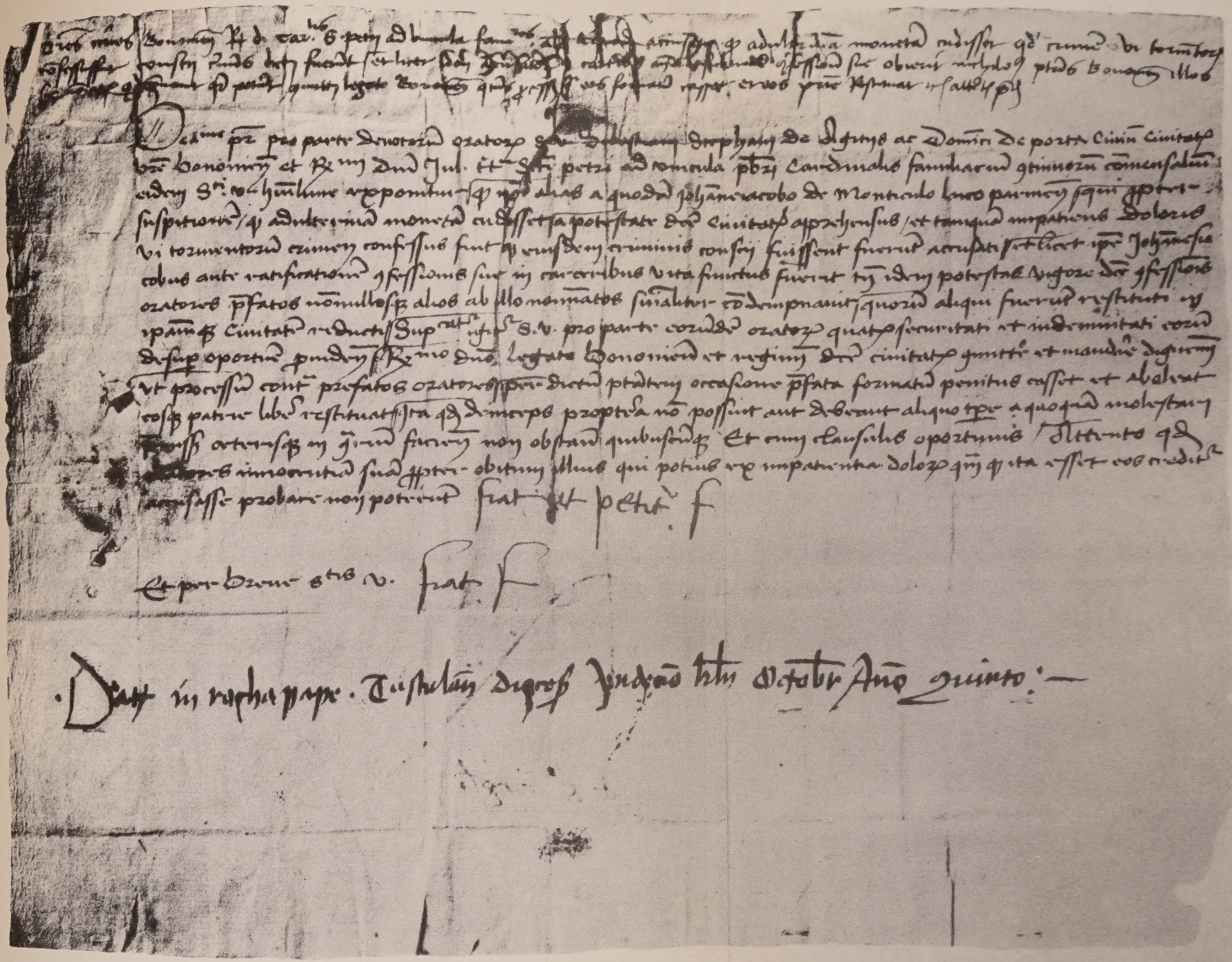
Et cum abne a cend ad effum & Et de admissione dcte resig.nis ac concessione assignacione substitucne surrog.ne aggreg.ne decreto et aljs promissis non supra quod prius suppm signatura sufficiat et vbig in Judicio et extra regula contraria quacunq — non obstan fidem faciat — Fiat V.

Dat Rome apud Sctum marcum Sextodecimo Kl. Octobr Anno Quarto

Sumptum ex regis supplicationi ap. et collac p me Sebm Stanini eiusdem regis Magistrum

Фототипія И. А. Кордовскаго и А. Ф. Дросселя. Спб. В. Подъяческая 22.

Оффиціальная копія съ супплики, подписанной папою Григоріемъ XIII 16 Сентября 1575 года.



Супплика, подписанная папою Сикстомъ IV 22 Сентября 1475 года.

фототипія И. А. Бордовскаго и А. Ф. Дрессера. Спб. Б. Подъяческая 22.